

Андрей Белый

Переписка 1902–1915

Эмилий Метнер

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Андрей Белый

Переписка

Эмилий Метнер

1902–1915

Том 1: 1902–1909

Андрей Белый.
Фотоателье П.Н. Барбашова.
Москва. 1904

Эмилий Метнер справа. 1904

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Андрей Белый

Переписка

Эмилий Метнер

1902–1915

Том 1: 1902–1909

МОСКВА/НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ/2017

УДК 821.161.1.09(044.2)
ББК 83.3(2=411.2)53-8
Б44

Публикация и комментарии А. В. Лаврова и Дж. Малмстада

Подготовка текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой

Вступительная статья А. В. Лаврова

Б44 **Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915.** Том 1: 1902–1909 / Вступ. статья А. В. Лаврова; подготовка текста, комментарии А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 744 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0685-2 (т. 1)
ISBN 978-5-4448-0687-6

Переписка Андрея Белого (1880–1934) с философом, музыковедом и культурологом Эмилием Карловичем Метнером (1872–1936) принадлежит к числу наиболее значимых эпистолярных памятников, характеризующих историю русского символизма в период его расцвета. В письмах обоих корреспондентов со всей полнотой и яркостью раскрывается своеобразие их творческих индивидуальностей, прослеживаются магистральные философско-эстетические идеи, определяющие сущность этого культурного явления. В переписке затрагиваются многие значимые факты, дающие представление о повседневной жизни русских литераторов начала XX века. Важнейшая тема переписки — история создания и функционирования крупнейшего московского символистского издательства «Мусагет», позволяющая в подробностях восстановить хронику его внутренней жизни. Лишь отдельные письма корреспондентов ранее публиковались. В полном объеме переписка, сопровождаемая подробным комментарием, предлагается читателю впервые.

УДК 821.161.1.09(044.2)
ББК 83.3(2=411.2)53-8

Передняя сторона обложки:
Андрей Белый в студенческом мундире. Фотография О. Ренара.
21 апреля 1903 © Государственный музей А.С. Пушкина
Задняя сторона обложки:
Андрей Белый в гостиной квартиры на Арбате. Зима 1900–1901
© Государственный музей А.С. Пушкина

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

*К истории взаимоотношений
Андрея Белого и Эмилия Метнера*

Огромное эпистолярное наследие Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева; 1880–1934) уже в значительной мере введено в читательский оборот. Отдельными томами опубликованы его переписка с А. А. Блоком, А. С. Петровским, Р. В. Ивановым-Разумником, а также письма Белого к А. Д. Бугаевой, М. К. Морозовой; в различных изданиях увидели свет переписка Белого с В. Я. Брюсовым, П. А. Флоренским, М. О. Гершензоном, его письма к А. М. Кожебаткину, С. М. Алянскому, П. Н. Зайцеву, В. Э. Мейерхольду, Г. А. Санникову, многим другим корреспондентам. Продолжавшаяся немногим менее пятнадцати лет интенсивная переписка Белого с Эмилием Карловичем Метнером (1872–1936), одним из его ближайших друзей и духовных спутников, многократно использовалась различными исследователями, щедро цитировалась, печаталась отдельными фрагментами[1], но оставалась неопубликованной в полном объеме. Между тем этот эпистолярный комплекс — один из важнейших, характеризующих личность и духовные искания Андрея Белого в период его литературного становления и в последующие годы, связанные с деятельностью символистского книгоиздательства «Мусагет». Столь же значима переписка с Белым и для осмысления образа Метнера — творческой индивидуальности, во многом недовоплощенной и недооцененной, но сыгравшей существенную роль в культуросозидательных инициативах начала XX века.

История взаимоотношений Белого и Метнера, во всей своей полноте отразившаяся в их переписке, являет собою подробную картину становления тесной дружбы, основанной на глубоком родстве интеллектуальных и духовных устремлений, и ее поступательного развития, прерываемого рядом кризисных,

---

[1] Самая ранняя из этих публикаций: *Nivat Georges.* Histoire d'une «tératogénèse» biélyenne (Les rapports entre Emilij Medtner et Andrej Belyj) // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1977. Vol. XVIII. No. 1/2. P. 93–132.

конфликтных ситуаций, которые, все более нарастая и усиливаясь, в конечном счете возобладают и приведут к полному разрыву. В череде конфликтов, разрушивших казавшуюся незыблемой дружескую связь, всякий раз обнаруживались конкретные причины и поводы, иногда серьезные и принципиальные, иногда мелкие и надуманные, но наряду с этими основаниями давали о себе знать и общие различия, заложенные изначально в духовно-психологических типах, культурных ориентирах и поведенческих темпераментах двух корреспондентов, которые рано или поздно, но неизбежно должны были обостриться. М. К. Морозова, близко знавшая их обоих, проницательно отмечала: «...между Метнером и Бугаевым было глубокое внутреннее расхождение, которого они, увлекаясь друг другом, не замечали и не думали, что оно должно, при близком соприкосновении, скоро обнаружиться. Метнер — западник, по характеру — немец, любящий порядок и определенность во всем, очень прямолинейный, не умеющий приспособляться к людям, страдал от каждого, казавшегося ему нелогичным, поступка Бугаева. А Бугаев, насквозь русский, эмоциональный, мягкий, увлекающийся, живущий в своем мире фантазии, мало чувствовал реальность жизни и, если с ней сталкивался, то страдал и бунтовал»[2].

Приступая к изображению Метнера в мемуарах, Белый указал на его литературное подобие — Стирфорта из романа Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда», с которым знакомится в Сэлем-Хаусе юный герой-повествователь и который становится для него объектом обожания и подражания: «К этому ученику, слывшему многоученым, к этому мальчику, бывшему лет на шесть старше меня и очень красивому, меня привели, словно к судье»[3]. Белый намечает параллель: «Тротвуд, юноша; и — Стирфорс, блеск талантов, старший товарищ Тротвуда; история друзей — себя повторяющий миф; у каждого бывает свой Стирфорс, свой блеск; жизнь отнимает Стирфорса; но сон о нем длится. Он — кипение юных сил

---

[2] *Морозова М. К.* Андрей Белый / Предисл. и примеч. В. П. Енишерлова; публ. Е. М. Буромской-Морозовой и В. П. Енишерлова // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 537.

[3] *Диккенс Чарлз.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 15. С. 104. Пер. А. В. Кривцовой и Евгения Ланна.

в нас; он — нас отражающее зеркало»[4]. Параллель между Белым — юным Тротвудом-Копперфилдом и Метнером — Стирфортом («встреча юноши с сильно вооруженным мужем, поражающим воображение»[5]), наглядная для ранней поры их взаимоотношений, могла бы быть прослежена и в дальнейших сюжетных перипетиях диккенсовского романа — в постепенном разрушении образа сотворенного кумира и драматическом финале.

Наряду с указанной самим Белым кажется в данном случае допустимой и другая параллель из мира классических литературных персонажей, способная, как представляется, дополнительно проиллюстрировать и свести к определенным архетипам всю гамму различий, которые намечаются между творческими индивидуальностями и психологическими обликами двух корреспондентов, — с пушкинскими Моцартом и Сальери (параллель, разумеется, с внутренним содержанием этих образов, а не с сюжетной коллизией «маленькой трагедии»). Подобно Сальери, Метнер осознает исключительность дарования Белого, равно как и то, что «бессмертный гений озаряет голову безумца», что Белый во всех своих жизненных и творческих самореализациях поступает «как беззаконная комета в кругу расчисленных светил», что легкость, поспешность и стремительность его действий и высказываний сплошь и рядом оборачиваются безоглядностью и безответственностью. Подобно Сальери, Метнер глубоко не удовлетворен собою и своими литературно-аналитическими опытами, результаты которых несоразмерны с возлагавшимися на них надеждами и затраченными усилиями («...я один с моей глухою славой»; «Усильным, напряженным постоянством // Я наконец в искусстве безграничном // Достигнул степени высокой»). С моцартианскими по своей сути свободными творческими импровизациями и вдохновенными фантазиями Андрея Белого контрастируют сальеристически окрашенные постоянные гнетущие мысли Метнера о собственной несостоятельности, об ограниченности отпущенных ему способностей, о тщетности попыток реализовать таящиеся в глубине своего существа задатки.

---

[4] *НВ*. С. 87.

[5] Там же.

Наконец, в определенном ценностном соответствии с пушкинскими героями — Моцартом, воплощенном гении, и «ремесленником» Сальери («Ремесло поставил я подножием искусству») — сложилась посмертная репутация Андрея Белого, признанного корифея русского символизма, и Эмилия Метнера, отодвинутого на периферию этого направления и воспринимаемого скорее как одна из многих фигур, образующих его фон. Лишь в последнее время реальное соотношение сил и дарований стало восстанавливаться и к личности Метнера пробудился пристальный интерес, свидетельством чего являются в первую очередь монография о нем Магнуса Юнггрена[6] и сборник работ, посвященных ему и его литературному окружению[7].

Восьмилетняя разница в возрасте, пролегавшая между 21-летним студентом 3-го курса естественного отделения физико-математического факультета Московского университета Борисом Бугаевым и его новым знакомым Эмилием Карловичем Метнером, поначалу, действительно, создавала определенную субординацию между ними, наподобие той, которая сказывалась в отношениях между юным Копперфилдом и «многоопытным» Стирфортом. Метнер к тому времени уже был ответственным чиновником, причисленным к Министерству внутренних дел. Родился Эмиль-Карл Метнер (Medtner) 7 декабря 1872 г. в Москве в обрусевшей немецкой семье евангелическо-лютеранского исповедания. Отец, Карл Петрович (Карл Август Веньямин) Метнер (1846–1921), был одним из директоров акционерной компании «Московская кружевная фабрика»; мать, Александра Карловна (Александрина Вильгельмина; 1843–1918), происходила из рода Гедике (Goedicke)[8],

---

[6] См.: *Ljunggren Magnus*. The Russian Mephisto: A Study of the Life and Work of Emilii Medtner. Stockholm, 1994 (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies of Russian Literature. Vol. 27); русский перевод А. В. Скидана: *Юнггрен Магнус*. Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001.

[7] См.: Russian Literature. 2015. LXXVII–IV. Special Issue. Эмилий Метнер: Жизнь, творчество, роль в культуре. Guest Editor: Monika Spivak.

[8] Э. К. Метнер подробно рассказал о семьях Метнеров и Гедике, переселившихся в Россию в конце XVIII — начале XIX в., в письме к П. Д. Эттингеру от 27 сентября 1921 г. (см.: Н. К. Метнер: Воспоминания. Статьи. Материалы. М., 1981. С. 290–300).

ее племянник — композитор и пианист, впоследствии профессор Московской консерватории Александр Федорович Гедике (1877–1957). В семье Метнеров Эмилий был старшим сыном, за ним следовали братья Карл, Александр (скрипач, альтист, дирижер, композитор), сестра Софья (в замужестве Сабурова) и самый младший брат, Николай, ставший выдающимся композитором и пианистом. По окончании московской 5-й гимназии (куда он перешел из 1-й классической гимназии) Эмилий Метнер в июле 1893 г. поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в мае 1899 г. с дипломом 1-й степени[9]. После этого он некоторое время находился на военной службе, в артиллерийских войсках (что, согласно его позднейшему признанию, «благотворно сказалось» на «физическом и духовном состоянии»[10]), затем занимался адвокатурой.

Параллельно с занятиями в университете началась и литературно-журналистская деятельность Метнера, отразившая его глубокий интерес к музыке — главному жизненному пристрастию. В 1894–1899 гг. Метнер помещает в газете «Московские Ведомости» — консервативном органе, где он был постоянным сотрудником, а в 1894–1896 гг. состоял помощником секретаря редакции, — корреспонденции, реферативные статьи, переводы, объединенные музыкальной тематикой (за подписями: Э. М., Эм.). В той же газете он опубликовал в 1896 г. (за подписью: М–р) цикл очерков о Турции и Болгарии, основанных на личных впечатлениях[11]. Оставшиеся нереализованными мечты о собственном музыкальном призвании, о карьере дирижера трансформировались в энергию, которую Эмилий Метнер вкладывал в формирование личности и профессиональное воспитание брата Николая, уже в юношеские годы обнаружившего незаурядные задатки крупного музыканта.

Редактором «Московских Ведомостей» в 1887–1896 гг. был историк и публицист С. А. Петровский. Его сын Алексей Петровский,

---

[9] Университетское дело Э. К. Метнера // ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 307. Д. 507.

[10] Цит. по: *Юнггрен Магнус*. Русский Мефистофель. С. 10.

[11] См. № 268, 272, 279, 282, 283, 296, 330, 345, 346. Подборка этих публикаций хранится в архиве Метнера (РГБ. Ф. 167. Карт. 21. Ед. хр. 5, 12); на внутренней стороне обложки записной книжки, в которую вклеены газетные вырезки, — пояснительная запись Метнера: «Мои первые газетные словоизвержения».

студент отделения естественных наук физико-математического факультета Московского университета, однокашник и друг Бориса Бугаева, сблизившийся с ним в первый год пребывания в университете, знал Метнера еще с гимназических лет и восхищался его дарованиями. В свою очередь и Алексей Петровский чрезвычайно заинтересовал Метнера своими мистическими и ортодоксально-религиозными устремлениями. Можно предположить, что мистические переживания и озарения юноши Андрея Белого, те порывы и настроения, которые он позднее обозначит формулой «эпоха зари», первоначально транслировались Метнеру через Петровского. В частности, в дневниковой записи Метнера от 17 января 1901 г. зафиксированы сформулированные Петровским суждения о сакральной символике цветовой гаммы, соотносимые с построениями относительно семантики и метафизики «священных цветов», которые развивал Белый в ряде статей и писем юношеской поры — в том числе и в письмах к Метнеру: «Алексей Петровский думает, что Бог — красный, Христос — розоватый, а человек — белый; что помимо Христа и Антихриста должен и очень скоро явиться на земле Утешитель; Тот, Утешитель как чистейший человек будет вполне белый. Ницше — бывает подчас белым; Метерлинк тоже, даже чаще; Диавол — тоже красный»[12]. Образ Утешителя, появившийся в этой записи, также отражает сферу «тайнозрительных» интуиций, в которой находили взаимопонимание Петровский и Белый; в «Симфонии (2-й, драматической)» Белого, создававшейся в том же 1901 г., один, погружающийся «в теософскую глубину», говорит другому: «Если красный свет — синоним Бога Отца, красный и белый — синоним Христа, Бога Сына, то белый — синоним чего?..»; там же — одна из ключевых фраз: «Ждали *утешителя*, а надвигался мститель…»[13]

Петровский представил Метнеру Бориса Бугаева в конце 1901 г., при случайной встрече на улице. Годы спустя Белый в мемуарах красочно живописал эту мимолетную сценку, обогатив ее обертонами впоследствии развившихся отношений: «Раз шли с ним (Петровским. — *Ред.*) арбатским районом; вырос стройный, эластичный

[12] РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 10. Л. 13.

[13] *Симфонии*. С. 130, 133, 134.

мужчина в карей широкополой шляпе, в зеленовато-сером пальто; бросились: узкая клинушком каштановая борода и лайково-красная перчатка, подымавшая палку, когда он остановился как вкопанный, точно внюхиваясь расширенными ноздрями тонкого носа и поражая загаром худого, дышавшего задором и упорством лица. <...> Настороженно вперились друг в друга; запомнилась поза Метнера: подозревающий задор, дразнимое любопытство, могущее стать и угрюмым молчаньем, и жестом детской доверчивости. Впоследствии мне казалось, что в миг первого столкновения на улице всплыл лейтмотив отношений, и бурных и сложных, где и пиры идей, и ярость взаимных нападок пестро сплетались до первого разговора, единственного, длившегося года в поединке взаимопроницания, признания, отрицания»[14].

Их следующая встреча после эпизода шапочного знакомства состоялась несколько месяцев спустя, в начале апреля 1902 г., на генеральной репетиции оркестра под управлением Артура Никиша в Колонном зале Благородного собрания: «...встреча и первый пристальный разговор с Э. К. Метнером на репетиции Никиша, определивший будущую дружбу»[15]. Белый поразился тогда глубиной и тонкостью, с какими Метнер интерпретировал исполняемую 6-ю симфонию Шуберта: «Я же разевал рот на комментатора никишевских комментарий не к це-дурной симфонии, а к европейской культуре, в лекции о которой он мне превратил репетицию Никиша простым подчерком музыкальных тем и их смысловым раскрытием в связи с философией»[16].

В свою очередь, Метнер в ретроспективной дневниковой записи от 16 сентября 1902 г. указал на другую ситуацию, послужившую началом его последующего сближения с Белым: «В первый раз я виделся с ним на заседании Психологического общества в память Вл. Соловьева. Это было мимолетно. Нынешнею весною Алеша (А. С. Петровский. — *Ред.*) затащил его ко мне, после того как узнал, что мы быстро сошлись на репетиции концерта Никиша, затем вышла в свет книжка А. Белого „Симфония", которую я начал

---

[14] *НВ*. С. 89–90.

[15] ЛН. Т. 105. С. 342.

[16] *НВ*. С. 92.

читать, не зная, что она принадлежит перу Бугаева, но среди чтения догадался, кто автор. Я ответил на визит, и мы сблизились еще больше»[17]. Видимо, об упомянутом «визите» говорится в письме Петровского к Метнеру от 16 апреля 1902 г.: «Не зайдете ли ко мне в пятницу вечером? У меня будет Бугаев. <…> Конечно, если Вам интересно поближе с ним познакомиться»[18].

«Симфония (2-я, драматическая)» — литературный дебют Андрея Белого — вышла в свет в апреле 1902 г. Обратил внимание Метнера на это произведение опять же Алексей Петровский, предлагавший ему в недатированном письме: «Не приобретете ли себе одну книжку: Андрея Белого: Симфония, цена 1 р. Она доставит Вам несколько с удовольствием проведенных часов. Если возникнут догадки относительно автора, пожалуйста, *держите их про себя*. Если встретите в 1 и 4 части два лица, напоминающих меня, то помните, что это *не я*, и у автора не было намерения изобразить меня. Вообще, эта вещь — шутка, не предназначавшаяся для печати, шутка, подчас доходящая до буффонады»[19].

В читательской аудитории «Симфония» почти единодушно была воспринята как очередная нелепая и претенциозная «декадентская» выходка. С пониманием этот экспериментальный образец новооткрытого Белым жанра — литературного повествовательного текста, выстраиваемого с ориентацией на структурные каноны музыкального произведения, — встретили лишь в символистской среде. Метнер сразу стал энтузиастическим поклонником этой книги. В воспоминаниях Белый передает его восторженные слова, полные впечатлений от только что прочитанной «Симфонии»: «„Симфонией“ дышишь, как после грозы…

---

[17] РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 50 об. — 51.

[18] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24. Пятница — 19 апреля.

[19] Там же. Упомянутые в письме персонажи «Симфонии» — Петковский и Поповский. Белый впоследствии пояснял: «…некто же „*пассивный и знающий*“, А. С. Петковский, просовывающийся в „*Симфонии*“, есть та сторона в А. С. Петровском, которая в то время влияла на меня в моем самоопределении в сторону ортодоксального православия; <…> а в Поповском отобразилась та сторона в А. С., с которой я в те дни боролся: своего рода „*esprit mal tourné*“ <„ум, направленный на дурное“ — *фр.*>, всюду видящий только соблазны диавола» (ЛН. Т. 105. С. 63–64). Тех же персонажей Белый истолковывает в письме к Иванову-Разумнику от 7 (20) ноября 1915 г. (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 59).

В ней меня радуют: воздух и зори; из пыли вы выхватили кусок чистого воздуха, Москва — осветилась: по-новому... „Симфония" — музыка зорь <...>»[20]. Более того: Метнер убежден, что у автора «Симфонии» впереди большое литературное будущее. 16 сентября 1902 г. он записал в дневнике: «Бугаев — высокий тонкий 21-летний студент. Голова его построена очень хорошо; она свидетельствует о способности этого колоссального ума со временем уравновеситься, стать „белым"; голова эта, в которой затылок и лоб поражают взятые в отдельности, но гармонируют вместе, есть голова оптимиста, жизнерадостного олимпийца, поэта и философа в одно время. <...> Бугаев — это для меня пробный камень русского человека. Если из него не выйдет чего-нибудь очень значительного, чего-нибудь более крупных размеров, нежели Влад. Соловьев, то я ставлю крест способностям русского человека. Так сильно, как он, никто из русских, кроме Пушкина и Лермонтова, не начинал. Его „Симфония" — гениальна»[21].

Осенью того же 1902 г. Белый вошел в круг семьи Метнеров, стал регулярно бывать в их квартире, которая уже тогда обретала черты одного из мест притяжения московской интеллигенции[22]. С 1896 г. для его самообразования и духовного самосознания главную роль играли Соловьевы — брат философа Михаил Сергеевич и его жена Ольга Михайловна. Теперь в жизнь начинающего писателя вошли в аналогичной роли Метнеры — и прежде всего Эмилий Метнер. О сентябре — октябре 1902 г. Белый вспоминает: «Все почти вечера провожу я у Метнеров в непрерывных беседах с Эмилием Метнером; эти дни — новое откровение музыки для меня; Метнер углубляет мое отношение к музыке, иллюстрирует свои мысли при помощи

[20] *НВ*. С. 93.

[21] РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 55 — 55 об.

[22] Ср. описание этого дома в воспоминаниях К. Л. Зелинского: «В семикомнатной квартире главы этой семьи, квартире, уставленной добротной мебелью, украшенной бронзой, картинами, множеством книг, в Большом Гнездниковском переулке — у Карла Петровича Метнера <...> собиралась по субботам и в воскресенье разнообразнейшая компания. Тут были писатели, поэты, коммерсанты, живописцы, музыканты, аристократические дамы из религиозно-философского кружка <...> дамы из благотворительного общества и литературных салонов. В этом доме, за гостеприимным обеденным столом, обычно царил старший сын К. П. Метнера Эмилий Метнер <...>» (*Зелинский Корнелий*. На рубеже двух эпох: Литературные встречи 1917–1920 годов. М., 1960. С. 126).

брата своего, пьяниста (впоследствии известного композитора), исполняющего ряд сонат Бетховена и Шумана. <...> Метнер впервые колеблет во мне шопенгауэровский подход к Канту и сосредоточивает мое внимание на Канте; он впервые мне приоткрывает подлинного Гёте; так, своим подходом к Бетховену, к Гёте и к Канту я обязан Метнеру <...>»[23]. Не менее значимым было для Белого знакомство с Николаем Метнером и его ранними произведениями в авторском исполнении; особенно сильное впечатление на автора литературных «симфоний» произвела фортепианная соната f-moll Н. Метнера, в которой он почувствовал глубинное родство с собственными творческими интуициями, уловил музыкальный эквивалент своим «симфоническим» настроениям.

Эмилий Метнер, безусловно, осознавал определенное внутреннее сходство между Белым и своим младшим братом. Не решившись двигаться по, казалось бы, предначертанной ему музыкальной стезе, он направил свои силы к тому, чтобы способствовать духовному воспитанию и профессиональному самоопределению и возрастанию Николая. Сблизившись с Белым и распознав его исключительные творческие задатки, Эмилий Метнер невольно стал выступать и в отношениях с ним в аналогичной роли, стремясь придать более четкие и осознанные формы, более тщательную огранку его стихийному, бурно выплескивающемуся дарованию. В приведенной цитате Белый указал на несколько культурных миров, которые стали раскрываться перед ним посредством менторских усилий Метнера, — на классическую немецкую музыку, на немецкую классическую философию (Кант; в союзе и противоборстве с ним Белый позднее станет воздвигать здание собственной теории символизма), на грандиозную фигуру Гёте — для Метнера величайшего из людей, населявших землю. К этим трем сферам следовало бы добавить еще одну, для Белого и Метнера в равной мере великую, — личность и творчество Ницше; о том, что фигура этого мыслителя и прорицателя всегда оказывалась для них обоих в эпицентре интересов и размышлений, наглядно свидетельствует их переписка[24].

[23] ЛН. Т. 105. С. 81.

[24] В архиве Метнера сохранилась рукопись выполненного им перевода с его предисловием исследования Пауля Юлиуса Мебиуса «О патологическом у Ницше» («Über das Pathologische bei Nietzsche», 1902) (РГБ. Ф. 167. Карт. 18. Ед. хр. 8).

Все эти культурные миры в совокупности образуют один глобальный мир, именуемый Германией. Убежденный германофил, Метнер активно способствовал формированию у Белого тех же культурных предпочтений; при этом германофильство сочеталось у Метнера, вполне в согласии с осознанием своего пограничного положения между двумя национальными общностями, с утверждением и почитанием русской самобытности, но в непременном содружестве с германским началом и с опорой на него. «Россия не может быть без Германии, и Германии тоже нужна Россия, — утверждал он. — Это — двоюродные братья»[25]. В «Воспоминаниях о Блоке» Белый аттестовал Метнера как «славянофильствующего кантианца»[26]. В русских писателях Метнер готов был находить подобия и аналогии писателям немецким, и Андрей Белый воспринимался им с привлечением таких параллелей: Новалис — «это немецкий Андрей Белый XVIII столетия… Конечно, не во всем»[27]; «…не видеть огромности этого русского Жана Поля и русского Новалиса и русского Hamann'a — значит быть… напрасно образованным»[28].

23 октября 1902 г. Эмилий Метнер женился на Анне Братенши (одним из шаферов был Белый) и сразу после этого уехал из Москвы в Нижний Новгород, куда еще летом того же года был назначен цензором. В связи с получением этой ответственной должности он писал А. С. Петровскому (10 июля 1902 г.): «Я рад только потому, что избавился от не только неподходящей, но и ненавистной адвокатуры, хотя и ценою удаления из Москвы от своих, от музыки, от Вас с Бугаевым»[29]. В Нижнем Новгороде Метнер постоянно находился с ноября 1902 г. по март 1906 г., когда вышел в отставку. Личное общение с Белым сменилось регулярной перепиской, в которой нашли продолжение и развитие обсуждавшиеся ранее темы, с наглядной полнотой воплотился круг интересов и проблем, занимавших обоих корреспондентов. Андрей Белый «эпохи зорь», мистик и визионер, теург и «жизнетворец», отобразился в этих

[25] Письмо к Эллису от 11 (24) октября 1911 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 17.

[26] *О Блоке*. С. 77.

[27] Письмо к Эллису от 21 февраля (6 марта) 1907 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 2.

[28] Письмо к А. Блоку от 20 февраля 1913 г. // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 217.

[29] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6.

письмах-исповеданиях, адресованных Метнеру, не менее полно и выразительно, чем в одновременно рождавшихся стихотворениях, «симфониях» и лирических статьях. Образы и символические построения, развернутые Белым в письмах к Метнеру, отражали становление его мифопоэтики и давали импульс собственно творческим опытам — как, например, письмо от 19 апреля 1903 г., в котором обрисовывались контуры «аргонавтического» мифа, положенного в основу неформального объединения молодых людей, по большей части сверстников Белого, разделявших его духовные устремления. Теоретизирования, затрагивающие сферу мистического богословия, рассуждения о различиях между теософией и теургией, выстраивания геометрических (или псевдогеометрических) схем, выводимых из открывшихся ему метафизических смыслов, аккумулированных в цветовом спектре, и т. д. — эти и многие другие темы, которые со всей щедростью и неуемностью развивает Белый в письмах к Метнеру, пройдя в них апробацию, находят свое дальнейшее развитие в его писаниях, предназначавшихся для печати («О религиозных переживаниях», «О теургии», «Символизм как миропонимание», «Критицизм и символизм» и др.); многие темы и интерпретации в дальнейшем не востребуются, и тем значимее их зафиксированность в эпистолярной форме.

В лице Метнера Белый со своими прихотливыми медитациями и пафосными откровениями обретает благодарного собеседника, стремящегося отвечать в унисон заданным мыслительным ритмам и трактовкам, развивающего их в том или ином направлении или порой, сдержанно и осторожно, вносящего существенные коррективы. Наиболее показательно в этом отношении подробное письмо Метнера, стоящее особняком в общем корпусе переписки, — ответ Белому на его статью «О теургии», который в свое время предполагалось опубликовать как полемическую реплику на ряд положений, обосновываемых в статье[30]. Даже на включаемые Белым

[30] Об этом намерении Метнер сообщает в письме к Эллису от 21 мая (3 июня) 1907 г., говоря о Белом: «Год тому назад он хотел (собираясь издавать *сборник* своих статей), взять у меня мое письмо, написанное в ответ на его „Теургию“ (*Новый Путь*. Сентябрь 1903), неотправленное и прочитанное им у меня в Нижнем, с тем чтобы напечатать его за своей статьей и присоединить свой ответ. Очень жаль, что печатание *сборника* отложено <…>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 7).

в письма или прилагаемые к ним только что созданные стихотворения Метнер, не будучи сам стихотворцем, пытается на свой лад реагировать, отвечая текстами Гёте и других любимых немецких классиков. Новые произведения Белого получают в письмах Метнера неизменно высокую оценку; не менее высоко оценивает он их «глубокий и чистый мистицизм» в письмах к Петровскому, хотя и выражает опасения относительно дальнейшей литературной судьбы автора «симфоний»: «Что Бугаев — гениален, — я с Вами согласен; но я боюсь, что „мировое“ значение может ускользнуть от него; „нуменальное“ может заесть его, и он не проявится достаточно полно и отчетливо»[31].

С января 1903 по октябрь 1904 г. Метнер постоянно печатался в екатеринославской газете «Приднепровский Край», которую в тот период редактировал его близкий знакомый Ф. А. Духовецкий; при содействии Метнера в ней была опубликована статья Белого «Интеллигенция и Церковь»[32]. Среди множества тем, затронутых в статьях Метнера, были отзывы о новейших изданиях русских символистов — о журнале «Новый Путь»[33], альманахе «Северные цветы»[34] и др. На фоне преобладавших тогда и в столичной, и тем более в провинциальной печати негативных и насмешливых оценок «декадентского» творчества высказывания Метнера по этому поводу представляли собой явление едва ли не уникальное. Он не только признает эстетическую значимость создаваемого символистской поэтической школой, но и решительно ниспровергает ее ниспровергателей — тех критиков и публицистов, коим имя — легион. В статье «Литература „новых“», содержащей обзор «Альманаха книгоиздательства „Гриф“» (1903) и апрельского номера «Нового Пути» за 1903 г., он заявляет: «Все нападки на „новое“ искусство (а не на отдельных бездарных или заблудших его представителей)

[31] Письмо к А. С. Петровскому от 26 апреля 1903 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7.

[32] Приднепровский Край. 1902. № 1680, 16 декабря; № 1682, 18 декабря. См.: *Лавров А. В.* Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 335–350.

[33] Приднепровский Край. 1903. № 1753, 10 марта; № 1756, 13 марта. Подпись: Э.

[34] Там же. 1903. № 1840, 9 июня; № 1841, 10 июня. Подпись: Э.

неминуемо рикошетом бьют самих же нападающих, раскрывая их непонимание не только *нового* искусства, но и художественного зерна в *старом*, ими превозносимом, искусстве. Эти враги „нового“ искусства, сами того не подозревая, враждуют с искусством вообще; они говорят о нем или как школьники — с точки зрения краткого учебника теории словесности, или как моралисты, богословы, политики, с точки зрения излюбленной ими тенденции. А главное, они хотят, чтобы все было разжевано до тошнотворной ясности самим художником; тогда они глотают легко, с удовольствием; таков их испорченный вкус; они-то и суть настоящие „декаденты“-упадочники; их эстетическая восприимчивость в упадке, а не искусстве, которое находится на пороге скорее ренессанса, нежели декаданса <…>»[35]. В своих конкретных оценках «нового» искусства в России Метнер довольно сдержанно отзывается о творчестве «старших» символистов, видя в нем уклон к «экстравагантному декадентизму», и приветствует искания «младших» символистов, руководствующихся философско-теургическими идеями, в которых он улавливает созвучие с философской эстетикой немецких романтиков. Высшим достижением отечественного «нового» искусства Метнер считает произведения Андрея Белого — «автора, несомненно, даровитейшего и оригинальнейшего из „новых“»[36].

Когда вышла в свет «Северная симфония (1-я, героическая)» Белого, Метнер отозвался на ее появление развернутой аналитической статьей «Симфонии Андрея Белого»[37]. Собственно «Северной симфонии» он коснулся в ней лишь мимоходом, отметив, что «материал ее (как самый сюжет, так и детали) менее интересен, менее сложен, менее жизнен, менее, наконец, возбуждает изумление перед талантливостью „симфониста“, нежели материал второй симфонии»[38], основное же внимание уделил рассмотрению ранее изданной «Симфонии (2-й, драматической)». Дав общую характеристику «симфонической» поэтики и основных

[35] Приднепровский Край. 1903. № 1864, 3 июля. Подпись: Э.

[36] Там же.

[37] Там же. 1903. № 2022, 15 декабря; № 2023, 16 декабря. Подпись: Э.

[38] Андрей Белый: pro et contra: Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. Антология. СПб., 2004. С. 43.

сюжетных линий и мотивов произведения (с явной установкой на «неподготовленного» к восприятию этой «причудливой книги» читателя), Метнер сосредоточил внимание на тех особенностях, в которых проявилось исключительное дарование автора: «Редкая наблюдательность, обнаруживающаяся в многочисленных подробностях, схваченных как бы невзначай, но выраженных метко и пластично, порою с неподражаемым и неподражательным самоцветным юмором, и в то же время взор, всегда устремленный в потустороннее, мимо и поверх всего наблюдаемого, — сочетание, которое придает воспроизведению окружающей действительности оригинальный символический оттенок»[39]. Отмечая насыщенность всего образного строя «симфонии» «своеобразным и высоким мистическим лиризмом», критик нащупывает и осмысляет те ее черты, которые определяют уникальное своеобразие и художественную ценность этого произведения: «Мотивы спаивают в одно целое фантасмагорию и повседневность; пробуя разобраться во впечатлении, с удивлением замечаешь, что первая является не менее, а иногда и более реальной, нежели вторая»; «...идея Вечности концептируется Андреем Белым не в форме холодной отвлеченности, аллегорически представленного абсолюта, способного иногда искусственно вызвать на время беспечальное, но безрадостное успокоение, <...> но в живых символах, голос которых, если уж кто раз услышал его, звучит неизменно, вечно — и не только в голове, но и в сердце...»[40]

К оценке «Симфонии (2-й, драматической)», на этот раз еще более ретроспективной, Метнер вернулся в 1912 г. в заметке «Маленький юбилей одной „странной“ книги (1902–1912)», приуроченной к десятилетию литературного дебюта Андрея Белого[41]. Принципиально новое в ней по отношению к ранней статье Метнера о «симфониях» — историческая дистанция, десятилетний творческий путь Белого, включивший и новые «симфонические» опыты, в частности 4-ю «симфонию» «Кубок метелей», которая, по словам автора заметки, «довела гениально созданные приемы

[39] Там же. С. 49.

[40] Там же. С. 50.

[41] См.: Труды и Дни. 1912. № 2. С. 27–29.

до головокружительной виртуозности, до микроскопической выработки самых утонченных подробностей, до своего рода словесного хроматизма и энгармонизма». На фоне новых свершений писателя значение его дебютной книги только возрастает: «...„Симфония драматическая“, как первый в литературе и притом сразу удавшийся опыт нового формального творчества, надолго сохранит свою свежесть, и год издания этой первой книги Андрея Белого должен быть отмечен не только как год появления на свет его музы, но и как момент рождения своеобразной поэтической формы. А те немногие, которые не ограничились в свое время тем, что отметили оригинальную и упрямую выдержанность формы, но схватили и символическое целое симфонии, конечно, никогда не в состоянии забыть ее „беспредметной нежности“»[42].

После полутора лет интенсивной переписки, укрепившей внутреннюю связь корреспондентов, состоялась их новая личная встреча: вторую половину марта 1904 г. Белый провел в гостях у Метнера в Нижнем Новгороде. Он приехал туда в состоянии острого психологического срыва, к которому пришел по мере развития любовной связи с Ниной Петровской, и десять дней, проведенных в перманентных беседах с Метнером, оказали на него, как он признается в мемуарах, целительное воздействие: «Такое чудесное перерождение — действие Метнера: стиль дирижированья, произведенного твердой рукой во все мелочи быта, которым сумел он обставить меня, и культурой, которую, точно ковер-самолет, развернул передо мной <...>»; «...почувствовал, что я и молод, и жизнь впереди еще, и много радостей будет <...> с живой благодарностью другу внимал, наблюдая его <...>»[43].

Со своей стороны, Метнер не мог не уловить дисгармонических оттенков в поведении и самоощущении своего друга, которых при встречах полуторагодовой давности не наблюдал; в письмах к Петровскому, отправленных после визита Белого, он вносил определенные коррективы в ранее сформированный образ: «Его гений начинает принимать в моих глазах очертания довольно определенные. <...> Я много наблюдал за ним. У него

---

[42] Андрей Белый: pro et contra. С. 340, 341.

[43] *НВ*. С. 337–339.

есть опасные стороны. Вкратце и поверхностно скажу, что гений Бугаева не гётевского (и не пушкинского), а шиллеровского (и лермонтовского) типа. <...> Много надо ему учиться, работать; необходимо ему позаботиться о *теле*, о мускулах... Я ему обо всем этом говорил» (1 апреля 1904 г.); «Во время его пребывания я много наблюдал за ним. Очень интересно (хотя крайне безвкусно, варварски-декламаторски, необузданно) — он *читает* стихи вслух. У него есть мотив, свой оригинальный напев, и это — напев вырождения. Важна мертвенность (не бледность, а безжизненность) его лица, когда он устал. Конечно, все уставшие похожи друг на друга; они тогда обнаруживают свое вырождение, не могут его скрыть. Нет! Бугаев еще не тот, кого я жду от России! <...> Я его очень, очень люблю и дорожу его дружбой» (26 апреля 1904 г.); «Вот в Бугаеве есть... трещина и притом не периферическая только. <...> Ему необходим очень здоровый физический и психический режим. Я бы рекомендовал ему спорт и в гимнастике и в интеллектуальных занятиях. В течение 10 лет ему необходимо стараться быть позитивным, поверхностным, посюсторонним; варваризировать себя в мистическом отношении и утончать в эстетическом, вообще жить» (27 апреля 1904 г.)[44].

Ясно, что нижегородское совместное проживание позволило Метнеру различить те особенности личности Белого, которые недостаточно сказывались в переписке, тематически почти абстрагированной от ситуаций и проблем, рождаемых житейской повседневностью. Образ восторженного мистического юноши, стихийного гения усложнился, обнаружил драматические внутренние противоречия и изъяны; новые творческие опыты наиболее даровитого, по мнению Метнера, представителя «нового» искусства в России оказались не достигающими уровня, заданного его дебютной 2-й «симфонией» (в частности, большие претензии по части стиля и увлечения «декадентщиной» вызвала первая книга стихов и лирической прозы Белого «Золото в лазури»[45]). «Учительная» установка, изначально определившаяся в отношениях с Белым, диктовала Метнеру задачу духовной опеки над

[44] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 8.

[45] См.: Э. <Метнер Э. К.> Поэзия и критика // Приднепровский Край. 1904. № 2179, 1 июня.

незаурядным, но подверженным сторонним разрушительным воздействиям талантом, стремление сообщить творческим потенциям писателя энергию целеполагания и мужественную силу.

Одним из главных героев в общении и переписке Метнера и Белого стал Фридрих Ницше — личность, исполненная в сознании Метнера огромной культуросозидательной мощи, вознесшая искания и осуществления германского духа на новую высоту; личность, вызывавшая преклонение и у Белого, получавшего от нее огромный творческий импульс к собственным теургическим исканиям и устремлениям. Так или иначе, зримо или незримо Ницше присутствует в большинстве писем, составляющих их переписку первой половины 1900-х гг. В размышлениях Метнера Ницше — прообраз Андрея Белого; это одновременно — и очень высокая аналогия, поскольку автор «Заратустры» располагается в системе ценностей аналитика-германофила в одном ряду с величайшими выразителями немецкой культуры Гёте, Кантом и Вагнером, и аналогия, критически окрашенная по отношению к Белому, пока не сумевшему достичь желаемой полноты самореализации и конгениальности своему прототипу. «Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) — колокол с надтреснутым звуком, — писал Метнер Петровскому 15 сентября 1905 г., — он может звучать целое столетие и умилять несколько поколений, но это не... Иван-Царевич и даже (далеко!) не Фридрих Ницше; пожалуй, Фридрих Шиллер, хотя и последний гораздо здоровее, чем о нем обыкновенно полагают»[46]. Парируя, видимо, некогда брошенную эмоциональным Г. А. Рачинским реплику о том, что в Белом угадывается новый Шекспир, Метнер замечал: «...находятся чудаки, которые думают, что Вильям может повториться, и даже готовы признать такового в гениально-хрупком Бугаеве. Это весьма и весьма наивно. Борис Николаевич гораздо больше, чем о нем думает даже знакомая с ним толпа, но и гораздо меньше, нежели это кажется Рачинскому...» И далее Метнер проводит сравнение Белого с молодым Ницше — не в пользу первого: «Бугаеву — 24 г<ода>; он не из тех, которые развиваются медленно <...> Борис Николаевич еще не нашел и еще не показал нам столь отчетливо своих „элементов“; пока Борис Николаевич проделывает

[46] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 9.

с ницшеанством то, что Шиллер проделал с кантианством. Переводит его на *русский* язык, на язык *своей* поэзии, на язык *своего* неохристианства, на язык *своей* (критической) мистики и т. д. — Во всех своих движениях Борис Николаевич обнаруживает из ряда вон выходящую индивидуальность, но своих совершенно своих Urelement'ов, выявленных с полною наглядною пластичностью (как мы это видим совершенным в Geburt der Tragödie), — пока еще в нем налицо нет; точно также нет еще и мастерства; нет еще закругленности, все угловато… как первые драмы Шиллера. — Нет тоже (как и в этих драмах) и вкуса. <…> Итак, дорогой Алексей Сергеевич, будем *ждать* русского Ницше, а пока беседовать с Андреем Белым; это крайне ценное и редкое удовольствие…»[47]

К 1905–1906 гг. относятся предварительные заметки Метнера к его ненаписанной книге об Андрее Белом, которую он предполагал озаглавить «Андрей Белый в свете своих произведений». В этих кратких заметках по-прежнему преобладают аналогии, в том числе с немецкими классиками — опять же Шиллером, а также Гёте и Жан-Полем (И.-П.-Ф. Рихтером). Единичные и разрозненные мысли, зафиксированные Метнером, еще не позволяют очертить контуры общего замысла, однако ясно, что фигура Белого располагалась для ее интерпретатора в самом высоком ценностном регистре:

> Шекспир несвободен от варварства; Бутаев несвободен от варварства; Брюсов — скиф, несмотря на всю точеность своей поэзии.
>
> ---
>
> Существуют в русском языке только две прозы: Пушкина (Брюсов) и Гоголя (Бугаев). Лермонтов — только эпистолярный стиль, т. е. намек на стиль или узаконенное бессилие.
>
> ---
>
> Соответственно в Германии: Гёте и Рихтер. Шиллер — смесь его стихотворений с кантианством.
>
> ---
>
> В Бугаеве замечательно то, что он не сочетал, подобно многим иным мистикам-поэтам, как швед Стагнелиус (1793–1823), мистицизм с эротизмом.

---

[47] Там же. Упомянута первая книга Ницше «Рождение трагедии» (1872).

На нас лежит обязанность выяснить себе наше отношение к Богу. Молчанием этого вопроса уже не обойти. (Бугаев).

---

20 марта 1906 г. Бугаев сказал мне третьего дня, что в своих последних статьях он срывает синтезы, для чего притворяется, что становится на сторону синтезирующего. Это может себе позволить только гений.

Подобно Гёте и Ж. П. Рихтеру, Андрей Белый находит приложение и дает место в своем произведении всей свободной наличности своей духовной казны, начиная с мельчайших наблюдений обыденной действительности и кончая высочайшими восхождениями метафизической мысли[48].

К статье (или книге о Бугаеве)

Бугаева нельзя сравнивать с его сверстниками. Это не в обиду им будь сказано. Брюсов — поэт, только поэт и больший мастер слова, Иванов — лучший теоретик в высоком смысле этого слова, Блок — более наивно-непосредственный лирик. Но все они, будучи выше в отдельных отношениях, несравненно уступают Бугаеву как цельные явления.

<…> Пикантное кантианство бугаевских симфоний и осязательность их фантастики.

Гейне сказал бы: пикантианство Бугаева[49].

Что касается Андрея Белого, то тональность своих взаимоотношений с Метнером в их раннюю пору он запечатлел в стихотворном цикле «Старинный друг», в полном объеме впервые опубликованном в «Золоте в лазури» (1904). Цикл посвящен Метнеру; на долгие годы определение «старинный друг» применительно к нему будет возникать в переписке с Белым, то в своем прямом смысле, то — в моменты конфронтации — в смысле ироническом и даже саркастическом. Белый воспевает мистический союз двух созвучных душ:

---

[48] РГБ. Ф. 167. Карт. 18. Ед. хр. 26. Л. 7, 20, 13 — 13 об.

[49] РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 17. Л. 1.

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Ты пел слова божественной молитвы.
Ты вел меня торжественно в чертоги.

Надев одежды пышнозолотые,
мы, старики, от счастья цепенели.
Вперив друг в друга очи голубые,
у очага за чашами сидели[50].

Неизбежное расставание («Мы осушили праздничные чаши. // Мы побрели в гроба, сложивши руки») скрашивается томлением по новой встрече со «старинным другом», которая происходит за порогом Вечности:

Друг другу мы блаженно руки жали.
Мой друг молчал, бессмертьем осиянный.
Две ласточки нам в уши завизжали
и унеслись в эфир благоуханный.

Перекрестясь, отправились мы оба
сквозь этот мир на праздник воскресенья.
И восставали мертвые из гроба.
И раздавалось радостное пенье[51].

Еще в пору пребывания Метнера в Нижнем Новгороде Белый, уже пользовавшийся известностью и признанием в кругу московских символистов, способствовал вхождению своего духовного наставника и «старинного друга» в столичную литературную среду. Метнер стал выступать в амплуа музыкального критика в начатом изданием в Москве с января 1906 г. символистском ежемесячном журнале «Золотое Руно» под «вагнерианским» псевдонимом Вольфинг; использовать образ из «Кольца нибелунга» предложил Белый (1 февраля 1906 г. Метнер записал в дневнике: «В № 1 „Золотого Руна“ от 1906 года помещена моя заметка об операх Рахманинова за подписью Вольфинг. Этот псевдоним мне

[50] *СП — 1*. С. 137.
[51] Там же. С. 140.

дал Борис Николаевич»[52]). На протяжении четырех лет издания «Золотого Руна» в нем регулярно появлялись статьи и корреспонденции Метнера-Вольфинга на музыкальные темы, позднее составившие основу его книги «Модернизм и музыка».

В 1906 г., по окончании своей цензорской службы, Метнер возвратился в Москву, где его регулярные встречи с Белым возобновились. Выход в отставку и отказ от продолжения дальнейшей карьеры на государственной службе явились следствием глубокого перерождения убеждений главным образом под воздействием бесславной Русско-японской войны и революционных катаклизмов 1905 года. Начинавший свою служебную деятельность в консервативнейших «Московских Ведомостях», Метнер пришел к глубокому разочарованию в правящем режиме и к решительному неприятию и отторжению всех идеологических инстанций, его поддерживавших. Перспективы развития России при сохраняющемся государственном устройстве представляются ему безнадежными: «...в Нижнем виднее обнаженнее вся отчаянность положения и вся глубина нравственного падения нации; что же это такое? Что это за народ, который все терпит и не революционирует. Никакой активности, совсем как и на войне! Внизу варварская земляная неповоротливость, растительная пассивность, а наверху космополитическая дряблая нервная сутолока беспомощной и лишенной творческих сил интеллигенции. Где же Россия? Где??? Самодержавие — черная сотня. Православие — безграмотный и впавший в рамолисмент кронштадтский юродивый»[53]. Этим настроениям Метнера были вполне созвучны идейные установки Белого, разделявшего в 1905–1907 гг. самые радикальные взгляды; для его революционных устремлений этой поры, не имевших четкой общественно-политической определенности, характерно прежде всего неприятие «умеренных» либеральных программ и сочувствие анархическому максимализму.

Тогда на фоне революционных волнений разворачивалась и личная драма Белого, рожденная его неразделенной любовью

[52] РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 199. Ср.: *НВ*. С. 94. См.: *Семкова А. П.* Музыкальная критика Эмилия Метнера в контексте символизма // Русский символизм и мировая культура: Сб. науч. тр. Вып. 3. М., 2009. С. 166–172.

[53] Письмо к А. С. Петровскому от 17 мая 1905 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 9.

к Л. Д. Блок и способствовавшая переживанию им глубокого духовного кризиса. «Разбитие „*мистерии*" в личной жизни»[54] было одним из проявлений разочарования в прежних мистико-теургических идеалах; крах любовного чувства оборачивался внутренней трагедией вселенского масштаба. «Белый страдал неслыханно, переходя от униженного смирения к бешенству и гордыне, — кричал, что отвергнуть его любовь есть кощунство», — вспоминает Ходасевич[55]. И в этом плане между Белым и Метнером обнаруживается параллель, с тою разницей, что драматическую личную ситуацию, которую Белый выплескивал в общении с близкими и дальними знакомыми, не щадя эмоциональных усилий, Метнер переживал латентно; долгое время о положении дел не знали даже его родители. Речь идет о возникшей в 1904 г. любовной связи между его женой Анной и обожаемым младшим братом Николаем, рождении ею от деверя мертвого ребенка и их последующей фактически семейной жизни. В дневнике Метнер записал, что чувствует себя в буквальном смысле потесненным у рояля своим братом[56]; он безропотно отнесся к сложившемуся положению вещей и в дальнейшем длительное время удовлетворялся ролью спутника, третьего при новой супружеской чете. Вероятно, Эмилий Метнер, с детства подверженный невротическим переживаниям, регулярно страдавший психопатическими недугами, воспринял эту метаморфозу с глубоким ущербом для своего внутреннего состояния. Постоянным для него было осознание незначительности достигнутого им, неосуществленности своего жизненного предназначения, и с годами эти настроения только

[54] Письмо Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 495.

[55] *Ходасевич В. Ф.* Некрополь: Воспоминания. Bruxelles, 1939. С. 73.

[56] См.: *Юнггрен Магнус.* Русский Мефистофель. С. 22–23. В воспоминаниях М. К. Морозовой излагается иная версия этой ситуации: «Близкие Метнерам люди говорили мне, что Эмилий Карлович женился на Анюте для того, чтобы передать ее Николаю Карловичу и что, имея это намерение, он не был ее мужем. Он сделал это для брата, и тем они отвлекли внимание родителей, которые были настроены непримиримо к браку Коли с Анютой. Мне этого Эмилий Карлович не рассказывал, но я это вполне допускаю, зная любовь Эмилия Карловича к брату и его пессимистическое отношение к собственной жизни» (*Морозова М. К.* Мои воспоминания / Публ. Е. М. Буромской-Морозовой // Наше наследие. 1991. № 6 (24). С. 105).

усугублялись. В исповедальном письме к отцу от 23 ноября (6 декабря) 1908 г. он прямо говорит об «ужасе и безотрадности моей жизни»: «Мой трагический переход длится 25 лет, т. е. с момента поступления в гимназию. Я никого не обвиняю; но я не виноват, что устроен природой не так, чтобы безнаказанно пройти через все мытарства нашей европейской и в особенности русской антикультуры (учебной, нравственной или, вернее, безнравственной, религиозной и государственной). <...> Я — смесь активности и пассивности; Бугаев меня определяет, как adagio agitato, а Мельников говорил, что в моем темпераменте есть и сангвинический и флегматический элементы. Эта пассивность, флегма, — все равно — отчасти виновата в том, что я терпел гимназию почти безропотно, <...> что я пошел на юрид<ический>, а не на филол<огический> факультет, что я, чувствуя вред редакции, не уходил из нее, что не последовал совету Корещенки и не занялся в 1895 г. музыкой, и во многом, многом другом»[57].

Отягощенный собственными психологическими комплексами и втайне, видимо, глубоко страдавший от своей семейной коллизии, Метнер со всей остротой переживал мучительную личную драму Белого. Воспринимал он ее настолько остро, что, будучи в своем житейском поведении всегда безупречно корректным, решился пренебречь нормами этикета и рискнул вмешаться в чужую интимную сферу. Сохранилось в первоначальном черновом варианте его письмо к Л. Д. Блок, относящееся, видимо, к концу декабря 1907 г. или 1909 г.[58]:

---

[57] РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 36. Упоминаются Андрей Павлович Мельников (1855–1930), нижегородский краевед, сын прозаика и этнографа П. И. Мельникова (Андрея Печерского), и композитор, пианист и дирижер Арсений Николаевич Корещенко (1870–1921).

[58] РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 5. Печатается по автографу. Письмо (с купюрами) опубликовано в составе статьи Ю. Е. Галаниной «Андрей Белый и Л. Д. Блок: К истории отношений» (Андрей Белый в изменяющемся мире: К 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 57–58) с неверной датировкой: конец 1906 г. Однако в письме Метнера говорится о его предстоящем в январе приезде из Москвы в Петербург, в то время как он в декабре 1906 — январе 1907 г. жил в Мюнхене, а Белый (Метнер планировал совместный приезд с ним) тогда находился в Париже. В ответном письме от 9 января (надо полагать, 1908 г.) Л. Д. Блок упоминает прошлогоднее письмо к ней З. Н. Гиппиус на ту же тему — письмо от 25 декабря 1906 г., опубликованное в названной статье Ю. Е. Галаниной (С. 54–56). Если же

Глубокоуважаемая Любовь Дмитриевна!

Вам пишет лично незнакомый с Вами, вмешиваясь при этом в дело чрезвычайной интимности. Оправданием этого нетактичного поступка служит сознанная нравственная обязанность не пропустить ничего, чтó могло бы спасти лицо, мне близкое, лицо (это гораздо важнее) бесконечно ценное. Речь идет о Бугаеве. Ваши отношения развивались в то время, когда я жил вне Москвы, и он начал более откровенно говорить мне о них, когда они уже были прерваны. Разумеется, он не сказал, да и не мог сказать мне всего. Я вынес из сообщенного мне такое впечатление, что между Вами и моим другом произошло нечто до крайности сложное и хаотичное, вот почему я всегда далек был от решительных обвинений той или другой стороны; я одинаково скорбел и о нем и о Вас, представленной мне существом необычайным. Годы шли, и мне стало казаться, что все отошло в прошлое. Смущал меня только явный «монотеизм» Бугаева, который он обнаруживал, всякий раз как заходила речь о любви. Поэтому я был очень обрадован, когда Бугаев весною заинтересовался одной очень даровитой и красивой девушкой. Но это увлечение было мимолетно, и неожиданным, хотя и психологически вполне понятным результатом его оказалось полное восстановление его чувства к Вам со всей прежней силой, напряжением и горячностью. Это не каприз и не припадок; с начала лета, т. е. более полугода, Бугаев невыразимо страдает, неустанно и с ожесточением работает, чтобы заглушить боль; но это удается ему все реже и реже и чувствует он себя все хуже и слабее; глядя на него, нельзя не усомниться в победе его над собою; да и что даст ему эта победа: купленная ценою лучших сил, утраченных навсегда. Кроме того, победить не значит искоренить и ничто не служит

под упоминаемой Метнером девушкой, которой увлекся Белый «весною», подразумевается А. А. Тургенева, то письмо следует датировать декабрем 1909 г., ответное письмо Л. Д. Блок — 9 января 1910 г., а отнесение ею письма Гиппиус к «прошлому году» истолковать как ошибку памяти. О том, что Белый надеялся на возобновление близких отношений с Л. Д. Блок годы спустя после того, как она осенью 1906 г. решительно отвергла его притязания, свидетельствует Эллис, в письме к Э. К. Метнеру от 21 января (3 февраля) 1914 г. сообщавший о Белом в связи с его совместным с А. А. Тургеневой заграничным путешествием в конце 1910 г.: «Мне подлинно известно, что за неделю до его поездки с Асей в Египет он тайно послал письмо г-же Блок, где уверял, что любит ее одну и готов всё в жертву ей принести. Последняя, конечно, *не* ответила!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 28).

ручательством новых и новых возвратов чувства. Если бы он был обыкновенным человеком, но только мне близким, я бы сказал: Вы можете спасти его, если захотите. Теперь же я скажу: Вы обязаны это сделать, если считаете его хотя бы наполовину столь ценным явлением, каким его считают многие, в том числе и я.

Я хочу выразить этим, что ради спасения такого человека можно пойти на всё и обман станет святым подвигом. Пусть Ваша душа расколота, пусть Вы любите другого, пусть Вы — «политеистка» и не можете любить только одного, Вы должны найти в себе силу устроить так, чтобы он был счастлив или по крайней мере не столь несчастлив. Подумайте об этом. В середине января я буду в Петербурге. Ответьте мне по адресу. Сообразно с ответом я или возьму Бугаева с собой в Петербург, или не допущу его поездки. Повторяю, все в Ваших руках. [В моих глазах оправдать Ваш отказ возобновить сношение с Бугаевым может только Ваше искреннее мнение о нем как о среднем таланте, не оправдавшем никаких надежд и ныне решительно идущем на убыль]. Жду письма, хотя бы одно слово согласия свидеться с Бугаевым... Итак, быть может, до свидания в Петербурге.

На письме — пояснительная приписка: «Отправлено с изменениями». Каким был окончательный его текст, более или менее жестким и настойчивым, — неизвестно. Л. Д. Блок не вняла увещеваниям Метнера и отказалась от встречи с ним и Белым, хотя признавала в ответном письме: «Да, это я виновата в том, что Б. Н. так теперь мучается <...> помочь Б. Н. я не могу. Видеться с ним, опять во имя того общего, что есть у нас — мне еще не хочется, это уже больше, чем незлобивое отношение и чувство своей вины. Такого отношения к Б. Н. у меня *еще* нет»[59].

Уже отмечалось, что пережитая любовная драма наложила свой отпечаток на весь внутренний строй личности Белого, который в середине 1900-х гг. ощущал слом всех прежних жизненных устоев и верований. Отошли в прошлое юношеские апокалипсические экстазы, развеялись грезы о собственной пророческой, теургической миссии, мистическая литургия «зорь» сменилась

[59] РГБ. Ф. 167. Карт. 11. Ед. хр. 5; *Галанина Ю. Е.* Андрей Белый и Л. Д. Блок: К истории отношений. С. 58–59.

погружением в дисгармоническую, трагическую реальность российской жизни. Ощутив исчерпанность для себя прежних ценностей, Белый решительно провозглашает их несостоятельность. В ряду таких разрушительных — по сути саморазрушительных — акций оказывается переоценка культурного значения музыки, которую в пору формирования своих философско-эстетических взглядов (в статье «Формы искусства», 1902) он воспевал, вослед Шопенгауэру, как наивысшее и глубочайшее из искусств, наименее связанное с косными и случайными феноменами действительности и наиболее адекватно отображающее ее потаенную, глубинную сущность. В публиковавшемся в журнале «Весы» авторском цикле Белого «На перевале» (который он подписывал своим настоящим именем) появилась статья «Против музыки». Наиболее сакральное из искусств оборачивается в ней «чарующим дурманом», иллюзией, «бестворческим творчеством»; музыка теперь в сознании Белого — «вампир, высасывающий душу из героя»; она же — пленительный покров над отвергаемой им современной мещанской антикультурой: «Я влекусь к музыке: извращенность некоторых сторон культуры поставила меня, как и всякого, в необходимость искать в музыке глубину. Но я имею силу презирать свой кумир и видеть в нем соблазн ложной, условной культуры. <...> Тем, кто ушел в музыку и там растерял свой долг, путь, свою честность, — я хочу крикнуть: „Долой музыку!“»[60] Ниспровергаются священные имена — Бетховен со своим «противоестественным искусством», Вагнер («Если Бетховен обречен на чудовищность, — музыка Вагнера среди чудовищ — чудовище, среди уродов — урод»); заключительный вывод автора: «А если современная симфония неслиянна с жизнью по существу, то праведно только то, что поет народ. И песня прачки над корытом на весах цели и ценности перевесит, конечно, невоплотимые глубины Бетховена и Шумана»[61].

Метнера статья Белого — «несчастная статья бесконечно дорогого мне Бориса Николаевича», как он аттестовал ее в письме к Эллису от 24 июля (6 августа) 1907 г. из Мюнхена[62], — глубоко

---

[60] *Бугаев Борис.* На перевале. VI. Против музыки // Весы. 1907. № 3. С. 57–59.

[61] Там же. С. 60.

[62] РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 8.

поразила и оскорбила. Печатный демарш своего друга и, казалось, единомышленника в сфере культурных симпатий и антипатий он воспринял как надругательство над идеалом — над самыми дорогими для него ценностями, к каковым относились и отношения с Белым, базированные, в том числе, и на общих музыкальных переживаниях. Метнер решил возразить на статью в печати, о чем предупредил Белого заранее. В результате в «Золотом Руне» была опубликована очередная статья музыкального критика Вольфинга «Борис Бугаев против музыки» (1907. № 5). Белый охарактеризован в ней с предельным пиететом: «...я затрудняюсь назвать русского автора, который выступил бы впервые на литературную арену в таком полном, блестящем и тяжелом вооружении, как Бугаев», «многогранно культурный и бесконечно тонкий художник», «дерзновеннейший из молодых русских талантов» и т. д.[63] Вместе с тем «резкий и окончательный приговор, вынесенный одной из созидательных сил культуры»[64], вызывает у Метнера развернутую и подробно аргументированную отповедь. В нападках Белого на музыку он видит оборотную сторону ее прежней неумеренной идеализации, основанной на неверной, по мысли критика, отправной точке шопенгауэровской музыкальной эстетики; в выпадах против Вагнера — повторение опыта Ницше, сначала обожествлявшего создателя великих музыкальных драм, а затем ниспровергшего «им самим созданный фантом»[65].

---

[63] Андрей Белый: pro et contra. С. 89, 90–91, 92.

[64] Там же. С. 89–90.

[65] Там же. С. 95. В письме к Эллису от 21 мая (3 июня) 1907 г. Метнер, характеризуя статью «Против музыки», высказывается о Белом: «И наконец просто пошло: он *повторяет* глупую, стократ **глупую** роль, сыгранную Ницше по отношению к Вагнеру; только *русский* экзальтированный полуславянин (полутатарин) хочет быть шире, размашистее *немецкого* экзальтированного четвертьславянина: тот „*пхнул*“ Вагнера, а мы, знай наших, „пхнули“ *всю музыку*! Варварство + вырождение: другого имени этому нет» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 7). Белый здесь уподобляется Ницше, давшему восторженную интерпретацию творчества Вагнера в четвертом из «Несвоевременных размышлений» «Рихард Вагнер в Байрёйте» (1876) и позднее развенчавшему былого кумира в памфлетах «Казус Вагнер» («Fall Wagner») и «Ницше contra Вагнер». Метнер специально разработал эту тему в статье «Ницше и Вагнер (Комментарий к четвертому несвоевременному размышлению)» (1909); см.: *Ницше Фридрих*. Полн. собр. соч. Т. 2. М.: Московское книгоиздательство, 1909. С. 405–421. М. Юнгтрен полагает, что в образе Вагнера,

Негативный пафос статьи Белого Метнер объясняет в первую очередь характером духовной эволюции автора — иссяканием теургических чаяний; систему же положений, из которых Белый выстраивает свою отповедь, квалифицирует как несостоятельную и немотивированную: «Против музыки он выступил с речью краткой, но неясной, артистически-слабой и логически плохо аргументированной; от каждой страницы веет, как всегда, жизнью повышенною, но на этот раз повышенность не от обычного у Бугаева избытка столкнувшихся между собою циклов идей, которые он втискивает с великолепною расточительностью нередко в рамки небольшой статьи; тут повышенность просто от нервной раздраженности усталого человека»[66]. В последних приведенных словах — явный намек на перманентный нервный срыв, переживаемый автором, которым Метнер главным образом и объясняет факт появления анализируемой статьи, вобравшей в себя «капризы и перипетии <...> болезненного переходного состояния». Тем не менее он считает необходимым методично, пункт за пунктом, опровергать выплеснутые Белым эмоциональные оценки и хлесткие формулировки. «Ведь трудно предположить, — заключает Метнер свою статью о Белом, — чтобы он в преувеличенно резких, неудачных, кричащих, судорожных выражениях <...> окончательно определил свое отношение к музыке. Но запальчивое слово рано или поздно обращает свое жало на того, в чьей голове и в чьем сердце оно родилось <...> поэтому надо говорить или молчать, дав себе, насколько можно, предварительный отчет в объективной пользе и объективной истинности своих чувств и мыслей»[67].

Сам по себе полемический ответ Метнера не был способен вызвать заметного резонанса в литературной жизни. Однако Белый, в свою очередь, решил объясниться — написал «Письмо в редакцию», в котором признавал, что не смог аргументировать

очерченном в этой статье, Метнеру видится фигура Белого: «Он прямо говорит о „зависти“ Ницше к Вагнеру и утверждает, что Ницше видел в композиторе более блистательную и идеализированную версию самого себя» (*Юнггрен Магнус.* Русский Мефистофель. С. 38).

[66] Андрей Белый: pro et contra. С. 96.

[67] Там же. С. 101.

в статье «Против музыки» свою точку зрения с достаточной ясностью, что вынужден был выражать свои взгляды в сжатой форме, которая неизбежно искажает его писательский облик, и т. п. Ответ Метнеру он представил туда же, где появилась статья Вольфинга «Борис Бугаев против музыки», — в журнал, из числа сотрудников которого демонстративно вышел несколькими месяцами ранее, — однако редакция «Золотого Руна» согласилась опубликовать этот текст лишь при условии возвращения его автора в состав сотрудников. Белый оскорбился и выступил с протестом в газете «Столичное Утро» (5 августа 1907 г.), ему ответил владелец «Золотого Руна» Н. П. Рябушинский. Завязалась публичная перепалка, тем более шумная, что она послужила детонатором для обострения конфликта, назревшего между двумя ведущими московскими символистскими журналами — «Весами» и «Золотым Руном»; в результате целая группа «весовских» сотрудников, в том числе В. Брюсов, З. Гиппиус, Д. Мережковский и др., поддержала Белого и отказалась от участия в журнале Рябушинского[68].

Волей-неволей в скандал оказался вовлеченным и Метнер, находившийся тогда за границей, державшийся в стороне от внутрисимволистских междоусобиц и менее всего стремившийся к тому, чтобы его частная полемика с Белым служила аргументом во фракционном противостоянии. Отдельные неосторожные формулировки в публичных «письмах в редакцию» стали поводом для дополнительных разбирательств и напряженной переписки между Белым и Метнером, который в возникшей ситуации оказался настолько щепетильным, что готов был даже отказаться от продолжения своей литературной деятельности. «Я твердо решил, что Вольфинг перестанет существовать или будет оправдан, — писал он Эллису 3 (16) сентября 1907 г. — <…> Я так мало ценю свое литераторство, что готов принести его в жертву (это не фраза) моей дружбе с Бугаевым и просто, если Бугаев не оправдает меня, сойду со сцены, т. е. не я, а Вольфинг; я же буду заниматься для заработка переводами, а для собственного удовлетворения

[68] Подробнее см.: *Лавров А. В.* «Золотое Руно» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 470–480; *Богомолов Н. А.* К истории «Золотого Руна» // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 57–83.

каким-нибудь бесконечным исследованием, никому не нужным и не подлежащим к напечатанию»[69]. В результате дополнительных объяснений, эпистолярных и печатных, коллизия благополучно разрешилась, дружба восторжествовала. Конфликтная ситуация, возникшая в отношениях между Белым и Метнером летом 1907 г., однако, послужила своего рода прологом к той драматической конфронтации, которая развернется несколько лет спустя.

Белый отмечает в мемуарах, что после того как Метнер вновь обосновался в Москве (хотя и с многомесячными отлучками в Германию), его отношения с ним вступили в новую, наиболее активную фазу: «Слишком много он значит; в 1907 году — появился опять на моем горизонте он <…> мне Метнер как бы заполняет порожнее место в душе; это место недавно еще занимал А. А. Блок»[70].

Если в первые годы общения Белого и Метнера к их дружескому союзу примыкал А. С. Петровский, то во второй половине 1900-х гг. в их ближайшее окружение вошли новые лица. Среди них — Маргарита Кирилловна Морозова, вдова мецената-коллекционера и московского фабриканта М. А. Морозова, учредительница московского Религиозно-философского общества и журнала «Московский Еженедельник»; она же — объект мистической влюбленности Белого в «эпоху зорь» и прообраз «Сказки» из «Симфонии (2-й, драматической)». «Светское» знакомство Белого с Морозовой завязалось в 1905 г., с семейством Метнеров она общалась еще ранее, в течение трех лет брала уроки музыки у Николая Метнера. «Я познакомилась с Метнерами в 1902 году, — вспоминает Морозова, — но сблизились мы только с 1905–1907 года. Сближение наше началось под влиянием Бориса Николаевича Бугаева (Андрея Белого). Бугаевым все Метнеры были очарованы, они считали его и его произведения гениальными. Эмилий Карлович особенно сильно переживал увлечение Андреем Белым, считал его близким себе человеком, своим единомышленником. Виделся он с ним постоянно, говорили они до поздней ночи, вернее до утра. Необыкновенная фантазия Андрея Белого, его

[69] РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 9.

[70] *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 406–407 («Литературные памятники»).

поразительная словесная одаренность не могли не поражать и не очаровывать»[71]. В лице Морозовой Метнер обрел близкого друга, способного целительно воздействовать на его внутреннее состояние, и неоднократно благодарил ее за это: «Я бесконечно обязан Вам: Вы и не подозреваете, в сколь опасном психическом состоянии я нахожусь; поэтому не удивляйтесь на мою признательность горячую и назойливую. Я бы хотел для выражения ее занять талант у Андрея Белого (только без вздыбившихся иереев и мантийных муаров)...»[72] (в последних словах — иронический намек на образный строй четвертой «симфонии» «Кубок метелей»); «Никогда никто не был способен так утешать меня, так примирять с самим собою; убежден, что благодаря Вам я помирюсь постепенно со всем <...>. Вот почему я так цепляюсь за часы и минуты, проводимые с Вами <...>»[73].

В воспоминаниях Белый красочно живописал «трио», образовавшееся тогда между ним, Метнером и Морозовой: «Незабываемы встречи мои „en trois“, когда мы собиралися у Морозовой с Метнером, или когда приезжала Морозова к Метнеру»; «У нас у троих были вечные темы бесед: ритм культуры, культура теперешней музыки: Ницше — Вагнер, Россия, Германия; многое из теперешнего взгляда на генезис нашей культуры вынашивал я в тех беседах <...> В общении „en trois“ (Э. К. Метнер, Морозова, я) находил я поддержку»[74]. Серьезные культурологические темы обсуждались вперемежку с шуточными, юмористическими интерлюдиями, пародийными эскападами, веселыми шаржами; все это создавало атмосферу непринужденного дружеского собеседования, из которого возникали ростки значимых общественных и культурных инициатив.

В это время отношения Белого и Метнера переоформились в еще одно «трио»; третьим стал Эллис (Лев Львович Кобылинский), друг и сподвижник Белого с юношеских лет, определивший совместно с ним очертания «аргонавтического» сообщества, один из инициаторов функционировавшего в середине

---

[71] *Морозова М. К.* Мои воспоминания. С. 107.

[72] Письмо от 7 апреля 1908 г. // РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а.

[73] Письмо от 17 апреля 1908 г. // Там же.

[74] *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция. С. 521, 525.

1900-х гг. литературно-философского кружка под руководством П. И. Астрова; поэт, переводчик и литературный критик, активно проводивший в «Весах» брюсовскую полемическую установку на защиту и утверждение «подлинного» символизма. Неистовый максималист во всех своих пристрастиях и антипатиях, Эллис в широком литературном мире был фигурой малоавторитетной, не пользовались признанием и его поэтические опыты, а резкие полемические выпады в критических статьях вызывали повсеместное раздражение. Метнер, в отличие от многих, сумел распознать в Эллисе исключительно яркую и своеобразную творческую личность, которой лишь следовало создать надлежащие условия для ее самореализации. В письме к Морозовой (4 апреля 1907 г.) он дал Эллису развернутую характеристику: «...он принадлежит к так называемым демоническим натурам: поэтому, когда он одержим (besessen), перед Вами чуть что не гениальный человек; когда же демон покидает его, он просто очень образованный и очень страдающий современный интеллигент, у которого нет настоящего, а есть только *вчера* и *завтра* или, вернее, *послезавтра*. Оригинальность его заключается в том, что из общественника и марксиста он превратился, переживя острейший духовный кризис, в индивидуалиста и эстетика. Бросил подготовку к магистерской диссертации по финансовому праву и начал переводить Данте и Бодлэра. Но не в этом его сила, а тем менее в его самостоятельных поэтических произведениях. Он *сам* неизмеримо крупнее, нежели его поэтический талант. Ценность его, как литературного деятеля, заключается, помимо его дарований, его темперамента, в основательности и *дву*сторонности его знаний и умственных проникновений. В настоящее время он „препарирует“ Данте совсем так же, как в свое время Маркса. Когда он поймет самого себя, то даст что-н<ибудь> очень интересное в промежуточной области, где эстетика (в широком смысле) соприкасается с политикой (в широком смысле), где намечается разрешение важнейшего для всей культуры вопроса о взаимном отношении личности и государства, индивидуализма и коллективизма, но без тех позорящих достоинство человека компромиссов, из которых не может выйти современное общество. Разбираясь с совершенно недоступною для «декадентских»

писателей виртуозностью в вопросах общественных, Кобылинский в то же время способен заглянуть в самую глубь сложнейшего и гениальнейшего индивидуума»[75].

Еще в пору активной деятельности Эллиса в «Весах» в 1907–1909 гг. и в общении с ним у Метнера стала выкристаллизовываться идея нового издательского и журнального начинания, отличного от «декадентских» «Скорпиона» и «Весов». В письме к Эллису из Мюнхена от 14 (27) января 1907 г. он сообщает предлагаемое название задуманного журнала: «Мусагет»[76]; а в письме к нему от 6 (19) марта 1907 г. предупреждает о Белом: «Не сообщайте ему о *Мусагете*, а то он не выдержит и начнет развивать эту тему во всех гостиных»[77]; в том же письме он выражает надежду на участие Морозовой в реализации замысла: «...есть еще одно препятствие к тому, чтобы взять на себя инициативу издания журнала и переговоры об этом с Марг<аритой> Кир<илловной>: я не верю в свои силы и способности; это может испортить дело с самого начала и это же сулит мне неудачу в переговорах с Марг<аритой> Кир<илловной>, которая, как она сама говорила мне, готова жертвовать только на то, во что сама уверовала и во что, как она видит, веруют те, кто ее побудили к этому <...> может быть, и Бор<ис> Ник<олаевич> не откажется теперь затронуть с Марг<аритой> К<ирилловной> эту тему. <...> Делайте всё *от себя*: Вы больше всех *одержимы* нашей идеей, Вы скорее всех достигнете результатов...»

Судя по всему, деловые переговоры с Морозовой были отложены: маловероятно, что колеблющемуся и сомневающемуся в себе Метнеру удалось подвигнуть «одержимого» Эллиса явиться с ответственным предложением к лично незнакомой ему тогда меценатке. Между тем идея продолжала созревать, хотя долгое время воплощалась лишь в форме разговоров «между членами редакции несуществующего книгоиздательства» (по словам Метнера в письме к Морозовой от 5 февраля 1908 г.)[78]. 2 (15) апреля 1907 г. Метнер изложил в письме к Эллису уже

---

[75] РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а.

[76] РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 1.

[77] Там же. Ед. хр. 3.

[78] РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а.

вполне определенный проект: «Я согласен стать одним из... (или, если хотите, главным) редактором *Мусагета*: 1) *с января 1908 г.* 2) только 8 месяцев в году: причем один год я буду уезжать в Германию на летний семестр, другой год на зимний (по 4 месяца); 3) для всех технических и коммерческих моментов предприятия должно быть нанято отдельное лицо. <...> Что журнал можно (при деньгах) начать уже с 1908 г., в этом я, по-видимому, еще меньше сомневаюсь, нежели Вы. Книгоиздательство под заголовком „*Культура*“ может, начав функционировать уже теперь, зарекомендовать себя в течение 1907 г. двумя-тремя хорошими книгами (безразлично, оригинальными или переводными) <...>. Под знаменем *Культуры* можно издавать и рассуждения, и стихи, и изящную прозу»[79]. Далее Метнер в подробностях намечал программу деятельности издательства, с преимущественным вниманием к немецким авторам (Гёте, Вагнер, Ницше), к классической поэтике (Аристотель, Гораций), к Данте, Петрарке и т. д.

Ни журнал, ни издательство в намеченные сроки организовать не удалось. Решающую роль тогда, видимо, сыграло отсутствие финансирования (Морозова со своими капиталами осталась в стороне от этого предприятия, хотя в 1910 г. субсидировала новообразованное издательство «Путь», ставшее платформой для авторов, объединенных вокруг московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева; по всей вероятности, последовательно «западнические» установки Метнера казались ей менее привлекательными); сказывались, однако, и иные привходящие обстоятельства: многомесячное пребывание предполагаемого редактора за границей; конфликт, спровоцированный статьей «Против музыки» и разбирательствами с «Золотым Руном»; неподготовленность инициаторов «Мусагета» и «Культуры» к практической издательской деятельности. Главным препятствием для успешного воплощения в жизнь задуманного начинания оказывались все же его программные установки — заведомо элитарные, с приматом «идейного» начала, не рассчитанные на коммерческий успех, во многом утопические. «Вы видите, — писал Метнер Морозовой, — как трудно найти человека, который бескорыстно,

[79] РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 4.

не руководимый ни тщеславием, ни корыстолюбием, ни авторским самолюбием, ни, наконец, желанием пропагандировать *политические* убеждения своей партии, согласился бы содействовать литературному предприятию, единственная цель которого *культура*, воздвижение статуй (пусть даже идолов) культуры существующей и чужой для облегчения исканий культуры своей и будущей, которая (разумеется, в *отдаленном* будущем) должна определять социально-политический строй, а не определяться им»[80].

В 1909 г. складывались благоприятные внешние условия для вступления нового участника на литературную арену: заканчивались изданием главные московские символистские журналы — «Весы» и «Золотое Руно», метнеровскому детищу не грозила конкуренция с их стороны в еще малом кругу приверженцев «нового» искусства и религиозно-философской мысли. Ситуация, наконец, определилась летом 1909 г., когда, после несостоявшейся попытки издательского союза с музыкальным деятелем С. А. Кусевицким, Метнер нашел финансовую поддержку в Германии. Ее оказала Хедвиг (Ядвига) Фридрих, с которой у «трио» Метнеров незадолго до того завязались дружеские отношения и которые у Эмилия Метнера переросли в отношения романические. «История эта тянулась целых шесть лет и кончилась разрывом, — свидетельствует Морозова. — Это была девушка лет 25-ти, немка, жившая постоянно в Пильнице (близ Дрездена), довольно красивая, культурная, имевшая большие личные средства. Она мечтала его превратить в немца и перевести на постоянное жительство в Пильниц, но „этого никогда не будет“ — писал мне Эмилий Карлович. А он думал на ней жениться при том условии, чтобы она стала москвичкой. <…> Так как Эмилий Карлович всегда мечтал основать культурное издательство в Москве, то она дала ему довольно крупную сумму денег, чтобы начать это дело. Так возникло книгоиздательство „Мусагет“»[81].

---

[80] Письмо от 5 февраля 1908 г. // РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а.

[81] *Морозова М. К.* Мои воспоминания. С. 107. Морозова по памяти пересказывает письмо к ней Метнера от 23 июля (5 августа) 1913 г.: «Ядвига обнаруживает явную тенденцию сделать из меня: a) просто мужа; b) просто немца; c) просто обитателя Пильница. Этого ей, конечно, никогда не удастся» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

«Вы же весь „Мус<аге>т“ завели не ради себя, а ради Белого главным образом — все это знают», — заявлял Эллис в письме к Метнеру от 14 (27) декабря 1913 г.[82] Сам Метнер также неоднократно заявлял, что главной целью организации «Мусагета» для него было предоставление Андрею Белому беспрепятственной возможности публиковать свои сочинения. Во главе всего предприятия был определен триумвират в лице Метнера, Белого и Эллиса[83]; в числе ближайших участников первоначально предполагались московские авторы из их окружения, в том числе из «аргонавтического» сообщества, которое осознавалось как неформальный прообраз нового объединения (А. С. Петровский, М. И. Сизов, Н. П. Киселев, В. О. Нилендер и др.). В августе 1909 г., по достижении принципиальной договоренности о финансировании, было решено начать издательскую деятельность с выпуска журнала. После этого Белый в письмах к Метнеру с энтузиазмом и размахом стал строить грандиозные планы свершений по широкому культурному фронту, явно несоразмерные с открывшимися возможностями. К концу года реальное положение дел прояснилось: средств хватало лишь на скромно поставленное книгоиздательство, а выпуск журнала пришлось отложить до лучших времен. На первых порах перспективы «мусагетского» объединения, однако, вырисовывались как реализация двойной программы деятельности — издательской и журнальной.

13 (26) августа 1909 г. Метнер писал Эллису из Пильница: «Направление журнала (по желанию издателя) должно быть германофильское (в широком неполитическом нефанатическом культурном смысле слова) и отнюдь не враждебное Вагнеру;

---

[82] РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 23.

[83] На высказанные Эллисом сомнения в собственной пригодности к исполнению руководящей роли Метнер возражал в письме к нему (Веймар, 18 сентября (1 октября) 1909 г.), свидетельствующем о его нерастраченных «дирижерских» наклонностях: «Ваш беспощадный прямолинейный артистический абсолютизм (которого *до конца* я не разделяю) является отличным и желательным коррективом к гениальной широкости, к страсти примирять, синтезировать, политизировать и уступчивости Бугаева; кроме того, мы с Вами спелись и... одним словом, я не знаю никого, кто мог бы заменить Вас; Вы можете разумно устраняться от дел, которые вне Вашего диапазона, но устраняться частично, а не устраниться всецело и официально» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 14).

вот и всё»[84]. Тот же акцент он делал и в позднейшем письме к В. В. Пашуканису (Цюрих, 22 апреля (5 мая) 1915 г.), говоря об идейных установках «мусагетской» группы литераторов: «Независимо от других соображений эта группа или это течение должно было признать примат германской культуры, как несравненно более насыщенной элементами религиозными и философскими, нежели культура романская <…>»[85]. Было ли действительно ультимативным требование Фридрих к программе «Мусагета» или в данном случае сам Метнер определял идейно-эстетические нормы и культурные предпочтения, которым должно было следовать новое издательство, — вопрос, не сулящий однозначного ответа. Германофильская составляющая, как показала последующая издательская практика, была доминирующей в тех широких и разнонаправленных культуротворческих усилиях, которым была подчинена деятельность «Мусагета». Германофильство, возведенное в непререкаемую догму, — отличительная черта миросозерцания Метнера, которое было подвержено также сильному влиянию расовых теорий, и прежде всего построений Хаустона Стюарта Чемберлена[86]; его книгу «Арийское миросозерцание» Метнер называл (в письме к Эллису от 2 (15) апреля 1907 г.) на первом месте в перечне тех, которые желательно, в планах будущего издательства, перевести на русский язык, и впоследствии она вышла в свет под маркой «Мусагета». Арийцами (индоарийцами) Чемберлен называет народ, несколько тысячелетий тому назад спустившийся с гор в долины Инда и Ганга, долгое время остававшийся «свободным от всяких посторонних расовых примесей» и заложивший основы древнеиндийской философии — высшей формы познания, доступной только избранным и способствовавшей «рождению европейской духовной царственности»[87]. Чемберлен прослеживает близкое сходство между индоарийцами

[84] РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 13.

[85] РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 13.

[86] В архиве Метнера сохранилась подборка материалов к исследованию культурологических воззрений Чемберлена («Чемберлен. Культура. Раса…» // РГБ. Ф. 167. Карт. 18. Ед. хр. 9. 115 л.).

[87] *Чемберлен Хоустон Стюарт*. Арийское миросозерцание / Пер. с нем. О. К. Синцовой. М.: Мусагет, 1913. С. 7, 10.

и германцами (особенно немцами); Бог индоарийцев, познаваемый не через внешний, а через внутренний опыт, «и был в действительности Богом всех истинно религиозных германцев-христиан, во все времена»[88]. В оппозиции индоарийскому аристократическому и индивидуалистическому началу находится, по убеждению Чемберлена, начало семитское, заключающее в себе антикультурный смысл: «...одно только древне-индусское мышление, как и поэзия, осталось свободным от всякого, даже самого отдаленного, соприкосновения с семитическим духом <...> мне известно, насколько эта удивительная порода — семит, — распространяющаяся по всему миру и обладающая такою изумительною способностью всё себе ассимилировать — глубоко и внутренно изменяет всё, к чему прикасается»[89].

Ознакомившись с культурологическими мифологемами Чемберлена, Метнер выразил полную солидарность с автором: «Арийское миросозерцание» «высказывает о расе, семитах, арийцах и, в частности, о германцах мнение <...> буквально тождественное с моим, основанным на внутреннем чутье и незначительных наблюдениях. Некоторые абзацы — точно мною написаны»[90]. Построения Чемберлена могли только укрепить идейную базу, лежавшую в основе воззрений и оценок Метнера как музыкального критика, со всей отчетливостью сформулированных в статье «Эстрада» (Золотое Руно. 1908. № 11/12; 1909. № 2/3, 5). В ней противопоставлялись «музыкальный германизм», «немецкая музыка великой эпохи» (Бах, Моцарт, Бетховен, Вагнер) «и все, что выросло из нее и не стало ей враждебным у других народов», и «музыкальный юдаизм», который «образовался как уродливое, беспочвенное, однобокое и не чисто-художественное полупромышленное явление», проявляющееся в «эпоху господства эстрадно-рекламного духа» и «расцвета интернациональноеврейской виртуозности»[91]. Первое явление имеет свои великие

---

[88] Там же. С. 81.

[89] Там же. С. 35.

[90] Письмо к А. М. Метнер от 4 сентября 1906 г. Цит. по: *Юнггрен Магнус*. Русский Мефистофель. С. 27.

[91] *Вольфинг*. Модернизм и музыка: Статьи критические и полемические (1907–1910). Приложения (1911). М.: Мусагет, 1912. С. 117.

образцы в прошлом и несет в себе непреходящие культурные ценности, второе торжествует в музыкальной современности, где, по убеждению Метнера, господствует культ исполнительства, «стремление к эффектам, превращение эстрады во внешнее зрелище, угодливое отношение к публике и т. д. и т. д.»[92]

Концепция, обоснованная Метнером в «Эстраде», негативная оценка им «музыкального юдаизма» отражала его общие антисемитские установки, безусловные в культурологическом плане, но в плане житейском не лишенные своеобразия (если учесть хотя бы факт его женитьбы на еврейке Анне Братенши и позднейшей интимной связи с Рахилью Рабинович). Эти же воззрения Метнера оказали определенное воздействие на Андрея Белого в 1908–1909 гг. — в период, когда влияние личности и идейных воззрений «старинного друга» на него было особенно действенным и эффективным. Характерно в этом отношении его стихотворное письмо «Э. К. Метнеру», помещенное в книге стихов «Урна» (1909); насыщенное воспоминаниями о былых встречах («...нескончаемые речи // О несказанно дорогом»[93]), оно исполнено чувства любви и нерасторжимой связи. Под непосредственным влиянием Метнера-Вольфинга была написана статья Белого «Штемпелеванная культура»; в ней он пространно цитирует «Эстраду» и солидаризируется с ней, называет ее автора «нашим лучшим теоретиком музыки»[94]. Прежний тотальный демарш «против музыки» обернулся на сей раз столь же тотальным ниспровержением восторжествовавшей «интернациональной, прогрессивно-коммерческой культуры во всех областях искусства»; губительный для национальной культуры интернационализм насаждается в основном «одной нацией, в устах интернационалистов все чаще слышится привкус замаскированной проповеди самого узкого и арийству чуждого национализма: юдаизма»[95]. И хотя Белый здесь же аттестует евреев как «глубокоталантливый, способный и самобытный народ», говорит

---

[92] *Вольфинг.* Модернизм и музыка. С. 108.

[93] *СП — 1.* С. 355.

[94] *Бугаев Борис.* На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9. С. 78.

[95] Там же. С. 74, 76.

о необходимости их правового равноправия, признает бесспорную «отзывчивость евреев к вопросам искусства»[96] и т. д. — все эти оговорки не могли приглушить скандальный эффект, который произвела «Штемпелеванная культура» в литературной среде (достаточно привести хотя бы заглавие фельетона Оскара Норвежского, опубликованного 26 ноября 1909 г. в газете «Раннее Утро»: «Андрей Белый без маски. Первый погром в литературе»). В мемуарах Белый признавал: «Эта заметка моя — неудачна; во-первых: в ней мысль плохо выразил я; во-вторых: если б даже и выразил, то — неверна она; <…> и наконец: „*маниакальное*" настроение отпечаталось в этой заметке (я вскоре потом понял промах: заметку — не перепечатывал), и — влетело: пребольно! Во-первых: от многих друзей из евреев; и — во-вторых: от сочувствия мысли моей в черносотенном круге; выслушивал горькие истины; и происшествие это меня угнетало ужасно»[97].

Среди тех, кто приветствовал появление «Штемпелеванной культуры», была Анна Рудольфовна Минцлова[98]. Теософка, ученица Р. Штейнера, визионерка и «инспиратриса» Вячеслава Иванова в 1908–1909 гг., она вовлекла Андрея Белого в сферу своих оккультных интересов и «тайновидческих» фантазий, а через него — и других лиц, группировавшихся вокруг зарождавшегося «Мусагета», в том числе и Метнера. Последний, при всем рациональном складе своей личности, также оказался

[96] Там же. С. 76.

[97] *Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция. С. 604. Ср. свидетельство Белого в мемуарных записях «К материалам о Блоке» (1921) о раннем «мусагетском» периоде: «…я, инспирированный Метнером в эти месяцы, переживал нечто вроде „*юдобоязни*" (скверная болезнь, быстро прошедшая); это — эпоха моей заметки „*Штемпелеванная культура*"» (*О Блоке*. С. 462). См. также: *Безродный М.* О «юдобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 100–125; *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 72–74.

[98] 16 ноября 1909 г. она писала Белому о «Штемпелеванной культуре»: «…Вы — именно сказали *так*, как должно… Эта тонкость, это „рыцарство" — в требовании „*полноправия*" для евреев, которые *освободят* нас, арийцев, разомкнет уста наши — — — Андрей Белый, я считаю эту Вашу статью — истинным *подвигом*, первым актом рыцаря Славянства» (РГБ. Ф. 25. Карт. 19. Ед. хр. 17). О Минцловой см. подробное исследование Н. А. Богомолова «Anna-Rudolf», основанное на многочисленных документальных источниках (*Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 23–110).

подвластен воздействию флюидов, исходивших от Минцловой[99]. Она в значительной мере способствовала тому, что в объединении литераторов-«мусагетцев» стала с особенной силой звучать мистическая, эзотерическая составляющая; за внешними формами московской книгоиздательской фирмы вырисовывались контуры эзотерического братства, союза «посвященных», наподобие тайного розенкрейцерского сообщества. Образами розенкрейцеров, реальными или вымышленными, было заполнено галлюцинаторное сознание Минцловой, и они стали — во многом ее усилиями — питательной почвой для той мифологии, которая зарождалась в «мусагетской» среде и которая способна была подчинять себе даже при скептическом отношении к «больной, перемученной кем-то, клокочущей женщине» — по позднейшей аттестации Белого, вспоминавшего про «атмосферу упорнейшего напряжения, опасений, надежд, сказок, бредов, в которых „она" продержала нас год»[100]. Таким образом, уже в первый год, ознаменовавший начало деятельности «Мусагета», в ней были проявлены оккультистские уклоны, которые впоследствии окажутся камнем преткновения на последующем его пути.

---

[99] Сохранились записи Метнера, в которых изложены разговоры с Минцловой и ее высказывания относительно сокровенной сути его личности; в частности (29 января 1910 г.): «Все, чтó я подозревал в себе (наполеонизм, волчье — Вольфинг — гётеанство — активность — единственность — арийство — das ausgewählte Geschlecht — das Königliche Priestertum — das heilige Volk <избранный род — царственное священство — святой народ — *нем.*>, все налицо и даже гораздо больше, величайшая гениальность, однажды воплощенная... личность, способная в чем-то спасти мир; так что я и знаю и не знаю, кто я. Я окружен многими тайнами и трагичностями, моя судьба исключительна; я не жил еще, я безумно молод и телом, не только духом; я падал, но оттого, что проходил пояс огня, как Зигфрид; и я иду к Брюнгильде и эта Брюнгильда не только идея, но и женщина <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 22. Ед. хр. 16).

[100] *Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция. С. 640. О мистической атмосфере, рождавшейся в ходе общения с Минцловой, дает представление инскрипт Белого Метнеру на «Симфонии (2-й, драматической)»: «1902–1909 25 мая. В России 1-й треугольник должен быть в течение 09 года. Или все надолго исчезнет. С запада (Германия) свет востоку (Россия), с востока свет западу. Уже нет ни титанов (Гёте, Ницше), ни религий, а только *„старое и новое во все времена"*: ⊕ Э. К. Метнеру Борис Бугаев» (Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 94–95 — факсимиле. В тексте — цитата из «Симфонии (2-й, драматической)»).

Первые издания «Мусагета» появились в 1910 г., среди них — том статей Андрея Белого «Символизм», включавший его работы философско-эстетического характера (в том числе программную статью по теории символизма «Эмблематика смысла») и стиховедческие исследования, заложившие основы современного состояния этой филологической дисциплины. В ряду других действовавших символистских издательских объединений («Скорпион», «Гриф», «Оры») «Мусагет» выделялся преобладающим религиозно-философским, теоретико-эстетическим и культурологическим уклоном, своей ориентацией на узкий круг просвещенных читателей и на утверждение преемственности по отношению к высшим ценностям западноевропейской культуры: «...тут царствовали тени Гёте, Вагнера и немецких мистиков»[101]. С опорой на непререкаемые авторитеты мыслилось исполнение главной задачи объединения — созидание синтетической символистской культуры, сочетающей в себе духовные ценности эстетического, философского и религиозного порядка. Какие-либо злободневные темы, отражающие общественно-политическую ситуацию в стране и мире, задачи переживаемого исторического момента «Мусагетом» отторгались. За годы своей активной деятельности (1910–1916) «Мусагет» выпустил в свет 44 книги, и это было лишь малой частью той широковещательной программы, которая вырисовывалась в первоначальных планах учредителей издательства[102]. Ближайший круг в «Мусагете» составляли московские авторы, преимущественно литературная молодежь из окружения Белого и Эллиса, но с самого начала стали играть значимую роль и петербургские корифеи символизма — Вяч. Иванов и А. Блок.

---

[101] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. London, 1990. Т. 1. С. 208.

[102] См. библиографический перечень «мусагетских» изданий в статье: *Толстых Г. А.* Издательство «Мусагет» // Книга: Исследования и материалы. Сб. LVI. М., 1988. С. 112–133. Деятельность издательства охарактеризована в статьях М. В. Безродного «Издательство „Мусагет“: групповой портрет на фоне модернизма» (Русская литература. 1998. № 2. С. 119–131), «Из истории русского германофильства: издательство „Мусагет“» (Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1999 год. М., 1999. С. 157–198), «Издательство „Мусагет“» (Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. научных трудов. Вып. 12. СПб., 2004. С. 40–56). На основе материалов научной конференции по «Мусагету», проведенной в РГГУ в 2009 г., издан сборник: Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы / Сост. Анна Резниченко. М., 2014.

В журнале «Труды и Дни», выпускавшемся «Мусагетом» с 1912 г., Метнер обосновал общие принципы и установки руководимого им издательства. Цель «мусагетского» содружества — в усилиях, направленных к преодолению культурного кризиса современности, искание путей к новой, органической культуре, творческая деятельность на объективно-идеалистической основе, сочетающая художественный и философский подходы, с опорой на традиции недогматического и духовно-преемственного мышления. Истолковывая избранное название издательства (Мусагет — Аполлон, предводитель муз), Метнер утверждал: «...это имя подчеркивает аполлинизм (вовсе не отрывая его однако от дионисизма) и отмежевывается от эстетства, ибо означает объединение всех видов творчества в согласном служении цели создания культуры»[103]. Последнее, ключевое в идейном базисе «Мусагета» понятие он называет, вслед за Ницше, «единством художественного стиля, охватившим все жизненные проявления народа»; «процесс формования ее движется от интуитивно-предвосхищенного невыразимого знания культурно-должного к реализации этого должного; в этом смысле культура — как бы самоцель, но опять-таки и автономно-целевой характер ее ценен не как таковой, а потому, что только при его наличности и достижима через культуру <...> высшая задача человечества»; «...можно определить культуру как естественно проявляющуюся власть художественного и религиозного творчества над жизнью. <...> Эта власть культуры над жизнью необходима для роста культуры, как *пути*»[104]. Универсальные персональные символы культуры, провозглашаемой «Мусагетом», — Гёте, осуществивший грандиозный синтез положительной культуры, и Вагнер — синкретическая личность, соединяющая в своем творчестве поэзию, музыку, мифотворчество и религию. В согласии с этими приоритетами Метнер учредил в «Трудах и Днях» отделы «Goetheana» и «Wagneriana»; позднее к ним добавилась, по инициативе Эллиса, «Danteana».

Два относительно самостоятельных крыла в цельном идейном организме «Мусагета» представляли издательские серии «Орфей»

---

[103] *Метнер Эмилий.* «Мусагет». Вступительное слово редактора // Труды и Дни. 1912. № 1. С. 55.

[104] Там же. С. 56, 57.

и «Логос». Первая была создана для издания произведений мистической литературы — художественной и философской, главным образом классической переводной (Мейстер Экхарт, Якоб Бёме и др.). Вторая, обладавшая определенной автономией, объединяла вокруг предпринятого «Мусагетом» русского издания «международного ежегодника по философии культуры» «Логос» преимущественно философов-неокантианцев (С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко)[105]. Между «западниками»-«логосовцами» и представителями русской религиозной философии, объединившимися вокруг издательства «Путь», «неославянофилами», намечалась последовательная конфронтация, время от времени вспыхивавшая в печатной полемике; в нее оказывался вовлечен и Андрей Белый, попеременно отстаивавший то одну, то другую из противоборствующих сторон.

Внутренний распорядок функционирования издательского объединения был четко прописан в выработанном его учредителями декретивном документе — «Домашних правилах книгоиздательства „Мусагет"»[106] (над текстом помета: «Проект»; утвержденный текст, по всей видимости, не имел принципиальных отличий от него). Приведем некоторые из сформулированных в нем положений:

I. *Состав*

§ 1. Книгоиздательство «Мусагет» составляют:

1) несменяемый редактор, Э. К. Метнер,

2) несменяемый казначей, К. П. Метнер,

3) члены редакции.

§ 2. Состав членов редакции в настоящее время следующий: А. А. Блок, Б. Н. Бугаев, В. И. Иванов, Н. П. Киселев, Л. Л. Кобылинский, В. О. Нилендер, А. С. Петровский, Г. А. Рачинский, Б. А. Садовской, М. И. Сизов, С. М. Соловьев, Г. Г. Шпетт; далее, три редактора журнала «Логос» — С. О. Гессен, Ф. А. Степпун,

[105] См.: *Безродный М. В.* Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 372–407; *Сапов В. В.* Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 3. С. 267–279.

[106] РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 23.

Б. В. Яковенко[107]. <В. Ф.> Ахрамович, <А. М.> Кожебаткин, Метнер К. П., Метнер Э. К.

Примечание. Редактору и общему собранию предоставляется право кооптировать новых членов редакции.

II. *Редактор и казначей*

§ 3. Редактор «Мусагета» является единоличным хозяином всего предприятия, и окончательное решение по всем вопросам принадлежит ему.

<…>

§ 5. Власть редактора сохраняется за ним на время его отлучек из Москвы и ни к кому не переходит. Разрешение неотложных и мелких вопросов предоставляется остающемуся в Москве составу совета, который о своих распоряжениях немедленно доводит до сведения редактора.

<…>

III. *Совет*

§ 7. При редакторе, в помощь ему, состоит совет. Его составляют:

1) редактор, председательствующий на заседаниях,
2) секретарь издательства, ведущий делопроизводство совета,
3) четыре члена, избираемые редактором.

Примечание. При рассмотрении в совете вопросов, касающихся издания журнала «Логос», в состав его приглашается с правом голоса один из редакторов «Логоса».

§ 8. Совет собирается еженедельно; заседания его закрытые; постановлениям ведется протокол.

§ 9. Совет ведает все вообще дела издательства, вносимые на его рассмотрение редактором; в частности:

1) рассматривает составленный редактором план издательской деятельности,
2) рассматривает поступающие от редактора предложения о издании новых книг <…>

§ 10. Постановления совета либо утверждаются редактором и обращаются им к исполнению, либо вносятся на рассмотрение общего собрания.

<…>

---

107 Последующие имена вписаны между строк (рукой Э. К. Метнера).

V. *Общее собрание*

§ 14. Общее собрание составляют 20 лиц, поименованных в §§ 1 и 2, и состоящие при издательстве секретарь и заведующий коммерческою частью.

Примечание. По желанию или с согласия редактора в общее собрание могут быть приглашаемы (без права голоса) и посторонние лица. <...>

Как ясно из тщательной проработанности этих положений, «Мусагет» осмыслялся его учредителями как сложный коллективный организм, призванный результативно действовать сообразно предписанным условиям, наподобие уставов политических партий или профессиональных сообществ. На практике, однако, эти «Домашние правила» существенной роли не сыграли — не смогли противодействовать сказывавшейся с самого начала несогласованности и дезорганизованности, а то и просто бездеятельности, в которой более других отличился первоначальный секретарь «Мусагета» А. М. Кожебаткин. Высокие культурные помыслы «мусагетцев» тонули в житейской рутине, разбивались об их собственный непрофессионализм в делопроизводственной сфере. «Я не знаю, — пишет Ф. Степун, — какую сумму истратил „Мусагет“ за три или четыре года своего существования, но уверен, что по сравнению с тем, что он сделал, — огромную. И это не мудрено, так как дело велось, в конце концов, не Медтнером и даже не Кожебаткиным, а совсем уже неопытным в издательских делах кружком молодых поэтов, писателей и философов, который из вечера в вечер чаевничал в „Салоне“ редакции <...>. На этих вечерах и разрабатывалась программа издательства, исключительная по своему культурному уровню, но и исключительная по своей бюджетной нежизнеспособности»[108].

Как видно по «Домашним правилам», исключительно значимую роль во внутренней организации «Мусагета» играл «несменяемый редактор» — Эмилий Метнер. Будучи формальным лидером, он добровольно готов был делить руководящую роль с Белым, который воспринимался всеми «мусагетцами» как самое

[108] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Т. 1. С. 270.

авторитетное лицо в сообществе и равноценный Метнеру лидер неформальный. Пользуясь этими непрописанными, но молчаливо делегированными ему полномочиями, автор «Символизма» предлагал «Мусагету» определенные планы и настаивал на тех или иных решениях, которые не всегда находили поддержку и понимание со стороны Метнера. Сложившееся в издательстве двоевластие грозило разрешиться конфликтом.

Первые симптомы будущего конфликта имели под собой сугубо материальную почву — финансовую. В конце 1910 г. Белый соединил свою судьбу с А. Тургеневой и отправился вместе с нею в длительное заграничное путешествие. Денежное обеспечение поездки взяла на себя редакция «Мусагета» — в счет гонорара, причитавшегося Белому за печатавшуюся в издательстве книгу его статей «Арабески». Маршрут заранее не был четко определен, и было решено высылать Белому регулярные денежные суммы по указываемым им в письмах адресам. Почтовая связь с экзотическими областями Средиземноморья (Сицилия — Тунис — Египет — Палестина), где странствовали и пребывали Белый и А. Тургенева, была не быстрой, денежные переводы запаздывали, путешественники в ожидании оказывались прикованными к месту, которое уже готовы были покинуть; все эти неудобства вызывали раздражение Белого, которое он переносил на Метнера и на «Мусагет» в целом (не без оснований, поскольку и издательство в исполнении договоренности надлежащей расторопности не проявляло). Отрадные переживания и даже потрясения, которые испытывал Белый от соприкосновения с открывшимися ему новыми культурными мирами, омрачались эмоциями, которые распространялись на, казалось бы, родное и близкое ему культурное содружество. Новые встречи с «мусагетцами» в мае 1911 г., после длительного перерыва, Белого глубоко не удовлетворили; свои соображения и претензии, касающиеся положения дел в издательстве, он изложил в пространном письме к Метнеру, отправленном 17 июня 1911 г. из Боголюбов (волынского имения, принадлежавшего отчиму А. Тургеневой В. К. Кампиони). В мемуарах Белый, ошибочно отнеся это письмо ко времени пребывания в Тунисе, расценил его как «открытое нападение на Эмилия Метнера»: «...в нем я подытоживал двухлетие

„Мусагета“ и сомневался, чтобы политика Метнера, главным образом накладывать свое „veto“ на новые начинания наши, имела бы смысл. Я писал: „Мусагет“ приблизился к тупику, из которого выхода нет; ответ Метнера — даже не крик, а рассерженный взвизг, показавший, что он нервно болен, что надо его успокоить; и я „успокоил“, но — с горьким сознаньем»[109].

Аттестация, данная Белым ответному письму Метнера от 26–29 июня 1911 г., — явно не адекватная: под определение «рассерженный взвизг» подробная, методичная, рационально выстроенная, с истинно немецким педантизмом по пунктам распределенная отповедь Метнера никак не подпадает. По существу Метнер в своих контрдоводах, безусловно, прав; его разъяснения относительно положения дел в «Мусагете», реализованных и нереализованных возможностей отражают подлинную картину, которую Белый не видел или не хотел видеть. Но Метнер не уловил или умышленно отказался воспринимать то ощущение неблагополучия, которым было пронизано инвективное послание Белого. За порицаниями, отчасти невнятно сформулированными, отчасти беспочвенными, надуманными или уводившими в сторону от существа дела, таилось открывшееся Белому осознание неосуществимости «мусагетской» культурологической утопии, недостижимости в очередной раз тех теургических целей, которые вновь замаячили в энтузиастических порывах, сопровождавших рождение нового, казавшегося всецело «своим», издательства.

В результате последовавших эпистолярных и личных объяснений прежняя тональность во взаимоотношениях Белого и Метнера была внешним образом восстановлена. Их упрочению способствовало учреждение «под редакцией Андрея Белого и Эмилия Метнера» «мусагетского» двухмесячника «Труды и Дни», начатого изданием в начале 1912 г., — новой платформы для обоснования символистских религиозно-философских идей. Белый написал для «Трудов и Дней» несколько статей, активно участвовал в составлении и редактировании первых номеров журнала. Достигнутое между соредакторами согласие, однако, оказалось непрочным; на этот раз его поколебал Метнер, уязвленный тем,

[109] *МДР*. С. 383.

что Белый, уезжая в марте 1912 г. за границу, передал рукопись своего, еще незаконченного, романа «Петербург» стороннему издателю (при том что под эгидой «Мусагета» печатать роман тогда не было возможности), а также недовольный его редакторскими решениями при формировании первого номера «Трудов и Дней». Свои обиды и претензии, накопившиеся и по другим, уже совсем малозначительным поводам, он сформулировал в письме к Белому, которое, по всей вероятности, не сохранилось; о содержании его можно судить по ответному письму Белого, а также по ряду иных документальных свидетельств.

О своей ответной отповеди Белый сообщал Н. П. Киселеву в письме из Брюсселя от 7 (20) апреля 1912 г.: «...намекните ему <Метнеру. — *Ред.*>, что только моя сдержанность заставила меня ему ответить *корректно*. И чтобы он осторожнее писал впредь. И так уже после критики моего поведения с журналом *я отказываюсь принимать какое-либо активное отношение* к журналу. Собирать статьи, думать и потом выслушивать укоризны. Кроме того: во мне крепнет после таких писем, как последнее письмо Метнера, — у меня крепнет намерение вовсе не вернуться в Москву, не прикладывать моих рук к Мусагету, дабы не быть объектом нареканий, сетований, сплетен, химер...»[110] Между тем Метнер возобновлял свои атаки. Письма его к Белому, относящиеся к весне и началу лета 1912 г., нам неизвестны, но об их тональности можно составить представление по отзывам адресата (с поправкой на их вероятную чрезмерную эмоциональность): «...мелочность обвинений (если бы они и были справедливы), высчитывания количества прегрешений и т. д., размазанное на 25 страницах большого формата <...> Я и теперь получаю громадные письма, где *отражаются последние мои* разъяснения и т. д. Чего Э. К. хочет, так истерически *воля* 2 месяца, не знаю»[111]. Взаимонепонимание не преодолевалось интенсивностью переписки, а только усиливалось. Идти на полный разрыв с «Мусагетом» Белый все же не решался: ощущение идейной близости к сообществу, сотворенному в значительной мере его усилиями, оказывалось сильнее переживаний, порожденных

[110] Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 53. Публ. А. Л. Соболева.

[111] Письмо к Н. П. Киселеву от 19 мая (1 июня) 1912 г. // Там же. С. 82.

множившимися конфликтными ситуациями. «Продолжаю чувствовать „*коллектив*“ вопреки письмам, — признавался он Н. П. Киселеву 4 (17) июня 1912 г., подразумевая письма Метнера. — И да — *он есть*. Продолжаю чувствовать *связующее нас Главное*. Кроме личной привязанности и дружбы, кроме Главного есть еще мотив быть нам вместе: *нас так мало; и мир нас не любит*. Никакая *пря* нас не разъединит»[112].

Назревала, однако, главная «пря», которая в конечном счете привела к расколу прежнего «мусагетского» «коллектива». Возникла она в связи с идейным тяготением ряда представителей этого «коллектива» к теософии в той форме, которую исповедовал руководитель Немецкой секции Теософского общества, а затем (в 1913 г.) основатель выделившегося из него Антропософского общества Рудольф Штейнер. Приверженцами Штейнера стали А. С. Петровский, М. И. Сизов и Эллис, пропагандировавший, начиная с 1911 г., его учение со всей силой своего темперамента среди «мусагетцев», а затем отбывший в Германию — слушать лекции своего учителя и пребывать под его духовным водительством. Метнер был последовательным и решительным противником Штейнера, не признавал значительности идейных построений «теософского педагога» и отвергал всяческие попытки экспансии его учения в «мусагетские» издания и в любые культурные начинания, осуществлявшиеся под знаком «Мусагета». В письме к Эллису от 12 ноября 1911 г. он со всей определенностью заявлял: «...допускать абсолютизм, церковность, хотя бы новую, в Мусагет я не могу. Штейнер для Мусагета такой же писатель, как и все другие. <...> *Отделения* штейнерьянства или оккультизма или теософии (все равно) в *Мусагете* быть не может. <...> Никаких лекций ни *в* Мусагете, ни *от* Мусагета на темы о теософии, о единодушеспасительной теософической церкви, никакой пропаганды и прозелитизма *определенной* оккультной или сектантской идеологии допущено быть не может. Мусагет за мистику, за религию, за символизм, за науку, за искусство, за философию, а, главное, за духовную *свободу*, соединенную с дисциплиной теоретической и практической и проникнутую чувством личного и коллективного

[112] Там же. С. 83.

долга, т. е. за культуру в высоком и широком смысле <...> Скорее закрою Мусагет, чем изменю своей программе...»[113]

6 и 7 мая 1912 г. Белый и А. Тургенева впервые увидели Штейнера — прослушали в Кёльне его лекцию, вызвавшую у обоих глубокое потрясение, и имели с ним личную встречу, после чего приняли решение приобщиться к кругу его последователей и учеников. Слушание лекционных курсов Доктора (как именовали Штейнера его поклонники) в Мюнхене и Базеле (август — сентябрь) только укрепило их убежденность в том, что они обрели истинный путь к духовному самосовершенствованию. Приверженцем антропософии Штейнера Белый осознавал себя на протяжении всей дальнейшей жизни. Таким образом, во второй половине 1912 г. двое из первоначального руководящего «трио» в «Мусагете» оказались ревностными адептами идеологической доктрины, не согласующейся с общими толерантными культурологическими установками, которым была подчинена деятельность издательского объединения. В стремлении проводить в «Мусагете» штейнерианскую линию Белый и Эллис теперь действовали в унисон; противостоявший их натиску Метнер даже замечал, что в своем идейном пафосе они перевоплотились в некое единое существо, именуемое «Белоэлис»: «Белоэлис требует штейнеризации Мусагета. Белоэлис считает Штейнера вершиною культуры, сверхчеловеком, предтечей второго Христа и т. п. — Белоэлис пишет о Штейнере *Он* с большой буквы. Белоэлис утверждает, что символизм и есть соединение эстетизма и оккультизма и что он, Белоэлис, в бытность свою еще двумя существами, Белым и Эллисом, *всегда* проповедовали эту истину <...>»[114]. Белый, в свою очередь, негодовал против Метнера за его упорный отказ признавать значительность Штейнера и даже усматривал в этой позиции косвенное свидетельство чуждости ему его, Белого, собственной личности. После встречи с Метнером в Базеле, где тот, прослушав лекцию Штейнера, скептически к ней отнесся, Белый жаловался в письме к М. К. Морозовой:

---

[113] РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 20. Ср.: *Куглюковская Л. И.* Эмилий Метнер и Рудольф Штейнер (к истории взаимоотношений, 1910–1911 годы) // Русский книжник. 2014. М., 2015. С. 319–332.

[114] Письмо к А. А. Блоку от 3 октября 1912 г. // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 203.

«Я не понимаю одного: как можно *эту красоту* назвать скучными речами пастора, как называет Э. К. Метнер. <...> Все я прощу Э. К. Метнеру из великой любви к нему. Не прощу одного: я думал, что он с тонким вкусом, а он был на лекции Штейнера — ничего не увидел, ничего не услышал. Значит, все, о чем мы говорили эти 10 лет, в чем согласились, в чем условились, — одно сплошное недоразумение, и мы <говорили> о совсем, совсем разных вещах. Ибо для меня Штейнер безмерное углубленье полусознательных моих грез, меня самого. <...> За что меня любил Эмилий Карлович, не знаю, ибо то, что он во мне любил — это вот (только в миллион раз сильнее) *осуществилось*. Осуществленье — Штейнер. Если он над Штейнером глумится, то для меня это значит: он не глумился над *моим* только потому, что *мое* говорило намеками, и он в *мое* вложил свой, мне чуждый, мне далекий смысл»[115].

Постепенно ставшие нормой общения эпистолярные препирательства, в ходе которых Белый выступал в обличье стихийного, непредсказуемого и хаотичного гения, щедро и безрассудно расплескивающего свои словесные импровизации, а Метнер представал мелочным, упорным и неукоснительным педантом и доктринером, наводящим надлежащий порядок среди предметов спора и восстанавливающим приоритет логики и рассудка, обрели теперь тематическую доминанту в образе Штейнера. Общая идейная конфронтация порождала разногласия в практических «мусагетских» делах, отражалась в столкновениях двух соредакторов «Трудов и Дней» по вопросам публикации тех или иных материалов (показателен в этом отношении конфликт, возникший в связи со статьей Б. В. Яковенко «Философское донкихотство»). Метнер, измученный этим противоборством, жаловался в письме к Вяч. Иванову (12 (25) декабря 1912 г.) при упоминании «новых небрежностей и путаниц Бугаева»: «Скажу только, что большей способности к беснованию и всяческому одержанию я не встречал, что никогда еще не ставилось на пробу в такой невыносимой мере мое терпение и моя любовь, что более возмутительно несправедливого обращения я не переживал никогда и что я сильно сомневаюсь (относительно Бугаева), был ли

[115] Письмо от 7 (20) сентября 1912 г. // *«Ваш рыцарь»*. С. 207, 208.

я когда-либо действительно понят и любим и не является ли „старинный друг“, как меня называет Андрей Белый, просто одним из персонажей „Симфоний“, а я сам, живая личность, — просто моделью <...>»[116]. В конце 1912 г. в результате непрекращающихся конфликтов Белый отказался от редакторских полномочий в «Трудах и Днях» (как было печатно объявлено, из-за неудобств в работе, вызванных постоянным пребыванием за границей).

Формальный отход Белого от ведения текущих «мусагетских» дел способствовал умиротворению в его отношениях с Метнером, которые по своей тональности стали походить на подобие прежней дружбы. Когда в Петербурге возникло на прочной финансовой основе символистское издательство «Сирин», Метнер приложил немало усилий к тому, чтобы напечатать там залежавшиеся в «Мусагете» «Путевые заметки» Белого и еще не оконченный роман «Петербург», а также принять к производству его собрание сочинений (из этих планов осуществилась только публикация «Петербурга»). 8 (21) июня 1913 г. Эллис сообщал Метнеру: «От Бугаева получил прекрасное письмо, где наконец по Вашему адресу зазвучали истинные, старые, милые ноты. Я вообще все б<ольше> и б<ольше> верю в восстановление З<-ройствен>ного союза, без которого немыслимо разобраться в вавилонском хаосе окружающего»[117]. В сентябре 1913 г. Белый и Метнер встретились в Дрездене, провели вместе два дня; обоим показалось, что былая связь восстановлена, несмотря на идейные разногласия. Вскоре, однако, ситуация резко изменилась по причине публикации в «Мусагете» нового сочинения Эллиса.

[116] Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 294. Публ. В. Сапова. Ср. признания Метнера в письме к Эллису от 2 (15) декабря 1912 г.: «Вы признаете себя одержимым. Бугаев — нет. Но в одержимости Бугаева я столь же уверен, как и Вы. Вас обоих носит; Вы не ходите, хотя бы спотыкаясь, на своих на двоих. В мусагетском деле я абсолютно трезв и никакой вины перед Бугаевым не чувствую и никакой химерической напраслины я на него не взводил. Его же нападения на меня сплошь химера... <...> Как Вы не понимаете, что если бы я *внутренно* не прощал Бугаеву всего, хотя и несу (как Вы говорите сами) „всю боль от него как мученичество и долг“, то я бы резко и навсегда оборвал бы с ним всякие сношения. То, что я не обрываю, показывает, что я простил; то, что я *внешне* стегаю его письмами, есть не „опьянение“, а сознание, что так надо и для него и для меня, если мы (хотя бы на том свете) должны были бы снова сойтись, как два „старинных друга“...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 69–70).

[117] РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 11.

По мере того как Белый слушал лекционные курсы Доктора, выполнял заданные им духовные предписания и все более интенсивно вовлекался в жизнь Антропософского общества, Эллис претерпевал стремительную эволюцию в противоположном направлении, уводившем его от Штейнера и оккультного ученичества. Все более и более он утверждался в тех духовных ценностях, которые определились для него в религиозной культуре европейского Средневековья. В результате Эллис покинул Антропософское общество и написал небольшой трактат-манифест «Vigilemus!», в котором, по его словам, активно защищал «религию, культуру и символизм от модерно-теософоразгильдяйства»[118].

Осенью 1913 г. «Vigilemus!» был отправлен в «Мусагет», где принят к печати отдельным изданием. Стороной известия о готовящейся публикации дошли до Белого, который выплеснул на Метнера и на всю редакцию «Мусагета» свое негодование. Убежденный в том, что Эллис использовал в своей работе лекции Штейнера, предназначавшиеся для распространения лишь в кругу его единомышленников, «посвященных», Белый выдвинул ультимативные требования, о которых Метнер оповестил автора «Vigilemus!» в письме от 12 (25) октября 1913 г.: «Бугаев получил из Москвы известие о печатании Вашей брошюры „Vigilemus“, и в результате: две запретительные телеграммы, официальное письмо г-ну секретарю „Мусагета“, с просьбой либо отставить брошюру, либо напечатать в газете его, Бугаева, отказ от сотрудничества в Мусагете, и, наконец, письмо на мое имя, переполненное самою неприличною бранью, с требованием: 1) отказаться от Вашей брошюры для *Мусагета*; 2) и если ее и напечатать в другом издательстве или без марки, то не иначе, как подвергнув ее цензуре Бори и Аси („нашей“ цензуре, гласит письмо)»[119]. Особенное негодование вызвало у Метнера то обстоятельство, что

---

[118] Письмо к Э. К. Метнеру от 16 (29) сентября 1913 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 17.

[119] РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 25. Подробнее об обстоятельствах конфликта см.: *Спивак Моника*. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 71–74; *Лавров А. В.* Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол в «Мусагете» // Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 498–515.

Белый ставил условия для печатания произведения, которого он на тот момент не читал и о содержании которого не мог иметь ясного представления. В результате в редакционном комитете «Мусагета» большинством голосов было принято решение публиковать «Vigilemus!». Корректуру работы Эллиса выслали Белому, который потребовал изъять из нее ряд фрагментов, но его настояниям не последовали. Метнер в связи с выдвинутыми Белым обвинениями составил особое «досье» — развернутый свод возражений и объяснений, который стал финальным высказыванием в этой истории[120]. Белый заявил о своем выходе из состава редакции «Мусагета» и из числа сотрудников «Трудов и Дней», его примеру последовали Петровский и Сизов. Тем самым Метнеру удалось отстоять свое детище от антропософского уклона. Эллис в письме к нему от 4 (17) ноября 1913 г. патетически восклицал: «Вы лично сделали все возможное для отвращения теоантропософической эпидемии от „Мус<аге>та“, за что и я и все понимающие опасность, грозящую *всей* культуре и церкви от магии, — принесут Вам вечную благодарность»[121].

Уход Белого и других приверженцев антропософии из «Мусагета» не способствовал преодолению кризиса внутри издательского содружества, которое, несмотря на старания Метнера, неуклонно утрачивало внутреннюю энергию и интерес к общему делу среди большинства его участников. Неодолимой преградой на пути дальнейшей деятельности «Мусагета» стала начавшаяся Первая мировая война, сделавшая невозможным успешное функционирование каких-либо германофильских институций на территории России. Метнер, находившийся тогда в Мюнхене, был арестован как российский подданный и депортирован в нейтральную Швейцарию, где и обосновался в Цюрихе[122]. Случившееся он, сочетавший в себе две души, русскую и немецкую, переживал как величайшую личную трагедию: «...для меня Россия и Германия два отечества, *равно* любимых. Вот почему эта в полном смысле слова братоубийственная война является для меня

[120] См.: *Лавров А. В.* Эпизод из истории «Мусагета»: «Досье Э. К. Метнера о Vigilemus!» // Russian Literature. 2015. LXXVII–IV. С. 475–500.

[121] РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 21.

[122] См.: *Юнггрен Магнус.* Русский Мефистофель. С. 101.

самым ужасающим событием моей жизни»[123]. «...У него смысл жизни уходит из-под ног, и как он будет дальше жить — неизвестно! — писал о Метнере Г. А. Рачинский Морозовой 24 июля 1915 г. — Русским без оговорок он быть не хочет и не может, а немца из него тоже не выйдет: очень уж он воспитан русской землею и вырос в русской атмосфере»[124]. Обстоятельства, однако, складывались так, что последние двадцать с лишним лет жизни Метнера прошли в Швейцарии и — наездами — в Германии. Вести московские дела «Мусагета» он доверил В. В. Пашуканису, начавшему работу в издательстве в 1915 г. и параллельно затеявшему издательское предприятие под собственным именем[125]. В письме к Пашуканису от 22 апреля (5 мая) 1915 г. из Цюриха Метнер признавал, что «Мусагет» и внешне и внутренне исчерпал себя: «Молодежь <...> рассеялась кто куда; одни ушли в *Путь*, другие вовсе из литературы в науки, третьи в футуризм и т. д. Я считаю, что *Мусагет* не существует более **как** реализирующаяся *идея*, а только **в** *идее*»[126].

Идейный спор Метнера и Белого, сконцентрированный вокруг фигуры Штейнера, однако, продолжился — претворился из запальчивой эпистолярной полемики в фундаментальную, оснащенную множеством источников и основательным библиографическим аппаратом полемику печатную. Начал ее Метнер, поставив перед собой задачу продемонстрировать несостоятельность работ Штейнера, посвященных Гёте. Хотя Белый в расследовании, предпринятом Метнером, даже не упоминается, допустимо предположить, что оно обращено в первую очередь к нему как к читателю, в тайной надежде открыть адепту Штейнера подлинное лицо его кумира. В пользу такого предположения свидетельствуют позднейшие слова Метнера о своей книге

---

[123] Письмо к А. М. Метнер от 2 августа 1914 г. (цит. по комментариям З. А. Апетян в кн.: *Метнер*. С. 159).

[124] Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках <...> / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 647.

[125] См.: *Николаев А. Р.* Викентий Пашуканис — «заведующий коммерческой частью» издательства «Мусагет» // Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты. С. 178–188.

[126] РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 13.

в полемическом «ответе» Белому: «...своим возникновением она в значительной мере обязана длительным вызовам предавшихся антропософии сотрудников *Мусагета*, тогда еще его не покинувших. Они настаивали на том, что я в качестве главного редактора обязан занять ту или иную позицию к антропософии и Штейнеру, учениками которого стали почти все ближайшие сотрудники, во главе с А. Б<елы>м. Первый том *Размышлений о Гёте* был таким образом отчасти „провоцирован“»[127].

Для самого Метнера избранная тема имела ключевое значение. Гёте для него — величайший из «верховных водителей», определяющих ценности культуры, наиболее недосягаемый «из всех звезд первой величины»[128]. В свою очередь Штейнер начал творческую деятельность с исследований, посвященных Гёте. Его первая опубликованная книга — «Очерк теории познания Гётевского мировоззрения» (1886). В 1880–1890-е гг. под редакцией и с комментариями Штейнера были напечатаны естественно-научные сочинения Гёте в пяти книгах, составившие тома 33–36 (последний в двух частях) собрания его сочинений в издании Й. Кюршнера. В ходе подготовки этих томов Штейнер в течение ряда лет работал с рукописями Гёте по естествознанию в веймарском архиве Гёте и Шиллера, позже выпустил в свет еще ряд исследований о Гёте. Из всех этих сочинений Метнер избрал предметом своего критического анализа две работы — «Миросозерцание Гёте» («Goethes Weltanschauung», 1897) и «Гёте — отец новой эстетики» («Goethe als Vater einer neuen Aesthetik», 1889). Объемистый труд Метнера под заглавием «Размышления о Гёте. Книга I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма» был издан в «Мусагете» в 1914 г.

Не претендуя на всесторонний обзор этого произведения и оценку общей концепции автора и степени убедительности выдвигаемых им аргументов и интерпретаций (они нашли призна-

---

[127] РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 258.

[128] *Метнер Эмилий.* Goetheana. I. Введение // Труды и Дни. 1913. Тетрадь 1 и 2. С. 3, 5. См.: *Лагутина И. Н.* Гёте в неопубликованных дневниках и письмах Э. К. Метнера: К проблеме жизнетворчества в русском символизме // Russian Literature. 2015. LXXVII–IV. С. 431–454.

ние у немногих знатоков[129]), коснемся лишь тех аспектов, которые были обусловлены полемической стратегией Метнера и обнаруживали свою значимость и весомость в идейном противостоянии с Белым. Аналитические усилия Метнера диктуются вполне определенной, изначально заданной целью — установлением несовместимости гётеанства и штейнерианства, констатацией внутренних противоречий в исследовательских приемах Штейнера и превращения их «в самодовлеющий внешне-иерархически разграфленный хаос»[130]. Метнер пытается убедить читателя, что Штейнер в своих толкованиях обречен на неудачу, поскольку неспособен воспринять универсальный и свободно реющий дух Гёте: «...попытка же Штейнера совершить рецепцию мировоззрения Гёте должна быть признана внешне „покушением с негодными средствами", как выражаются криминалисты, внутренно же „заранее обдуманным намерением" использовать Гёте для *своих* (пусть очень высоких и нравственно-безупречных) целей. <...> Чтобы посильно приблизиться к духу Гёте, Штейнер должен был бы отказаться, во-первых, от своих книг о нем, во-вторых, от всей дурной схоластики своего проповедничества и писательства»[131].

В восприятии Метнера Гёте и Штейнер — антиподы: и в философских установках, и в структуре личности, и в творческой психологии. Образ Гёте идеализируется до последней степени: Штейнер неспособен «понять принципы роста, борьбы и развития Гёте и достигнутое им, *как ни одним из смертных*,

---

[129] Так, известный лингвист Э. А. Макаев расценивал «Размышления о Гёте» как «одну из самых замечательных книг, которые когда-либо были написаны о Гёте»: «Несравненная, неповторимая, очень индивидуальная, блестящая книга Метнера...» (Эмилий Метнер и Андрей Белый. Беседа Е. А. Тахо-Годи с Э. А. Макаевым / Подгот. текста и публ. Е. А. Тахо-Годи // Николай Метнер: Вопросы биографии и творчества. М., 2009. С. 227). См. главу «Книга о Гёте» в книге Магнуса Юнггрена «Русский Мефистофель» (С. 88–100), а также раздел «Русский символизм и антропософское „гётеанство"» в кн.: *Лагутина И. Н.* Россия и Германия на перекрестке культур: Культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII — первой трети XX века. М., 2008. С. 216–248.

[130] *Метнер Эмилий.* Размышления о Гёте. Кн. I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М.: Мусагет, 1914. С. 43.

[131] Там же. С. 330–331.

совершенство»; «Преимущество Гёте заключалось в небывалой личной гениальности, в особенной чистоте зрения, в глубокости и напряженности мышления»; Гёте выработал «свой властный гениальный метод, который словно издевается над всякой методологией»; в определениях понятия протофеномена сказалась «духовная свобода и мыслительная честность Гёте. <...> За ними чувствуется вся великая внутренняя борьба, весь натиск, весь полет *гениальнейшего* из сынов нашей земли и вся его никем достаточно не постигнутая и не оцененная мудрость самоограничения, притом никогда еще не явленная миру в такой ослепительной красоте...»; «История наук не знает второго Гёте, т. е. еще другого столь же гениального человека, одаренного духовными очами, другими словами, творца идей, который в то же время обладал бы таким исключительно-чистым, непосредственным, асхематичным зрением»[132], — перечень подобных аттестаций, содержащихся в книге Метнера, можно продолжать и продолжать. Штейнер в трактовках Метнера — полная противоположность: воплощенная посредственность, низводящая любые значимые явления до собственного уровня: «...все сосуды у него равно скудельны и содержимое в них одного и того же, я бы сказал казенного, цвета и стоит на одном и том же штейнерском уровне»; «Философия свободы» Штейнера — «книга, носящая следы нудных исканий мысли и непереваренной начитанности молодого человека, совершенно лишенного как философского, так и литературного дарований»; «Штейнер окутывает все „приуготовленное для чистой способности мышления“ облаком своего оккультизма, который где-то, может быть, в недоступных нам профанам эзотерических своих проявлениях и раскрашен всеми цветами радуги, но, слабо отображенный на скучных страницах его экзотерических книг, представляется сплошным серым пятном»; «Штейнер мало что уразумел в Гёте и только всячески пытался использовать его для своей теософской доктрины <...>»[133]. В своих усилиях осмыслить и истолковать Гёте Штейнер — если вновь воспользоваться параллелью с пушкинскими героями — подобен Сальери,

[132] *Метнер Эмилий*. Размышления о Гёте. Кн. I. С. 89, 144, 156, 197–198, 437.

[133] Там же. С. 56, 80, 269–270, 273.

пытающемуся постичь Моцарта и поверить своей «алгеброй» его «гармонию». Явно полемический заряд по отношению к Белому, настойчиво уверявшему, что подлинное осмысление символизма открылось ему в результате приобщения к Штейнеру, заключает неоднократно акцентируемая Метнером мысль о чуждости создателя антропософии символизму: «...все здание тайной науки <...> очевидно не содержит в себе ни одного покоя, где бы мог поселиться символизм. Ибо символизм приходит неизменно сопровождаемый проблематизмом и вовсе не способен ужиться с абсолютизмом, которому принадлежит множество помещений почти во всех этажах здания тайной науки»[134].

Оправдание своему подробнейшему разбору двух «гетеанских» сочинений Штейнера Метнер находит прежде всего в том, что Штейнер породил штейнерианство — сонм фанатических последователей. «Откровенно говоря, — признается автор «Размышлений о Гёте», — если бы Штейнер не был культурно-общественной силой и если бы он не обладал прямо непостижимым авторитетом в глазах многих, гораздо более основательно, нежели он сам, мыслящих, то едва ли стоило бы оспаривать его воззрения»[135]. В этой фразе нельзя не распознать скрытого указания на полемического адресата — Белого. В целом приверженцы Штейнера в своей преобладающей массе вызывают у Метнера ироническую характеристику: «маска научности», наброшенная на оккультные схемы, «импонирует лишь невежественным теософским рантье, которые <...> следуют за лектором Штейнером из города в город, внимая всем его словам с такою сектантскою доверчивостью <...> что им начинает казаться, будто все науки сочинены их учителем»; «...подобно апостолу Павлу и Ницше, Штейнер — великий ловец душ; только стиль его улавливания иной: не апостольский и не артистический, а пасторский и популяризаторский»[136]. «Итак, что же такое Штейнер и где же он?» — вопрошает Метнер и далее фактически обращается к Белому: «Ждем оккультно-точного, но все же снисходительно-популярного ответа от тех его

[134] Там же. С. 351.

[135] Там же. С. 272.

[136] Там же. С. 358–359, 381.

учеников, которые более одарены, нежели учитель, как писатели и мыслители, потому что сочинения Штейнера ни на что нам ответить не способны»[137]. Слова «Ждем снисходительно-популярного ответа» Белый воспроизвел как эпиграф на титульном листе своей книги «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том „Размышлений о Гёте"».

Когда вышли в свет «Размышления о Гёте», личные взаимоотношения Белого и Метнера возобновились, но это была уже их завершающая фаза. Начало Первой мировой войны застало Белого в Швейцарии (в селении Дорнах близ Базеля), где он в числе других сподвижников Штейнера участвовал в строительстве антропософского храма-театра — Гётеанума (Иоаннова здания). В ноябре и декабре 1914 г. Метнер неоднократно приезжал к Белому из Цюриха, их встречи проходили, согласно позднейшему описанию Белого, «миролюбиво и весело», хотя собеседники и «много спорили о докторе»[138]; Метнер же в письме к бывшей жене сообщал, что спор с Белым по поводу «Размышлений о Гёте» закончился «криками» и словесными «кулаками»[139]. В их разговорах возникла и новая тема — Карл Густав Юнг и его психоаналитическая теория; будучи пациентом Юнга в 1914 г., Метнер сблизился с ним и стал его горячим приверженцем; с годами Юнг занял в жизни и внутреннем мире Метнера столь же значимое место, какое ранее занимал Белый[140].

В январе 1915 г. Белый приступил к работе над своей полемической отповедью и при очередном приезде Метнера ознакомил его с первыми фрагментами начатого исследования. Вновь Метнер приехал в Дорнах в начале апреля того же года, уже зная от Сизова, читавшего в рукописи сочинение Белого, что был подвергнут в нем самым резким нападкам. Высказанное Белым пожелание опубликовать его полемический ответ в «Мусагете» породило очередной жестокий спор, который завершился

---

[137] *Метнер Эмилий.* Размышления о Гёте. Кн. I. С. 42.

[138] ЛН. Т. 105. С. 188.

[139] *Юнггрен Магнус.* Русский Мефистофель. С. 121.

[140] См. переписку Метнера и Юнга, опубликованную М. Юнггреном (Там же. С. 230–258).

скандалом и полным разрывом отношений[141]. После этого Метнер написал Белому объяснительное письмо (10 апреля 1915 г.), которое осталось неотправленным, — последнее письмо в их многолетней переписке. Касаясь вопроса о перспективах издания произведений Белого в «Мусагете» (в письме к В. В. Пашуканису от 5 мая 1915 г.), Метнер сообщал: «С Андреем Белым я окончательно поссорился недавно <...>. Вести с ним переговоры лично я не могу даже официально»[142]. «*Так оборвались навсегда*, — резюмирует Белый, описывая их последнюю встречу, — *мои отношения с Метнером, бывшие некогда столь близкими* (с 1902 года до 1911-го)»[143]. Упоминая об этом событии в мемуарах, Белый в очередной раз апеллирует к своему стихотворению «Старинный друг»: образ «два железных гроба», предназначенных для двух друзей, получает теперь свое символическое воплощение: «...эти „гроба“ — разделившие нас идеологии, о которых разбилась прекрасная дружба: с 1915 года уже не встречались мы»[144].

Черту под историей взаимоотношений с Метнером Белый подводит и в предисловии к своей полемической книге, где, пожалуй, единственный раз на всем ее пространстве, сформулированы положительные слова в адрес оппонента: «Тонким, умным, начитанным, элегантным защитником деликатных вопросов культуры слывет автор „воззрений“ в избранных московских кругах; его мнения — резолютивны, я знаю; его книга — я знаю наверное — выдвигает свою тему лет (а не дня) и являет старание погубить зеленеющий всход новой мысли морозом насмешек, присвояя культуру себе, отнимая ее у других. Многолетнею дружбою, серией острейших бесед и совместным участием в „*Мусагете*“ с Эмилием Метнером связан был я»[145]. Далее — последовательная сокрушительная критика, во многом схожая по расстановке смысловых акцентов с той, которую проводил Метнер в «Размышлениях

[141] См.: Там же. С. 124.

[142] РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 13.

[143] ЛН. Т. 105. С. 206.

[144] *НВ*. С. 101.

[145] *Андрей Белый*. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гёте». М.: Духовное Знание, 1917. С. V.

о Гёте»; только на место живого и непревзойденного гения у Белого выдвигается Штейнер — «носитель огненной, эвритмической мысли», а на место Штейнера, изображенного Метнером, — сам Метнер с «деревянною мертвизною» собственных интеллектуальных построений[146]. Если у Метнера Штейнер — исказитель Гёте, то под пером Белого «д-р Штейнер „критически" вскрывает нам Гёте: вскрывает впервые», «д-р Штейнер воистине перед лицом всего мира дал Гётевой мысли бессмертие»[147].

Как и Метнер, Белый пытается придать своей работе фундаментальный, строго научный характер, вовлекая в систему своих умозрений широкий круг источников с неукоснительными библиографическими отсылками. Стремясь к тому, чтобы опровержение взглядов Метнера было неопровержимым и безупречно доказательным, он интерпретацию гётеанских трудов Штейнера дополняет анализом натурфилософского символизма Гёте, нашедшего свое яркое воплощение в «учении о цвете», дает сравнительный анализ построений Гёте и Ньютона, привлекает параллели из восточной мудрости («Бхагавадгита»), Дарвина, Геккеля и т. д. Все эти построения, воздвигаемые Белым с неизменно присущим ему размахом и щедростью образной мысли, имеют самостоятельную ценность (высказано мнение о том, что Белый в своей книге постиг «физику» Гёте гораздо глубже, чем Штейнер и Метнер соответственно в своих работах[148]) и уводят в сторону от метнеровских «Размышлений о Гёте», которые в этом отношении играют роль лишь побудительного импульса. Собственно же книгу Метнера Белый подвергает кропотливому, детальному разбору, используя на новый лад даже статистическую методику, апробированную им в стиховедческих трудах: составляет постраничный регистр выдвинутых Метнером обвинений (Штейнер «не понимает» — 40 раз, «предвзято-тенденциозен» — 41 раз, «уничтожает себя» — 30 раз, «искажает и путает» — 30 раз и т. д.; в итоге — 530 обвинений[149]).

[146] *Андрей Белый*. Рудольф Штейнер и Гёте… С. VI.

[147] Там же. С. 41.

[148] См.: *Лагутина И. Н.* В поисках утраченной истины // Андрей Белый. Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности; Воспоминания о Штейнере. М., 2000. С. 694.

[149] *Андрей Белый*. Рудольф Штейнер и Гёте… С. 266–269.

Опровержение «Размышлений о Гёте» Белый выстраивает по трем основным тематико-смысловым линиям, которые сводимы к одной краткой фразе: Метнер Штейнера не знает, не понимает и заведомо извращенно трактует. Главный козырь Белого-полемиста — сосредоточенность Метнера лишь на двух «гётеанских» работах Штейнера («громовое взывание») и невостребованность остальных его трудов на ту же тему («гробовое молчание»), освоение которых не позволило бы критику делать свои скороспелые и неосновательные выводы: «*Гробовое молчание* и *громовое взывание* здесь встречаются в одном существенном пункте: *в несправедливой предвзятости*»; «Ответ на вопрос, поставленный Эмилием Метнером, у д-ра Штейнера четок; но Эмилий Метнер ответа на свой вопрос — не читал» (подразумевается книга Штейнера «Очерк теории познания Гётевского мировоззрения»)[150]. Убежденный в неоспоримости статистических данных, Белый утверждает, что в «Размышлениях о Гёте» разобрано 180 страниц текста Штейнера и оставлено без внимания 858 страниц, написанных им о философии и естественно-научных трудах Гёте; следует вывод: «Уважаемый автор подрывает себя: критика его — травля, травля, нужная для чего-то; травля, заранее предрешенная; взгляды д-ра Штейнера не интересуют его»[151].

Непонимание Метнером положений Штейнера порождает, по мысли Белого, «голословицу» его критических пассажей («клубок голословия, посыпанный перцем острот и мукой отступлений»): «Не критик он, — отсекатель смысла цитат; он по поводу каждой выпаливает колесо рассуждений об обезглавленных текстах; и — крыловидно порхает безглавица — в мозгу у читателя»[152]. Для демонстрации недобросовестности Метнера в интерпретации воззрений Штейнера Белый прибегает к монтажу цитат — приводит в изобилии фрагменты метнеровских обвинений и опровергает их фрагментами из текстов Штейнера. Убеждая читателя в том, что «Размышления о Гёте» содержат главным образом кривотолки, Белый разоблачает их автора, усиливая

[150] Там же. С. 16, 276.

[151] Там же. С. 138.

[152] Там же. С. 81, 97.

свою критику безудержным использованием сравнений и метафорических уподоблений, зачастую откровенно оскорбительного характера. Метнер предстает «разбойником, в косо заломленной шляпе, кидается на противника, и теперь уже грубою дубиною смеха ударяет не в грудь (защищенную философски), а — в спину: в тыл взглядов <...>»; он же давит «носорожьей броней будто бы логических доказательств; <...> тут бьет севрский фарфор толстокожей стопой носорога; над гранитной стеной перелетает там фертиком»; «Можно, конечно, вандалом ворваться в миросозерцанье любого мыслителя и сокрушать тонкие арабески системы, как хрупкий музейный фарфор; виноват не фарфор; виноват ворвавшийся вандал; <...> бить топором по фарфору — не значит быть критиком»; «Вот что делает спорщик: изломавши случайно прочитанный текст в произволах капризной фантазии, составляет он лживую пародию мысли; и увидевши книгу, — бросается ее растерзать: поступает, как... бык <...> чтоб... поднять на рога»[153]. От быка — один шаг в сферу греческой мифологии, и Метнер воплощается в чудовищного Минотавра: «Раздражение — Минотавр — бьет своим рогом; и — рог отлетает <...> мы видим: гранитную стену; у стены — минотаврин обломанный рог; наконец — покрытого пеною Минотавра в облаке пота и с понуренной мордою скотнодворных животных из... парнокопытных и... жвачных»[154]. Далее Метнер Минотавром проходит через всю книгу: «Минотавровы стоны»; «раздражение автора — не критика, а — глухо стенающий Минотавр, ища своей жертвы»; «лезвие критической мысли не рассекает нам мрака; но из мрака доносится: глухое стенание... Минотавра»; «чревоугодие Минотавра продолжает требовать жертв» и т. д.[155]

Книга «Рудольф Штейнер и Гёте...» не вызвала большого резонанса в печати[156], однако в сузившемся кругу приверженцев

---

[153] *Андрей Белый*. Рудольф Штейнер и Гёте... С. 17, 79, 169, 78.

[154] Там же. С. 70, 71.

[155] Там же. С. 154, 198, 312, 316.

[156] Укажем лишь на рецензию Б. Шлецера, посчитавшего, что книга Метнера не имеет «того значения, которое придает ей Андрей Белый», и сделавшего любопытные наблюдения, касающиеся творческого метода исследования: «Страсть Андрея Белого к формулам, к схемам, к симметричным построениям, стремление

«Мусагета» породила волну протестов. Инициатором похода против Белого стал И. А. Ильин — философ и публицист, сблизившийся с братьями Метнерами в 1913 г. (с Эмилием Метнером его роднил общий интерес к психоанализу; он и его жена вошли в число наиболее желательных для учредителя «Мусагета» новых участников)[157]. 6 февраля 1917 г. Ильин отправил Белому открытое письмо-инвективу: «С чувством острого стыда и тяжелого отвращения прочел я книгу, выпущенную вами против Эмилия Карловича Метнера. Я прочел ее всю, и, читая, чувствовал себя так, как если бы я, уже одним чтением, становился участником низкой выходки, направленной против благороднейшего из людей. Отсюда у меня непреодолимая нравственная потребность заявить открыто, что книга ваша есть явление постыдное и что все непристойное, напечатанное в ней, возвращается на голову того, кто ее писал. <...> А ваша книга есть именно памфлет, приближающийся к пасквилю. Она имеет не объективный, а вызывающе-личный характер; она все время силится скомпрометировать противника и не останавливается даже перед грубою бранью <...> она вся написана тоном вульгарной демагогии, — и потому она есть памфлет. <...> Вам угодно было обогатить русскую литературу пасквилем, — и мы примем его как зрелый итог вашей жизни. <...> Будьте уверены, что я не узнáю вас в лицо и не подам вам руки при встрече. Я не желаю знать вас до тех пор, пока не услышу от Эмилия Карловича, что вы покаянно испросили у него прощение»[158].

Высылая 10 февраля 1917 г. Метнеру копию этого письма, Ильин сообщил, что оно было обсуждено «в интимнейше-замкнутом

его к мелочной точности, мне кажется, зависит именно от аморфности его мышления, от неумения его ограничить себя, от внутренней хаотичности <...> чем педантичнее автор в своих подразделениях и построениях, тем менее читатель склонен верить в его „научность“ и в строгость его логики» (Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1917. № 16118, 24 февраля. С. 6).

[157] В письме к В. В. Пашуканису от 5 мая 1915 г. Метнер заявлял: «Яковенко, Степпун, Ильины являются в настоящее время *идейно* наиболее желательным элементом, т<ак> к<ак> они будут служить опорою для восстановления в сознании общества вечной и великой ценности философского идеализма» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 13). См.: *Юнггрен Магнус*. Иван Ильин пишет Николаю Метнеру // Николай Метнер: Вопросы биографии и творчества. С. 134–144.

[158] *Ильин И. А.* Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 105–106.

кругу»[159] и что копии его рассылаются также ряду других лиц. Горячую поддержку Ильин нашел в лице Эллиса, отправившего письмо, адресованное всем сотрудникам «Мусагета» (7 апреля 1917 г.). «Не может быть никакого сомнения в том, — заявлял Эллис, — что неслыханное в летописях рус<ской> литературы, беспочвенное и возмутительно-клеветническое публичное <…> оскорбление *Э. К. Метнера* <…> есть eo ipso оскорбление и „Мусагета" самого, т. е. всех лиц, *идейно* соединенных между собой и с Э. К. Метнером во имя общей духовной работы <…> Все знающие лично *Э. К. Метнера*, особенно все работавшие годами вместе с ним, *все без исключения* знают, что в вопросе этической и идейной оценки Э. Метнера двух мнений быть не может, *что без моральной, исключительной высоты его* все культурное дело „Мусагета" было бы немыслимо». Эллис заканчивал свои обвинения «надеждой, что выражение дружного протеста откроет глаза самому *г. Бугаеву* на то, игрушкой каких темных и разрушительных сил, столь чуждых всей *прежней* идейной работе *г. Белого*, явился он в деле составления пасквиля, побудит его самого по соображениям не страха перед внешним чьим-либо давлением, а по глубоким мотивам раскаяния и сожаления *немедленно* изъять из продажи свой пасквиль и свои возражения против книги Э. Метнера выразить в иной, более пристойной и моральной форме, самым лучшим примером к<ото>рой может служить иронически-уничтожающая своей корректностью книга Э. Метнера против Штейнера»[160]. В письме к Ильину (17 апреля 1917 г.) Эллис предлагал распространять его обращение к «мусагетцам» «немедленно всюду»[161].

---

[159] *Ильин И. А.* Собр. соч. С. 107.

[160] РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 69. В сопроводительном письме к Пашуканису, датированном тем же днем, Эллис заявлял: «Я верю, что этот неумолимый протест — единственное спасение и выход и для самого *А. Белого*, загипнотизированного Штейнером. <…> Отказ Белого от пасквиля и изъятие его из книжного рынка создало бы для *Белого* возможность здраво, объективно взглянуть на книгу Э. Метнера и ее автора и раскаяться душевно в новом его пути падения. Только так возможно было бы для него освобождение от кошмара и бесовщины Дорнаха» (Там же. Ед. хр. 68).

[161] Там же. Ед. хр. 67. Полностью это письмо Эллиса приведено в работе Н. К. Гаврюшина «В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого» (Вопросы философии. 1995. № 7. С. 100–101). См. также: *Сапов В. В.* История несостоявшейся дуэли // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65.

Между тем сам виновник набиравшего силу скандала какое-то время находился от него в стороне — в Петрограде; обвинительное письмо Ильина было отправлено по московскому адресу Белого. Метнер, ссылаясь на Морозову, сообщал Эллису (Женева, 4 (17) июля 1917 г.): «...к книге Белого все отнеслись отрицательно, но не серьезно, а как к выходке истеричного человека. Испугались за Белого, которого Ильин, пользующийся всеобщим вниманием и уважением, мог уничтожить своим метким прицелом»[162]. Испугались не напрасно: знавшим взрывчатого и экспансивного писателя было известно, что в прошлом у него было несколько — правда, не доведенных до сатисфакции — дуэльных инцидентов. В результате на защиту Белого встал кн. Е. Н. Трубецкой. Белый вспоминает: «...в мое отсутствие к матери забежал Гершензон и потребовал, чтобы я не распечатывал письма; вернувшись, я его вернул Ильину в нераспечатанном виде; текст письма был передан Трубецкому, который стал между нами невольным третейским судьей; Трубецкой объяснил получателям писем, что он, ознакомившись с текстом книги моей, не нашел в ней ничего предосудительного. Мне потом объясняли: Ильин вычитал в книге моей против Метнера гадкие инсинуации, де порочившие честь его друга; вернее, не вычитал, а вчитал в нее свою гадость <...>»[163]. Ильин увещеваниями Трубецкого не удовлетворился: в ответ на его «открытое письмо» сочинил развернутое послание в защиту и с дополнительными обоснованиями своей позиции[164], а также составил досье, включающее

№ 3. С. 254–265; *Лагутина И. Н.* Эмилий Метнер. «Размышления о Гёте». Текст, который становится авантекстом // Гёте в русской культуре XX века. М., 2004. С. 357–358; *Глуховская Е. А.* Последний год «Мусагета»: Эллис между Эмилием Метнером и Андреем Белым // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 287–293.

[162] РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 15. В указанной работе Н. К. Гаврюшина приведено письмо к Белому Г. А. Рачинского, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона и Л. И. Шестова, отправленное по ознакомлении с письмом Ильина, с просьбой «не реагировать на это письмо сгоряча не повидавшись и не обсудив его с друзьями» (С. 104).

[163] *МДР.* С. 280. В цитированном выше письме к Эллису Метнер сообщал со слов А. М. Метнер, что «Трубецкой встретился с Ильиным и рассказал ему, будто в Белом есть сознание вины за свою безобразную книгу».

[164] См.: *Ильин И. А.* Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 107–111. См. также: *Гаврюшин Н. К.* В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 98–105.

собранные им среди знакомых Метнера и Белого семнадцать откликов на его обвинительное письмо[165]. Впрочем, последующего развития этот инцидент не получил. Видимо, революционные события 1917 года не способствовали сосредоточению духовной энергии на конфликтах бесконечно малого, по сравнению с происходившим в обществе, значения.

В письме к Метнеру от 10 февраля 1917 г. Ильин сообщал: «Пасквиль Бугаева выслать Вам нельзя: объявлено о непропуске книг через границу. Отвечать на него печатно — значит валяться в грязи. Вам надлежит совсем промолчать на него»[166]. Когда Метнер с большим опозданием ознакомился с исследованием Белого, он не решился внять этому совету. В письме к Н. П. Киселеву (9 (22) октября 1917 г.) он отмечал «нравственную и умственную низкопробность книги Белого»: она «оказалась гораздо возмутительнее, чем то, как ее обрисовал в своем письме Ильин. <…> Что же касается Анд<рея> Белого, то это даже не человек, а просто чудовище, и притом извращенное»[167]. Последовал развернутый ответ на «Ответ» Белого — текст на более чем 300 листах без заглавия, который отложился в архиве Метнера[168] (реальных перспектив опубликовать эту книгу, видимо, не открывалось: деятельность «Мусагета» в России прекратилась; в Цюрихе же под маркой «Мусагета» Метнеру удалось издать в 1929 г. под своей редакцией и с предисловием лишь русский перевод «Психологических типов» Юнга).

Все выдвинутые против него обвинения Метнер методично, по пунктам, опираясь на строгие логические доводы, отвергает и в свою очередь обвиняет Белого в несостоятельности аргументов («все там вывернуто наизнанку»), передержках, подтасовках,

[165] См.: *Юнггрен М.* Иван Ильин и Андрей Белый в 1917 г. // Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты. С. 34–42.

[166] *Ильин И. А.* Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 107.

[167] РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 10. Полный текст этого письма, а также аналогичного письма Метнера к А. С. Петровскому от 9 (22) апреля 1917 г. с оценкой «пасквиля» Белого см. в статье А. Л. Соболева «Андрей Белый и Н. П. Киселев» (Арабески Андрея Белого. С. 24–27).

[168] РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 4–6. Краткий обзор содержания «ответа» Метнера («Метнер contra Белый») дан в книге И. Н. Лагутиной «Россия и Германия на перекрестке культур» (С. 246–248).

неточном воспроизведении чужого текста («А. Б. <…> цитирует почти всегда более чем неудачно, ибо не только не обращает никакого внимания на контекст, но и часто списывает неверно самый текст» — следуют многочисленные примеры некорректного цитирования)[169] и т. д. Основанный на «эквилибристике с цитатами» метод Белого-полемиста Метнер расценивает как заведомо несостоятельный, уводящий в сторону, пренебрегающий сутью затрагиваемых вопросов: «В своем памфлете А. Б. слишком часто похож на адвоката или прокурора, который, вместо юридического освещения данных предварительного следствия, начинает перед судом лекцию по энциклопедии или философии права, самые же данные либо оставляет вовсе без внимания, либо искажает их фактический и психологический состав, либо, наконец, отделывается от них более или менее грубой и остроумной шуточкой»; «Едва ли найдется в полемической литературе еще такой случай, когда кем-либо с такою смелостью утверждалось нечто, не только вопреки очевидности доказательств, но прямо вопреки наличности напечатанных и опубликованных документов»[170].

В своих контраргументах Метнер постоянно возвращается к тем базовым ценностям, служению которым был призван «Мусагет», и прежде всего к универсальному понятию культуры, которое, по его мысли, Белый не смог надлежащим образом освоить: «Издеваясь над тем, что я будто превращаю Гёте в культур-трэгера, А. Б. обнаруживает безнадежно-внешнее понимание культуры, понимание совершенно антигётевское. А. Б. называет меня вандалом. Вандалы были в свое время так же оболганы тогдашними романцами, как немцы — современными. Но если я в качестве германца вандал, который уничтожает продукты культурного разложения вроде антропософии, то А. Б. в качестве славянина скиф, который осужден на вечное томление по культуре, пока им не усвоена будет органически *идея* культуры (не ее схематическое понятие или описательная формула), пока он не поймет, что напичкивание себя знанием и тренирование себя в различных умениях (хотя бы то были оккультные медитации) не ведут еще, сами

[169] РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 4. Л. 19, 90.

[170] Там же. Л. 24, 34, 37.

по себе, к культуре личности; культура таким путем дает лишь некоторый лоск коже, который постоянно опять утеривается; культура должна стать второй натурой, т. е. проникнуть в глубины бессознательного; но… как обстоит *тут* дело с А. Б–ым, об этом свидетельствует не только непонимание означенного места из письма Гёте Шарлотте фон Штейн <…>[171], но и неожиданные, для меня совершенно невыносимые и, по-видимому, им самим неосознанные срывы в его обоих романах»[172]. Метнер не оставил, по всей видимости, более или менее развернутых аналитических отзывов о подразумеваемых здесь «Серебряном голубе» и «Петербурге» (краткая характеристика этого романа — в письме к Белому от 12 (25) апреля 1914 г.), но ясно, что и его отношение к художественному творчеству Андрея Белого претерпело эволюцию в том же направлении, в каком переоценивалась личность Бориса Бугаева, что вершиной созданного писателем для него остались юношеские «симфонии»[173]. Остается гадать относительно меры

---

[171] Имеется в виду приведенная в «Размышлениях о Гёте» цитата из указанного письма Гёте по случаю окончания им работы над теорией цветов: «Я не раскаиваюсь в том, что пожертвовал этой работе столько времени. Ей я обязан тем, что достиг той *культуры*, которую мне едва ли удалось бы приобрести другим путем»; Метнер подкрепляет эту мысль словами: «…о своеобразной „физике“ Гёте можно сказать, что хотя учение о цветах и не является наукою культурного ряда, но оно — *для* культуры» (С. 127–128). Белый, приведя эти слова Метнера, называет их «очаровательным бормотанием краснеющей барышни» и добавляет: «Утверждение, подобное приведенному, есть откровенный „отказ от толкового объяснения“» (*Андрей Белый*. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. С. 139–140).

[172] РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 4. Л. 5.

[173] Негативная оценка начальных глав романа «Петербург», опубликованных в 1913 г. в 1-м сборнике «Сирин», содержится в дневниковом письме Метнера к М. С. Шагинян от 1–9 (14–22) ноября 1913 г.: «*Петербург* Белого разочаровал меня: гениальное размазывание дрянных психологических атомов; безотрадная опустошенность, сменяющаяся там и здесь замаскированною антропософическою назидательностью: симфонизм сплошь нарочитый. Сам себя обкрадывает и повторяет. Безнадежно утеряна дорога к стилю, зато найдена и укреплена манера; окончательность, — конченность; — гладкая рутина, прерываемая подчеркивающими вывертами; тогда манера становится манерностью; высохший юмор; при чтении скучно, и тогда видишь, как механически местами писалась эта вещь; в общем — выпитость. О Господи! Неужели *он*, на кого я возлагал столько и столь особенных „моих“ надежд, „пал жертвою“… сначала водки и потом теософии?» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 27. Л. 20). Эти впечатления только усилились по ознакомлении с полным текстом романа, о чем свидетельствует

проницательности Метнера при уподоблении Белого «скифу» — плод это его собственных раздумий или намек на изданные в 1917–1918 гг. сборники «Скифы» и одноименное объединение, под знаком которого автор «Петербурга» развивал полонившие его тогда идеи и настроения революционного максимализма, базированные на неизменной штейнерианской основе.

В «ответе» Белому Метнер по-прежнему усердно развенчивает Штейнера как создателя «плоской, путаной, пустой доктрины», «гетерономного начитанного дилетанта», в котором «как в писателе и мыслителе нет ни следа оригинальности; он весь — „составлен“»; уничтожающе и насмешливо характеризует его ревностных последователей («кучка интернациональных богоискателей», воздвигающая «благоговейно капище неведомому Богу в патологическом стиле»), которые «сложили с себя все человеческое, сдали свои души в дорнаховском гардеробе, получили взамен этого контрамарку, дающую право на такую-то долю соборной души»[174]. Резкость и раздражение, с которыми Метнер изничтожает антропософов, понятны: он касался больной темы, ранившей его сознание и психику; продиктованы эти чувства переживанием утраченной дружбы, горестным осознанием того, что между ним и Белым пролегли непереступаемые идеологические барьеры, воздвигнутые антропософским учением, что в конечном счете именно оно стало живительной почвой для тех нападок и оскорблений, которыми перенасыщена книга «Рудольф Штейнер и Гёте...».

Неистовство этих нападок Метнер готов объяснять не только принципиальными идейными мотивами, но по преимуществу

письмо Метнера к Шагинян от 4–10 (17–23) апреля 1914 г.: «Читал или, вернее, страдал над *Петербургом* Белого! Кошмарность этого подозрительно-автобиографичного (по психологии) романа превосходит не только все существующее в русской литературе, но и всякие вероятия. — *Так нельзя*! Это не искусство, а неприличное растление своей гениальности ради банного очищения своих душевных нечистот. — Здесь пахнет парильней и веником и еще разною гадостью. Полное отсутствие Vornehmheit <благородства — *нем.*>; такое внутреннее варварское плебейство, варварски (китайски?) утонченное саморазглядывание, самораздевание, самообнажение, самооплевание (толчок к кот<орым> дан несомненно Достоевским). — К черту все это! К тому же теперь еще присоединилась теософическая бурда» (Там же. Ед. хр. 28. Л. 38–39).

[174] РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 186, 211, 218, 220.

подспудными причинами: «Памфлет А. Б–го можно понять только как месть. Но она, на первый взгляд, несоразмерно велика по сравнению с поступком, ее вызвавшим. Правда, предметом моего нападения явился мейстер А. Б–го, Штейнер, а люди думают, что благороднее мстить за другого, за друга, за ближнего, нежели за себя. Но психологически это благородство крайне подозрительно. <…> Но ряд рассыпанных по книге намеков и кивков, хотя понятных лишь мне, самому А. Б–му и двум или трем лицам, показывают, что свою роль сыграло здесь по меньшей мере и еще одно обстоятельство: досада, что не удалось пристроить антропософию в *Мусагете* и превратить наше издательство в штаб-квартиру штейнерианства. А. Б. привык смотреть на себя, как на лидера *Мусагета*. Он, А. Б., стал антропософом, следовательно и *Мусагет* должен был стать штейнерианским издательством. Этот ход мыслей крепко засел в голове некоторых сотрудников, покинувших *Мусагет* после того как они стали антропософами. Только принимая во внимание все мотивы мести, можно объяснить себе чрезмерность ее проявлений. В самом деле. Я позволил себе несколько подорвать лишь *умственно* авторитет Штейнера, я позволил себе высмеять некоторые стороны „быта“ (как выражается А. Б.) тайной „духовной“ науки и ее приверженцев. А. Б. не оставил на *всем* моем существе ни одного живого места и довел свою ругательную молотьбу до того, что даже похвальные по моему адресу эпитеты зазвучали под его пером нестерпимою насмешкою»[175].

В эмоциональной тональности, господствующей в «Рудольфе Штейнере и Гёте…», Метнер готов видеть отражение также одного, хотя весьма значительного, эпизода, относящегося ко дню его последней встречи с Белым, — заявленного им решительного отказа публиковать эту, тогда еще только начатую, книгу в «Мусагете». «…Никакая дружба не может, — писал в оправдание своего решения Метнер, — идти так далеко, чтобы во имя ложно понятой справедливости, во имя того, что друг твой считает истиной, ты же — заблуждением, позволил бы своему другу издеваться в такой мере, как делает это А. Б. в своем памфлете, над тобой при

---

[175] РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 256–257.

открытых дверях и окнах во всеуслышание. Горьчайшую правду свою А. Б. думал провести в *Мусагете* и притом тогда, когда последний, которого я никогда не считал своим собственным, но „нашим“ домом, по уходе А. Б-го и большинства „наших“ стал тем самым более „моим“ <...> само по себе это новое произведение его являет собою почти сплошь столь низкопробный продукт, что, за исключением немногих менее неясных и более дельных параграфов, она не заслуживала бы ни в коем случае быть напечатанной в *Мусагете*. Дружба дружбой, а служба службой. Этого А. Б. никогда не понимал. Обратно, он полагал вероятно, что во имя прошлой „многолетней дружбы“ я обязан разрешить ему во всеуслышание глумиться надо мною и притом не только над моими мыслями и над моим мышлением, но и над моим существом и притом непременно с кафедры *Мусагета*, который он покинул, отрясая прах от ног своих»[176].

Впечатления от книги «Рудольф Штейнер и Гёте...» заслонили у Метнера все прежние представления о личности Белого на долгие годы, которые протекали вдали от былого друга-врага и были окрашены новыми встречами, переживаниями и интересами (среди последних особенно знаменательно горячее сочувствие национал-социализму — впрочем, закономерным образом обусловленное как догматическим германофильством, так и близкими ему расовыми теориями; подобно своему кумиру Чемберлену, Метнер готов был воспевать осанну Гитлеру)[177]. В душевном мире руководителя «Мусагета» Белый так и остался незаживающей раной. О встрече с Метнером в Швейцарии в 1930 г. вспоминает актриса московского Камерного театра и антропософка Г. С. Киреевская: «Узнав, что я с ним <Белым. — *Ред.*> знакома, Метнер пришел ко мне в гостиницу и буквально часа два метался по номеру, жалуясь, плача, чем-то восхищаясь, на что-то обижаясь на Бориса Николаевича»[178]. О встрече с Киреевской вспомнил

[176] Там же. Л. 258, 260.

[177] См. главу «Культ Гитлера» в книге Магнуса Юнггрена «Русский Мефистофель» (С. 181–191).

[178] *Наседкина Елена, Спивак Моника*. «Примирение состоялось?»: О том, как Андрей Белый «ждал», но «не просил» прощения Эмилия Метнера // Russian Literature. 2015. LXXVII–IV. С. 533.

и Метнер в письме к Вяч. Иванову (апрель 1934 г.), включавшем отклик на смерть Белого: «О кончине Андрея Белого ничего не могу сказать, т<ак> к<ак> он кончился для меня в 1916 г. Единственное, что меня потрясло, это — известие, будто он за несколько часов до смерти просил прочесть ему стихотворение, по содержанию кот<орого> (как мне его передавали) я не мог не вспомнить тех, что он посвятил мне (это „закатные“ и о „старинном друге“). — Потрясло это меня не эстетически-сентиментально, а как предсмертный упрек, что я не *простил* его; года два или три тому назад <…> одна актриса, Киреевская, по поручению Бориса Н<иколаевич>а, говорила со мною о нем и о нашей ссоре; сказала, что Б<орис> Н<иколаеви>ч *ждет* (но *не* просит, т<ак> к<ак> *не* считает себя виновным) моего прощения; ей не удалось уговорить меня; я поручил ей передать ему сердечный привет, но не прощение»[179]. Самое значимое в этом описании — указание, что Киреевская виделась с Метнером «по поручению» Белого, стремившегося хотя бы к заочному восстановлению доброжелательных отношений. О реакции Белого на рассказ о встрече с Метнером пишет Киреевская: «…несмотря на всю корявость моей передачи, он услышал что-то, я увидела слезы на его глазах, и он сказал, я не помню какими словами, но смысл был, что „примирение состоялось“»[180].

Это «примирение», однако, воплотилось только как факт сознания Белого. Метнер, утверждавший при его жизни в письме к Вяч. Иванову (8 июля 1929 г.): «Андрей Белый сам уничтожил свою дружбу со мной», — не изменил своей позиции и после его кончины; незадолго до собственной смерти, высылая Иванову свою немецкоязычную статью о Юнге, в которой попутно была вкратце охарактеризована полемическая книга Белого, он замечал (9 марта 1936 г.): «Думаю, что Вы сочтете меня злопамятным, т<ак> к<ак> я-де не простил А. Белому и после его смерти. <…> Впрочем, да: ему я до сих пор не могу простить ни его

---

[179] *Шишкин Андрей*. Эмилий Метнер и Вяч. Иванов о смерти Андрея Белого (материалы из Римского архива Вяч. Иванова) // Смерть Андрея Белого (1880–1934): Документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. Моника Спивак, Елена Наседкина. М., 2013. С. 717.

[180] *Наседкина Елена, Спивак Моника*. «Примирение состоялось?» С. 534.

штейнерианства, ни его глубоко- и хитро-фальшивой памфлетной критики моей книги...»[181]

Что касается Белого, то в его отношении к Метнеру, определившемся после разрыва личных контактов, возобладала та установка, которую сформулировал Дэвид Копперфилд, мысленно обращаясь к Стирфорту после его гибели: «...вы могли мне не говорить: „Вспоминайте только самое хорошее, что есть во мне". Так я поступал всегда» (гл. LVI)[182]. Впервые Белый набросал мемуарный портрет Метнера в «Воспоминаниях о Блоке» (1922); тень позднейших конфликтов не ложится на этот образ, целиком навеянный атмосферой «эпохи зорь», исполненной мистических надежд и теургических дерзаний: «...конкретнее всех повлиял на меня Э. К. Метнер»; «...помню Метнера 1902 года: изящный, блестящий, весь искристый, вспыхивающий тончайшими характеристиками, напоминал альбатроса он, заширявшего в небе мысли над бурею музыкального моря»; «...он с огромной любовью принялся за гармонизацию мира сознания — при помощи: музыки, философии и культуры»[183]. В той же тональности, но гораздо подробнее, с воссозданием многих эпизодов общения обрисован Метнер в «берлинской редакции» мемуаров «Начало века»; о разрыве взаимоотношений там говорится намеком, упоминание — только попутное упоминание! — двух книг о Гёте и Штейнере подается в метафорической, иносказательной оболочке: «Рок встал через 13 лишь лет <...> восторжествовали коварные *Нибелунги*»[184]. Значимость творческой личности Метнера Белый видит прежде всего в тех, заложенных в ней, потенциях к построению собственной философии культуры, которые позволяют прочерчивать параллели

---

[181] *Шишкин Андрей.* Эмилий Метнер и Вяч. Иванов о смерти Андрея Белого. С. 719–720.

[182] *Диккенс Чарлз.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 415.

[183] *О Блоке.* С. 313, 316. Позднее, переосмысляя (в дневниковой записи от 27 июня 1930 г.) роль в своей жизненной судьбе семейства Соловьевых и Метнера, Белый признавал: «Насколько мне был ближе в теме, в темпе Метнер!» (ЛН. Т. 105).

[184] *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция. С. 419. Подробнее о трактовках Белым образа Метнера «после разлуки» см. в указанной выше статье Е. Наседкиной и М. Спивак «„Примирение состоялось?"» (С. 533–557).

с Освальдом Шпенглером и его «Закатом Европы», ставшим в начале 1920-х гг. откровением в мировой культурологической мысли: Метнер «Гёте, Бетховена, Канта, меня, нас — сплетает утонченными аналогиями в стиле Шпенглера: за восемнадцать лет до появления книги его»[185].

Стихотворный цикл «Старинный друг» Белый перерабатывал неоднократно — и подготавливая в 1914 г., после ухода из «Мусагета», «Собрание стихотворений» для издательства «Сирин», и при формировании берлинского издания стихотворений (1923), и в 1931 г., создав радикально измененную редакцию текста для книги «Зовы времен». Во всех случаях общий смысл и образная структура произведения принципиально не изменялись (правка была преимущественно стилистической, направленной к устранению следов юношеской неумелой версификации), а привнесенные новые акценты, отсутствовавшие в первопечатной редакции, служили декларации непреходящей ценности идеалов, сближавших автора с его «старинным другом»:

Сними со стен рог выдолбленный, турий
С пурпуровым вином: на древнем склепе
Старинные, старинные лазури
Ликуют сном былых великолепий.

Мы — прежние. Мы, вот, на прежнем пире…
По-прежнему: нам небо в души днеет;
По-прежнему: овеивает миром,
И — бледно, бледно, бледно бирюзеет.

Восстанем в жизнь: отныне милость мира,
Простертая, — раскидывает шири[186].

---

[185] *НВ*. С. 97. В рассказе Э. А. Макаева (в записи Е. А. Тахо-Годи) о первой встрече с Белым в 1930 г. приводится любопытный в этом отношении факт: в ответ на сообщение Макаева о чтении им «Заката Европы» Белый говорит: «А вы знаете, что у нас в России тоже был наш Шпенглер. Это Эмилий Карлович Метнер. Вы читали его книги?» (Николай Метнер: Вопросы биографии и творчества. С. 224).

[186] *СП — 2*. С. 406.

В позднейшей мемуарной книге «Начало века» (1933) Белый главу о Метнере завершает сухой констатацией факта прекращения «прекрасной дружбы» и фразой: «Метнер стал — „враг“»[187]. В первоначальном варианте текста, однако, эта фраза заканчивалась не точкой, а точкой с запятой; далее следовало рассуждение, основанное на образах из приведенного выше стихотворного фрагмента: «„*рог*“, в котором старинный мой друг подавал вино жизни, стал *рогом* от рока; иные из наших „*друзей*“ гнусно вырыли пропасть из мороков лживых; сквозь все поднимаю я рог, рог с вином, поднесенным мне некогда: пью за старинного друга!»[188]. Это однозначно сформулированное приглашение к примирению (хотя бы и с беспочвенным обвинением в адрес мифических «друзей», якобы разжигавших конфликт) Белый ввести в окончательный текст книги не решился: в конечном счете возобладали, видимо, те же соображения и эмоции, которые и для Метнера оставались неизбывными даже после смерти его «старинного друга».

А. В. Лавров

[187] *НВ*. С. 101.

[188] Там же. С. 587.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Переписка Андрея Белого и Э. К. Метнера публикуется впервые в полном объеме известных нам текстов по автографам или копиям с автографов (часть писем Метнера), хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) в фондах Андрея Белого (ф. 25) и Э. К. Метнера (ф. 167). Отдельные письма отложились в фонде Н. П. Киселева (ф. 128) и в фонде Андрея Белого в ГЛМ. Архивные шифры указываются в примечаниях к каждому письму, там же сообщаются библиографические сведения о ранее осуществленных публикациях данного письма или фрагментов из него. При этом не учитываются цитаты из публикуемых писем, более или менее пространные, приводимые в ранее изданных статьях и монографиях.

Письма публикуются в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными нормами, но с сохранением отдельных специфических индивидуальных особенностей, наличествующих в автографах (в том числе искаженные написания имен собственных и названий). Описки и иные внешние погрешности текста исправляются без оговорок; синтаксические и прочие несогласованности исправляются без оговорок в тех случаях, когда правильное написание может быть восстановлено однозначно.

Тексты телеграмм не включаются в основной корпус переписки, но приводятся в комментариях.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Белый — Блок — Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919 / Публикация, предисловия и комментарии А. В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001.

Белый — Петровский — Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка 1902–1903 / Вступительная статья, составление, комментарии и подготовка текста Джона Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Блок — Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997 — (издание продолжается).

«Ваш рыцарь» — «Ваш рыцарь»: Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. 1901–1928 / Предисловие, публикация и примечания А. В. Лаврова и Джона Малмстада. М.: Прогресс-Плеяда, 2006.

ЛН. Т. 92. Кн. 3 — Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Вступительная статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц. Публикация Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 153–539.

ЛН. Т. 105 — Литературное наследство. Т. 105. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Составители А. В. Лавров и Дж. Малмстад. Научный редактор М. Л. Спивак. Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев. М.: Наука, 2016.

МДР — Андрей Белый. Между двух революций / Подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990 (Серия литературных мемуаров).

Метнер — Метнер Н. К. Письма / Составление и редакция З. А. Апетян. М.: Советский композитор, 1973.

НВ — Андрей Белый. Начало века / Подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990 (Серия литературных мемуаров).

Ницше — Ницше Фридрих. Сочинения: В двух томах / Составление, редакция, вступительная статья и примечания К. А. Свасьяна. Т. 1–2. М.: Мысль, 1990.

О Блоке — *Андрей Белый*. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М.: Автограф, 1997.

Письма к матери — «Люблю Тебя нежно…» Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922 / Составление, предисловие, вступительная статья, подготовка текста и комментарии С. Д. Воронина. М.: Река Времен, 2013.

Симфонии — *Андрей Белый*. Собрание сочинений: Симфонии / Составление, подготовка текста, послесловие и комментарии А. В. Лаврова. М.: Дмитрий Сечин, 2014.

Соловьев — *Соловьев Владимир*. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступительная статья, составление и примечания З. Г. Минц. Л.: Советский писатель, 1974 («Библиотека поэта». Большая серия).

СП — 1, 2 — *Андрей Белый*. Стихотворения и поэмы. Т. 1–2 / Вступительные статьи, составление, подготовка текста и примечания А. В. Лаврова и Джона Малмстада. СПб.; М.: Академический Проект — Прогресс-Плеяда, 2006.

ГЛМ — Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва).

ГЦММК — Отдел рукописей Государственного центрального музея музыкальной культуры (Москва).

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив г. Москвы.

1902

1. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

1 августа 1902 г. Немчиновка

Немчиновка 1 августа 1902 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Если я начну свою беседу с Вами с погоды, то это, надеюсь, не будет банальностью: лета в 1902 г. не было, так же, как в 1901 г. не было весны. Обыкновенно я и поправляюсь и много читаю: на этот раз вследствие непрерывных дождей я вынужден был сидеть не в лесу, а в комнатах, где вследствие домашней суеты и детского крика[1] я проскучал без дела в течение трех месяцев, успев прочесть только летопись Серафимо-Дивеевского Монастыря[2], два тома исследования Мережковского[3] и... перечитать Андрея Белого[4]. — Адвокатуру я решительно покинул еще весною[5] и совершенно неожиданно приглашен Н. А. Зверевым в качестве Нижегородского цензора нести государственную службу[6]. Пока я прикомандирован на правах цензора к Московскому Цензурному комитету, а в первых числах октября мне предстоит на два года расстаться с Москвой и переселиться в резиденцию царя босяков Максима Горького[7].

Знакомство с Вами, состоявшееся, к сожалению, накануне моего временного, а теперь и постоянного удаления из Москвы, я считаю необходимым закрепить и потому прошу Вас известить меня о Вашем возвращении из деревни; надеюсь, что нам удастся

не раз встретиться, может быть еще в Немчиновке. Брат мой[8] понемногу оправляется от той болезни, которая помешала ему весною познакомить Вас со своим искусством, так что недурно будет нарушать нашу беседу музыкальными антрактами. Итак, я жду от Вас известий. С Алексеем Сергеевичем мы обменялись письмами[9]. Я адресовал ему письмо в Правление, где служит его отец[10]; он ответил мне, не обозначив своего места жительства. Повздорили с ним из-за слащавых старушек и юродства[11]. Он мне сообщил, что *кто-то* родился в Польше 29 апреля 1901 года. Но я полагаю, что кто-то должен быть или русским или немцем причем очень смешанного происхождения*: в крови должно быть и германское и славянское и кельтическое (это, впрочем, наименее важно) и финское и семитическое. Если кто-то будет русским, то он должен будет родиться близ Финляндии в Петербурге, где эта комбинация кровей возможна; если же немцем, то где-нибудь вблизи Венгрии, где родился Никиш и Лист[12]. От польского же пустоцвета ждать нечего. Кельтическое менее важно, так как оно наименее серьезный элемент; для некоторого плутовства, фокусничества оно, пожалуй, в микроскопической дозе и может войти; нечто сар-пеладановское[13] в этом «Кто-то», пожалуй, даже и не помешало бы. Я разболелся об этом потому, что вспомнил Вашего «Кто-то» на севере Франции. — Надеюсь, что Вы пережили период форсированной ненависти (или любви) к отделившемуся продукту своей мысли, и взираете теперь на симфонию спокойными глазами. Конечно, эта форма не имеет будущности, но важно, что литература начинает сознательно учить ее** у музыки и подражает ей, тогда как раньше было обратное отношение: вспомните т<ак> н<азываемые> симфонические поэмы да и вообще программную музыку, не имеющую будущности, несмотря на гигантские усилия Листа. В симфонии есть места, музыкальные не в смысле формы, а по существу: это какое-то непосредственное прикосновение (вневременное и внепространственное) к Ansich'у[14], доступное только музыке... Раньше, до развития и распространения бетховенской и послебетховенской музыки,

* Кто-то должен ~ происхождения (*подчеркнуто Белым*).

** Конечно ~ учить ее (*подчеркнуто Белым*).

такое прикосновение было достигаемо в искусстве слова лишь величайшими гениями вроде Гёте; теперь, благодаря музыкальной атмосфере, это прикосновение замечается чаще и притом у талантов такого размера, как, напр<имер>, Фет... Что же касается «симфонии», как симфонии, то тут я могу только указать Вам на недостаточное контрастирование частей между собой[15]. Нормальный ход таков: от сложного смешанного и разнообразного первой части композиция впадает сначала в один, потом в другой из противоположных элементов (чаще сначала в andante или adagio, а потом уже в scherzo), и наконец в последней четвертой части приходит к решительному выводу. У [Вас же], кроме недостаточного контраста, — некоторая перестановка частей: вторую хочется сделать первой, а первую (andante — музыкальная скука) второй. Третья — на лоне природы scherzo, четвертая великолепно напоминает то же вечно милое и грустно задумчивой первой (у [Вас] второй) и новое собрание умственного цветника и, несмотря на его немощь, приходит к выводу, что еще не все потеряно... еще много святых радостей осталось для людей.....[16] Это очень очень хорошо; прекрасно, искренно, глубоко, сильно и нежно в одно время... Мне бы хотелось, чтобы Вы, если Вам это не очень неприятно, обратили мое внимание на те места вещи, которые Вы считаете *сами* недостаточно ясными, за которые Вы боитесь. *Меня* лично смущает пурпуровое таинство, певец лжи, прозябающий в темнице, Антихрист и Разящий на стр. 157–158; мститель на стр. 195...[17] До свиданья! Пишите, если вздумаете.

Э. Метнер.

Брестской жел. дор. полустанок Немчиновка, Э. К. Метнеру.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 1.

[1] Видимо, подразумевается новорожденный Андрей Сабуров (1902–1959), племянник Метнера (сын его сестры Софьи Карловны и Александра Александровича Сабурова). Подробную справку о его последующей биографии см. в комментариях Т. Н. Резвых к публикации «„Долго, долго мог бы я беседовать с Вами...“ Дурылин, Метнеры и Васильев: годы разговора» (Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы / Сост. Анна Резниченко. М., 2014. С. 251–252).

[2] Имеется в виду издание: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд.

А. С. Мельгуновой / Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). М., 1896. Ср. дневниковую запись Метнера от 8 февраля 1903 г.: «Летом 1902 года в Немчиновке читал обширную летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Старец Серафим понравился мне значительно больше с самого начала, нежели Амвросий» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 76 об. Упоминается Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812–1891), иеросхимонах, старец, духовный писатель).

[3] Исследование Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» в отдельном издании (Т. 1–2. СПб., 1901–1902).

[4] Подразумевается книга, которой Андрей Белый дебютировал в литературе, — вышедшая в свет в апреле 1902 г. «Симфония (2-я, драматическая)» (<М.>: Скорпион, <1902>).

[5] Адвокатурой Метнер занимался после окончания в 1899 г. юридического факультета Московского университета.

[6] Профессор Московского университета юрист Николай Андреевич Зверев (1850–1917) был в 1902–1904 гг. начальником главного управления по делам печати. Ср. сообщение в письме Метнера к А. С. Петровскому от 1 августа 1902 г.: «Назначен я в Нижний Новгород отдельным (т. е. единственным) цензором, так что мне придется возиться с газетами и водиться с Горькими, Дорошевичами etc. — Пока я прикомандирован со вчерашнего дня к Московскому Цензурному Комитету на правах цензора, вследствие чего и буду довольно сильно занят эти два месяца» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6). Эту должность Метнер получил по рекомендации Ф. А. Duховецкого, который, однако, писал ему 4 августа 1902 г.: «Я сделал громадную ошибку, указав Звереву на Вас как на цензора. Вы — по призванью сначала музыкант, а потом — журналист <...>. Цензорство Вам скоро надоест до тошноты <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 8).

[7] Уроженец Нижнего Новгорода, М. Горький постоянно проживал там с января 1898 г. до января 1904 г.

[8] Н. К. Метнер.

[9] В письме от 10 июля 1902 г. Метнер извещал Петровского о своей предстоящей работе цензором в Нижнем Новгороде (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6). Петровский отвечал в недатированном письме: «Кроме того, что я сам лишаюсь Вас, мне очень жаль, что Вам не удастся хорошенько познакомиться с Бугаевым, которого, кроме Вас, мало кто мог бы вполне оценить. Ведь он не чета Балтрушайтисам и пр. Если Б<угаев> не сгорит преждевременно, чего, мне кажется, нельзя ждать, то из него несомненно готовится такая умственная сила (и не только умственная!), равную которой я затрудняюсь подобрать; куда Вл. Соловьев, м<ожет> б<ыть> больше Ницше, притом же у него плюс истинной веры. Зная его 3 года и притом очень близко, и то подчас изумляешься невероятному запасу всяческой силы, именно „силы“, т. е. неопределившейся в деятельности. Я не преувеличиваю» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24).

[10] Журналист, историк, публицист Сергей Александрович Петровский (1846–1917) был членом администрации Московского вагоно-строительного завода, а также чиновником особых поручений при Министерстве народного просвещения (см. статью о нем Людвига А. Новикова: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 591).

[11] В письме к Петровскому от 10 июля Метнер делился впечатлениями от чтения «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря»: «„Летопись“ читаю понемногу; насколько личность Серафима прямо пленяет меня, настолько же отталкивает слащавость старушек. Но что произвело на меня возмутительное впечатление, это юродство Пелагеи Серебренниковой; я Вам сразу сказал, что ее портрет мне не по сердцу; чтение только подтвердило это; особенно не вмещает мой разум ее слова о своих детях: „дал-то Господь их дал, да вот прошу, чтобы взял“. То обстоятельство, что ее просьба была исполнена, самое уважение к ней, к Пелагее, Серафима нисколько не примиряют меня; исполнение просьбы может быть истолковано различно, а Серафим — был святой *человек* и мог ошибиться. Знаете, что: мне скорее понятно, что Мережковский называет Ницше — святым, равным величайшим подвижникам и мученикам, нежели, что Христа (хотя бы так, так ли?) ради юродивая, выпрашивающая смерти своим детям, могла удостоиться почитания со стороны такого великого мужа, каким был Серафим. Я этого никогда не пойму, хотя и желал бы понять!..»

В ответном недатированном письме Петровский возражал: «Ваши слова о „слащавости старушек“ звучат нехорошо; осуждением, к тому же нетерпимым и немного свысока. А за что их осуждать? Перенесите их отношения выше, в Евангелие. Вы встретите там жен-мироносиц, Марию Магдалину и других. Их отношени<я> ко Христу (если всмотритесь) вполне аналогичны. <…> Ваши слова о „Серафимовых сиротах“ отозвались у меня в душе болезненно оскорблением их, и я был бы рад, если бы Вы сами увидали, насколько ложны Ваши „бессознательные впечатления“ и пр., и сами почувствовали, что оскорбили их, и даже не впервые, своим отношением. Относительно блаженной Пел<агеи> Ив<ановны> Вы тоже не правы. Чтобы ее понять, надо „единение любви“ (да и для монахинь Серафима тоже), т. е. надо быть членом той же церкви. А без „единения любви“ к пониманию чего-либо тут не подступишься». О насельнице Дивеевской обители блаженной Пелагее Ивановне см.: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). Нижний Новгород, 2004. С. 544–557, 641–665.

[12] Артур Никиш родился в Лебеньи-Сент-Миклоше, Ференц Лист — в деревне Доборьян, комитат Шопрон.

[13] Французский писатель-символист и художественный критик Жозефен Пеладан (Péladan; наст. имя Жозеф Эме Пеладан; 1859–1918) называл себя «сар» (т. е. духовный вождь); проповедовал католицизм и оккультизм, в 1888 г. возродил общество розенкрейцеров («Орден Розы и Католического креста»).

[14] Философский термин Канта: Ding an sich (*нем.*) — вещь в себе.

[15] Подразумеваются четыре части, на которые разделен текст «Симфонии (2-й, драматической)».

[16] Цитируется заключительный фрагмент части четвертой «Симфонии (2-й, драматической)»: «Без слов передавали друг другу, что еще не все потеряно, что еще много святых радостей осталось для людей...» (*Симфонии.* С. 145).

[17] Подразумеваются фрагменты из «Симфонии (2-й, драматической)»: «Пурпурный свет — ветхозаветный и священный, а красный — символ мученичества. <...> Пурпурный цвет нуменален, а красный феноменален» (часть четвертая); «Тут был и певец лжи, прозябающий в темнице <...>» (часть третья; речь идет об Оскаре Уайльде, авторе эстетического диалога «Упадок лжи» (1889), и его тюремном заключении в 1895–1897 гг.); «А вдали Антихрист бежал обратно на север Франции», «То еще не был Разящий, а лезвие меча среди туч» (часть третья); «Ждали *утешителя*, а надвигался *мститель...*» (часть четвертая). См.: *Симфонии.* С. 130, 107, 119, 134.

2. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

7 августа 1902 г. Серебряный Колодезь

Серебряный Колодезь 7-го августа 1902 года.

Многоуважаемый Эмилий Карлович,

Я был приятно удивлен, получив Ваше симпатичное письмо. Спешу ответить. Простите, что отвечаю не сейчас же. Мы, находясь от города за 33 версты, не часто посылаем туда[1]. Ваше письмо получил только 6-го. Не знаю, когда пойдет мое письмо.

Как печально, что Вы уезжаете из Москвы! Впрочем, надеюсь, наше знакомство укрепится. Вы позволите мне писать Вам в Н<ижний> Новгород? не так ли? Если я замечу, что Мартиникская катастрофа[2], преследования Комба[3] и дурная погода суть следствия одной причины, это будет фраза — но фраза, имеющая микроскопическую дозу вероятия... Чья-то проделка, переходящая то в шутку (болезнь англ<ийского> короля[4], Комб, погода, падение Св. Марка[5] и т. д.), то в жестокость (Мартиника с уцелевшим негодяем)[6]. Однако будущее, как мне кажется, слегка очищается: виннозолотые закаты, опьяняющие дионисианством и столь характерные для весны и начала лета, заменяются какой-то следующей стадией... Леопард уходит... Одно время его

заменила «*рысь*» (российская акклиматизация леопарда Индии), но не надолго. Оригинальность этого явления (явления рысьих свойств) взывает к нашей осмотрительности. Посмотрим, не замигают ли в наших словах, или в печали *зарницы злых, рысиных огонечков*... Посмотрим... И тем не менее два раза в небе произошло нечто неизъяснимо-отрадное, выразившееся в своем «*внешнем*», как синтез несовместимых (или редко совместимых) закатов: синтез розового, религиозного, мистического, женственного заката, символизирующего св. Церковь, Душу Мира, Софию, Lumen Coeli Sancta Rosa[7] (Мережковский) с золотым, ницшеанским, человекобожеским, самоутверждающим закатом. По Соловьеву Логос, воплощаясь в Душу Мира, тем самым нисходит в мир; если же человек проник в Душу Мира, скажу я, и пошел дальше в своем созерцании, то с Кем он неизбежно встречается?.. Привожу выписку из Чтения о Богочеловечестве: «*Если осенение человеческой Матери действующей силой Божества произвело вочеловечение Божества, то оплодотворение бож<ественной> Матери, Церкви (по-другому Души Мира) действующей силой человеческой произведет свободное обожествление человечества*»...[8] «*Ныне мы дети Божии, но неизвестно, что будем*» (Иоанн)...[9] «*Ich schlief, ich schlief — aus tiefem Traüme bin ich erwacht: — die Welt ist tief*» (Nietzsche)[10] не есть ли неизъяснимый синтез двух наиболее типичных и противоположных закатов *символ*, обращающий на себя внимание................. Что же касается *исторического воплощения* «Кого-то», рождения «его» в Польше, то я почти год тому назад уже в достаточной степени оценил это явление. Лицо, сообщившее в моем присутствии об этом, обитает в Н<ижнем> Новгороде[11], куда Вы едете и где, по-видимому, существует нечто вроде очага «бесовщины»...

Вы прочли летопись Серафимо-Дивеевского монастыря, а также исследование Мережковского. Не найти большей противоположности! Меня очень интересует Ваше отношение к упомянутым книгам. Надеюсь, мы с Вами еще не раз серьезно побеседуем об исследовании Мережковского.

Вы очень верное указали на музыкальную безалаберность «*Симфонии*». Ее недостатки я всегда сознавал более чем кто-либо. Эта безалаберность вытекает из недостаточной музыкальной

стройности, отсутствия «общности» частей (не уничтожающей противоположность). Мысль о «*симфонии*» как таковой мне пришла в голову лишь со второй части, которая таким образом и является по-настоящему первой. Первая же — придаток, имеющий с «*симфонией собственно*» весьма малую и чисто внешнюю связь. Правда, в 4-ой части есть попытки провести аналогию с первой, но эти попытки не искупают всей неуместности первой части. Что же касается мест, смущающих Вас, — охотно даю к ним те разъяснения, какие мне кажутся наиболее подходящими.

Ваше недоумение относительно «*пурпурового таинства*» постараюсь рассеять: я не нахожу здесь *страшного*, а разве что — неясное; неясность «*симфонии*», «*жаргонность*» ее — вот второй колоссальный недостаток ее, вытекающий из того обстоятельства, что «*симфония*» отнюдь не предназначалась для печати, а в момент держания корректуры я не мог ее исправить, будучи мыслью отвлечен совсем в сторону. В вышеупомянутом выражении, мне кажется, я хотел подчеркнуть эстетическую, а отчасти и мистическую разницу между настроением красного цвета и пурпурового[12]; красный — цвет мученичества, 1-го Христова Пришествия, Голгофы, цвет феноменальный, возникающий не сам по себе, а из отношения *белого* источника света к серой пыли, дымке (солнце сквозь дымку); серый цвет — воплощение абсолютного бытия (белого) в абс<олютное> небытие (черное) или, вернее, обратно: в *бытие небытия* (см. о значении серого цвета, как компромисса, как «*черта с насморком*» у Мережковского[13])... *Пурпурный цвет* — нуменален; он возникает из смешения красного с фиолетовым и превращает незамкнутую линию спектра

фиол<етовый>
кр<асный>

кр<асный>

в замкнутую, в окружность

пурп<урный> фиол<етовый>. Между пурпурным (т. е. цветом, *соединяющим* ***линии*** спектра) и белым (т. е. *соединяющим* ***цвета*** спектра) отношение сочинения, а между красным и белым — подчинения, но оба цвета, т. е. и белый, и пурпурный — нуменальны, потусветны, один цвет —

покинутого рая, а другой — грядущего Царствия Божия… Оба цвета намекают на связь между небом и землею, а между ними «7» цветов спектра (цветов феноменальных), полнота переживания которых как бы вновь приближает нас к небу. «*Полновременный день*», «*День великого полудня*» (по Ницше)[14], «*Исполнилась полнота времен*» (Павел к Гал<атам>)[15] — как все это похоже! Что же влечет за собою все это? *Жажду белизны, нового слова, написанного на белом камне, слова, которого никто не знает кроме того, кто получает*[16] (7 *цветов*, 7 *церквей*, 7 *печатей*, 7 светильников, 7 *рек, текущих из рая*, 7 *граней*, 7 *ангелов* и т. д.). Можно думать, что до грехопадения спектр был замкнут и состоял из 8 цветов (8-ой — пурпурный), из которых в *пурпурном* была вся сила, т. е. близость человека к Богу Отцу; но грехопадение совершилось, соединяющий цвет (пурпурный) пропал и линия спектра разомкнулась. Пропавший пурпурный цвет (Яхве, Бога Израиля) заменился обетованием о грядущем [Мессии] белом цвете, который отныне станет цветом соединяющим, закрыв собою цвет Бога Отца (пурпурный) «*Я* и *Отец — одно*»…[17] «*Принимающий меня принимает и Отца*»…[18] Если с 1-ым пришествием стала доступна белизна, *то обеление всего человечества* станет возможным лишь во *2-ом пришествии*. «*Обелили одежды кровию Агнца*» (Откр.)[19]. «*Побеждающий облечется в белые одежды*»[20]. Но Христос 1-го пришествия должен был воплотиться в компромисс, т. е. белизна Его, созерцаемая сквозь *серую пыль*, казалась *красной*, отсюда первое пришествие Христа — в красном, а второе в *белом*, т. е. тогда *серая пыль*, застилающая наши очи, — пропадет. Центр «*красного*» перемещается, судя по тому, обращаем ли мы внимание на *источник света*, или на пыль, его застилающую; отсюда два оттенка красного: 1) «*Обелили одежды кровию Агнца*», Христос 1-го пришествия, 2) «А вдали, догорая, дымилось *злое пламя земного огня*» (Соловьев)[21], «Если будут грехи ваши, *как багряное*, как снег убелю» (Исайя)[22]. И так, злое красное: не потому ли Богомилы считают денницу братом Христа?[23]

Отсюда ясно, какая громадная разница между *пурпурным*, с одной стороны, и *обеими* красными, с другой. Желание с нашей стороны постигать тайны мира, минуя *белое* (Христа), пурпурным — губительно, ибо для нас пурпурное дано в белом

(«Я и Отец — одно»); а углубляясь в пурпурное, мы как бы отвергаем *белое* и уже в силу того отвергаем и пурпурное, заменяя его просто красным и, конечно, не кровию Христовой, а *багряными грехами* («Если грехи ваши, как багряное»). Таинственная, пурпурная зоря не должна отражать феноменальности *красного*. Вот объяснения полусознательного употребления мною выражения «пурпуровое *таинство*» (тайна)…[24]

«*Мститель*» в своем окончательном виде, без личины — ожидаемый некоторыми Антихрист (не мог же им оказаться в то время младенец на с<евере> Франции, хотя там и очень подозрительно)[25]. В более общем же виде, т. е. в образе двух: худого кривляки, смахивающего в некоторых чертах на М. Горького, и толстяка, выкрикивающего «*ужасики*» о дыре (Дыромоляйстве, сиречь толстовстве), о принесении в жертву себя муравьям (т. е. самопожертвовании для самопожертвования) и об успехах хирургии[26].

Для меня наиболее неясным и страшным является сцена выводов Мусатова с протянутой у горизонта шкурой леопарда… «*Возвращается, опять возвращается*»[27] — я сам не понимаю, что это: намек ли на *вечное возвращение* или на *возвращение во второй раз* (2-ое Пришествие). Неясность эта неприятно пугает меня, хотя, мне кажется, — эта сцена наиболее удачная из всей «*симфонии*».

Что же касается до несуразности (почти безобразности) в расположении частей друг относительно друга и нелепом нагромождении отрывков, то из 4-х симфоний, написанных мною[28], эта симфония — наименее удачна. Повторяю: колоссальный недостаток ее — «*жаргонность*» и заносчивый тон: — «*Хлестаков, хлыщ в плаще Гамлета, циник, понявший свое ничтожество, сумасшедший, к сожалению не приложивший своего адреса, и пасквилянт*» — так меня называют в «Н<овом> Времени»[29], и кой-что в этом отзыве, к сожалению, истинно.

«*Симфонии*» не имеют будущности, как таковые; но как промежуточная стадия на пути к образованию какой-то безусловно важной формы — они значительны. Это — *начало конца* поэзии в собственном смысле. Андриевский, Мережковский и нек<оторые> другие прекрасно ощущают, что в области

поэзии уже давно творится неладное[30]. Литературу Мережковский низводит в жизнь, а я — в музыку. Может быть, истинно и то, и другое, а может быть, *ни* то, *ни* другое, а *нечто*, чего мы, сыны XIX столетия, уж не видим… Некоторая противоположность в стремлении с одной стороны уничтожит поэзию во имя жизни, а с другой — во имя музыки (музыка, так сказать, *жизненный эквивалент потусветности*) знаменательна: здесь опять-таки одно из бесконечных проявлений все возрастающей полярности; ее окончательный смысл — тайна. Всякое забегание вперед как церковников (с их Антихристом) и теософов, так и теургов à la Мережковский с их речами *о заединяющем религиозном делании* значительны только как первые попытки «*нового мышления*», а не сами по себе. Значение их еще то, что центр тяжести в объяснении окружающей действительности перенесен из прошлого в будущее, что произведет грандиозный переворот в характере созерцаний, едва ли сознаваемый нами во всей полноте. Подавляющий рост музыки XIX столетия не предтеча ли такого поворота? (В музыке, по Спенсеру, зерна будущих эмоций и мыслей.) «*Симфонизируясь*», жизнь не устремляется ли в будущее? Или здесь мы имеем дело с острием, на котором, по выражению Мережковского, колеблется Европа?

Но кто «*знает*»?.. Мы ощущаем «*нечто*»… Каково-то оно покажется в лучах будущего?.. Я успокоен… Даже радостно успокоен… И это — не легкомыслие, а единственно возможное условие существования (так сказать, вторичное спокойствие, успокоение, сознательное возвращение к легкомыслию после тернистого блуждания по опасным завиткам мысли и созерцания).

Человечество пережило все стадии протестантствующей, а также и протестующей мысли вплоть до красиво-соблазнительного своим дикарством анархизма. Описав круг в своих переживаниях, мысль снова обратилась к религиозной истине. Но религиозная Истина, будучи неизменна по существу, изменчива для нас, благодаря неодинаковому состоянию нашей психики. Реакция Христианства на время дает разные результаты, и с этими результатами следует считаться. «*Многое сказал бы вам, но вы не поймете. И вот пошлю к вам Утешителя, Духа Истины, который и наставит вас*»…[31] В этом смысле религиозная Истина

подвержена эволюции. Обратившись к религии после отрицания, мы усложнили способы касания этой истины. Схематизирую свою мысль:

«А *С*» — направление эволюции религиозной Истины.

«*В*» — точка, в которой находится религиозная Истина в момент нашего возвращения.

Выйдя из «*А*» и описав окружность «A D E F G H I», человечество снова подошло к «А» — но с другой стороны; сама же Истина тем временем переместилась в «*В*» и так вот уже перед нами трилемма: 1) или считать Истину за «А», или 2) за В... Но если считать Истину за «А», то мы можем двояко рассматривать ее: непосредственно как «А» или же 3) сквозь туман прожитого (I H G F E D A). Отсюда возникает троякое отношение к религиозной Истине, троякий путь. (1) Путь «*I H G F E D A B*» — путь теософский, где метод согласования пройденного с религией выступает на первый план; отсюда важная роль «*ума*», отсюда умственность, схематичность теософов. (2) Путь «*I A B*» — путь христиан церковников, где простор чувству и наоборот скованность воли и ума, (3) и наконец путь *I B* неохристиан, теургический, минующий религиозную Истину в прежней ее исторической формулировке (в той формулировке, которую она имела в момент удаления от нее) и берущий ее в окончательной или современной формуле. Отсюда резкое различие церковников и теургов и невозможность согласия между ними в *данный момент*, хотя пути их в конце концов сходятся (быть может), но у самих церковников нет того же отношения к религии, как и у первых христиан (т. е. отношения к «А» из «А» же)... Да кроме того Истина переместилась уже в «*В*» и «*А*» является ее *периферическим, а не внутренним* толкованием. Церковники, претендуя на одинаковость своего созерцания с созерцанием христиан первых веков, забывают, что отношения между людьми и обоими *Пришествиями* изменились, а такая перемена положений не может

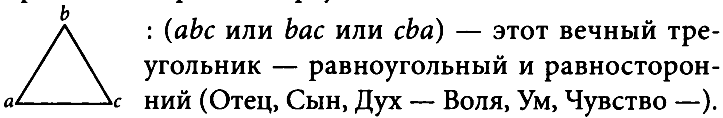
не оказать глубокого влияния на характер созерцания. (Если сперва было так

1-ое при<шествие> христиан<ство>2-ое пр<ишествие>

•——————•——————•——————

то теперь, скажем, так 1-ое ——•—— 2-ое пр<ишествие>
христ<ианство>

Следовательно, безусловное значение *церковности и только* в деле нашего приобщения Истине — не вполне основательная монополия, а сопровождаемая насилием над духом и угрозами, она теряет часто даже и то, что принадлежит ей по праву. Из неодинаковости трех путей (быть может, истинных) вытекает разногласие, которое мы всюду встречаем, когда церковник чурается теософа и теурга, а эти последние презирают церковника, не соглашаясь в свою очередь друг с другом. Между тем, если каждый путь имеет свою долю истины, то не являются ли необходимыми эти три теперь уже начавшие определяться русла христианства? не все ли равно, как прочесть треугольник

: (*abc* или *bac* или *cba*) — этот вечный треугольник — равноугольный и равносторонний (Отец, Сын, Дух — Воля, Ум, Чувство —).

Вот почему я *свободно* отношусь ко всем трем направлениям: будущее укажет, какое из них наиболее истинное и что в нем истинно. Не следует забывать, что все мы младенцы в деле религии... Не лучше ли нам воздержаться от причисления непонятного и нового к лику Демона? а то как раз попадешься впросак («*Взявший меч от меча погибнет*»...[32] «*Не судите, да не судимы будете...*»[33]) Я не хочу этим сказать, что теософы или теурги стоят на более верном пути, я сам склоняюсь к церковности и знаю, что, минуя «*A*», теург рискует промахнуться и попасть в «*X*» или «*Y*», но всякий путь вырабатывает и методы проверки, и с осторожностью можно сравнительно безопасно для себя плавать по «*иноземным морям и открывать Африки*».

Я предоставляю желающему замыкаться — замкнуться и расставить вокруг себя ширму собственной усталости, но протестую против навязывания и другим этой усталости; к сожалению, церковники питают нас не церковностью в глубоком, утверждающем смысле, а суррогатом ее — неврастенией...

«*Ныне мы дети Божии, но неизвестно, что будем*» (Иоанн)[34]. Что ближе к этим радостным словам Евангелиста: ницшевское ли «*Die Welt ist tief*», или приводимое ниже стихотворение с.-петербургского молодого поэта А. Блока (нигде еще не напечатавшего своих замечательных стихов), в котором гениально выражено настроение этой ложной церковности?

Однако заканчиваю длинное до возмутительности письмо. В Москве я буду 18, 19-го или 20-го августа и вряд ли успею воспользоваться Вашим любезным приглашением, хотя буду у Вас в Москве в конце августа (если позволите). Быть может Вы напишете мне сюда до 17-го или в Москву после 17-го… Льщу себя надеждой услышать игру Вашего брата, от которой я многое ожидаю. Пока же до свиданья. Еще раз спасибо за письмо. Остаюсь готовый к услугам

Б. Бугаев.

P. S. Пользуюсь оставшимся местом для переписки стихотворений А. Блока — самого талантливого поэта «из молодых» (это мое убеждение)[35]. <…>

Не правда ли, какое проникновение куда-то скрывается под этой слегка корявой, неповоротливой формой? И до чего современны, до чего страшны такие стихи?

Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 1. Помета красным карандашом: «I». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 184.

Ответ на п. 1.

[1] Указывается расстояние от имения Серебряный Колодезь до города Ефремова Тульской губернии, в котором находилось ближайшее почтовое отделение.

[2] 25 апреля (8 мая) 1902 г. на острове Мартиника взорвался, разлетевшись на части, вулкан Мон-Пеле и уничтожил портовый город Сент-Пьер вместе со всем его населением (36 тысяч человек).

[3] Имеется в виду антиклерикальная деятельность французского кабинета министров во главе с Луи Эмилем Комбом, подготовившего закон о разделении церквей и государства и проведшего закон, направленный против католических конгрегаций. Возможно, непосредственным источником для Белого здесь послужила статья: *Поселянин Е.* <Погожев Е. Н.> Мысли и впечатления. Гонение христиан во Франции // Московские Ведомости. 1902. № 214, 6 августа. С. 2; № 215, 7 августа. С. 1.

[4] 23 июня (н. ст.) 1902 г. английский король Эдуард VII перенес хирургическую операцию, вследствие чего его коронация была отложена на шесть недель.

[5] Имеется в виду колокольня Сан-Марко (кампанила; 888–1517 гг., высота около 100 м) на Пьяцце ди Сан-Марко в Венеции. Утром 1 (14) июля 1902 г. вследствие неудачной реставрации она обрушилась; к 1912 г. была восстановлена.

[6] Одним из уцелевших жителей Сент-Пьера оказался портовый грузчик Аугусто Кипари, который во время катастрофы сидел в подземной тюрьме; тем не менее он получил обширные ожоги по всему телу.

[7] «Свет небес, святая роза» (*лат.*) — обращение к Деве Марии; строка из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829).

[8] Неточная цитата из «Чтений о Богочеловечестве» (М., 1881) Вл. Соловьева (Чтение одиннадцатое и двенадцатое). См.: *Соловьев Владимир.* Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 169.

[9] Искаженная цитата; ср.: «...мы теперь дети Божии; но еще не открылось, чтó будем» (1 Ин. 3: 2).

[10] «Песнь Заратустры» из философской поэмы Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» («Also sprach Zarathustra», 1883–1885; ч. 3, «Другая танцевальная песнь», 3; ч. 4, «Песнь опьянения», 12); в переводе Ю. М. Антоновского: «Глубокий сон сморил меня, — // Из сна теперь очнулась я: // Мир — так глубок» (*Ницше.* Т. 2. С. 165–166, 235); в переводе Д. Борзаковского: «Я спал, я спал — // Я пробудился от глубокого сна: — // Мир глубок» (*Ницше Фридрих.* Собр. соч. Т. I. Так говорил Заратустра. М.: Изд. М. В. Клюкина, <1900>. С. 252, 352).

[11] Имеется в виду нижегородская журналистка и автор религиозно-мистических сочинений Анна Николаевна Шмидт; она «собственным умом построила гностическую систему <...> выступила с проповедью новой церкви, которая должна родиться из православия, проповедовала третий Завет, учила о женственной природе третьей ипостаси <...> воображала себя „ангелом церкви“, а Соловьева считала новым воплощением Христа, своим возлюбленным женихом» (*Соловьев С. М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 399). В «Воспоминаниях о Блоке» Белый сообщает: «Помню: явление покойной Анны Николаевны Шмидт из Нижнего Новгорода осенью 1901 года; она познакомила М. С. Соловьева с кругом идей, выраженным в „Третьем Завете“ и „Исповеди“; я познакомился с ней и мы обменялися письмами» (*О Блоке.* С. 34). См. о ней: *Аккерман Галина.* Загадка Анны Шмидт // Континент. 2005. № 123. С. 372–393; *Козырев А. П.* Нижегородская сивилла // История философии. Вып. 6. М., 2006. С. 62–80.

[12] Ср. в «Симфонии (2-й, драматической)» (ч. 4): «3. Пурпурный свет — ветхозаветный и священный, а красный — символ мученичества. // 4. Нельзя путать *красное* с *пурпурным.* Здесь срываются. // Пурпурный цвет нуменален, а красный феноменален» (*Симфонии.* С. 130).

[13] Имеется в виду фрагмент из книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» («Религия», ч. 2, гл. 5): «...дух всего нуменально-серединного <...> дух не холодный и не горячий, а только теплый, не черный

и не белый, а только серый, если и „великий“, то разве лишь нашим собственным ничтожеством великий, а сам по себе „маленький, гаденький, золотушный бесенок с насморком, из неудавшихся“» (*Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. М., 2000. С. 408 («Литературные памятники»)). В тексте цитируются слова Ставрогина («Бесы», ч. 2, гл. 3, IV). См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 231.

[14] Образ «великого полдня» — в поэме «Так говорил Заратустра» (ч. 3, «О трояком зле», 2; ч. 4, «Знамение»). См.: *Ницше.* Т. 2. С. 137, 237.

[15] Гал. 4: 4 («...пришла полнота времени...»).

[16] Откр. 2: 17 («...дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает»).

[17] Ин. 10: 30.

[18] Мф. 10: 40 («...кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня»).

[19] Откр. 7: 14 («...убелили одежды свои Кровию Агнца»).

[20] Откр. 3: 5.

[21] Заключительные строки стихотворения «Вся в лазури сегодня явилась...» (1875). См.: *Соловьев.* С. 61.

[22] Ис. 1: 18.

[23] Богомилы — еретическое движение, возникшее в Болгарии в X в. Согласно их вероучению, верховный добрый Бог сотворил невидимый духовный мир во главе с перворodным старшим сыном Сатанаилом, который возмутился против Отца, был низвержен с неба и стал творцом видимого, материального мира. Небесный Отец ниспослал Христа, или Слово, который отнял у Сатанаила остатки божественной силы и могущества.

[24] Образ из «Симфонии (2-й, драматической)» (ч. 2): «Над снежно-белой тучкой совершалось пурпуровое таинство» (*Симфонии.* С. 97). Более подробно свои представления о цветовой символике Белый развивает в статьях «О религиозных переживаниях» (1903), предназначавшейся для журнала «Новый Путь», но там не опубликованной (впервые: Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 4–9), и «Символизм как миропонимание», напечатанной в «Мире Искусства» (1904. № 5. С. 173–196; впоследствии соответствующий фрагмент выделен в самостоятельную статью под заглавием «Священные цвета», см.: *Андрей Белый.* Арабески. Книга статей. М.: Мусагет, 1911. С. 115–129).

[25] Подразумеваются эпизоды из 3-й и 4-й частей «Симфонии...»: «3. Ему писали, что семейство грядущего *зверя* найдено и что *зверь* еще не вышел из пеленок. 4. Это был пока хорошенький мальчик, голубоглазый, обитающий на севере Франции»; «Тут ему подали письмо с севера Франции. <...> Ему писали, что *Зверя* постигло желудочное расстройство и он отдал Богу душу, не достигши пяти лет, испугавшись своего страшного назначения» (*Симфонии.* С. 121, 130).

26 Речь идет о фрагментах из 4-й части «Симфонии...»: «3. <...> выскочил худой кривляка с нависшими черными бровями, грозовым взором и всклокоченной шевелюрой. // 4. Он был в нижнем белье и на босу ногу. <...> Он подскочил к кряхтящему толстячку и шепотом велел ему молчать. // 5. На что босоногий лектор возопил гласом велиим: „Петруша, разреши мне выкрикнуть еще один только ужасик!“»; «...раздавались слова заговорившего толстячка: „Положим — стоит африканская жара... Я раздеваюсь донага и валяюсь на муравьиной куче... Множество маленьких насекомых впиваются в мое тело!..“»; «Я разрезаю живот... Вытаскиваю и прочищаю кишки... Отрезав нужный мне кусок кишки, я сшиваю отрезанные концы <...>» (Там же. С. 136–138).

27 Подразумевается эпизод из 3-й части «Симфонии...»: «И он подхватил: „*Опять, опять возвращается...*“ <...> Горизонт был в кусках туч... <...> Точно леопардовая шкура протянулась на западе» (Там же. С. 113).

28 Под 4-й «симфонией» подразумевается ее первоначальная редакция, над которой Белый работал летом 1902 г.; ср. его свидетельство в автобиографическом письме к Р. В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: «...летом 1902 года пишу *первую редакцию 4-ой Симфонии*, и в том же 1902<-м> — вторую редакцию, уже портящую первую. Считаю *нормальной* 4-ой Симфонией эти не существующие первые две редакции» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 488). В полном виде эти тексты не сохранились; в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» были опубликованы фрагменты под заглавием «Отрывки из 4-й симфонии» (М., 1903. С. 52–61). См.: *Симфонии*. С. 372–381.

29 Имеется в виду рецензия на «Симфонию (2-ю, драматическую)», напечатанная в рубрике «Книги за неделю». Приведя в ней слова Полония о Гамлете («Это безумие, однако же в нем есть что-то систематическое»), автор продолжал: «Тысячи молодых людей, которым лень быть логическими и здравомыслящими, рядились, рядятся и будут рядиться в это якобы систематическое безумие, криво улыбающееся, подмигивающее, делающее вид, будто оно таит, себе на уме, нивесть какие глубины и тайны. Но клобук не делает человека монахом, а в мантии, украденной у Гамлета, может щеголять и несносно претенциозный болтун о выеденном яйце, и хлыщ Хлестаков, и даже просто пасквилянт. К глубочайшему сожалению, приходится отметить, что какие бы смыслы ни крылись в „Симфонии“ г. Белого, но пасквиль-то сквозит в ней несомненнейшею прозрачностью — и, притом, даже не пасквиль, но мелкий, местный, московский пасквилек, обличитель никому за пределами тесного московского кружка неизвестных человечков» (Новое Время. Иллюстрир. прилож. 1902. № 9456, 3 июля. С. 9. Подпись: В. А. Л.).

30 С. А. Андреевский изложил свою критическую точку зрения на современное состояние русской поэзии в статье «Вырождение рифмы (Заметки о современной поэзии)» (Мир Искусства. 1901. № 5). См.: *Андреевский С. А.* Книга о смерти / Изд. подгот. И. И. Подольская. М., 2005. С. 449–468 («Литературные памятники»).

[31] Ср.: «Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить» (Ин. 16: 12); «Когда же приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15: 26).

[32] Мф. 26: 52 («...все, взявшие меч, мечом погибнут»).

[33] Мф. 7: 1; Лк. 6: 37.

[34] См. выше, примеч. 9.

[35] Далее следуют списки стихотворений А. А. Блока «Брожу вдоль стен монастыря...», «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...», «Ищу спасенья...», «Одинокий, к тебе прихожу...», «Эллины, боги бессонные...» (две заключительных строфы стихотворения «В полночь глухую рожденная...»). См.: *Блок.* Т. 1. С. 108, 60, 41, 42. Списки восходят к автографам стихотворений Блока, высланным в Москву семейству Соловьевых (см.: *Котрелев Н. В.* Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 1980. С. 244–245).

3. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

2 сентября 1902 г. Москва[1]

Жду Вас во вторник 3-го сентября к 7 ч. веч<ера> (Чернышевский переулок, дом Духовского).

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 2.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 2. IX. 1902. Отправлено по адресу: «Угол Арбата и Денежного пер., д. Обухова».

4. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

24 сентября 1902 г. Москва

Жду в воскресенье и<ли> в понедельник[1]. Советую 27-го быть в симфоническом концерте Горелова из-за симф<онии> и Полета Валькирий[2].

Э. Метнер

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 3.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 24. IX. 1902. Отправлено по адресу: «Угол Арбата и Денежного пер., д. Обухова».

[1] 29 и 30 сентября.

[2] 27 сентября 1902 г. в Большом зале Московской консерватории состоялся симфонический концерт: под управлением дирижера Александра Леонтьевича Горелова (1863–1937), директора Астраханского музыкального училища, были исполнены 6-я симфония П. И. Чайковского и «Полет валькирий» Р. Вагнера (оркестровое начало 3-го действия музыкальной драмы «Валькирия», 1870). См.: *Ю. Э.* <Энгель Ю. Д.> Симфонический концерт оркестровых музыкантов // Русские Ведомости. 1902. № 267, 27 сентября. С. 2.

5. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

4 октября 1902 г. Москва

Жду Вас завтра в субботу 5-го октября к 7 ч. вечера, — непременно!

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 4.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 4 X. 1902. Отправлено по адресу: «Угол Арбата и Денежного пер., д. Обухова».

6. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

18 октября 1902 г. Москва

Уезжаю в начале той недели[1]. Жду в субботу, 19-го, в 6 ч. вечера.

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 5.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 18. X. 1902. Отправлено по адресу: «Угол Арбата и Денежного пер., д. Обухова».

[1] Речь идет об отъезде в Нижний Новгород по месту исполнения цензорской службы.

7. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

15 ноября 1902 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 15 ноября 1902 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Да будет это письмо мое исключительно деловым, т<ак> к<ак> если до приезда Анюты[1] я был занят по горло визитами,

приемом, поисками квартиры и вступлением в исполнение обязанности[2], все время не переставая страдать удушьем, то теперь с приездом Анюты я занят с нею устройством нашего гнезда. *Адрес мой*: Угол Телячьей (?) улицы и Вознесенского (!?) переулка, дом Абрамова... Сообщите его Алексею Сергеевичу[3] и скажите ему, что я вскоре напишу ему.

Получил письмо от Духовецкого[4]. Он пристает ко мне, чтобы я дал ему фельетон. Мне сейчас некогда. Я уже говорил Вам, что *Приднепровский Край* охотно напечатает все, что я ему рекомендую. Пишите скорее критическую статью о чем угодно: о Лествице, Моне Ванне, Пане[5], о московских и иных декадентах. Пишите, как можно оригинальнее, и отправляйте в Екатеринослав, „Приднепровский Край" Редактору Ф. А. Духовецкому. Я его уведомлю о Вашем нашествии. Можете свою статью не сопровождать никаким письмом, если последнее Вас затрудняет... Lucidum intervallum* в мрачных первых трех неделях пребывания** моего в резиденции «Великого Хама Земли Русской» (так Дмитрий Сергеевич, кажется, называет Горького)[6] были три дня, проведенные мною с Гелиосом музыки, Гофманом, с которым я не виделся 4 года; он дал здесь два концерта, но нижегородская мразь оценить его не могла: для нее он... холоден[7]; его холод такой температуры, когда он производит то же действие, что и огонь***: жжет; но только не смердяковские сердца, ибо они хотят тепленького. Я рад был его видеть (не только слышать); он тоже видимо был приятно поражен сюрпризом встретить меня в Нижнем. Мы много с ним говорили; он просил меня устроить сближение между ним и Колей, которого он слышал только один раз, на ученическом концерте (причем Коля играл самую трудную вещь новой фортепианной литературы, *Исламея* Балакирева); Гофман говорил мне, что он сколько ни бился, не мог ее сыграть так, как Коля, и поэтому бросил ее...[8] Мне просто не верится в его искренность... Гофман (слышали ли Вы его?) — это безусловно первый пианист в настоящее время; даже далеко первый... По характеру это Моцарт, Пушкин;

---

* Светлым промежутком (*лат.*).

** *В автографе написано дважды.*

*** Его холод ~ что и огонь (*подчеркнуто Белым*).

Аполлон в искусстве, он мечтает быть Дионисом; по этому поводу он очень грубо и глупо сострил: аполлониевское он производит от *a* и *pollution**, говоря, что такое искусство не может вызвать сильных эмоций; дионисианство же слишком распущенно, распутно, недостаточно ритмично или же слишком ритмично, грубо ритмично... Непременно ступайте на все концерты Гофмана; это огромная школа для развития истинно непорочного музыкального вкуса. [Как только получите письмо от Мережковского] Сообщите мне о различии текста журнала и отдельного издания[9]. Вышлите также наложенным <платежом> журнал *Новый Путь*[10]. Пишите, мой милый друг! Кланяйтесь родителям.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 6.

[1] А. М. Метнер, урожд. Братенши; приехала в Нижний Новгород после венчания с Метнером в Москве. Ср. дневниковую запись Метнера от 2 января 1903 г.: «...я был обвенчан в 11 ч. утра 23 октября 1902 года. Шаферами были Борис Бугаев и Алексей Петровский, Коля и оба брата Анюты <Н. К. Метнер, Александр Михайлович Братенши и Андрей Михайлович Братенши. — *Ред.*>. <...> Бугаев и Петровский были восхищены Анютою и всячески старались...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 56 об., 57 об.).

[2] См. примеч. 6 к п. 1.

[3] А. С. Петровский.

[4] Федор Аркадьевич Духовецкий весной 1902 г. стал редактировать екатеринославскую газету «Приднепровский Край» (в письме от 20 апреля 1902 г. он предлагал Метнеру место помощника редактора // РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 8). Упоминается письмо от 9 ноября 1902 г., в котором Духовецкий сообщал о конкурирующей екатеринославской газете «Вестник Юга» («стал выходить <...> под либеральным флагом и провозглашает юдофильство своим принципом») и просил Метнера участвовать в «Приднепровском Крае»: «...поддержите: пишите, ради Бога, что-нибудь хорошее» (Там же). В «Приднепровском Крае» Метнер напечатал (за подписью: Э.) в 1903–1904 гг. цикл статей «Школа и образование» и ряд статей на эстетические и литературные темы.

[5] «Лествица» — поэма А. Л. Миропольского (наст. имя Александр Александрович Ланг; 1872–1917); «Монна Ванна» (1902) — драма Мориса Метерлинка; «Пан» (1894) — роман Кнута Гамсуна. Подразумеваются прежде всего книги, вышедшие в издательстве «Скорпион»: *Миропольский А. Л.* Лествица. Поэма / Предисл. Валерия Брюсова. М., 1902; *Гамсун Кнут*. Пан /

---

* Осквернение; непроизвольное извержение семени (*фр.*).

Предисл. К. Д. Бальмонта. Пер. с норв. С. А. Полякова. М., 1901. Первый перевод драмы Метерлинка: Монна Ванна / Пер. Л. Гольштейна. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1902.

[6] Д. С. Мережковский. См. п. 1, примеч. 7.

[7] Концерты И. Гофмана состоялись в нижегородском коммерческом клубе 5 и 7 ноября. Вопреки мнению Метнера, они получили высокую оценку в местной печати («Публика с величайшим интересом следила за дивной игрой г. Гофмана и восторгалась его изумительной техникой, поражающей своею легкостью и простотой передачи труднейших пассажей»), лишь было отмечено, что при исполнении музыки Шопена Гофману «не достает увлечения и страсти» (Волгарь. 1902. № 305, 7 ноября. С. 3; см. также: *К-о.* Концерт г. Гофмана // Нижегородский Листок. 1902. № 306, 7 ноября. С. 2–3).

[8] Речь идет о Н. К. Метнере. Он исполнял «Исламея» М. А. Балакирева 6 февраля 1900 г. в концерте учащихся Московской консерватории в пользу их недостаточных товарищей (комментарии З. А. Апетян в кн.: *Метнер.* С. 41). Узнав из письма Метнера о его встрече с И. Гофманом в Нижнем Новгороде и делясь (в письме к Метнеру от 11 ноября 1902 г.) впечатлениями от его игры, Н. Метнер добавлял: «...хотя, конечно, Гофман меня по одному исполнению „Исламея“, этой пустенькой пьесы, не мог узнать, как музыканта, и поэтому все, что он говорил тебе обо мне, приводит меня только в тупик и заставляет подозревать его в неискренности (в особенности „техника“, моя „техника“!!!!!!!!!!), — но я так хочу сам познакомиться с ним, что решил непременно завтра в его концерте отправиться к нему в круглый зал» (Там же. С. 40). О последующих контактах Н. Метнера с Гофманом подробно рассказал в письмах к Эмилию Метнеру отец, К. П. Метнер (см.: Там же. С. 41–42).

[9] Речь идет о книге Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (см. примеч. 3 к п. 1), впервые опубликованной в журнале «Мир Искусства» (1900. № 3–22; 1901. № 1–12; 1902. № 2).

[10] Журнал «Новый Путь» был начат изданием с января 1903 г.

8. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

17 ноября 1902 г. Москва

Москва. 17 ноября 1902 года.

Многоуважаемый и горячолюбимый Эмилий Карлович,

Сию минуту получил Ваше письмо. Немедленно отвечаю.

Очень благодарен за «*Приднепровский Край*». На днях постараюсь написать статью по поводу книжки Файгингера о Ницше с чисто внешней стороны[1], т. е. с точки зрения законности его

появления после Шопенгауэра (Ницше в связи с современным неоидеализмом). Быть может, это будет чуть чуть деловито, даже суховато, но следует «*пристреляться*» к фельетону[2]. О «*Лествице*» не могу: надо бранить, а бранить неловко[3]. Что касается до Мережковского, то, несмотря на мое письмо, в котором я спрашиваю о характере изменений в его книге и кой о чем другом, — они прелегкомысленно ответили мне совсем о другом[4]. Поэтому я, не ожидая их ответа об этом, сам проверил текст книги с текстом журнала и нашел, что изменений очень мало — почти нет: в иных местах лишь несущественные перестановки (кроме того: *заключение* 2-ой книги сделано *вступлением*). Я не советовал бы Вам покупать книги: не стоит. Как только выйдет «*Новый Путь*» — я Вам его вышлю, а он выйдет, вероятно, в конце ноября, в начале декабря[5]. Обещает быть интересным: со статьями Розанова «*Жизнь и религия*», Перцова «*О новых путях*», Мережковского[6] и др.; а главное, с отчетами религиозно-философского общества[7] (в последнем заседании р<елигиозно->ф<илософского> общества в СП<б> Зинаида Николаевна предложила архиереям и др<угим> по древнему обычаю *омыть ноги*...).

Посетил недавно Николая Карловича: наслаждался его игрой; он был настолько любезен, что играл для нас с Алексеем Сергеевичем[8]. Я совершенно влюблен в его музыку, так что даже хвалить......... *совестно* (хвалить — это «*тепло*»...). 1-ая пьеса 2-го альбома[9] произвела на меня неизгладимое впечатление, совсем не такое же, как и соната[10]. Здесь — высший покой, высший и желанный, желанная, *вопрошающая* тишина, после того, как *всё* совершилось — ничего уже нет, кроме вечных водопадов, *водопадов Вечности* (...Пропел петух — пахнуло старинным...)... И «*чаяния, слишком чаяния*» смягчены, неназойливы...

Бывают минуты (для меня наступили они) когда многие «*ви́дения*» перестают удовлетворять, заподозриваешь и «*ви́дения*»: хочется раз навсегда *пристально вглядеться*, чтобы окончательно и безвозвратно (чтобы уже не *вернуться* обратно) «*увидеть*»... Сама переоценка ценностей является в такие минуты лишь *произвольной переклейкой ярлычков*, а «*ви́дения*», «*чаяния*», сопряженные с ограничением (*цветом*), смахивают на галлюцинации или на близорукие «*ви́дения*» — на паутину, сплетенную над бездной;

здесь *тоже* могут смущать бездны, но бездны *нарисованные*, плоскостные, плоские, — лабиринты, но лабиринты зеркальные. Три измерения — измерения длины, широты и глубины — произвольно выбранные. Можно обратно: измерение ширины (плоскостное) углубить, сравняв (или приняв) глубину за плоскость...

И вот пахнуло — вся эта паутина колышется, рвется... тысячи разорванных лоскутков (а «*все это*» казалось когда-то глубиною) уносит ветер — этот ревущий водопад глубины, водопад Тихой Вечности, Усмиренной... (пропел петух — пахнуло смертным). До-временное и после-временное — «*одно, навек одно*» (В. Соловьев)[11]. Надо стать во времени за временем, *пристально вглядеться*, чтобы навсегда увидеть.

Всем этим задела меня 1-ая пьеса 2-го альбома Вашего брата, которого я полюбил *не* только как музыканта, но *и как человека.* Третья часть сонаты (мажорная) поразительна: 2-ая тема получает* такую гибкость (она, очищенная, не боится разнообразия путей), что при всей глубине своей становится всеобщей: музыкальное пространство 3-ей части буквально напитано ей, а от первой темы остаются лишь обрывки (здесь ее роль кончена). Как только выйдет альбом Николая Карловича, я постараюсь написать о нем что-нибудь (разумеется, не с абсолютно музыкальной точки зрения, ибо здесь я — профан) в «*Мире Искусства*»[12]: я познакомился с Дягилевым и с Александром Бенуа на только что открывшейся выставке «*Мира Искусства*»[13], так что теперь мне отнюдь не неловко послать что-нибудь для этого журнала.

Кстати: колоссальная выставка!.. Впервые я увидел Врубеля полно представленного («*Сирень*», «*Фауст*», «Демон» и др.[14]). Это в буквальном смысле гигант; впечатление от его картин — подавляющее; вначале он даже неприятен, потому что слишком «крупен» (и в буквальном, и в переносном смысле слова). Когда я вошел в зал, где помещались его картины, мне казалось — меня забросали обломками. А. Бенуа мне говорил, что *теперь*, по его мнению, выше Врубеля нет никого и он жалеет, что в своей истории русской живописи[15] он отвел Врубелю слишком скромное место.

---

* *В автографе слово написано дважды.*

Приму в соображение все, что Вы говорите о Гофмане: я уже слышал его и еще услышу во вторник[16]. Он произвел на меня, конечно, огромное, чистое, сильное впечатление (особенно своим исполнением Бетховена (4-ый концерт))[17].

Но пока довольно… Тороплюсь.

Простите за это слишком внешнее и пестрое письмо: надеюсь, в скором времени напишу обстоятельней.

Благодарю Вас за память. Льщу себя надеждой, что как-нибудь Вы вспомните обо мне и напишете. Буду ждать письма. Да хранит Вас Господь!..

Остаюсь искреннепреданный и глубокоуважающий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой нижайший поклон и уважение Анне Михайловне[18].

P. P. S. Позволяю себе послать Вам несколько своих стихотворений; не *узнаете* ли Вы их?..

(Немецки-подмигивающее)

1.

В дремучем лесу ветер злился.
В плащ кутаясь, гном запоздалый
В пещере лесной приютился,
Надвинув колпак яркоалый.

Гном плакался горько: «За что же,
Настигнутый в чаще ненастьем,
Всю жизнь одинок я, о Боже!..
Умру — не помянут участьем…»

Все ждал, не промчатся ли тучи.
Морщины чело бороздили.
Чредой неизменно тягучей
И дни, и года проходили.

Все ждал, не повеет ли счастьем.
Притих, одинокий, усталый.
Над скорченным гномом с участьем
Качался колпак яркоалый.

2.

Не слышно зловещего грома.
Ненастье прошло — пролетело.
Лицо постаревшего гнома
В слезах заревых огневело.

Сказал он: «*Довольно, довольно…*»
В лучах борода серебрилась.
Сказал — *засмеялся невольно.*
Улыбкой лицо просветилось.

И вот вдоль заросшей дороги
Неслась песнь старинного гнома.
«*Несите меня, мои ноги*
Домой: заждались меня дома!»

Так пел он, смеясь сам с собою.
Лист вспыхнул сияньем червонца……
…Блеснуло вечерней каймою
Зеркальное золото солнца.

1902 ноябрь[19].

Утешение

Я знаю — ты загнан людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
С тобой бирюзовая Вечность.

С тобой, над тобою она:
Ласкает, целует беззвучно.
Омыта лазурью весна.
Над ухом звенит однозвучно.

С тобой, над тобою она:
Ласкает, целует беззвучно…

Хоть те же всё люди кругом,
Хоть так же и ты меж людьми сер, —

О, смейся и плачь: в голубом
Рассыпаны тучки, как бисер.

Закат догорел полосой.
Огонь там для сердца не нужен:
Там матовой, узкой каймой
Протянута нитка жемчужин…

…Там матовой, узкой каймой
Протянута нитка жемчужин.
1902 ноябрь[20].

Ясновидение

Милая, — знаешь ли — вновь
Я тебя видел во сне?
В сердце проснулась любовь.
Ты улыбалася мне…
……………………………………
Где-то в далеких лугах
Ветер вздохнул обо мне.
Степь почивала в слезах…
Ты замечталась во сне…
……………………………………
Ты улыбалась, любя,
Помня о нашей весне…
И вспоминая тебя,
Был я весь день как во сне…
1902 май[21].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 2. Помета красным карандашом: «II».

Ответ на п. 7.

В архиве Белого сохранился черновик начальной части этого письма. Приводим его текст (РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 10):

Многоуважаемый и горячо любимый Эмилий Карлович,

Сию минуту получил Ваше письмо. Оно меня несказанно обрадовало. Я уж хотел Вам писать, осведомившись о Вашем адресе у Алексея Сергеевича. Еще раз спасибо Вам. Немедленно отвечаю. Очень благодарен за «*Приднепровский Край*». На днях постараюсь написать статью по поводу книжки Файгингера о Ницше с чисто внешней стороны, т. е. с точки

зрения законности его появления после Шопенгауэра (Ницше в связи с современным неоидеализмом). Быть может, это будет чуть-чуть деловито, даже суховато, но... надо ведь *пристреляться* к фельетону. Что касается до Мережковского, то, несмотря на мое письмо, в котором я спрашивал у Дмитрия Сергеевича о характере изменений в его книге и кое о чем другом, — они прелегкомысленно ответили мне *совсем о другом*. Поэтому я сам сверил текст книги с текстом из журнала и нашел, что изменений очень мало — почти нет: в иных местах лишь несущественные перестановки; я посоветовал бы Вам не покупать книги: *не стоит*... Как только выйдет «*Новый Путь*» — я Вам вышлю его, а он выйдет, вероятно, в конце ноября, в начале декабря. Обещает быть интересным: со статьями Розанова «*Жизнь и религия*», Перцова «*О новых путях*», Мережковского «*Судьба Гоголя*» и т. д. и главное с отчетами религиозно-философского общества. «О *Лествице*» не могу: надо бранить, а бранить неловко...... Недавно посетил Николая Карловича: много наслаждался игрою, он был настолько любезен, что играл для нас с Алексеем Сергеевичем. Я совершенно влюблен в его музыку, так что даже хвалить... *совестно* (что тут хвалить?)... 1-ая пьеса 2-го альбома произвела на меня *неизгладимое* впечатление, едва ли не такое же, как и соната. Высший покой, высшая тишина, где уже ничего нет, кроме... водопадов Вечности (пропел петух — пахнуло стариннным) и *чаяния... слишком чаяния* смягчены, не назойливы... Бывают минуты (а со мной теперь происходит нечто подобное) <*На этом текст обрывается.*>

[1] Имеется в виду кн.: *Файгингер Ганс.* Нитцше как философ / Пер. со 2-го нем. изд. А. А. Малинин. М., 1902.

[2] Статью на обозначенную тему Белый в «Приднепровский Край» не представил.

[3] Тем не менее позднее Белый написал предисловие к книге А. Л. Миропольского, состоявшей из двух поэм: «Ведьма. — Лествица» (М.: Гриф, 1905).

[4] «Они» — Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус. Имеется в виду, видимо, письмо З. Н. Гиппиус от 29 октября 1902 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6).

[5] Январский выпуск «Нового Пути» за 1903 г. вышел в свет во второй половине декабря 1902 г.

[6] Имеются в виду открывавшее № 1 журнала редакторское предисловие П. П. Перцова «Новый Путь» (С. 1–9) и начатая печатанием в нем книга Д. С. Мережковского «Судьба Гоголя» (С. 37–81; окончание — в № 2 и 3 за 1903 г.; отд. изд. — под заглавием «Гоголь и черт» (М., 1906), 2-е изд. — «Гоголь. Творчество, жизнь и религия» (СПб., 1909)). Статья В. В. Розанова под указанным заглавием в «Новом Пути» не появилась; возможно, это — предварительное обозначение авторской рубрики Розанова в журнале («В своем углу»), в которой помещались его аналитические и публицистические произведения с № 2 за 1903 г.

[7] В 1903 г. в «Новом Пути» (№ 1–12) были напечатаны (с отдельной пагинацией) «Записки Религиозно-философских собраний» — стенографические отчеты о двадцати заседаниях. См.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний. 1901–1903. М., 2005.

[8] Н. К. Метнер и А. С. Петровский. 11 ноября 1902 г. Николай Метнер сообщал Эмилию: «...Бугаев и Петровский уже успели один раз побывать у меня. Играл я им очень много. Они обещали захаживать» (*Метнер*. С. 40).

[9] Видимо, имеется в виду № 1 («Русалка») из цикла Н. Метнера «Три импровизации» для фортепиано (ор. 2).

[10] Соната для фортепиано f-moll (ор. 5). Н. Метнер работал над нею в 1902–1903 гг.

[11] Начальная фраза стихотворения «Знамение» (1898). См.: *Соловьев*. С. 119.

[12] В журнал «Мир Искусства» Белый статью о творчестве Н. Метнера не представил. О его фортепианном цикле «Восемь картин настроений» («Acht Stimmungsbilder», ор. 1) Белый отозвался в статье «О теургии» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 114–119).

[13] Выставка картин журнала «Мир Искусства» открылась в Москве 15 ноября 1902 г. в доме Грачева на углу Петровки и Столешникова переулка и продолжалась до 1 января 1903 г.; Белый посетил ее в один из первых дней. О состоявшемся там его знакомстве с С. П. Дягилевым и А. Н. Бенуа см.: *НВ*. С. 217–218.

[14] На московской выставке «Мира Искусства» демонстрировались декоративное панно М. А. Врубеля «Фауст и Маргарита в саду» (1896), картины «Сирень» (1900), «Демон» и др.

[15] «История русской живописи в XIX в.» А. Н. Бенуа (СПб., 1902) вышла в свет в июне 1902 г.

[16] 19 ноября. В этот день в Москве состоялся второй концерт И. Гофмана в Большом зале Благородного собрания; первый концерт состоялся там же 12 ноября. Гофман дал в Москве еще один концерт — 27 ноября. С исполнением Четвертого концерта G-dur (ор. 58) Бетховена Гофман выступал в симфоническом собрании Русского музыкального общества 9 ноября; концертом дирижировал В. И. Сафонов (см.: Отчет Московского отделения Русского музыкального общества. 1902–1903. М., 1903. С. 6–7).

[17] См.: *Ю. Э.* <Энгель Ю. Д.> Концерт Иосифа Гофмана (12-го ноября) // Русские Ведомости. 1902. № 316, 15 ноября. С. 2–3.

[18] А. М. Метнер.

[19] Первоначальная редакция стихотворения «Гном», опубликованная в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» (М., 1903. С. 45–46) без нумерации частей, в цикле «Возврат». Варианты — 1-я часть, строфа II, ст. 1: «Роптал он и плакал: „За что же“»; 2-я часть, строфа I, ст. 1: «Все тихо...

Ни бури, ни грома»; строфа IV, ст. 3: «Блеснуло прощальной каймою». Вошло (1-я часть — в переработанной редакции) в кн.: *Андрей Белый.* Золото в лазури. М.: Скорпион, 1904. С. 161–162. См.: *СП — 1.* С. 147–148, 429–430.

[20] Первоначальный вариант 3-го стихотворения цикла «Бальмонту» (*Андрей Белый.* Золото в лазури. С. 5–6). Варианты — ст. 1: «Поэт, — ты не понят людьми»; ст. 12: «ты — вечный, свободный, могучий»; ст. 14: «как бисер, рассыпаны тучи». См.: *СП — 1.* С. 80.

[21] Впервые опубликовано: *Андрей Белый.* Золото в лазури. С. 256. Варианты — строфа I, ст. 2: «видел тебя я во сне?..»; строфа III, ст. 3: «Благословляя тебя». См.: *СП — 1.* С. 174.

9. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

23 ноября 1902 г. Москва

Москва. 1902 года ноября 23.

Многоуважаемый Эмилий Карлович,

пишу Вам на этот раз сухо, деловито. Статью о Ницше я написал, но переписывать нет времени[1]. Один хороший знакомый сказал, что слишком сериозно, «*в*»умно. Есть у меня старая статья: «*Интеллигенция и Церковь*». Ее хочу я послать: мне важно к Рождеству, чтобы было напечатано. Статья внешняя, не «*оттуда*», но и не сухая. Быть может, годится. Но я не решаюсь послать ее сам: а вдруг это *совсем не то*... Посылаю ее Вам: Вы решите. Если она годится, я очень прошу Вас, — пошлите... Если же нет, зашвырните: не присылайте обратно, не нужна она мне[2].

Далее: псевдоним А. Белый не годится. Пусть будет *Старый*... Или все равно... Во-вторых (и это между нами, конечно) я собираюсь до Рождества послать еще статью... хлеба ради. Мне ужасно важно, чтобы в случае напечатания мне заплатили (все равно сколько). Поэтому сообщаю свой адрес: Москва. Арбат, д<ом> Богдановой. Кв. № 11. Борису Николаевичу Бугаеву. В-третьих (это *тоже* между нами): *Самый удобный адрес мой следующий: Импер<аторский> Моск<овский> Университет в химическую лабораторию, швейцару лаборатории с передачей Б. Н. Б.*

Простите за сухость тона. Скоро напишу Вам. Жду письма.

Остаюсь глубокопреданный Борис Бугаев.

P. S. Мое уважение Анне Михайловне[3].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 3. Помета красным карандашом: «III».

[1] См. п. 8, примеч. 1. Статья Белого о книге Г. Файгингера не была опубликована и, видимо, не сохранилась.

[2] Статья Белого «Интеллигенция и Церковь (По поводу доклада В. А. Тернавцева, читанного на первом заседании Религиозно-философского общества)» была опубликована в двух номерах газеты «Приднепровский Край» (1902. № 1680, 16 декабря; № 1682, 18 декабря. Подпись: Б. В–ев — явно ошибочное воспроизведение авторской псевдонимной подписи Б. Б–ев (т. е. Б. Бугаев) или Б. Н–ев, предполагавшей расшифровку «Борис Николаев», достаточно прозрачную для идентификации с настоящим именем и отчеством автора). См.: Затерянная статья Андрея Белого / Предисл. и публ. А. В. Лаврова // Studia slavica (Budapest). 1988. T. XXXIV. С. 223–235; *Лавров А. В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007. С. 335–350. Своевременно о публикации статьи не были оповещены ни Белый, ни Метнер. 17 февраля 1903 г. Ф. А. Духовецкий отвечал на запрос Метнера: «Дело в том, что Вы очевидно проглядели статью Бугаева. Она у меня напечатана до Нового Года <…>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 8). 4 марта 1903 г. Метнер писал А. С. Петровскому: «Оказалось, что моя заметка о *Новом Пути* и статья Бугаева (Б. Н–ев) о Тернавцеве как раз прошли в тех номерах, которые я не получил. Все это обнаружилось на днях. Как только получу гонорар, перешлю его Бугаеву» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7).

[3] А. М. Метнер.

10. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

30 ноября 1902 г. Москва

Москва. 1902 года. Ноября 30.

Многоуважаемый и близкий мне Эмилий Карлович,

Пользуюсь свободным временем, чтобы побеседовать с Вами. Мне приятно Вам писать о том, на что я лишь косвенно намекал Вам — *подавал знак* (не знаю, поняли <ли> Вы его). Буду говорить, как будто я вижу Вас лицом к лицу; как будто нет пространства. Мой внутренний путь каким-то странным образом слагается в сторону теософии; определю ближе теософию эту, не как теософию вообще, а как *теософию волюнтаризма*, отличную и от теософии в сторону теургии, и от теургии в сторону теософии. Это как бы равнодействующая между теософией и теургией — все тот же узел между символическим и «*воплощенным*»,

перемещающийся в сторону символического с объективацией этого «*воплощенного*» (теургического) на степень идеи. Ясно ли?..

Всевозможные «*чаяния*», возлагаемые мною на современность, начинают принимать все более и более идеальный характер: объективируются во мне самом, выделяются в особое я — обитающее «*там*», «*по ту сторону всякого конца*» — *в старом*… (Посмотришь в окно — всё домишки да мужичишки… Вот идет полковник; у него блистает эполета… «*И всё*»… «*И — старое*»… Как близко это открывающееся *зрению*, это — «*там*»… Близко и мягко: точно на пуховых подушках.) Чего желать и к чему стремиться, когда в душе исполнилось «*все*», разыгралось все до конца, *о-кон-ча-тель-но*: растворились царские двери, пропустили меня куда-то и бесповоротно захлопнулись, совершилось отделение моего «*самого главного*», «*духовного*» от душевно-телесного, которое навсегда *здесь*…

И вот когда все цвета спектра после «*7*» слились в *белый луч* сверкнувшего солнца, начинается область, по отношению к которой сама белизна — кожа; «*это*» состояние я символически называю о «*8*»*-м*. И невольно повторяешь за Давидом слова 8-го псалма: «Не много Ты умалил его (человека) пред ангелами…»[1] Вот тут-то я начинаю постигать грандиозную истину, заключающуюся в теософской схеме о разнице в нашем существе между личным (конечным, феноменальным) и индивидуальным (вечным, неразрушимо проходящим сквозь *все* перевоплощения). Сознав это духовным опытом, не остается ничего иного, кроме опытных стараний поставить личность под непосредственный контроль индивидуальности: Слить то, что лежит за «*7*»*-ю* цветами, с тем, что лежит до этих цветов — слить суровую *бесцветность* вечного небытия с мягкой бесцветностью от избытка, так чтобы хаос ультра-<кра>сного (черного) наполнился ультра-фиолетовым (черным же, но по-иному). Тогда не останется никаких нетерпеливых ожиданий, или, верней, *всё*, оставшись, мягко притаится у сердца — и вот заглянешь в окно: «Всё домишки, всё мужичишки; вот идет господин и кланяется с проходящим полковником: у полковника блестит эполета, а у прохожего — сверкнувшая лысина… „*И всё*“… И старинное, мягкое, теплое, и „Я и Отец — одно“…»[2]

Путь к этому длинный... 1) Надо сперва «*вообще*» «*увидеть*» (общебанальные «ви́дения» дыр и провалов или популярно-доступное преддверие к нашему пути у Метерлинка в его «тишине» и т. д.).

2) «*Увидев*», ужасаешься (признак, что начинаешь приближаться к *первой* цветности спектра, к огненно-кроваво-красному: это «око» сквозит сквозь мрак пессимизма: сюда апокалиптическая мертвенность, дымка, подозрительные мещане (Достоевский).

3) Мучительно-бредовое горение багряницы страданий (бунт Карамазова, «*вверх пятами*»[3], о «*моральных проблемах*», некоторые стороны Ницше в «Заратустре» и «Веселой науке»...[4] «Бог есть огнь поедающий»...[5] «Мысль о конце», «о всеобщем пожаре»).

4) Розовые стадии. Церковь, как Небесная Невеста, София, Душа Мира, влюбленность в конец... Уже белые просветы, Благовещение — благая весть о том, что гибельный рубеж внутренних созерцаний и срывов пройден.

5) Сумеречная область, где *розовое* переходит в белое... Тихое успокоение... Счастливое ожидание.

6) Белый момент «*как снежное серебро*», но оно тает сейчас же и, тая, сквозит голубым.

7) Еще более краткий момент *голубого*, не просто голубого, а углубленного белым — остатки талого снега, но они тают и —

8) Старинно[-бесцветное], возвращение к 1-ой стадии бесцветности, возвращение, вносящее в это бесцветное всю сумму потенциально накопленного (прошлое не умирает) пережитого.

А кругом этой лестницы из 8 ступеней — желтошафранные волны болотных испарений[6]; когда оступаешься на ступенях, попадаешь в эту трясину ужаса, так что существует единственный путь по этой лестнице, а то — заблудишься.

И раньше бывают ощущения невидимой близости, но встреча с Господом происходит, как я это недавно узнал от мужа Олениной-д'Альгейм[7] (глубоким каббал<истом> и теос<офом>*) не при «7» (белое) и даже не при восьми, а при переходе от 9 к 10, т. е. к 1 <?>.

Если числа обозначают психологические ступени переживаний, внутренние восхождения духа от себя к Богу, то «*всё*» нами

* *Так в автографе.*

переживаемое, и именуемое, символически обозначаемое, непонятно, условно, временно: мы должны прийти к *девяти. Девять* окончательно осветит нам тот путь, в который мы пустились от мира, и «*всё*» просветится единым окончательным светом.

Итак, пока мы понимаем друг друга условно (мы *не* знаем, о том ли перестукиваемся и перекрикиваемся из-за бесконечности, ибо между каждым человеком и другим — бесконечность), но да не смутимся: посохи в руки — и в путь, в путь: к «9»-ти! Да хранит Вас Господь!..

Остаюсь глубокопреданный и любящий
Борис Бугаев.

P. S. Мой глубокий привет и уважение Анне Михайловне[8].

Что касается «*Нового Пути*», то отдельных книжек продаваться не будет: нужно записаться: посылаю Вам адрес «*Нового Пути*»: Контора и редакция: С. Петербург, Невский 88. Литературная Книжная Лавка.

Цена за подписку с пересылкой за год 7 рубл<ей>. Советую записаться *только на ½ года* (4 р.) (Дальше — сомнительно существ<ование> журнала.)

Спасибо за отсылку статьи Духовецкому[9].

P. P. S. Считаю нужным присоединить к сказанному выше два важных *знания* у теософов. 1) Низшие ступени *астральной области* окутаны клубами туманных испарений, по воззрению совр<еменных> теософов, так что нужно опытное руководство для прохождения этих ступеней. (См.: мою формулировку: «*желтошафранное*»). Русские, по мнению Ледбитера, Безант и др., очень *подвинуты в знании* и способны, но им нужно помочь в *астральном* (каждый человек имеет, по теософии, как бы 4 оболочки: тело физическое, астральное, мысленное и «*causale*», т. <е.> причинное: как только человек *впервые* прозревает, он видит из *астрального*, а низшие ступени *астрального* в *тумане*; отсюда опять-таки понятен мой личный опыт о дымке, ужасе, мертвенности «*оттуда*»; этот мой опыт санкционирован и теософскими эзотерическими теориями; слова Ледбитера: «*России нужно помочь теперь в астральном*» — получают вещий смысл, если Вы вспомните совр<еменное> положение дел и тучу, надвинувшуюся над нашей страной... Эту тучу, между прочим, видит и бар<он> д'Альгейм, заехавший налётом.

2) Путь от личного к индивидуальному, путь к различению личного от индивидуального или, по-моему: путь от 1 к 8-ми был путь к первому посвящению в *мудрость* у египетских жрецов в их мистериях. Включал ли этот путь выше перечисленные стадии (Душа Мира, дымка и т. д.) во всей их совокупности или нет — не знаю, но во всяком случае, придя к «*восьмому*», можно наверное знать, что *первое посвящение* совершилось.

Бессознательное *знание* акта посвящения в мудрость — вневременное, вненародное таинство, оставляющее в душе неизгладимую печать.

Не относится ли банально называемая «*трагедия Ницше*» к нежеланию отделить личное от индивидуального; Ницше индивидуально белый только лично, временно *очернился*... Его отрицание морали не относится ли к «*этому*», не прилежит ли все это к «*одному*»? Как Вы думаете?..

Итак до свиданья. Жду письма.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 4. Помета красным карандашом: «IV».

[1] Пс. 8: 6.

[2] Ин. 10: 30.

[3] Слова Дмитрия Карамазова («Братья Карамазовы», ч. 1, кн. 3, гл. III): «...если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятами <...>» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 99). Ср. заглавие гл. V той же книги романа: «Исповедь горячего сердца. „Вверх пятами“» (Там же. С. 106).

[4] «Веселая наука („la gaya scienza“)» («Die froehliche Wissenschaft», 1882) — книга Ф. Ницше.

[5] Втор. 4: 24 («Ибо Господь, Бог твой, есть огнь поядающий, Бог ревнитель»).

[6] Ср. признания А. С. Петровского в письме к Э. К. Метнеру от 6 января 1903 г.: «Мне вот тоже всё снятся метерлинковские ужасы: „кто-то за дверью“, „кто-то за окном“ и т. д. Я уже давно пережил эту стадию и сознательно, наяву давно уже ничего этого не боюсь, да и во сне давно перестал видеть. А теперь вот опять пошли и у Бугаева тоже. Это „желтые испарения астрального болота“, мерзость, которую надо побеждать. А лучше проходить мимо. Только хорошо это говорить. Вспоминайте в такие минуты старца Серафима» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[7] Барон Пьер (Петр Иванович) д’Альгейм.

[8] А. М. Метнер.

[9] См. п. 9, примеч. 2.

11. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

3 декабря 1902 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 3 декабря 1902 года.

Получил Ваше письмо от 30 н<оября> и, хотя я в долгу у отца, Коли[1], которые тоже писали мне и до сих пор не получили ответа, я пишу Вам, дорогой мой Борис Николаевич, не с тем, чтобы скорее ответить Вам на Ваши письма, в особенности на последнее, в котором я еще порядком и не разобрался, а чтобы не забыть Вам передать кое-что из своих переживаний... Вы ничего не знаете о моих отношениях к Анюте[2], которую я знаю с 1895 года, а сблизился с 1898 года... Если бы Вы знали, то, конечно, удивились бы, что я за последние 1½ недели 3 раза испытывал в промежутках между закатами (*фиолетово**-красными) и восходом *полной* луны настроение необычайно нудное, тяжелое, давящее и явно *не* феноменальное (ибо 1) без удушья и 2) не было сходства с тем состоянием *удрученности*, которое обыкновенно предшествует удушью); Анюта, которая всегда способна, если не снять совсем, то облегчить тяжесть моего самочувствия — тут ничего не смогла сделать. Настроение это проходило само собою вдруг, и после него я не ощущал никакой слабости, никакого *физического* следа. Настроение это в более легкой степени я испытывал и раньше, но смешивал до сих пор его с другими, внешне похожими на него. В последний раз оно навестило меня в особенности сильно в позапрошлый вечер. Я с глухим тупым отчаянием лег в постель, взял Заратустру и по совершенно роковой случайности (?) раскрыл след<ующее> место; да! я забыл сказать, что луна (должно быть, это было полнолуние) светила нестерпимо зловеще и освещала «домишки и мужичишек», и на луну, сидя посреди улицы, выла собака; представьте мою радость (и ужас Анюты), когда я нечаянно раскрыл след<ующее> место Заратустры: «Da ploetzlich, hoerte ich einen Hund nahe heulen. <...> Und als ich wieder so heulen hoerte, da erbarmte es mich abermals». Часть третья, глава вторая Vom Gesicht und Raethsel[3]. — Как только прочел я это место, мне стало сразу легко, хотя и не менее страшно, и я вспомнил следующее стихотворение Гёте (аналогичное лесной тиши Беклина[4]): «*Meerestille*»:
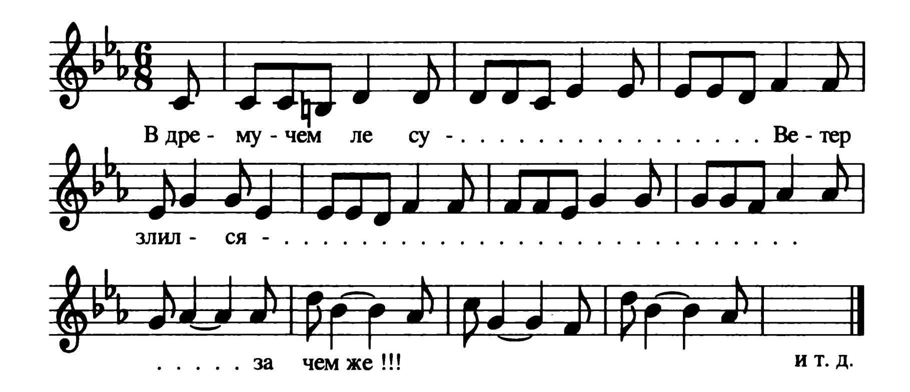
---

* *Вписано сверху*: сиренево

Tiefe Stille herrscht im Wasser,
Ohne Regung ruht das Meer,
Und bekummert sieht der Schiffer
Glatte Flache ringsumher
Keine Luft von keiner Seite!
Todesstille furchterlich!
In der ungeheuern Weite
Reget keine Welle sich[5].

Это умеет дать Никиш.

...Собака перестала лаять...

Я так оглушен событиями, что все еще не в состоянии углубиться во что-нибудь намеренно и сознательно. Мое назначение, женитьба, отъезд, устройство и, наконец, встреча с Гофманом и его встреча с Колей, его отзыв о Колиной сонате, *как о самом крупном произведении всей музыкальной литературы последнего времени*[6], — все это я еще не переварил, не переработал и потому прошу извинить меня, что не касаюсь пока тех важных вопросов, какие затронуты Вами в Ваших письмах; не смущайтесь этим и продолжайте писать мне, как только что Вам придет в голову... Скажу только: не усугубляйте в себе того опасного любопытства, которое сквозит в Вашем последнем письме; не подталкивайте его каббалистическими баронами; пусть оно *шаг за шагом* приведет Вас туда, куда Вам суждено прийти; *не перепрыгивайте*!! Стихотворения мне очень нравятся[7]; а Анюта прямо в восторге от них и шлет Вам искренний привет. «Немецки-подмигивающее»[8] написано как будто в параллель следующей композиции брата:

Вот что я «узнал» в этом стихотворении; быть может, Вы ждали, что я еще что-то узнаю, ибо подчеркнули «Довольно, довольно», «засмеялся невольно», «несите меня, мои ноги, домой, заждались меня дома»; тогда объясните… «Утешение» — лучшее из трех; не нравится мне только рифма «*людьмѝ сер — как бисер*» — слишком изысканно! Обязательно переделайте этот стих[9]. Вот и все, что я пока могу Вам написать. Пора кончать. Покажите Коле эти три нотные строчки; он сыграет Вам эту вещь… Сохраняйте, если Вам не трудно, мои письма; это необходимо для меня. Я люблю «наводить справки». Я, конечно, храню Ваши. До свиданья, дорогой мой, мой милый Борис Николаевич.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 7.
Ответ на п. 10.

[1] Н. К. Метнер.

[2] А. М. Метнер.

[3] «Так говорил Заратустра», ч. 3, «О призраке и загадке», 2. В переводе Ю. М. Антоновского: «И вдруг вблизи услышал я *вой* собаки. <…> И когда я опять услышал этот вой, я вновь почувствовал жалость» (*Ницше*. Т. 2. С. 113).

[4] Подразумевается цикл из трех живописных полотен Арнольда Бёклина («Schweigen im Walde», 1898–1899).

[5] Стихотворение «Морская тишь» (1795). В переводе М. Л. Михайлова:

Тишь глубокая над морем,
Недвижимо лоно вод, —
И на гладь морскую смотрит,
Озабочен, мореход.
Хоть одно бы дуновенье
Среди мертвой тишины!
Хоть бы где в дали безбрежной
Показался всплеск волны!

(*Михайлов М. Л.* Собрание стихотворений. Л., 1969. С. 195 («Библиотека поэта». Большая серия)).

[6] См. примеч. 8 к п. 7. Речь идет о сонате для фортепиано f-moll (op. 5) Н. Метнера. В письме к Э. Метнеру от 28 ноября 1902 г. К. П. Метнер сообщал о визите Н. Метнера к И. Гофману (27 ноября): «Он пошел к нему в 4 часа и вернулся в 6½ часов в чрезвычайно радужном настроении. Гофман сперва с ним беседовал, то на немецком, то на русском языке, угостил его чаем. <…> Коля сыграл ему свою Сонату <…> когда Коля кончил, то он его попросил сыграть Сонату еще два раза, слушал с большим вниманием и, наконец, выразил свое полнейшее восхищение этим произведением

<…> он <…> вправе сказать, что Колина Соната представляет собою самое значительное явление из всех знакомых ему современных фортепианных пьес. <…> Он хвалил Сонату чрезвычайно: „Sie ist wie aus einem Guß“ <„Она отлита из одного куска“> — было его характерное изречение» (примечания З. А. Апетян в кн.: *Метнер*. С. 41–42).

[7] Подразумеваются стихотворения Белого, посланные при п. 8.

[8] Авторская характеристика стихотворения «В дремучем лесу ветер злился...» (см. п. 8).

[9] Белый последовал совету Метнера (см. примеч. 20 к п. 8).

12. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

11 декабря 1902 г. Москва

1902 года. 11 декабря. Москва.

Многоуважаемый и дорогой мне Эмилий Карлович!

Несказанно рад был получить Ваше письмо. С большим сожалением прочел о «*нуменальной*» тягости, которую Вы испытывали. Знаю ее. Знаю *многое* о полной луне, когда она «*как глыба раскаленного металла*» показывается на зловеще тяжелом, *хотя и безоблачном* горизонте. Знаю *луну*, потому что одно время слишком часто обращался *к ней — за помощью*; одно время (года два тому назад) я был лунатиком. Я затворял свою комнату. Я опьянялся луной. *Разговаривал*. Результаты были печальны. С остатками этого всего я считаюсь и теперь. Я боюсь луну, когда она полная, хотя в полнолуние испытываю прилив бодрости (и почти всегда забываю о полнолунии, когда спрашиваю себя: «Почему я весел? *Ах, — полнолуние...*»); когда же она на ущербе, что-то гнетет меня. Что-то недоброе связывает меня *еще даже и теперь* с луной, хотя я делаю вид, что не причем, а она (луна) мне подмигивает: «А помнишь старое наше знакомство? Старого не выкинешь... Мы — два заговорщика, а в чем наш заговор — не скажу...»

В последнее время заговорили о лунатизме, об астартизме; внесли *все это* в вопросы религиозные. Я молчу и пугаюсь... Значит, неспроста все мы *кое-что знаем о луне*?.. Самый главный ужас заключается иногда в том, что вдруг 2-ая тема Вашего брата[1] зазвучит для иных *лунностью*, *лунатизмом*... Это — ужас. Ужас двойника второй темы. Если 2-ая тема Вашего брата — мировая,

то и двойник, *прикинувшийся*, тоже мировой. Если 2-ая тема — розовость, восхищает зорею, то двойник ее, прикинувшись, внезапно ужасает *луною*. Собаки более чутки: «*den Hunde glauben an Diebe und Gespenster*»...[2] О, я прекрасно понимаю Ваше настроение, как будто сам испытал его.

В довершение о луне позвольте привести один отрывок из моей 4-ой симфонии, где для меня самого выражено мое личное теперешнее отношение к луне.

«1. Деревянные кресты торчали из-за блеклых трав. Ущербная луна пронизала ночь воздушной зеленью.

2. Он склонился на ее могиле, обнимая памятник. Одежда его казалась матово-черной от луны.

3. Он тихо плакал, а над ним распахнулись бездонные объятья, наполненные зеленым трепетом.

4. Он шептал, прижавшись к кресту: „Воскресни, родная".

5. Встал над могилой. Поднял руку, совершая пассы. Воскрешал, пронизанный лунным могуществом...

6. И вот *Она* стояла над своей могилой — тонкая, бледная. Глядела на него и дружески, и чуждо.

7. Но Андрей испугался, шепча: „Это не она: это — Астарта"...»[3]

Но довольно о *луне*...

Дорогой Эмилий Карлович, спасибо за теплое участие ко мне; Вы предупреждаете меня об опасности любопытства, подталкиваемого каббалистическими баронами. Стараюсь не перепрыгнуть. Не думаю, чтобы со мной *это случалось*. Я всегда жду, когда «*оно*» само ко мне приходит и дается легко. Вот почему при всех моих безумствах и дикостях (быть может, кажущихся) я в высшей степени уравновешен, счастлив и спокоен. Я подписываюсь под словами Ницше о *любви к року*.....[4] Это мое самое отдаленное (с детства) «*знание*», самое постоянное, не раз спасавшее меня. Я сам никуда не пойду. В «*нуменальном*» я не хожу: меня «*возят*» люди добрые. Я передвигаюсь самочинно только по улицам Москвы...

Вот почему у меня есть путь, свой, определенный... В «*нуменальном*» невозможно *пути от себя*, а только от *других*... Иначе заблудишься, завязнешь, сойдешь с ума. Сумасшествие — нераспутанный клубок всех ступеней «*знания*», ералаш из всех

ступеней внутренних переживаний, закопченный желто-шафранными испарениями; сумасшествие бывает почти всегда от неумения выразить свое собственное отношение к переживаниям; если есть *контроль над самим собой* — нет ничего страшного. Со мной бывали примеры забавные: я, как Вы знаете, самый *не страшный* из людей, *саавсеем* не страшный... А мне случалось, *шутя*, ужасать людей, которые из ужасов *переживаний* сделали себе несчастное *profession de foi**, причем сам не покидал своей позиции «*уравновешенности в нуменальном*»...

Представьте себе: об отзыве Гофмана о сонате Николая Карловича *я впервые узнал от Вас*, хотя за это время видался с Николаем Карловичем. Вы не можете представить, до чего мне было приятно узнать подробности от Карла Петровича[5]. Да, *самое интимное* для меня вложено в этой сонате... И вот — она объявлена лучшим музыкальным произведением всей литературы. Об отзыве Рахманинова Вы, конечно, знаете...[6]

Я как-то лично горжусь Вашим братом...

Предвкушаю удовольствие услышать Николая Карловича в концерте 13-го: тройное удовольствие 1) игра Вашего брата, 2) аккомпанемент Никиша, 3) концерт Чайковского[7].

Вообще нас, москвичей, балуют это полугодие 1) Никиш, 2) Гофман (нечто невероятное *по отчетливости выражаемых глубин*), 3) Оленина. О последней я не мог удержаться, чтобы не послать заметки в «*Мир Искусства*», написав нечто «*дичайшее*», так что даже Дягилев (Брюсов передавал) ужасался, хотя и поместил (она идет в следующем №)[8].

...В заключение я позволю себе привести здесь два своих последних стихотворения: что Вы о них скажете? (Меня в последнее время интересует *ужас среди голубого дня*. Оба стихотворения разрабатывают, кажется, именно это *одно*...)

Встреча

Янтарный луч озолотил пещеры.
Я узнаю тебя, мой друг старинный.
Пусть между нами ряд столетий длинный —
В моей душе так много детской веры.

* Исповедание веры (*фр.*).

Из тьмы идешь, смеясь: «*Опять* свобода,
Опять весна и та же радость снится...»
Суровый гном, весь в огненном, у входа
В бессильной злобе на тебя косится.

Вот мы стоим, друг другу улыбаясь...
Мы смущены всё тем <же> тихим зовом.
С тревожным визгом ласточки, купаясь,
В эфире тонут бледнобирюзовом.

О этот крик из бездн, всегда родимый!
О друг, молчи, не говори со мною:
Я вспомнил вновь завет ненарушимый,
Волной омыт воздушно-голубою.

. . . .
Вскочил, стуча ногой о крышку гроба,
Кровавый карлик с мертвенным лицом.
«Все улетит. Все пронесется сном.
Вернетесь вы в свои могилы оба»...
. . . .

И я проснулся. Старые мечтанья.
Бесцелен сон о пробужденьи новом.
Бесцельно жду какого-то свиданья.
Касатки тонут в небе бирюзовом.

1902 года. Ноябрь[9].

Уж этот сон мне снился...

На бледнобелый мрамор мы склонились.
И отдыхали после долгой бури.
Обрывки туч косматых проносились.
Сияли пьяные куски лазури.
В заливе волны жемчугом разбились.

Ты грезила. Прохладой отдувало
Сквозное золото волос душистых.
В волнах далеких солнце утопало.

В слезах вечерних, бледнозолотистых
Твое лицо искрилось и сияло.

Мы плакали от радости с тобою,
К несбыточному счастию проснувшись…
Среди лазури огненной бедою
Опять к нам шел скелет, блестя косою,
В малиновую тогу запахнувшись.

Опять пришел он. Над тобой склонился.
Опять схватил тебя рукой костлявой.
Тут ряд годов передо мной открылся……
Я закричал: «*Уж этот сон мне снился*»…
Скелет веселый мне кивнул лукаво…

И ты *опять* пошла за ним в молчанье.
За холм скрываясь, на меня взглянула,
Сказав: «Прощай, *до нового свиданья…*»
И лишь коса в звенящем трепетанье
Из-за холма, как молния, блеснула.

У ног моих вал жемчугом разбился.
Сияло море пьяное лазури.
Туманный клок в лазури проносился.
На бледнобелый мрамор я склонился
И горевал, прося грозы и бури…

Да, этот сон когда-то мне уж снился.
1902 года. Декабрь[10].

— Есть ли тут «*немецки-подмигивающее*» и «*не гейневское*»?..

Недавно вышла новая скорпионовская книжка «*Драма Жизни*» Кнута Гамсуна[11]. Очень советую Вам прочесть. Едва ли она не лучшее, что появлялось у нас за последние года в России, кроме «*Пана*», «*Когда мы мертвые пробуждаемся*» и «*Михаила Крамера*»[12]. Не знаю, быть может я вообще слишком очарован Гамсуном, — но «*Драма Жизни*» произвела на меня редкое впечатление[13]. Я как-то уж давно не увлекался ничем (да и можно

ли чем-нибудь увлекаться в драматической литературе после Ибсена), даже мало читал (невозможно читать «*маленьких великих людей*», вроде Артура Шницлера, Теодора Винклера (быть может, есть и такой)[14] и К°). И вот с недоумением пережил редкое художественное наслаждение. Очень советую приобресть «*Драму Жизни*»... Далее: пожалуйста, если можно, советуйте новгородцам выписывать «*Новый Путь*», у которого всего 102 подписчика[15]: я пока здесь стараюсь пропагандировать, где можно. От количества подписчиков будет зависеть судьба «*журнала*»...

Кстати о Мережковских: относительно них что-то решается или они *что-то решают*... В будущем Мережковскому грозит отлучение, или... или?.. *Сойти на нет* — не думаю, чтобы они были на это способны...... Вообще церковь «*начинает их узнавать*»... Иногда мучительно тревожусь за них, потому что люблю их, как людей... В образе Д. С. есть «*при всем*» что-то, напоминающее «*рыцаря печального образа*»[16] и невольно располагающее, а в образе виденных мною на собрании у Л. А. Тихомирова представителей духовенства при всем моем априорном расположении к духовенству я узнал только пустоту, увитую догматическими пеленами. Л. А. Тихомиров читал доклад об учреждении патриаршества, а я при всем моем расположении к патриаршеству как-то невольно подумал: «Над чем стараетесь? Для *кого* стараетесь?..» Мне стало грустно от моих невольных мыслей...[17]

Но довольно...

До свиданья. Желаю Вам всего лучшего.

Мое искреннее расположение и глубокий поклон Анне Михайловне[18]. Да будет благословение Божие над Вами!

Остаюсь глубокопреданный и искренне любящий
Борис Бугаев.

P. S. Еще вот: почему Вы пишете мне в лабораторию? Мне было бы приятнее, если бы Вы писали на дом. В лаборатории я не всегда бываю. Письмо может залежаться.

Адрес мой: Москва. Арбат, д<ом> Богдановой. Кв. № 11. Б. Н. Бугаеву.

Если я писал про лабораторию, то это относительно «*Приднепровского Края*».....[19]

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 5. Помета красным карандашом: «V».
Ответ на п. 11.

[1] Подразумевается Соната f-moll (op. 5) Н. Метнера.

[2] Цитата из «Так говорил Заратустра» (ч. 3, «О призраке и загадке», 2). В переводе Ю. М. Антоновского: «собаки верят в воров и призраков» (*Ницше.* Т. 2. С. 113).

[3] С приведенным фрагментом отчасти соотносится фрагмент («Они пришли к одинокому деревянному кресту...») из 2-й части, опубликованной в составе «Отрывков из 4-й симфонии». См.: *Симфонии.* С. 372.

[4] Amor fati (*лат.*) — выражение Ф. Ницше: «Amor fati: пусть это будет отныне моей любовью!» («Веселая наука», 4-я кн., фрагмент 276). См.: *Ницше.* Т. 1. С. 624.

[5] К. П. Метнер, видимо, сообщил Белому те сведения о встрече Н. Метнера с И. Гофманом, которые содержатся в его письме к Э. Метнеру от 28 ноября 1902 г. (см. примеч. 6 к п. 11).

[6] 6 декабря 1902 г. К. П. Метнер писал Э. Метнеру: «...Весть о его <Н. Метнера. — *Ред.*> Сонате уже успела распространиться, и вчера Рахманинов попросил Колю познакомить его с ней. Нынче вечером Коля приглашен для этой цели к Рахманинову» (примечания З. А. Апетян в кн.: *Метнер.* С. 42).

[7] 13 декабря 1902 г. в Большом зале Московской консерватории состоялся симфонический концерт под управлением А. Никиша, данный в пользу Общества вспомоществования учащимся Строгановского училища; Н. К. Метнер исполнил Концерт b-moll op. 23 П. И. Чайковского. См. об этом в письме К. П. Метнера к Э. Метнеру от 24 декабря 1902 г. (Там же. С. 46).

[8] Имеется в виду лирический этюд, навеянный впечатлениями от выступлений М. А. Олениной-д'Альгейм, — статья «Певица» (Мир Искусства. 1902. № 11. С. 302–304).

[9] Опубликовано в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» (М., 1903. С. 46–47) под заглавием «Старинный друг» в цикле «Возврат»; вошло в книгу Белого «Золото в лазури» (М., 1904) как 2-я часть стихотворного цикла «Старинный друг», посвященного Э. К. Метнеру; незначительные варианты. См.: *СП — 1.* С. 138, 530.

[10] Опубликовано в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» (С. 47–48) в цикле «Возврат»; вошло в книгу Белого «Золото в лазури» с посвящением А. П. Печковскому. См.: *СП — 1.* С. 143–144.

[11] Имеется в виду кн.: *Гамсун Кнут.* Драма жизни / Пер. с норв. С. А. Полякова. М.: Скорпион, 1902.

[12] См. примеч. 5 к п. 7. Последняя драма Генрика Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899) была выпущена двумя изданиями («Когда мы, мертвые, проснемся». М., 1900) издательством «Скорпион» в переводе с норвежского Ю. К. Балтрушайтиса и С. А. Полякова, поставлена в ноябре 1900 г. Московским Художественным театром. Драма Гергарта Гауптмана

«Михаэль Крамер» (1900; рус. пер.: <СПб.>, 1901) была поставлена в октябре 1901 г. Московским Художественным театром. См. отзывы Белого об этой драме и ее постановке в его дневниковых записях (*Лавров А. В.* Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 124, 129–130).

[13] Белый написал рецензию на упомянутое выше издание «Драмы жизни» Гамсуна; см.: Новый Путь. 1903. № 2. С. 170–172.

[14] Известен немецкий писатель Карл Готтфрид Теодор Винклер (Winkler; псевдоним — Теодор Гель, Hell; 1775-1856), автор стихотворений и драматических произведений, издатель сочинений композитора К. М. Вебера; нет уверенности, однако, что Белый здесь подразумевает именно его.

[15] Общая величина подписки на «Новый Путь» в 1903 г. — 2558 платных подписчиков; из них на Петербург приходилось 445, на Москву — 247 (*Максимов Д.* «Новый Путь» // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930. С. 165–166).

[16] «Рыцарь Печального Образа» — прозвище, которым наделяет Дон Кихота Санчо Панса в гл. XIX романа. См.: *Сервантес Сааведра Мигель де.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Т. I. М., 2003. С. 127 («Литературные памятники»).

[17] Это собрание у Л. А. Тихомирова Белый описал в мемуарах; там среди участников упомянуты В. А. Грингмут, Е. Поселянин (Е. Н. Погожев), профессор А. И. Введенский, М. А. Новоселов, епископ Никон, художник В. М. Васнецов. См.: *НВ.* С. 161–162.

[18] А. М. Метнер.

[19] См. примеч. 2 к п. 9. Видимо, предлагая вести переписку с редакцией «Приднепровского Края» через университетскую лабораторию, Белый пытался скрыть от своих домашних факт сотрудничества в газете.

13. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

26–29 декабря 1902 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 26 декабря 1902 г.

С великим праздником, дорогой и близкий мне Борис Николаевич![1] Надеюсь, что Алексей Сергеевич сообщил Вам содержание моего письма и Вы уже знаете, что я письмо Ваше получил[2] и т. д. и т. д. Теперь и Вы, в свою очередь, что сочтете возможным, — передайте Алексею Сергеевичу. Так скажите ему, что сегодня я был у Назария[3]: он в восторге от статьи Льва Александровича[4]; вырезал ее и спрятал в своей библиотеке; что

именно он говорит — неважно; важнее — принципиальное его согласие с Тихомировым; проистекает ли это согласие от его недальновидности или недальновидно объяснять это недальновидностью, я не берусь судить. Если Вы меня сейчас не понимаете, то спросите Петровского, он разъяснит Вам, а еще... спать хочется.

27 декабря. Я рассуждаю так: хотя я и *вижу*, что церковь Божья, святотатственной рукой Петра прикованная к подножью «власти суетной земной»[5], избавлена таким образом от третьего соблазна, погубившего католичество, хотя я и *знаю*, что такое положение церкви есть исполнение пророчеств ее судьбы, но *действовать* я обязан против такого положения до последней капли крови, и лишь тогда входит в свои права amor fati[6]. Быть может, во мне говорит энергичная германская кровь. *Валгала* есть прямая противоположность *Нирване*[7], элементов которой так много, к сожалению, в русских.

1) О *Коле* см. письмо Алексея Сергеевича[8]. 2) Андрей Павлович Мельников (сын Печерского) сказал мне, что ему передавали раскольники о Мережковских; Д. С. и З. Н. были, как Вы знаете, «в лесах и горах»[9]; их там приняли некоторые старые раскольники за Антихриста и Вавилонскую блудницу. Тот же Мельников рассказал мне, как Мережковский *совсем нечаянно* разыграл Хлестакова: в каком-то селении исправник и другие власти сочли его за какое-то важное лицо, посланное от правительства, и сообразно с этим рассыпались в чрезмерных любезностях; возили его всюду даром на земских лошадях чуть ли не цугом и во всяком случае с эскортом верховых урядников; все это факты, ибо исправник представил счет расходам по приему Д<митрия> С<ергеевич>а с супругой[10]. Но — между нами! «Во всех нас есть нечто Хлестаковское». 3) Почему бы Вам не прочесть несколько стихотворений Ваших Коле; в особенности *В дремучем лесу* и *Уж этот сон мне снился*[11]; оба — немецки-подмигивающие и совсем оригинальные негейневские; последнее (откровенно скажу) лучше гейневских. Анюту[12] я знакомлю с Вашими поэтическими произведениями. Она в восторге. 4) Сегодня пришла Ваша карточка[13]. Спасибо за неизменную память; «сегодня» — уж 28 декабря. Пока до свидания.

«*Странные явления* наблюдались в Париже *в ночь с (29 на 30) декабря* ***н<ового> ст<иля>***. Во многих местах вдруг остановились

в 1 час 5 мин. пополуночи стенные часы с маятниками. Многие люди вдруг почувствовали себя *как бы* близко к обмороку. В это же время директор парижского центрального метеорологического бюро г. Маскар сказал сотруднику «Matin», что *не наблюдалось никаких особенных атмосферически перемен, которые могли бы считаться причиной упомянутых странных явлений. Не было также замечено и землетрясения.* Последнее из землетрясений (очень слабое) в Париже наблюдалось в 1869 г. Вопрос о причинах нынешнего явления остается таким образом открытым»*(?). Волгарь Нижний Новгород № 354 1902 года 26 дек<абря>.

(* *) след<овательно>: старого стиля с 16-го на 17-ое; дорогой Борис Николаевич! Посмотрите в моем письме, где я сообщаю Вам о полнолунии и описываю настроение, приводя выдержку из *Заратустры* и стихи Гёте[14]; посмотрите, не было ли мое ужасное настроение в описываемую в прилагаемой заметке ночь, когда останавливались часы (Время!) и люди чувствовали себя «*как бы*» близко к обмороку. Это «как бы» — очень верно передает на обывательском языке нуменальность всего события.

28 декабря. Сегодня я зачеркнул в Нижегородском Листке, тщательно коллекционирующем все известия, могущие подорвать уважение к духовенству, — перепечатку из Волынских Епархиальных Ведомостей циркулярного предложения преосвященного Антония, в котором последний констатирует... впрочем, вот оно, это предложение: «До моего сведения доходит, что весьма многие священники, невзирая на строгое воспрещение епархиального начальства брать водку от прихожан за требы, продолжают допускать такое вопиющее безобразие, кощунственно оправдываясь словами писания: всякое даяние благо. Священный Синод предлагал приходским священникам устраивать общества трезвости, а здесь приходится разбирать дела о беспатентной торговле водкой в доме священника, что, впрочем, и весьма естественно и при составлении коллекции из сороковок и полуштофов за священные и божественные таинства. Да будет же известно подобным недостойным иереям, что на будущее время один *факт* принятия водки в благодарность за требу составит судебное дело

* *Текст в кавычках — типографский набор (гранки газеты «Волгарь»), подчеркивания — красными чернилами.*

и повлечет за собою эпитимию и увольнение с прихода...»[15] — Ну-с! Что скажете, дорогой Борис Николаевич?? Не правда ли, ужасно! Очевидно, это не единичные случаи, а глубоко укоренившееся зло. Что это такое? Некультурность, бессознательное варварство или сознательное не<го>дяйство, вырождение, гниение, мерзость! Не стоит спасать!!

Дорогой Борис Николаевич, на оборотной странице находятся следы наших умственных прогулок в осенние вечера 1902 года*. Вы были на этот раз моим проводником; но покинутый Вами на полдороге, я в направлении, указанном Вами, идти сам дальше не могу; вот почему я не могу судить обо всем парти-де-плезир[16]. Будьте любезны, если Вам не трудно, когда Вам будет угодно, возобновите со мною эту прогулку... Вообще пишите мне что хотите, как хотите и сколько хотите; но под одним условием: не обижайтесь, если я не сразу стану на все отвечать Вам. Подробности по поводу этого в письме моем А. С. Петров<скому>[17].

28 декабря 1902 года. Боже мой! Дорогие мои, милые... мальчики; я обращаюсь к Вам обоим, телеграфировавшим мне о кончине Егорова![18] Неужели Вы думаете, что Зверев, которому необходим цензор в Н<ижнем> Новгороде, переведет меня сейчас же на место Егорова. Неужели Вы думаете, что я имею право без разрешения Зверева выехать в Москву. Я не имею права покинуть пост, пока мне не пришлют из Петербурга заместителя; если бы я заболел, то известил бы по телеграфу Зверева, и пока не прибыл бы мой временный заместитель, газеты не выходили бы. Вот как наказывал мне Зверев. Далее: неужели Вы думаете, что меня так скоро повысят и что кроме меня нет ни одного кандидата на место покойного. Да я не решусь даже заговорить об этом со Зверевым, а не только что выехать в Москву. Вот если бы Богу угодно было продлить дни Егорова еще в течение 1½ — 2 лет; тогда другое дело. Но все-таки спасибо Вам за телеграмму: она практически лишняя, но полна глубокого значения для меня: по ней я вижу, как Вы ко мне расположены. Если Вам придет фантазия в голову опять отправить мне подобную депешу, то, ради Ваших кошельков, пишите: *Н. Новгород Цензору Метнеру.*

---

* *На обороте — геометрические схемы с припиской Метнера*: Узнаете? Помните?

Адрес для телеграмм: Н. Новгород цензору Метнеру.

29 декабря. Сейчас получил письмо от Коли[19]; он собирается в Нижний числа 4–5 января… Когда-то Вы с Алексеем Сергеевичем приедете??? У нас, конечно, дело не обошлось без елки, я разумею: у нас в Нижнем; я слишком немец, чтобы лишить себя Weihnachtsbaum'a*, в усеянной свечами и блестящими игрушками елке есть что-<то> бесконечно милое, какая-то очаровательная смесь земного с небесным, волшебного с священным. Коля, как Weihnachtskind** (см. письмо Петровскому)[20], конечно, в особенности чувствует поэзию елки. Он, обыкновенно, совсем особенно играет в этот вечер, т. е. 24 дек<абря>; и я глубоко сожалел, что я первый раз в жизни был вне дома родителей в этот вечер… Давно я собираюсь Вас спросить: какое слово следует в стихотворении Блока за словами: меня пугает сонный (?)[21]. Тут у Вас нечто крайне неразборчивое. Я как-нибудь перечитаю Ваши письма сначала, а то я их только пробегал, а не прочитывал за недосугом. Тогда я кое о чем Вас переспрошу. С своей стороны я буду лишь тогда в состоянии сообщать Вам из области моих умствований, когда несколько успокоюсь от всех неожиданностей последних месяцев и впаду в прежнюю колею своих занятий (конечно, нецензорских), но Вы, не смущаясь, продолжайте писать мне… От редакции «Нового Пути» я получил несколько листов объявлений с просьбой — распространять. Стараюсь. Анюта Вам кланяется. Привет Вашим родителям от меня. С новым годом. Да хранит Вас Господь.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 8.

[1] Поздравление с Рождеством.

[2] Имеются в виду п. 12 и письмо Э. Метнера к А. С. Петровскому от 23–25 декабря 1902 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6).

[3] Митрополит Назарий (в миру Николай Яковлевич Кириллов; 1850–1928) — епископ Нижегородский и Арзамасский в 1901–1910 гг.

[4] Подразумевается статья Л. А. Тихомирова «Запросы жизни и наше церковное управление» (Московские Ведомости. 1902. № 343–345, 13–15 декабря).

[5] Строка из стихотворения А. С. Хомякова «Остров» («Остров пышный, остров чудный…», 1836). См.: *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 107 («Библиотека поэта». Большая серия).

---

* Рождественская елка (*нем.*).

** Рождественский младенец — Иисус (*нем.*).

[6] См. примеч. 4 к п. 12.

[7] Валгалла (Вальхалла; *древнеисл.* «чертог убитых») — в скандинавской мифологии находящееся на небе жилище павших в бою воинов, небесное царство для избранных. Нирвана (*санскр.*; букв. «угасание») — в буддийской религиозно-мифологической системе наивысшее состояние сознания, состояние свободы, покоя и блаженства.

[8] Н. Метнер. Подразумевается письмо Э. Метнера к Петровскому от 23–25 декабря 1902 г.

[9] Обыгрываются названия романов П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» (1875) и «На горах» (1881), описывающих семейно-бытовой уклад старообрядческого Заволжья. Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус совершили с 15 июня по 8 июля 1902 г. путешествие к местам народного паломничества — на озеро Светлояр (в Нижегородской губернии), скрывающее, по народной легенде, невидимый град Китеж. Очерк Гиппиус об этой поездке («Светлое озеро. Дневник») был опубликован в «Новом Пути» (1904. № 1, 2; вошел в кн.: *Гиппиус З. Н.* Алый меч. Рассказы. Четвертая книга. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906). См.: *Гиппиус З. Н.* Собр. соч.: Алый меч. Повести. Рассказы. Стихотворения. М., 2001. С. 312–359. В записи очерка Гиппиус, помеченной 19 июня, упомянут «сын известного заволжского писателя-романиста М., милый, умный, тихий человек, хороший художник. Он хотел ехать с нами, отлично зная „Леса“ и „Горы“, описанные его отцом. Устроив наше завтрашнее отправление — пришел к нам, и мы долго беседовали о лесных жителях Заволжья и о скитском разорении начала прошлого столетия» (Там же. С. 314).

[10] Ср. рассказ Гиппиус о торжественных приемах и увеселениях (30 июня — 3 июля), данных местными властями в честь ее и Мережковского (Там же. С. 348–358).

[11] См. п. 8, примеч. 19, п. 12, примеч. 10.

[12] А. М. Метнер.

[13] Подразумевается фотопортрет Белого.

[14] См. п. 11 (от 3 декабря ст. ст.).

[15] Неточно приведена копия предложения Преосвященнейшего Антония, Епископа Волынского и Житомирского, от 12 ноября 1902 г. за № 707 Консистории для напечатания (Волынские Епархиальные Ведомости. 1902. № 35, 11 декабря. С. 798).

[16] Partie de plaisir (*фр.*) — развлечение, увеселение; увеселительная прогулка компанией.

[17] Подразумевается письмо от 23–25 декабря 1902 г., в котором Метнер сообщал: «...вообще я получаю слишком много писем, для того чтобы можно было, не затрудняя себя чересчур, отвечать на них своевременно. Кроме того, у меня, как Вы знаете, на днях гостил Коля и я не хотел при нем тратить время на корреспонденцию. Свободно вполне у меня время лишь предобеденное; после обеда, т. е., после 3 ч<асов> д<ня> начинают носить корректуры; в промежутках между чтением корректур я (по средам

и субботам) принимаю редакторов, сотрудников, заведующих типографией и т. д. и просматриваю и подписываю отчеты и другие произведения печати, кроме газет; иногда удается и выгадать время (после обеда) для легкого чтения и корреспонденции. <...> Сообщите все это Борису Николаевичу, чтобы он не обижался на меня. Знайте оба, что пространные письма Ваши являются одним из главных моих утешений в изгнании и что они вдвойне будут производить свое действие, если чтение их не будет сопровождаться досадною мыслью о необходимости и в то же время невозможности скоро и столь же пространно отвечать на них».

[18] Обращение — к Белому и Петровскому. Цензор Московского цензурного комитета по иностранной цензуре, статский советник Николай Георгиевич Егоров (1839–1902) скончался 25 декабря 1902 г.

[19] Имеется в виду письмо Н. Метнера от 26 декабря 1902 г. (*Метнер*. С. 45–46).

[20] В цитированном выше письме (фрагмент от 24 декабря) Метнер сообщал Петровскому о Н. К. Метнере: «Сегодня день рождения Коли; он родился в сочельник в 8 часов вечера, вследствие чего у нас, помню! в этот день не было елки, за что мы, т. е. я, Каля и Зяська (Соня была еще слишком мала) были в страшной претензии на новорожденного братца. Итак, Коля — Weihnachts-Kind; „надеюсь, что Вы поймете сие событие символически“». (Упомянуты братья Метнера Карл и Александр, а также сестра Софья, в замужестве Сабурова).

[21] Подразумевается строка «Меня путает сонный плен» из стихотворения «Брожу вдоль стен монастыря...» (в окончательном тексте: «Брожу в стенах монастыря...»); список его Белый выслал Метнеру с письмом от 7 августа 1902 г. (см. примеч. 35 к п. 2).

14. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

31 декабря 1902 г. — 1 января 1903 г. Москва

Москва. 31 декабря 1902 года.

Многоуважаемый и дорогой Эмилий Карлович!

Вы говорите о том, чтобы я напомнил Вам наш незаконченный осенний разговор, для уяснения которого прибегал к моему любимому методу — графическому. Все это так трудно в письме. Требуется множество звеньев мысли, предшествующих этим схемам, — звеньев мысли философской, исторической, экзотерически-религиозной, гаммы чувств, определенно звучащих. Вся эта совокупность должна быть фиксирована в один намек; психологическая глубина без потенциала пройденных ступеней окажется плоской и мои графические чертежи, опирающиеся

на *многое иное*, неумело высказанными, краткими, схоластичными. Вот почему я предваряю эти схемы, заложив минимальный фундамент, чтобы основание нижесказанного опиралось хотя бы на крошечный материал, предшествующий, обычно — мыслимый. С ужасом думаю, сколько мне придется писать, но... героически решаюсь начать «*ab ovo*»*.

Буду сперва непомерно скучен, намеренно пошл, чтобы дальнейшие безумия не упали прямо с неба.

Итак...

Следует ясно знать отличие в общеупотребительных понятиях, сферы которых заходят друг к другу настолько, что ими пользуются уже как синонимами. Эти часто лишь внешне-однозначные понятия необходимо прояснить, выяснить себе их объем и содержание. Пусть этот объем и это содержание разнится от обычных определений — дело не в звуковых обозначениях (они — ярлыки), *дело в отличии их друг от друга*, в резком проведении границ (всякий формальный синтез и заключается в упорядочении взаимных отношений в необработанном материале, т. е. в взаимноограничении). Как скоро ярлычки (обозначения) отстают от обозначаемого — все путается, начинаются бесконечно-фельетонные споры о «*народничестве*», «*марксизме*», «*либерализме*», «*консерватизме*», «*символизме*», «*декадентстве*». Сюда же я отношу путаницу, взаимное слияние общеупотребительных обозначений рассудка, ума, разума, мудрости.

Как скоро центр тяжести перенесен от метафизического определения рассудка, ума, и т. д. (пример — несовпадение этих понятий у Канта и Шопенгауэра) к просто-напросто разграничению главных этапов нашего сознания, снимается ответственность в правильном обозначении «α» — рассудком, а не разумом, «β» — разумом, а не рассудком; важно, чтобы главным ступеням сознания соответствовали бы разные словесные знаки (условно или безусловно, это все равно).

Мне хотелось бы расположить этапы сознания в зависимости от влияния нашей психики на познавательную силу человеческого духа.

1) *Рассудок* заведует механизмом нашей познавательной способности; функция его — вывод из данных оснований неизбежного

* «От яйца», т. е. с самого начала (*лат.*).

следствия. Доказательность определяет состоятельность всякого рассудочного положения, причем правильность того, что мы доказываем, является конечным звеном среди ряда умозаключений. Сложность рассудочного механизма достигает там своего формального развития, где мы устанавливаем теоретическую связь какого-нибудь наиконкретнейшего явления с общим принципом (например: когда мы движение неправильного тела связуем с основными тремя принципами движения Нютона). Тут работа наиболее сложная, наиболее трезвый логический контроль. Логика наиболее чуждается всего личного, конкретного, психологического, проявляется ли она как *диалектика* или теснее, как эристика. О реторике ничего не скажу: реторика не исключительно рассудочна. Рассудок — противоположен, полярен физиологическому ощущению.

• ощущение • рассудок

2) Довольствуясь исключительно правильностью вывода, не обращая внимания на верность оснований, рассудок играет чисто служебную роль. Он ручается лишь за правильность вывода, а не за действительность выведенного. А между тем в умственной деятельности *важно копить* наш багаж знаний, а также *соединять накопленное, ткать наше отношение к действительности*. Важно, чтобы отдельные доказательства, слагаясь в общую *ткань*, пополняли друг друга. Мы нуждаемся в такой форме познавательной способности, которая, сохраняя нам раз выведенные доказательства, контролировала бы их взаимным сопоставлением. *Это — функция ума*. Выбор и контроль требуют личного почина, между тем как логические формы рассудка *абсолютно безличны, мертвенны. Ум окрашивает умствование*. Отдельные доказательства, графически изображаемые ↑↑↑↑↑, обрывочны, пока не связаны, не *сотканы* умом $\overrightarrow{\uparrow\uparrow\uparrow\uparrow\uparrow}$ в одно связное целое, причем соблюдена правильность в расположении отдельных доказательств: $\overrightarrow{\underset{1}{\uparrow}\underset{2}{\uparrow}\underset{3}{\uparrow}\underset{4}{\uparrow}\underset{5}{\uparrow}}$ а не $\overrightarrow{\underset{1}{\uparrow}\underset{5}{\uparrow}\underset{3}{\uparrow}\underset{2}{\uparrow}\underset{4}{\uparrow}}$ Каждый человек не совпадает в своем взгляде на окружающее с другими, ибо 1) не относительно всех в мире явлений сделал соответствующие выводы, 2) неодинаково расположил свои доказательства, не в том порядке соткал свою умственную схему. 3) Если присоединить еще разнообразие в логических ошибках, то понятен весь индивидуализм умственных схем сравнительно

с формализмом логических доказательств. Отсюда самоуверенная ограниченность логиков («*Д. С. Милль — обидная ясность*» Ницше[1]) и разнообразие и шаткость научных гипотез, философских систем и т. д. В выборе и соединении обрывков доказательств в сложное целое играет уже роль мое *личное*, чувственно-психологическое отношение к действительности, которое оказывает давление на составление моего отношения к миру. Но… меня зовут встречать новый год… Обрываюсь…

1-го января 1903 года. 2 часа ночи. С Новым годом, Эмилий Карлович. Ночь ясна… Радостно… Пенно-пирное шампанское бьет в голову… Какое-то мировинное пьянство!.. с туманом в голове продолжаю…

Сторонники рационализма скажут: «Если ум отдельной личности ограничен, то ошибки мыслителей могут быть исправлены последующими мыслителями и таким образом формальный объективизм будет одерживать всё большие и большие победы над личностью: взаимно противоположные ошибки, уничтожив друг друга, обнаружат истину»…

Пустая реторика!.. Общее место! Когда говорят *они* так, *у меня* ***тоже*** *вырастают ослиные уши*: это — невольный миметизм…

Достаточно сказать следующее: два взаимно противоположных писателя: один отклонился от истинного пути <*На этом текст обрывается.*>

РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 10. Л. 1 — 3 об.

Ответ на п. 13. Вероятно, не было закончено; не отправлено.

[1] В перечне «Мои невозможные» (в книге Ницше «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», 1888) значится: «*Джон Стюарт Милль*, или оскорбительная ясность» (*Ницше.* Т. 2. С. 594).

15. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

31 декабря 1902 г. — 3 января 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 31 декабря 1902 года.

Дорогой Борис Николаевич!

Надеюсь, Вы получили мое калейдоскопическое письмо, в котором я говорю о чем угодно, только не отвечая на Ваши письма; о странных явлениях, замеченных в Париже; о попах-шинкарях

и т. п.[1] Намереваясь кое о чем переспросить Вас, я взял Ваше первое письмо[2]. Вы упоминаете в нем об исследовании Мережковского. Хорошо было бы, если бы Вы снизошли до общедоступного и притом осторожного отзыва об этом исследовании с точки зрения религиозно-философской; тогда я бы написал о том же исследовании с точки зрения литературно-эстетической; получились бы две статьи двух авторов об одной книге, которые (статьи) дополняли бы друг друга[3]. Разумеется, это стоит сделать лишь в том случае, если Духовецкий, который сам же молил, чтобы ему присылали материалы, прекратит по крайней мере свое молчание.

1 января 1903 г. Вы — первый, дорогой Борис Николаевич, которому я пишу первое свое письмо в новом 1903-ьем году... Странно, что я сегодня и частью вчера в Silvesterabend* чувствую себя так же тоскливо, как в сочельник и Рождество. Меня это несколько тревожит: не из-за себя, а из-за жены и родителей: они очень рады, что я устроился; было бы ужасно, если бы что-нибудь случилось. Будем надеяться, что это дурное самочувствие имеет значение (подобно тому сну, помните, о двух змеях, черной и белой) не личное, не интимное, а всеобщее... Вчера вечером за три, четыре часа до нового года я уронил свои часы; они остановились, я снес их часовщику; оказалось — сломан *маятник*. Опять-таки: что это означает? Обращаю этот эпизод в шутку (полушутку) и делаю предположение: перестану ли я *маяться*? Или вообще жить? Буду думать, что только первое. — А в прошлом году в то же самое время я нашел подкову! Она принесла мне счастье. Продолжаю читать Ваше первое письмо. С удовольствием перечитываю: «всякое забегание вперед, как церковников (с их Антихристом) и теософов, так и теургов à la Мережковские с их речами о соединяющем религиозном делании значительны только как попытки „нового мышления“, а не сами по себе». Читаю Ваше второе письмо[4]. Вы обещаетесь написать по поводу книжки Файгингера о Ницше (с точки зрения законности его появления после Шопенгауэра; Ницше в связи с современным неоидеализмом). Эта тема была бы более удобна, нежели о докладе Тернавцева[5]. Читаю в третьем письме[6]: оказывается, что статью о Ницше Вы написали, но переписывать нет времени. Быть может, теперь найдется время; или

* Новогодний вечер (*нем.*).

присылайте непереписанною. Этот возмутительный Духовецкий не имеет обыкновения отвечать скоро на письма.

В своем IV письме[7] Вы говорите, что Ваш «внутренний путь каким-то странным образом слагается в сторону теософии» и притом «волюнтаризма», «отличную и от теософии в сторону теургии и от теургии в сторону теософии». Но возможна ли «равнодействующая между теософиею и теургиею»?? Не есть ли «объективация» (спрашиваю Вас на Вашем же «жаргоне») «воплощенного (теургического) на степень идеи» только умственная игрушка капризного ребенка, пожелавшего идти дальше «символического»; на деле же подобное «воплощенное» ничем не отличишь от «символического»?? — Вашу «лествицу» (1–8) я понимаю и в целом всю, чувствую же ее лишь до 7-ой ступени включительно; голубое мне очень, очень близко и знакомо; и просто голубое (бирюзовое с зеленоватым оттенком) и углубленное белым; недаром я родился 7-го декабря 1872 года; декабрь — месяц зимний, снежный и голубой в то же время; мне и белое (5-ая и 6-ая ступень) понятно лишь через голубое; я как-то перескочил или, вернее, быстро пробежал к голубому. Очень хорошо и верно до ужаса сказали Вы о «желто-шафранных волнах болотных испарений», распространяющихся вокруг лестницы… Я не раз оступался… О, я знаю, что значит «трясина ужаса»… Дальше об ощущении «невидимой близости Господа», о «Христовом чувстве» (как я это, кажется, нескладно называл) Вы, конечно, помните, наши мысли совпадают совершенно, еще дальше о «встрече с Господом» и переходе от 9–10, т. е. к 1 и т. д. все, что Вам поведал «муж знаменитый»[8], я не понимаю никак, ни чувством, ни умом, и *не принимаю*!! По-моему, это просто дерзость и амикошонство с Богом. Я согласен искать «9», но утверждать, что я там встречусь с Богом, — это опасно! Я могу так увериться в этом, что, подойдя вплотную к 9-и, попаду в лапы Серого; на 8-ой — бесцветное (то же, что на первой), на 9-ой (мнимой) — огненно-кроваво-красное (то же, что на 2-ой); на 10-й — горение багряницы и «вверх пятами», как на 3-ей, только уже навсегда… *Опасно!*

Do-re-mi-fa-sol-la-si… Do, re-mi-mi — середина клавиатуры —
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
противный ток — представляется голубым, а на самом деле багряное.

Недостаточно ясно мне и учение теософов о четырех оболочках человека и об «астральной области»... Что касается «личного конечного» и «индивидуального, непреходящего», то это я вполне понимаю и еще давно при первом знакомстве с Ницше увидел в нем борьбу этих начал и их подчас безобразное смешение.

Верно: Ницше индивидуально-белый очернился лично. — Возвращаюсь к голубому: один раз зимою (уже к весне, т. е. после святок) я шел из суда (это было в начале 1901 года или в конце декабря 1900 г.). Я громко один усмехнулся близ университета напротив Манежа; мне стало вдруг страшно весело и легко и все вокруг мне казалось голубым, углубившимся. Я был с полчаса словно сумасшедший. Потом этого не повторялось, но я уже прочно освоился с голубым. — Мне в эти полчаса казалось, что я что-то узнал и знаю, чего другие и не подозревают, и я ухмылялся хитро... подмигивал... В письме пятом Вы говорите, что «самый главный ужас заключается в том, что вдруг 2-ая тема Колиной Сонаты зазвучит для *иных* лунностью, лунатизмом»[9]. Эти *иные* насчитывают в своем числе меня, самого автора, да и Вас, наверно; Вам только страшно признаться в том, что при своем первом появлении тема эта звучит лунностью; она словно облита вся насквозь во всех своих очертаниях густым расточительно-роскошным сиянием полной, не заслоненной никакими облаками луны. Страшного же тут ничего нет; представьте себе, что нечто бесконечно глубокое и широкое, нечто объективно и субъективно (для Вас) священное, одновременно общее и интимное уютное предстает пред Вами после дневных трудных размышлений ночью в тишине внезапно (потому *ночью*, чтобы *в тишине*, а не впотьмах) освещенное луною. Не «нечто» содержит в себе лунное, а луна вносит в «нечто» лунное, и надо удивляться высокой чистоте (castitas), целомудрию этого «нечто», что оно, облитое лунным светом (не боится оно лунного света), сохраняет свою высоту и заявляет о ней. —

Страшно (для меня) то, что иному эта тема в первом (лунном) своем освещении покажется пикантной, подобно тому как пикантна иному сластолюбцу развращенная девочка-подросток с ангельским личиком. — Вот что страшно! Очень рад, что Вы пишете «я сам в нуменальном никуда не пойду»[10]. Я очень тронут,

что Вы пишете о Коле: «я как-то лично горжусь Вашим братом»[11]; но вот что, милый Борис Николаевич; мы с Вами гордимся, что соната Коли нравится Гофману[12], что он ее теперь, быть может, разучивает; но не примешивается ли к этому чувству гордости какая-то ревнивая досада (или досадная ревность), что «нечто» интимное, *наше* (хотя и долженствующее стать всеобщим), уютно (хотя и при луне) представшее пред нами, то, в чем мы участвовали ночью в тишине, как заговорщики (хотя дело само доброе и не требует поэтому тайны), нечто мистериарное <*так!*> пока, вдруг перестало быть таковым; досадно! Не правда ли??.. Пришлите заметку об Олениной в Мире Искусства[13], я Вам с Колей же обратно пришлю номер. — «Ужас среди голубого дня»![14] Да! Это *настоящий* ужас. И Вы великолепно дали его в обоих стихотворениях, но, кажется, в них есть что-то и помимо этого ужаса; они шире, чем этот ужас. До свиданья, дорогой Борис Николаевич; кланяйтесь от меня Вашим родителям и Алексею Сергеевичу[15]. Анют<а>[16] приветствует Вас и желает Вам счастья в новом году. Христос с Вами!.. Любящий Вас Эмилий Метнер.

P. S. За неимением своих стихотворений приведу Вам Гётевское «Legende».

In der Wüsten ein heiliger Mann
Zu seinem Erstaunen tät treffen an
Einen ziegenfüßigen Faun, der sprach:
„Herr, betet für mich und meine Gefährt,
Daß ich zum Himmel gelassen werd,
Zur seligen Freud: uns dürstet danach".
Der heilige Mann dagegen sprach:
„Es sieht mit deiner Bitte gar gefährlich,
Und gewährt wird sie dir schwerlich.
Du kommst nicht zum englischen Gruß,
Denn du hast einen Ziegenfuß".
Da sprach hierauf der wilde Mann:
„Was hat euch mein Ziegenfuß getan?
Sah ich doch manche strack und schön
Mit Eselsköpfen gen Himmel gehn"[17].

Это мефистофелевское стихотворение (ибо Гёте был в душе и Фаустом и Мефистофелем в одно время) Вы найдете в отделе

«Epische Dichtungen. Parabolisch»*. — Обращаю далее Ваше внимание на фаустовское стихотворение «Im Voruebergehn»:

Ich ging im Felde
So für mich hin,
Und nichts zu suchen,
Das war mein Sinn.

Da stand ein Blümchen
Sogleich so nah,
Daß ich im Leben
Nichts lieber sah.

Ich wollt es brechen,
Da sagt' es schleunig:
„Ich habe Wurzeln,
Die sind gar heimlich.

Im tiefen Boden
Bin ich gegründet;
Drum sind die Blüten
So schön geründet.

Ich kann nicht liebeln,
Ich kann nicht schranzen;
Mußt mich nicht brechen,
Mußt mich verpflanzen."

Ich ging im Walde
So vor mich hin;
Ich war so heiter,
Wollt immer weiter —
Das war mein Sinn[18].

Вы знаете, что здесь есть частичка ужаса средь бела дня...

3 января 1903 года. Дорогой Борис Николаевич! Я уже второй раз рву конверт этого письма. Первый раз я забыл вложить первый клочок (добавление; стихи), второй раз сегодня утром, получив Ваше символически-египетское поздравление с новым годом...[19] Тут и воющая собака, и кошка со спинкой колесиком,

* «Эпические стихотворения. Параболическое» (*нем.*).

и «любит — нелюбит», и луна. Люди поставлены так, что нет никакой надежды им когда-либо увидать друг друга… Во всяком случае, это не мы с Анютой… Мы живем с ней, говоря избитым языком, «душа в душу». Рядом с мущиною — собака, рядом с женщиной — кошка; мущина занят музыкой (собака тоже); женщина — цветами (кошка пластикой). Какая-то антитеза!.. Я забыл спросить Вас, дорогой Борис Николаевич, переписывается ли Мих<аил> Серг<еевич> Соловьев со здешнею сивиллою Шмидт[20]; дело в том, что Мельников сообщил мне, что Шмидт собирается ко мне ввиду того, что ей из Москвы сообщено, будто я мистик… Признаться, эстетично я боюсь этого посещения.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 9.

[1] Имеется в виду п. 13.

[2] Имеется в виду п. 2.

[3] Подразумевается возможная публикация этих статей в газете «Приднепровский Край».

[4] Имеется в виду п. 8.

[5] См. примеч. 2 к п. 9. Доклад В. А. Тернавцева «Русская Церковь пред великою задачей» был прочитан на первом, учредительном заседании Религиозно-философских собраний в Петербурге 29 ноября 1901 г., опубликован в № 1 «Нового Пути» за 1903 г. См.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний. 1901–1903. М., 2005. С. 5–19.

[6] Имеется в виду п. 9.

[7] Имеется в виду п. 10.

[8] Подразумевается П. д'Альгейм.

[9] Имеется в виду п. 12 (процитировано неточно).

[10] Подразумевается фраза из п. 12: «В „*нуменальном*“ я не хожу <…>».

[11] Цитата из п. 12.

[12] См. примеч. 6 к п. 11. 26 декабря 1902 г. Н. Метнер писал Э. Метнеру: «В Петербурге я отдал Гофману свою Сонату. <…> Теперь, по возвращении из Пет<ербурга>, я принялся наконец за окончательное окончание своей Сонаты и хочу окончить ее к 28-му января, когда Гофман будет опять в Москве» (*Метнер*. С. 45–46).

[13] См. примеч. 8 к п. 12.

[14] Мотив, который, согласно Белому, разрабатывается им в стихотворениях, присланных в п. 12.

[15] А. С. Петровский.

[16] А. М. Метнер.

[17] Стихотворение «Легенда» (1776) в переводе В. Левика:

В пустыне, спасаясь, жил некий монах.
Он встретил фавна на козьих ногах,

И тот, к его удивленью, сказал:
«Хочу я вкушать блаженство в раю,
Молись за меня и мою семью,
Чтоб нас всевышний на небо взял».
На это муж святой сказал:
«То, что ты просишь, весьма опасно,
И даже молиться о том напрасно.
Тебя не пустят за райский порог,
Когда увидят, что ты козлоног».

И фавн ответил на это ему:
«Пусть я козлоног, — что с того, не пойму!
Иных, я знаю, с ослиной башкой —
И то впускают в небесный покой».

(*Гёте Иоганн Вольфганг*. Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. Т. 1. С. 145).

18 Стихотворение Гёте «Im Vorübergehn» («Мимоходом», 1827); в подстрочном переводе А. В. Павловой:

Я шел по полю
Просто так,
И ничего не искал,
В этом и был смысл.

Там стоял цветочек,
Так близко,
И я ничего на свете
Не созерцал с бóльшим умилением.

Я хотел его сорвать,
Но тут он сказал:
«У меня есть корни,
Которые мне родные.

Мои корни уходят
Глубоко в землю,
И потому мои лепестки
Так прекрасно округлы.

Я не умею кокетничать,
Я не умею лицемерить.
Ты меня не ломай,
Ты меня пересади».

Я шел по лесу,
Просто так,
И я был весел,
И меня тянуло все дальше,
В этом и был смысл.

Позднее Н. Метнер написал музыку на текст этого стихотворения («Девять песен В. Гёте» для голоса с фортепиано, op. 6, № 4).

19 Это «поздравление» в подборке писем Белого к Метнеру отсутствует.

20 См. примеч. 11 к п. 2.

1903

16. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

4 января 1903 г. Москва

Москва. 4-го января 1903 года.

Многоуважаемый и горячо любимый
Эмилий Карлович,

с большим удовольствием читал Ваше глубокое и поучительное письмо. Читал, читал и... споткнулся, когда прочитал вторично вложенный листок... Ужаснулся, а потом и обиделся. Величайшим ужасом я считаю всякую «bizarrerie»*, я давно уж *буквален*, а не символичен, не аллегоричен, а Вы мне приписываете, по-видимому, *bizar*'ность самого *пошлого*, ***серого***, ***дурного***, средне-высшего тона. Надеюсь — в письмах мы лицом к лицу, а не за перегородками. Вот уже *между нами* проделка Серого. Если мы понимаем «*7*» ступеней, то мы должны ужасаться *призрачной дымкой первой или второй стадии*, зловеще-коварными, *злыми*, *рысиными* огонечками, вспыхивающими в словах. Это — призрак, и этот призрак получает *вновь жизнь, силу и власть* с расстоянием, когда люди не могут высказываться словесно, а следовательно труднее им снять паутину, которую плетет между ними *Серый*...

Вам померещилась галлюцинация — знаете ли Вы, какого низкого мнения Вы обо мне?

---

* Странность (*фр.*).

Повторяю: я слишком *аристократичен в нуменальном*, чтобы допускать всякую «*bizarrerie*». Если Вам эта «*bizarrerie*» чудится в моих словах — знайте, она от Серого. Надеюсь, все сказано. Я и не стал бы говорить так пространно, если бы усумнился в том, что Вы мне безусловно верите.

Кстати: о Сером. Понимаю Ваше состояние удрученности, потому что у нас в Москве были признаки, что «*Колдун опять показался в наших местах*»...[1] Да будет крестная сила над нами!..

Да, были признаки. Я не боюсь Его, потому что слишком верю Другому, в Его близость, но «береженого Бог бережет». Во всяком случае я констатировал. Особенно сильно было вторжение из «*трясин ужаса*» в сочельник, и в первые два дня Рождества; да и теперь «*не без*»........... Признаюсь: два раза я пугался (слегка; это отблески прежнего), но я не боюсь: мне весело...

По поводу духовенства и... между нами: имел случай увидеть у Л. А. Тихомирова собрание церковников (Грингмут, Введенский, Погожев, Трифановский, Новоселов, Фудель, викарии Анастасий, Никон, В. Васнецов и др.), когда он читал свой реферат, — и... плевался три дня... Этим все сказано...[2]

Боже мой, как *все* печально!..

Вы вот боитесь вторжения Анны Николаевны Шмидт, а между тем эта самая Анна Николаевна гнездится и в недрах церкви. Я говорил Михаилу Сергеевичу[3] о Вас, а он говорил ей (она была в Москве) о *новом нижегородском цензоре*, причем она крайне заинтересовалась.

Это письмо пассивное: отвечательное. Буду пунктуален. 1) Письмо Ваше получил[4]. Вы пишете о чертежах. Так трудно напомнить на расстоянии. Попытаюсь, но не теперь. Сейчас у меня голова болит и легкое нездоровье. Ничего не пишется... 2) Я могу написать о книге Мережковского с религиозно-философской точки зрения. Я могу слить *это* с тем, что написал о Ницше и неоидеализме, сократив первый фельетон, так что получится одно целое[5]. 3) То, что Вы пишете о сочельнике и Рождестве, вполне совпадает с моим заключением о «*возвратном появлении*» — заключении, к которому руку приложили Алексей Сергеевич[6] и Михаил Серг<еевич> Соловьев, так что тут, кажется, нечто *всеобще-тягостное*. Не обращайте внимание на маятник; это было бы *суеверием и только*... 4) О равнодействующей между

«*символическим*» и «*воплощенным*» следовало бы высказать так: равнодействующая между «*началом символического*» и «*воплощенным*», т. е. различные стадии символического и были бы подходом к *воплощенному*, которое само собой *явилось бы нам* как последняя стадия *символизации*, как «*святое святых*», «*эзотеризм эзотеризма*». Существенной разницы (пропасти) между теософией и теургией нет: пути их сливаются в конечном. Когда я говорю, что мой путь между теософией и теургией, это следует относить не к абсолютной теософии и теургии, а к современным теософам, среди которых знаю я только *теософутиков*, в сочинениях которых (Паскаль, Безант) сквозит вместе с истинной теософией, Божественной Мудростью, Софией Премудростью Божией, Розой, Душой Мира, воплощающей Логос, и *теософутика*, т. е. бескровно-схоластическое чириканье *о глубоком*. В равной степени касаясь теургии, я сейчас же представляю и современных теургов, которых искренне люблю, в которых сквозит и *теургофутика*, т. е. пересол в активности, да и то, кажется, больше в проповеди. Говоря о равнодействующей между той и другой инстанцией ви́дений, я высказываю самодовольную мысль о попытке избегать крайности пересола в теософии и теургии; поскольку *эзотеризм эзотеризма* (ядро теософии) и есть цель, постольку здесь сливается теософия с теургией. 5) О «*мнимости*» 9-го и «*о вечном горении вверх пятами навсегда*» в 10-м — Вы прекрасно говорите. Я разделяю Вашу точку зрения. 6) Мне знакомо все то, что Вы говорите о голубом. Тут действительно *знаешь* то, чего *иные* и не подозревают. И это не тягостно, а свободно, легко. Останавливаешься, смеешься — утешаешься *бездумным знанием, вечным разговором.* 7) Об астартизме второй темы: я потому смущен, что ведь тут глубочайший узел. Вечный вопрос об оправдании, искуплении мира и о вечном проклятии первородного греха. Тут пункт расхождения у нас с Ал<ексеем> Серг<еевичем>. Да и в самом деле: ведь страшна не лунность: это — символ, а то, что укрыто под этим символом. Если вторая тема может быть между прочим истолкована, как грядущее *приближение Вечной Женственности, Мистической Розы*, Души Мира (халдейское сказание): «*Знайте же — Вечная Женственность ныне в теле нетленном на землю идет*», Вл. Соловьев[7] — то наше отношение к ней чуть чуть мистически-влюбленное. Душа

Мира в связи с тем, что Мережковский пишет о рыцарстве Средних Веков, Великой Матери, — это как бы Афродита Небесная… А стоит только вспомнить, *что сюда пихает Розанов!!* Далее. Недавно на религиозно-философском собрании по поводу воззрения на *Ewig-Weibliche** Мережковского иер<омонах> Михаил встал и прямо в упор обратился к Мер<ежковскому>, обвиняя его в проповеди «*греха содомского*», причем он говорил, что понимает этот грех не в грубо-мерзком смысле, а весьма утонченно. Мы не знаем, как относится наша официальная Церковь к «*Ewig-Weibliche*» Гёте, Соловьева и т. д. В один прекрасный день она все это может обозвать грехом содомским… Далее: «*Более сериозных оговорок требуют два другие произведения: Das Ewig-Weibliche и Три свидания… Не вносится ли здесь женское начало в самое Божество? Не входя в разбор этого теософского вопроса… я должен… заявить следующее: перенесение плотских животно-человеческих отношений в область сверх-человеческую есть величайшая мерзость и причина крайней гибели (потоп, Содом и Гоморра, глубины сатанинские последних времен)*» (Вл. Соловьев)[8]. Культ Астарты отличался жестокой чувственностью; астартизм — символ чувственности… Нет, вопрос об астартизме того или иного, понимаемого мистически, самый сериозный, самый страшный вопрос. *Тут неразрубленный узел.* И то, что этот узел не разрешен, а лишь запутывается, усугубляет мистические опасения…

8) О «*ревнивой досаде*» по отношению к сонате Ник<олая> Карловича Вы верно. 9) Номер «Мира Искусства» не мой, а чужой. Заметка ничтожная. Кажется, я могу выслать оригинал. У знакомых есть список. Но право, не стоит. 10) В моих стихах, кажется, есть «и не только ужас». В общем они убоги. 11) Пока ничего не говорю о Гётевских стихах. Не особенно хорошо понимаю (много незнакомых слов, а переводить — ломит голова). То, что понял, — восхитительно, сильно.

Скоро я Вам напишу подробнее, а пока до свиданья, дорогой мне Эмилий Карлович. Призываю на Вас благословение Господа.

Остаюсь любящий Вас и глубокоуважающий

Борис Бугаев.

---

* Вечная женственность (*нем.*).

P. S. Мой искренний привет и глубокое уважение Анне Михайловне, а также и Николаю Карловичу, который по моим расчетам находится у Вас[9]. К сожалению, я еще не слышал от Ник<олая> Карловича той вещи, ноты которой Вы так любезно наметили в письме ко мне[10]: один раз Ник<олай> Карлович готовился к концерту. Я не мог ему мешать; а второй раз он очень устал.

P. P. S. Позвольте привести некоторые стихотворения А. Блока (из новых)[11]. <…>

Вышел «*Новый Путь*»[12]. Намеренно тускл, сух, сериозен. Это — пока. Прикидываются. Так хочет Перцов. Интересен рассказ «*Вымысел*» — Л. Денисова* (З. Гиппиус)[13]. Религиозно-философская хроника. Записки Р<елигиозно->Ф<илософского> Общества. К досадному изумлению узнал, что они без моего ведома напечатали отрывок из моего письма, кое-что переделав[14]. Жалею. Уж я пенял Перцову, когда он был в Москве[15], да было поздно. Просят рассказ, да я не дам. «*Симфония*» моя тоже будет напечатана не у них, а у «*Скорпиона*»[16]. Дорогой Эмилий Карлович, если можно, советуйте новгородцам покупать «*Новый Путь*». Подписчиков пока едва перевалило за 400[17]. Это мало. Существование журнала еще не упрочено вполне. Вот бы Вам написать о «Н<овом> П<ути>» в «Пр<иднепровском> Крае»?[18] В самом деле? Вот написали бы Вы? Это дало бы им несколько десятков подписчиков. Все же суть журнала симпатична, потому что они *допускают всякое мнение*, сериозно высказанное. Они в первом номере вовсе не о *своих пунктиках*, а об идеализме вообще… Если сопоставить их с их противниками-церковниками <*нрзб*> у Тихомирова я слушал, как их ругали глупо, «*мимо*», люди бездарно-бесцветные, среди которых были и такие, которые мне показались в общем еще и «*прохвостами*» (Введенский, Грингмут, Погожев). В общем эта кучка (Минский, Мережковский, Розанов, Перцов, Брюсов и др.) искренних, талантливых людей, у которых есть вера; если они глубоко и ошибаются в чем-либо, то это прощается им уже в силу количества противников (все пошло-толстые, глупые журналы их врагов, официальные мистики и церковники — враги). Журнал им необходим. Для этого

* Кстати: что значат сии два инициала «*Л*» и «*Денисов*»?

необходимы подписчики. Подписчиков мало. Толстые журналы их будут замалчивать. Многие даже не узнают о возникновении «*Нового Пути*». Дор<огой> Эм<илий> Карл<ович> — напишите что-нибудь. Лично я буду Вам так благодарен!

P. P. P. S. Не могу кончить...

Быть может, Вы пошлете в ред<акцию> «*Придн<епровского> Края*» объявления о «*Н<овом> П<ути>*»? А? Для сего высылаю Вам несколько объявлений бандеролью.

Я, *лично*, потому так заинтересован в успехе их предприятия, что глубоко уверен в *пользе для них заняться журналистикой*. Они хотят «*дела*». Вот им и будет *ближайшее дело*. Они люди увлекающиеся. Увлекутся — отвлекутся от всякой любви к «*bizarrerie*». Я их люблю. Мне было бы жалко видеть их гибель. Все, что Вы писали о Мережковском — принял, *понял, просмаковал, оценил* — и с улыбкой простил. «Мы все Хлестаковы» — ведь это можно оценить с точки зрения детскости. Тут что-то добродушное, в этой <*1 сл. нрзб*>

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 6. Помета красным карандашом: «VI». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 194.

Ответ на п. 15 (которое сохранилось не в полном объеме: упоминаемые в п. 15 и 16 добавления — «первый клочок», «вторично вложенный листок» — не выявлены).

[1] Неточная цитата из повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» (гл. I): «Колдун показался снова!» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. I. <Л.>, 1940. С. 245).

[2] См. примеч. 17 к п. 12.

[3] М. С. Соловьев.

[4] Имеется в виду п. 13.

[5] План статьи, объединяющей эти две темы, не был Белым реализован.

[6] А. С. Петровский.

[7] Цитата из стихотворения «Das Ewig-Weibliche. Слово увещательное к морским чертям» (1898). См.: *Соловьев*. С. 121.

[8] Сокращенная цитата из авторского предисловия к 3-му изданию Стихотворений Владимира Соловьева (СПб., 1900). См.: *Соловьев Владимир*. Стихотворения. Изд. 7-е / Под ред. и с предисл. С. М. Соловьева. М., 1921. С. XII–XIII.

[9] Ср. сообщение в письме Н. Метнера к Э. Метнеру от 26 декабря 1902 г.: «Теперь собираюсь к Тебе, а потом... опять в Петербург» (*Метнер*. С. 45).

[10] См. п. 11.

[11] Далее приведены списки стихотворений А. Блока «Мне страшно с тобою встречаться…», «По улицам ходят тени…», «Осанна! Ты входишь в терем…», «Я, отрок, зажигаю свечи…», «Сбежал с горы и замер в чаще…». См.: *Блок.* Т. 1. С. 131, 112, 113; Т. 4. М.; СПб., 1999. С. 171. Списки восходят к автографам и спискам стихотворений Блока, высланным в Москву семейству Соловьевых, — за исключением списка стихотворения «Осанна! Ты входишь в терем…», источник которого неизвестен. См.: *Котрелев Н. В.* Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 233, 245, 246.

[12] См. примеч. 5 к п. 8.

[13] «Вымысел. Вечерний рассказ» З. Н. Гиппиус был опубликован (под псевдонимом: Л. Денисов) в первых двух номерах «Нового Пути» (1903. № 1. С. 138–149; № 2. С. 42–59); вошел в 4-ю книгу рассказов Гиппиус «Алый меч». См.: *Гиппиус Зинаида.* Собр. соч.: Алый меч. Повести. Рассказы. Стихотворения. С. 219–242.

[14] Имеется в виду публикация под рубрикой «Из частной переписки»: *Студент-естественник.* По поводу книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (Отрывок из письма) // Новый Путь. 1903. № 1. С. 155–159.

[15] «Я обязан быть в Москве 17-го. Поэтому ждите наверняка», — писал П. П. Перцов В. Я. Брюсову 14 декабря 1902 г. (РГБ. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 9).

[16] Имеется в виду «Симфония (1-я, героическая)» (М.: Скорпион, 1904), вышла в свет в середине октября 1903 г.

[17] См. примеч. 15 к п. 12.

[18] Статьи Метнера о «Новом Пути» (за подписью: Э.) были напечатаны в «Приднепровском Крае» 7, 10 и 13 марта 1903 г.

17. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Не ранее 5 января 1903 г. Москва

Горячо любимый и дорогой мне Эмилий Карлович,

Пишу Вам неожиданно для себя по какому-то внутреннему побуждению, даже приказанию. И о том, что у меня на сердце. Не удивляйтесь. Я чувствую, мне нужно Вам напомнить, что величайшее счастье человечества незаметно подкралось когда-то, тихо пришло. Просияло. Улетело. Навсегда оставило оно налет сладкой грусти везде и на всем. Это счастье — Христос. Христос для всех. Никого Он не забывает. Молю себе несчастий, чтобы

приблизиться к Нему. Молю искушений, чтоб стать достойным молиться Ему. Дорогой Эмилий Карлович — Вы *это* знаете. Не забывайте нашего Солнца. Оно близко. Оно всегда рядом. «*Се стою у дверей. Кто ми отверзет?*»[1]

Не знаю — но мне кажется, придут дни (они близки), когда мрак охватит все, на чем нет отражения близости Его. Мне кажется, каждый человек будет иметь что-нибудь или в глубине своего духа, или *во внешнем* тяжелое, трудное. И это для всех людей. Дорогой Эмилий Карлович, предупреждаю Вас как брат во Христе — не забывайте Его. Он — нас всех связывает навек. Он — наше Солнце.

Солнце близко.

Вижу, как собираются где-то тучи; идут на нас или проходят мимо — не знаю. Знаю одно — с Ним не боюсь. Знаю — с Ним не страшно. Знаю.

Главное — с Ним чувствуешь себя над пропастями не страшно; начинаешь жить как-то по ту сторону жизни — в вечном чуде и уже окончательно не удивляешься, когда все удивительно.

Знаете ли, в чем я убедился? Москва — своего рода центр — верую, верую. Мы еще увидим кое-что. Еще будем удивляться — радоваться или ужасаться, судя по тому, с Ним или не с Ним будем. События не оставят нас в стороне, дорогой Эмилий Карлович. Всё же мы званы поддержать славу Имени Его. Будем же проводниками света, и свет в нас засветит, и тьма не наполнит нас…[2] И теперь, на расстоянии, мне приятно подать голос, окликнуть Вас и Анну Михайловну…[3] Напомнить. Пространства не властны. Мы все вместе. Людям «*знающим*» нужно особенно быть вместе… один не спасешься. «*Где двое или трое во Имя Мое, там Я посреди их*»[4].

В Москве уже потому центр, что уж очень просится в сердце то, чему настанет когда-либо время осуществиться. Открывается с поразительной ясностью, легко дается. Недавно был в Девичьем Монастыре. Восторг снегов превышал все меры. Снега заметали границу между жизнью и смертью. Сквозная сосна вопила о том, что тайно подкралось к душе. На другой день слушал в концерте Вашего брата. Он играл из *Stimmungsbilder* № 6, 7, 8[5]. Опять вопила метель. Радовался.

Между прочим: повсюду одно и то же. Московские оккультисты ждут в Москве рождение Мессии. Это факт. Только что узнал от Г. А. Рачинского. А. С. передавал слова Тихомирова о Мессии в городе Лионе; ему 14 лет[6]. В «*Новом Пути*» читали о киевской синагоге?[7]

Все это имеет смысл. С этим нужно считаться. Разобраться в «*знаниях*», откуда они.

Можем ли жить без обращения к Нему, когда нам начинает казаться, что времена и сроки исполняются? Вот, что мне безотчетно захотелось написать Вам, не знаю почему. Простите за глупый тон, но я от чистого сердца.

Получил от Блока письмо. Он тоже полагает, что центр в Москве[8].

Прощайте, дорогой Эмилий Карлович. До свиданья. Не забывайте. Господь да хранит Вас и Анну Михайловну.

Любящий Вас

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 7. Помета красным карандашом: «VII». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 194.

[1] Откр. 3: 20: «Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему <...>».

[2] Ср.: «И свет во тьме светит и тьма не объяла его»; «Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете» (Ин. 1: 5, 7–8).

[3] А. М. Метнер.

[4] Мф. 18: 20 (неточная цитата).

[5] «Восемь картин настроений» («Acht Stimmungsbilder») для фортепиано Н. Метнера (ор. 1).

[6] А. С. Петровский. Ср. сообщение в письме Петровского к Э. Метнеру от 21 января 1903 г.: «В Москве есть кружок оккультистов, ожидающих рождения „мессии“ в Москве. Ждут со дня на день, имея очевидно на то веские основания. Мать неизвестна, а отец и подавно. В Лионе, говорят, тоже есть, уже 14 лет. Что если они подерутся?» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[7] Имеется в виду заметка в рубрике «Религиозно-философская хроника» о мальчике Аароне Дворжике из села Демиевка:

«*Ожидание Мессии.* — 26-го октября площадь перед синагогой на Мало-Васильковской улице в Киеве была запружена евреями. Все были возбуждены, всем хотелось быть в синагоге, где должен был говорить

13-летний мальчик — о пришествии Мессии. <...> Мальчик — простой, бедной еврейской семьи, но не по летам начитанный в еврейском писании. Мальчику этому трижды являлся во сне один из ветхозаветных пророков с приказанием объявить всем о близком пришествии Мессии» (Новый Путь. 1903. № 1. С. 203).

[8] В тексте письма Блока от 3 января 1903 г. — первого его письма к Белому, положившего начало их заочного знакомства, — имеется указание не на Москву, а непосредственно на адресата: «...задаю я Вам вопросы и потому, что совсем понял, что центр может оказаться в Вас <...>» (*Белый — Блок*. С. 17). Белый откликнулся на эту фразу в ответном письме Блоку от 6 января: «Боже мой, что Вы говорите! Центр может оказаться во мне? Убедительно прошу Вас оставить эту мысль: не во мне, а в нас вообще, недалеко, быть может, от нас» (Там же. С. 27).

18. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

30 января 1903 г. Москва

Москва. 1903 года 30 января.

Многоуважаемый и дорогой мне
Эмилий Карлович!

Что за идиотский фельетон? Что за сумбур в голове? Что за слог? Что за зубоскальство?[1]

Большое спасибо за него. Для курьеза пошлю его в «*Новый Путь*». Пользуюсь случаем — пишу Вам эти несколько слов. Простите, что не больше. Масса дел, касающихся Университета, и своих собственных. Устаю. К тому же все еще не могу достаточно владеть своим спокойствием после кончины Соловьевых[2].

В Москве удивительные дни. То вопли метелей, то ясная, талая, гадкая, лунная слякоть — теперь полнолуние. Луна бросает от всего неверные тени — откидывает, а в тенях воры прячутся. К довершению истории на всех столбах расклеены рожи господина в цилиндре — мимиста Бернарди, удостоившего город своим подозрительным посещением[3].

Недавно был у Николая Карловича, который насмерть поразил меня восхищенной радостью финала своей сонаты. Это — небывалое явление, достойное 9-ой симфонии Бетховена (право)[4]. Весь день я был сам не свой и, кажется, обидел Ник<олая> Карловича глупо-неумеренной похвалой.

Дорогой Эмилий Карлович, я уж ничего не пошлю в «*Приднепровский Край*»: 1) некогда, 2) «*Мир Искусства*» чрезвычайно любезно просит меня присылать ему всевозможные рукописи, 3) у меня есть еще «*Новый Путь*», который я не утилизирую пока, потому что времени нет.

Как поживает Анна Михайловна?[5] Мой привет и уважение. Как поживаете Вы? Жду от Вас голоса.

Кстати: прочли Вы биографию Ницше?[6] Меня интересует Ваш отзыв о ней. Кто-то написал, что госпожа Ферстер-Ницше искажает факты. Меня заочно привели в негодование такие слова.

Не знаю.

Желаю Вам всего лучшего. Да хранит Вас Господь.

Остаюсь глубокопреданный искренне любящий

Борис Бугаев.

P. S. Вышел Пшебышевский[7]. Пшебышевский — скучен. Уныло скучен, однообразен — Пшебышевский. Пшебышевский.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 8. Помета красным карандашом: «VIII».

[1] Какой текст, присланный Метнером, имеет в виду Белый, неизвестно.

[2] М. С. Соловьев скончался в ночь на 16 января 1903 г.; тогда же его жена, художница и переводчица Ольга Михайловна Соловьева (урожд. Коваленская; 1855–1903), не перенеся случившегося, покончила с собой (см.: *НВ*. С. 223–226, 615–616). Похороны супругов состоялись 18 января в Новодевичьем монастыре. См. заметку В. Брюсова «Похороны М. С. и О. М. Соловьевых» (Русский Листок. 1903. № 19, 19 января) и некрологическую заметку о Соловьевых в «Новом Пути» (1903. № 2. С. 202–203). Смерть Соловьевых вызвала широкий общественный резонанс; ср.: «Умер М. С. Соловьев, и, не в силах пережить того, с кем прожила лучшее в жизни, тут же, у его трупа, оборвала свою жизнь О. М. Соловьева. Это страшно поразило. Несколько дней Москва только об этих двух смертях и говорила» (*Али* <Эфрос Н. Е.>. Случайные заметки // Новости Дня. 1903. № 7137, 21 апреля. С. 3).

[3] Ср. газетное оповещение: «Первая гастроль знаменитого итальянского артиста трансформиста К. Бернарди и первая гастроль знаменитой итальянской придворной труппы мимистов Козантино» (Русское Слово. 1903. № 21, 21 января. С. 1). Представления проходили в театре «Аквариум» ежедневно с 21 января по 16 февраля 1903 г. — по свидетельствам прессы, с колоссальным успехом.

[4] Н. К. Метнер и его Соната для фортепиано f-moll. 21 января 1903 г., в день прослушивания финала сонаты, А. С. Петровский писал Э. Метнеру о Н. Метнере: «Мы его так захвалили сегодня с Бугаевым, что он, кажется,

не на шутку рассердился. Дело в том, что хвалили мы его, конечно, не с чисто музыкальной точки зрения, а под разными углами, напр<имер> богословским и т. д. Придется завтра пойти смягчать похвалы, особенно насчет ожидающего его Царствия Небесного. Говорил я это всерьез, но в шутливой форме, и он не мог постигнуть, какая связь между написанием его сонаты и спасением его грешной души. <…> Наконец, скажу за себя и за Бугаева, что нам соната дала бездну уверенности в победе и силы, очень нужных в нынешнее скверное и опасное грозовое время. Прослушав эту „радость праведных о Господе" и несказанное дальнейшее, я готов на все идти, ничего не боюсь, готов все перенести, все простить и полюбить. Создание *такой* вещи не есть ли непомерная заслуга перед Богом и человечеством. Конечно, это *только один* угол зрения, более других мне доступный и других не исключающий» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

5 А. М. Метнер.

6 Имеется в виду книга Элизабет Фёрстер-Ницше (Förster-Nietzsche), сестры Ф. Ницше и его душеприказчицы, «Жизнь Фридриха Ницше» («Das Leben Friedrich Nietzsches»). Том I вышел в свет в 1895 г., том II (часть 1) — в 1897 г.; вторая часть тома II — позднее, в 1904 г.

7 Речь идет об издании: *Пшибышевский Ст.* Homo sapiens. Роман в трех частях / Пер. М. Н. Семенова. М.: Скорпион, 1903.

19. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

31 января — 3 февраля 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород январь 31 1903 год. 12 ч. дня. — Милый, дорогой мой Борис Николаевич! Собираюсь, окончив письмо Петровскому[1], ответить и Вам. Сначала на письмо VI от 4 января. Оно начинается, если помните, «проделкой Серого». Не отрицая здесь вмешательства Серого, я все же пытаюсь объяснить недоразумение мое, Вас обидевшее, тутошнею причиною. Я как старший по годам и гораздо больше Вас страдавший (хотя и меньше познавший) решился предостеречь Вас от каббалистического барона и от стремления скорее прийти (или быть приведенным «людьми добрыми») к 9-ти. Это мое предостережение в связи с очевидным теперь для меня неуловлением смысла нижеследующих Ваших слов и было причиной того, что Вы заподозрили меня в обвинении Вас в bizarrerie. Я знаю, что Вы «буквальны», и это-то особенно мне и нравится в Вас. Но Вы не всегда ясны даже для такого слушателя и читателя, как я. Впрочем, наши беседы

устные, кажется, достаточно показали, до какой степени далеко мы прошли вместе (хотя и отдельно); так далеко, что несогласия между нами просто немыслимы; возможны лишь детальные особенности и недоразумения. Не уловил же я смысла следующих слов (начало Вашего IV письма[2]): «Мой внутренний путь каким-то странным образом склоняется в сторону теософии; определю ближе теософию эту, не как теософию вообще, а как теософию волюнтаризма, отличную и от теософии в сторону теургии, и от теургии в сторону теософии. Это как бы равнодействующая идея между теософией и теургией — все тот же узел между символическим и воплощенным, перемещающийся в сторону символического с объективацией этого воплощенного (теургического) на степень идеи»... — Вот я, кажется, не поняв этого места, и выразил сомнение в том, чтобы можно было всегда отдать себе отчет, всегда различить *символическое* и *воплощенное, объективированное на степень идеи*, чтобы можно было безошибочно вести линию равнодействующую между теософией и теургией, не очутившись между двух стульев. Вот и все. Инцидент исчерпан. Если Вы забыли свое тогдашнее течение мыслей и сами уже не ясно представляете себе, что такое эта равнодействующая, то бухайте все в Лету, если же помните и видите мою ошибку, то, пожалуйста, объясните мне ее... Дорогой мой! Не может быть между нами такого, на что бы нам пришлось друг на друга обижаться... «Колдун опять показался в наших местах» — констатируете Вы 4-го января. Вы знаете, *как* я себя чувствую (нуменально) с самого сочельника. Подробности об этом раньше сообщал в предшествующих письмах, а теперь в письме к Алексею Сергеевичу, законченном вчера...[3] А сегодня я бодр, весел и свободно дышу во всех смыслах. Вчера было полнолуние. Вчера был Собор трех святителей[4]. Вчера снята какая-то накипь. Накипит, конечно, опять. Но пока легче: *эта* очень подозрительная луна начала умирать. Духовецкий, очевидно, в отношении к религиозно-философским вопросам попал под влияние некоего Соколова, который, судя по его фельетонам, должен быть противником и притом не понимающим новопутейцев и вообще всего нового[5]. Духовецкий просил меня настойчиво и не раз писать ему. Я написал обзор книжки «Сев<ерных> Цветов»; это было в июле, когда Соколова там еще

не было, статья была немедленно же помещена[6]. Затем вследствие занятий в Цензурном Комитете и приготовлений к отъезду я отложил свое сотрудничество на три месяца, в течение которых не раз получал от Духовецкого приглашения работать в его газете. На основании этих просьб я и обратился к Вам с предложением написать что-нибудь для *Приднепровского Края.* Сам же вскоре после приезда Анюты[7] написал страшно длинную и страшно нескладную канитель о книге Жида «Гражданское положение женщины», которую (не женщину, а книгу) я цензировал и потому решил и рецензировать. Эту канитель Духовецкий всю без сокращений поместил[8], а Вашу статью, а также мою заметку о предстоящем выходе в свет первой книжки *Нового Пути* не напечатал[9]. Между тем, по получении книжки, я написал обзор ее содержания, стараясь быть ясным и вполне цензурным. Видя, однако, что предварительной моей заметки не помещают, так же как и Вашей статьи, я бросил свой обзор «Нового Пути» и сделал запрос у Духовецкого, почему он ничего не хочет знать о «Новом Пути»?[10] На запрос этот я до сих пор ответа не получил. Я напишу еще раз. Пока не будет получен ответ, не пишите ничего для *Приднепр<овского> Края!* Мне страшно хотелось бы дать Вам заработок в этой газете: уже *эгоистическая* цель вынуждает меня хлопотать об этом: из первого же гонорара Вы должны отложить сумму, необходимую для путевых расходов из Москвы в Нижний и обратно. Я жду Вас в гости надолго летом... Некоторым ответом на страшный вопрос об астартизме, которого Вы касаетесь в своем VI письме[11], служит, по-моему, то, что Вы писали мне о сумасшествии и что Вы писали Мережковскому или Перцову («Новый Путь») об оргиазме; я думаю, что сумасшествие (не вследствие удара головой о тумбу), а Нитшевское, оргиазм Розановский суть явления психофизиологические и интеллектуалистические тою же сущностию астартизма. Астартизм же часто наблюдается на улицах Москвы; это схождение с рельс конки. Простите: я склонен сегодня говорить благоглупости. Но право же, отчасти это так. Движение духа по телеологическим рельсам, ведущим направо, коварно переводится стрелочником на рельсы параллельные (пока), но в конце концов приводящие налево; случается же это, когда кондуктор, полагаясь на Цель,

притягивающую вагон (Causa finalis*), небдителен до такой степени, что не замечает легкого толчка, знаменующего перевод вагона на другие соседние рельсы, ведущие не к Космосу, а к Хаосу... Напрасно Вы называете свои стихи убогими и напрасно Вы некоторые из них не покажете Коле[12]. Очень жаль, что Вы не занимаетесь вовсе немецким языком. Немецкая поэзия и философия тесно связана с немецким языком и немецкой музыкой; гораздо теснее, нежели то наблюдается у других наций... Еще не так давно я читал *Zarathustra*, часть III Vom Voruebergehen[13] и думал о Вас; чтобы оценить до конца не только философию, но и музыку этого параграфа, не только суть, но и дух речей Нитцше, — необходимо читать это по-немецки... Положительно так никогда ни один смертный не говорил *прозой*... — Из стихотворений Блока особенно сильное впечатление произвело на меня последнее: *Сбежал с горы* etc.[14] Это такой тонкий змеиный упоительный ужас, какой я не раз ощущал... И опрокинувшись заглянет мой белый призрак им в лицо...[15] Кириллов за шкафом[16], сон мой о двух змеях... Ужасный сон... Но я спокойнее, вспоминая его теперь.

«Новый Путь», говорите Вы, «намеренно тускл, сух, сериозен». И фатально не объединен в терминологическом отношении... Полон недомолвок. Приблизительных касаний. Заигрываний с партиями... Я очень строг; я придираюсь. Я злюсь. Вот где и *bizarrerie*, и смешение аллегорического с символическим, символического с воплощенным... Статья Мережковского в чтении понравилась мне больше, нежели выслушанная как лекция...[17] Ваше «письмо»[18], дорогой мой, при всей халатности, с которою Вы, изумленно озираясь, очутились среди публики, будучи неожиданным толчком выброшены из Ваших внутренних интимных апартаментов, при всей нечесанности и неотесанности эпистолярного «неглиже с отвагою» является самым умным, самым талантливым и самым сильным словом во всей книжке. Оно произвело на меня почти *зрительное* впечатление... Я смеялся и радовался в душе за Вас. Рассказ Леопарда Дионисова — «интересен»[19]. Он очень понравился Анюте, которая до тех пор терпеть не могла писанья Зинаиды Николаевны. Л. Денисов — есть такой

---

* Конечная причина (*лат.*).

составитель разных клерикально-колокольных книжек...[20] Какой это рассказ просит у Вас Перцов?? Скоро ли выйдет Ваша новая симфония?? Да! Отрывок из Вашей статьи об Олениной я прочел в «Волгаре», который перепечатал его и снабдил quasi-ядовитыми замечаниями и массою ????!!!! —[21]. Вы, конечно, получили от меня посланный Вам под бандеролью № „Волгаря“ со статьею о «Новом Пути»?![22] Обезьяна, совсем напрасно скрывающаяся под неподходящим прозвищем «Антропов», принадлежит к породе тех критиков, о которых Жан-Поль Рихтер так много и остроумно распространялся в своих сочинениях[23]. Что Вы хотите? Неужели Вы думаете, что наша «интеллигенция», которую хотят мирить с церковью, способна выйти из позитивистического нужника?

1 февраля. Сегодня у меня был в гостях преосвященный Назарий. Сегодня же по одному делу зашел ко мне городской голова Меморский[24]. Вот два человека: оба русские (по происхождению из духовного сословия), оба умные (хотя с неба звезд не хватают); оба с высшим образованием; оба довольно светские люди; один производит впечатление изумительной культурности; другой, Меморский, «интеллигент», «прогрессист» — азиат в сюртуке. Он кричит о гласности, пока его не задели... А как задели, что оказывается менее терпим, нежели о. Назарий... Нет! Представители церкви, пожалуй, даже в массе более *гибки*, нежели представители интеллигенции. Ваше последнее *седьмое* письмо ко мне[25], написанное «по какому-то внутреннему побуждению, даже... приказанию», обнаружило беспокойство обо мне, то же беспокойство, что охватило Алексея Сергеевича, о чем он и сообщил мне одновременно с Вами... Очевидно, оба Вы чувствовали, что я в опасности. Так это и было. Ваши письма пришли кстати. Теперь мне легче. Подробнее об этом в письме Петровскому[26]. Вы пишете: «События не оставят нас в стороне... Все же мы званы поддерживать славу Имени Его. Будем же праведниками света и свет в нас засветит и тьма не наполнит нас...» Тьма пыталась наполнить мою душу, и я особенно часто вспоминал свой «Denkspruch»* (Первое послание Петра. Гл. вторая, стих IX[27]), который выпал на мою долю во время конфирмации, как руководящее изречение

---

* Изречение (*нем.*).

на всю жизнь... Об этом лютеранском обычае я рассказывал Алексею Сергеевичу... Я с Вами согласен в том, что Москва *один* из центров. Но кто знает: не было ли в царствование Августа в Риме, Афинах, Александрии у некоторых ощущения, что центр именно там, где они, имеющие уши, слышат???[28]

Пишите! Христос с Вами.

Ваш Э. Метнер*.

Вот Вам образчик отношения нашей интеллигенции к такому важному вопросу как «ересь». Не только наши отцы и старшие братья, но и наши сверстники и младшие братья — безнадежны (*при жизни*)... Разве наши дети и внуки поумнеют. Мне жалко «Новый Путь», но едва ли он жизнеспособен. Нас очень немного, дорогой Борис Николаевич!

2 февраля 1903 года. Отрывок из Фауста.

Die Hexe <...>
Du mußt verstehn!
Aus Eins mach′ Zehn,
Und Zwei laß gehn,
Und Drei mach′ gleich,
So bist du reich.
Verlier′ die Vier!
Aus Fünf und Sechs,
So sagt die Hex′,
Mach′ Sieben und Acht,
So ist's vollbracht:
Und Neun ist Eins,
Und Zehn ist keins.
Das ist das Hexen-Einmaleins!

Faust:
Mich dünkt, die Alte spricht im Fieber.

Mephistopheles:
Das ist noch lange nicht vorüber,
Ich kenn′ es wohl, so klingt das ganze Buch;

---

* *Далее на листе наклеены газетные вырезки*: «<Редк>ое небесное явление», «Молитва» (*перечеркнута красными чернилами*), «„Чудесный“ ребенок», «Нечто об еретиках» (*перечеркнута красным карандашом*[29]).

Ich habe manche Zeit damit verloren,
Denn ein vollkommner Widerspruch
Bleibt gleich geheimnisvoll für Kluge wie für Toren[30].

и т. д. и т. д. — до конца мефистофелевской реплики (Фауст, ч. I. Сцена в кухне ведьм).

Мне кажется, я недостаточно ясно в письме Петровскому сказал о девятой симфонии и Парсифале[31]. Мотив IV ч<асти> IX с<имфонии> при всем напряжении святости в нем не свободен от прометеевского элемента, присущего Бетховену, элемента, от которого лирик всегда себе верный и равный, как Бетховен, не мог и не намеревался освободиться. Основной же мотив *Парсифаля* при таком же напряжении святости не свободен от некоторой искусственности, к которой театрал и Uebermensch* Вагнер прибег, дабы скрыть, замаскировать неистребимость в себе титанизма. Он принуждает себя дать святость до конца. Ясно??. До свиданья.

P. S. Я забыл спросить Вас: получили ли Вы *оба* мои письма, которые я послал Вам одно вслед за другим в ответ на Ваше 5-ое?[32]

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 10. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 195.

Ответ на п. 16.

[1] Имеется в виду письмо от 29–30 января 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7).

[2] Имеется в виду п. 10.

[3] В упомянутом письме к А. С. Петровскому Метнер признавался: «Ваше последнее от 21 января письмо и последнее же Бугаева — пришли в один день и час и как самым появлением своим, так и содержанием пришлись весьма кстати, чтобы не сказать бо́льшего. Я всецело пребывал в когтях нуменальной тоски. Эти письма взбодрили меня. Но все же я окончательно сбросить с себя не могу чего-то липкого мерзкого. Такого подозрительного жуткого состояния макрокосма и микрокосма я давно не запомню <…>».

[4] Собор вселенских учителей и святителей — соборный праздник Православной церкви, посвященный памяти вселенских учителей Церкви Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста; совершается 30 января (12 февраля н. ст.).

[5] П. А. Соколов стал постоянным сотрудником «Приднепровского Края» с осени 1902 г., почти каждую пятницу в газете помещались его статьи

* Сверхчеловек (*нем.*).

«Женщина в философии» (№ 1600, 27 сентября; № 1607, 4 октября), «Веселое жизнепонимание» (№ 1614, 11 октября), «Два черта» (№ 1628, 25 октября), «Друг женщин и его советы молодым девушкам» (№ 1635, 1 ноября), «По поводу одного самоубийства и одной заброшенной науки» (№ 1642, 8 ноября; № 1649, 15 ноября), «Что такое красота?» (№ 1656, 22 ноября) и т. д.

[6] Имеется в виду статья Метнера «Северные цветы на 1902 год (Собранные книгоиздательством „Скорпион“)» (Приднепровский Край. 1902. № 1538, 27 июля. С. 2–3. Подпись: Э.). В ней был дан подробный обзор содержания альманаха и делался вывод: «...сборник, как и почти все, издаваемое „Скорпионом“, заслуживает вполне внимания читающей публики <...>».

[7] А. М. Метнер.

[8] Речь идет о статье Метнера «Из области „изящной“ юриспруденции» (Там же. 1903. № 1711, 21 января; № 1712, 22 января; № 1715, 25 января; № 1718, 28 января; № 1722, 1 февраля), представляющей собой отклик на книгу французского юриста и историка Поля Жида (Gide; 1832–1880) «Etude sur la condition privée de la femme»; в русском переводе: *Жид П.* Гражданское положение женщины с древнейших времен / Пер. с фр. под ред. и с предисл. проф. Ю. Гамбарова. М., 1902.

[9] См. примеч. 2 к п. 9.

[10] Метнер не знал, что к тому времени его заметка «Новый Путь» была опубликована в «Приднепровском Крае» в рубрике «Библиография» (1903. № 1703, 13 января. С. 4); в ней приветствовалось новое издательское начинание: «Во всяком случае вполне определенное, слишком определенное старое насиженное место, которое покидают путники, настолько невыносимо тоскливо, серо, будничо, скучно, что нечто неопределенное, пусть даже опасное, неспособно их принудить к отступлению, а скорее привлечь новых путников, даже и не из числа любителей приключений, сильных ощущений и экстравагантного декадентизма». Сходным образом Ф. А. Духовецкий назвал 1-й номер «Нового Пути» «одним из отраднейших явлений нашего времени»: «...журнал появился на свет прекрасно вооруженным для следования по прокладыванию им нового пути, на котором ему предстоит немало опасностей и суровой борьбы» (*Духовецкий Ф.* Беседа с читателями. XXVII. Новый путь // Там же. 1903. № 1704, 11 января).

[11] Имеется в виду п. 16.

[12] Н. К. Метнер.

[13] «О прохождении мимо» — фрагмент из поэмы Ницше «Так говорил Заратустра».

[14] Стихотворение «Сбежал с горы и замер в чаще...» (21 июля 1902). См. примеч. 11 к п. 16; *Блок.* Т. 1. С. 113.

[15] Заключительные строки стихотворения «Сбежал с горы и замер в чаще...».

[16] Подразумевается эпизод из романа Достоевского «Бесы» (ч. 3, гл. 6, II): «У противоположной окнам стены, вправо от двери, стоял шкаф. С правой стороны этого шкафа, в углу, образованном стеною и шкафом, стоял Кириллов, и стоял ужасно странно, — неподвижно, вытянувшись, протянув руки по швам, приподняв голову и плотно прижавшись затылком к стене, в самом углу, казалось желая весь стушеваться и спрятаться» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 475).

[17] Имеется в виду начатая печатанием в № 1 «Нового Пути» книга Д. С. Мережковского «Судьба Гоголя» (см. примеч. 6 к п. 8). Лекцию о Гоголе Мережковский читал в Москве в Историческом музее 17 февраля 1902 г.

[18] См. примеч. 14 к п. 16.

[19] См. примеч. 13 к п. 16.

[20] Леонид Иванович Денисов — автор и составитель популярных религиозно-просветительских брошюр, многие из которых неоднократно переиздавались: «Великий пост» (М., 1898), «Жизнь и подвиги св. Алексия, человека Божия» (М., 1898), «Жизнь и страдания св. великомученицы Варвары» (М., 1899), «Ад и рай» (М., 1900), «День св. Троицы» (М., 1900), «Жизнь и покаяние преподобной Марии Египетской» (М., 1900), «Сказания о благодатных откровениях Господа Иисуса Христа святым» (М., 1902), «Жизнь апостола любви св. Иоанна Богослова» (М., 1902) и т. п.

[21] См. примеч. 8 к п. 12.

[22] Имеется в виду статья Р. Антропова «Критические очерки. III» (Волгарь. 1903. № 20, 21 января. С. 2), в которой был дан резко критический обзор содержания 1-го номера «Нового Пути»: «Люди несомненно даровитые, писатели, которые могли бы оказать „нищим духом“ посильную помощь разумным словом, пускаются в роль Пифии, *бессмысленно* пророчествовавшей»; Мережковский, по мнению обозревателя, составляет «„статьи-откровения“, с целью одурачить легковерную толпу и прослыть величайшим умником нашего милейшего сверх-времени», Розанов иронически аттестуется как «образчик русской философии»: «...вот вам наглядный пример, до каких благоглупостей можно дойти, устремляясь философской мыслью из черепа Валтасара», и т. д.

[23] См., например, рассуждения о критиках и рецензентах в трактате Жан-Поля «Приготовительная школа эстетики» («Vorschule der Ästhetik», 1804) (*Жан-Поль*. Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 313–329).

[24] Александр Михайлович Меморский (1855–1913) — городской голова Нижнего Новгорода, бывший присяжный поверенный.

[25] Имеется в виду п. 17.

[26] В письме к Петровскому от 29–30 января 1903 г. Метнер сообщал о переживаемых им тяжелых психологических симптомах, которые каким-то образом соотносились с личностью адресата: «...бывало, что я Вас *боялся*. Мне казалось, что, если я с Вами не порву, то скоро умру. Самая мысль, что я недолговечен, приходила только в Вашем присутствии и при

воспоминании о Вас. Конечно, ни Вы, ни я во всем этом ужасе — не виновны, или виновны косвенно, посредственно. Тут что-то „наплывало", выражаясь языком „Симфонии"». В том же письме Метнер признавался в подверженности двум порокам — властолюбию и гневу.

27 «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святый, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2: 9).

28 Откр. 2: 7 («Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам»).

29 Две из этой подборки заметок были опубликованы в газете «Волгарь»: «Редкое небесное явление» (1903. № 24, 25 января. С. 4), «„Чудесный" ребенок» (1903. № 31, 31 января. С. 4). В первой заметке сообщалось о том, что в Сычевке Смоленской губернии 2 января на небе были замечены две радуги с обеих сторон луны, после чего между радугами образовался крест белого цвета: «получилось, как будто бы невероятно больших размеров крест стоит на земле». Во второй заметке рассказывалось об удивительных способностях мальчика-калеки в семье крестьянина Александра Кокаровцева: «где мальчик ни сядет, все предметы, находящиеся вблизи него, отлетают в сторону»; «крестьянин Кокаровцев, будучи сектантом, пригласил начетчика отчитывать нечистую силу, но и это не помогло».

Две другие заметки (в гранках) не были допущены к печати. В заметке «Молитва» (рубрика «Смесь») сообщалось, что «в одном из селений <...> в глуши степей змиевского уезда взрослые, семейные и даже старики крестьяне, никто не знает молитвы Господней, при крещении детей восприемники не могут читать символа веры. <...> Вот та молитва, которую читал старик-малоросс: „Не ослаби, не остави, не припусти, не запусты, ны те то в колеси лежышь, оже есть ище трошки и увесь; око на небі, друге на земли; хліб наш на сішках, дай нам, Господи на выделках <...>"». Заметка «Нечто об еретиках» начиналась с сообщения: «Под таким заголовком напечатана статья в *Спб. Вед.*, в которой отмечается стремление некоторых „блюстителей православия" наделять кличкой „еретиков" всех мыслящих несогласно с ним. <...> Первым вздумал у нас поиграть этим словом наш поэт, г. Мережковский», назвавший «еретиком» В. В. Розанова; затем иеромонах о. Михаил заявил, что сам Мережковский — «вредный еретик», а его учение — «апофеоз оргийности», его проповедь — «дрянная проповедь» и т. д.

30 Фрагмент из сцены «Кухня ведьмы» («Hexenküche»), входящей в 1-ю часть «Фауста»:

«Ведьма. <...> Пойми, как из одного выходит десять! а если прибавишь два, то вмиг выйдет три, и ты будешь богат! Прикинь четыре да слушай ведьму, и сделаешь из пяти и шести семь с восемью. Тут и делу будет конец! Девять станут одним, а десять ничем! Вот где единожды один ведьмы.

Фауст. Мне кажется, что старуха болтает в бреду.

Мефистофель. Дело еще далеко не кончено. Так написана вся ее книга. Мне это хорошо известно. Много потерял я над ней времени, потому что противоречие в подобном случае было и будет всегда такой же

бессмыслицей как для умных, так и для глупых» (Фауст, трагедия Гёте / В переводе и объяснении А. Л. Соколовского. СПб., 1902. С. 68–69).

[31] В письме Метнера к Петровскому от 29–30 января 1903 г. об этих произведениях идет речь в связи с Сонатой f-moll op. 5 Н. Метнера: «С Вашей богословской, что ли, точки зрения Вы совершенно правы, когда говорите, что это сверхгениально и т. д. и т. д. По „напряжению святости“ действительно этому равно только финал девятой симфонии Бетховена и Парсифаль Вагнера. Хотя в первом осталось что-то прометеевское, а второй, наоборот, звучит форсированным спокойствием, несколько (но только *несколько*) напускною покорностью воле Божьей. Uebermensch-Wagner сказал тут: *хочу покориться*! Но то и другое в Бетховене и Вагнере отразилось в их произведениях только в самой слабой дозе. У Коли ни того, ни другого вовсе нет. Те оба создали для выражения святости совсем новые раньше у них не бывшие темы. И в этих темах неизбежно сказались их „субъективизмы“: полнейшее неуменье лицедействовать, чистейший лиризм Прометея Бетховена, не сумевшего написать ни одной драмы, кроме собственной, и театрал, шопенгауеровец Вагнер, смешивавший христианство с буддизмом, Царство Небесное с Нирваной и отразивший *несколько* и свою сценическую хватку и это смешение в Парсифале».

[32] Имеются в виду п. 13, 15.

20. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

14 февраля 1903 г. Москва

Москва 1903 года февраля 14-го.

Многоуважаемый и дорогой мне Эмилий Карлович!

Простите мое долгое молчание. Оно вызвано не от меня зависящими причинами. 1) Легкое нездоровье, парализовавшее *всю мою активность* и притом настолько, что я не мог даже написать Вам письмо — а это для меня *только удовольствие.* 2) «*Мир Искусства*» просил у меня статью, и надо было ее закончить. Я и так опоздал к мартовскому номеру, где будет только одно из моих *хождений на руках с разведением ног* к ужасу обывателей, если только «*Мир Искусства*» дерзнет напечатать сию дикую штуку. Так что статья, быть может, выйдет в апреле[1]. 3) Еще с незапамятных времен залежались у меня письма З. Н. Гиппиус и Блока[2], так что нужно было сперва им ответить[3]. Все это отсрочило мой ответ. Но лучше поздно, чем никогда.

Эти дни были снежные вихри. Думается мне — замели они *пылевые столбы серых шалунов*, устраивающих жуткие шутки над

Москвою, а может быть и над Россией. Хотелось бы отдохнуть для нового боя. А бой будет. Это заканчивается период, начавшийся с 1898 года. Это сводятся концы с концами — думается мне. Один из столбов замутил ясную поверхность между нами, прикинувшись «*здешним*», но «*Да воскреснет Бог!*»[4]. Разве могут быть между нами какие-нибудь особенные несогласия! Это — немыслимо, а если бы даже и были — что ж из этого. Принцип никогда не облечется плотью и кровью; человек останется впереди всего. Выписка, сделанная Вами из моих довольно-таки неудачно-корявых слов, означает следующую для меня простую (но мной хитро высказанную) истину: Я никогда не удовольствуюсь Символом. Всякое религиозное событие для меня «*само по себе*», т. е. воплощено. Выражение «объективация этого воплощенного на степень идеи» означает: я не принимаю никакого участия в *воплощении* религиозных истин; я не теург; но я извне созерцаю эти волевые движения, призывающие магически «*божественные вибрации*» (простите!); созерцаю их идею: ибо *воля* и *идея*, хотя глубоко не совпадают друг с другом, но лежат на одной плоскости по отношению к «*сократическому человеку*», о котором Ницше говорит, что его *время проходит*[5]. Если же принять во внимание все то, что В. Соловьев *почти* гениально говорит о классификации идей в «*Чтении о Богочеловечестве*»[6], то *Мировая Идея* (София) будет почти у порога *сущности* (метафизической воли). Равнодействующая между теософией и теургией будет заключаться в расширении *идейности* в вещах до степени родовых и т. д. идей. А так как идея по существу своему *символична* (во временном вневременное — σύμβολον), то в расширении и углублении *символа* и будет заключаться это слияние теософии, *как начала* и теургии, как *конца*. Скажу далее: эзотеризм эзотеризма, т. е. символ символа уже близит к воплощению. Узел между символическим и воплощенным заключается в том, чтоб найти *меру* между этими оттенками сокровенного. Между теософией, понимаемой символически, и между теургией, понимаемой *окончательно* и *буквально* (т. е. соединенно до конца), есть узел, но не пропасть. Эта пропасть была бы в том случае, если бы теософия только занималась аллегориями. Но я верю, что она глубже, т. е. что она символична. Здесь касаюсь о четырех стадиях 1) как таковое, 2) как аллегория, 3) как символ, 4) как

воплощение, т. е. опять-таки *как таковое*, но иною, истинной реальностью. Как будто здесь на *четвертом* понимании отпадают несовершенства первых трех стадий (придатки и отягощающие хвостики) и действительность является законченно цельной. Это опять-таки *возвращение* (везде возврат). При таком естественно-последовательном переходе от *образа* сквозь символ (т. е. музыку, ибо самый совершенный символ — музыкальное сочетание звуков, вопиющее к Вечности) к *новому* образу («*Новая* земля, *новое* небо»)[7] уничтожается бездна между феноменальным и нуменальным Канта. Между тем отсеченность *нуменального* как вневременно-внепространственного создает весь тягостный *ужас, зной без исхода* кантовской философии, понимаемой формально, т. е. логически. Вы понимаете — тут крышка, грозно нависающая — в этих априорных формах познания, не высвеченных символом. Это все еще только вторая стадия аллегорическая, завершаемая гносеологией, как наиболее совершенной и наиболее безнадежной философской формой изыскания. Отсюда — или 1) ужас отчаяния, 2) или последовательное умерщвление самого себя — разложение души с атрофией чувства и воли, 3) *или выход к символам*. В *символизме* мы уже стоим по ту сторону даже гносеологии; гносеология — это уже оставленная нами оболочка; мы имеем право на это всей историей философии. В символизме к пяти чувствам прибавляется и шестое — чувство Вечности: это коэффициент, чудесно преломляющий все; тут после душного, замкнутого пространства, ограниченного временем, пространством, причинностью, раздается радостно-освобожденный и вместе недоумевающе-испуганный возглас: «*Вижу, знаю*». Тут впервые появляется язык вершин, не боящийся противоречий — тут танец веков, тут уже не метр мира, тут чистый, божественный ритм (ах, как вы чудесно писали Ал<ексею> Серг<еевичу> о ритме и метре[8]. Только с одним я не согласен: с необходимостью тысячелетий для уловления ритма мира). Да и кроме того: при логических формах (аллегориях) оставаться нельзя еще и потому, что ведь помимо *ужаса гробовой крышки — кантовского ужаса* в истории философии дан теоретический выход отсюда еще Шопенгауэром, который различием форм познания мыслящего от откровенного (интеллектуального) обосновал и предоставил для потомства право пользоваться так называемым «*психологическим*

методом» — выдал патент на него. Ницше этим пользуется с правом. Ницше не философ, но он *и философ*, ибо *и теоретически* кровно связан с Шопенгауэром — этим достойным продолжателем Канта. Ницше связан с Кантом. Да. Это так.

Между тем слепые глаза и тугие уши ничего не видят и не слышат, фальсифицируя современный идеализм разогретыми пережитками.

Да, кстати: я еще ничего не писал Вам о забавной для меня истории с моим рефератом в филологическом кружке[9]. Тут вышла целая история. Я рассматривал формы *как таковые*, т. е. на первой стадии, иногда выкрикивая в виде реторических отступлений из области символизма (третьей стадии). Я обошел вторую стадию, т. е. *гносеологический аллегоризм Канта*. В некоторых местах при выкрикивании из области 3-ьей стадии я упомянул о «*нуменальном*», причем поставил этот термин в кавычках, ибо пользовался им условно; повторяю, центр реферата был на *первой стадии*. Я забыл при этом поставить всего две частицы: «*как бы*» *нуменальное* и поставил просто «*нуменальное*». Дурачки-кантята во главе с Фохтом уличили меня в незнании термина, употребленного Кантом!! А?! Тщетно я объяснял *тресмысленность* того не существенного для целого места — они ничего не поняли, и свели мой реферат к второй, аллегорической, т. е. *гносеологической* стадии, рассматривая его именно только с этой, единственно им доступной стадии. Теперь там вышел из-за реферата какой-то скандал, по поводу протокола Фохта, составленного о прениях по поводу его[10]. Впрочем, я ничего не знаю верного. Мне что-то передавали. Характерно, что Блок упрекает меня за другое (реферат с выбросом некоторых мест напечатан в № 12 «*Мира Искусства*»[11]): он пишет, что я недосказал многое, т. е. не свел всецело к Апокалипсису, т. е. он видит центр в этих *несущественных* отступлениях полу-мистического оттенка[12]. Вот что происходит, когда мистик и декадент вступает в сношения со студентами!!

Все это меня очень забавляет. Забавляет и лай доброго *барбоса* Трубецкого и бессильно-осторожные подтявкиванья Льва Михайловича Лопатина, который плачет надо мной, ругает меня, а при встречах позорно кривит душою. Дело в том, что он прочел «*Симфонию*», где, быть может, узнал себя в профессоре, бегущем жуликом навстречу жулику[13].

Дорогой Эмилий Карлович, большое спасибо за выдержки из Гёте. Прочел с большим вниманием и восхищался. А выдержка последняя про «*Hexeneinmaleins*» удивила и утешила, ибо я склонен рассматривать вопрос о 9-ом так же. Дело в том, что на *восьмом* приканчивается *все*. Если 9 = 1, то значит здесь мы имеем лишь возврат опять-таки к первой стадии, т. е. *узнавание* все тех же истин и тайн разными путями. Это — опять-таки периодичность возврата. Это «*вечные упражнения*» духа — упражнения в Вечности. Теософы говорят, что среди «7» ступеней каждая *большая ступень* распадается еще на «7» малых. Если принять во внимание, что «*8*» есть возвращение к «*отчему лону*», Он и Отец — одно, при 7-ом — белоголубая — бледноголубая встреча с Ним, то на символическом плане выступает все значение этого «*und Neun ist Eins*»*. Кстати «*4*» не есть ли $^{8}/_{2}$, т. е. в малом, предварительном виде проекция «8-ми». Как на четвертом, воплощенном плане водворяется *совершенство*, так и на 8-ом — все земное сжигается и остается — *старинное*... Хотя последние слова мои — явная и сознательная натяжка, не опирающаяся на *вúдения*.

Дорогой Эмилий Карлович, мне скорей было бы приятно, чтобы статья моя не была напечатана, ибо она очень и очень экзотерична, популярна[14]. У меня бы осталось чувство некоторого осадка. Так что я скорей доволен непомещением статьи. И во всяком случае не пошлю ничего больше в «*Приднепровский Край*». Мне очень приятно, что стихотворения Блока Вам нравятся. В III-ей книжке «*Нового Пути*» они будут[15]. Очень рад, что Вам нравится отрывок из моего письма, без моего ведома и разрешения напечатанный (это — наглость). Меня всюду бранят за него, да и я сам себя браню. Да и потом: они произвольно выбросили многие важные места, освещающие и углубляющие то, о чем я говорю[16]. И от всего этого получается какой-то глупо-непричесанный, мальчишеский оттенок, какое-то чириканье о глубоком. В результате это письмо — повод к моему «посрамлению» среди негодующих философутиков, которые узнали, что это — я. В результате я зол и на «*Н<овый> П<уть>*», и на свое письмо. Всякую нелепость отдела «*частной переписки*» теперь будут, чего доброго, приписывать мне. Вы спрашиваете — скоро ли выйдет

* «И девять есть единица» (*нем.*).

моя «*Симфония*»? Да не ранее, как через год[17]. Она — в «*Скорпионе*», который медлителен и переполнен книгами. Туда же отдаю и свою «*Третью Симфонию*»[18]. В «*С<еверных> Цв<етах>*» 1903 г. будет мой драматический отрывок и стихи[19]. Надеюсь сорвать куш.

Благодарю Вас, Эмилий Карлович, за образчики интеллигентной тупости[20]. Безрадостно, безнадежно!.. Но надеюсь на... чудо?! Быть может, когда-нибудь, где-нибудь, что-нибудь будет в России... Когда-то Вы просили меня напомнить наш незаконченный разговор. Буду краток и субъективен, иначе пришлось бы увеличить письмо раз в двадцать. Итак, полагаюсь на чудо и на гений Вашей гибкости и тонкости в понимании.

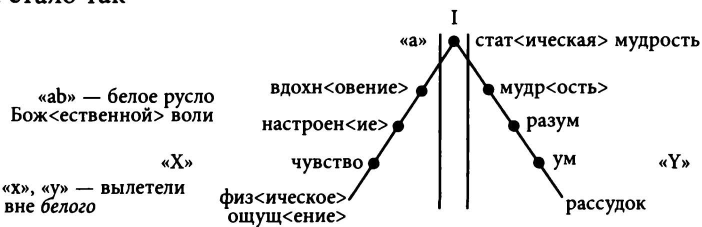
I) сначала было так a/b ||; «ab» графический путь эволюции, где в «a» и в «b» касания человека с Богом.

Этот путь был таков: «ab» — русло Бож<ественной> воли — *белое русло*. После грехопадения произошел раскол, раздвоение, но не до конца, а в самом

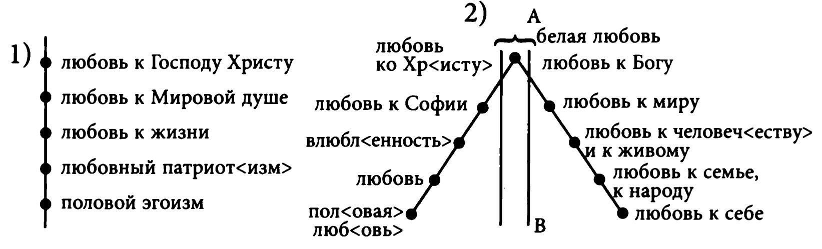
a
- статическая высшая мудрость
- вдохновенная мудрость
- настроенный разум
- чувственный ум
- физиологический рассудок

b

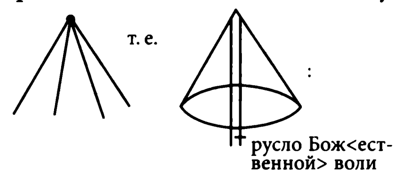
глубоком, внутренне-грядущем осталось *соединение*. После раскола стало так

На стадии волевой имеем

Раскол А ⊥ В; вершина I налагается на 2; получаем

Вот что с одной стороны. С другой стороны имеем

1) Белое = полнота цвета = цвет Бож<ественного> Бытия.

2) Черный = все противоположное.

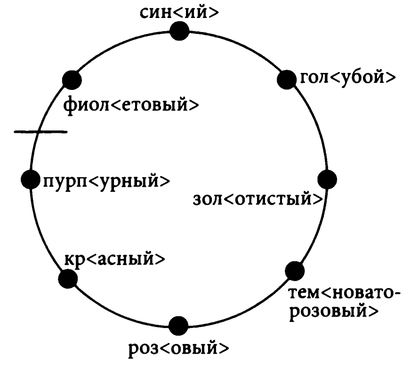
3) *Серое* = воплощение небожеского в образ и подобие Божеского.

4) Красное = относительное = сверк<ающий> белый луч сквозь серую пыль.

5) *Розовое* — очищение серого (все оттенки розового и золотистого, т. е. темновато-розового до полного обеления суть расчищение ужасной *стаи).*

6) *Голубое* = Внецветное, потуцветное (8) — сквозь белое (8). И чем тоньше цвет белого, тем *синее*, так что в небе имеем это двойственное, т. е. голубое (т. е. остатки тающего белого) и *внецветное* (*Отчее* символического плана). В небе намек на двуединство. *Здешнее* и *тамошнее.*

7) Белое = + 7 цветов спектра, т. е. цвет соединяющий. Пурпурное = цвет, соед<иняющий> линию спектра

= цвет нуменальный (Отчее на историческом (ветхозаветном) плане). Я и Отец — одно[21]; пурпурное (8) и белое (7) — не об одном ли? «*Если дела ваши,* как ***пурпур,*** *как волну* ***убелю***»[22].

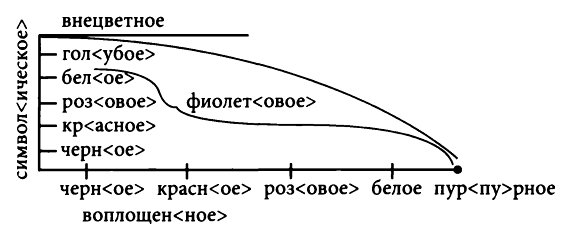
отец ——— сын

одно в Духе

Если так на истор<ическом> — воплощен<ном> — теург<ическом> — плане, то на символ<ическом> плане не будет ли так:

Голубое (7) *и Внецветное* (8) *не об одном ли?*

8) Фиолетовое = Синее + Пурпурное = Внецветное + Голубое и Белое + Пурпурное. — Очень тонкий цвет. Тут как бы цветом дается какая-то *мера, соединение* между символич<еским> внутренне-религиозным путем и исторически воплощенным соединением, между «*новыми*» временами и пространствами *и* между вневременным и внепространственным. Здесь символизм и истор<ическое> воплощение на своих крайних ступенях как бы сливаются: это как бы два радиуса, выходящие на одну общую окружность. И внешний знак этого — *фиолетовое*. Вот почему если *красное* есть напряжение, то *фиолетовое* найденный здесь условный, досмертный *покой*; недаром оба цвета на краях спектра и как *крайние* — законны. Но вот

9) *зеленый* — символ (4-ый цвет спектра

кр<асный> ор<анжевый> жел<тый> зел<еный> гол<убой> син<ий> фиол<етовый>)

земной серединности, подобно тому, как *серый* есть символ премирно-нуменально-чертовской серединности. Зеленое — символ земности. Не оттого ли *глухие, растительные организмы окрашены в зеленый цвет?*

10) Если 1-ое Пришест<вие> Христа *багряницей, жаром, огнем и кровию страдания,* то второе — белым. Символическая же встреча с Христом, постоянно стоящим перед нами, — в голубом. Но в Христе и Отец, а Отец познается *внецветным* и *пурпурным. Итак, априорно вывожу*: В лике Христа встречаются цвета — *Белый, Пурпурный, Голубой* и *Внецветный.*

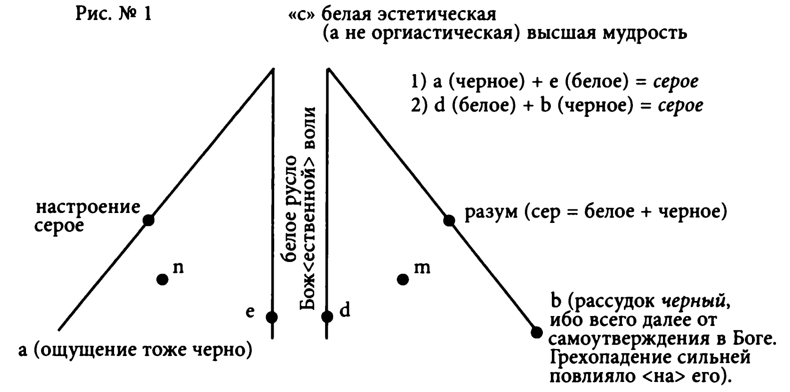
Тут же скажу Вам тайну: *опытно я убедился*, что *в молитвенном созерцании Христа* (мысленном) *три цвета*: Белый, Пурпурный, Голубой.

Христос пришел не водою (не голубым) только, но и кровию, и духом (белым). *Внецветность же («о восьмом»), т. е. «Я и отец — одно» как символ новозаветности — эта*

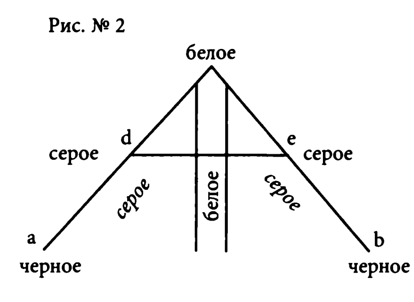
внецветность есть умиленно-мягкий коефициент послевременной, старинной довременности, который вставляется во всякую новозаветную формулу.

Спешу заметить, что все, о чем я говорил по поводу цветов, то более, то менее (но всегда) *опирается* на некоторую *интуитивность*. Все это я не только внешне вывожу, но и «*знаю*», «*вижу*».

А *теперь возвращаюсь к предыдущим схемам и вкратце совмещаю сказанное о стадиях рассудка и чувства со сказанным о цветах.*

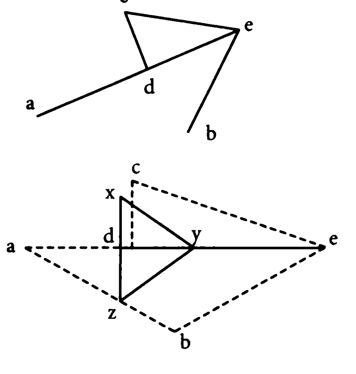

Вставляя 1) и 2), т. е. *серое*, в его графическое место «m» и «n», получаю: рис. № 2.

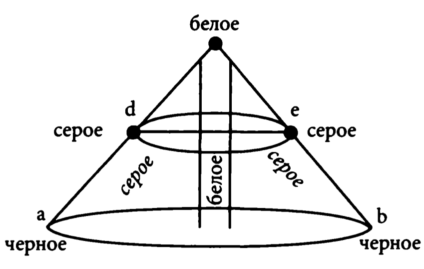
Соединение стадий *рассудка* и *чувства* на низших ступенях ведет к нуменально-смердяковски-карамазовской пошлости, а для глядения в *нижнюю бездну*, сверкающую, сквозь эту *тучу серости* порождает *огненно-красное*, т. е. либо *ужас огня*, либо <стра>дание<?>, а иногда и то и другое. Исторический путь человечества от «а» к «d» и от «b» к «е» — ветхозаветен, труден — путь в гору. Линия *de* — момент взятия на себя грехов мира, и отсюда: первый момент христианства — красный, страдающий; второй — розовый, а *розовость* есть признак постепенного рассеяния ужасной, серой стаи, знамение того, что *искупление мира совершается непрерывно — обеление риз кровию Агнца* (см. Апок<алипсис>)[23]. Еще радость впереди,

но ужасы минуют: отсюда: розовая сентиментальность христианства позднейшего вплоть до самого последнего времени (да и теперь еще мы в *ви́дении* белого не можем отрешиться от бледнорозовых рефлексов). Перевал по ту сторону линии «*de*» — это Голгофа — крест, упразднивший неискупленный доселе ветхий завет, — крест же есть символ *четвертого* (т. е. среднего, ибо всех посвящений 7) посвящения в мистерии глубокой древности. До линии «*de*» человечество не имело милого, вечно грустно-задумчивого с оттенком довременной, старинной родины (8-ое), а после *«de» этот же оттенок и должен был занять первенствующее место*. Если этого не случилось — тут вина европейских варваров. Итак, чтоб показать перелом, ломаю треугольник «*acb*». Получается фигура, напоминающая, что Δ «*abc*» как бы насажен в плоскости, перпендикулярной на некий треугольник «xyz», где «x» соединение в духе и Истине, где «y» соединение во Христе, а «z» в Отце, т. е. вечная св. *Троица*. Соединение по треугольнику «*xyz*» — свято, а по Δ «*acb*» (треугольнику еще не очищенному, где «a» — черное, «b» — черное, и лишь «c» — белое — серединно-нуменально-кощунственно). *Здесь, срываясь, Мережковский впадает в ошибку, и эта* ***ошибка коренная****; и возражение о соединении не в том треугольнике было бы самым глубоким возражением Мережковскому, если бы его поняли, но... кто поймет?*

Тут зафиксированы головокружительные ви́дения, открывающие путь в еще более головокружительное, для которого еще даже не настало время *графического метода*. Тут тайна. Но... понимаете ли Вы меня, дорогой Эмилий Карлович? Ведь я отдался субъективизму здесь, презрев *все решительно*, потому что иначе не мог бы говорить. Повторяю: здесь *всё* для меня *ви́дения и натяжек графических нет*. «*Это*» я всегда держу перед глазами, как азбуку «*метода искренности*», как константу теургически-теософского метода.

Повторяю рис. № 2

«abde» увенчанный конус серого — первая стадия опытного богопознания страхом и ужасом, предшествующая 2-ой стадии опытного богопознания радостью и любовью, лежащая между абсолютным *неви́дением* и совершенным ви́дением; в первой зоне — где прогоняют сквозь строй — характерны следующие цвета: *черное, серое, красный ужас, коричневое* (мера между черным и красным ужасом = красное + черное, не *желтошафранное ли?*). 4-ая стадия — Крест — красное страданием. Для второй зоны характерны цвета: розовый, белый, голубой, внецветный. Пролагаю это на символические стадии внутреннего пути.

0-ая — абсолютное неведение
1) черный ужас
2) чернокрасный ужас } *Промежуточная зона*
3) огненнокрасный ужас
4) Крест — красное страданием

(Мысли о Сатанаиле — старшем брате Христа[24]; зло = добру и т. д.
Секты: Манихеи, Богомилы, Гностики, Альбигойцы, элементы сектантства у Мережк<овского>, Розанова и др.)

5) Розовое
6) Белое
7) Голубое
8) Внецветное } 2-ая стадия Богопознания

Господь с Вами, дорогой и милый Эмилий Карлович. Остаюсь любящий и уважающий Вас

Борис Бугаев

P. S. Мой глубокий поклон и уважение Анне Михайловне[25]. Посылаю несколько стихотворений. <...>*

---

* *На отдельном листе — список стихотворений А. Блока «Страх» («Здесь ночь мертва. Слова мои дики...») и «Запевающий сон, зацветающий цвет...»*[26].

Возврат

Я вознесен, судьбе своей покорный.
Над головой полет столетий быстрый.
Привольно мне в моей пещере горной.
Лазурь, темнея, рассыпает искры.

Мои друзья упали с выси звездной.
Забыв меня, они живут в низинах.
Кровавый факел я зажег над бездной.
Звездою дальней блещет на вершинах.

Я позову теперь к вершинам брата.
Пусть зазвучат им дальние намеки.
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата!..
И гном трубит, надув худые щеки.

Вином волшебств мы встретим их, как маги.
Как сон мелькнет полет столетий быстрый.
Подай им кубки пенно-пирной влаги,
В которой блещут золотые искры.

Колпак слетел, но гном трубит, как сонный.
В провал слетели камни под ногою.
Трубою машет. Плащ его зеленый
Над бездною полощется седою…

Шепну тебе: из стран обетованных
В долину скорби суждено уйти им…
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
Цветами, гном, осыпь гостей желанных,
Зеленый плащ под ноги расстели им[27].

Мое.

Пир

Поставил вина изумрудного кубки.
Накрыл я приборы. Мой стол разукрашен.
Табачный угар из гигантовой трубки
На небе застыл в виде облачных башен.

Я чую поблизости поступь гиганта...
К себе всех зову я с весельем и злостью.
На пир пригласил горбуна-музыканта.
Он бьет в барабан пожелтевшей костью.

На мшистой лужайке танцуют скелеты
В могильных покровах неистовый танец.
Деревья листвой золотою одеты.
Меж листьев блистает закатный багрянец.

Пахучей гвоздикой мой стол разукрашен.
Закат догорел среди облачных башен.
Сгущается мрак... Не сидеть же во мгле ведь!
Поставил на стол я светильников девять.

Пришел, нацепив яркоогненный бант,
Мастито присев на какой-то обрубок,
От бремени лет полысевший гигант,
И тянет вина изумрудного кубок[28].

Мое.

P. P. S. Как Вам нравится *«Драма Жизни»* Кнута Гамсуна?[29]

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 9. Помета красным карандашом: «IX». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 196.

Ответ на п. 19.

[1] В первой половине 1903 г. в «Мире Искусства» статей Белого не появилось, но в приложении к журналу был опубликован его «манифест» «Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам» (Хроника журнала «Мир Искусства». 1903. № 7. С. 65–67), который, видимо, здесь упоминает Белый как «дикую штуку».

[2] Ближайшее по хронологии письмо З. Н. Гиппиус к Белому, сохранившееся в его архиве, — от 29 октября 1902 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6); письмо Блока к Белому — от 3 февраля 1903 г. (*Белый — Блок.* С. 37–39).

[3] Письмо Белого к Гиппиус, относящееся к первой половине февраля 1903 г. (как и большинство его писем к ней), вероятно, не сохранилось; письмо Белого к Блоку той же поры, видимо, не было написано и отправлено, лишь 24-м или 25-м февраля 1903 г. датируется очередное письмо Белого к Блоку, начинающееся словами: «Простите меня за мое долгое молчание» (Там же. С. 42–51).

[4] Молитва на сон грядущим: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его».

[5] Положения, развиваемые Ницше в книге «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) — в гл. 18: «…современный человек начинает уже сознавать в своем предчувствии границы этой сократической радости познания и стремится из широкого пустынного моря знания к какому-нибудь берегу»; «…теперь <…> сократическая культура с двух сторон потрясена и скипетр непогрешимости уже дрожит в ее руках <…> теоретический человек пугается того, что из него самого может воспоследовать, и, неудовлетворенный, не решается уже более вверить себя страшному ледяному потоку бытия <…>» (*Ницше.* Т. 1. С. 127, 129. Пер. Г. А. Рачинского).

[6] Учение об идеях обосновывается в чтениях 4-м и 5-м «Чтений о Богочеловечестве» (1881) Вл. Соловьева.

[7] Откр. 21: 1 («И увидел я новое небо и новую землю <…>»).

[8] Имеются в виду развернутые размышления о ритме и метре в письме Метнера к А. С. Петровскому от 29 января 1903 г.: «Иногда метр совпадает с ритмом, иногда нет. Чаще не совпадает. Еще чаще настоящего ритма нет, а есть только метр. Это относительно композиций. <…> Правда, „ритм“ стремятся расширить; ритм исторического развития, ритм возвращения, вечности. И не без основания. Но кто же может, кроме Бога, ангелов и святых уловить этот ритм. <…> Нечего и говорить о ритме возвращений вечности. Ведь это мировой пульс. Кто же может его слышать? Ведь для того, чтобы уловить частичку ритма, надо, быть может, прожить несколько тысячелетий. <…> Это — несказанное и иррациональное. Вот почему остается радоваться множественности ритмов отдельных духовных (или душевных) единиц (личностей) вместо недостающего нам единого ритма» (фрагмент приведен в полном объеме в статье: *Богомолов Николай А.* Эмилий Метнер и «закон Андрея Белого» // Die Welt der Slaven. 2015. Jg. LX, Heft 1. S. 2–4).

[9] Подразумевается Студенческое историко-философское общество, организованное при Московском университете в марте 1902 г. под председательством С. Н. Трубецкого. См.: *Анисимов А. И.* Князь С. Н. Трубецкой и московское студенчество // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 81 (1). С. 146; *Фохт Б.* Памяти князя С. Н. Трубецкого. Речь, произнесенная в заседании Московского психологического общества 7 октября 1905 г. М., 1906. С. 8–9.

[10] Согласно позднейшему свидетельству Белого в регистрационном своде «Себе на память», в прениях по его реферату о формах искусства (ноябрь 1902 г.) участвовали приват-доцент Д. В. Викторов, Б. А. Фохт, Б. А. Койранский, А. К. Топорков, А. В. Кубицкий, В. Ф. Эрн (ЛН. Т. 105. С. 698).

[11] См.: *Бугаев Борис.* Формы искусства // Мир Искусства. 1902. № 12. С. 343–361.

[12] См. письмо Блока к Белому от 3 января 1903 г. (*Белый — Блок.* С. 15–17).

[13] Имеется в виду эпизод из части 1-й «Симфонии (2-й, драматической)»: «5. Это был заезжий жулик из южных провинций.

6. А к нему навстречу жуликом бежал профессор Московского университета с экзаменов.

7. Оба не знали, зачем существуют и к чему придут. Оба были в положении учеников, написавших „extemporalia“, но не знающих, какую получат отметку» (*Симфонии.* С. 68).

[14] Подразумевается статья «Интеллигенция и Церковь» (см. примеч. 2 к п. 9).

[15] Цикл из десяти стихотворений Блока «Из посвящений» (Новый Путь. 1903. № 3. С. 48–59) — дебют поэта в печати.

[16] Полный текст письма «студента-естественника», по всей вероятности, не сохранился.

[17] См. примеч. 16 к п. 16.

[18] «Возврат. III симфония» Белого была выпущена в свет московским издательством «Гриф» в ноябре 1904 г. (на титульном листе: 1905).

[19] Имеется в виду кн.: Северные цветы. 3-й альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903 (вышла в свет в начале апреля 1903 г.). В ней были опубликованы «Пришедший. Отрывок из ненаписанной мистерии» Белого (С. 2–25) и его цикл из восьми стихотворений «Призывы» (С. 26–38).

[20] Подразумеваются газетные вырезки, приобщенные к п. 19.

[21] Ин. 10: 30.

[22] Ис. 1: 18 («Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю»).

[23] Откр. 7: 14 («...убелили одежды свои Кровию Агнца»).

[24] Сатанаил — старший сын Бога и брат Иисуса Христа, творец материального мира (согласно верованиям средневековых богомилов).

[25] А. М. Метнер.

[26] См.: *Блок.* Т. 1. С. 143–145. Автографы обоих стихотворений Блок выслал Белому вместе с письмом от 3 февраля 1903 г. (см.: *Белый — Блок.* С. 41).

[27] Четвертое стихотворение цикла Белого «Возврат», опубликованного в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» (М., 1903. С. 48–49); в книгу Белого «Золото в лазури» вошло как первое стихотворение одноименного цикла, с вариантами: строфа IV, ст. 2: «Как сон, мелькнет поток столетий быстрый»; строфа V, ст. 1: «Колпак слетел, но гном трубит — ученый» (*СП — 1.* С. 140–141).

[28] Первая публикация — в «Золоте в лазури», где текст разделен на двустишия; вариант (строфа IV, ст. 3): «Сгущается мрак... Не сидеть нам во мгле ведь?» (Там же. С. 136–137).

[29] См. примеч. 11 к п. 12.

21. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

27 февраля — 4 марта 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 27 февраля 1903 г. (накануне полнолуния).

Оба Ваши письма (VIII от 30 января и IX от 14 февраля) я получил, глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич! Последнее Ваше письмо пришло вместе с февральским номером «Нового Пути», что и помешало мне Вам вскоре ответить. С Вашей рецензией о *Драме Жизни*[1] я согласен во всем, что касается производимого драмою впечатления, «нуменального»; но как *драма*, как *форма*, эстетически, это произведение Кнута Гамсуна не нравится мне; от *Пана*[2] я был в диком восторге. Читая *Драму Жизни*, я восхищался редко, моментами, и часто (простите), очень часто зевал от скуки. На обороте этой страницы Вы прочтете стихотворения одного декадентского савраса из местных жителей[3]. Я не читаю Пшибышевского (Шибздик); читает его Анюта[4] и согласна с Вашим отзывом о нем в P<ost> S<criptum’a>х Вашего VIII письма.

28 февраля 1903 года. Видели Вы репродукцию бюста Ницше работы Макса Клингера?[5] Это еще лучше, сильнее, нежели барельеф Курта Стевинга?..[6] Сестра Ницше и он сам (см. биографию[7]) свидетельствуют, что ни на одной фотографии не выходил Ницше — философ-поэт-музыкант, а Ницше-солдат. Но так как существует много фотографий и, притом, как профиль, так и фас, то талантливый художник, лично вдобавок видевший Ницше, может дать нам настоящего Ницше. Таким он является у Курта Стевинга (с орлом и змеей) и, в особенности, у Макса Клингера. Голова Ницше у Макса Клингера — нечто невероятное. Это самое замечательное лицо после Канта, Гёте, Бетховена. Ваше *хождение на руках с разведением ног* меня крайне интересует, и я намереваюсь абонироваться на *Мир Искусства*. Напишите мне, в каких №№ истекшего 1902 года были помещены Ваша заметка и реферат. Последний для меня важно прочесть. Ваше рассуждение об «объективации воплощенного на степень идеи» и о «равновесии между теософией и теургией» на этот раз вполне меня удовлетворило. Мне все только кажется, что Вы не совсем справедливы к Канту. Вы знаете его *Пролегомены* и *Критику*[8]. Но читали ли

Вы его Traueme eines Geistersehers и Religion??[9] Его Die Macht des Gemueths?[10] Канта, в особенности (также как Гёте и Ницше), надо узнавать в подлиннике; надо больше читать Канта, нежели о Канте. Даже Ланге не дает истинного понятия о Канте[11]. А Шопенгауэр? Он самым бессовестным образом, ради подтверждения своей философии, объявляет Канта — атеистом. Кант считал Ад, Землю и Рай точными философскими терминами (см. его Religion (Kehrbach-Reclam, стр. 60))[12]. «Пропасть» (вернее ров, непереходимый для слабых ходоков), которую Кант вырыл между «феноменом» и «ноуменом», сохранит вечно свое значение и назначение. Философистеры и философутики будут знать свой «шесток». Области размежеваны. Друг другу никто не мешает. Опасность «смешать» и «смешить» ослаблена до minimum'a. На меня «отсеченность» нуменального никогда не производила впечатления «тягостного ужаса, зноя <?> без исхода», наоборот: чего-то освобождающего эту область от механичности *<1 сл. нрзб>* гносеологии. Шопенгауэр и Вл. Соловьев — представляются мне поэтому старомоднее Канта. Как *Ницше* — явление, возможное именно после освободительной строгости Канта (как в музыке строгий стиль предшествует свободному), — философ, поэт, музыкант и *Вагнер* — музыкант, поэт, философ вновь комбинируют, соединяют, символизируют то, что раньше «смешивалось», и что после Канта, его разумом обособленное друг от друга, способно стало к сочетанию не «смешному»... NB. В вагнеровской музыкальной драме (хотя я и очень плохо пока знаю ее) есть то, что Вы обозначили очень удачно «буквальностью в нуменальном». — Впрочем, дорогой Борис Николаевич, я не стою за верность моей мысли: я слишком плохо знаю и философию, и теософию (в широком смысле), чтобы претендовать на правильность своих заключений. Я знаю, Вам необходим Шопенгауэр, вернее, его волюнтаризм. Кроме того Вы, в качестве русского, ближе к Шопенгауэру, нежели к Канту, более германцу, нежели Шопенгауэр, в котором, говорят, было несколько капель славянской крови. Я же, как чистокровный немец, люблю Канта. Ich liebe meinen gemuethlichen Kant*. Впрочем, небольшой комментарий Вам дать

* Я люблю моего уютного Канта (*нем.*).

могу, воспользовавшись вопросом о метре и ритме*; «Только с одним я не согласен», пишете Вы по поводу моей «теории ритма», «с необходимостью тысячелетий для уловления ритма мира». Смотря по тому, что́ разуметь под «уловлением»; я разумею: приблизительное, хотя бы, перенесение этого ритма (вернее: одного момента, невременного, конечно, этого ритма) *сюда* и включение его (хотя бы с натяжкою) в рамку метрики: например, 7/7, 9/9 и т. п. И вот для этого необходимы тысячелетия; и это человеку не под силу; ангелам — не надо. — Если бы Кант слышал меня, он со мною согласился, ибо он то же самое говорит о невозможности дискурсивного познания нуменального, гносеологии вещи в себе; интуицию он считает не познанием, а творчеством. И я полагаю, что ритм мира уловить можно творческим путем (как бы участвуя в творческом его движении), и для этого не надо тысячелетий; но другое дело, если Вы захотите передать субъективно уловленное другим; вот тогда необходим ряд поверок (вступает <?> гносеология, законы метрики) и тогда, тогда необходимо тысячелетие *личного земного* бытия…

1 марта 1903 года. Итак: Кант о вещи в себе (а я о ритме) верно говорит, утверждая, что она непознаваема. Непознаваема позитивистически; но возможны: «оправдания», «догадки», творческая аналогия; откровение; орган — интуитивный разум… «Творить — значит видеть» — сказал Г. Ибсен в своей речи студентам![14] Неужели он под словом *видеть* разумел обыкновенное зрение и обыкновенное сочетание зримого? Студенты, может быть, так и поняли! Итак: существует двоякое зрение. Кант вовсе не отрицал второго; он был только против смешения обоих видений в какую-то bizarre фантасмагорию, да и то в *науке*. Кант нигде не говорит, что невозможна разумная (Vernunft) интуиция, он говорит, что невозможна рассудочная (Verstand), т<ак> к<ак> рассудок в противоположность чувству, которое интуитивно, — дискурсивен. Канта всеми силами стараются (философутики) поставить на место надоевшего Конта. Конт служил

* «Читая Ваши похвалы» (чудесному (?) моему рассуждению о ритме и гению (?) моей гибкости и тонкости в понимании), «я несколько минут был причастен тяжкому греху — гордости» (отрывок из письма Загоскина Пушкину)[13].

верою и правдою, ибо его легко было окургузить, отшибив ему *мистическую* шишку; ну а Канта придется лишить головы, чтобы он мог продолжить роль философского «болвана», которую несколько десятилетий с успехом играл Конт. И выходит, что вся разница между старым и новым философским богом сводится к тому, что раньше кричали *о*, а теперь *а*.

Читая Вашу «явную и сознательную натяжку» о $4 = {}^{8}/_{2}$ (т. е. проекции 8-и; «все земное сжигается, остается старинное»), я сопоставил: старую ведьму, верхом на козле вылетающую в трубу на шабаш в Брокен в Вальпургиеву ночь[15], и «жил был у бабушки серенький козлик: вот как, вот как, серенький козлик? Бабушка козлика очень любила: вот как, вот etc.»[16], и Ваша *натяжка* не показалась мне уж чересчур таковою. — Вы пишете, что скорее довольны, что Ваша статья не была напечатана в *Придн<епровском> Крае, т<ак> к<ак> она очень и очень экзотерична.* Я не разделяю Вашего удовольствия и вот почему. Эзотеричны Вы всегда будете и сами по себе. Вам надо упражняться в экзотеричности, если Вы придаете *серьезное* значение своему писательству. Работая в *Мире Искусства* или *Новом Пути*, Вы никогда не выработаете себе экзотеричности и никогда не приучите к себе публику. А Вам это необходимо хотя бы для того, чтобы не тратить драгоценного времени на добывание хлеба, работая в каком-нибудь департаменте или т. п.; Вам необходимо быть литератором по профессии (избегая, конечно, дурных сторон ее; впрочем, за Вас бояться нечего в этом отношении), а для этого надо научиться говорить с толпой. Конечно Ваш Hauptwerk* будет эзотеричен; но Hauptwerk обыкновенно не дает доходу и меньше всего читается большинством, на которое следует смотреть отчасти как на дойную корову. Огромное спасибо за «продолжение начатого осенью в Москве разговора».

2 *марта 1903 года.* Сейчас перечитываю Вашу эзотерическую лекцию... Все понятно. Все очень хорошо. Поразительно! Поразительно — «три цвета — в молитвенном созерцании Христа»; я понимаю это; но *пурпурный* как-то исчезает из мыслей (у меня

---

* Главный труд (*нем.*).

лично); остается белый и голубой; голубой особенный, нигде в природе не встречающийся, по котором я тоскую... Чудно сказано Вами о «милом, вечно-грустно-задумчивом, с оттенками довременной старинной родины»... Это Вы понимаете *так*, как никто из *живых* ныне людей, за исключением Коли...[17] Говорю *живых*, ибо Гёте и Бетховен понимали все. Ich ging im Walde...[18] и т. д. «Если этого не случилось», пишете Вы дальше (т. е. этот «оттенок» не занял подобающего места), то «тут вина европейских варваров». Не есть ли это вина *всего* человечества?.. Не сказалось ли *тут* влияние Ницше на Вас? Drang nach Sueden?* Ведь северяне глубже понимают южан, нежели наоборот. Впрочем: может быть, я Вас не понял? — «Срыв», «соединение не там», как «коренная ошибка» Мережковского указана Вами в Отрывке из письма, помещенного в «Новом Пути». Так, по крайней мере, я понял слова: «преждевременное соединение, когда ступени развития чувства и разума не пройдены до конца, ведет не к исполнению Св<ятым> Духом, а к оргиазму»[19]. Разница в форме выражения: в письме ко мне Вы выразили эту мысль графически, а в письме к Мережковскому: психологически. Я с своей стороны прибавлю к сказанному Вами только одно следующее свое впечатление. Мне крайне противно это: «начнем же делать!» Мережковского и «не до книг и не до больших статей теперь: время дышит нетерпеливо» Розанова; этот спех, эта гонка, эта торопливость («Вы, как русский, человек торопливый», пишет Бенуа Мережковскому[20]) ни к чему, кроме оргиазма, не приведут. Это во сто крат хуже, чем, например, вакханалия чувственности у Рихарда Вагнера или богохульство и богоотрицание Ницше, ибо здесь кончается раздвоенность (лучшая часть Ницше и Вагнера стремилась к Небу и Богу *просто* без *заигрываний*) и пропадает *весь* человек. Розанова мне как-то менее жаль, но Мережковского я люблю; мне страшно хотелось бы, чтобы он *выжидал*, только *выжидал*, вот как мы с Вами. Я понимаю, что, с моей стороны, смело так «решать» судьбу Ницше и Мережковского, Розанова и Вагнера. Но ведь я не виноват, если ужас Ницше и Вагнера, когда они упражняют свои гениальные силы, поворотив спину Христу,

---

* Натиск на юг (*нем.*).

не вызывает во мне того беспокойства, как хождение по канату между двумя безднами Мережковского... (Бенуа смешон со своим предположением о действ. «trente ans»[21]). Из приведенных Вами стихотворений Блок мне на этот раз меньше нравится. Ваш «Возврат» — очень хорош: Вы отлично понимаете *гнома*, *старинное*, *земное*, зеленое, из которого (зеленого) однако удалено все *змеиное*... оттого и уютность: где змея, там уж не может быть уюта... Кстати, не говорите этого, а также о бабушке и сереньком козлике Алексею Сергеевичу: он *не* одобрит этого. Я знаю...

3 марта. NB. Очень важный вопрос: (прошу продумать!): I посл. Павла Коринфянам, гл. 14. γλϖτταιςλαλειν!* Что это значит? И не ошибка ли переводчика вставить «незнакомый»?[22] Не противопоставляется ли в этом изумительном месте эзотеризм — экзотеризму? Причем экзотеризм есть пророчество (нечто бурное, фантастическое, невыяснившееся, смутное), а эзотеризм — γλῶττα — язык, нечто совершенно ясное, ослепительно чистое «белое» и потому непонятное обыкновенным людям. Апостол Павел, радея о церкви, т. е. обо *всем* обществе, советует не только говорить «языками», но и пророчествовать, чтобы назидать всех?[23] Что Вы на это скажете? И возможно ли понять до конца это место, принимая вставку «незнакомый»?

4 марта. Только что получил письмо от Алексея Сергеевича[24]. Скажу подробнее о нем после. А теперь, чтобы не забыть, спрашиваю Вас: что́ скажете о Фаусте и Маргарите Врубеля? Алексей <Сергее>вич восхищен[25]. Но не распространяется. Распространитесь Вы. Только, ради Бога, не спешите. Садитесь писать мне только если Вас тянет к этому «удовольствию» и если есть время... Петровский пишет, что в Москве нет настоящей весны[26], но *зато* солнце (в Нижнем, по крайней мере) — совершенно белое. Я раньше никогда не замечал такого цвета: прямо смотреть можно. И не серое, а именно белое, молочное.

Когда Вы написали мне о смерти Соловье*вых*, я подумал, что это описка (*их* вм<есто> *а*). Потом получил *Новый Путь*, где и прочел некролог...[27] Что делает их бедный сын?[28] — Вы пишете о биографии Ферстер-Ницше, что кто-то упрекает ее в искажении

---

* γλϖττα (*греч.*) — язык, речь; λἄλέω — говорить, владеть речью.

фактов. Но кому же лучше знать факты, как не сестре, всю жизнь ухаживавшей за братом?.. И затем: что такое факт и его искажение? Что Гёте был двадцать лет в связи с Христиной Вульпиус и на двадцать первом с ней обвенчался — это факт; что Гёте написал в честь ее *Римские элегии* — это тоже факт[29]; а вот Христина Вульпиус, будто бы, была «кухаркою» — это искажение факта; для тех же, кто последнее считает фактом, искажением оного является написание в честь ее Римских Элегий. Во всем, что пишет эта чудная женщина, столько внутренней символической правды (и притом невольной, непреднамеренной), все так гармонирует с автором Geburt der Tragoedie[30] и Zarathustra (каким он нам: мне, Вам — представляется из этих сочинений), кроме того, она так документально подтверждает приводимые факты, что надо задаться предвзятою (и злобною) целью, чтобы приводить какие-то контрдокументы... Вся работа Ферстер производит умилительное впечатление «жития». Как только выйдет второе отделение второго тома[31], я немедленно приобрету себе. Как обращик вышеупомянутой непреднамеренной символической правды см. стр. 57 II тома, Отделение I. Die *Bergpredigt auf dem Monte-Bré*...[32] Читали в газетах о Гарнеффере? Ученик Ницше? Он пишет, что могущественнее, прекраснее всего Ницше был в гробу; он казался погибшим богом![33] Это важно сопоставить с отсутствием всякой красоты в мертвом Вл. Соловьеве.

В девятом письме Вы пишете, что *легкое* нездоровье парализовало *всю Вашу активность* и притом настолько, что Вы не могли даже написать мне письма, а это для Вас *только удовольствие*... Это и огорчило и утешило меня. Огорчило потому, что Вы так поддаетесь (или, быть может, умышленно отдаетесь) парализующему действию недомоганий тела. Утешило, ибо легче стало на душе при мысли, что не виноват я в слабости своей активности, раз 10 лет, 10 лучших лет моей жизни я находился почти в непрерывном удушьи. А до удушья — пребывал в гимназическом кошмаре, который, быть может, способствовал появлению этой болезни, не покидающей меня и по сию пору. Конечно, болезнь мне многое дала, на многое раскрыла мне глаза, утонила мои чувства и т. д. и т. п. Я понимаю и ценю «священное» ее значение. Но все-таки с тоской думаю об утраченных силах: болезнь

слишком мало оставила мне их. Лучше бы несколько менее созерцать, зато сделать хоть что-нибудь. Когда-нибудь я при случае вспомню и вернусь к оригинально сложившейся моей судьбе. Теперь мне тяжело говорить об этом... Обращу Ваше внимание на след<ующее>: какова должна быть сила гениальности Ницше, если он, невыносимо страдавший с 25-тилетнего возраста и до самой смерти[34], мог столько сделать!? — Меняю тему: в окрестностях Н. Новгорода появились... грачи. Пахнет весною. Губернатор ездит по губернии и совершает ревизию. Вместе с ним начальник его канцелярии, который просматривает входящие и исходящие всех присутственных мест и полицейских управлений. Идут усиленные приготовления к открытию мощей преподобного Серафима...[35] А у нас гостит Марья Михайловна[36], неугомонная шалунья, сестра Анюты, та самая, которая с Алексеем Сергеевичем играла в салки во всех залах Благородного Собрания. Кстати: Ал<ексей> Серг<еевич> ничего мне не пишет.

Пользуюсь отъездом Марьи Михайловны и передаю ей это тяжеловесное в почтовом и иных отношениях письмо, которое, надеюсь, будет передано Александром Михайловичем Вашему педелю[37]. Желаю Вам здоровья и терпения для экзаменов. Господь с Вами, дорогой мой! Ваш Э. Метнер. Анюта кланяется Вам[38].

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 11. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 197.

Ответ на п. 18, 20.

1 См. примеч. 13 к п. 12.

2 См. примеч. 5 к п. 7.

3 Имеется в виду поэт, прозаик и драматург Иван Сергеевич Рукавишников (1877–1930), уроженец Нижнего Новгорода, с 1896 г. печатавшийся в «Нижегородском Листке». На обороте — гранки (в рубрике «Отголоски печати») под заглавием «Поэт-декадент»: «А. Измайлов в „Новой Иллюстрации“ делает разбор сборнику „трудов“ поэта-декадента И. С. Рукавишникова и в целом ряде выдержек из „стихов“ изобличает „вывих дарования“ г. Рукавишникова». Далее приводятся пространные цитаты из «Стихотворений» (Кн. 2. СПб., 1902) Рукавишникова с оценками Измайлова и отсылкой к «Макбету» Шекспира: «Да, это все пузыри земли, пузыри литературы, от которых не останется ничего, как только дунет свежий ветерок». В гранках излагается статья А. А. Измайлова «Непомерные претензии» (Новая Иллюстрация. 1903. № 8. С. 61–63).

4 А. М. Метнер.

[5] Известны восемь скульптурных портретов Ницше, выполненных М. Клингером в 1901–1904 гг. См.: *Krause Jürgen*. „Märtyrer“ und „Prophet“: Studien zum Nietzsche-Kult in der bildenden Kunst der Jahrhundertwende. Berlin; New York, 1984. S. 243–245 (Monographien und Texte zur Nietzsche-Forschung. Bd. 14).

[6] Бронзовый барельеф Ницше (с орлом) был заказан Курту Стёвингу в 1898 г. сестрой философа Элизабет Фёрстер-Ницше. См.: Ibid. S. 260 (№ 140).

[7] См. п. 18, примеч. 6.

[8] «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» (1783) и «Критика чистого разума» (1781).

[9] «Грезы духовидца, проясненные грезами метафизика» («Träume eines Geistersehers, erläutert durch Träume der Metaphysik», 1765; критический разбор теософии Э. Сведенборга) и «Религия в пределах только разума» («Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft», 1793).

[10] Имеется в виду письмо Канта, адресованное Кристофу Вильгельму Хуфеланду: «Von der Macht des Gemüts, durch den blossen Vorsatz seiner krankhaften Gefühle Meister zu sein» («О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения», 1798).

[11] Речь идет о труде Фридриха Альберта Ланге «История материализма и критика его значения в настоящем» (Пер. с 5-го нем. изд. под ред. и с предисл. Владимира Соловьева. Т. 1–2. Киев; Харьков, <1899–>1900). Т. 1 — «История материализма до Канта»; т. 2 — «История материализма со времени Канта».

[12] В трактате «Религия в пределах только разума» Кант в авторском примечании во вступлении к части 2-й («О борьбе доброго принципа со злым за господство над человеком») заключает: «Своеобразной особенностью христианской морали является представлять нравственно-доброе отличающимся от нравственно-злого не по аналогии отношению неба и *земли*, но неба и *ада*; это представление, хотя оно и претит своей картинностью, тем не менее по своему смыслу с философской точки зрения вполне правильно» (*Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980. С. 128).

[13] Цитата из письма М. Н. Загоскина к А. С. Пушкину (20–25 января 1830 г.), впервые опубликованного в книге И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» (СПб., 1903. С. 133). См.: *Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 14. <Л.>, 1941. С. 60.

[14] Подразумеваются слова о поэтическом творчестве, произнесенные Г. Ибсеном в речи к норвежским студентам 10 сентября 1874 г.: «...творчество это, в сущности, заключается в *умении видеть* — то есть видеть так, чтобы виденное сообщалось воспринимающему именно так, как это видел сам поэт» (*Ибсен Генрик*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1958. Т. 4. С. 653. Пер. А. и П. Ганзен).

15 Образы из Хора ведьм в «Фаусте» Гёте (ч. 1, сцена 21 «Вальпургиева ночь»): «Летят ведьмы на Брокен! <...> Сидит наверху почтенный Уриан! Мчатся ведьмы на козлах чрез камни, чрез дебри! Смердят ведьмы, смердят и козлы» (Фауст, трагедия Гёте. В переводе и объяснении А. Л. Соколовского. С. 125). Брокен — главная вершина горной цепи Гарц, где, по народному поверью, собирается на шабаш нечистая сила.

16 Начальные строки детской народной песенки, по-видимому, литературного происхождения. См.: Русская поэзия детям. Т. 1. СПб., 1997. С. 82, 662 (примечания Е. О. Путиловой) («Новая библиотека поэта»).

17 Н. К. Метнер.

18 «Я шел по лесу» (*нем.*) — начальная строка стихотворения Гёте «Находка» («Gefunden», 1813).

19 Цитата из «отрывка из письма» Белого «По поводу книги Д. С. Мережковского „Л. Толстой и Достоевский“» (Новый Путь. 1903. № 1. С. 157).

20 Неточно цитируется письмо А. Н. Бенуа, опубликованное в разделе «Из частной переписки» в № 2 «Нового Пути» за 1903 г. с обозначением: «Письмо художника А. Б. к Д. С. Мережковскому»; в оригинале: «В качестве русского, вы — человек торопливый» (С. 157).

21 Подразумевается фраза из того же письма: «Мне кажется, что passé 30 ans — эта мысль, вернее, нечто физиологическое, начинает подтачивать все наше существование» (С. 157).

22 В указанной главе отмеченное слово (в синодальном переводе Нового Завета) употребляется многократно: «Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу» (14: 2); «Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя» (14: 4); «Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?» (14: 6); «Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода» (14: 14) и т. д.

23 Ср.: «...братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать; но не запрещайте говорить и языками» (1 Кор. 14: 39).

24 Имеется в виду письмо А. С. Петровского от 2 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

25 Подразумевается панно Врубеля «Фауст и Маргарита в саду» (см. примеч. 14 к п. 8). В том же письме Петровский отзывался о нем: «Это поистине гениальная вещь, равную которой по силе и глубине я не припомню. Ко Врубелю трудно подойти, и я только на этой картине подошел к нему. Тут есть всё. Есть и вечная тема: Невеста Агнца (Церковь) и Христос (хотя, может быть, и поддельные). Я не могу выразить, что я (или мы) тут увидел. <...> Фауст (очень высокий) наклонился над плечом Марг<ариты>, руку которой он держит в своей. Они идут. Марг<арита> смотрит вперед, не видя (т. е. видя) широко раскрытыми глазами. Я чувствую лихорадку

при одном воспоминании об этой вещи. Попросите Бут<аева> написать Вам об этой картине. Он сможет. Она мне, между прочим, открыла глаза на Гёте, к которому я всю зиму подходил, на „дух Фауста", а следовательно, и на Вас, как на его типичного носителя» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24).

[26] В том же письме Петровский упоминает о необходимости готовиться к экзаменам «при отсутствии настоящей весны».

[27] См. п. 18, примеч. 2.

[28] Сергей Михайлович Соловьев.

[29] С Кристианой Вульпиус (дочерью архивариуса, работницей на фабрике искусственных цветов) Гёте встретился в Веймаре летом 1788 г. и ввел ее в свой дом, в том же году создал цикл «Римские элегии» («Elegien. Roma»), в лирической героине которого нашел отражение ее образ. Обвенчался Гёте с Кристианой 19 октября 1806 г., на девятнадцатом году их совместной жизни, после того как она спасла его от расправы, которую готовы были учинить ворвавшиеся в их веймарский дом пьяные французские солдаты — победители в битве при Иене.

[30] «Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» («Рождение трагедии из духа музыки», 1871) — первый философский трактат Ницше.

[31] См. примеч. 6 к п. 18.

[32] «Горная проповедь на Мон-Бре» (*нем.*). Имеется в виду эпизод, относящийся к пребыванию Ницше вместе с сестрой в Лугано (Швейцария) весной 1871 г., — охватившие всех возвышенные переживания при созерцании весеннего горного ландшафта; некая дама воскликнула: «Этого я не забуду никогда, это действительно настоящая горная проповедь!» («Das vergesse ich nie, das war ja eine wahre Bergpredigt!») (*Förster-Nietzsche Elisabeth*. Das Leben Friedrich Nietzsche's. Bd. 2, Abt. 1. Leipzig: Verlag C. G. Naumann, 1897. S. 57).

[33] Речь идет о хроникальной заметке, посвященной изложению лекций о Ницше доктора Горнеффера, прочитанных в Вене; в ней, в частности, сообщалось: «...ученик покойного Ницше, известный молодой ученый, доктор Горнеффер, возбудил снова интерес всей Вены, если не к философской системе Ницше, то, во всяком случае, к нему самому. В трех обширных лекциях, собравших чуть ли не всю мыслящую и полумыслящую Вену, Горнеффер блестяще развил учение своего учителя и ловкими руками воздвиг стройное здание его миросозерцания». Далее корреспондент передавал слова лектора о больном Ницше: «...впечатление, что пред нами — не простой смертный, а пророк, великий в своем горе, красивый в своем бессилии. <...> Предо мною был не пикантный, острый в своих афоризмах Ницше. Это был другой Ницше. Это был пророк, божественной красоты и скромности. Да, это был Заратустра. Первое, что бросилось мне в глаза, это был громадный лоб. Что-то Гётевское, что-то чисто юпитерское отражалось на этом высоком лбу. Говорят, что раньше, когда Ницше был еще здоров, он не производил этого впечатления. <...> Когда Ницше стягивал

лоб в широкие складки и при этом открывал ничего не говорящие глаза, — впечатление было ужасающее! И безумие чувствовалось так сильно, как никогда. Но стоило Ницше закрыть глаза, предо мной был философ, пророк, дивной, сказочной красоты. Ото всей его фигуры исходило тогда величие, способное покорить весь мир» (*Тэзи А.* <Ротенштерн П. И.> Больной Ницше (От нашего венского корреспондента) // Новости Дня. 1903. № 7055, 28 января. С. 2).

34 В сентябре 1870 г. Ницше, будучи санитаром на франко-прусской войне, заразился дизентерией и дифтеритом и в течение недели был в почти безнадежном состоянии; после этого он переживал постоянно ухудшение здоровья, периодически повторявшееся всю жизнь.

35 Мощи Серафима Саровского были с великим торжеством открыты и помещены в приготовленную раку 19 июля 1903 г., в день его рождения; в этот же день в присутствии царской семьи состоялась канонизация преподобного Серафима Саровского. Об этом готовящемся событии Метнера уведомил А. С. Петровский 6 декабря 1902 г. со слов своей сестры, Е. С. Петровской — монашенки Дивеевского монастыря: «На днях получил от нее письмо, где она пишет, что открытие мощей назначено на 19 июля. У них был Ваш губернатор, все осматривал, назначал и т. д.» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24).

36 М. М. Братенши.

37 А. М. Братенши. Педель — университетский служитель.

38 Приложены гранки статьи С. Протопопова «Беглые заметки» (Нижегородский Листок. 1903. № 56, 27 февраля. С. 3), дающей критический обзор «Нового Пути»: «По двум вышедшим книжкам *Нового Пути* можно заключить, что главным заведующим чертями в новом мистическом журнале является г-н Мережковский. А помощниками его в этой страшной области выступают два совершенно новых писателя: Андрей Белый и Антон Крайний». На гранках Метнер приписал: «(кстати, скажите, дорогой Борис Николаевич! Кто такой Бухарев и Знаменский (Новый Путь, февраль, стр. 146))».

Имеется в виду опубликованное в авторской рубрике В. В. Розанова «В своем углу» письмо к нему протоиерея А. Устьинского (в публикации подпись: А. У–ский): «О, как горячо я благодарю вас за статьи о Бухареве („Нов. Врем.“ от 12 декабря). И книжка Знаменского, и личность Бухарева вполне стоят того, чтобы о них заговорить», и т. д. (Новый Путь. 1903. № 2. С. 145–146).

К вычеркнутому красным карандашом заключительному разделу статьи Протопопова Метнер сделал приписку: «Я зачеркнул это. Но как могла случиться подобная история. Не сам же Витте прислал заметку».

Протопопов (со ссылкой на корреспонденцию в «Новом Времени») сообщал, что опубликованная в «Новом Пути» (1903. № 2) статья «Наши задачи в Сибири» (подписанная криптонимом I. С.) является дословным заимствованием из доклада министра финансов (С. Ю. Витте) о поездке

на Дальний Восток, обнародованного 18 февраля 1903 г.; также он приводил (по тексту «Нового Времени») разъяснения официального редактора «Нового Пути» П. П. Перцова, сообщавшего, что статья была доставлена редакции «при условиях, исключавших, как казалось, всякую возможность сомнений в чисто-литературном ее происхождении» и что редакция «тем менее имела основания предположить здесь совпадение со столь официальным источником, что в статье были *«по независящим обстоятельствам выпущены два места»* (т. е. не пропущены цензором). Последнее обстоятельство побудило Протопопова перейти от этого казуса к общим умозаключениям: «Инцидент с редкой рельефностью освещает чрезвычайно важный для нашей печати вопрос о цензуре. <...> Дело в том, что лучшие и опытнейшие цензора, а также лучшие и опытнейшие журналисты все согласно признают, что нет никакой возможности установить ясной и определенной нормы допустимого и недопустимого по нашему цензурному уставу».

Объяснительное письмо Перцова в Главное управление по делам печати от 24 февраля 1903 г. по этому поводу приведено в кн.: *Лавров А. В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 358–359.

22. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

3 марта 1903 г. Москва

Москва. 03 года. Марта 3.

Дорогой мне Эмилий Карлович,

И опять, и опять я пишу «*все о том же*»; пронеслась вторая волна недобрых вибраций, которые, однако, если держаться крепко за *белое, голубое* или *розовое*, совсем не опасны, а только разве что начнут рвать одежду — сорвут шляпу. И сейчас же мысль о Вас — как Вы? Заметили ли? Благополучно ли отнеслись?

И вот пишу...

Я не знаю, откуда берутся эти проносящиеся друг за другом астральные облака — гряды туч, гонимые бурей. Я не знаю, как Вы — я значительно окреп к перенесению всяких бурь сравнительно с прошлым годом, так что уже и надеюсь совладать, преодолеть ужас *насмешкой к нему*. Еще в прошлом году проносившиеся бури пронизывали, могли пронизывать центр *моего главного*. А теперь они больше вьются вокруг, задевая сбоку. По словам А<лексея> С<ергеевича>, теперь в Сарове тоже буря[1]. Весна и первая половина лета будет тревожна, а осень — благодатна

и мирна. Таковы слова А<лексея> С<ергеевича>, а я неоднократно убеждался в его чуткости в этом отношении.

Все чаще и чаще мне начинает казаться, что старец Серафим — единственно несокрушимо-важная и нужная для России скала в наш исторический момент. Величина его настолько крупна, что у меня неоднократно являлось, по отношению к нему, особое, неразложимое чувство — чувство Серафима — напоминающее в меньшей степени...... Христово чувство, *но о другом*... Люди, знающие, что такое молитвенное созерцание Христа (наступающее после длинной молитвы обращения), или чувствующие внезапный приход, невидимое приближение Его, — до некоторой степени заговорщики... Не заговорщики ли во Христе мы? Не анархисты ли мы по отношению ко всему, что прямо вопреки Ему? (Кстати: я ужасно легко себя чувствую со всяким анархистом — мы понимаем друг друга, хотя и *о разном* — мы). Мне хочется, чтобы мы были и заговорщиками в Серафиме — анархистами во имя его. В самом деле: многое *темное*, касающееся Серафима, есть, быть может, лишь *внецветное, восьмое — новозаветное слишком новозаветное*[2]. Вот пункт важный и драгоценный для психологического анализа: где историческое христианство *черно* (ужасно) и где оно *внецветно* (о восьмом, Отчее), т. е. невыносимо нежно и мило — несказанно, а внешне высказанно — кажущееся ужасным. И к чему относятся «*старушки*» — к 1-ому или к 8-му? У Исаака Сирианина (аскета) очень много *кажущегося черным внецветного*; теперь я понимаю, отчего его неофитам не рекомендуют читать (где слабым очам различать *черное* от *внецветного*?). Вот вопрос: *аскетизм* исторического христианства черен или внецветен по преимуществу (по осуществлениям)? Как *ветхозаветно-пурпурное-Отчее* на плоскости воплощения легко смешать с *огненным ужасом* третьей стадии (грехи, как *багряное*) внутреннего пути (огонек *Денницы* и огонек *Отца* — раздвоение нижней бездны — срыв), так и *черное* (1-ой стадии) и *внецветное* (8-ой стадии) часто сливаются на плоскости символа для неопытных, но дерзновенных богоискателей. Тут вся неоценимая, сокровенная глубина Его слов об Отце: «*Принимающий Меня, принимает и Отца*»[3]. Везде Отец сквозь Христа в Новом Завете, и обратно: Христос сквозь Отца в *Ветхом*. Изображаю графически.

1) В Ветхом Завете всегда «а» на «с» дает «b». 2) В Новом Завете «b» на «с» дает «а». Христос в «b» занавесил нижние бездны — дал возможность не смешивать *пурпурное* с огненнокрасным (желтокрасным), а познавать *внецветным* сквозь *белое* и *голубое*.

Был я у Николая Карловича[4]. Слушал его исполнение бетховенской сонаты — кажется, ор. 14 (или сонаты № 14 — не знаю). Это — сплошная несказанная гениальность; действительно: выше Бетховена никогда не существовало большего гения по силе углубленных и созидающих начал (мы говорим об искусстве, конечно). Прекрасно «*Schkerzo infernale*» Николая Карловича[5] — вот здесь сила буревых налетов — пролетов, столь характерных для современности. Как я верю в Вашего брата, как надеюсь на него!.. Ал<ексей> Сер<геевич> говорил мне, что недавно написал Вам о картине Врубеля «*Фауст и Маргарита*»[6]. Я уверен, что будь Вы на выставке «*Мира Искусства*», Вы заболели бы даже от силы и глубины этой картины (признаюсь — я всего два раза был на выставке, но образ *Фауста*, ведущего под руку Маргариту, которая в свою очередь длинной и бледной рукой срывает, проходя, маргаритку, врезался нестерпимой ясностью в мое сознание). Вот ходят они, кружатся — оборачиваются; уйдут из рамки картины, где останется лишь декоративный пейзаж — и опять вернутся; в это время им Кто-то аккомпанирует неизменно оборотами веретена — шубертовской музыкой к «*Песне Маргариты*»[7]. И эти обороты веретена суть обороты времени. Если я остался здоров, а я едва не занемог от этой картины, — то только потому, что Гёте мне менее известен, нежели Вам, а потому я, вероятно, и не мог до конца воспринять «*это*» идущее от Гёте и преподносимое

публике в репродукции (транскрипции) Ницше — это «вечноженственно» — жалобное и вечно-фаустовское — любопытно-мужское… Оно приходит и уходит — и приходит под звук веретена. И эти обороты веретена суть обороты времени.

Не забывайте меня, дорогой Эмилий Карлович, и простите, если редко и сравнительно мало пишу Вам — бледно пишу. Но я устаю: надвигаются государ<ственные> экзамены и все еще не поданное мною сочинение[8]. Поэтому я так бесцветно вял. Сообщите о себе. Буду ждать с нетерпением. Господь с Вами.

А пока остаюсь глубокоуважающий Вас и горячо любящий

Борис Бугаев.

P. S. Мое уважение и сердечный привет Анне Михайловне[9].

P. P. S. Посылаю этот маленький песенник «о *прошлом*».

1. *Объяснение в любви*

Сияет роса на листочках.
И солнце над прудом горит.
Красавица с мушкой на щечках,
Как пышная роза сидит.

Любезная сердцу картина!
Вся в белых сквозных кружевах —
Мечтает под звук клавесина…
Горит в золотистых лучах.

Под вешнею лаской фортуны
И хмелью обвитый карниз,
И стены. Прекрасный и юный
Пред нею склонился маркиз

В привычно заученной роли,
В волнисто-седом парике,
В лазурно-атласном камзоле,
С малиновой розой в руке.

«Я вас обожаю кузина!..
Извольте цветок сей принять…»
Смеются под звук клавесина.
И хочет подругу обнять.

Целует напудренный локон
И плечи скрывающий шелк.
Глядит из отворенных окон
Подкравшийся муж, точно волк.

Уже вдоль газонов росистых
Туман бледнобелый ползет.
В волнах фиолетово-мглистых
Луна золотая плывет[10].

2. *Встреча*

Вельможа встречает гостью.
Он рад соседке.
Вертя драгоценною тростью,
Стоит у беседки.

На белом атласе — сафиры.
На дочках — кисейные шарфы.

Подули зефиры —
Воздушный аккорд
Эоловой арфы…

Любезен, но горд,
Готовит изящный сонет
Старик.
Глядит в глубь аллеи, приставив лорнет,
Надев треуголку на белый парик…

Вот… негры вдали показались — все в красном — лакеи…
Вот… блеск этих золотом шитых кафтанов.
Идут вдоль аллеи
По старому парку…
Под шепот алмазных фонтанов
Проходят сквозь арку.

Вельможа идет для встречи.
Он снял треуголку.
Готовит любезные речи.
Шуршит от шелку[11].

3. *Прощание*

Красавец Огюст,
На стол уронив табакерку,
Задев этажерку,
Обнявши подругу за талью, склонился на бюст.

«Вы радости — кои
Фортуна несла — далеки»...

На клумбах левкои.
Над ними кружат мотыльки.

«Прости мое щастье:
Уйдет твой Огюст»...

Взирает на них без участья
Холодный и мраморный бюст.
На бюсте сем глянец.

«Ах, щастье верну:
Коль будет противник, его, как гишпанец,
С отвагою шпагой проткну!..
Ответишь в день оный,
Коль, сердце, забудешь меня!»

...Сверкают попоны
Лихого коня...
Вот свистнул по воздуху хлыстик.
Помчался
И вдаль улетел.

И к листику листик
Прижался:
То хладный зефир прошумел...

«Ах, где ты, гишпанец мой храбрый?
Ах, где ты Огюст?..»

Забыта лежит табакерка.
Приходят зажечь канделябры.

В огнях этажерка
И мраморный бюст[12].

4. *Ссора*

Заплели косицы змейкой
Графа старого две дочки.
Поливая клумбы, лейкой
Воду черпают из бочки.

Вот садятся на скамейку,
Подобрав жеманно юпки,
На песок поставив лейку
И сложив сердечком губки.

Но лишь скроется в окошке
Образ строгий гувернантки —
Возникают перебранки
И друг другу кажут рожки.

Замелькали юпки, ножки,
Кудри, сглаженные гребнем.
Утрамбованы дорожки
Мелким гравием и щебнем.

Всюду жизнь и трепет вешний.
Дух идет от лепесточков,
От голубеньких цветочков,
От белеющей черешни.

И в разгаре перебранки
Языки друг другу кажут…
Строгий возглас гувернантки:
«Злые дети: вас накажут!..»

Вечер. Дом, газон, кусточек
Тонут в полосах тумана.
«*Стонет сизый голубочек*» —
Льется звонкое сопрано.

И субтильные девицы,
Подобрав жеманно юпки,
Как нахохленные птицы,
В дом идут, надувши губки[13].

5. *Воспоминание*

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грущу о былом:
«Ах, где вы — любезные предки?»

Из каменных трещин торчат
Проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
Над домом шумят.

И лист за листом,
Тоскуя о неге вчерашней,
Кружится под тусклым окном
Разрушенной башни.

Как стерся изогнутый серп
Средь нежно белеющих лилий —
Облупленный герб
Дворянских фамилий!

Былое, как дым.
И жалко.
Охрипшая галка
Глумится над горем моим.

Посмотришь в окно —
Часы из фарфора с китайцем;
В углу полотно
С углем нарисованным зайцем;

Старинная мебель в пыли,
Да люстры в чехлах, да гардины…
И прочь отойдешь… А вдали —
Равнины, равнины…

Среди многоверстных равнин
Скирды золотистого хлеба.
И небо.
Один.

Внимаешь с тоской,
Обвеянный жизнию давней,
Как шепчется ветер с листвой,
Как хлопает сорванной ставней.

1903 года. Февраль[14].

P. P. P. S. Получили ли Вы мое предыдущее письмо?[15] Кажется, я послал его незаказным и при этом не наклеил достаточное количество марок…

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 10. Помета красным карандашом: «Х».

[1] Упоминается А. С. Петровский (получивший это известие, видимо, от своей сестры Е. С. Петровской из Дивеева).

[2] Формулировка по аналогии с названием книги Ницше «Человеческое, слишком человеческое» («Menschliches, Allzumenschliches», 1878).

[3] Мф. 10: 40 («…кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня»); Мк. 9: 37 («…кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня»).

[4] Н. К. Метнер.

[5] «Инфернальное скерцо» (Ор. 2. «Три импровизации» для фортепиано, № 3).

[6] См. п. 21, примеч. 25.

[7] См.: «Фауст», ч. 1, сцена 15 («Комната Гретхен»). Песня Ф. Шуберта — «Гретхен за прялкой» («Gretchen am Spinnrade», op. 2; 1814).

[8] Подразумевается выпускная университетская работа Белого — кандидатское сочинение «Об оврагах». Текст его не обнаружен.

[9] А. М. Метнер.

[10] Впервые опубликовано в книге Белого «Золото в лазури» (С. 66–67), с изъятием строфы VI. См.: *СП — 1*. С. 106–107.

[11] Впервые опубликовано в «Золоте в лазури» (С. 68–69) под заглавием «Менуэт»; вариант ст. 17: «Идут в глубь аллеи». См.: *СП — 1*. С. 107.

[12] Впервые опубликовано в «Золоте в лазури» (С. 70–71), с посвящением Эллису. См.: *СП — 1*. С. 108.

[13] Впервые опубликовано в «Золоте в лазури» (С. 78–79), с посвящением М. И. Балтрушайтис. См.: *СП — 1*. С. 111–112.

[14] Впервые опубликовано в «Золоте в лазури» (С. 80–81) под заглавием «Заброшенный дом»; вариант — строфа VII, ст. 3: «И вдаль отойдешь… А вдали». См.: *СП — 1*. С. 112–113.

О стихотворениях Белого, посланных в этом письме, Метнер отозвался в письме к А. С. Петровскому от 4–16 марта 1903 г.: «Вообще Бугаев даже

и не подозревает всей своей гениальности. Он посылает мне аккуратно в каждом письме по нескольку своих стихотворений, одно лучше другого; последний раз прислал *песенник* в „мусатовском“ стиле. Просто прелесть. Пушкинская грация и легкость» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7. Проведенная параллель — с образом Павла Мусатова из 2-й «симфонии»).

[15] Видимо, имеется в виду п. 20.

23. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

19 марта 1903 г. Москва

Многоуважаемый и дорогой мне Эмилий Карлович!

Сперва отвечаю в порядке Вашего письма. Вы спрашиваете о Сереже: он спокоен. Он принял свое несчастие героически — иначе быть не могло. Еще в день смерти своих родителей он говорил мне, что ко всему приготовлен (казалось — он уже знал, что и мать не будет жива — он *все* знал). Он готовился к ужасу, зачитываясь «*Чтением о богочеловечестве*»[1]. Говорил: «Во мне поднялась волна мессианических чувств, и она вынесет меня...»[2] В те дни стояли метели с шумом и свистом — и неслось, проносилось, заметало границы между жизнью и смертью. Мы придавали этой сладкой, снежной музыке все то значение, которое заключено в ней: «*Метель*» Николая Карловича[3] — наш, утонченно-высвеченный, новый, христианский хаос с просветами лазури — Его Милым голосом из-за бури. Эти были радостные дни. Приблизилось небо. Я радовался над могилой Соловьевых. Серафим прошел где-то недалеко от меня.

И неслось, и неслось — проносилось, вопя и взвивая снежнометельные восторги. Когда хоронили Соловьевых была метель. Служили литию. Потом закапывали. Недалеко торчала сосна. Два раза она взревела, взмахнув руками. Это было тогда, когда диакон молился за них. И эту жуткую милость присутствующие называли горем. Смеялся я про себя. И Серафим прошел где-то недалеко от нас.

Да.

Потом Сережа ездил в Киев[4]. Теперь он вернулся оттуда. Он живет один. У него отдельная квартира[5]. Мы собираемся у него, пьем чай и вспоминаем его родителей, чаще со смехом, чем

с огорчением. В Соловьевых я потерял одних из самых близких людей себе. Какое блаженство — и радость, радость….

Постепенно все перебираются на зимние квартиры. Дачи пустеют. Это ничего. Укладываешься — пора в город[6]. Знакомые присылают приветы. И Серафим, Серафим…

Да.

Простите этот растерянный тон, но что же делать нам, Эмилий Карлович, как не поникать, слушая радостно-звенящую, пронзительно-грустную струну, пронизывающую время.

Это лейт-мотив Серафима, кивающий мне, — не то это белый, переломленный пополам смеющийся старик, не то грустно молчащий человек с мягкими усами и в больничном халате — тоже в белом — тоже святой. И вот — путается — Ницше, Серафим. Серафим, Ницше. Оба прошли — пришли. Один окапывал святое место, другой навсегда замолчал, *потому что все узнал*. Когда начинали играть на музыкальном инструменте — он *тихонько рычал*, «***зная***». Больше и больше мне кажется, что полет через пропасть ему удался, а то случайно неловкое движение, которое он сделал в тот момент, когда скрывался от нашего взора, мы приняли за *окончательность* безумия его. Но он не упал, не свалился, а только споткнулся на краю пропасти, перепрыгнув. Бог мне судья, если он не восхищался тогда, когда на всю Европу «*они*» огласили его безумие[7]. Ницше — святой, и биография его должна быть «*житием*».

И вот опять этот звеняще-надорванный, радостно-удивленный аккорд из неизвестных далей пробил оконные стекла, и хочется крикнуть: «*Серафим, Распятый Дионис*! *К вам иду*».

И, быть может, где-нибудь в соседней комнате поют цыганский романс леопардовым голосом Вяльцевой: «Приди ко Мне, прии-дии ко Мнее!..»[8]

И что это?

Но ничего не видишь, ничего не слышишь. В Девичьем Монастыре горит пунцовая лампадка на могиле Соловьевых[9] — пунцовая, потому что Рачинский в знак памяти повесил ее на могилу. Дело в том, что перед смертью Михаилу Сергеевичу Соловьеву понравилось одно мое стихотворение, где фигурирует *пунцовая лампадка*, и он во многих местах читал его. Вот оно:

Владимир Соловьев

Мы задыхалися от пошлости привычной.
Ты на простор нас звал.
Казалось им — твой голос необычный
Комично прозвучал.
И вот когда надорванный угас ты
Над подвигом своим,
разнообразные, бессмысленные касты
Причли тебя к своим.
В борьбе с рутиною свои потратил силы,
Но не разрушил гнет....
Пусть вьюга снежная венок с твоей могилы
С протяжным стоном рвет.
Окончилась метель. Не слышен голос злобы.
Тиха ночная мгла.
Над гробом вьюга белые сугробы
С восторгом намела.
Тебя не поняли.... Вон там сквозь сумрак шаткий
Пунцовый свет дрожит.
Спокойно почивай: огонь твоей лампадки
Мне сумрак озарит[10].

Это читал Михаил Сергеевич. А теперь он не читает, но лежит. И над ним дрожит, *тоже дрожит* красная лампадка.

Ольга Михайловна каждый день наливала мне чаю, и спорила, спорила со мной, а теперь в их пустой квартире зияет черное, кровяное пятно в том месте, где она упала (она застрелилась — впрочем, это не важно).

А мы уже собираемся в других местах, и смеемся, вспоминая Соловьевых.

Вот все, что мы можем сделать для их памяти.

Вы спрашиваете, в каком № «*Мира Искусства*» мой реферат? В № 12-ом[11]; я постараюсь его Вам прислать, хотя там лишь выдержки из него.

Дорогой Эмилий Карлович, начал писать Вам длинное письмо, но вот вспомнил красные лампадки, и какое-то сладкое бессилие заставляет меня прикончить его. Кто-то, удаленный, поет: «*Приди ко Мне, приииди ко Мне*»... И я все обрываю...........

На днях буду писать сериозно. А пока простите и прощайте, мой дорогой и многоуважаемый Эмилий Карлович. Мой нижайший поклон Анне Михайловне[12].

Весь Ваш Борис Бугаев.
1903 года. Март 19.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 11. Помета красным карандашом: «XI». Ответ на п. 21.

[1] «Чтения о Богочеловечестве» — исследование по философии религии Вл. Соловьева (отд. изд. — М., 1881). С. Соловьев обратился к этому произведению еще в дни предсмертной болезни отца; ср. позднейшее свидетельство: «О том, что будет с матерью, когда отец умрет, я старался не думать. В гимназию я ходить перестал и ежедневно прочитывал по главе „Чтений о богочеловечестве" Вл. Соловьева, погружаясь в глубины метафизики» (*Соловьев С.* Воспоминания. М., 2003. С. 346).

[2] Подробный рассказ С. Соловьева о смерти и похоронах родителей см.: Там же. С. 347–351.

[3] Видимо, подразумевается одна из пьес, входящих в фортепианный цикл Н. К. Метнера «Восемь картин настроений».

[4] О своем прибытии в Киев к Трубецким С. Соловьев сообщил Г. А. Рачинскому (назначенному после смерти родителей его опекуном) 28 января 1903 г. (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2903); после нескольких дней пребывания в Киеве он переехал к родственникам в Харьков. См.: *Соловьев С.* Воспоминания. С. 351–364.

[5] Ср. свидетельство С. Соловьева: «Квартира на Поварской, которую подыскал мне Рачинский, состояла из трех комнат и кухни. Находилась она во дворе дома Милорадовичей, во втором этаже флигеля» (Там же. С. 364).

[6] Эти фразы впрямую не соотносятся с московским бытовым укладом: переезд с дач в город, на «зимние квартиры» обычно происходил поздним летом и осенью, а не ранней весной.

[7] Первые явные признаки душевного расстройства у Ницше были отмечены в конце декабря 1888 г., 3 января 1889 г. он перенес апоплексический удар, после чего наступило окончательное помрачение. 10 января 1889 г. Ницше был помещен в психиатрическую клинику в Базеле, 17 января — в психиатрическую клинику Иенского университета. В мае 1890 г. мать Ницше перевезла его к себе в Наумбург на домашнее попечение.

[8] Цитируется цыганский романс (на мотив вальса «Шампанские волны» Дж. де Вотари) «Поцелуй меня...»: «Там в тишине // Наедине // Приди ко мне, ко мне!..» (Вяльцева — альбом. 15 цыганских романсов из репертуара А. Д. Вяльцевой. <СПб.>, 1902. С. 31–32).

[9] М. С. и О. М. Соловьевы были похоронены на кладбище Новодевичьего монастыря рядом с могилами историка С. М. Соловьева и Вл. С. Соловьева — отца и брата М. С. Соловьева.

[10] Впервые опубликовано в книге Белого «Золото в лазури» (С. 219–220), с посвящением М. С. Соловьеву; варианты — ст. 1: «Задохлись мы от пошлости привычной»; ст. 4: «безумно прозвучал». См.: *СП — 1*. С. 158.

[11] Имеется в виду статья «Формы искусства» (см. примеч. 11 к п. 20).

[12] А. М. Метнер.

24. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

22–25 марта 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 22 марта 1903 г.

Дорогой и *страшно* милый Борис Николаевич. Оба Ваши письма X и XI — я получил. Помнится, свое последнее письмо я прервал сообщением о прибытии письма Алексея Сергеевича[1]. Письмо его поразило на этот раз меня своею христианско-ницшеанскою анархичностью, своим, в хорошем смысле слова, <*нрзб*> перед солью нашей все же милой земли, на которой мы проводим (по Вашему страшно милому слову) *дачный* сезон, перед солью, каковою несомненно являются Гёте, Бетховен и немногие другие… Я даже пожалел, что завел секретное отделение в моем письме к Вам[2]; а теперь жалею, что забыл в ответном письме сказать об этом секретном отделении Алексею Сергеевичу. Впрочем, во-первых, это поправимо, а, во-вторых, то, что я сепаратно сообщил Вам, кажется, не весьма *важно* и интересно. Я «заметил» и на этот раз в первый раз вполне «благополучно отнесся» к новой волне «недобрых вибраций», о которых Вы пишете в X письме от 3-го марта. Должно быть, начинаю крепнуть. Я вполне понял непатологичность (выражаясь словами Ницше) der versucherisches Tapferkeit des schaerfsten Blicks, die nach dem Furchtbaren *verlangt*, als nach dem *Feinde*, dem wuerdigen Feinde, an dem sie ihre *Kraft* erproben kann[3]. Это — не вызов, а просто готовность, приготовленность и потому как бы жажда. — И насмешка Ваша оттого, что самое главное защищено панцирем. — Особенность, неразложимость чувства Серафима — залог того, что Principium individuationis* в своем роде существует и «*там*»… Мы стали с Вами «заговорщиками», дорогой Борис Николаевич, в тот замечательный вечер в сентябре

* Принцип индивидуализации (*лат.*).

1902 года, когда я сказал Вам: «не христианское, а *Христово* чувство...» Лишь имея последнее, можно спокойно говорить о «зимних квартирах», не подразумевая под ними солдатские казармы или пенитенциарные учреждения...

23 марта. Вчера у меня провел вечер А. П. Мельников (сын Андрея Печерского). Он чувствует себя одиноким в Нижнем, основательно говоря, что здесь есть чиновники, купцы, золоторотцы[4] — но нет людей. Но вот засасывающая сила нашей провинциальной жизни: ему уже 40 лет, и он, чиновник особых поручений при губернаторе, сам того не замечая, прирос к месту, которое лет 12–14 тому назад считал лишь ступенью к дальнейшему. «Я никогда не думал, что проживу в Нижнем больше двух лет, и вот застрял, быть может, на всю жизнь; холостой, я живу вы видели как, будто завтра съеду; сначала не хотелось устраиваться, а теперь привык и не стоит; я обожаю музыку, живопись и вот все-таки не имею решимости бросить все и уехать...» Мне страшно стало от этих слов... Вдруг и я?!. Впрочем он — *полный буддист*, а я *худощавый германец*; ничто же так не противоположно буддизму, как германизм (Шопенгауэр — гениальный урод![5]); подумайте только, *Нирвана* и *Валгала*[6]; сидение, поджав под себя ноги, с глупо блаженной улыбкой и Полет Валькирий[7]. Мельников пишет анпандо[8] (как говорят нижегородские купчихи) к Also sprach Zarathustra — так говорит Гаутама (Будда). В то же самое время: он считает Ницше предтечей воплощения Св. Духа (третьего царства), увлекается сектантством и смеется над тем, что в XX (?!) веке затеяли открывать мощи. Все это пока производит на меня впечатление странной смеси. Мне кажется, что его интерес к религии какой-то профессорский, какой может быть к химии или юриспруденции. Мельников и Назарий — единственные мои гости.

Вот что Мельников рассказал об открытии мощей Серафима[9], находя, что великий дух последнего профанируется этим нелепым обрядом: место действия, на границе Нижегородской (С<ерафимо>-Дивеевский монастырь) и Тамбовской (Сарово) губерний, начальниками которых состоят лютеране, относящиеся очень корректно, но весьма скептически к вопросу о нетленности мощей. За некоторое время до того, как Владимир Московский с двумя преосвященными Нижегородским и Тамбовским[10]

отправились в Сарово, к атаману Унтербергеру, явился о. Серафим (Чичагов, автор Летописи[11]) и предупредил его, что, согласно завету преп<одобного> Серафима, мощи его могут оказаться не в Саровском монастыре (Тамбовская губерния), а в Дивееве (Ниж<егородская> г<уберния>), и что он считает долгом поставить его превосходительство в известность относительно этого обстоятельства. В ответ на это наш бисмарковский Тарас Бульба[12] совсем наивно сказал монаху: ну это, *я говорю*, вы как там знаете молитесь, но *весь вопрос в том**, что меня следует ***заранее*** (?) предупредить об этом чуде, а то народ бросится как угорелый из Сарова в Дивеево, а за порядок в последнем месте отвечаю я, а не тамбовский губернатор... Вскоре после этого три вышеупомянутых архиерея в сопровождении исправника отправились в Сарово освидетельствовать мощи... Когда приступили к самому акту и приподняли крышку гроба, то исправник удалился по просьбе архиереев... Вот это-то удаление исправника и подало, основательно или нет (Мельников полагает, что *основательно*), повод к толкам, что в гробу найден истлевший скелет и что если бы в нем находились нетленные мощи, то исправника незачем было бы выпроваживать... Скандал, говорит Мельников, страшный! И неизвестно, что теперь будет предпринято... Так говорит Гаутама... то бишь Мельников, который чрезвычайно высоко ценит личность старца Серафима. Что же говорят остальные интеллигентные нижегородцы и тамбовцы, Вы, дорогой Борис Николаевич, легко можете себе вообразить. Получается нечто подобное тому, что Достоевский написал об обстоятельствах, сопровождавших кончину Зосимы[13]. Вот только, кажется, наш Алеша, в отличие от Карамазова[14], спокойно отнесся к буре в Сарове. Он писал мне, по крайней мере, что мощи Серафима обнаружатся не тогда, когда захочет начальство, а когда пожелает этого сам Серафим...[15] Блажен, кто верует! Грустно!!

Спасибо за яркую передачу Вашего впечатления от картины Врубеля. Убежден, что Врубель трактовал тему Фауста в том роде, как это сделал Лист и Вагнер в музыке. «Сгущенно»? С большей,

* Два выражения, которые генерал повторяет через каждые два слова (*Примеч. Метнера*).

нежели у Гёте, дозой дионисовского элемента? Но вот вопрос: куда делся Мефистофель?? Не есть ли картина Врубеля — отчасти фокус? Вот лань, вот пес, а где охотник? Знаете, есть такие картины. Дети любят их. Фауст ведет под руку Маргариту. Ищи Мефистофеля! А он где-нибудь среди листвы *опрокинувшись заглядывает прямо в лицо* зрителю, и удивляется последний, как это он раньше его не заметил.

---

24 марта. Странный день был 21-го марта. В Петербурге мороз и снежная метель; в Москве летняя жара и гроза. В Нижнем слякотно; и снег и дождь. Мне показалось в этот день, что *черт с насмешкой*, временно куда-то удалившийся, возвратился; я даже как будто видел его: в нем всего 1½ аршина и он очень похудел и отощал; должно быть, хронический насморк одолел его. Примите это мое сообщение как *полу*-шутку. Я действительно что-то вроде черта видел и притом не однажды за эти дни, что-то небольшое, тонкое, изогнутое и серое… и вовсе не страшное… Я как-то даже легкомысленно не придал этому видению никакого значения.

Как Вы, должно быть, знаете уже из письма моего Алексею Сергеевичу, Ваша статья *Церковь и Интеллигенция* прошла в *Приднепровском Крае*[16]. Прошла давно еще в конце декабря; я ничего не знал об этом, т<ак> к<ак> как раз в то время мне почему-то прекратили высылать газеты. Желание Ваше (коему я вовсе не сочувствую), таким образом, не осуществилось, и Вы волею-неволею получаете прилагаемые при сем *20 рублей.* Скромный этот гонорар как раз послужит Вам для путевых издержек из Москвы в Нижний и обратно *летом.* —

* * * * * * * * * *

Вечером. В промежутке между чтением гранок, которые названы Маней Брате<нши>...... *поганками,* — я взял *Заратустру,* открыл Ausser Dienst (случайно) и на первой странице прочел следующее о черте. Aber der Teufel ist nie am Platze, wo er am Platze waere: inmer kommt er zu spaet, dieser vermaledeite *Zwerg und Klumpfuss*…[17] Подчеркнутое мною указывает, что и Ницше видел черта ростом эдак в 1½ аршина, не более… Вообще вся глава Ausser Dienst (советую ее Вам перечитать) — заслуживает внимательного изучения. В ней — бездна души Ницше освещается так

сильно, что сквозь его поверхностное богоотрицание светится хранящееся на дне сокровище любви к Богу, сокровище, которое он в детстве и в первой юности (см. биографию) зарывал все глубже и глубже и зарыл так глубоко, что потом сам потерял его местонахождение.

25 марта. Читаю Geburt der Tragoedie... Это — гениальная интерпретация аполлоно-дионисианской литургии, сделанная одним из ее средств... Антитеза Apollo-Dyonisus — одна из плодотворнейших в философии. Ницше дал здесь совсем неожиданно совсем новое направление диалектике бытия, новую вариацию на вечную тему... И при том в каких конкретных, почти осязательных образах... Пришел *Новый Путь* (март). Почему я получаю его на несколько дней позднее, нежели здешние редакции, которые уже успели сделать из него выдержки??? Как Вы, должно быть, знаете, я крайне недоволен всеми обстоятельствами, среди которых имеет состояться Колин концерт[18]. Вообще в своем родном городе не следует являться в качестве кандидата, а в качестве триумфатора. Надо было дать концерт в большой зале (т<ак> к<ак> к *зале* имеют больше уважения, нежели к *артисту*) и смелее выступить со своими сочинениями. Ко всем этим внешним нелепостям присоединилось одно внутреннее душевное страдание (последнее, дорогой Борис Николаевич, ***секрет***!!). Я даже не знаю, как он будет в состоянии завтра играть. Пишу я Вам об этом потому, что знаю, *как* Вы к Коле относитесь и как *глубоко* Вы способны разобраться в психической атмосфере 26-го марта вечером, если примете во внимание *факт* огромного огорчения, которое терзало Колю последние две недели и о чем я только вчера узнал. Об этом *факте* Вы можете сообщить только Петровскому. — Переправа через Волгу очень опасна и, должно быть, это мое письмо не попадет к Вам завтра. Это досадно: я хотел, чтобы Вы прочли его до концерта. Впрочем, Вы, может быть, и так разберетесь и будете знать, что куда отнести... Как Вы прекрасно пишете о кончине Соловьевых и о Сереже... Эта «Heiterkeit»* среди ужасов смерти и самоубийств — есть огромный дар. Вам можно завидовать... Но я хочу сказать не только о Вашей душе, но и о Вашем литературном даровании... Вы

* Веселость (*нем.*).

трогаете меня не только тем, что Вы пишете, но и *как*... До свиданья, дорогой Борис Николаевич. Пишите, если урвете время от приготовления к экзаменам. Надеюсь, что Вы не ограничитесь одним факультетом?.. Кланяйтесь Вашим родителям... Простите за беспорядочное и нескладное письмо: я расстроен несколько делами Коли. Впрочем, в общем я чувствую себя день ото дня все лучше. Анюта[19] Вам кланяется... До свиданья. Господь с Вами. Ваш Э. Метнер[20].

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 12.
Ответ на п. 22 и 23.

[1] О получении письма А. С. Петровского Метнер известил Белого 4 марта 1903 г. (п. 21).

[2] Подразумевается фрагмент п. 21, датированный 2 марта.

[3] Цитата из «Опыта самокритики» («Versuch einer Selbstkritik», 1), предпосланного основному тексту трактата «Рождение трагедии» («Die Geburt der Tragödie»); в переводе Г. А. Рачинского: «испытующего мужества острейшего взгляда, *жаждущего* ужасного, как врага, достойного врага, на котором оно может испытать свою силу» (*Ницше*. Т. 1. С. 49).

[4] Фразеологизм «золотая рота» (бранный смысл) обозначал представителей городских низов и преступного мира.

[5] Подразумевается тяготение Шопенгауэра к буддизму; выводы его этики созвучны индуистскому учению о нирване.

[6] См. п. 13, примеч. 7.

[7] См. примеч. 7 к п. 4.

[8] Искаженное «в pendant» (к чему-, кому-либо; *фр.*) — в параллель, в дополнение.

[9] См. примеч. 35 к п. 21. Гроб с мощами Серафима, находившийся в часовне в Сарове, был открыт 11 января 1903 г.

[10] В открытии мощей Серафима участвовали митрополит Назарий (см. примеч. 3 к п. 13), митрополит Московский (в 1898–1912 гг.) Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский; 1848–1918; святой-новомученик), епископ Тамбовский и Шацкий (в 1902–1903 гг.) Димитрий (в миру Михаил Георгиевич Ковальницкий; 1839–1913).

[11] Имеется в виду «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» (см. примеч. 2 к п. 1).

[12] Главному герою одноименной повести Н. В. Гоголя иронически уподобляется (никогда не служивший Германии и канцлеру Бисмарку) российский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант Павел Фридрихович Унтербергер (1842–1921) — нижегородский губернатор

в 1897–1905 гг., ранее (в 1888–1897 гг.) — военный губернатор и наказной атаман Уссурийского казачьего войска.

13 Подразумевается «тлетворный дух», исходивший от тела усопшего старца Зосимы («Братья Карамазовы», ч. 3, кн. 7, I).

14 А. С. Петровский и Алеша Карамазов, воспитанник старца Зосимы.

15 2 марта 1903 г. Петровский писал Метнеру: «Вокруг открытия мощей пр<еподобного> Серафима какая-то буря поднялась, конечно, враждебная. <...> Говорят, что мощей не нашли, хотя он при жизни говорил, что тело его останется нетленным. Тут слышится какая-то тайна. Это дело слишком тесно соприкасается с „судьбами", для того чтобы все могло пройти гладко и спокойно. Возможно и так, что этот вопрос начальство решило, не спросясь самого о<тца> Серафима, и мощи его объявятся тогда, когда он сам захочет, а не когда это заблагорассудится начальству. <...> Только больно, что эти слухи дают повод к злорадству врагов» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

16 См. примеч. 2 к п. 9.

17 Цитируемый фрагмент («Also sprach Zarathustra», Teil 4) из главы «В отставке» в переводе Ю. М. Антоновского: «Но черт никогда не бывает там, где он был бы на месте: всегда приходит он слишком поздно, этот проклятый карлик и колченожка!» (*Ницше.* Т. 2. С. 186).

18 Концерт Н. К. Метнера состоялся 26 марта 1903 г. в Малом зале Московской консерватории. Ср. краткую информационную заметку: «*Концерт Н. Метнера.* 26 марта давал свой концерт молодой московский пианист, два года тому назад кончивший курс Консерватории, Н. Метнер. Пианист выступил с большою и разнообразною программой, по которой достаточно можно было судить и об его технике, и об его музыкальности. Если ему и предстоит еще над чем поработать, так это не над развитием беглости, а над выработкой тона, который отличается у него некоторою резкостью и сухостью» (Московские Ведомости. 1903. № 86, 28 марта. С. 5).

19 А. М. Метнер.

20 В письмо вклеены газетные гранки с приписками Метнера: «Фельетонист *Одес. Нов.* г. Скриба рисует любопытную сцену в редакции журнала *Новый Путь.* Разговаривают между собой два члена редакции.

— Говорил я вам, Дмитрий Сергеевич, что не надо было вот этого* печатать...

— Не понимаю, Петр Петрович, почему бы это не надо? <...>».

Астериском обозначена приписка Метнера:

«* чего? Как Вы думаете? Выйдет ли третья книжка *Нового Пути*? Где Вы будете писать об Альбоме Коли? Раньше, чем печатать, пришлите, пожалуйста, мне рукопись».

На гранке фельетона С. Протопопова Метнер сделал приписку: «Приведя выдержки из статьи Вашей в *Мире Искусства* № 1, почтенный, честный, близорукий Протопопов пишет следующее (он думает, что шутит*)».

Следует текст Протопопова: «Так говорит *Заратустра**... то бишь, декадент Андрей Белый.

Можно и следует любить и приветствовать новизну, но „к чему же стулья ломать?"...

Меткий афоризм гласит, что природа не делает скачков.

А вот декадент Андрей Белый утверждает, что он и другие „преторианцы" скакнули прямо на вершину высочайшей горы.

Скакнули так высоко, что у всех недекадентов „кружатся головы" <...>».

25. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

26 марта 1903 г. Москва

Москва. 26 марта 03 года.

Дорогой Эмилий Карлович!

Я возвратился. Как описать все недоумение и.... смех, когда я почувствовал, что, описав духовное путешествие сквозь мир к довременному (старинному) хаосу (1–8), и *пойдя дальше*, я вновь родился (9 = 1), нашел самого себя[1]. Круг был замкнут, цикл жизни совершен; я уходил за смерть — я вернулся.

Я возвратился.

И это *de facto*, а не путем теософских размышлений. Теперь мне звучит совершенно в ином свете Ницшевское «*я нашел самого себя*» — теперь, когда я *вторично* живу, *повторяюсь*, не умирая, — мне смешно. С сериозным хохотом пишу Вам, дорогой Эмилий Карлович, об этом, как *о приключении для меня странном*[2], важном и необычайном. Не знаю, чревато ли оно следствиями, или это обрывок из «*наваждения*», но знаю, что кроме Вас, да, пожалуй, Алексея Сергеевича[3] меня никто не поймет (меня уж и так отказываются понимать во многом даже Блок, Сережа Соловьев, Мережковские).

Я возвратился.

Утешаюсь, что это возвращение есть совпадение аналогичных положений двух смежных и параллельных звеньев спирали. Утешаюсь — это не круг. Иначе было бы слишком обидно — повторение, возвращение совершалось бы всегда и во всем, но в направлении $\perp$ Ницшевскому возвращению. Верю, — что это спираль.

Тем не менее чувство совершенно такое же, как давно отошедшее для меня в область преданий — чувство Шопенгауэровского пессимизма. Не его боюсь — боюсь тучи ужаса, предшествующей *розовому, белому, голубому*. Но буду верить, что это еще все только кажется. И повторений не будет. Как бы то ни было, я обратился на самого себя. Я нашел *свое другое*. Или, быть может, *мое другое* (воля мет<афизическая>) поглотило то, что когда-то было мной, но что должно было погибнуть после совершенного им пути (1–8). Как бы то ни было — тут узел неразрешенного Шопенгауэром, намеченного Ницше.

И вот пишу Вам после совершившегося со мной странного приключения *ужасно* смешного, но и — верьте — трагического.

И центр опять в Ницше. Кстати: я и один молодой человек (Л. Л. Кобылинский) собираемся учредить некоторое негласное общество (союз) во имя Ницше — союз «*Аргонавтов*»: цель экзотерическая — изучение литературы, посвящ<енной> Шопенгауэру и Ницше, а также и их самих; цель эзотерическая — путешествие сквозь Ницше в надежде отыскать *золотое руно* («*счастье — темная, золотая капля счастья, золотое вино*»[4]). Это мы намерены предпринять на будущий год. Вот кого недостает для этого — Вас, дорогой Эмилий Карлович? Верю — духовно Вы с нами. Интересно, что проф<ессор> Озеров[5], узнавши о нашем намерении, заявил, что, быть может, присоединится к нам и *тоже* будет.... *аргонавтом*. Эмилий Карлович — чувствуете ли Вы, *что* звучит в этом сочетании слов, произнесенном в XX столетии русскими *студентами*, — *аргонавты* ***сквозь Ницше за золотым руном***!!

Я знаю, *это* — смело. По отношению ко всему другому (к обществу, к родным, к самому себе) становишься в совершенно новое, удаленное положение — уплываешь... И летишь среди волн, утопая в лазури для всех. Пусть жалеют этот

...парус, в синих далях тающий,
Как «*прости*» всего, что рок унес,
Как привет, в последний раз блистающий,
Чтоб угаснуть там, вдали, без слез.

(К. Бальмонт)[6]

Дорогой Эмилий Карлович, для других это уплывание за черту горизонта, которое я хочу предпринять, будет казаться

гибелью, но пусть знают и то, что в то время, когда парус утонет за горизонтом для взора *береговых* жителей, он все *еще* продолжает бороться с волнами, плывя... к неведомому Богу... Ведь казался же Ницше безумцем, между тем он был только *уплывшим*....

Я глубоко разочаровался (признаюсь — это между нами) и в Соловьеве, и в Мережковском, и во всех, кто на меня влиял. Со мной только Ницше, Серафим и Христос. Тяжесть ноши на моих плечах. Никто не разделит ее. Буду же и я нести ее молчаливо, без криков и взываний *во имя чего бы то ни было.* Чувствую — настала и для меня полоса *молчаливого плавания*, а порой и *умолчания.*

Сейчас иду на концерт Николая Карловича[7]. Ожидаю получить бездну наслаждения. К великому моему прискорбию, обе репетиции мне решительно нельзя было быть у Николая Карловича, не оскорбив лиц, которые предварительно заручились мной на эти вечера. Все же мне удалось прослушать сонату Шумана (она ужасна!) и Бетховена. Я вынес оглушающее впечатление. Как обидно, как жалко, что такая гениальная вещь, как 2-ая соната Н<иколая> К<арловича>, не будет исполняться![8] Признаюсь, — я даже сержусь на него за скромность, или... я не знаю, как это звать...

Буду отвечать на Ваше письмо[9], дорогой Эмилий Карлович, скоро. Это письмо — тоже не в счет, а просто *так*, невзначай писано....

Остаюсь любящий и уважающий Вас всей душою

Б. Бугаев.

P. S. Поклон мой и привет Анне Михайловне[10].

P. P. S. Посылаю свои стихотворения.

Гроза на закате

Вижу на западе волны я
Облачно-грозных твердынь.
Вижу — сапфирная молния
Блещет над далью пустынь.

Грохот небесного молота...
Что-то, крича, унеслось.
Море вечернего золота
В небе опять разлилось.

Плачу и жду несказанного.
Плачу в порывах безмирных.
Образ колосса туманного
Блещет в зарницах сапфирных.

Держит лампаду пурпурную.
Машет венцом он зубчатым.
Ветер одежду лазурную
Рвет очертаньем крылатым.

Молньи рубинно-сапфирные.
Грохот тяжелого молота.
Волны лазури эфирные.
Море вечернего золота.

1903. Март[11].

«Знание»

Боялся, что тайну вдруг открою
За гранью бытия.
С огнем в руках за дверью роковою,
Дрожал, боялся я.
И вот в колодезь ужаса я глянул.
Я утонул.
Дверь распахнулась… Мрак оттуда прянул.
Свечу задул.
И ничего… И только мрак со мною…
И ничего…
Да, я *узнал*… Но *знанья* не открою
Я своего.
Пусть шепчут мне: «Я вижу привидений
Бездонно-грозный знак!..»
Я посмотрю без страха, без волнений,
Но с грустию на мрак.

1903 г. Март[12].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 12. Помета красным карандашом: «XII». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 197.

[1] Свои представления об этапах духовного пути, знаменуемых цветовыми и числовыми символами, Белый подробно излагает в п. 10 и 20.

[2] 1 Петр. 4: 12 («…огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного»).

[3] А. С. Петровский.

[4] Неточная цитата из поэмы Ницше «Так говорил Заратустра» (ч. 4, «В полдень») в переводе Д. Борзаковского: «...не выпивает ли он сейчас каплю счастья — // — старую, темную каплю золотого счастья, золотого вина?» (*Ницше Фридрих.* Собр. соч. Т. I. Так говорил Заратустра. С. 302–303).

[5] Эллис (Л. Л. Кобылинский) в студенческие годы был учеником И. Х. Озерова, профессора финансового права Московского университета, и состоял с ним в неформальных дружеских отношениях. «Дорогому и доброму другу Ивану Христофоровичу Озерову» посвящена первая книга Эллиса «Иммортели. Вып. I-й. Ш. Бодлэр» (М., 1904).

[6] Цитируется заключительная строфа (без начала) стихотворения К. Д. Бальмонта «Прости!» («Кто услышал тайный ропот Вечности...», 1897). См.: *Бальмонт К.* Тишина. Лирические поэмы. М., 1898. С. 80.

[7] См. примеч. 18 к п. 24.

[8] Первое публичное исполнение Сонаты f-moll (op. 5) Н. К. Метнера состоялось в его концерте в Москве 2 ноября 1904 г., в Малом зале Российского благородного собрания (см. комментарии З. А. Апетян в кн.: *Метнер.* С. 45).

[9] Подразумевается п. 24.

[10] А. М. Метнер.

[11] Впервые опубликовано в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» (М., 1903. С. 43) под заглавием «Гроза на западе»; вошло в книгу Белого «Золото в лазури» (С. 21), с вариантом ст. 3: «Вижу — мгновенная молния». См.: *СП — 1.* С. 87.

[12] По данному автографу впервые опубликовано в кн.: *Андрей Белый.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. и сост. Т. Ю. Хмельницкой. Подгот. текста и примеч. Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко. М.; Л., 1966. С. 464 («Библиотека поэта». Большая серия). См.: *СП — 2.* С. 449–450.

26. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

29 марта 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 29 марта 1903 г.
11 ч<асов> ночи.

Дорогой мой аргонавт Борис Николаевич! Раньше, чем подробно отвечать Вам на Ваше XII письмо, я хочу откликнуться. Как аукнется, *так* и откликнется. *Так* ли? У меня нет тех сил, как у Вас! Откликнуться я могу только при помощи моего поэта. Но раньше скажу, что Вы, конечно, движетесь по спирали,

а не по кругу. Hircus nocturnus* превращается в бабушкина козлика[1]; луна, которая весело и чисто сияет сейчас на небосклоне, очевидно далека от оргиастических тенденций — астартизма, таков изгиб (n-ый) ее спирали… Она так же светила, когда Коля концертировал свою вторую тему второй сонаты[2]: Вы — свое, «невозможное, вечное, милое, старое и новое во все времена»[3]; а Гёте свою дивную таинственную песню месяцу, в которой звучит и Колино, и Ваше… Прочтите, дорогой Борис Николаевич, ее внимательно, вслушайтесь в нее всем существом в ночной тиши, всмотритесь во все ее очертания при свете завтрашнего полнолуния и тогда, быть может, Вы поймете мой восторг и вместе с тем признаете, что ничем иным я не мог и не должен был откликнуться на Ваше XII письмо, на его аргонаутизм.

An den Mond

Füllest wieder Busch und Tal
Still mit Nebelglanz,
Lösest endlich auch einmal
Meine Seele ganz;

Breitest über mein Gefild
Lindernd deinen Blick,
Wie des Freundes Auge mild
Über mein Geschick.

Jeden Nachklang fühlt mein Herz
Froh- und trüber Zeit,
Wandle zwischen Freud' und Schmerz
In der Einsamkeit.

Fließe, fließe, lieber Fluß!
Nimmer werd' ich froh;
So verrauschte Scherz und Kuß
Und die Treue so.

Ich besaß es doch einmal,
was so köstlich ist!
Daß man doch zu seiner Qual
Nimmer es vergißt!

* Ночной козел (*лат.*).

Rausche, Fluß, das Tal entlang,
Ohne Rast und Ruh,
Rausche, flüstre meinem Sang
Melodien zu!

Wenn du in der Winternacht
Wütend überschwillst
Oder um die Frühlingspracht
Junger Knospen quillst.

Selig, wer sich vor der Welt
Ohne Haß verschließt,
Einen Freund am Busen hält
Und mit dem genießt,

Was, von Menschen nicht gewußt
Oder nicht bedacht,
Durch das Labyrinth der Brust
Wandelt in der Nacht[4].

Милый мой! Это почти невыносимо хорошо! Это граничит со святостью! Когда я только думаю об этой песне, я задыхаюсь от счастья... не своего, а какого<-то> общего и в то же время интимного. В этих благоухающих строфах Гёте схоронил часть своей души (не метафора, а факт), ту часть, тождественную которой я ношу и в своей маленькой душе; вот почему чтение этого стихотворения (и некоторых других Гётевских) есть для меня по крайней мере, — некий обряд.

Selig, wer sich vor der Welt
Ohne Haß verschließt...*

Проговорился!.. Ведь Гёте, несмотря на всю свою общительность (Geselligkeit), был одинок, как, может быть, никто.

P. S. Получил ли Алексей Сергеевич мое письмо, отправленное на этот раз незаказным?[5] Кланяйтесь ему! От меня и Анюты...[6] Получили ли Вы мое денежное письмо, адресованное Вам в Университет, педелю?[7] Когда будет время и станете мне писать, сообщите Ваши переживания во время концерта...[8] Я пока получил только телеграмму, извещавшую об успехе... Дорогой Борис

* Счастлив, кто бежал людей, // Злобы не тая (*нем.*; пер. В. В. Левика).

Николаевич! Не переутомляйте себя! Надо много сил, чтобы жить такою жизнью, как Вы. Сдайте экзамены кое-как. До свиданья! Анюта шлет Вам сердечный привет. Горячо любящий Вас

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 13.
Ответ на п. 25.

[1] См. п. 21, примеч. 16.

[2] Неясно, здесь — описка или подразумевается незавершенное произведение Н. Метнера: к весне 1903 г. им была создана только Соната f-moll (ор. 5).

[3] Сокращенная цитата из части 2-й «Симфонии (2-й, драматической)» (*Симфонии*. С. 93).

[4] Текст стихотворения (1769) в переводе В. В. Левика (*Гёте*. Избранные произведения. М., 1950. С. 37–38):

Луне

Зыбким светом облекла
Долы и кусты,
В мир забвенья унесла
Чувства и мечты,

Успокоила во мне
Дум смятенных рой.
Верным другом в вышине
Встала надо мной.

Эхо жизни прожитой
Вновь тревожит грудь.
Меж весельем и тоской
Одинок мой путь.

О, шуми, шуми, вода,
Буду ль счастлив вновь?
Все исчезло без следа —
Радость и любовь.

Самым лучшим я владел,
Но бегут года.
Горек, сердце, твой удел —
Жить в былом всегда.

О вода, шуми и пой
В тишине полей,
Слей певучий говор свой
С песнею моей —

По-осеннему ль черна,
Бурно мчишься ты,
По-весеннему ль ясна,
Ты поишь цветы.

Счастлив, кто бежал людей,
Злобы не тая,
Кто обрел в кругу друзей
Радость бытия.

Все, о чем мы в вихре дум
И не вспомним днем,
Наполняет праздный ум
В сумраке ночном.

[5] Подразумевается письмо к А. С. Петровскому от 4 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7).

[6] А. М. Метнер.

[7] Имеется в виду п. 21.

[8] Речь идет о московском концерте Н. К. Метнера 26 марта 1903 г.

27. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

9 апреля 1903 г. Москва

Москва. 1903 года 9 апреля.

Дорогой и многоуважаемый Эмилий Карлович!

Христос воскрес! Поздравляю Вас и Анну Михайловну со светлым праздником[1]. Желаю всего лучшего.

Сначала отвечу Вам на те вопросы, которые Вы мне предлагали в письмах.

1) Репродукцию бюста Макса Клингера работы Ницше <*так!*> я видел. Вы пишете — «голова Ницше нечто невероятное». Вполне согласен. Я бы сказал, что мне лицо Ницше нравится совершенно исключительно — больше головы Бетховена, Гёте, Канта.

2) Мое хождение на руках с разведением ног будет напечатано в «*Мире Искусства*» только летом[2], потому что Философов и Дягилев уехали за границу и журнал без них не будет существовать самостоятельно.

3) Да: огромное спасибо за те хлопоты, которыми я невольно обременил Вас по напечатании статьи в «Приднепровском Крае». Деньги получил — и еще раз большое спасибо.

4) То, что Вы пишете о Канте 28-го февраля, мне очень нравится. По возможности постараюсь познакомиться с его «*Religion*». О «*шестке*» для философутиков и о рве, вырытом Кантом, я согласен: боюсь, что это не ров, а пропасть…

5) О Гарнеффере в газетах не читал… Не сообщите ли, где справиться.

6) Еще раз мне хочется повторить, что Ваше оправдание Канта мне чрезвычайно нравится.

7) Вы пишете, что мне следует быть экзотеричным в печати, если я хочу приучить к себе публику. Но я никакого сериозного значения своим произведениям за исключением 4-х «*симфоний*», пожалуй, — *не придаю*. Мне всегда кажется, что это мое *временное* амплуа, которое отметется.

8) Вы пишете: «*голубой… нигде в природе не встречающийся, по котором я тоскую*»… Мне это кажется сказанным очень и очень сильно, потому что действительно: голубые цвета природы, краски, и т. д. суть цвета, имеющие определенное положение в спектре, а *голубой* молитвенного созерцания Христа есть цвет потусторонний, лежащий за *белым*… Не белый, а «*белый, тающий*» *на фоне внецветного*. Такой цвет не может быть втиснут в мещански голубой спектральный цвет.

9) Вы пишете, что Вам противно выражение «*начнем же дело делать*»… Мне тоже… Недавно у меня был Перцов проездом, и мы долго говорили об этом[3]. Он со мной соглашается *относительно Мережковского*. Он говорит, что еще впереди много времени. Но тут я шепну Вам на ухо: «Оно гораздо ближе, чем кажется… Быть может, через 3½ года *что-то* начнется…» Но это между нами, и мы *не должны делать ничего* (разве только молиться). Мы должны быть ясны и уравновешенны — должны с улыбкой успокоения смотреть в будущее, каким бы оно ни казалось.

10) Вы спрашиваете меня, кто такой Знаменский и Бухарев. Кто Знаменский — не знаю[4], а Бухарев церковный писатель из священников, много потрудившийся в вопросе о браке и мало кем читаемый.

Отвечаю теперь на письмо 22-го марта.

11) Да, конечно, в тот самый вечер, когда Вы сказали о Христовом чувстве, мы стали заговорщиками. Да и вообще *белые*

начала суть начала заговорные. Это, конечно, *белые* козни — тайно культивируемая уютность среди людей, для которых характерно следующее четверостишие:

«Куда нам деваться от ужаса, братья?
Куда нас порывы влекут буревые?
Бескровные губы лепечут заклятья…
Священна тоска в эти дни роковые…»[5]

И если Вы живете *белыми* настроениями или *бело-голубыми с оттенком пурпура*, вокруг Вас начинают распространяться и *белые* вибрации. И Вы становитесь волей-неволей благотворителем, подающим милостыню, хотя бы Вы лично этого и не сознавали.

12) Все, что Вы пишете о Серафиме, нисколько не изменяет моего отношения к нему, что было, то было, а что есть — тут вопрос сложный, запутанный и.... *прохожу мимо.*

13) «*Сгущенное*» толкование Фауста именно характерно Врубелю. Сгущенное, но не *пряное. Сгущенная интимность* на фоне *ужасной* меланхолии — это трагично, как-то невозвратно и жалко, жалко… В этой картине его, как и в картине «Муза»[6] (молодая женщина с невыносимыми глазами, матово-бледным лицом и золотым морем волос, на фоне грустно догорающей зари) — что-то роковое. Точно к интимной грусти «*подкрадывается, опять подкрадывается*» ОНО и шепчет: «А я *знаю* Вас, гуляющая пара» (Фауст с Маргаритой прогуливаются под руку в саду). Они отворачиваются, а ОНО качает цветами, спрятавшись; и *опять* говорит: «А я *знаю*… гуляющая пара».... Вот какой Врубель!

14) «*Geburt der Tragoedie*» Вы, вероятно, прочли уже. Это одна из моих интимнейше-любимых книг. Относительно ее, как и относительно «*Заратустры*» у меня составилось мнение, что все это уже было мне известно в момент рождения, но я забыл в суете и мне напомнили. Для меня деление на *александризм, аполлоновское* и *дионисовское* миропонимание (всегда *понимание, знание*, а не творчество) — незыблемая истина. Кто против этих категорий заспорит, я не буду в состоянии ему отвечать.

15) Пишу о концерте Николая Карловича[7]: несомненно он произвел чрезвычайно благоприятное впечатление на сонных олухов, именуемых публикой. Что же касается меня, то я в восторге и от его игры — «*знающей*», «*подмигивающей*» — и в то же

время удивительно благородной и корректной. Почти все произведения его (собственные) были бисированы единодушно. Особенное впечатление получилось от его прелюдии ко 2-ому альбому и от того отрывка из «*Stimmungsbilder*», который обозначен, кажется (программы у меня сейчас под рукой нет) «*Allegro con ira*». Вы, конечно, знаете, о чем я говорю. К сожалению, публика не совсем наполнила зал, что объясняется неудобным временем, выбранным для концерта Николаем Карловичем.

Исполнение бетховенской сонаты зачаровало меня в буквальном смысле слова. Вторая часть произвела на меня столь сильное впечатление, что я буквально не мог двинуться с места... так и застыл. Николай Карлович удивительный истолкователь Бетховена. Ему и Вам, дорогой Эмилий Карлович, я многим обязан в понимании Бетховена. Вы оба раскрыли мои прищуренные глаза на Бетховена (которого я еще раньше любил больше всех композиторов — но инстинктивно). Ужасна шумановская соната — я боюсь ее и отказываюсь что-либо писать. Вообще произведение гениальное.... Вакхический гимн, сыгранный на бис Ник<олаем> Карл<овичем>, потряс меня еще и еще полнотой дионисианского восторга. Не хватало сонаты, которую я так давно не слышал[8]. Непременно буду писать об альбоме в «*Мир Искусства*», только не теперь, а после экзаменов, которые придвинулись ко мне и как туча загородили все решительно[9]. В «*Мире Искусства*» по всей вероятности знают о Вашем брате: я долго говорил о нем одному из членов редакции, проездом находившемуся в Москве. Он очень заинтересовался Николаем Карловичем. В «*Мир Искусства*» я пошлю оттого, что не хочу пока иметь никакого дела с «*Новым Путем*». Причины на это следующие: 1) Я не совсем в хороших отношениях с Мережковскими не феноменально, а нуменально, 2) Перцов не захотел поместить одно мое письмо, ссылаясь на непонятность его для публики[10]. И хотя он меня просил присылать каждый месяц что-нибудь даже по нескольку строк, хотя мы с ним и в прекрасных отношениях, но я решил твердо не давать им ничего по крайней мере несколько месяцев.

Теперь отвечаю на письмо от 29-го марта.

16) Спасибо за утешительные для меня слова: «*„Hircus nocturnus“ превращается в бабушкина козлика*»....

17) Гётевское стихотворение до странного мило и близко мне. Читаю и перечитываю... Скользит незаметно и вкрадчиво прямо в душу.... И вдруг узнаешь, что заворожен... И уже силы нет избавиться. Спасибо, спасибо за него....

У нас Государь[11]. Не знаю — радоваться или печаловаться. Все-таки радуюсь. Почему-то я особенно люблю Николая II-го. От него добрые вибрации. Он знает и *белое* и *голубое* — мне так кажется. Насколько Александр III при всей своей разумности феноменальной был нуменально не то что *глуп*, а... *уп*.., настолько Николай II-ой нуменально осмыслен, если не *осведомлен*. Была характерная сцена: царь гулял по кремлевским стенам. Собрался народ и кричал «*ура*». Когда царь сошел со стены, его подхватили на руки, целовали и гладили. (?!)[12] Это — типично. У нас в Москве страшное брожение: «*новое*» искусство разливается вширь, стучит в двери; «*скорпионовская кучка*»[13] интересует всех: ее ругают, хвалят — но все интересуются. Словом, начался процесс ассимиляции. Образовалась целая порода молодых людей и девиц, которых газетные репортеры уже окрестили позорным по их мнению прозвищем «*подбрюсков*», «*брюссенят*», «*брюссиков*»... Характерно, что бывали случаи, когда Брюсовым увлекались *и* почтенные люди (даже старики). Какова характерная картинка — «*старички нового искусства*»!! Один из сих почтенных старцев в литературном кружке, обращаясь к декадентам, воскликнул: «Господа — вперед, вперед!» Его фамилия — Баснин (кажется)...[14] Литературно-художественный кружок[15] попал в объятия к декадентам: там читается почти сплошь о декадентах или читают декаденты. Большинство возражателей — декаденты; результат: каждое заседание — спор, почти граничащий со скандалом, и потом пережевываемый мелкими московскими газетками чуть ли <не> неделю. Раза два я имел неосторожность говорить там (по поводу реферата о Кальдероне и о символизме[16]), за что мои кости перемывали довольно долго, обрадовавшись, что Андрей Белый появился (а то стали сочинять версии о «*Симфонии*»; например: что авторы ее — приказчики какого-то книжного магазина etc.) Одна газетка даже прямо облила ушатом грязи. Знаменательно, что «*Скорпион*» — открыл свою контору на театральной площади[17], и что образуется двойник

«*Скорпиона*» — «Гриф»[18] — декадентское книгоиздательство. «Грифы» выпускают на днях альманах[19]; они просили напечатать мою 3-ью Симфония — «*Возврат*», к изданию которой приступят осенью[20]; кроме того они издадут в будущем сезоне сборник моих стихов[21]. Я очень рад их нарождению, а то «*Скорпион*» всегда переполнен и крайне медлителен (моя 1-ая симфония «*Рыцарь и Королевна*» появится, должно быть, года через два — не раньше[22]). Газетки делят теперь поклонников нового искусства на *скорпионов*, *ложно-скорпионов* и *грифов*, говоря, что двух гадин за глаза довольно для Москвы. Московские декаденты учредили еженедельные собрания в одном из ресторанов Москвы, который назвали по примеру парижских собратий (довольно бедная фантазия) «*Chat noir*» на радость газетчикам[23]. Вообще декаденты все больше и больше заявляют о себе. Если Москва будет прогрессировать в том же направлении, то, по словам Бальмонта, она превратится в декадентский городок менее чем через два года.

Кстати о Бальмонте: оный пиит, появившись в Москве после своей высылки, зачитал во всех обществах зажигательные рефераты в неимоверном количестве и стал злобой дня, возбуждая нападки и восторги. Последнее время я очень часто видал его, и всегда он производил на меня весьма серенькое впечатление, пока.... у редактора «*Грифа*» не пришлось в продолжение 6-ти часов укрощать пьяного Бальмонта... Тогда я увидел, что это человек очень и очень незаурядный, необыкновенно углубленный, но в обществе или... молчащий, или... шалящий... Беру назад свое мнение: Бальмонт не сер, а сквозь *желтое* пламя и серный дым лазурен. Не правда ли, странная комбинация? И он, сознавая странность ее, *молчит*; когда же напьется, то начинает *говорить*, называя себя не-Бальмонтом, восклицая: «О, бедный, бедный Бальмонт!.. Как мне его жалко!..»

И действительно: и в обществе, и во время прений, и во многих стихах он — жалок и непонятен, и предосудителен.

Вышли «*Северные Цветы*»... Мне хотелось бы, чтобы Вы прочли мой отрывок из «*ненаписанной мистерии*», помещенный там[24]. Если в Нижнем их нет, я пришлю Вам экземпляр.

«*Религиозно-философские*» собрания закрыты правительством[25]. Я жалею. Хотя, быть может, это — и пройденная стадия,

к чему не стоит возвращаться. Мережковские в будущем году все равно не принимали бы там участие; они — разочаровались; им — надоело. Буду ждать, что дальше…

Весь пост тянулась в «*Московских Ведомостях*» длиннейшая статья Басаргина о современных богоискателях[26]. Она написана с тактом, по-джентельменски, корректно, отдавая Мережковскому должное. Я этого не ожидал от Басаргина. Я — в восторге. Видно, он основательно и с *пониманием* (с «*пониманием*», на какое *он* способен) изучил исследование Мережковского[27]. Одно место у него прямо замечательно: он сравнил *свечение* («*мы — светимся*») со свечением огней вальпургиевой ночи. Он говорит: «Вальпургиева ночь уже начинается….. Древний хаос шевелится»….[28] Он кончил в великую субботу, обратившись к богоискателям с «Христос Воскресе», приглашая их ответить историческому христианству их ответное «воистину»… Эдакой прыти я не ожидал.

Дорогой Эмилий Карлович, прощайте. Желаю Вам всего, всего хорошего — Вам и Анне Михайловне. Христос с Вами.

Остаюсь любящий и глубокоуважающий

Борис Бугаев.

P. S. Пишите. Я же замолчу до после экзаменов. Простите меня за мое внешнее письмо. Сейчас у меня какое-то опустошение в способности выражаться. Посылаю Вам свои стихотворения.

Зов в безвременье

Шатаясь, склоняется колос.
Прохладой вечерней пахнет.
Вдали замирающий голос
В безвременье грустно зовет.

Зовет он тревожно, невнятно
Туда, где воздушный чертог.
А тучек скользящие пятна
Над нивой плывут на восток.

Шумит в лучезарности пьяной
Вкруг нас океан золотой.
Закат полосою багряной
Бледнеет вдали за горой.

И мир, догорая, пирует.
И мир славословит Отца.
А ветер ласкает, целует,
Целует меня без конца[29].

А вот стихотворение, характеризующее хорошую сторону Бальмонта и ему посвященное.

В золотистой дали
Облака, как рубины, —
Облака, как рубины, прошли —
Как тяжелые, красные льдины.

Но зеркальную гладь
Пелена из туманов закрыла;
И душа неземную печать
Тех огней сохранила.

И закрытые тьмой
Горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой
Еще с нами, о братья!»

Не боясь огнезарной луны,
Прожигавшей туманные сети —
Улыбались, священной весны
Все задумчиво-грустные дети.

Древний хаос, как встарь,
В душу крался смятеньем неясным.
И луна, как фонарь,
Озаряла нас отсветом красным.

Но ты руки воздев к небесам
И тонул в ликовании мира...
И заластился к нам
Голубеющий бархат эфира.

Огонечки небесных свечей
Снова борются с горестным мраком.
И ручей
Чуть сверкает серебряным знаком.

О поэт — говори
О неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
Ловят дети.

Говори о безумьи миров,
Завертевшихся в танцах.
О смеющейся грусти веков.
О пьянящих багрянцах.

Говори
О полете столетий:
Голубые восторги твои
Ловят дети…

Говори, говори…[30]

А вот стихотворение, которое я написал под влиянием одной струйки в жизни, которую заметил; а через несколько дней зашел ко мне один знакомый из «*знающих*» и говорил, что ему казалось эти дни, будто неведомый вампир подстерегает его. Не затемняло ли в продолжение этих нескольких дней крыло вампира *ясность* астральных горизонтов? Стихотворения, говоря откровенно, я побаиваюсь, как приключения для меня странного, посылаемого для испытания.

Вот оно:

Вампир

1.

Давно я здесь, в лесу — искатель счастья.
В душе моей столетние печали.
Я весь исполнен ужасом несчастья.
На холм взошел, чтоб лучше видеть дали.

Глядит с руин в пурпурном карлик вещий
С худым лицом, обросшим белым мохом.
Торчит изломом горб его зловещий.
Сложив уста, он* ветру вторит вздохом.

Так горестно, так жалобно взывает:
«Усни, мечтатель жалкий... Поздно, поздно»...
Вампир пищит, как ласточка, шныряет
Вокруг него безжизненно и грозно.

Ревут вершины в ликованьи бурном.
Погасли в тучах горние пожары.
Горбун торчит во мгле пятном пурпурным.
На горб к нему уселся филин старый.

2.

Гигант прошел во мгле виденьем длинным.
Его одежд затрепетала лопасть.
Истыканная золотом старинным
Над головою разверзалась пропасть.

Я задрожал — раздался вопиющий,
Далекий окрик, за собой манящий.
«Седой горбун — вампир, тебя сосущий,
Всегда следит он за тобой из чащи».

Молился я... И сердце билось, билось.
С вампирным карлом бой казался труден.
Был час четвертый... Небо просветилось
И горизонт стал бледно-изумруден.

Стал заклинать — и верил и заклятью.
Молил Творца о счастии лазурном.
Увидел вдруг — к старинному распятью
Был пригвожден седой вампир в пурпурном.

---

* *В автографе описка*: в

Я возопил восторженно и страстно:
«Зоря, зоря… И ужас обессилен…»
И мне внимал распятый безучастно.
Вцепившись в крест, заплакал старый филин[31].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 13. Помета красным карандашом: «XIII». Ответ на п. 21, 24 и 26.

[1] А. М. Метнер. Пасха в 1903 г. — 6 апреля.

[2] См. п. 20, примеч. 1.

[3] Этот визит П. П. Перцов описал в мемуарном очерке «Андрей Белый на Арбате» (1935), в котором, в частности, затронул инцидент «за вечерним чаем у Бугаевых»: «На Борю напали семейные элементы, во главе с его матушкой, обличая и осуждая ненавистный и непризнанный символизм. На Бориса Николаевича эти нападки действовали чрезвычайно тяжело и доводили его почти до нервного припадка. Видимо, в те ранние годы ему жилось нелегко в домашней атмосфере и приходилось даже здесь быть мучеником новизны» (РГБ. Ф. 653. Карт. 50. Ед. хр. 37).

[4] Петр Васильевич Знаменский (1836–1917) — церковный историк, профессор Казанской Духовной академии; автор брошюры «Богословская полемика 1860-х годов об отношении Православия к современной жизни» (Казань, 1902), упоминаемой в одном из писем А. П. Устьинского к В. В. Розанову, опубликованном последним («Из писем другов и недругов») в авторской рубрике «В своем углу» в «Новом Пути» (1903. № 2. С. 142–152). См.: *Розанов В. В.* Собр. соч.: Религия и культура. М.; СПб., 2008. С. 515.

[5] Автоцитата: заключительные строки стихотворения «Священные дни» («Бескровные губы лепечут заклятья…», 1901); в опубликованном тексте (*Андрей Белый.* Золото в лазури. С. 251–252) первая из приведенных строк: «Куда нам девать свою немощь, о братья?» См.: *СП — 1.* С. 172.

[6] «Муза» (1896; холст, масло) — в собрании М. А. Умновой (Москва).

[7] См. примеч. 18 к п. 24. Н. Метнер исполнил следующую программу: Бах — Токката e-moll из Партиты № 6; Бетховен — Соната D-dur op. 10; Мендельсон — Прелюдия D-dur и Фуга A-dur из op. 7; Шопен — Полонез es-moll из op. 26, Прелюдия Des-dur из op. 28; Шуман — Соната fis-moll op. 11; Скрябин — Этюд As-dur из op. 8; Метнер — Прелюдия Es-dur из op. 4, из «Картин настроений» op. 1: es-moll, Ges-dur, fis-moll, A-dur; Лист — Этюд («Ab irata») (программа — ГЦММК. Ф. 132. Ед. хр. 1320; приведена в комментариях З. А. Апетян в кн.: *Метнер.* С. 42–43).

[8] Подразумевается Соната f-moll (op. 5) Н. Метнера.

[9] Отдельной статьи о творчестве Н. Метнера Белый тогда не написал, но подробно охарактеризовал его цикл «Картины настроений» в статье «О теургии» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 114–119). Три года спустя Белый опубликовал отзыв о «9 песнях Гёте для голоса и фортепиано» (op. 6) Н. Метнера (Золотое Руно. 1906. № 4. С. 105–107).

[10] Об этом Белому сообщил Блок в письме от 20 марта 1903 г.: «Перцов нашел статью „О религиозных переживаниях“ непонятной и не хочет ее печатать. Отдал мне, чтобы я переслал Вам» (*Белый — Блок.* С. 54). Белый отвечал 25 марта: «...о моем письме в „*Новый Путь*“ <...>. Вполне допускаю субъективизм его и невозможность напечатания в „*Новом Пути*“. <...> Письма моего в „*Новый Путь*“ мне совсем не нужно» (Там же. С. 59). Ныне статья Белого «О религиозных переживаниях» опубликована по автографу, сохранившемуся в архиве Блока; см.: Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 4–9.

[11] Николай II с императрицей Александрой Федоровной и дочерьми прибыл в Москву 29 марта 1903 г. на страстную и пасхальную недели и отбыл из Москвы 16 апреля.

[12] Ср. описание «прогулки по Кремлевским стенам» днем 2 апреля 1903 г.: «...на Васильевской площади собравшиеся толпы не могли сдержать своей радости и восторга; раздалось единодушное *ура*, которое с этого момента все росло, усиливалось и достигло своего апогея у Никольских ворот. <...> Не проходя Никольской башни, Их Величества и Их Высочества спустились со стены в садик, прилегающий к зданию Судебных Установлений. Вся народная масса неудержимою волной, с радостными криками *ура*, бросилась чрез Никольские ворота на Сенатскую площадь, где также уже находилось многое множество народа. <...> Все устремляются ближе к Царю и Царице, никем и ничем не сдерживаемые. Вот Государь и Государыня уже в тысячной толпе; народ тесным кольцом окружил Их Величеств, у всех на лицах восторг и счастие. <...> Их Величества с трудом могли двигаться среди многолюдной толпы, отвечая на горячие приветствия народа, которые не поддаются описанию; у многих были на глазах слезы радости» (Пребывание Их Императорских Величеств в Москве // Московские Ведомости. 1903. № 92, 3 апреля. С. 2).

[13] Подразумеваются литераторы, объединившиеся вокруг московского модернистского издательства «Скорпион» (1900–1916).

[14] Николай Васильевич Баснин (1843–1918) — адвокат, коллекционер, специалист по гравюроведению.

[15] Литературно-художественный кружок — клуб деятелей литературы и искусств, функционировавший в Москве в 1898–1920 гг. См.: <*Шруба Манфред*>. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М., 2004. С. 107–110.

[16] Имеются в виду заседания Литературно-художественного кружка 11 марта 1903 г. с выступлением К. Д. Бальмонта «Кальдероновская драма личности» (см.: Новости Дня. 1903. № 7097, 11 марта. С. 2) и 18 марта 1903 г. с выступлением С. В. Потресова (Яблоновского) «Оригиналы и копии в новой поэзии» (в программе лекции: «Характерные особенности символизма и породившие его факторы», «Русский символизм как разновидность западного» // Там же. № 7104, 18 марта. С. 2). Второе заседание было высмеяно в стихотворном фельетоне Lolo (Л. Г. Мунштейна) «Оргия», в котором выведены Хор бесноватых, В. Брюсов, К. Бальмонт и др., а также Белый:

Андрей Белый
В реферате упущение
Вызывает возмущение:
Там ни слова нет про Белого!
Голос из публики
Что? Про белого бычка?
Андрей Белый
Про великого и смелого,
Гениально-скороспелого
Символиста новичка!
Потресов
Не слыхал об этом гении!
Андрей Белый (гордо)
Не слыхали? Прочь, смирение!
Напрягите слух и зрение
И падите ниц скорей:
(бьет себя в грудь)
Вот он Белый, вот Андрей!

(Новости Дня. 1903. № 7107, 21 марта. С. 3).

[17] Редакция издательства «Скорпион» и журнала «Весы» располагалась в гостинице «Метрополь» на Театральной площади и Охотном Ряду. Ср. свидетельство Б. А. Садовского: «Если встать перед огромным домом „Метрополь“, то с левой стороны (где памятник первопечатнику), войдя со двора в первый подъезд направо, можно подняться на лифте в редакцию „Весов“. Помнится, это пятый этаж <...>» (*Садовской Б. А.* «Весы» (воспоминания сотрудника) / Публ. Р. Л. Щербакова // Минувшее. Исторический альманах. 13. М.; СПб., 1993. С. 18).

[18] «Гриф» — модернистское издательство, существовавшее в Москве в 1903–1914 гг.; владелец и главный редактор — С. А. Соколов (Кречетов).

[19] Имеется в виду «Альманах книгоиздательства „Гриф“» (М., 1903), в нем были опубликованы восемь стихотворений Белого и его «Отрывки из 4-й симфонии» (С. 43–61).

[20] См. примеч. 18 к п. 20.

[21] Первая книга стихотворений и лирической прозы Белого «Золото в лазури» (М., 1904) была издана не «Грифом», а «Скорпионом».

[22] См. примеч. 16 к п. 16.

[23] «Chat noir» (*фр.* «Черный кот») — знаменитое парижское кабаре на Монмартре, открытое художником Родольфом Салисом в ноябре 1881 г. и закрытое в 1897 г., место встреч представителей литературно-артистической богемы. Одноименное заведение было открыто в Москве 28 марта 1903 г.; ср. газетный репортаж о «первом собрании наших декадентов»: «Наши московские модернисты <...> сплотились в маленькую кучку и, с опозданием лет этак на тридцать от своих парижских собратьев, основали свой местный „Chat noir“. <...> Московский „Chat noir“ помещается

в начале Пушкинского бульвара, в одной из грязноватых зал второклассного ресторана. <…> были налицо почти все участники собрания, состоящего из членов вновь нарождающегося книгоиздательства „Гриф“. <…> Юные „грифы“ ждали столпов „Скорпиона“ — мудрого ключника Тайн, „великого“ автора „Горящих зданий“ и „гениального“ творца „белой симфонии“. Но пришел только первый <…>» (*Б.* Московский «Chat noir» // Новости Дня. 1903. № 7117, 31 марта. С. 3. В тексте упоминаются В. Брюсов, К. Д. Бальмонт и Андрей Белый).

[24] См. примеч. 19 к п. 20.

[25] Указ Синода о запрещении Религиозно-философских собраний в Петербурге вышел 5 апреля 1903 г.; последнее, 22-е заседание состоялось 19 апреля. См.: *Половинкин С. М.* На изломе веков. О Религиозно-философских собраниях 1901–1903 годов // Записки петербургских Религиозно-философских собраний 1901–1903. М., 2005. С. 506–508.

[26] Имеется в виду опубликованный в «Московских Ведомостях» в 1903 г. цикл статей А. Басаргина (псевдоним А. И. Введенского) под общим заглавием «„Религиозное обновление“ наших дней», посвященный деятельности Религиозно-философских собраний и разбору публикаций в «Новом Пути»: 1) «Предварительный диагноз» (№ 52, 22 февраля); 2) «Астартизм» (№ 59, 1 марта); 3) «Розовое христианство» (№ 66, 8 марта); 4) «Религия конца» (№ 73, 15 марта); 5) «Свобода религиозной совести» (№ 80, 22 марта; № 83, 25 марта); 6) «Интеллигенция и Церковь» (№ 87, 29 марта); 7) «Воскресни Боже!..» (№ 94, 5 апреля).

[27] Подразумевается книга Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».

[28] Приводимых фраз в статье А. И. Введенского нет («древний хаос», «хаос шевелится» — цитаты из стихотворения Ф. И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..», 1836); в целом же ход рассуждений и оценки автора Белый интерпретирует весьма вольно. Введенский видит в сфере современного богоискания «фосфоресценцию» — «обманчивое светение тлеющего», и в этом отношении уподобляет ее Вальпургиевой ночи (сцена 21-я из 1-й части «Фауста» Гёте): «Это — тление не обновляющее, не подготовляющее душу к принятию духовного света, но лишь обманчиво фосфоресцирующее, манящее обольщениями и призраками, — подобно огням легендарных вакханалий в Вальпургиеву ночь. <…> Ведь если „немецкий пророк“ <…> поставил пред взором своих соотчичей и людей культурно им близких яркую картину столь внушительного предостережения, в форме блуждающих огней Вальпургиевой ночи, которая, судя по многим признакам, там уже и началась, — то не должно ли подобное, отразившись на нашей жизни как бы рикошетом, оказаться и у нас?..» (Московские Ведомости. 1903. № 94, 5 апреля).

[29] Опубликовано впервые в книге Белого «Золото в лазури» (С. 14–15) без заглавия, как 3-я часть цикла «Закаты»; в строфе III последовательность строк: 3, 4, 1, 2. См.: *СП — 1*. С. 84.

[30] Опубликовано впервые в книге Белого «Золото в лазури» (С. 3–5) как 1-я и 2-я части цикла «Бальмонту» (2-я часть — со строфы VII: «Огонечки небесных свечей...»); варианты заключительных строк: «чутко слышат притихшие дети. // Говори...» См.: *СП — 1.* С. 79–80.

[31] Опубликовано впервые в книге Белого «Золото в лазури» (С. 118–119) под заглавием «Пригвожденный ужас», без деления на части, без строф I–II 2-й части; варианты — ч. 1, строфа I, ст. 3: «Я весь исполнен ужасом ненастья»; ч. 2, строфа IV, ст. 1–3: «Я заклинал, и верил я заклятью. // Молил творца о счастии безбурном. // Увидел вдруг — к высокому распятью»; строфа V, ст. 2: «Заря, заря!.. Вновь ужас обессилен!» См.: *СП — 1.* С. 128–129, 424–425.

28. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Между 9 и 12 апреля 1903 г. Москва

Москва. 1903, а вернее Мировое
пространство в неизвестное время.

Дорогой Эмилий Карлович!

Это пишу Вам не я, канувший в лету, а то, оставшееся неизменным и не могущее меняться. Оно радуется своей свободе. Вот как все это произошло:

Сегодня я захлебнулся. Звенящее серебро — оно лизало мне лицо, как будто оно было озером, куда я погружался. Оно подступало к моим глазам, сверкая нестерпимо. Кто-то погладил меня и вздохнул. Струевые, влажные напевы хлынули в душу — струевые, струнные...

Очнувшись, я был *там*, но всё те же люди меня окружали. И они не увидели во мне перемен. Но я понял, что совершилось. Прежде я был здесь и заглядывал временами *туда*. Теперь я глядел *оттуда*. И они не увидели во мне перемен, хотя понял, что совершилось. Совершилось наводнение. Океан нежности недаром охватил меня своей прохладой. Волны Вечности выступили из берегов. Покатились вдоль суши. Мне утрожал потоп, но это был только потоп счастья.

Я опрокинулся. Бархатно-мягкая глубина глянула мне в сердце. И я канул в Вечность.

Я опрокинулся.

Произошло невозможное. Я вытеснил *оттуда* свое отражение. Оно всплыло на поверхность.

Тогда я взял «*Заратустру*» в русском переводе. И наткнулся на следующее: «*Была ли **это** жизнь?*» — *хочу я сказать смерти. «Добро! Еще раз вновь. Друзья мои, как вам кажется? Не хотите ли вы также сказать смерти: Это ли была жизнь? Ради Заратустры, хорошо! Еще один раз.* (Пьяная песнь)[1].

И я вновь живу, еще один раз.

Я живу, но не на земле, а в пространстве, где на каждом шагу вырыты колодцы. На дне их плещется струевое, влажное серебро — плещет струнные ласки — выплескивает. Плещет фонтанной лаской. Я умею кидаться в колодцы, чтобы вынырнуть в другой части пространства. Вот что мне захотелось вдруг сказать Вам, когда уж отправил письмо. Любящий Вас «*Кто-то*».

Мой товарищ перевел из Ницше:

Мой черед. Над местом лобным
Ворон радостно чертит.
Молча в нетерпеньи злобном
Вкруг толпа людей стоит.
Мой черед. Вот тенью красной
С страшной петлею в руках
Молча стал палач ужасный.
В хищном взоре тайный страх.
Мой черед. Со злобой страстной
Сотни глаз следят за мной.
Но *смеется* разум мой:
Я бессмертен — все напрасно.
Я *смеюсь* в лицо врагу.
Я кричу. Я жил, страдая.
Непрестанно умирая,
Я погибнуть не могу.
Сотни раз живой скелет,
Жалкий червь на дне могилы,
Вновь и вновь я — жизнь и свет.
И дыханье новой силы.
Я чудесный дар имею.

Перед ним трепещет свет.
Я бессмертным быть умею.
Для меня могилы нет.

Ницше.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 14. Помета красным карандашом: «XIV».

[1] Неточная цитата из 4-й части поэмы Ницше «Так говорил Заратустра» в переводе Д. Борзаковского (*Ницше Фридрих*. Собр. соч. Т. I. Так говорил Заратустра. С. 344). Ср. в переводе Ю. М. Антоновского: *Ницше*. Т. 2. С. 230 («Песнь опьянения»).

29. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

13–19 апреля 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 13 апр. 1903 года.

Мой дорогой Борис Николаевич! Оба Ваши письма XIII и XIV — я получил. Буду отвечать и по порядку. Но сейчас, пока, скажу вот что. Ваш *Вампир* и сопряженное с ним переживание — есть нечто смердящее. Это — Медузин ужас; это — Шиворот-На-Выворот. Это надо выкинуть, *не разглядывая*. Это тот ужас, в котором в сущности нет *ничего*; нéчего его и рассматривать. На нем — только *маска* того гнома, который навещает Вас; гном сам по себе довольно безобиден. Я в детстве испытывал некий ужас, который потом осмыслил, как Медузин; лежит ребенок, напр<имер> маленький Коля[1], я стою и с любовью смотрю ему в лицо; потом подхожу со стороны головы и засматриваю ему в лицо так, что верхняя часть лица стала нижней, а нижняя верхней; становится отвратительно-страшно; я пробовал (в детстве) проделывать то же самое и со взрослыми; с отцом, напр<имер>, когда он отдыхал на диване, — вовсе не так страшно: просто нелепо; но вот детское лицо, почему-то, — невыносимо! Привожу эту справку из глупого детства, чтобы экземплифицировать Вам ужас, заключающийся в полном отсутствии чего бы то ни было, кроме *точки зрения*. Не становитесь на такую точку зрения сам, а если Серый Вам подносит к глазам что-либо кувырком, то бейте его прямо в морду, как то советовал еще Гоголь[2]. —

19 апреля. Получил письмо от Алексея Сергеевича[3]. Скажите ему об этом при встрече, а также прибавьте, что его опасения насчет моего сомнения напрасны. Неужели он не помнит, что я с досадой указывал на неверие Мережковского в воскресение той самой плоти Христа, которая страдала на Кресте и не только страдала, но и перестала страдать и жить слитно с душою[4]. Алексей Сергеевич, конечно, читал мое письмо к Вам, в котором я сообщаю о нижегородской сплетне по поводу мощей ст<арца> Серафима[5]; но и тут не надо думать, что я смутился; поскольку я, подобно Вам, дорогой Борис Николаевич, прохожу мимо этого. Алексей Сергеевич прислал мне карточку свою; должно быть, он снимался по случаю государственных экзаменов[6]. Если и Вы тоже снимались и имеете лишнюю карточку, то пришлите мне, пожалуйста, о реванше я позабочусь. *Северные Цветы* я купил и Вашу мистерию прочел захлебываясь; помещение оной рукописи в печати — не одобряю[7]; пощадите себя; неужели Вам не будет больно от камней, хотя бы их бросали в Вас презираемые Вами «неповоротливые мужики с низин»; нет; Вы напрасно не считаете себя и писателем также: в Вас трепещет задорная, задирающая жилка писателя-«преторианца»[8]; Вы ждете с тайным удовольствием ударов, чтобы отражать их; отлично: я очень доволен; нуменальное само по себе, а… фехтовальное тоже само по себе. Итак, Ваши статьи в *Мире Искусства* пока помещены в двух номерах: 12 от 1902 и 1 от 1903?[9] Или были еще, кроме этих двух №№? Почему не выходит № 2 *Мира Искусства*? Уж не прекращается ли журнал? Пока до свиданья, буду писать подробнее! «Зубрите!» Анюта[10] Вам кланяется. Она восхищена *Мистерией*! Ах да! Надо высечь Зинаиду Николаевну. Я мерзостней никогда ничего не читал ее рассказа в *Сев<ерных> Цветах*[11, *].

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 14.
Ответ на п. 27 и 28.

[1] Н. К. Метнер.

[2] Вероятно, имеется в виду совет, данный Гоголем в письме к С. Т. Аксакову от 16 мая 1844 г.: «…ваше волнение есть, просто, дело черта. Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр.

---

* *Край листа обтрепан и около пяти слов не читаются.*

соч. Т. XII. <Л.>, 1952. С. 300). Письмо было впервые опубликовано в 1856 г. в «Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя» П. А. Кулиша, вошло в «Историю моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова (М., 1890).

[3] Имеется в виду письмо А. С. Петровского от 9–16 апреля 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[4] В упомянутом письме, говоря о мистических переживаниях — своих и Белого, Петровский признавался: «...думается, что помимо нашей воли, нашего стремления и стимула с нашей стороны благодать не действует на нас. Мне это внутренне ясно, это соотношение и связь. Но это не то, что разумеет Мережк<овский> под своими „видениями-молниями“. <...> Это совершенно спокойное, постоянное самочувствие, очень тонкое и в самой глубине».

[5] Имеется в виду п. 24.

[6] Экзамены на физико-математическом факультете Московского университета, который Петровский окончил весной 1903 г.

[7] См. примеч. 19 к п. 20. В рецензии на «Северные цветы» Метнер отозвался об «отрывке из ненаписанной мистерии» Белого: «*Пришедший* — есть плод слишком недозрелый, но за то с гениальными намеками, — вещь, коей, собственно говоря, не следовало бы появляться в печати, во избежание прикосновения к ней наших зоилов, лишенных чувства осязания; в качестве мистерии она должна была бы оставаться достоянием немногих <...> равно удивительны в ней и неослабевающий пафос очень большой души, и неистощимый запас совершенно новых словесных и звуковых комбинаций; вся вещь написана одним героическим броском. Перед нею бледнеет все, вышедшее до сих пор из так называемого „декадентского“ лагеря в России, если не считать *Симфонии* того же автора» (Приднепровский Край. 1903. № 1840, 9 июня. Подпись: Э.).

[8] Преторианцы — гвардия древнеримских императоров. Белый уподобил им «декадентов» в статье «Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам» (Хроника журнала «Мир Искусства». 1903. № 7. С. 67).

[9] В «Мире Искусства» к тому времени были опубликованы две статьи Белого — в № 11 за 1902 г. («Певица») и в № 12 за 1902 г. («Формы искусства»).

[10] А. М. Метнер.

[11] В рассказе З. Н. Гиппиус «Месса (Переводная картинка)» (С. 65–73) были прослежены аналогии между эротическими и религиозными переживаниями. Метнер писал о нем в рецензии на «Северные Цветы»: «Г-жа Гиппиус идет дальше всех в панибратстве со святыней. Она не только определяет неопределимое, приближает далекое, но и соединяет несоединимое. <...> Г-жа Гиппиус думает, должно быть, что она, в лице героини своего рассказа, представила наглядный пример двух полярных противоположностей. Между тем, она лишний раз доказала, что поверхностность нередко сочетается с экспансивностью... и только» (Приднепровский Край. 1903. № 1841, 10 июня. С. 2). Ср. отзыв о том же рассказе в письме Метнера к А. С. Петровскому от 26 апреля 1903 г. (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 198).

30. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

19 апреля 1903 г. Москва

Дорогой и многоуважаемый Эмилий Карлович,

Никак не думал, что напишу Вам. А вот случилось, что пишу.

Прежде всего простите за мою предыдущую дикость: я не помню, что написал, но кажется, — чепуху порядочную[1].

Извиняюсь... и снова впадаю в чушь...

Мне хотелось бы Вам сообщить об одном способе уплывания на корабле Арго за золотым руном.

Мне кажется, что я ушел *туда*; мое прежнее бедное, маленькое «*я*» трепещет и бьется на «*Мне*», как перевернутая одежда. Я — выворочен наизнанку, но *сохранил свои прежние контуры*. Вот почему в жизни никто не замечает во мне никаких перемен — я все тот же, но это потому, что люди судят по *контурам*. Для «*невидящих*» тамошнее я — черный контур, очерчивающий границу между освещенным солнечным светом пространством и внецветным хаосом.

Если бы они пригляделись ко мне, они не *допустили* бы меня — они не допустили бы, чтобы *черный контур* существовал рядом с ними. Но они не умеют даже пристально смотреть: они допускают меня.

Мне легко. Как тень, плаваю я среди людей, делая вид, что хожу. А они говорят: «*У вас быстрые ноги*». Мое желание солнца все усиливается. Мне хочется ринуться сквозь черную пустоту, поплыть сквозь океан безвременья; но как мне осилить пустоту? Ведь там я — *черный контур* — сольюсь с хаосом: я не достигну солнца.

Стенька Разин все рисовал на стене тюрьмы *лодочку*, все смеялся над палачами, все говорил, что сядет в нее и уплывет[2]. *Я знаю, что это*. Я поступлю приблизительно так же: построю себе солнечный корабль — Арго. Я — хочу стать аргонавтом. И не я. Многие хотят. Они не знают, а это — так.

Теперь в заливе ожидания стоит флотилия солнечных броненосцев. Аргонавты ринутся к солнцу. Нужны были всякие отчаяния, чтобы разбить их маленькие кумиры, но зато отчаяние обратило их к Солнцу. Они запросились к нему. Они измыслили немыслимое. Они подстерегли златотканные солнечные лучи,

протянувшиеся к ним сквозь миллионный хаос пустоты — всё призывы: они нарезали листы золотой ткани, употребив ее на обшивку своих крылатых желаний. Получились солнечные корабли, излучающие молниезарные струи. Флотилия таких кораблей стоит теперь в нашем тихом заливе, чтобы с первым попутным ветром устремиться сквозь ужас за золотым руном. Сами они заковали свои черные контуры в золотую кольчугу. Сияющие латники ходят теперь среди людей, возбуждая то насмешки, то страх, то благоговение. Это рыцари ордена Золотого Руна. Их щит — солнце. Их ослепительное забрало спущено. Когда они его поднимают, «*видящим*» улыбается нежное, грустное лицо, исполненное отваги; невидящие пугаются *круглого черного пятна*, которое, как дыра, зияет на них вместо лица.

Это всё аргонавты. Они полетят к солнцу. Но вот они взошли на свои корабли. Солнечный порыв зажег озеро. Распластанные золотые языки лижут торчащие из воды камни. На носу Арго стоит сияющий латник и трубит отъезд в рог возврата.

Чей-то корабль ринулся. Распластанные крылья корабля очертили сияющий зигзаг и ушли в высь от любопытных взоров. Вот еще. И еще. И все улетели. Точно молньи разрезали воздух. Теперь слышится из пространств глухой гром. Кто-то — палит в улетевших аргонавтов из пушек. Путь их далек... Помолимся за них: ведь и мы собираемся вслед за ними.

Будем же собирать *солнечность*, чтобы построить свои корабли! Эмилий Карлович, — распластанные золотые языки лижут торчащие из воды камни; солнечные струи пробивают стекла наших жилищ; вот они ударились о потолок и стены... Вот все засияло кругом...

Собирайте, собирайте это сияние! Черпайте взорами эту льющуюся светозарность! Каждая капля ее способна родить море света. Аргонавты да помолятся за нас![3]

Остаюсь глубоко преданный и любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне.

P. P. S. Кажется, «*Новый Путь*» закрыт по доносу Грингмута...[4] Мерзость, мерзость!!

Москва. 1903. Апреля 19-го.

P. P. P. S. Дорогой Эмилий Карлович, не пришлете ли Вы мне своего портрета? Мне бы было так приятно иметь его у себя! Пожалуйста, сделайте мне это удовольствие.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 15. Помета красным карандашом: «XV».

[1] Подразумевается п. 28.

[2] Одна из народных легенд о Разине. Ср.: «Привезли его в Москву и посадили в тюрьму. Стенька дотронулся до кандалов разрывом-травою — кандалы спали; потом Стенька нашел уголек, нарисовал на стене лодку, и весла, и воду, всё как есть, да, как известно, был колдун, сел на эту лодку и очутился на Волге. Только уж не пришлось ему больше гулять: ни Волга-матушка, ни мать — сыра земля не приняли его» (*Костомаров Н.* Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859. С. 234–235).

[3] Образный строй этого письма нашел непосредственное отражение в двухчастном стихотворном цикле Белого «Золотое руно» (1903), опубликованном в его книге «Золото в лазури» (см.: *СП — 1.* С. 81–82). Античный миф об аргонавтах, отплывающих за золотым руном, стал объединительным символом для сгруппировавшегося в 1903 г. вокруг Белого и Эллиса сообщества «аргонавтов», которое Белый подробно изобразил в воспоминаниях (*НВ.* С. 20–132).

[4] Недостоверное сообщение, отразившее, однако, угрожающее положение, в котором оказался «Новый Путь» в апреле 1903 г., после закрытия Религиозно-философских собраний и нападок на него в печати. 6 апреля 1903 г. З. Н. Гиппиус писала П. П. Перцову: «Думаю, дело кончено <...> Опасность запрещения так велика, что для сохр<анения> журнала нужно <...> почти чудо»; 14 апреля — ему же: «...думаю, что надо во что бы то ни стало сохранить журнал <...> Исчезнет журнал — все замрет на долгое время <...>. Невероятная шумиха, которую поднял журнал и наши „общие“ задачи — дает громадные надежды» (Русская литература. 1992. № 1. С. 136, 137. Публикация М. М. Павловой). См.: *Максимов Д.* «Новый Путь» // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., 1930. С. 246–248.

31. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

28 апреля — 2 мая 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород. 28 апреля 1903 года. Дорогой Борис Николаевич! Сегодня полнолуние; послезавтра Вальпургиева ночь[1]; сочетание чрезвычайно выгодное для участников последней; будет веселье при свете полной луны. По этому случаю цитирую Вам из Classische Walpurgisnacht (Faust II)[2] молитву Анаксагора, обращенную к луне[3]: Anaxagoras (nach einer Pause feierlich):

Konnt ich bisher die Unterirdischen loben,
So wend ich mich in diesem Fall nach oben.
— Du! droben, ewig Unveraltete,
Dreinamig-Dreigestaltete,
Dich ruf ich an bei meines Volkes Weh,
Diana, Luna, Hekate!
Du Brusterweiternde, im Tiefsten Sinnige,
Du Ruhigscheinende, Gewaltsam-Innige,
Eröffne deiner Schatten grausen Schlund!
Die ***alte Macht*** sei ***ohne Zauber*** kund![4]

(9 = 1; ?)[5]

Гёте(вский Анаксагор) хочет, чтобы ***древняя мощь***, ныне доступная лишь при помощи ***заклинаний***, проявлялась, как некогда, непосредственно... Кстати скажу: что бы Гёте ни сказал, у меня никогда не бывает мутного осадка от его слов; того осадка, от которого я до сих пор не могу отделаться после прочтения *Северных Цветов*, разумеется Ваши и отчасти вещи Блока — тут не в счет[6]. Подробнее о *Сев<ерных> Цветах* — в последнем моем письме Алексею Сергеевичу[7]. Письма наши, в которых мы говорим о фотографиях[8], встретились на полпути из Нижнего в Москву. Вы, конечно, мое получили? Оно — незаказное. В нем я говорю о Вашем «Вампире».

Дорогой Борис Николаевич! Собственно говоря, я, как следует, не ответил Вам ни на одно из последних Ваших четырех писем: XII–XV. Я вижу, я делаю ошибку, что не отвечаю тотчас; при перечитывании Ваших писем я уже не нахожу в себе тех рычагов, которые при первом прочтении подымали в моей голове ряд восторженных согласий, резких несогласий с Вашими положениями и ви́дениями. Бессознательно все, с жадностью воспринятое, перерабатывается, перекраивается, сглаживается, а так как напряженного подъема мысли у меня нет, то когда я собрался наконец отвечать, мысль уже уснула. Поэтому теперь поневоле приходится быть кратким и сухим. 1) «Я возвратился»; верьте, что по спирали. В более слабой, нежели у Вас, степени эти возвращения я подмечал и в себе. 2) «Чувствую — настала и для меня полоса молчаливого плавания, а порой и умолчания...» Это всегда сопровождает ощущение «я возвратился»: «А?! Да! Теперь понимаю! Но не скажу никому! Скажу только часть, приблизительно, и непременно

так, как говорят детям, образно и не без некоторого ломания, которое противно самому себе, но которого, знаю, в момент, когда заговорю, не избегну; не избегну потому, что ломание это — щит, забрало, маска, защищающая мое «святая святых» от нескромных взоров; важно только, чтобы это ломание было an und für sich* красиво… Кстати, скажу Вам по поводу вращения Вашего (не по спирали), а во чреве (не кита, а) Скорпиона[9]: «умалчивайте порою». Помните речь, обращенную Заратустрой к Höheren Menschen**: «Habt heute ein gutes Misstrauen …nackten Mädchen zusahn.....» (Von der Wissenschaft ibidem)[10]. — 3) «Соната Шумана (fis-moll) — ужасна». Да, Вы правы; но знаете ли Вы, что в ней ужасно? в ней неутомимое и при том отнюдь не физиологическое (как в Тристане Вагнера[11]), а эстетическое любование, жениховство двух полов доведено до ужаса, до зеркального ужаса: как одно зеркало в другом отражается, смотрится мужское в женское, женское в мужское и опять обратно и так далее, и т. д. до бесконечной глубины. — 4) «Море вечернего золота в небе опять разлилось»[12]. У нас последние дни удивительные закаты — золотисто-красноватые; наблюдая их, мы с Анютой[13] жалели, что Вы не присутствуете и не можете нам прочесть, чтó написано на «облачно-грозных твердынях»[14]; в самом деле; что-то каждый день, в течение последней недели, пишется на облаках темно-красными непонятными рунами. 6) Так как Вы продолжаете называть ров, вырытый Кантом, «пропастью», то я Вам ни за что не посоветую прочесть его *Religion*[15]. В этом сочинении надо многое простить про-тестанту, про-фессору, про-стаку, qui censuit coelestia procul a cognitione nostra esse***; в то же время иметь в виду, что Кант крайне интересовался Сведенборгом и написал свою книгу против него[16], только когда убедился, что в шведском фантасте много гримас. Нет! Пока не читайте *Religion.* Новых знаний это Вам не даст, а то, что Вы уже знаете, во что верите, не утвердит, т<ак> к<ак> читая *Religion*, Вы будете все равно видеть «пропасть» вместо рва; для меня это сочинение, первая половина его,

* Само по себе (*нем.*).

** Высшим людям (*нем.*).

*** Кто считает, что небесные проблемы далеки от нашего понимания (*лат.*).

одна из утешительнейших; разумеется, держась теории «рва» и различая моралитет Канта от имморалитета Ницше, с одной стороны, и этики всех остальных систем, с другой. Кто последнее упустил из виду, тому кантовская религиозность неизбежно представляется плоской подстановкой ходячей нравственности вместо религии. Моралитет Канта ближе к имморалитету Ницше и к системе воззрений внενравственной святости, нежели к этике любого философа. Суть и сила нравственного учения Канта в форме, в конститутивных и регулятивных принципах, а не в том налете буржуазной добродетели, которая нечаянно очутилась в работе опрятного и любезного холостяка-профессора. Итак, подождите читать Religion. 7) Горнеффер венский профессор-ницшеанец; его описание внешности больного и мертвого Ницше я прочел в *Новостях Дня* с месяц тому назад[17]. Недавно я прочел в биографии Клингера, что последний страстный поклонник Ницше, знал его лично[18]: понятно, что ему, как никому, удалось создать его портрет. Кстати, Клингер — личность весьма и весьма значительная и... подозрительная. Видели Вы его Христа в гостях у Олимпийских богов?[19] — Невозможное, нежное и т. д.[20] — 8) Я согласен, что амплуа писателя — «временно» для Вас, но только в противоположность «вневременному»; но ждать, что оно *здесь* отметется, — нечего; разве если Вы станете монахом или «уплывете» от нас, как Ницше, но только гораздо скорее и раньше его; ни того, ни другого я Вам не желаю; во всяком случае, не желаю, чтобы это произошло вскоре, а потому *феноменально* будьте, чем Вам быть надлежит, а, следовательно, работайте *феноменально* же над своими жестами, как работает дирижер, который знает, что это хотя и не *важнейшее*, но *необходимейшее*, иначе он не будет занят (не толпою слушателей, до которых ему не должно быть дела, а музыкантами, коими он водительствует). — 9) Чтó Вы говорите о Geburt der Tragödie, очень верно. Жаль только, что сочинение это несколько испорчено зерном Шопенгауэровской мысли; антитеза: Intellekt — Wille* вторгается то в антитезу Apollo — Dionysus, то Sokratismus — Dionysus. Антитезы Ницше — плодотворны не менее Intellekt — Wille, но к этому

* Воля (*нем.*).

в них нет деспотизма абстрактной мысли. Не знаю, ясно ли я выразился? В тисках Wille — Intellekt мне всегда было более не по себе, нежели в каких-либо других... Дивное произведение — Geburt der Tragödie, но сколько там *умолчаний*; стоит взять том IX («аргонавты» обязательно должны читать II отделение сочинений Ницше)[21] и почитать наброски к Geburt der Tragödie; сколько там смелых и неожиданных (для тех, кто берет Ницше с его доступной свободомыслящей антихристианской стороны) обмолвок. Нет! не неприязненно в *Tragödie* молчание о христианстве, как то ошибочно писал Ницше в своем предисловии в 1886 г. к весеннему своему творению, появившемуся на свет в 1872 г.[22]; это молчание — до поры до времени, молчание почтительное; еще не решен был им вопрос, куда девать die schönste Frucht des Christenthums, des Johannisevangelium* (как он называет последнее в IX томе[23]); к сожалению, потом, потом он... ну Вы знаете, что потом... Я не стану цитировать оттуда; скажу только, что *ненависть Ницше к христианству сильно подвержена сомнению* для того, кто прочел IX том. 10) За что был выслан Бальмонт?[24] Эта «польская панна»[25], неужели она опасна для политического порядка? Неужели ее «поцелуи» (см. стих<отворение> Виктора Гофмана) ядовиты не только в эротическом отношении? Кстати: что это за фокусник Касперович?[26] Не тень ли Пшибышевского? К чему этот полонизм пустоцветный в среде московского декадентства? Не становится ли все это достоянием толпы, а следовательно общим местом? Что это за вакханалия с Ewigweibliche?!** Все это порядком противно! 11) Ваше XIV письмо, датированное «мировое пространство, в неизвестное время», не удивило меня. Волнообразное движение по новой плоскости спирали. Вы почувствовали, что началось что-то новое и в то же время знакомое, старое (аналогичная точка двух плоскостей спирали); Вам страшно захотелось «умолчать»; но когда стало все ясно, как «струевое серебро», Вы не выдержали и высказались; но ничего не высказали, а только нарисовали «кого-то»; нечего высказывать: нового Вы словесноопределимого и не узнали, а только некий мотив, который прекрасно передали

* Прекраснейший плод христианства, Евангелия от Иоанна (*нем.*).

** Вечно женственное (*нем.*).

в серебристых струнных звуках. — 12) (*29 апреля*). То, что Ваш товарищ перевел из Ницше, очень интересно, но, кажется, страшно вольно: по крайней мере я знаю только одно стихотворение Unter Feinden (Nach einem Zigeuner-Spruechwort)[27], которое могло бы быть названо оригиналом этого перевода. Отчего Вы не написали заглавия? Может быть, это перевод совсем другой, схожей с указанной мною вещью? — 13) С большим удовольствием презентую Вам свой портрет и жду Вашего. Если Вам нравится тот, что я послал Петровскому, то я и такой могу выслать; мне же самому кажется, что лучший (не удачнейший в «женском» смысле) это снимок, который сделал с меня Коля (брат), когда я готовился к государственному экзамену[28] и сидел над толстейшими пандектами; там всего сильнее выразилась черта, которая подмечена Вами и Петровским в портрете, сделанном с меня кузеном Штембером[29]. — 14) Ваше 15-ое письмо являющееся (несмотря на (совершенно напрасные) извинения) прямым продолжением письма 14-го, знакомо, знакомо, дорогой Борис Николаевич, мне это переживание: не в состоянии я только словесно выразить так ярко его, как это делаете Вы: если бы я был пианист или дирижер — я бы в такие минуты совершал бы чудеса; в *слове* же я слишком сократичен не от сократить. Чтобы показать Вам, что я Вас понимаю, я укажу Вам на *Фантазию* Шопена[30]; Коля ее играет именно так, что можно в ней прочесть то, о чем я сейчас хочу сказать Вам. Попросите его сыграть ее Вам. На Шопена я указываю Вам сейчас, потому, что у бóльших, нежели он, музыкальных гениев, «ухождение туда, выворачивание наизнанку с сохранением своих прежних контуров, уплывание к солнцу на корабле Арго» обычнее и менее контрастирует с их буднями. Ведь есть и «райские будни»; так метко Коля называет, напр<имер>, IV концерт Бетховена…[31] (его играет Гофман). Но Шопеновские не райские будни в его *Фантазии* внезапно, как разрыв сердца, впадают в страшно контрастирующее торжество; это впадение, этот выпад так сильно сделан настолько выше, далеко выше всего остального, написанного им, что невольно говоришь себе: здесь Шопен сумел сделать невероятное, прыгнул выше самого себя. Вот поэтому, дорогой Борис Николаевич, я и рекомендую Вам для разнообразия, как (в данном случае у того, кто «и не знает,

что хочет быть аргонавтом») в музыке дается, показывается это «уплывание». Если Вы внимательно вслушаетесь в *фантазию*, то Вы увидите, как аргонавт проходит один за другим поясы небесной сферы, отделяющей его от солнца… Чтобы знать это место, спросите Колю, где «прохождение небес». 15) Ваша (с позволения сказать) статья об Олениной наконец попала мне в руки[32]. Она произвела на меня впечатление, схожее с тем, какое я имею от Ваших писем, но несколько испорченное тем, что Ваши интимнейшие излияния я читаю не в рукописи, а в строгих столбцах ровненьких букв; этого не следовало печатать; выдержки из Вашего письма Мережковскому, напечатанные в *Новом Пути № 1*[33], — куда стройнее и яснее; многие Ваши письма ко мне более удобопечатаемы, нежели эти излияния в музыке, искусстве an und für sich* непонятнейшем. Впрочем, я с восторгом прочел отдельные места: о Маргарите, о Двойнике, о сдержанном ужасе Шуберта и Шумана… Куриозно, что в том же номере в отделе хроники помещена заметка о той же Олениной; и в заметке этой некто, очевидно именно в *музыке* ничего не смыслящий, отзывается о ней пренебрежительно[34].

(*30 апреля*) 16) Прочел я сейчас и Вашу нашумевшую тираду о формах искусства[35]. Я решительно недоумеваю, на что обозлились философутики? Неужели они и *этого* не поняли? Неужели их рассердила только терминологическая некорректность? Неужели надо им согласиться с кем-нибудь или придираться, а нельзя просто понять?.. Что касается меня, то Вы можете себе представить, дорогой Борис Николаевич, что я не встретил в Вашей статье ничего нового для себя. Нет в ней, на мой взгляд и ничего крупноошибочного. О частностях не стоит говорить, т<ак> к<ак> едва ли Вы сами очень убеждены в окончательности Ваших формулировок… Если бы Вы *говорили* (а не писали), я бы, прерывая Вас, вставлял бы кратко свои поправки и возражения, а теперь — не сто́ит. Я доволен, что еще прошлым летом, как раз перед началом цензурной деятельности набросал *первую* статью о Вашей *симфонии*; в этой статье я рассматриваю еще кратче, еще в несколько раз доступнее, поверхностнее, «газетнее», тот

* Само по себе (*нем.*).

же вопрос, который Вас занимал в *Формах Искусства.* Я намеревался размахнуться о Вашей *Симфонии* в трех фельетонах *Приднепр<овского> Края*, да моя цензура помешала. Когда выйдет *Гриф*[36], вернее когда он получен будет в здешних книжных лавках, я куплю его и тогда буду писать по поводу двух симфоний: 2-ой и отрывка 4-ой...[37] Итак, я доволен, что это введение уже мною написано почти год тому назад; а то я невольно после Вашей статьи *Формы Искусства* копировал бы ход Ваших мыслей. Ваша статья знаменательна как попытка, одна из первых наметить новую эстетику; это то, о чем я мечтал, о чем я исписывал массу бумаги и с чем не имел ни смелости, ни возможности выступить. Должен Вам сказать, что все это (а также и то, что по существу сказано) мне известно давно больше 10 лет, когда я не знал Ницше и почти не знал Шопенгауэра.

17) Гениально Ваше четверостишие «Черный бархат усыпан так щедро» и т. д.[38] — О *Пришедшем молчу*: это не подлежит критике, также как Ваши письма: скажу только, что «есть только неизменное, старинное»[39]; обстановка, среди которой происходит действие (вернее: накапливается напряжение) Вашей мистерии, напомнила мне, как мы втроем[40] год тому назад до часу ночи, при свете луны, говорили на сквере Христа Спасителя, при свете луны, которая «взошла и заогневела, вознесясь; а потом на нее стало наплывать что-то темное, темное»[41], но «горели звезды счастьем незабытым...»[42] Мне чужда та напряженность ожидания, дорогой Борис Николаевич, которая охватывает Вас порою. Я понимаю ее. Я вижу признаки, но думаю, что все это было когда-то; когда же Он придет, того не знаем мы; мы должны быть готовы принять его каждую минуту, должны готовиться, но не метаться в нетерпении. Все это не исключает, конечно, колоссальной силы Вашего таланта, которая сказалась в этом недозрелом плоде Вашей первой юности. Недозрелость же эта сказывается в чрезмерности какого-то ултранео- или неоултраромантического стиля, понимая романтизм не в смысле мировоззрения, а в смысле манеры, хватки. В художественном отношении Ваши стихи (некоторые) и симфония[43] значительно зрелее и прекраснее... Да, впрочем, я так осмеливаюсь рассуждать, быть может, только потому, что, повторяю, я больше всех сочувствую Михаилу, который, кстати

сказать, куда-то и почему-то совсем исчезает; я не разделяю только его разочарованности и безо всякой печали готов воскликнуть: «Все новое — старое; существует лишь неизменно-забытое, вечное, старинно-милое, постоянное»[44]; я не согласен с ним, что Дмитрий, Сергей да и он сам раньше «играли комедию»[45]; нет; тут искренно все (не без неизбежного для человека ломания в проявлении этой искренности); и то, и это; различие — в темпераментах. Я не стану!.. Однако довольно... Всего хорошего, дорогой Борис Николаевич! Не подражайте Алексею Сергеевичу и пишите только от избытка сердца и времени. Ваши письма и письма Алексея Сергеевича — одно из главных моих утешений в ссылке, иначе назвать я не умею жизнь в этом отвратительном (не по местоположению и т. д., а по культуре) гнезде. Кстати, вы *совсем* без юмора обойтись не в состоянии. Развивайте юмор. В нем залог Вашего равновесия не мистического, а эстетического... Ваш Михаил пощипывает бородку[46], как я; его бородка так же торчит вперед... Я его вижу. Э. Метнер.

P. S. Кончаю письмо. Walpurgisnacht* не удастся, несмотря на полнолуние. Пошел дождь, который, судя по небу, не прекратится; «море вечернего золота» не «разольется» в небе[47]; луна не выплывет; а ведьмы, рискнувшие выстрельнуть из трубы, схватят насморк и раскиснут, как мокрые курицы. — *1 мая.* Не удалось вчера кончить. К вечеру погода разгулялась, а у меня на душе стало очень тоскливо, нудно и пусто. Гадкого цвета луна как-то незаметно по-змеиному выползла на горизонт. Мое злорадство по адресу ведьм оказалось преждевременным...... Скажите, дорогой Борис Николаевич, разве *Новый Путь* и *Мир Искусства* прекратили свое существование? Сейчас пришло письмо Алексея Сергеевича[48]. Скажите ему, что очень счастлив и рад его быстрому ответу, но в то же время склонен пожурить его за это; отнимать столько времени от подготовки к экзаменам не следует. Свободное от подготовки время надо гулять, слушать музыку, а не просиживать по три часа за письменным столом. — P. S. (2 мая) Никак не могу кончить и никак не могу решиться отправить Вам это письмо. Вот уж больше недели я не могу, словно

---

* Вальпургиева ночь (*нем.*).

старая баба, отвязаться от мысли, что Вы *нуменально* отошли далеко от меня и Коли… А раз так, то Вы не разберетесь в моей мазне. Поймете вкривь и вкось и т. д. Поймете только умом. Осудите за многое… Не сердитесь, дорогой Борис Николаевич, и не бросайтесь из-за этого моего признания скорее отвечать мне. Я не хочу, чтобы Вы теряли драгоценное время. Но не сознаться Вам в этом ощущении я не мог, т<ак> к<ак> даже если оно и вздор (в чем я глубоко уверен), то все-таки что-нибудь оно да означает, а потому его необходимо фиксировать. Мне бы не хотелось, чтобы Вы об этом рассказывали даже Алексею Сергеевичу. Итак, пишите, не принимая во внимание мнимой необходимости возражать мне на мое признание. Будьте здоровы. Разделывайтесь скорее с экзаменами. При встрече с Карлом Карловичем[49] не стесняйтесь спросить его о моей карточке. Передайте мой привет Вашим родителям. Анюта Вам кланяется, я регулярно забываю передавать Вам ее приветствие. До свиданья. Христос с Вами.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 15. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 199.

Ответ на п. 25, 27, 28, 30.

[1] День поминовения святой Вальпургии — 1 мая; в языческих верованиях ночь на 1 мая — праздник весны и свободного сочетания любящих.

[2] «Классическая Вальпургиева ночь» — сцена из акта II части 2-й «Фауста».

[3] Приводимая далее цитата — из сцены «У верховьев Пенея, как прежде» («Am obern Peneios wie zuvor») («Фауст», ч. 2, акт II).

[4] В подстрочном переводе: «Анаксагор (*помолчав минуту, торжественным голосом*). Если я до сих пор благоговел пред божествами подземными, то теперь возношу мольбу к высшим сферам. О ты, вечная, никогда не стареющаяся, троеликая и троеименная богиня! К тебе взываю я в годину бедствия моего народа! Диана, Луна, Геката! Ты, освежающая грудь, прозревающая глубочайшие тайны, спокойно сияющая, проницательная своей страшной силой! Яви пред нашими глазами ужасную пучину твоих тайн и покажи твое могущество без помощи колдовства» (Фауст, трагедия Гёте / В переводе и объяснении А. Л. Соколовского. С. 126).

[5] Цифровая формула отсылает к исчислениям Белого (п. 10).

[6] См. примеч. 19 к п. 20, примеч. 7 к п. 29. Давая в целом весьма скептическую оценку альманаха (в большинстве напечатанных в нем произведений, по его мнению, «слово <…> банкротится в не совсем чистоплотных руках виртуозов»), Метнер дал высокую оценку «Пришедшему» Белого и его

стихотворному циклу «Призывы»: «Андрей Белый видит за внешним миром иной, который однако отчасти в своих отношениях поддается приблизительной передаче путем условного и утонченного языка видимостей; это — истинный символизм, — тот, который встречается у всех великих поэтов. <...> Андрей Белый далеко не всегда верно рассчитывает; сторона нуменальная нередко доминирует; поэтому съемки часто непосвященному взору должны казаться будто разорванными, но в деталях он неизменно прекрасен». Не так высоко, но в целом положительно Метнер отозвался о цикле из десяти стихотворений Блока «Стихи о Прекрасной Даме»: «...стихи о *Прекрасной Даме* Александра Блока, подобно Андрею Белому, несколькими головами возвышающегося над всей остальной „декадентской" компанией, не безупречны; они так же, как помещенные им в мартовской книжке *Нового пути*, поразительны в поэтическом отношении, но в них еще чаще случается перегиб бессознательный, невольный и потому извинительный, от *белого* в сторону *зеленого* — и это, несмотря на прикованность поэта к „белой мечте"; таково уже свойство этой тончайшей темы; на ней ежеминутно оправдывается пословица: где тонко, там и рвется <...>» (Приднепровский Край. 1903. № 1840, 9 июня. С. 2. Подпись: Э.).

[7] Фрагмент из этого письма к А. С. Петровскому от 26 апреля 1903 г. с отзывом о «Северных Цветах» опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 198. Фрагмент из письма Петровского к Метнеру от 9 апреля 1903 г. с характеристикой того же альманаха (негативный отзыв о рассказе З. Н. Гиппиус «Месса» и высокая оценка произведений Белого и А. Блока) приведен в статье Джона Малмстада «„Мой вечный спутник по жизни". Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы» (*Белый — Петровский*. С. 18–19).

[8] Имеются в виду п. 29 и 30, отправленные, видимо, в один день.

[9] Подразумевается издательство «Скорпион».

[10] «Будьте сегодня недоверчивы... смотрел на <...> женщин нагих» (*нем.*; перевод Ю. М. Антоновского) — цитаты из части 4-й поэмы Ницше «Так говорил Заратустра» («О высшем человеке», 9; «О науке»). См.: *Ницше.* Т. 2. С. 209, 218.

[11] Опера Р. Вагнера «Тристан и Изольда» (1865).

[12] Цитата из стихотворения Белого «Гроза на закате» — по автографу, посланному с п. 25.

[13] А. М. Метнер.

[14] Обыгрывается 2-я строка стихотворения «Гроза на закате».

[15] См. примеч. 9 к п. 21.

[16] Речь идет о книге Канта «Грезы духовидца...» (см. примеч. 9 к п. 21).

[17] См. примеч. 33 к п. 21.

[18] О высокой оценке Ницше М. Клингером см.: *Meissner Franz Hermann.* Max Klinger. Berlin; Leipzig, 1899. S. 102.

[19] Речь идет о картине М. Клингера «Христос на Олимпе» (около 1893; Музей изобразительных искусств в Лейпциге).

[20] Начало фразы из «Симфонии (2-й, драматической)» (ч. 2): «Невозможное, нежное, вечное, милое, старое и новое во все времена» (*Симфонии.* С. 93).

[21] Подразумевается собрание сочинений Ницше под редакцией Фрица Кёгеля (Koegel), предпринятое издательством К. Г. Науманна в Лейпциге в 1894 г.; в т. IX–XII опубликована значительная часть рукописного наследия автора.

[22] В позднейшем предисловии («Опыт самокритики», 1886) к «Рождению трагедии» Ницше писал (раздел 5): «...вся глубина <...> *антиморальной* склонности лучше всего может быть измерена, если обратить внимание на осторожное и враждебное молчание, которым на протяжении всей книги обойдено христианство, это самое необузданное проведение моральной темы в различных фигурациях, какое только дано было до сих пор услышать человечеству. Да и в самом деле, трудно найти чисто эстетическому истолкованию и оправданию мира, как оно проповедуется в этой книге, более разительную антитезу, чем христианское учение, которое и есть, и хочет быть *лишь* моральным <...>» (*Ницше.* Т. 1. С. 53. Пер. Г. А. Рачинского).

[23] Речь идет о фразе из раздела «Дополнения и предварительные материалы к Рождению трагедии» («Nachträge und Vorarbeiten zur Geburt der Tragödie (1869–1871)») — «2. Abschnitt: Die Voraussetzungen des tragischen Kunstwerks (Geburt des Genius). § 3. Grausamkeit im Wesen der Individuation»: «...ein Regenbogen der mitleidigen Liebe und des Friedens erschien mit dem ersten Aufglänzen des Christenthums, und unter ihm wurde seine schönste Frucht, das Johannesevangelium, geboren» («Радуга сострадающей любви и мира появилась с первыми бликами христианства, и под нею родился прекраснейший плод, Евангелие от Иоанна») (*Nietzsche Friedrich.* Werke. Zweite Abteilung. Bd. IX (Erster Band der zweiten Abteilung). Leipzig: Druck und Verlag von C. G. Naumann, 1896. S. 99).

[24] 14 марта 1901 г. на благотворительном вечере в зале Петровского коммерческого училища в Петербурге на Фонтанке К. Д. Бальмонт прочитал свое стихотворение «Маленький султан» («То было в Турции, где совесть — вещь пустая...», март 1901 // *Бальмонт К. Д.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. Л., 1969. С. 470–471 («Библиотека поэта». Большая серия)), представлявшее собой отклик в завуалированной форме на избиение полицией и казаками студенческой демонстрации на площади у Казанского собора 4 марта 1901 г. После этого на квартире у Бальмонта был произведен обыск, а 7 мая 1901 г. поэту постановлением особого совещания было «воспрещено жительство в столицах, столичных губерниях и университетских городах» сроком на три года (см.: Там же. С. 650–652; *Дун А.* О двух стихотворениях, предназначавшихся для ленинской «Искры» // Русская литература. 1963. № 3. С. 162; *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания / Под общ. ред. А. Л. Паниной. М., 1997. С. 354–356).

[25] В статье «Северные цветы» Метнер также пишет: «К. Бальмонт, эта „польская панна“ <...>» (Приднепровский Край. 1903. № 1840, 9 июня. С. 2). Здесь он подразумевает стихотворение В. В. Гофмана «К. Бальмонту» («Блеснувши сказочным убором...», 1902), опубликованное в 3-м альманахе «Северные цветы»; о стихах Бальмонта в нем говорится: «Они красивы и нежны, // Как поцелуи польской панны, // Как ропот ласковой волны...» (*Гофман Виктор*. Собр. соч. Т. 2. М., 1918. С. 227). В той же статье Метнер назвал три помещенные в альманахе стихотворения Гофмана «гладкими и сладкими». Вероятно, он не учитывал, что Гофман в стихотворении «К. Бальмонту» использовал образ из стихотворения Бальмонта «Нежнее всего» («Твой смех прозвучал серебристый...»): «Нежнее, чем польская панна, // И значит — нежнее всего» (*Бальмонт К*. Горящие здания. Лирика современной души. М., 1900. С. 39). Ср. фразу в той же статье Метнера: «...Виктор Гофман сравнил К. Бальмонта с польской панной <...>» (Приднепровский Край. 1903. № 1841, 10 июня. С. 2).

[26] Речь идет о польском журналисте, появившемся весной 1903 г. в кругу московских модернистов. Ср. дневниковую запись В. Брюсова (февраль — март 1903 г.): «Был еще поляк Касперович. Приехал читать лекцию о декадентстве. Сидел у меня и у Юргиса <Балтрушайтиса. — *Ред.*> целыми днями. Выдавал себя за родственника и даже брата Яна Каспровича, хотя даже их фамилии разные. Лекцию читал уже без меня и не без успеха (поляки поддержали)» (*Брюсов Валерий*. Дневники. 1891–1910. <М.>, 1927. С. 131). Ср. хроникальное сообщение: «Г. Касперович прочтет в пятницу, 18-го апреля, в помещении Исторического музея лекцию на тему: „Новейшее искусство (декадентство), символизм и любовь“. Лекция сопровождается демонстрированием теневых картин известных „модернистов“ и „декадентов“ и музыкальной частью» (Новости Дня. 1903. № 7128, 12 апреля. С. 2).

[27] См.: *Nietzsche Friedrich*. Werke. Bd. VIII. Leipzig: Verlag von C. G. Naumann, 1899. S. 347.

[28] Выпускные государственные экзамены на юридическом факультете Московского университета Метнер держал в 1899 г.

[29] Художник Виктор Карлович Штембер (1863–1920), двоюродный брат Э. К. Метнера.

[30] Имеется в виду фантазия f-moll op. 49 (1841).

[31] Речь идет о концерте для фортепиано № 4 (G-dur op. 58, 1805–1806).

[32] Статья «Певица» (см. примеч. 9 к п. 29).

[33] См. примеч. 8 к п. 12.

[34] Речь идет об анонимной заметке о концертах М. А. Олениной-д'Альгейм (Мир Искусства. 1902. № 11. С. 57): «После безумных успехов в Москве вновь дала в Петербурге концерт певица Оленина-д'Альгейм. На нас эта артистка <...> не произвела никакого впечатления. Даже не имея намерения хоть издали сравнивать ее с чаровницей Барби, мы не можем

объяснить себе ее московского триумфа. Совсем некрасивый голос, неважное произношение иностранных языков и иногда нечистая интонация — существенные недостатки певицы. Качества ее — репертуар очень изысканный и никогда не исполняющийся на концертной эстраде, а также — феноменальная память. Оригинальность ее — туалет: голубой капот и на плечах кисейная косынка».

[35] См. примеч. 11 к п. 20.

[36] Подразумевается «Альманах книгоиздательства „Гриф“» (М., 1903) с подборкой стихотворений Белого и его «Отрывками из 4-ой симфонии».

[37] Разбору содержания упомянутого альманаха «Гриф» и апрельского номера «Нового Пути» за 1903 г. Метнер посвятил статью «Литература „новых“» (Приднепровский Край. 1903. № 1864, 3 июля. Подпись: Э.); развернутого анализа «симфоний» Белого в ней не предпринято. Позже Метнер осуществил их разбор в статье «Симфонии Андрея Белого» (Приднепровский Край. 1903. № 2022, 15 декабря; № 2023, 16 декабря. Подпись: Э.).

[38] Названное четверостишие — 4-я часть четырехчастного цикла Белого «Четыре отрывка», опубликованного в 3-м альманахе «Северные цветы» (С. 38); в «Золото в лазури» цикл вошел как четырехчастное стихотворение под заглавием «Возмездие», с посвящением Эллису. См.: *СП — 1*. С. 162. В статье «Северные цветы» Метнер процитировал упомянутое четверостишие в подтверждение своей мысли: «Иногда же Андрею Белому удается отчетливо, одним верным штрихом, запечатлеть нечто, до крайности сосредоточенно сильное» (Приднепровский Край. 1903. № 1840, 9 июня. С. 2).

[39] Цитируются слова Михаила (одного из учеников «из чающих») из «отрывка из ненаписанной мистерии» «Пришедший» Белого (Северные цветы. 3-й альманах книгоиздательства «Скорпион». С. 3).

[40] Т. е. вместе с А. С. Петровским.

[41] Слова Одного из учеников в «Пришедшем» (Там же. С. 6).

[42] Строка из монолога Никиты в «Пришедшем» (Там же. С. 18).

[43] Подразумевается «Симфония (2-я, драматическая)».

[44] Слова Михаила в «Пришедшем» (Там же. С. 8).

[45] Подразумевается фраза Михаила: «Нет ничего, а мы разыгрываем комедию; и народ верит» (Там же).

[46] Имеется в виду ремарка в «Пришедшем»: «Михаил стоит, чуть согнувшись, спиной к морю. <...> Он пощипывает русую бородку» (Там же. С. 2).

[47] Обыгрываются строки из стихотворения Белого «Гроза на закате» (см. п. 25): «Море вечернего золота // В небе опять разлилось» (*СП — 1*. С. 87).

[48] Имеется в виду письмо А. С. Петровского от 28 апреля 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[49] К. К. Метнер — брат Э. К. Метнера.

32. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Начало мая 1903 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

Отвечаю кратко и лаконично, только не на конец Вашего письма (Бог знает, что Вы там пишете): скорее, скорее присылайте мне Вашу карточку и ту, которую сочтете нужным. Буду ждать с нетерпением. Посылаю Вам свою. Буду писать подробно после экзаменов, а теперь ужасно утомляюсь.

Остаюсь готовый к услугам и любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Если Вам попадет в руки «*Гриф*»[1], не вините меня за ужасы, которые встретите: *все это опечатки.*

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 16. Помета красным карандашом: «XVI». Ответ на п. 31. Датируется по связи с ним.

[1] «Альманах книгоиздательства „Гриф“» (М., 1903) вышел в свет в апреле 1903 г. (цензурное разрешение — 27 марта 1903 г.). Ср. сообщение в письме Метнера к А. С. Петровскому от 26 апреля 1903 г.: «„Гриф“ в Нижний еще не прибыл. Сюда все запаздывает» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7).

33. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

16 мая 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 16 мая 1903 г.

Простите, дорогой Борис Николаевич, что я не сейчас ответил на Ваше лаконичное и нетерпеливое письмо. Вы пишете, чтобы я *скорее* отправил ту карточку, которую *сочту нужным*. Вот оба эти условия нельзя было исполнить, нельзя и теперь, т<ак> к<ак> в моем распоряжении только солдатская карточка[1], а та, которую я считаю нужным Вам и Петровскому дать, может быть отпечатана братом (Карлом Карловичем) не раньше осени, так как он, переезжая на другую квартиру, все негативы запаковал и отправил на лето в склад. Впрочем, у него *один* оттиск есть, и он передаст Вам, если увидит Вас до Вашего отъезда в деревню. «Вам», а не Петровскому потому, что для Вас присылаемая мною сейчас солдатская не имеет большого смысла, т<ак> к<ак>

Вы меня в наряде Марса не лицезрели. — Может быть, соберусь сняться и здесь, но с Анютой[2], т<ак> к<ак> ни у кого из наших нет ее карточки. Тогда вышлю Вам, как своему дорогому шаферу. — Гостит Касперович. Хаживает ко мне частенько. От Вас в восторге. Касперович столь же культурен, сколь и поверхностен. Впрочем, иного (и того и другого) нечего и ждать от шопеновской помеси польского с французским. Но он мил и прекрасно держит себя. Я ожидал встретить нечто менее симпатичное. На днях он читает лекцию[3]. Вы хорошо сделали, что предупредили меня Вашим P<ost> S<cript>умом! Не «Ужасы», а ужас, который я встретил в «Грифе», я предчувствовал, впрочем, получив письмо Петровского, который что-то писал мне о *маге*[4]. Предчувствовал даже еще ранее, когда писал Вам то, на что Вы отказались отвечать в своем последнем лаконичном XVI письме... Иначе как опечаткой я назвать Ваше обращение к Брюсову не могу[5]. Впрочем, есть люди, которые при непосредственном личном общении с ними оказываются неизмеримо высшими сравнительно с тем, что́ и как они делают. Я лично Брюсова не знаю. Как *писатель* он не заслуживает таких обращений. Раньше всего он немузыкален до мозга костей, а затем он весьма далек от castitas*. Он наивно грязен. Коля[6] защищает его и говорит, что он мыслитель; но тогда к чему он пишет стихи? Впрочем, Вы сами назвали свои ужасы «опечатками». Я не ставлю Вам это лыко в строку... Инцидент исчерпан... Предлагаю формулу перехода к очередным делам. Правительство, признавая обращение к Брюсову досадной опечаткой, переходит и т. д. Впрочем, повторяю, я не знаю лично Брюсова и, быть может, он так великолепно раскрывает глубокий смысл** «шуршания бумаг» (где?), что я сам готов буду приветствовать его магом[7]. —

Посвящение, которое надписали Вы на обороте Вашей карточки, за которую приношу Вам мою искреннюю благодарность, — очень тронуло меня; но (во всем ведь есть «но») отчего же Вам вдруг так стало грустно, когда Вы собрались написать мне что-нибудь? Мне казалось, что именно Вам со мною и мне с Вами

---

* Нравственная чистота, непорочность, целомудрие (*лат.*).

** См. стихотворение *Брюсову*, соч<инение> Койранского. *Гриф*. — (*Примеч. Метнера*).

становится весело «о будущем» с примесью *легкой* грусти «о старинном»[8]. У Вас же крик альбатросов занимает только четвертую строфу (только она в кавычках), последняя же строфа как будто переносит печаль из прошедшего через настоящее в будущее. Солнца нет уже, т<ак> к<ак> «вместо солнца ослепительный пурпур огня»[9]. Какое же будущее без солнца. Впрочем, может быть, я *не* понял стихотворения. В *Грифе* мне понравилось стихотворение Курсинского: «Об одном, все об одном шепчут капли под окном»[10]. В нем есть не только метр, но и ритм. Есть перекрестное направление движений. Есть музыка... Ваша IV симфония по-видимому гениальна[11]. Говорю по-видимому, т<ак> к<ак> она мне пока не везде понятна, вследствие незнакомства с целым. Не пишу больше, чтобы не развлекать Вас. Кланяюсь Вашим родителям. Крепко жму Вашу руку. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 16.
Ответ на п. 32.

[1] После окончания Московского университета в 1899 г. и получения диплома юриста Метнер некоторое время служил в артиллерии (см.: *Юнггрен Магнус*. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. С. 10). Фотопортрет Метнера в офицерском мундире (предположительно 1900 г.) см. в кн.: *Ljunggren Magnus*. The Russian Mephisto. A Study of the Life and Work of Emilii Medtner. Stockholm, 1994. P. 64–65.

[2] А. М. Метнер.

[3] Приводим газетное объявление:

«В зале Коммерческого клуба во вторник, 20-го мая прочтет лектор „de l'université libre" г. Касперович с участием г-жи В. Д. Гутьяр лекцию на тему: „Новейшее искусство (декадентство), символизм и любовь". Лекция с демонстрированием:

1) Игра на рояле
   a) H-moll Scherzo Шопена
   b) Fis moll Polonaise

2) Воспроизведение символистических картин на экране (Ропса, Станиславского <*так!*>, Выспянского и друг.)» (Волгарь. 1903. № 132, 17 мая; Нижегородский Листок. 1903. № 132–135, 17–20 мая. С. 1). Тот же «Нижегородский Листок», однако, поместил в рубрике «Местная хроника» следующее сообщение (1903. № 136, 21 мая. С. 2): «*Лекция г. Касперовича* вчера не состоялась. Лектор, может быть, посетит Нижний осенью и тогда прочтет ее. Единственным поводом к отмене лекции послужило то обстоятельство, что в Нижнем не нашлось ни одной пианистки (г-жа В. Д. Гутьяр отказалась), которая пожелала бы исполнить во время лекции две шопеновские вещи <...>» Ср.: Волгарь. 1903. № 136, 21 мая. С. 2.

[4] См. примеч. 1 к п. 32. 28 апреля 1903 г. А. С. Петровский писал Метнеру: «Брюсов же человек очень талантливый, тонкий и умный. Иные его стихи имеют значение только бравады (правда, бесполезной и лишней), и в счет ему их ставить нужно только как браваду. Хорошо стихотворение Буг<аева> в „Грифе", посвященное ему: в нем очень метко подмечена лучшая сущность Брюсова: „упорный маг, сложивший руки"» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26). В тексте неточно процитировано (в оригинале: «застывший маг, сложивший руки») стихотворение «В. Я. Брюсову» (Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1903. С. 44); в книгу Белого «Золото в лазури» вошло под заглавием «Маг». См.: *СП — 1*. С. 131. 26 мая 1903 г. Метнер писал Петровскому по поводу этого стихотворения: «Относительно Брюсова я ни с Вами, ни с Бугаевым согласиться не могу; стихотворение Брюсову считаю lapsus ingenii <ошибкой гения. — *лат.*> Бориса Николаевича. Впрочем, я писал об этом автору „упорного мага" и „весны — внесены" (рифма, Бугаева недостойная), а в дальнейшие разбирательства этого инцидента входить не намерен» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7). Метнер коснулся того же стихотворения Белого и в статье «Литература „новых"», рассматривая содержание «Альманаха книгоиздательства „Гриф"», — почти в тех же выражениях: «Стихотворение это представляется мне lapsus ingenii от того, что я никак не могу согласиться видеть в Валерии Брюсове, коему оно посвящено, „упорного" и „застывшего" „мага"» (Приднепровский Край. 1903. № 1864, 3 июля. Подпись: Э.).

[5] Речь идет об упомянутом стихотворении «В. Я. Брюсову».

[6] Н. К. Метнер.

[7] Подразумеваются строки из опубликованного в «Альманахе книгоиздательства „Гриф"» (С. 76) стихотворения А. Койранского «В. Брюсов» («В немую даль веков пытливо ты проник...»): «Ты начертил свой круг и встал в нем, вещий маг!»; «В сухих штрихах гравюр, в шуршании бумаг // Ты уловил, что в них необычайно. // Ты разгадал их смысл, — и ожил каждый знак» (Венок Брюсову. СПб., 1994. С. 27).

[8] Видимо, цитируется дарительная надпись Белого Метнеру на своем фотопортрете.

[9] Речь идет о стихотворении Белого «Золотея, эфир просветится...» (цитируется его заключительная фраза) — первом в двухчастном цикле «Золотое руно», впервые опубликованном в составе статьи Белого «Символизм как миропонимание» (Мир Искусства. 1904. № 5. С. 186) и вошедшем в его книгу «Золото в лазури» с посвящением Э. К. Метнеру. См.: *СП — 1*. С. 81. Автограф стихотворения, видимо, отправленный Белым Метнеру, неизвестен.

[10] Начальные строки стихотворения А. А. Курсинского «Капли осенние» (Альманах книгоиздательства «Гриф». С. 35).

[11] Мнение основывается на впечатлении от «Отрывков из 4-й симфонии» (С. 52–61).

34. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

1 июня 1903 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

Только на днях окончил экзамены[1]. Вот почему при всем желании не мог Вам отвечать. Да и теперь я *не* отвечаю Вам, не могу собраться мыслями. Я смертельно устал, а тут новое уже настоящее горе: у меня скончался папа 29-го мая, а вчера были похороны[2]. Помимо непривычной мысли об утрате тысячи мелочных хлопот: все обрушилось на меня. Мама была в деревне, и я был один. Спасибо, товарищи и дядя[3] поддержали.

Но все это «*внешнее*»…

Я радостен, восторженно радостен: что может меня обезнадежить? Сейчас из Девичьего Монастыря сижу вот и пишу Вам, гляжу на свой черный креп и улыбаюсь — тихо, ясно… «Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: „Я сказал: вы боги“» (Пс. 81. 6) (Ев<ангелие> от Иоанна 10, 34) — что смерть богам. В открытом окне голубая бесконечность с ласточками…. Их визг… Их визг — о вечно-задумчивом.

«*Я сказал: вы боги*»…

Их визг — о вечно-странном…

Странна наша жизнь… Жизнь наша восторженная. Нет ничего страннее смерти и смерть лучше всего, всего восторженней.

Смерть о вечно-грустном, о вечно-грустном, и *мы* — вечно-грустные боги, опьяненные мировинным золотом вечных набатов, пьяным абрисом винно-золотых куполов, звенящетихим ударом довременных прикосновений.

Вся жизнь — сплошное недосказанное сказание — сказка, и на смерти сказка обрывается; кто-то улыбнется в тишине печали, тихо скажет: «Ну вот и конец сказке. Когда вернется забытое *и сказка доскажется*»… И вот свежая могилка в цветах; красный огонек лампадки уже знаменательно блещет. Мировинное пьянство — радость мирового вина сквозь зеленую зыбь березовых ветвей.

Доскажется сказка: *Мы боги.*

«Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: „Я сказал: вы боги“» (Ев<ангелие> от Иоанна 10, 34). Это любимый папин текст, и о нем кричат мне ласточки из открытого окна.

Больше я не могу писать Вам: простите — пишу какую-то чушь, ***но мне хочется написать это Вам, именно Вам.***

Борис Бугаев.

P. S. Спасибо за карточку.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 17. Помета красным карандашом: «XVII». Датируется по упоминанию о дне похорон Н. В. Бугаева.

[1] После сдачи государственных экзаменов Белый получил свидетельство об окончании естественного отделения физико-математического факультета Московского университета (22 мая 1903 г.), диплома 1-й степени он был удостоен 28 мая 1903 г. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 305. Л. 9, 10). См.: *НВ*. С. 267–273.

[2] См.: Там же. С. 273–277. 31 мая Н. В. Бугаев был похоронен в Новодевичьем монастыре. Ср. сообщение в письме А. С. Петровского к Э. К. Метнеру от 9 июня 1903 г.: «29 мая скончал<ся> Н. В. Бугаев. Он был председателем испытательной комиссии: 28<-го> был последний экзамен, а вечером заседание комиссии. Он все покончил, подписал — и утром умер. Очень хорошо: именно так, как ему следовало: все исполнив, никому не помешав. У него была грудная жаба» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[3] Георгий Васильевич Бугаев (дядя Жорж) — брат Н. В. Бугаева.

35. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

3–4 июня 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 3 июня 1903 г.

Милый, дорогой Борис Николаевич! Анюта[1] и я горячо сочувствуем Вашему настоящему горю, разлуке с отцом. Несмотря на то, что наши здешние газеты оповестили об этом уже 30-го, кажется[2], но т<ак> к<ак> они не раз передавали разные ложные слухи о кончине здравствующих лиц, то я решил пообождать со своим письмом. Как раз сегодня я думал написать Вам, а вот и подоспело Ваше письмо. За этот тревожный переходный год Провидение лишило Вас двух старших друзей, Соловьева и отца. Да! это так. Я глубоко убежден, что отец Ваш не мог быть для Вас иначе, как другом… Такое впечатление оставила после себя моя краткая беседа с ним, когда я осенью, в то время, как Вы были уже у меня, вечером, заехал к Вам сделать прощальный визит… Помню, что я даже не сразу уверился, что говорю с Вашим отцом.

Я представлял себе его старше и менее оживленным… Заговорил же я тогда с ним, как с Вашим старинным и старшим другом… Я несказанно рад, что приведенный Вами текст был его любимым… Мне иногда кажется, что мысль человеческая, его убеждение, то, что есть результат разумно-волевых движений его духа, то, что Аполлон Григорьев называл «чувством, вымучившимся до слов и определений»[3], что все это в той или иной мере оказывает влияние на то прохождение небесных кругов, о котором, как я Вам писал когда, так удачно пел Шопен в своей фантазии[4]. И не только *поэтически*, но и *мистически*, быть может, прав был Боратынский в стихотворении (лучшем своем) *на смерть Гёте*, когда он закончил его словами: И в небе земное его не смутит…[5] Мысль, что индивидуальное бессмертие, быть может, зависит от нашей веры в него, приходит ко мне обыкновенно рядом с другой: если бы люди были бессмертны здесь на земле, мог ли бы у них возникнуть вопрос о духе, душе как о чем-то особом от тела… —

4 июня. Радуюсь за Вас, дорогой Борис Николаевич, что ничто не может Вас обезнадежить… Понимаю, что в такое время писать «радостен, восторженно радостен» Вы можете только человеку, который знает Вас так, как я. Но все-таки, быть может, есть еще и сепаратная, мне не ясная сразу причина, что Вы как-то особенно ***дважды*** подчеркнули последнюю фразу Вашего письма: ***Но мне хочется написать это Вам, именно Вам.***

? ? ?

. . . .

Передайте мое искреннее соболезнование Вашей матушке. Обнимаю Вас. Христос с Вами. Когда оправитесь, пишите. Горячо любящий Вас

Э. Метнер.

P. S. Я беспокоюсь о том, достаточно ли у Вас средств к жизни??..

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 17.

Ответ на п. 34.

[1] А. М. Метнер.

[2] Некролог «Н. В. Бугаев», содержащий основные сведения о жизни и научно-педагогической деятельности покойного, был опубликован в нижегородской газете «Волгарь» (1903. № 146, 1 июня. С. 2).

[3] Наиболее вероятно, что Метнер приводит цитату из А. А. Григорьева (неточно) по книге А. Л. Волынского «Русские критики: Литературные очерки» (СПб., 1896): «Наши мысли вообще (если они точно мысли, а не баловство одно), — писал он в 1858 г., — суть плоть и кровь наша, суть наши чувства, вымучившиеся до формул и определений» (С. 645). Волынский, по всей видимости, заимствовал эту цитату из предисловия Н. Н. Страхова в кн.: Сочинения Аполлона Григорьева. Т. 1. СПб., 1876. С. II — где она дается с отсылкой: «Эпоха, 1865. № 2» (подразумевается статья: *Страхов Н. Н.* Новые письма Аполлона Григорьева. С. 152–182).

[4] См. п. 31, примеч. 30.

[5] Заключительная строка стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гёте» («Предстала, и старец великий смежил...», 1832).

36. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

9–19 июня 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 9 июня 1903 года.

Дорогой Борис Николаевич! Получили ли Вы мое письмо[1], в ответ на Ваше последнее? Что ***Вы** умолкли* — понятно, но почему молчит Алексей Сергеевич[2] — не понимаю. Быть может, он не получил моего последнего письма, отправленного в ответ на *два* его последних?[3] И Вам и ему я писал по городскому адресу. — Получил сегодня майскую книжку *Нового Пути*. Набросился на *Вечное Возвращение*[4]. «*Если ты проникнешься* этою своею мыслью мыслей, *она переменит тебя*»; «Те, кто в нее (в мысль о вечном возвращении) *не уверуют, должны* в силу своей природы, в конце концов *вымереть*»; «*уцелеет* лишь тот, *кто считает* свое существование *способным* к такому вечному повторению»[5]. Подчеркиваю то, что mutatis mutandis* сказано мною Вам в последнем письме. Мысль о равной по крайней мере зависимости мысли от факта и факта от мысли, а тайное чаяние, что последняя зависимость, пожалуй, и довлеет над первой, казалась мне моим Hirngespinnst'ом (мозговым сплетением, пряжею: любимое выражение Канта). Невыразимо рад, что встретил ее у Ницше... Ведь в этой мысли узел субъективного и объективного связан сухо, безо всякой поэзии, что имеет свою ценность.

* С соответствующими изменениями (*лат.*).

19 июня. Отложил в сторону это письмо, так как у меня гостил Коля, а потом и отец...[6] Несмотря на крайне неблагоприятные обстоятельства, о которых я не стану распространяться, Коля не только разрабатывает прежние темы, но и создает новые. Вероятно, выйдут одновременно две сонаты под одним opus'ом, каждая из четырех частей[7]; первая, из которой Вы знаете, кажется, только третью часть (гимн Дионису), и вторая — «наша». Альбом вышел целиком; но продаются пьесы и отдельно. —*

Дорогой Борис Николаевич! Я очень устал и взволнован от пребывания и отъезда Коли... Поэтому простите меня великодушно, если я ограничусь весьма немногим в этом письме... Я получил письмо от Алексея Сергеевича. Он пишет, что Вы не поступите на филологический факультет, а будете искать занятий[9]. Это крайне огорчает меня. Именно *Вам* необходимы тиски образования разностороннего строгого. Обещайте мне, по крайней мере, самостоятельные занятия языками древними и немецким, а также упорным чтением Канта в подлиннике, хотя бы по две страницы в день... — Настоящее окружающее я могу характеризовать след<ующими> стихами Гёте, которые разобрать Вам поможет гостящий у Вас Петровский:

Der Horizont hat sich verdunkelt,
Nur hie und da bedeutend funkelt
Ein roter ahnungsvoller Schein;
Schon blutig blinken die Gewehre;
Der Fels, der Wald, die Atmosphäre,
Der ganze Himmel mischt sich ein[10].

Как Вы думаете? есть ли надежда, что все это рассеется к осени?.. Дорогой Борис Николаевич! Вы не можете себе представить, как важно было бы для меня (отчасти и для Вас), если бы Вам удалось вырваться ко мне хотя бы на недельку... Посылаю Вам фотографию, снятую с меня братом[11]. Это самое удачное в «нуменальном» отношении. Если она Вам не нравится, отдайте

* *Далее наклеены две вырезки из гранок:* «Вальпургиева ночь в Брокене» *и информация о Вифлеемской звезде (комете), которая должна появиться в 1909 или 1910 г.*[8]

Петровскому. Коля приготовит второй экземпляр осенью, если Вы оба желаете иметь такую.

Получили ли Вы мое письмо в ответ на Ваше, извещающее о кончине Вашего отца?[12] Я адресовал его в городскую квартиру.

Предлагаю эту карточку Вам, а не Алексею Сергеевичу, потому, что военная для Вас никакого смысла не имеет.

До свиданья, дорогой Борис Николаевич! Кланяйтесь Вашей маме... Анюта[13] шлет Вам привет и приглашает Вас к нам. Ваш Э. Метнер*.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 18.

[1] Имеется в виду п. 35.

[2] А. С. Петровский.

[3] Метнер подразумевает свое письмо к Петровскому от 26 мая 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7) — ответное на письма Петровского от 28 апреля и 18 мая 1903 г. (Там же. Ед. хр. 26).

[4] Подразумевается публикация: *Ницше Фридрих.* Вечное возвращение / Пер. В. Перемиловского // Новый Путь. 1903. № 5. С. 34–51.

[5] Цитата оттуда же (С. 46).

[6] Н. К. Метнер и К. П. Метнер.

[7] Это намерение не было реализовано.

[8] Первая гранка (раздел «Смесь») — сообщение, заимствованное из франкфуртской газеты, о «настоящей чертовщине» с участием 772 человек, проводивших 1 мая на Бломсберге Вальпургиеву ночь. Вторая гранка — сообщение: «По рассчетам астрономов, вифлеемская звезда, которая привела сначала к яслям Иисуса Христа, появится снова на небе в 1910 или 1911 годах. Звезда эта — блестящая комета. Она появлялась уже 23 раза».

[9] В письме к Метнеру от 9–14 июня 1903 г. А. С. Петровский сообщал: «Б. Н. теперь не поступит на фил<ологический> факультет, а будет искать занятий» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

---

* *К письму приложены гранки статьи Перо «Мимоходом», где объединены три темы: о проститутке, о сербских делах и об Иоанне Кронштадском и его выступлении в «Знамени»[14]. Гранка разделена на три части и на оборотах их красным карандашом Метнер написал:*

I. Язвительная статья. Ядовитое сопоставление трех фактов славянской жест(о)кости.

II. Неужели после расправы с Драгой[15] можно считать этих мужиков братьями по крови и вере? я никогда не пойму этого тяготения к братушкам! Согласен с Леонтьевым[16].

III. Следует посоветовать Кронштадтскому перестать писать. Он только компрометирует себя.

[10] Слова Фауста в сцене «На предгорьи» («Auf dem Vorgebirg») из 4-го действия 2-й части одноименной трагедии Гёте. В подстрочном переводе: «Горизонт потемнел, и лишь то там, то здесь мелькает предвещающее что-то красноватое сияние. Оружие кажется уже покрывшимся кровью. Поля, леса, воздух, небо — все сливается в одну массу» (Фауст, трагедия Гёте / В переводе и объяснении А. Л. Соколовского. С. 269).

[11] Имеется в виду Н. К. Метнер.

[12] Подразумевается п. 35.

[13] А. М. Метнер.

[14] В опубликованном тексте статьи Перо (псевдоним А. А. Дробыш-Дробышевского) из его авторского цикла «Мимоходом» (Нижегородский Листок. 1903. № 145, 31 мая. С. 3) объединены две из указанных тем. Первая — о письме с рассказом «гулящей» девушки о своей судьбе, по поводу которого отмечается: «...чрезвычайно характерно, что автора письма, человека русского, за то участие, которое он принял к ней, девушка сочла за „немца", потому что немцы „жалостливые и милостивые". <...> Это немножко противоречит распространенному мнению о нашей якобы особенной жалостливости к „несчастным"». Вторая тема — перепечатка из газеты П. А. Крушевана «Знамя» письма Иоанна Кронштадтского от 23 мая 1903 г., в котором православным проповедником дается оценка недавнего еврейского погрома в Кишиневе: «...я достоверно убедился, что евреи сами были причиною того буйства, увечий и убийств, которые ознаменовали 6 и 7 числа апреля. Уверился я, что христиане, в конце концов, остались обиженными, а евреи за понесенные убытки и увечья сугубо награжденными от своих и чужих собратий. Это я знаю и из частных писем, писанных мне самыми искренними, давно живущими в Кишиневе и основательно знающими дело людьми. <...> Теперь я убежден из писем очевидцев, что нельзя обвинять одних христиан, вызванных на беспорядки евреями, и что в погроме виноваты преимущественно сами евреи».

[15] Имеется в виду жестокое убийство в ночь с 28 на 29 мая 1903 г. группой офицеров-заговорщиков (организация «Черная рука») короля Сербии Александра Обреновича, его жены — королевы Драги Обренович, двух ее братьев и четырнадцати приближенных. Королева была убита 63 ударами сабли и двумя револьверными выстрелами, после чего продолжались надругательства над их телами, которые были выброшены во двор королевского дворца и оставались там непогребенными в течение нескольких дней. В цикле «Мимоходом» Дробыш-Дробышевский обратился к государственному перевороту в Сербии дважды (см.: Нижегородский Листок. 1903. № 147, 2 июня. С. 3; № 150, 5 июня. С. 3); во второй статье он, в частности, упоминал об «ожесточении, которое выразилось в убийстве королевы Драги, поразившем Европу, но которое было встречено хладнокровно сербским населением».

[16] Подразумевается резко критическое отношение К. Н. Леонтьева к новым государственным образованиям, объединившим в конце XIX в. православные народы юго-восточной Европы (греков, румын, болгар, сербов);

например, в статье «Плоды национальных движений на Православном Востоке» (1888–1889) он заявлял: «Все эти народы идут пока на наших глазах не в гору истинно-культурного обособления от Запада и органического своеобразного расслоения внутри, а под гору демагогического внутреннего уравнения и внешней всесветной ассимиляции в идеале „среднего европейца“» (*Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 617).

37. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

2–4 июля 1903 г. Серебряный Колодезь

2-го июля 1903 года. Сер<ебряный> Колодезь.

Мой дорогой, мой милый Эмилий Карлович,

Вы, конечно, понимаете причину моего долгого, а может, и упорного молчания. Тому причин много: прежде всего нравственное утомление, сказавшееся после излишнего подъема; предэкзаменная суета, надорвавшая мои силы, сверхъестественная работа приготовления к экзаменам, наконец ужасное горе, сказавшееся сначала как мистическая радость, и только теперь возрастающее медленно, но верно; кроме того: множество вопросов никогда не решенных, которых я избегал, топя их в музыкальности, внезапно встали предо мной, прибавляя нравственной тяжести; наконец, моя *декадентская прокаженность* при *не декадентской сущности* — все это заставило меня утихнуть.

Помимо неожиданного потрясения все мелочные дрязги похорон и мелких распоряжений пали на меня, потому что мама, бывшая в деревне, только в день похорон приехала в Москву[1]. А эти послепохоронные дела с судебным приставом, со всевозможными официальностями!.. Приехав в деревню, я как-то сразу пал духом и от этого заболел даже физически. Слава Богу, Алексей Сергеевич и Вас<илий> Вас<ильевич> Владимиров, гостившие у меня[2], на время как бы облегчали мне мое ужасное состояние, а вот теперь оно вновь меня обуревает. Я вижу во сне отца, слышу его голос…

Я знаю, как неприятно получать письма, в каждой фразе которых сквозит нравственная утомленность; тем не менее пишу, чтобы Вы, такой мнительный человек, *опять* не подумали чего-нибудь…. неподходящего…

Благодарю Вас за карточку. Мне она по сердцу, хотя я имею *нечто*, совсем маленькое *нечто* против изображения, которое чуть-чуть не так передает Вас. Но еще раз благодарю. С каким бы я удовольствием воспользовался Вашим любезным приглашением — Вашим и Анны Михайловны[3] приехать в Нижний, и как мне это было бы важно, но некоторые обстоятельства задерживают меня при маме по крайней мере до зимы; одно из этих обстоятельств беспокойство за меня мамы, которая так нервно теперь хочет, чтобы я был при ней, и я это глубоко уважаю. Зимой же в ноябре, декабре я собираюсь в Нижний; тут у меня есть даже одна комбинация, относительно которой Ваше мнение мне было бы очень дорого…

Теперь я выброшен за борт. Все мои прежние предположения разбились. Я решительно не знаю, кто я, что я… А между тем, *надо* же мне что-нибудь делать, хотя бы для того чтобы иметь минимальные свои собственные деньги. Средства наши, кроме проблематической земли на Кавказе, за которую можно бы при хорошей продаже в близком будущем получить от 50 до 100 тысяч[4], состоят только в маминой пенсии (кажется, 1200 или 1500, не знаю) да в Тульском имении, которое может только себя окупать (оно заложено; приходится ежегодно платить 900 р. процентов в банк). Как видите, упорное мое нежелание пользоваться мамиными деньгами и иметь, хотя бы минимальные, свои, вполне *обосновано*… Но что мне делать?.. Писать в московских газетах я не могу, и не хочу после того, *что они обо мне писали*: вполне понятная щепетильность. На издаваемые книги рассчитывать не приходится. Остается или быть преподавателем, или идти в акциз[5], куда почему-то попадают очень многие естественники. Конечно, мне приятнее первое уже потому, что преподавание както чище, но 1) найти себе место в Москве крайне трудно, почти невозможно. 2) Я еще не знаю, могу ли я быть преподавателем со скандальной репутацией Андрея Белого, которого называют всем чем угодно вплоть до *хулигана*; тут-то и приходится считаться со своей прокаженностью. 3) Наконец, я не знаю, сумел ли бы я занимать место преподавателя.

Остается место в акцизе (в который еще надо суметь попасть), но как-то больно… Мне хочется помедлить с этим…[6] Вот тут-то и начинается мой проект. Если бы я, написав на соответственную

тему, попытался прочесть лекцию в Историческом Музее, озаглавив ее как-нибудь *громко* (записали в арлекины — надо таковым и быть, что делать, или нельзя быть самостоятельным, не став юродивым). Не знаю, собралась ли публика, если бы я прочел не под своей фамилией, а под псевдонимом. Я хочу попробовать сделать этот опыт в Москве; если получится барыш хотя бы в 150 рублей, я могу прочесть и другую, предварительно заготовленную лекцию; потом у меня есть план прочесть их в Петербурге и Нижнем (что делать: «нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет»...). Я думаю, что аппетитное заглавие с аппетитным, à la Кашперович[7], оглавлением, хотя бы покроет барыш. Если бы от всей этой операции я мог бы получить ну хотя бы рублей 500, это мне хватило бы приблизительно на год. Что Вы скажете? Ваш совет мне был бы чрезвычайно полезен, а также что нижегородцы: заряжены ли они той минимальной и примитивной культурностью, которая заставляет наших курсисток и гимназистов хаживать на лекции, т. е. имеет ли смысл проделывать мой опыт в таком месте, как Нижний?

Да. Теперь я чувствую себя на распутьи, которое застало меня не тогда, когда я владел всей своей энергией, жизнеспособностью и т. д., а когда я разочарован, придавлен, опустошен, ослаблен физически, так что с холодным ужасом я иногда спрашиваю себя: «Да счастлив ли я, неужели я лишен моей пьяной радости»? Вы понимаете, Эмилий Карлович, что для меня этот вопрос — вопрос самый тяжелый: ведь пьяная радость — я знаю — мой raison d'être*. Но она улетает. Теперь мной говорит мое несносное тяжелое похмелье. Два последние года в *феноменальном* у меня только неприятность: 1) смерть бабушки, 2) мама сломала ногу, 3) папа сломал руку, 4) целый год нервной болезни мамы, 5) одно мое личное разочарование, 6) смерть Соловьевых, 7) папина кончина. Жду несчастий. Хочется вдруг крикнуть: «Боже, Боже! Вскую оставиши Меня!»...[8] Но да будет назначенное мне от Бога. Стыжусь роптать.

Скоро откроют мощи Серафима[9]. Теперь все тянется та пелена проносящихся туч, о которых, помните, я предупреждал Вас зимой, когда несся первый отряд, а главная масса еще находилась у горизонта. Теперь вокруг Серафима пылевые смерчи — все так двусмысленно вокруг него. Я жду напряженно неожиданностей,

* Смысл (*фр.*).

которые теперь вероятны как в хорошую сторону, так и в дурную. Почему-то я боюсь за всю эту многотысячную толпу, за Императора. События мистического оттенка могут *завязаться* с удвоенной силой, что *развяжет* многое из современного. Может быть, развяжутся руки, может быть, *все* будет связано: я и боюсь и надеюсь. Важно то — что у меня есть предчувствия. Мне даже кажется, что это событие не оставит без влияния то, о чем Ницше — германец (и как выдающийся германец всегда эстет) — говорил: «*У нас для разговора есть терпение, и время, и излишек времени. Но некогда оно должно же прийти и не может пройти мимо. Кто должен прийти и не может пройти мимо? Наш великий случай, наше великое, отдаленное человеческое царство, тысячелетнее царство Заратустры*»...[10] Если Ницше заговорил о том, как некогда должны прейти времена созерцаний, разговоров, если его озабочивало не уже несамоуглубленный *видящий* эстетизм или, вернее, эстетство, значит *гениальный* (может, наигениальнейший из всего, что было) квиэтизм à la Гёте, Кант — нарушен. «*Этим*» *не спасешься*. Что могло быть обязанностью и вершиной мудрости в *то* (еще недавнее) время, то теперь — ***компромисс***. А эта фраза: «О как много морей вокруг меня, что за сумрачная будущность людей! А надо мной — что за розовая тишина!»[11] показывает, что нарушитель равновесия знал и равновесие.

Знал и тем не менее...

Тут попадаю на почву нашего принципиального разногласия: 1) хочу кричать о необходимости *дела*, 2) об отношении религии к искусству, 3) теософии к теургии, 4) Канта к Шопенгауэру, 5) законченной (и тем приконченной) красоты к незаконченной (к безобразию), 6) классицизма (в необычном смысле) к декадентству, 7) Германии к России.

1) Всякое созерцание выше обыденной жизни. Отсюда, конечно, выход в созерцающий квиэтизм, убегание от *безобразия* при сознании невозможности исправить это безобразие существующими средствами в *данный момент* бытия. Отсюда официальное отношение к жизни даже при наличности всевозможной горячности *прозревания*. И не призывом к социальной работе, не принципом разделения труда, не упреками в паразитстве или механичности я буду громить созерцающе-вещий квиэтизм, выросший на скептицизме и критицизме, а указанием на нежелание

проводить действующие религиозные начала в мыслях, в жизни, в литературе — начала, меняющие этот красиво и мудро построенный компромисс — *слишком хитрый*; действительно: если существует «*нечто*», нисходящее в область феноменов (а всякая религия таковое предполагает: тем она и религия, а не философский критицизм, принципиально не отвергающий религию, но и не идущий к ней) — если существует «*оно*» — актом молитвенного призывания, вооружившись мистической помощью, — должны мы *начать* изменение жизни; я знаю, это так трудно: тут может открыться гниль, тут обвал, а измененное когда-то еще будет *высвечено*; но еще тяжелее сидеть в избе, которая может скоро рухнуть, и умильно поглядывать на небо из окна, проще бы выйти: да вот не хочется проходить крытый двор, где ноги утонут в жидком навозе, а тем паче выводить других. Но вот крыша рушится; прихлопывая человека, застилая и *окно*, т. е. эстетствующий компромисс, и в этом грохоте проваливающихся балок слышно грозное: «Горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры»...[12] «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Матфей)[13]. Почему Заратустра, несмотря на свою «*розовую тишину*» и «*безоблачное молчание*»[14], несмотря на презрение *даже* к высшим людям («все эти высшие люди (Платон (?), Кант (?), Гёте (?), Бетховен (?)), может быть, они не хорошо *пахнут*?»[15]). И вот он все-таки спускается проповедывать, т. е. звать, приурочивая свои ухождения (а у многих *убегания*) к накоплению сил, а прихождения к отдаванию этих сил... А вы знаете, что лучше зловонная толпа обычных людей, чем сквозь духи и курения припахивающий высший человек, ибо последнее — *Компромисс*, терпимый, уважаемый, но не единственно возможный и необходимый, а особенно для настоящей эпохи. Кроме того: во всяком *созерцании* — намек на прошедшее блаженное действие или отблеск будущего дела; даже созерцание «*последней высоты*» предполагает устремление души и тела на эту высоту путем *самодеятельного* преображения... Я не знаю: по-моему, смрадный, прокаженный пророк, покрытый пылью, в лохмотьях, не смешон: трудно, да и невозможно его представить в смешном положении, а вот *припахивающий сквозь духи* гений ужасно часто — комичен. Отсюда я за пророков, а не за гениев.

Классическое искусство рождало гениев; теперь гении вымирают, да уж и нет их; в будущем возможность их появления потонет в разлагающем классицизм декадентстве.

Истинное декадентство (если его понимать, как отделение) — это переход от культуры, созидающей гениев, коих существование основано на компромиссе, к культуре, созидающей пророков, т. е. людей, приготавливающих человечество к самодеятельному преображению жизни. Соответственно этому литератор в будущем переходит в проповедника, поэт — в *пророка*. Я не стану приводить оснований того, что теперь, конечно, пророки и проповедники нужны человечеству, а не гении.

Да. Ужасное назначение декадентства. Ужасно назначение декадента: вытравить красоту созерцания лихорадкой движения. И мне начинает казаться, что не след декадентам пробиваться к пушкинской гармонии, ибо это было бы, пожалуй, предвзятостью, уступкой обществу, которое бы со своей стороны и допустило бы *декадентство* и *узаконило*, но какой ценой! Да. Новая гармония, быть может, достигнется лишь там, в конце, вдали, на краю горизонта, а не здесь, не сейчас. Да. Декадентство — это кругосветное путешествие, а не приятное partie de plaisir* в область безумия. В последнем случае оно неминуемо ведет к смерти, а не к вырождению из современно-пошлых условий существования.

2) Уже в древнеперсидской религии 9-ти чинам ангельским соответствовали девять порядков идей. Отсюда ясна связь идейного отношения к искусству с религиозным отношением к действительности. Отсюда первый намек, что существуют грани и плоскости, откуда искусство переходит в религию, а не обратно, ибо ангелы, да и идеи суть отношения Господа к миру, следовательно, обусловлены религиозным началом, а не обратно. Кроме того: научно-позитивный атомизм переходит либо в динамизм и энергетизм, откуда действительность рассматривается с одной плоскости, либо в монадологию. В освещении Соловьева центральная монада есть в то же время и идея, т. е. вечно-сущее, непреходящее, типичное в известной вещи. Из разнообразной и бесконечной интеграции монад вытекают различные

* Увеселительное путешествие (*фр.*).

отношения между ними, дающие возможность монаду «b» рассматривать как родовую относительно монады «с» и как видовую относительно монады «а». И так без конца. То же относительно идей. И в девяти ангельских чинах мы имеем, быть может, какое-то предвечное подразделение идей. Из прямого отношения между объемом и содержанием в идеях (обратного отношению объема к содержанию в понятиях) вытекает увеличение их значительности, увеличение их психического воздействия на человека. Последняя ступень обобщения — Душа Мира, Мировая Идея, возносящаяся над другими, не ***окончательными*** порядками идей — монад — ангелов — «*Честнейшая Херувим, и славнейшая без сравнения Серафим, без истления Бога Слова, родшая*», *Ее величаем...*[16] И искусство, по мере углубления, начинает переходить в славословие Той, Которая открывается как отблеск на каждой вещи, о Которой только мечтал величайший из гениев Гёте, и Которой Приближение указывает в некрасивых, быть может, но уже почти пророческих словах Вл. Соловьев:

Знайте же, Вечная Женственность ныне
В Теле нетленном на землю идет.
В Свете Немеркнущем новой богини
Небо слилося с пучиною вод[17]

(т. е. небо верхнее с небом нижним, две темы изумительной сонаты Вашего брата[18], Артемида и Венера «*Ипполита*»[19]).

Искусство с этой вершины уже не может довольствоваться гениальными прозрениями, оно сосредоточивается на прозрениях пророческих, религиозно-окончательных (ибо Она — Конец, Радужные Врата, выпускающие нас из голубой *тюрьмы* на Христову Свободу). Какой бы вершины *эстетическое* художество ни достигало, оно уж не утолит нас *окончательной сладостью*, *окончательной свободой*, которую дает теургическое, религиозное искусство, т. е. искусство *относиться через Нее, скорой Заступницы и Помощницы, к Богу*; такое же искусство есть уже религия, а всякая религия обязывает нас к бесконечно большому, охватывает жизнь, к *святому делу*, к *молитве* взывает. Я не требую ограничения искусству, я только преклоняюсь пред всяким художественным произведением, перед Ней же или перед Христом я *падаю ниц*.

Современное человечество не сразу подошло к этим эстетическим вершинам, засквозившим теургией. Дальнейший путь должен заключаться в концентрации теургического (которое есть синтез бесконечности *эстетических и только* идей) и атрофии эстетического и только. Это не означает обязательности атрофии вообще искусства, а только эстетического в искусстве прогрессирующем.

Мой вывод. Гении только открыли теургические перспективы. Роль пророков *совсем увести* в эти открывшиеся горизонты. Пророк — гений наизнанку, или вернее: гений — недоросший пророк, и *классик* недоросший *декадент*. Я парадоксален, но *услышьте* мои точки зрения и вы увидите, что это так.

Июля 3-го.

Продолжаю о пунктах расхождения с Вами. Только что перечитал написанное вчера: не отказываюсь от написанного; приглашаю лишь понимать все это в смягченном тоне, а то много угловатых и резких суждений.

3) О *теософии* и *теургии* писал Вам когда-то. Не отказываюсь от написанного. Прибавлю, что *теософия* — удел гениев, теургия — пророков. Трудная примиримость той и другой облегчается, как бы цементом — церковью, которая, сохраняя предания, указывает, как на направление линии дальнейшего развития религиозной истины на земле (теургии), так и дает пищу для осмысливания (теософии). Вопросы культурно-исторические, эстетические, социальные, коснувшись в последних своих выводах теургических деяний, оформленных теософскими *схемами-знаниями*, вдруг оказываются во власти господствующей религии, утраченный смысл которой загорается от предшествующего грандиозного наведения. Из контроля, вытекающего между взаимным сопоставлением теургизма, теософии, Писания и Предания рождается то, что я называю методом искренности, которым принуждены *volens nolens** руководствоваться мы. Присутствием метода *искренности* или отсутствием его я различаю *своих* от *не своих*, все равно, кто они: декаденты (в глупо-тривиальном смысле) или не декаденты, софисты или психологи, либералы или консерваторы. Зачатки метода искренности — вот что соединяет

* Волей-неволей (*лат.*).

людей, сбросивших путы прошлого (вернее, впитавших и переработавших это прошлое), причем их переработка дошла до определенной черты, откуда разным людям открывается, как знание, *единая, грядущая, милая радость* — открывающаяся как *знание*, а не как *со-знание*.

Резюме: декадентство есть тот эквивалент, прибавка которого необходима для начала формировки в человеке пророческого элемента.

4) Из всего предыдущего явствует, в чем заключается наше разногласие относительно Канта и Шопенгауэра. То, что я называл в начале письма слишком хитрым и умным (даже мудрым)... *компромиссом*, есть нечто веками вырабатываемое, законченное, совершенное в своем роде, если не принимать во внимание опускание глаз перед Господом Богом. Слишком не хочется покидать это блаженноспокойное, как бы у неба предвосхищенное, а на самом деле украдкой стянутое спокойствие для того, что еще смутно мерещится вдали. Кантовская теория познания есть таковое явление в философии. Шопенгауэр уже глухо, несуразно заваривает ту кашу, необходимый выход из которой — *философский символизм*. Соловьев логически отчетливо формулирует изменившееся в теории познания отношение между *нуменом* и *феноменом*. Этот акт переработки огромнейшей важности. Уже в перекрестном сопоставлении закона основания познания с зак<оном> осн<ования> бытия, закона причинности с закон<ом> мотивации раздается вздох пробуждающегося хаоса, превратившийся в ураган на наших днях, разрушающий, ломающий, освежающий ураган Мирового. Вы как-то писали, что Шопенгауэр мне ближе, как славянину, своим пессимизмом. Но я враг пессимизма, и это свойство шопенгауэровской философии теперь мне чуждо. Значение его открывается мне, если я буду рассматривать с точки зрения исторического момента развития философской мысли. А что Шопенгауэр мне нравится как славянину (вернее, как русскому)[20], под этим я подписываюсь. Шопенгауэровское построение грандиозно начато, проникновенно задумано, но аляповато-несуразно, даже безобразно... Какая противоположность заглаженно-несокрушимому Канту!.. Но то же декадентски безобразное, титаническое по начинанию, но не вскипевшее «*что-то*» аналогично шопенгауэро-ницшевскому, только всегда религиозно-теургически — вечно-загрязненное,

желто-янтарное (у Ницше ослепительно-золотое), как воск густое и как мед ароматно-тягучее (у Ницше *«оно»* — воздушное), пронизало русский народ и где-то глубоко, глубоко сквозь *вечную выржденность*, *пессимизм*, вспыхивает, *но таким пламенем*, что невольно рождает мысль о русском деле, как *деле* мировом, *несмотря ни на что*. Быть может, переворот германской мысли и искусства от великого равновесия к великому неравновесию есть переход к тому, что глухо, века волновало непросветленный русский хаос, лишенный навсегда германского равновесия благодаря 200-летнему порабощению и унижению за спасение других (Европы), а также благодаря множеству роковых ошибок. Быть может, России нужна германская культура для того, чтобы восстало из хаоса то, что выше всякой культуры — занесенная с Востока бездонная глубина теургии. Невольно припоминается мне стихотворение одного очень милого студента-новопутейца, Семенова, у которого я и списал его[21]:

Я пустынею робко бреду
И несу ей свечу восковую.
Ничего от пустыни не жду,
Ни на что не ропщу, не тоскую...

Жадно тени столпились кругом.
Их пустыня мне шлет роковая.
Неповинен пред ней я ни в чем,
Как невинна свеча восковая.

Кем, зачем мне она вручена?
Я пред тайной теряюсь, робею,
Но не мною свеча зажжена,
И свечу загасить я не смею...[22]

Вот он несет свою свечу, безвинно окруженный пустынными тенями! И уже в золотом пламени ницшеанского дионисианства можно угадать то пламя, которое зажжет великим пожаром восковую свечу безвинно-декадентского народа. И сквозь вечное убожество (юродство) русских *«выродков»* вечно слышалась и пушкинская *египетски*-ницшеанская цыганственность, зароненная навсегда искони. Сколько дионисианской радости в словах:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять…[23]

Здесь восковая свеча, растопленная и золотисто-янтарная, начинает сверкать ослепительно ницшевской винностью среди униженных равнин сквозь пронзительный визг метели[24]. И обратно: здесь мечты о человекобожестве преображаются светом немеркнущим, здесь сверхчеловек Ницше зажигается пред Господом, как *«свеча восковая» — великая свеча…**

Мой тезис: от Гёте к Ницше (показавшем на себе, чем тайно болел гётизм) и от Ницше к Тому Неизвестному, который дальше Достоевского, всегда живущего скрыто в русском народе. Или: Германия, классическая страна гениев, продолжится в декадентской России — грядущей стране пророков. Нечто, соединяющее Германию с Россией, есть в изумительной сонате Ник<олая> Карловича (ведь есть же в ней много чисто русско-мистического наряду с германским точно так же, как и в *Альбоме*[26]). Вот куда я невольно перепрыгнул от Шопенгауэра и Канта.

Дальнейшие наши разногласия (5, 6, и 7) вытекают из вышеизложенного. Я бы мог продолжать, но ведь надо же наконец и прикончить это безмерно затянувшееся письмо.

Переписываю Вам одно из моих стихотворений под названием «*Вечный Зов*», состоящее из трех отрывков.

Вечный Зов

1

Пронизала вершины дерев
Желтобархатным светом зоря.
И звучит этот вечный напев:
«Объявись — зацелую тебя».

Старина в пламенеющий час,
Обуявшая нас мировым, —
Старина, окружившая нас,
Водопадом летит голубым.

* Характерно, что Ницше — славянин[25].

И веков струевой водопад,
Вечно грустной спадая волной,
Не замоет к былому возврат,
Навсегда засквозив стариной.

Песнь все ту же поет старина.
Душит тем же восторгом нас мир.
Точно выплеснут кубок вина,
Напоившего вечным эфир.

Обращенный лицом к старине,
Я склонился с мольбою за всех.
Страстно тянутся ветви ко мне
Золотых, лучезарных дерев.

И сквозь вихрь непрерывных веков
Что-то снова коснулось меня…
Тот же грустно задумчивый зов:
«Объявись — зацелую тебя»…

2

Проповедуя скорый конец,
Я предстал, словно новый Христос,
Возложивши терновый венец,
Разукрашенный пламенем роз.

В небе гас бархатистый пожар.
Я смеялся фонарным огням.
Запрудив вкруг меня тротуар,
Удивленно внимали речам.

Хохотали они надо мной,
Над безумно смешным лжехристом.
Капля крови огнистой слезой
Застывала, дрожа над челом.

Гром пролеток и крики и стон.
Ход бесшумный резиновых шин…
Липкой грязью окаченный вдруг
Побледневший утих арлекин.

Яркогазовым залит лучом,
Я поник, зарыдав, как дитя.
Потащили в смирительный дом,
Погоняя пинками меня.

3

Я сижу под окном,
Прижимаюсь к решетке, молясь.
В голубом
Все застыло искрясь.

И звучит из дали:
«Я так близко от вас,
Мои бедные дети земли,
В золотой янтареющий час…»

За решеткой тюрьмы
Под окном
Ей машу колпаком:
«Скоро, скоро увидимся мы»…

С лучезарных крестов
Нити золота тешат меня…
Тот же грустно-задумчивый зов:
«Объявись — зацелую тебя»…

Полный радостных мук,
Утихает дурак.
Тихо падает на пол из рук
Сумасшедший колпак[27].

Письмо Ваше получил, точно так же как и предпоследнее[28]. Спасибо за «*ядовитую*» статью. Что касается до «*братушек*», то вполне разделяю Вашу нелюбовь к мужикам, считающим себя европейцами, а Кронштадтского понимаю[29].

Да хранит Вас Христос.

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне.

P. P. S. На днях пошлю в «*Новый Путь*» статью, где между прочим говорю об «Альбоме» и об неизданной Сонате Николая

Карловича[30]. Не будучи музыкантом, чрезвычайно затрудняюсь определять совершенство этих произведений с музыкальной точки зрения. Поэтому беру за главную теургическую точку. Не знаю, пропустит ли цензура (их ужасно казнят, вычеркивая решительно все, что имеет какое бы то ни было отношение к религии).

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 18. Помета красным карандашом: «XVIII».

[1] См. п. 34, примеч. 2.

[2] А. С. Петровский и В. В. Владимиров выехали из Москвы вместе с Белым, его матерью и теткой в родительское имение Серебряный Колодезь (Старогальская волость Ефремовского уезда Тульской губернии) 12 июня 1903 г., провели там вторую половину июня. См.: *Белый — Петровский.* С. 59–61.

[3] А. М. Метнер.

[4] Речь идет об унаследованном Белым после смерти Н. В. Бугаева участке земли вблизи Адлера. Ни в 1903 г., ни десять лет спустя, когда Белый вновь озаботился проблемой продажи этой территории, его намерения практических результатов не принесли. См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 39.

[5] Под «акцизом» (пошлина на продукты, производимые внутри страны) Белый здесь подразумевает, видимо, не только специальное управление, заведующее акцизными сборами, но и в более широком смысле чиновничью государственную службу.

[6] Положительного результата попытки Белого устроиться на службу не дали. Ту же озабоченность он выражал в письме к В. Я. Брюсову от 6 июля 1903 г. (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 358).

[7] См. примеч. 26 к п. 31.

[8] Мф. 27: 46; Мк. 15: 34.

[9] См. примеч. 35 к п. 21.

[10] Неточная цитата из раздела «Медовая жертва» части 4-й поэмы «Так говорил Заратустра» в переводе Д. Борзаковского (*Ницше Фридрих.* Собр. соч. Т. I. Так говорил Заратустра. М.: изд. М. В. Клюкина, <1900>. С. 261–262).

[11] Цитата из того же раздела (Там же. С. 262).

[12] Мф. 23: 13–15, 23, 25, 27, 29; Лк. 11: 44.

[13] Мф. 10: 39.

[14] Образы из цитированного выше (см. примеч. 10, 11) раздела (*Ницше Фридрих.* Собр. соч. Т. I. Так говорил Заратустра. С. 262).

[15] Цитируется «Песнь тоски» (1) из части 4-й поэмы «Так говорил Заратустра». См.: Там же. С. 326; *Ницше.* Т. 2. С. 214.

[16] Неточно приводится припев к богослужебной молитве — к каждому стиху Песни Пресвятой Богородицы.

[17] Строфа из стихотворения Вл. Соловьева «Das Ewig-Weibliche. Слово увещательное к морским чертям» (1898). См.: *Соловьев.* С. 121.

[18] Подразумевается Соната для фортепиано f-moll op. 5 Н. К. Метнера.

[19] Девственная богиня охоты Артемида и богиня любви Афродита (Венера) — действующие лица трагедии Еврипида «Ипполит» (428 до н. э.); их противостояние движет мифологическим сюжетом трагедии.

[20] См. п. 21.

[21] С Л. Д. Семеновым (опубликовавшим в № 5 «Нового Пути» за 1903 г. драму «Около тайны») Белый познакомился в день похорон своего отца (см. п. 34, примеч. 2) и затем многократно встречался с ним в первой половине июня 1903 г. (см.: *Лавров А. В.* Леонид Семенов — корреспондент Андрея Белого // Россия и Запад. Сб. статей в честь 70-летия К. М. Азадовского. М., 2011. С. 228–230).

[22] Под заглавием «Свеча» опубликовано в «Новом Пути» (1903. № 11. С. 151), вошло в кн.: *Семенов Леонид.* Собрание стихотворений. СПб.: изд. Содружества, 1905. С. 13; варианты — ст. 5: «Тени жадно столпились кругом»; ст. 10: «Я не знаю, пред тайной робею…» См.: *Семенов Леонид.* Стихотворения. Проза / Изд. подгот. В. С. Баевский. М., 2007. С. 10, 508–509 («Литературные памятники»). Первую строфу этого стихотворения Белый процитировал также в письме к А. С. Петровскому от 18 августа 1903 г. (*Белый — Петровский.* С. 67).

[23] Заключительная строка стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных…» (1829).

[24] Использован образный строй стихотворения Пушкина «Бесы» (1830); ср.: «Средь неведомых равнин!»; «Средь белеющих равнин»; «Визгом жалобным и воем».

[25] В автобиографический книге «Ecce Homo» (1888) Ницше писал: «…мои предки были польские дворяне: от них в моем теле много расовых инстинктов, кто знает? <…> Когда я думаю о том, как часто обращаются ко мне в дороге как к поляку даже сами поляки, как редко меня принимают за немца, может показаться, что я принадлежу лишь к *крапленым* немцам» (*Ницше.* Т. 2. С. 700–701. Перевод Ю. М. Антоновского). Ср. сообщение в письме Ницше к Г. Брандесу от 10 апреля 1888 г.: «Мои предки были польские дворяне (Ницки); должно быть, тип хорошо сохранился вопреки трем немецким матерям. За границей меня обычно принимают за поляка. <…> Мне говорят, что моя голова встречается на полотнах Матейко» (цит. по: *Свасьян К. А.* Фридрих Ницше: мученик познания // Там же. Т. 1. С. 5).

[26] Видимо, подразумевается первый опубликованный опус Н. К. Метнера — «Восемь картин настроений» («Acht Stimmungsbilder») для фортепиано.

[27] Впервые опубликовано в книге Белого «Золото в лазури» (С. 17–20), с посвящением Д. С. Мережковскому; варианты — 2-я часть, строфа II, ст. 1: «В небе гас золотистый пожар»; строфа IV, ст. 1: «Гром пролеток, и крики, и стук»; 3-я часть, строфа III, ст. 1–2: «И под тусклым окном // за решеткой тюрьмы». См.: *СП — 1*. С. 85–87.

[28] Имеются в виду п. 35, 36.

[29] Речь идет о газетных гранках, приложенных к п. 36.

[30] Имеется в виду статья Белого «О теургии» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 100–123).

38. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

12–13 июля 1903 г. Нижний Новгород

12 июля 1903 г. Н. Новгород.

Раньше всего, мой милый и дорогой Борис Николаевич, позвольте Вас пожурить… Не могу не сделать этого: старею; из Эмилия Карловича, из Мили постепенно и очевидно преобразовываюсь в «дядю Милю»; а дяди все поварчивают, брюзжат… Я так был удивлен, получив Ваше письмо от 2 июля, что даже не сразу обрадовался ему… И вдруг читаю, что Вы пишете, чтобы я опять и т. д… Да я ни разу за все это время не укорил Вас даже мысленно за Ваше молчание, вполне естественное. Кроме того, от столь близких мне людей, как Вы, я готов получать ежедневно письма с «нравственной утомленностью» в каждой букве. Если только Вас облегчает это, то пишите мне; я же, в свою очередь, постараюсь, если это возможно, разделить с Вами, или лучше, отделить от Вас эту «нравственную утомленность». Вы, кажется, не шутя считаете меня каким-то монстром мнительности. Алексей Сергеевич (он сегодня утром уехал в Саров)[1] — передавал мне Ваше и сообщил свое мнение о моей фотографии. Она Вам, также как и ему, не понравилась, что мне вполне понятно; у меня крайне нервное лицо, и снять меня очень трудно; гораздо легче писать портрет. Между тем Вы пишете, что имеете против «совсем маленькое нечто…» и «чуть, чуть». Я хохотал, читая это, т<ак> к<ак> в эту минуту я очень ясно видел выражение Вашего лица в то время, как Вы это пишете! Вы — очень милы и… галантны. Ну а я вовсе уж не так мнителен… Вот только стар я стал и ворчлив. Дело в том, что я не могу жить без музыки…

Перехожу к делу, к деловитому. Об акцизе — нечего и *думать.* О преподавательской деятельности — нечего *мечтать*: едва ли Вы получите место в Москве. Против учительства (не мистического, а географического) я ничего не имею: занятие благородное и для Вас полезное: Вы бы приучились говорить с детьми; сначала с детьми по возрасту, а там и с детьми по уму-разуму. Сначала устно, а затем уж и письменно. Вы видите, что я готов вполне одобрить Вашу затею читать лекции. Но думаю, что Вам бы следовало брать пример не с Касперовича (столь же глупого, сколь и культурного) с его волшебными фонарями и неволшебными пианистками[2], а с Брюсова, который, несмотря на его не только (как у Вас) декадентскую прокаженность, но и декадентскую сущность, умеет говорить не только как упорный маг, сложивший руки[3], но и как добросовестный сократик; и я признáюсь Вам, что последняя роль ему более к лицу! Вы, конечно, никогда вовсе не лишитесь своей пьяной радости, которая у Вас не только *Ваше* raison d'être*, но и *всеобщее*, *русское*, чистое (не мутное), я бы хотел сказать целомудренное бражничанье; если изъять только некоторые угловатости и нагромождения (результат молодости и некоторой декадентской прокаженности), — то Вы успели уже дать меру, образчики этой пьяной радости, каких немного. К тому же Вы молоды, a Jugend, сказал Гёте, ist Trunkenheit ohne Wein...[4] Поэтому скажите себе вместе с ним:

Sei mir heute nichts zuwider!
Fühle mich so frank und frei;
Frische Lust und heitre Lieder,
Holt' ich selbst sie doch herbei.
Und so trink' ich! Trinke, trinke!
Stoßet an, ihr! Tinke, Tinke!**
Du dort hinten, komm heran!.
Stoβet an, so ist's gethan[5].

Но Вы не только не лишились и не лишитесь этой пьяной радости; пусть также она царит и в Ваших лекциях.

13 июля. Представьте! Я еще не дочитал до конца Вашего письма, которое пришло третьего дня вечером. Дело в том, что

* Разумное основание, смысл (*фр.*).

** Tinken значит чокаться (*Примеч. Метнера*).

я решил отвечать на него по мере чтения. И в этой задаче своей встретил препятствие в лице Алексея Сергеевича и Андрея Михайловича (брата жены)[6]; Вы знаете, как мне трудно оторваться от разговора… Итак; да здравствует пьяная радость! Но пусть она не изгоняет из Ваших лекций ту долю элементарной азбучной ясности, которая необходима для аудитории, состоящей из лиц с «минимальной и примитивной культурностью». Не бойтесь, что половина лекции будет непонята почти всеми, лишь бы другая половина была понята почти всеми. Тогда успех Ваш обеспечен. Скажу о Нижнем. Здесь среди представителей интеллигентской расы царит мысль о необходимости умственного развития, par excellence, <*нрзб*>, т. е. развития без сосредоточения, развития неизвестно куда и зачем. Главари (например, газетчики), конечно, знают куда: в сторону *дельности*; вот почему печать казнит бездельников-декадентов, начиная с Фета и Вл. Соловьева (?! «специалиста по демонологии», как его назвал один местный scribler)[7] и кончая Андреем Белым и Розановым. Признаюсь, я ждал неблагосклонных предварительных заметок о Касперовиче; однако с газетных столбцов было лишь заявлено, что любопытно, мол, послушать, что скажет нам о новом искусстве один из его представителей; правда, в тоне этой заметки слышалось: *ничего путного не скажет*[8]; но это только мог прочесть между строк внимательный читатель… Публика толпой валила на лекцию… Пойдет она охотно и на Вашу. Пойдет в особенности, если nimbus* учености, «буквальности» замечен будет ею в оглавлении. Я вполне одобряю Ваш план. Во всяком случае Вы должны сделать попытку стать на свои ноги без помощи акциза и т. п. —

Я мог бы очень много, дорогой Борис Николаевич, сказать Вам не против, а по поводу Вашего великолепного разбора нашего с Вами принципиального разногласия, но не сделаю этого по двум причинам: 1) некогда: гостит брат жены; 2) даже если бы и удосужился, то не сумел бы вполне высказаться по усталости своей мысли, которая все медленнее и слабее движется у меня. Ограничусь весьма немногим. Когда осенью прошлого года мы лихорадочно интервьюировали друг друга, то оказалось, что,

---

* Облако, туман; ореол (*лат.*).

помимо чисто вкусового (расового) несогласия о Шопенгауэре и Канте, мы вполне во всем солидарны вплоть до осуждения *будем же делать* Мережковского[9]. Не отрицая правомерности ожидания, необходимости пребывать в боевой готовности ввиду очевидного для маломальски зрячих приближения к узловой станции, поворотному пункту, мы оба признавали тогда нетерпение даже кощунственным. Ведь надо же признать, что реально эмпирически то, что Вы показываете в Своем *Пришедшем*, в данный исторический момент еще невозможно. По всей вероятности, мы находимся *относительно* близко к X, Y, Z, — ну, напр<имер>, на U, V; но эта *относительность*, может быть, продлится три-четыре столетия, подобно промежутку от Сократа и Платона до Христа. Ведь и Еврипид уже был декадент… относительно Эсхила и Софокла… Ваш *Пришедший*[10] есть гениальный симптом, а отсюда до пророческого (не предусматривающего *события*, а *создающего* их) глагола отнюдь не рукою подать… Таким же симптомом является и все Вами написанное в последнем Вашем письме. Я в основных чертах *принимаю* все это, но думаю, что на мой век достаточно и одного *принятия*, спокойного ожидания, квиэтизма, гениальности. Мне жутко от теургизма (чистого, не смешанного с элементами ему предшествующими), от пророческой стремительности; мое слабое сердце не выдержит такого полета; я ни на чей зов сам не двинусь, ни на чей человеческий; а на призыв сверхчеловеческий мне, если только я доживу до него, труда не будет двинуться; я готов, а силы, которых нет у меня для следования призыву человеческому, даст мне тот Сверхчеловек, призыв которого раздастся… Пишите, пишите мне, дорогой Борис Николаевич, все, что Вы думаете; я все готов слышать; я думаю, что я более готов к этому, чем многие другие, именно вследствие пассивности своей… Я пока ограничусь *по существу* сказанным. А теперь коснусь частностей: 1) мне страшно нравится Ваше отношение (pietas*) к Вашей матушке. Я заметил и оценил это еще тогда, когда был у Вас в гостях. 2) «Но везде вместо солнца ослепительный пурпур огня»[11] — вот что смутило меня в стихотворении, мне посвященном! Теперь после Вашего

* Любовь, нежность, преданность (*лат.*).

теперешнего письма ко мне я начинаю понимать эти строки и прошу Вас извинить меня за вздор, который я Вам, кажется, написал тогда[12]. *Сознательно* благодарю Вас за это посвящение. 3) В музыке Коли[13] говорит глубокий германец о русской глубине. Но это не всегда: в Коле есть нечто архиантидекадентское, что́ часто уединяет на высотах чистого эгоистического и отнюдь не русского созерцания. — 4) Едва ли Ницше — славянин! Он такой же сомнительный славянин, как Боголюб Ефрем Лесников (Лессинг), как Любенюк (Лейбниц)[14] и т<ому> п<одобные> славянофильские химеры. Ведь тогда Пушкин — арап, Жуковский — турок, Чайковский — армянин, Лермонтов и Кант — шотландцы, Фет — немец и т. д. и т. д. ...

До свиданья! Поклон Вашей матушке... Жду Вас с нетерпением в ноябре. — Анюта[15] кланяется Вам. Христос с Вами. Горячо любящий Вас Э. Метнер*.

С роковым значением для России монгольского ига я никак не могу согласиться; Россия отделена от Запада не Уральским хребтом и не Китайской стеною; вольно же ей было терпеть это иго 200 лет; да и иго то это вовсе уж не так тяжко было; тридцатилетняя война похуже изуродовала Германию...[16] Вообще я враг ссылок на несчастные обстоятельства, если речь идет о крупных явлениях вроде мировой роли великой нации. Ваш *Вечный Зов* (вещь изумительная по дерзкому сочетанию идеализма и натурализма) разве не показывает Вам самому, как рискованно из совершенно правильной по существу формулировки хода судеб человеческих переходить под влиянием грустно-задумчивого зова к реализации формулированного... Тут одно из двух: или, чувствуя призвание стать одним из предтечей, надо удалиться от мира для подготовки, или же, оставаясь в миру, исполнять свой долг, не сомневаясь в богоугодности его... Tertium non datur**: впрочем, участок или дом умалишенных... Преждевременно появившийся на свет теургизм может вызвать или оргиазм, или квиэтизм, но уже не эстетический, а нечто вроде маразма дряхловосточной нирваны[17].

Зачеркнул из-за «pietas» к Кронштадтскому. Но отказываюсь без Вашей двойной помощи обмозговать этот факт.

---

* *Последующий текст — на блокнотном листке, подклеенном к письму.*

** Третьего не дано (*лат.*).

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 19.
Ответ на п. 37.

[1] В письме от 9 июня 1903 г., отправленном с подмосковной станции Подсолнечная, А. С. Петровский сообщал Метнеру: «В Нижнем надеюсь быть между 12–15 июля. Мне очень хочется подольше побыть у Вас, а затем хорошенько потолкаться в толпе вокруг Сарова и Дивеева в качестве туриста и корреспондента „Летописи мира“ — наблюдая и отмечая. Я не шутя считаю это событие одним из важнейших современных мировых событий <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24). Петровский уехал в Саров на торжества в связи с канонизацией Серафима Саровского (см. примеч. 35 к п. 21).

[2] См. п. 31, примеч. 26, п. 33, примеч. 3.

[3] Обыгрываются строки из стихотворения Белого «В. Я. Брюсову» («Я в свисте временных потоков...», 1903): «в венце из звезд упорным магом», «застывший маг, сложивший руки» (см. примеч. 4 к п. 33). См.: *СП — 1*. С. 131, 527.

[4] Цитата из «Западно-восточного дивана» («West-östlicher Divan», 1819): «Юность — пьянство без вина» («Саки-наме. Книга Кравчего»). См.: *Гёте Иоганн Вольфганг*. Западно-восточный диван / Изд. подгот. И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. М., 1988. С. 99 («Литературные памятники»).

[5] Цитата из «Фауста» (ч. 2, действие 1-е, «Маскарад»), слова Пьяницы. В подстрочном переводе: «Не смей никто мне сегодня перечить! Нет мне нынче удержу! Вольно дышу! пою песни, и пью, пью, пью без конца! Звените стаканами: тинк, тинк! Ей ты, что стоишь сзади! — выходи и чокайся! Чокайся и дело с концом!» (Фауст, трагедия Гёте / В переводе и объяснении А. Л. Соколовского. С. 160).

[6] А. М. Братенши (1882–1906) — брат А. М. Метнер; студент филологического факультета Московского университета.

[7] От *лат.* scribo — писать, сочинять.

[8] См. примеч. 3 к п. 33.

[9] Подразумеваются прорицания о «конце русской литературы» в заключительной главе исследования Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский»: «...может быть, конец русской литературы, то есть великого русского созерцания, есть начало великого русского действия» (*Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. М., 2000. С. 477 («Литературные памятники»)).

[10] См. примеч. 19 к п. 20.

[11] Заключительные строки стихотворения «Золотея, эфир просветится...», входящего в двухчастный цикл Белого «Золото в лазури», посвященный Э. К. Метнеру. См. примеч. 9 к п. 33. Впервые опубликовано: *Андрей Белый*. Золото в лазури. С. 7–8. См.: *СП — 1*. С. 81.

[12] Имеется в виду отзыв о том же стихотворении в п. 33.

[13] Н. К. Метнер.

[14] Иронические «славянские» эквиваленты имен Готхольда Эфраима Лессинга и Лейбница.

[15] А. М. Метнер.

[16] Тридцатилетняя война (1618–1648) между католическим габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии, поддержанные папством и Речью Посполитой) и протестантской антигабсбургской коалицией (германские протестантские князья, Франция, Швеция, Дания, поддержанные Англией, Голландией и Россией).

[17] Последующий текст — приписка синим карандашом на обороте газетной гранки хроникальной заметки о выступлении Иоанна Кронштадтского, перечеркнутой красным карандашом:

«По поводу известного уже читателям письма о. Иоанна Кронштадтского, напечатанного в *Знамени*, *Новости* замечают:

„Странно появление в Кронштадте «почетного лица» со специальною миссиею обелить перед высокочтимым пастырем виновников погрома и, напротив, очернить гниющие уже в могиле жертвы этого бедствия. Точно от о. Иоанна зависит окончательное решение участи кишиневских громил… Странно старание «почетного лица» добиться всенародного отречения популярного пастыря от своего глубокоуспокоительного слова.

Странна эта торопливость, с какою почетному пастырю поданы были перо и чернила для немедленного написания отречения…

И как бы ни радовались отречению о. Иоанна те, которые сочли обязательным для себя замолчать высокогуманное слово почетного пастыря, оно, это отречение в душе каждого благомыслящего, уважающего о. Иоанна, человека оставит осадок чрезвычайной горечи: ведь, отвергнутое им слово заключало в себе пастырское осуждение насилий и убийств, не находящих себе оправдания ни с какой точки зрения!“»

39. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

25 июля 1903 г. Серебряный Колодезь

1903 года 25 июля.

Многоуважаемый и дорогой Эмилий Карлович!

Ужасно рад получить от Вас письмо. Спасибо за «*журенье*»: принимаю и молчу, ибо Вы попали в сущность одного моего большого недостатка — боязнь сказать то, что может, если и не произвести на человека дурного впечатления, то во всяком случае оставить осадок, но опять-таки я излишне «*галантен*» до известной черты, за которой уже не знаю границ. Всю жизнь

стараюсь избавиться от двух (в сущности от одного) недостатка: от излишней мягкости и грубости.

Уведомляю Вас, что отправил в «*Новый Путь*» статью, в которой одна часть посвящена произведениям Николая Карловича (альбому)[1]. Я принужден был поступить так (т. е. вместо отдельной заметки говорить о Вашем брате в статье), потому что не могу, конечно, с чисто музыкальной точки зрения писать о таких высокохудожественных произведениях. Поэтому, упомянув вскользь о их выдающейся художественности, стал напирать на *теургизм* их, что на фоне всей статьи (она называется: «*О теургии*») больше оттеняет и уясняет произведения Вашего брата, нежели это возможно в заметке. Содержание статьи таково (привожу оглавление отрывков, из которых она состоит): «*Отзывчивость идей. Теургия и магия. Их выражение в музыке. Магизм Лермонтова. Произведения г. Метнера, их теургизм. Теургический путь*»[2]. Я не послал Вам предварительно (по уговору) о Ник<олае> Карл<овиче>, потому что отрывок, вырванный из предыдущего и последующего, не мог иметь самостоятельной цельности, опираясь на предшествующие рассуждения, а всю статью я торопился отослать, чтобы она могла появиться в августовской книжке. Не знаю, 1) пропустит ли духовная цензура (там много есть, к чему можно придраться), 2) не обезобразит ли чего-нибудь редакция, 3) поместят ли вообще *мое*, ибо у нас с «*Новым Путем*» глухие и продолжительные нелады и даже «*старые счеты*»... Вот почему уже месяцев «5» я принципиально не печатаюсь в «*Новом Пути*», несмотря на просьбы Мережковского и Перцова, которые, выказав много пристрастности и тенденциозности, оттолкнули меня от себя (не как люди, а как деятели). Может статься, что они (будучи *памятными* (не *зло-*, а просто памятными)) припомнят мне некоторые мои вызывающие поступки и *не* напечатают.

Прежде всего Перцов обиделся, что я его отчитал за помещение моего письма в «Новом Пути» без моего ведома[3], потом обиделся вдвойне за то, что я отказал им в просьбе напечатать мое письмо к Блоку (слишком интимного характера)[4], затем обиделся Мережковский за присылку рассказа, в котором Вл. Соловьев выставляется перлом создания (он терпеть на может В. Соловьева) и который они не поместили[5]. Наконец обиделся

я за непомещение одной заметки, которую они (в Редакции) не поняли[6]. Кроме того: у нас с Мережковскими свои личные, усложненные до *nec plus ultra**, отношения... Все это делает мое участие в «*Новом Пути*» нежелательным для меня, тем более что и Мережковские понимают меня совсем превратно. Вообще я чувствую ужасное одиночество среди лиц, которые меня окружают и с которыми volens nolens** приходится иметь дело: все эти Брюсовы, Бальмонты, Соколовы, Мережковские и т. д., все это, что вовсе *не то, что нужно*... Нет среди них *пророков*, ни на кого не глядишь с искренним доверием и дружбой (разве вот Бальмонт, который честен, прям, детски доброжелателен и капризен — он самый мне симпатичный, да и то....).

Вы всё еще вспоминаете мне, что я назвал «*магом*» Валерия Брюсова, но ведь «*магизм*» я понимаю в широком смысле, и как чудодейственность силы, употребленной не во Славу Божию (как, напр<имер>, у Лермонтова), так и отблеск того отношения к действительности, которое родит *магов* в тесном смысле. А если бы Вы ближе узнали Брюсова, то Вы согласились бы, что он истинный маг в потенции — маг, как тип человека, стоящего ступенью ниже теурга, ибо теург— *белый* маг. Вот Блок, тот бо́льший маг и уже почти в настоящем смысле, почти равный в своем магизме Лермонтову. Маг — это заклинатель, манипулирующий до зоны хаоса, перед ней, наконец в самом хаосе, а *теург* — это маг, уже увидевший *просветы* или ушедший по ту сторону хаоса, во всяком случае хотя бы созерцанием *победивший* хаос. Отсюда: плоскости магизма и теургизма суть совершенно разнствующие во славе плоскости, со *своими ступенями*, своей логикой, своим путем, своим величием и т. д. Лица-маски, столь обильно показывающиеся на улицах, в театрах и общественных местах за последнее время и принадлежащие *почти всегда* молодым людям и девицам, *понимающим* новое искусство, — эти *маски* — только магичны самой элементарной долей магизма, но уже... магизма. Следовательно: и они до некоторой степени маги. Конечно, Брюсов среди магов выдающийся, умный,

* Самой высшей степени (*лат.*).

** Волей-неволей (*лат.*).

знающий *маг*, к которому термин «*пророк безвременной весны*»[7] подходит, ибо над-временность очень характерна в Брюсове. Может быть, это у него *только* поза, но он великолепный в таком случае актер, когда в обществе «*застывше*» и «*надвременно*»[8] относится к окружающему. Кроме того, он донельзя гиератичен в манерах — опять-таки черта магическая…

Среди официальных выразителей магизма, с сознательным актерством ретуширующих себя перед обществом, пальма первенства принадлежит, конечно, Брюсову, который «*играет роль*» с чувством, с пафосом, исполняя свою миссию (миссию показного мага) перед целой Россией, и, конечно, заслуживает уважение и признание за это, ибо он же громоотвод — принимающий львиную долю грязи, оскорблений на себя, приучающий нашу, мужиковато удивляющуюся толпу *не удивляться*. Не знаю, понятно ли характеризую его, но для меня понятен и по-своему близок an sich* Брюсов. Вот почему в своем стихотворении я и постарался дать изображение *идей* и *прототипа* Брюсова…

Что касается лекций, которые мною еще не написаны (мне теперь ужасно трудно писать, да и все, что я пишу в настоящую минуту, так сомнительно и шатко для меня; испытания начались для меня решительно на всех пунктах и планах) — что касается лекций, — придам первой из них сериозную внешность, а второй богословскую, хотя под оболочкой сериозности спрячу магизм, а под оболочкой богословствования — теургизм. Лекцию хочу озаглавить так: «*О великом перевале сознания*» или просто: «О перевале сознания»[9]. Конечно, постараюсь не подражать дураку Кашперовичу, который был ужасно смешон, объявляя столь же известные и неинтересные, сколь и неубедительно формулированные истины.

Что как Вы нашли Алексея Сергеевича, какова его эпопея? Был у Вас мой товарищ Владимиров? Я жду их в половине августа к себе, но думаю, что оба меня обманут[10].

Я всё время напряженно следил за погодой, начиная с 8-го и кончая 20-тыми числами. 11 июля началось какое-то генеральное очистительное разряжение атмосферы грозы *ужасающего*

* Сам по себе (*нем.*).

характера, а потом, в дни торжеств[11], какое-то усмирение, после торжеств — то же, а 19-го какой-то... срыв.... Читаю о чудесах, говорю вслух: «*Слава Богу*», а в душе — грусть, грусть... я ждал, быть может, большего (воскресения мертвых, катастрофы, а все сошло по-видимому *благо-получно*... чуть-чуть серединно...). Я не знаю, чего я ждал, но мне грустно.

Большое спасибо за указания тех границ, которых мне держаться относительно нижегородской публики, потому что сам я никогда не знаю границ и меры. И это вытекает из какого-то изнутри меня идущего побуждения, разбираясь в котором, вижу, что оно — особого рода хитрость: отсутствие чувства такта часто признак глупости: выгодно ли, чтобы меня считали *не* глупым, не лучше ли быть юродивым, Иванушкой дурачком и т. д., так что не есть ли «*умственность*» обуза совершенно лишняя. Ловя себя на этой идее — настроении, я почему-то краснею от стыда за себя.... Но почему?.. Не уличаю ли я себя в чем-либо?.. Совершенно согласен с Вами — я преувеличил значение *татарства*, хотя оно у нас пустило глубоко корни; достаточно уж одного того, что множество дворянских родов ведет свое начало от выходцев из Орды... Вот хотя бы мы: при Ал<ексее> Михайловиче Бугаевы были стрелецкими сотниками (уж я не знаю кем, но служили в стрелецком войске, а раньше, кажется, татарского происхождения)[12].

Но довольно. Лучше я Вам напишу в следующий раз. А то какая-то беспричинная грустность парализует каждую мою мысль, не давая возможности писать ни о чем, кроме пустяков. Если я и пишу Вам, то только благодаря Вашему чересчур любезному приглашению писать даже с нервной утомленностью. Прощайте, дорогой Эмилий Карлович, я так часто думаю о Вас. Да хранит Вас Господь.

Остаюсь готовый к услугам и любящий

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[13]. Жду от Вас известий. Пишите о себе.

P. P. S. Так как Вам не понравилось прежде «*ослепительный пурпур огня*»[14], то я Вам посвятил восстановляющее *огонь* в *золото* стихотворение. Кроме того, позвольте мне посвятить Вам пять нижеследующих стихотворений, из которых одно Вы уже знаете[15]. Привожу для цельности и его.

Аргонавты
(Посвящается Э. К. Метнеру)

Пожаром склон неба объят…
И вот Аргонавты нам в рог от литаний
Трубят…
Внимайте, внимайте…
Довольно страданий!
Броню надевайте
Из солнечной ткани.

Зовет за собою
Старик аргонавт,
Взывает
Трубой
Золотою:
«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
Умчимся в эфир
Голубой!..»

Старик аргонавт призывает на солнечный пир,
Трубя
В золотеющий мир.

Все небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Все небо в рубинах
Над нами.
На горных вершинах
Наш Арго,
Наш Арго,
Готовясь лететь, золотыми крылами
Забил.

Земля отлетает…
Вино
Мировое
Пылает
Пожаром
Опять:
То огненным шаром
Руно

Золотое
Блистать
Выплывает,
Искрясь.
И блеском объятый,
Светило дневное,
Что факелом вновь зажжено,
Несясь,
Настигает
Наш Арго крылатый —

— Опять настигает
Свое золотое
Руно[16].

Старинный друг
(посвящается Э. К. Метнеру)

1

Старинный друг, к тебе я возвращался,
Весь поседев от вековых скитаний.
Ты шел ко мне. В твоей простертой длани
Пунцовый свет испуганно качался.

Ты говорил: «А если гном могильный
Из мрака лет нас разлучить вернется?»
А я в ответ: «Суровый и бессильный
Уснул навеки. Больше не проснется».

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Ты пел слова божественной молитвы.
Ты вел меня торжественно в чертоги.

Надев одежды пышнозолотые,
Мы, старики, от счастья цепенели.
Вперив друг в друга очи голубые,
У очага за чашами сидели.

Холодный ветер раздувал мятежно
Пунцовый жар и шелковое пламя…
Спокойно грелись. Затрепался нежно
Одежды край, как золотое знамя.

Вдруг смотрим — лошади в уборе жалком
К чертогу тащат два железных гроба.
Воскресший гном кричит за катафалком:
«Уйдете вы в свои могилы оба...»

В очах сверкнул огонь смертельной муки.
Коротко было расставанье наше.
Мы осушили праздничные чаши.
Мы побрели в гроба сложивши руки.

2

Янтарный луч озолотил пещеры.
Я узнаю тебя, мой друг старинный!
Пусть между нами ряд столетий длинный,
В моей душе так много детской веры.

Из тьмы идешь, смеясь: «Опять свобода,
Опять весна и та же радость снится».
Суровый гном, весь в огненном у входа
В бессильной злобе на тебя косится.

Вот мы стоим, друг другу улыбаясь.
Мы смущены все тем же тихим зовом.
С тревожным визгом ласточки, купаясь,
В эфире тонут бледнобирюзовом.

О, этот крик из бездн, всегда родимый,
О друг, молчи, не говори со мною —
Я вспомнил вновь обет ненарушимый,
Волной омыт воздушноголубою.

Вскочил, ногой стуча о крышку гроба,
Кровавый карлик с мертвенным лицом:
«Все улетит, все пронесется сном...
Вернетесь вы в свои могилы оба!»...

И я очнулся. Старые мечтанья!
Бесцелен сон о пробужденье новом.
Бесцельно жду какого-то свиданья.
Касатки тонут в небе бирюзовом.

3

Над гробом стоя, то сковал бездонно.
Пещера той же пастью мне зияла.
К провальной бездне мчащийся исконно,
Поток столетий Вечность прогоняла.

Могильный гном, согнувшийся у входа,
Оцепенев, дремал в смертельной скуке.
«О где ты, где, старинная свобода!»
Я зарыдал, крича, ломая руки,

Порывом диким, трепетно-бескрылым,
С тупым отчаяньем безвинной жертвы.
И пронеслось шептаньем грустно-милым:
«Пройдут века, и ты восстанешь мертвый.

В гробах сквозь сон услышите вы оба
Сигнальный рог в лазури прогремевший.
Старинный друг придет к тебе из гроба,
Подняв на солнце лик запламеневший».

Текла лазурь. Поток столетий шаткий
В провалах темных Вечность прогоняла.
Дремавший гном уткнулся в покрывало.
Рвались по ветру огненные складки.

И я молчал, так радостно задетый
Крылами черных, шелковых касаток.
Горели славой меркнущие светы.
Горел щита червонного остаток.

4

Старела Вечность. Исполнялись сроки.
И тихо русла смерти иссякали.
Лазурные, бессмертные потоки
Железные гробницы омывали.

Воздушность мчалась тканью вечно-пьяной.
Иисус Христос безвременной свечою
Стоял один в своей одежде льняной,
Обшитой золотистою парчою.

Число столетий в безднах роковое
Бесследным вихрем в Вечность улетело.
Его лицо янтарно-восковое
В лазурноясном счастье онемело.

Две ласточки с любовным трепетаньем
Уселися к Спасителю на плечи.
И Он сказал: «Летите с щебетаньем
В страну гробов — весенние предтечи»...

На тверди распластался, плача слезно,
Пятном кровавым гном затрепетавший.
Христу вручил он смерти ключ железный,
Услышав рог в лазури прозвучавший.

5

Лежал в гробу, одетый в саван белый.
Гроб распахнулся, завизжала скоба.
Мне улыбался грустноонемелый,
Старинный друг, склонившийся у гроба.

Друг другу мы блаженно руки жали.
Мой друг молчал, бессмертьем осиянный.
Две ласточки нам в уши завизжали
И унеслись в эфир благоуханный.

Перекрестясь, отправились мы оба
Сквозь этот мир на праздник воскресенья.
И восставали мертвые из гроба
И раздавалось радостное пенье.

Сияло небо золотой парчою*.
Воздушность мчалась тканью вечно-пьяной.
Иисус Христос безвременной свечою**
Стоял вдали в одежде снежно-льняной[17].

1903 г.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 19. Помета красным карандашом: «XIX». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 200–201.
Ответ на п. 38.

* *Было*: Текли в лазурь ликующие звуки.

** *Было*: Иисус Христос, нам простирая руки.

[1] Речь идет о статье «О теургии» (1903. № 9. С. 100–123), в которой, наряду с прочими темами, рассматривается фортепианный цикл Н. К. Метнера «Acht Stimmungsbilder» («Восемь картин настроений»).

[2] Приведенная рубрификация тем статьи в печатном тексте опущена.

[3] См. п. 16, примеч. 14.

[4] 18 февраля 1903 г. П. П. Перцов писал А. Блоку: «Вы говорили как-то, что у Вас есть какое-то письмо Бугаева, к<ото>рое еще можно понять. Если это точно так — то пришлите его, пожалуйста, может быть, оно пригодится для мартовской „частной переписки", которую хотелось бы „скрасить"» (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 1980. С. 460. Публ. И. И. Аброскиной). На следующий день Блок сообщил Белому о предложении Перцова и запросил разрешения на публикацию письма «об искусстве с т<очки> зр<ения> содержания — и, конечно, с большими пропусками» (*Белый — Блок.* С. 41. Подразумевалось письмо Белого от 6 января 1903 г.). 24 или 25 февраля Белый ответил отказом: «Этого обычая я совсем не понимаю. <…> Мне бы не хотелось, чтобы мои слова с глазу на глаз были преданы гласности в „*Новом Пути*"» (Там же. С. 43).

[5] Текст этого рассказа сохранился в архиве Андрея Белого в черновом автографе под названием «Рассказ № 1» с датировкой «1901 года октябрь» (РГБ. Ф. 25. Карт. 2. Ед. хр. 5; Наше наследие. 1990. № V (17). С. 87–90. Публ. А. Лаврова). В переработанном и сокращенном виде рассказ был опубликован Белым под заглавием «Мы ждем его возвращения» (Свободная совесть. Литературно-философский сборник. Кн. 1. М., 1906. С. 160–163). См.: *Андрей Белый.* Собр. соч.: «Серебряный голубь». Рассказы. М., 1995. С. 245–247.

[6] Подразумевается статья «О религиозных переживаниях», направленная Белым в редакцию «Нового Пути» в феврале 1903 г. (см. примеч. 10 к п. 27).

[7] Заключительная строка стихотворения Белого «Маг» (*СП — 1.* С. 131). Ср. примеч. 3 к п. 38.

[8] Вариации образа «мага» из того же стихотворения: «застывший маг»; «над временем вознесены».

[9] Замысел выступлений Белого с публичными лекциями в 1903 г. не реализовался.

[10] В письме от 31 июля 1903 г. Белый напоминал А. С. Петровскому о намерении приехать к нему в Серебряный Колодезь и добавлял: «В. В. Влад<имирову> я соответственно пишу. В случае, если приедете, напишите о дне выезда» (*Белый — Петровский.* С. 61).

[11] Подразумеваются торжества в связи с канонизацией Серафима Саровского (см. примеч. 35 к п. 21).

[12] В фонде Н. В. Бугаева, хранящемся в Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦГИАМ. Ф. 418), документальных материалов, касающихся

его родословной, не имеется (см.: *Тарумова Н. Т., Уланова А. В.* Николай Васильевич Бугаев. Новые архивные материалы // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 194–196).

[13] А. М. Метнер.

[14] См. п. 33, примеч. 9.

[15] Имеется в виду стихотворение «Встреча» (п. 12), вошедшее в высылаемый цикл «Старинный друг» («2. Янтарный луч озолотил пещеры...»).

[16] Вошло без заглавия в двухчастный цикл «Золотое руно» (второе стихотворение) в книге Белого «Золото в лазури» (С. 8–10). См.: *СП — 1*. С. 81–82.

[17] За исключением второго стихотворения цикла (см. выше, примеч. 15, примеч. 10 к п. 12), впервые опубликовано в книге Белого «Золото в лазури» (С. 138–144). Варианты строк — 1-я часть, строфа VI, ст. 1: «Вдруг видим — лошади в уборе жалком»; 2-я часть, строфа IV, ст. 3: «Я вспомнил вновь завет ненарушимый»; 4-я часть, строфа I, ст. 2: «И тихо русла смерти иссякали»; строфа II, ст. 2: «Иисус Христос безвременной свечою»; ст. 4: «обвитый золотистою парчою»; строфа III, ст. 2: «бесследным вихрем в Вечность пролетело»; ст. 4: «в лазурноясном счастье цепенело»; 5-я часть, строфа IV, ст. 1: «Сияло небо золотой парчою»; ст. 3: «Иисус Христос безвременной свечою».

40. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

9 августа 1903 г. Серебряный Колодезь

Серебряный Колодезь. 9-го авг<уста> 03 г.

Дорогой и многоуважаемый Эмилий Карлович,

На этот раз пишу Вам чисто деловое письмо. Обращаюсь к Вам вместо Алексея Сергеевича потому, что он вообще ходит под солнцем, но где именно в настоящую минуту, не знаю. Отправленное письмо к нему[1], а также и то, что адресовано в пространство, он, по всей вероятности, не получил, ибо упорно молчит, несмотря на обещание сообщить мне о Сарове из первых источников и неоднократные напоминания об этом[2].

Вот о чем собственно я пишу: мы с мамой собираемся ехать в Саров на богомолье, вероятно в конце сентября[3]. Вы, как нижегородец (??!!?) все-таки больше знаете, да и Алексей Сергеевич, быть может, говорил Вам что-либо: 1) Не слишком ли это поздно,

2) 60 верст от Арзамаса, которые мама так боится проехать без попутчиков, можно ли безопасно проехать? Есть ли там экипажи, линейки — вообще каково там сообщение. 3) Предполагаются ли богомольцы к осени?

Мама ужасно боится всего, и я по поручению ее задаю Вам все эти вопросы, зная, что Вы вряд ли знаете что-либо. Простите за некоторую назойливость этих вопросов... По всей вероятности, мы скоро увидимся. На возвратном пути мы остановимся в Нижнем на несколько дней. Лекции же я думаю прочесть в Нижнем после Москвы, т. е. в конце ноября и начале декабря[4]. Одну уж вчерне я написал. Она носит название: «*О великом перевале в сознании*». Посылаю Вам формулированное ее содержание: достаточно ли деловито оно составлено? Содержание таково: «*Ступени познания. Рассудок. Ум. Разум. Критицизм разума. Теория познания. Кант. Шопенгауэр. Их отношение друг к другу. Символизм. Мудрость. Безумие. Декадентство.*

Пессимизм. Связь ***энергетизма*** *с Шопенгауэром. Последователи Шопенгауэра: Гартман, Ницше. Теософия.*

Характер философии Ницше. Три идеи ницшеанства. Различные зоны понимания Ницше. Трагизм. Теургизм. Теургическое христианство. Три религиозных русла (церковь, теософия, теургия)»[5].

Вторая лекции будет озаглавлена: «*Новый Путь*» (не журнал, конечно). До скорого разговора (на днях я еще напишу Вам, а теперь скопилось масса писем, на которые нужно отвечать).

Остаюсь любящий и глубокопреданный Б. Бугаев.

P. S. Мой нижайший привет и уважение Анне Михайловне[6].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 20. Помета красным карандашом: «XX».

[1] Подразумевается открытка, отправленная А. С. Петровскому из Серебряного Колодезя 31 июля 1903 г. (*Белый — Петровский*. С. 61).

[2] Письмо Петровского к Белому с описанием пребывания в Саровской Пустыни 17–19 июля датировано 7 августа 1903 г. (см.: Там же. С. 62–63), до Белого оно еще не дошло ко времени отсылки настоящего письма.

[3] Намеченная на указанное время поездка в Саров не состоялась.

[4] См. примеч. 9 к п. 39.

[5] Рукопись, содержащая развитие сообщенных здесь тезисов, в архиве Андрея Белого не обнаружена.

[6] А. М. Метнер.

41. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

9–13 августа 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 9 августа 1903 г.

Мой дорогой, мой милый Борис Николаевич! Мне давно, очень давно хочется поболтать с Вами. Но дела и гости все отвлекали меня от этого. Прочел я вместе с братом жены (*Андреем* Михайловичем[1]) по его просьбе Мережковского. Скажу по этому поводу два замечания. 1) Странно, что даже такие *Андреи Михайловичи* начинают беситься или юродствовать: читают, захлебываясь, *Новый Путь* и ездят в Саров. Эдак искалечился (с точки зрения позитивизма) вьюноша в одну зиму. Даже не узнал его. 2) Мережковский никакого понятия о Христ*овом* чувстве (*в нашем* смысле) не имеет. В этом я окончательно убедился. Кроме того, он смешивает Богочеловека (явление божественной революции) с человекобогом (явлением животно-человеческой эволюции); он нападает на сверхчеловека Ницше, между тем его Христос ничем ровно не отличается от сверхчеловека. Все более также вижу, как глубоко верно Вы возразили ему в письме, помещенном в первой кн<ижке> Нов<ого> Пути[2]. Далее: мне все более и более понятным становится то taedium litterarum*, которое, несмотря на интерес и увлекательность, несмотря на мастерство и даже талантливость, остается в результате чтения большинства «новых»; человеку надоело быть человеком; от слишком человеческого он ищет исцеления не в чисто-вечно-человеческом, а в сверх-человеческом. А это нудно, подчас, даже у Ницше, а не только у Мережковского и друг<их>. По-моему, величайшее достоинство человека, это не позволить Серому спихнуть себя с позиции. Я в этом смысле написал нечто для *Придн<епровского> Края...*[3] — Кстати: все мои статьи о религиозно-философских собраниях, несмотря на их безобидность, екатеринославский цензор не пропустил. Вообще писать в подцензурной газете можно только пошлости (в смысле содержания). Кроме того, я решительно не писатель, а пишу потому, что, как любил выражаться Казимир Клементьевич[4], голь на выдумки хитра. С одного

* Отвращение к письму (*лат.*).

жалованья — сыт не будешь. Вот почему, дорогой мой, никогда не берите в руки *Придн<епровского> Края*, чтобы как-нибудь случайно не прочесть чего-нибудь моего и не покачать печально головой... *10 августа*. Я забыл сказать, что при вторичном чтении Мережковского[5] меня поразила еще больше его виртуозность, порою переходящая в магизм (не внутренний, а внешний). Ну а вот *Никиш* (иератические манеры!) — маг? Или только внешность мага? А вот эти строки из X тома Ницше, из его дивного очерка досократовской, т. е. трагической греческой философии какое имеют, по-Вашему, отношение к магии. Не маги ли трагические философы; маг ли Перикл? Сам Ницше? Но вот эти строки, кстати сказать, дающие образчик прозы ***неслыханной*** красоты. ***NB***. Речь идет о философии Анаксагора; его все приводящий в движение и устраивающий Nous[6] — представляется Ницше художником (не магом?). Der allergrösste Anaxagoreer ist aber *Perikles*, der mächtigste und würdigste Mensch der Welt; und gerade über ihn legt Plato das Zeugniss ab, dass allein die Philosophie des Anaxagoras seinem Genie den erhabnen Flug gegeben habe. Wenn er als öffentlicher Redner vor seinem Volke stand, in der schönen Starrheit und Unbewegtheit eines marmornen Olympiers, und jetzt, ruhig, in seinen Mantel gehüllt, bei unverändertem Faltenwurfe, ohne jeden Wechsel des Gesichtsausdrucks, ohne Lächeln, mit dem gleichbleibenden starken Ton der Stimme, also ganz und gar undemosthenisch, aber eben perikleisch redete donnerte blitzte vernichtete und erlöste — dann war er die Abbreviatur des anaxagorischen Kosmos, das Bild des Nous, der sich das schönste und würdevollste Gehäuse gebaut hat, und gleichsam die sichtbare Menschwerdung der bauenden bewegenden ausscheidenden ordnenden überschauenden künstlerisch-undeterminirten Kraft des Geistes. Anaxagoras selbst hat gesagt, der Mensch sei schon deshalb das vernünftigste Wesen oder müsse schon darum den Nous in grösserer Fülle als alle anderen Wesen in sich beherbergen, weil er so bewunderungswürdige Organe wie die Hände habe; er schloss also darauf, dass jener Nous je nach der Grösse und Masse, in der er sich eines materiellen Körpers bemächtigt, sich immer die seinem Quantitätsgrade entsprechenden Werkzeuge aus dieser Materie baue, die schönsten und zweckmässigsten somit, wenn er in grösster Fülle erscheint. Und wie die wundersamste und zweckmässigste That des Nous jene kreisförmige Urbewegung sein musste, da damals der Geist

noch ungetheilt in sich zusammen war, so erschien wohl die Wirkung der perikleischen Rede dem horchenden Anaxagoras oftmals als ein Gleichnissbild jener kreisförmigen Urbewegung; den auch hier spürte er zuerst einen mit furchtbarer Kraft, aber geordnet sich bewegenden Gedankenwirbel, der in concentrischen Kreisen die Nächsten und die Fernsten allmählich erfasste und fortriss und der, wenn er sein Ende erreichte, das gesammte Volk ordnend und scheidend umgestaltet hatte[7]. Перевод: Величайший анаксагореец — Перикл, самый мощный и достойный человек на свете; и как раз о нем свидетельствует Платон, что только философия Анаксагора дала его гению возвышенный взмах[8]. Когда он, как публичный оратор, стоял перед своим народом, в прекрасной оцепенелости и недвижности мраморного олимпийца и вот спокойно, облеченный в плащ, складки коего, не изменяясь, безо всякой смены в выражении лица, без улыбки, монотонно и с равной силой голоса, следовательно, отнюдь не демосфеновски, но именно перикловски изрекал, гремел, блистал, уничтожал и освобождал — тогда он был аббревиатурою анаксагорейского Космоса, образ Нуса, который построил себе самое прекрасное и полное достоинства здание, и как видимое *вочеловечение* строющей, движущей, выделяющей, образующей, обозревающей, художественно неограниченной силы духа. Анаксагор сам сказал, что человек оттого уже разумнейшее существо, именно потому должен служить Нусу кровом в большей степени, нежели все другие существа, что у него есть такие удивительные органы, как руки; он заключал, следовательно, к тому, что это Nous, смотря по объему и плотности, (того материального тела, которым он овладел) (или, можно понять и так (пожалуй — вернее)), с каковым он овладел данным материальным телом, — строит из этой материи орудия, отвечающие своему количеству, стало быть, наиболее прекрасные и целесообразные, если он является в величайшей полноте. И как изумительнейшием и наиболее целесообразным деянием Нуса должно было быть кругообразное перводвижение, потому что тогда дух был еще нераздельным в самом себе, то действие перикловой речи прислушивающемуся Анаксагору представлялось часто *символом* того кругообразного перводвижения; так как и здесь осязал он раньше всего круговорот мыслей (вихрь мыслей, мыслекружение), движущийся со страшной, но организованной силой, который захватывал

и отрывал постепенно сначала ближайших, затем дальнейших в концентрических кругах (находящихся слушателей), и который (круговорот), когда достигал своего конца, то вместе с тем преобразовывал, строя и деля весь народ. — Не взыщите, дорогой Борис Николаевич, ни за труд, к которому я толкнул Вас, прочтения этой немецкой тирады, ни за «чешскогимназический» перевод ее на русс<кий> язык. Здесь сам Ницше, который умеет говорить, и «демосфеновский» — артистически заговорил магически-«перикловски». Когда будете читать лекции, вспомните образ говорящего Перикла. — Спасибо за объяснение «магизма» и «теургизма»; теперь я понимаю Ваше стихотворение о Брюсове, хотя и продолжаю считать его слабейшим в поэтическом отношении, которого по этой причине, а также и по крайней его эсотеричности не следовало бы печатать. Стихотворение Бальмонту — куда лучше и понятнее[9]. — Отвечаю на Ваше письмо. 1) «Теургизм» Колиных сочинений — формула для меня понятная. Прибавлю: Коля почти не пребывал в «магизме»; он как бы перескочил через него. ***NB***. Недурно было бы, если бы Вы в печати называли Колю не «г. Метнер» а «г. *Николай* Метнер» или «Н. К. Метнер», а то ведь есть и *Александр* (скрипач)[10]. 2) Алексея Сергеевича я нашел все в том же состоянии[11]; хотя успокоенность его, а вместе с тем и большая толерантность по отношению к мирскому, пожалуй, сделала еще шаг вперед; он — на перепутьи и все-таки имеет вид человека, уже остановившего свой выбор. Ваш товарищ Владимиров, «странниками» которого я остался очень доволен[12], особенно их ножищами в лаптищах, — лично произвел на меня симпатичное впечатление. У нас он был всего два раза. Говорил мало. Рассуждал еще меньше. — *12-го августа.* 3) Ваше настроение во время Саровских торжеств крайне характерно для Вас. Но не грустите: я глубоко убежден, что мартовские иды еще не прошли[13]. Серафим слишком крупен, чтобы «его» были только дни, а не месяцы и даже годы. Ведь *народу*-то все прибывает; «серединное», сиречь официальное, полицейское отступает. Кстати: возмутительно вела себя полиция в Сарове; палки и нагайки работали усердно, к великому огорчению преосв<ященного> Назария. Оттого и «благо-получие». 4) Ваш самоанализ великолепен и правдив… Краснейте чаще «от стыда» за свой «стыд умственности»; в Вас говорит пока человек новейшей, но не наиновейшей

формации. Как первые христиане со всей силой оттолкнулись от берега язычества и потому очутились не в фарватере, а только у другого берега, так и «новые», отталкиваясь от берега сократизма, тоже не всегда соизмеряют свою силу. И чем у кого эта сила больше, тем более опасность для него впасть в юродство. 5) Что касается татарства, то я не отрицаю «глубоких корней», которые оно пустило в России, но я и не усматриваю в этом дурной стороны; или, вернее, убежден, что хорошие стороны этого обстоятельства превышают дурные. Я только не признаю ссылки на татар, как на нечто роковое, помешавшее России поспевать за Западом. В истории все — роковое, и потому нет ничего рокового. Каждый народ кует свою историю. Извинения — не допускаются. Если бы да кабы, да вот «среда заела», все это не оправдания; все это надо выбросить, как сор, в особенности «великому» народу; все это мешает, приводит к квиетизму, как раз там, где я не признаю уютного поджидания (как в нуменальной области), а неослабно-энергичное действование. 6) Поверьте, что «мое чересчур любезное предложение писать даже с нервной утомленностью» столь же эгоистично, сколь и альтруистично; этот «alter ego» — Вы, «старинный» друг мой; я не хочу, чтобы Вы слишком долго *solo* думали при теперешних Ваших переживаниях; это небезопасно для Вас. 7) С чего же Вы это выдумали, что я уступаю Вам «ослепительный пурпур огня», освещающий Вашу фотографическую карточку? Просто я не понял сначала этого стихотворения, потому и не восхитился им. А теперь я его Вам не отдам. За «Аргонавтов» и за «Старинного Друга» низко кланяюсь Вам. Как и следует быть, я не воспользовался первым пылом и не сел писать Вам ответ немедленно, по прочтении Вашего письма и посвященных мне стихотворений. И вот теперь уж не в силах *показать* Вам своего восторга. Скажу только, что «Аргонавты» объясняют уже до конца то стихотворение, которое я сначала не понял, и должны следовать за ним: получается чисто музыкальный эффект[14]. Но если эта пара стихотворений будит, влечет, в ней что-то боевое, а потому сомнительное (он *настигает* свое золотое руно… Конечно и *настигнет*, но все-таки это еще не облеклось в слово…) — то сюита «Старинный Друг» имеет в себе нечто ***несомненное***; *буквальное*; читаешь и знаешь, что это так и будет; иначе быть не может. И даже не будет и не было,

а вечность…. Я бесконечно счастлив, что Вы посвятили мне те семь стихотворений[15], которые наиболее изо всех Ваших стихотворений остановили мое внимание не только как произведения искусства, но и как интуиции, и притом интуиции мне родственные, тихие, глубина которых меня не ужасает… Скажите, Ваш карла, гном[16], горбун зародился вполне самостоятельно или под влиянием Заратустры? И если последнее, то что у Вас до встречи с этим существом стояло на его месте? Как символизировался у Вас этот дух бездушного?

Читали пародию А. Измайлова в *Бирж<евых> Вед<омостях>* на стихи Бальмонта?

Я плавал по Нилу
Я видел Ирбит…
Верзилу Вавилу бревном придавило,
Вавила у виллы лежит.
Мне сладко блеск копий,
Блеск шлемов следить.
Слуга мой Прокофий про копи, про опий,
Про кофей любил говорить.
Вознес свою длань я
В небесную высь.
Немые желанья пойми, о, Маланья,
Не лань я, не вепрь и не рысь.
О, щель Термопилы!
О, Леда, о, рок!
В перила вперила свой взор Неонилла,
Мандрилла же рыла песок…[17]

Я положительно мечтаю о Вашем нашествии на Нижний. Мне страшно важно говорить с Вами. Писать — мало. У меня «защелкивается» что-то, совсем как у Алексея Сергеевича, когда я берусь за перо. *13 августа.* Вы приезжайте с тем расчетом, чтобы как можно дольше погостить у меня. Анюта[18] шлет Вам поклон и просит передать, что очень рада будет видеть Вас в Нижнем. Пользуйтесь всяким упадком продуктивности, чтобы читать. Вы непременно должны еще много себя муштровать. Раз Вы не поступили на филологический факультет, то пройдите его

дома. Занимайтесь нем<ецким> яз<ыком>: Ницше невероятно проигрывает в переводе.

Ах, неужели не разобьется светло-голубая скорлупа мирового яйца? Так восклицал Э. И. Стагнелиус (1793–1823), самый значительный шведский поэт, по-видимому, совсем не понятый Шерром[19]. Слышали ли Вы что-нибудь о нем? Это был мистический гностик. Две аргонавтические мысли Ницше (из 10 тома)[20]. 1) Das Kunstwerk reizt zur Geburt des Genius (Художественное произведение *раздражает* к рождению гения)[21]; 2) Es ist ein Quell aus dem Kunst und Religion fliesst (*один* источник, источающий Искусство и Религию) До свиданья. Крепко обнимаю Вас. Христос с Вами. Любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 20.
Ответ на п. 39.

1 А. М. Братенши.

2 См. примеч. 14 к п. 16.

3 С июля 1903 г. Метнер печатал в «Приднепровском Крае» (за подписью: Э.) большой цикл статей под общим заглавием «Школа и образование» — с подзаголовком в начальных статьях цикла: «(Наброски не педагога)», в заключительных: «(Записки педагога)». См.: № 1883, 22 июля; № 1884, 23 июля; № 1885, 24 июля; № 1889, 28 июля; № 1896, 4 августа; № 1903, 13 августа; № 1905, 15 августа; № 1907, 18 августа; № 1925, 5 сентября; № 1948, 30 сентября; № 1971, 23 октября; № 1990, 11 ноября; № 2031, 23 декабря.

4 К. К. Павликовский, преподаватель латинского языка в московских гимназиях — в частности, в Первой гимназии, где одним из его учеников был Метнер; был известен своим пристрастным, придирчивым отношением к ученикам. Белый подробно рассказывает о нем в мемуарах (см.: *Андрей Белый*. Собр. соч.: На рубеже двух столетий. М., 2015. С. 232–237, 240–243). Ср. фрагмент из статьи Метнера, входящей в цикл «Школа и образование»: «Бывший гимназист — вечный гимназист; подобно вечному жиду, — это существо фантастическое; это трагикомическая маска, напяленная рукою, главным образом, различных Казимиров Казимировичей и Освальдов Освальдовичей на изможденные рожицы сыновей Акакиев Акакиевичей и Иванов Ивановичей <…>» (Приднепровский Край. 1903. № 1889, 28 июля. С. 2).

5 Подразумевается, по-видимому, книга Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».

6 Нус (*греч.* νοῦς — разум, мысль, дух) — ум; термин древнегреческой философии, начало сознания и самосознания в космосе и человеке, принцип

интуитивного знания. Речь идет о космогонической гипотезе Анаксагора, согласно которой начальное состояние мира в виде неподвижной бесформенной смеси всевозможных веществ приобрело быстрое вращательное движение, сообщенное ей неким внешним по отношению к ней агентом — умом (нусом).

[7] Цитата из работы Ницше «Die Philosophie im tragischen Zeitalter der Griechen» («Философия в трагическую эпоху греков», 1873; гл. 19). См.: *Nietzsche Friedrich.* Werke. Bd. X: Schriften und Entwürfe 1872 bis 1876. Leipzig: Verlag von C. G. Naumann, 1896. S. 86–87. Ср. в переводе Л. Завалишиной: *Ницше Фридрих.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2012. Т. 1. Ч. 1. С. 364–365.

[8] Подразумеваются слова Сократа («Федр», 270 а): «Сблизившись с Анаксагором, <…> Перикл преисполнился познания возвышенного и постиг природу ума и мышления, о чем Анаксагор часто вел речь» (*Платон.* Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 210. Пер. А. Н. Егунова).

[9] Имеется в виду стихотворение «В золотистой дали…», посланное в п. 27.

[10] Брат Н. К. и Э. К. Метнеров — Александр Карлович Метнер, с 1902 г. преподаватель музыкально-драматического училища Московского филармонического общества.

[11] Речь идет о встрече с А. С. Петровским в Нижнем Новгороде в июле 1903 г. (см. п. 38, примеч. 1).

[12] Подразумевается живописная работа или гравюра В. В. Владимирова.

[13] Иды (*лат.* Idus) — название 15-го (в марте, мае, июле, октябре) или 13-го дня (в остальных месяцах) древнеримского календаря. 15 марта 44 г. до н. э. был убит Юлий Цезарь, вследствие чего выражение «мартовские иды» стало крылатым.

[14] Соответственно пожеланию Метнера стихотворения «Золотея, эфир просветится…» и «Аргонавты» («Пожаром склон неба объят…») составили в книге Белого «Золото в лазури» двухчастный цикл под заглавием «Золотое руно».

[15] Подразумеваются два стихотворения, о которых говорится выше (см. примеч. 14) и пятичастный стихотворный цикл «Старинный друг».

[16] Образы из цикла «Старинный друг».

[17] Пародия на стихотворение К. Д. Бальмонта «Испанский цветок» («Я вижу Толедо…»), опубликованная в составе статьи А. А. Измайлова «Литературные заметки. В безднах декаданса („Будем как Солнце“, книга символов К. Д. Бальмонта)» в «Новой Иллюстрации» (приложение к «Биржевым Ведомостям») (1903. № 27. С. 214). В сборнике «Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.)» (Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. Л., 1960. «Библиотека поэта». Большая серия) ошибочно указано, что стихотворение впервые опубликовано в газете «Свободные Мысли» 28 мая 1907 г. (С. 810); это сообщение было повторено и в примечаниях к последующим переизданиям пародии.

[18] А. М. Метнер.

[19] Имеется в виду краткая характеристика творчества Стагнелиуса в «Иллюстрированной всеобщей истории литературы» Иоганна Шерра в двух томах (Пер. с 9-го... немецкого издания под ред. П. И. Вейнберга. Т. 2. М., 1898. С. 420–421); в ней, в частности, говорится о его стихах как «бесспорно поэтических и в техническом отношении безукоризненных, но оканчивающихся странными словами: „ах, неужели не разобьется светло-голубая скорлупа мирового яйца?“» (С. 420).

[20] Ошибочное указание. Цитируемые фрагменты содержатся в томе 9 Сочинений Ницше — в рубрике «Искусство и религия» («Kunst und Religion») раздела «Метафизика искусства» («Metaphysik der Kunst») подготовительных материалов к «Рождению трагедии из духа музыки» (1871). См.: *Nietzsche Friedrich*. Werke. Bd. IX: Schriften und Entwürfe 1869 bis 1872. Leipzig: Verlag von C. G. Naumann, 1896. S. 181.

[21] Текст приведен в сокращенной версии. В оригинале: «Hat die *Kunst* eine *metaphysische* Bedeutung, so kommt das *Publicum* des Kunstwerks nur soweit in Betracht, als das Kunstwerk zur Geburt des Genius reizt» («Если искусство имеет *метафизическое* значение, то *публика* важна лишь постольку, поскольку произведение искусства побуждает к рождению гения». — Перевод А. И. Жеребина; см.: *Ницше Фридрих*. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2007. Т. 7. С. 282).

42. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

13 августа 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород. 13 августа 1903 года.

Дорогой мой Борис Николаевич! Только что я вернулся из почтамта, где сдал заказное письмо Вам, как получил Ваше письмо от 9-го августа. Спешу на него ответить немедленно. 1) Посылаю Вам экземпляр *Путеводителя*, составленного Андреем Павловичем Мельниковым[1]. 2) Сейчас не только не поздно, но даже скорее слишком рано ехать в Сарово: приток богомольцев, ослабевший было к концу торжеств, ныне усилился снова до размеров, еще небывалых; об этом я имею сведения из первоисточника, от преосв<ященного> Назария, у которого я на днях был... В сентябре можно ждать некоторой убыли, но не настолько, чтобы интерес, представляемый наличностью огромной религиозно настроенной толпы, пропал совсем; скорее эта убыль дает возможность с большею легкостью и удобством осмотреть все замечательные места и предметы обителей; говорю «обителей»,

т<ак> к<ак> большинство посещает все три монастыря, Саровский, Дивеевский и Похетаевский, где ***гениальный***, (а не только чудотворный) образ Знамения Пр<е>с<вятой> Богородицы). — 3) Никакой опасности переезд на лошадях в монастыри не представляет. Цены, указанные Мельниковым, наверное к осени, падут. 4) Вам иного пути, как через Москву и Нижний, нет; Вы меня уведомите о дне Вашего приезда в Нижний; я Вам «приготовлю» к тому времени новейшие сведения. —

Я завидую Вашему паломничеству. Но мне вырваться — это целая катавасия*. Алексей Сергеевич, очевидно, застрял в монастыре *где-то между* Ярославлем и Сергиевской лаврой[2]. Так что с некоторою приблизительною точностью можно сказать, что он в пространстве и под такою-то долготой и широтой. Уезжая из Нижнего, Алекс<ей> Серг<еевич> так прямо и сказал мне, что легко может случиться, что он *где-то между* останется навсегда… Спасибо за присылку оглавления лекции. Вы спрашиваете, достаточно ли деловито оно составлено. Я нахожу: да. Рекомендую только разжевывать подольше термины и церковь брать в « », как суть, идею, а не как учреждение, как факт, и постоянно подчеркивать (для толпы и для цензуры это равно необходимо), что́ именно Вы разумеете под Церковью (традиция?), Теософия (умственность?), Теургия (творчество, творческое сознание, познание, соучастие?). Милый, дорогой Борис Николаевич, Вы себе представить не можете, как я обрадовался, получив известие, что мы скоро лично свидимся. Вы непременно остановитесь у нас. Анюта[3] настоятельно просит Вас об этом. Передайте мой искренний привет Вашей матушке… Крепко жму Вашу руку. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 21.
Ответ на п. 40.

[1] Имеется в виду кн.: Нижний Новгород и Нижегородская губерния. Памятная книжка на 1896 г. и путеводитель по городу / Сост. А. П. Мельников. Н. Новгород, 1896.

[2] Видимо, об этом намерении А. С. Петровский сообщил Метнеру при встрече в Нижнем Новгороде в июле 1903 г.

[3] А. М. Метнер.

---

* *В автографе начертание слова* катавасия *стилизовано под древнегреческий шрифт.*

43. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

20 августа 1903 г. Серебряный Колодезь

20-го августа 1903 года. Серебр<яный> Колодезь (здесь до 14-го сентября).

Дорогой Эмилий Карлович!

Океаны испарились, чтобы образовать эти комья виснущих в воздухе вод, которые кругом несутся, увлекая деревья. Сижу и пишу Вам на открытом воздухе. Бумага рвется из рук. Полынь испуганно машет полыни на соседней меже — всё большие такие, лапчатые метла. Простите меня за эти кляксы.

Осень. Все летит — проносится. Вон надутые щеки гигантской головы на небе — вот свистящее дуновение Осени. Она обдувает. Все улетает. Не улететь ли? Приготовляешься к полету, и опять не улетаешь...

У Вас «*taedium litterarum*» — о, как я понимаю, но не очень ругайте «*новых*». Ведь их идеал бежать от литературы, не они виноваты, если *пока* это еще не удается. Ведь они не о «*литературном*», а о жизни души. Если они и лепечут *пока* глупо — не их вина, поверьте. *Конец* литературе! *Окончательный* выход из нее близок. Пора думать о мистериях. «*Пора, крайняя пора!*» (Ницше)[1]. Однажды граф Толстой написал (где, не помню), что сочинения крестьянских мальчиков часто бывали *гениальны*[2]. Я понимаю, что хотел сказать Толстой, а он не совсем неправ. Если литература создает в конце концов целую атмосферу («*ору*», «*нимб*») вокруг себя, разве это не одна из величайших мерзостей. Ведь литература *о другом*. Ну что ж, погибнет литература, но ведь *другое-то* не погибнет. Не будут писать — будут говорить, сначала говорить, потом вместе собираться. А если и говорить не будут, будут слушать пролет ревущих потоков времени, как я вот сейчас слушаю ветер — и доволен, больше мне ничего не нужно!..

Ведь литература с ее законами, рамками — учреждение педагогическое, т. е. школа жизни живой. Если душа зазвучала — какое мне дело до литературы!.. Я прочитываю грубо-невежественные намеки, *но звучащие знакомым*, больше мне ничего не нужно. «*Et tout le reste est littérature*» (Верлен)[3]. «*Новые*» — разве это литература. Черт их знает, что они такое, но уж конечно не литература. И если они стараются быть литературными — это позор, это дает

оружие против них. «*Новая литература*» — ничего не понимаю! Соединение слов, взаимно уничтожающих.

Вот я сейчас весь обложился книгами, чтобы ветер не изорвал бумагу. Я представляю в данный момент *символ*. Вся новая литература, если она что-нибудь означает, изображает человечество, у которого вечность вырывает бумагу, опрокидывает чернильницу. Конец. Осень. День безвременья — день осенний.

Ведь душа просится на свободу, в жизнь. До сих пор она была загнана в литературу. Теперь ей претит ее темница. Ей хочется свободы. Душа пробуждается — вернее, приближается к поверхности, объективируется. *Весь мир должен стать в наших глазах только духом, только объективированной душой*». «*Mens sana in corpore sano*»* для нас, европейцев, парадокс. *Если это и бывало*, теперь невозможно: теперь «*mens sana in corpore insano*»**, [4]. Тело совр<еменной> литературы прокажено. Но да будет так: не нужно телесного! L'âme… remonte pour ainsi dire à la surface de l'humanité et manifeste plus directement son existence et sa puissance. Cette exi<stence> et cette puissance se révèlent de mille manières inattendues et diverses… Les hommes sont plus près d'eux mêmes et près de leurs frères; ils se regardent et s'aimant plus gravement et plus intimement… A une époque très reculée de l'histore de l'Inde, l'âme doit s'être approchée de la surface de la vie… Aujourd'hui, il est clair qu'elle fait de grands efforts. *Elle se manifeste partout d'une manière anormale, impérieuse et pressante… Elle doit se préparer à une lutte decisive, et nul ne peut prêvoir tout ce qui dépendra de la victoire ou de la fuite… Même par moments cela ressemble à un ultimatum…* Il faut être prudent; ce n'est pas sans raison que notre âme s'agite (M. Maeterlinck)[5]. Если бы Гёте жил с нами, если бы видел смущенных, обступающих его, быть может он изменил бы свою квиэтическую тактику. Он, конечно, соблюдал эзотеризм. Но ведь теперь все перепуталось. Восходящие, с трудом восшедшие на горы оказываются как бы оставшимися на плоскости. Если масса и не идет к горам, часто горы расстилаются перед ними. Кто теперь эзотеричен, кто экзотеричен — право, не разберешь. А всё потому, что начало воплощения, т. е. выступление

* В здоровом теле здоровый дух (*лат.*).

** Здоровый дух в теле душевнобольного (*лат.*).

души наружу — объективация. Вот почему часто говоришь без разбора со всеми и с каждым. Чужая душа — потемки. Если Вас удивляют и несколько шокируют быстрые перерождения, то ведь эпоха сама такова. Против рожна не пойдешь[6]. «Ныне плачущие, как не плачущие… ибо проходит образ мира сего» (Павел, 1 к Кор<инфянам>)[7]. А что до *Конца* не более 100, 200 лет, в этом я уверен (а может быть, и скорее). Далее. Я недавно изме<нил> взгляд на *способ действия*. Мой девиз теперь: популяризание, пропаганда в толпе без совести; я не боюсь ни повторений, ни запошливания. Ибо не в выражении суть, а в выражаемом, а само это выражаемое, конечно, только намек. Создать в душе других *иное*, да для этого стоит миллион раз повторять самые азбучные истины. Теперь я уверен, что это не бесплодно. Скоро все сравняются душами. Великое нивелирование близко. Только тогда, когда *многие станут понимать*, зазвучат глаголы иные. Факт. Ведь вот безукоризненный Гёте и косноязычный Метерлинк! Боже мой, да конечно между ними нет сравнения. А ведь большинство, масса-то ближе к пониманию метерлинковской тишины, нежели глубин Фауста (я не об официальном признании, а о постижении). Что из этого следует? А вот что: Метерлинк более одухотворяет, будит, ведет, нежели сам гениальный олимпиец Гёте, который не желает снисходить в силу своей гениальности. Теперь: если значительное количество способно *понять* an sich *тишину* Метерлинка (не Бог весть какой глубины), то ведь для этой «*толпы*» наступает своего рода духовное перерождение. Толпа начинает *слушать — слышать*! Погодите: толпа и Гёте поймет в его глубине, но не для того, чтобы поклониться вовеки, а чтобы, взяв у Гёте, идти, куда ей суждено… Я не умею выразить свою мысль. Она выходит на бумаге проще, примитивнее, нежели мне бы хотелось. Я передаю не теми понятиями <?>. Боюсь, Вы меня не поймете. Метерлинк погиб. Заплыл жиром. Стал писать пошлости. Но что ж из этого? Он пошел на удобрение — на удобрение Метерлинковщины. И посмотрите — какие пышные всходы ее! Сегодня стал не нужен Метерлинк, вчера Бодлер, завтра Мережковский (в теургическом смысле), *но дело делается*, движение создается, «*ви́дения*» их нынче открываются, а завтра и перестанут казаться *ви́дениями*, как не кажутся нам прозрениями система, наприм<ер>, Гераклита, но все это вскроет новые

видения — такие видения! Такие большие! Метерлинк погиб для дела: но вот его песенка:

Et s'il revenait un jour
Que faut-il lui dire?
— Dites-lui qu'on l'attendit
Jusqu'à s'en mourir...

Et s'il m'interroge encore
Sans me reconnaître?
— Parlez-lui comme une sœur,
Il souffre peut-être...

Et s'il demande où vous êtes
Que faut-il répondre?
— Donnez-lui mon anneau d'or
Sans rien lui répondre...

Et s'il veut savoir pourquoi
La salle est déserte?
— Montrez-lui la lampe éteinte
Et la porte ouverte...

Et s'il m'interroge alors
Sur la dernière heure?
— Dites-lui que j'ai souri
De peur qu'il ne pleure...[8]

Разве она не бессмертна? Такое внешнее изображение интимно-заветного! Он не аристократ: не постыдился отпрепарировать интимное и поднести вплотную на блюде толпе. Несколько таких песенок *открывают глаза* мало-мальски не идиотам. Вот какой хороший педагог Метерлинк! Но он скромно ретировался, не претендуя на «*бессмертие*». Но «*его*», хотя он и не бессмертен, «*его*» виденье будет жить всегда.

Кто говорит *не так*? Тот говорит *не так*, кто распространяет мнение о «*новом искусстве*», будто оно аристократично. Оно — демократично. «*Новые*» не должны драпироваться в величественные тоги, не должны казаться и маститыми: это всё «*неказистые*

из себя», скромные, но благородные педагоги. Их произведения только *пособие* к самообразованию. Их положение самое неблагодарное, ибо им суждены две фазы, одинаково непривлекательные. 1) Хохот, глумление, пока их не понимают (педагогические приемы их наглядны и преувеличенны, *они всегда обо всем стараются перекричать*, но ведь детям *так полезнее всего*). 2) Презрение за наглядность ожидает их тогда, когда дети, заимствуя их виденья, позабудут учителей, вообразив, что превзошли их (но ведь заветная мечта скромных тружеников и заключается в *любви к детям*). Конечно, я вижу все недостатки так называемых «*новых*», но у меня не хватает духу осуждать этих благородных (и никогда никем не понятых до конца) тружеников души. А разве нижеследующее не замечательно по своей педагогике (не эстетизму):

Un soir

Et des bouches d'argent et des regards de pierre
Taisent immensément le glacial mystère
De ce minuit, dallé d'ennui.

En des cirques d'éther et d'or, seules et seules,
Les constellations tournent comme les meules
De ce minuit, dallé d'ennui.

Sait-on jamais quels imminents sépulcres sombres,
Scellés de fer, vont éclater, parmi les ombres
De ce minuit, dallé d'ennui?

Quels pas sonnant la mort et quelles cohortes
Viendront casser l'éternité des heures mortes
De ce minuit, dallé d'ennui?

Emile Verhaeren[9].

Дорогой Эмилий Карлович, «*нечто*» я слышал о Стагнелиусе, но не обратил внимания. Осталось, впрочем, о нем мнение (может, и ложное), что он был из *фосфористов**. В свою очередь спрашиваю: знаете ли Вы *Тегнера*. Вот удивительный поэт:

* Мистическое направление в литературе, как раз характерное, если не ошибаюсь, для конца XVIII, начала XIX столетия[10] (*Примеч. Белого*).

я знаком с его «*Фритиофом*»[11]. Это нечто поразительное по северной сумрачности и оригинальное по размерам. Многое там есть галленовского. Перевод, к удивлению, великолепен (академика Грота)[12]. Вообще в шведской литературе много интересного и вместе незнакомого (или малознакомого) нам. Нравится Вам И. Шерр? Ужасно неполно!

Дорогой Эмилий Карлович, теперь я окончательно решил свое дальнейшее: год отдыхаю, пытаюсь что-нибудь заработать (хотя бы лекциями), а на следующий год опять поступаю на фил<ологический> факул<ьтет>. Так хочет непременно мама, и это не идет вразрез с моим желанием. Очень благодарен за путеводитель. В Нижнем буду в двадцатых числах сентября 24, 23, 22, 25, вот так. Да хранит Вас Господь!

Любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[13].

Спасибо за удивительную выдержку. Ну конечно, это «*потенциалы*» настоящей, чистой, незамутненной магии, на какую неспособен Мережковский (этот «*ну право же*» карлик, карабкающийся по великанам). Знаете что: он просто недалек при всей своей удивительной талантливости. Он гораздо глупее, чем пишет. В Христе не понимает ничего. В Церкви — очень мало. «*Новый Путь*» бессодержательная (за искл<ючением> Мер<ежковского>, Розан<ова>, Минск<ого> и Религ<иозных> собр<аний>[14]) оперетка, гораздо более скучная, нежели «Мир Божий»[15] и т. д.

Посылаю стихи.

Старушка

Задумчивый вид:
Сквозь ветви сирени
Сухая известка блестит
Запущенных барских строений.

Всё те же стоят у ворот
Чугунные тумбы.
И нынешний год
Всё так же разбитые клумбы.

На старом балкончике хмель
Качается сонный,

Да шмель
Жужжит у колонны.

В покоях везде тишина.
На кресле протертом из ситца
Старушка глядит из окна.
Ей молодость снится.

Все помнит себя молодой —
Как цветиком ясным, лилейным
Гуляла весной
Вся в белом, в кисейном.

Он шел позади,
Шепча комплименты.
Пылали в груди
Ее сантименты.

Садилась, стыдясь,
Она вон за те клавикорды.
Ей в очи смеясь,
Глядел он счастливый и гордый.

Зарей потянуло в окно.
Вздохнула старушка:
«Все это уж было давно»…
Кукушка,

Хрипя,
Кричала.
А время, грустя,
Над домом бежало, бежало.

И вьющийся хмель
Качался, как сонный…
И бархатный шмель
Жужжал у колонны[16].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 21. Помета красным карандашом: «XXI». Ответ на п. 41 и 42.

[1] Подразумевается фраза из главы «О великих событиях» («Von grossen Ereignissen») части 2-й поэмы «Так говорил Заратустра»: «Почему же кричал призрак: пора! Давно пора!» *Почему* же — давно пора?» (*Ницше*. Т. 2. С. 96. Пер. Ю. М. Антоновского).

[2] Имеется в виду статья Л. Н. Толстого «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (1862), в которой он рассказывал о сочинениях учеников яснополянской школы; эти опыты получили у него самую высокую оценку: «Мне казалось столь странным, что крестьянский, полуграмотный мальчик вдруг проявляет такую сознательную силу художника, какой, на всей своей необъятной высоте развития, не может достичь Гёте»; «Ничего подобного этим страницам я не встречал в русской литературе» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1936. С. 308, 315).

[3] «Все прочее — литература» (*фр.*) — заключительная строка стихотворения Поля Верлена «Art poétique» («Искусство поэзии», 1874), входящего в его книгу «Jadis et naguère» («Когда-то и недавно», 1885).

[4] В статье «О теургии» Белый писал: «Всегда бывает обратно поговорке: вместо „mens sana in corpore sano" — „mens sana in corpore insano". Человечество обречено или на физическое вырождение, или новые органы должны формироваться, чтобы вынести нервную утонченность лучших из нас <…>» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 120).

[5] Приводятся фрагменты из главы «Пробуждение души» в книге М. Метерлинка «Сокровище смиренных» («Les trésor des humbles», 1896). В переводе Н. Минского и Л. Вилькиной (*Метерлинк М.* Полное собрание сочинений. Т. 2. Пг., 1915. С. 30, 31–32): «…душа всплывает на поверхность человечества и проявляет с большей непосредственностью свое бытие и могущество. Это бытие и могущество раскрываются тысячью неожиданных и разнообразных способов <…> Люди становятся ближе к себе самим и к своим братьям; они начинают вглядываться друг в друга, начинают любить серьезнее и задушевнее <…> в отдаленнейшую эпоху истории Индии душа поднялась к поверхности жизни <…> В настоящее время она очевидно делает огромные усилия. Она проявляет себя повсюду необыкновенными способами, выступая властно и стремительно <…> Она должна приготовиться к решительной битве, и никто не в силах предугадать, каковы будут последствия победы или отступления <…> Это похоже даже иногда на *ультиматум* <…> Надо быть благоразумным, ибо душа наша волнуется не без причины».

[6] Деян. 9: 5 («Трудно тебе идти против рожна»).

[7] Неточная сокращенная цитата (1 Кор. 7: 30–31).

[8] 2-е стихотворение из книги М. Метерлинка «Пятнадцать песен» («Quinze chansons», 1896). В переводе В. Брюсова (Книга раздумий. СПб., 1899. С. 42; Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М., 1994. С. 540–543):

А если он возвратится,
Что должна ему я сказать?
— Скажи, что я и до смерти
Его продолжала ждать.

А если он спросит, где ты?
О, что я скажу в ответ!
— Отдай ему этот перстень,
Ничего не сказав в ответ.

А если он удивится,
Почему так темно теперь?
— Укажи погасшую лампу,
Укажи открытую дверь.

А если он спрашивать будет
О том, как свет угасал?
— Скажи, что я улыбалась, —
Чтоб только он не рыдал!

А если он не спросит,
Должна ли я говорить?
— Взгляни на него с улыбкой,
И позволь ему позабыть.

[9] 1, 2, 4 и 5-я строфы стихотворения из книги Э. Верхарна «Les flambeaux noirs» («Черные факелы», 1890). В переводе Г. Шенгели (*Верхарн Эмиль.* Лирика и поэмы. М., 1935. С. 173):

Вечер

И серебро их уст, и твердых глаз гранит
Всю тайну льдяную, упорствуя, хранит
Сей полночи, что вымощена скукой.

И в цирках золотых по тверди голубой
Кружат созвездия, как светлых мельниц строй,
Сей полночи, что вымощена скукой. <...>

Какие ж явятся на ледяной земле
Железные гроба, чтоб засиять во мгле
Сей полночи, что вымощена скукой?

Когорты грозные каких стальных шагов
Взгремят, чтоб раздробить глухую вечность снов
Сей полночи, что вымощена скукой?

[10] «Фосфористы» — группа шведских писателей-романтиков (Л. Хаммаршельд, В. Ф. Пальмблад и др.), объединившихся в 1807 г. в «Союз Авроры» во главе с поэтом Пером Даниелем Амадеусом Аттербумом и издававших

литературно-публицистический журнал «Phosphoros» (1810–1813); испытали влияние философии Шеллинга и немецкой романтической школы. Стагнелиус формально в это объединение не входил.

[11] Главное произведение Эсайаса Тегнера — поэма, основанная на древнеисландской саге, «Сага о Фритьофе» («Frithiofs saga»; написана в 1819–1825 гг., опубликована в 1841 г.).

[12] Первое издание: Фритиоф, скандинавский богатырь, поэма Тегнера в русском переводе Я. Грота. Гельсингфорс, 1841 (см. о нем: *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 234–237). Перевод вошел в кн.: Сборник классических иностранных произведений / Под ред. А. Н. Чудинова. Т. 1. Воронеж, 1875. В «Воспоминаниях о Блоке» (1922) Белый отмечает: «Помню яркое чтение М. С. Соловьева отрывков „Фритиофа“ Тегнера» (*О Блоке.* С. 28).

[13] А. М. Метнер.

[14] Подразумеваются Записки петербургских Религиозно-философских собраний, печатавшиеся в «Новом Пути» ежемесячно в конце каждого номера с отдельной пагинацией (стенографическая запись заседаний; 1903. № 1–12).

[15] «Мир Божий» — ежемесячный литературный, политический и научно-популярный журнал, издававшийся в Петербурге с 1892 по август 1906 г. (до 1902 г. редактор В. П. Острогорский, затем Ф. Д. Батюшков).

[16] Впервые опубликовано в книге Андрея Белого «Золото в лазури» (С. 86–88) под заглавием «Воспоминание», с посвящением Л. Д. Блок. Варианты строк — строфа III, ст. 2: «по ветру качается сонный»; строфа IV, ст. 1: «Весна»; строфа VIII, ст. 4: «Стенная кукушка»; строфа X, ст. 1: «Задумчивый хмель»; ст. 3: «Да бархатный шмель». См.: *СП — 1.* С. 115–116.

44. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

1 сентября 1903 г. Серебряный Колодезь

Дорогой Эмилий Карлович,

Припоминаю, сколько вздору я Вам написал так недавно[1]. Вернее, не вздору, а с «*бухты-барахты*», как говорят иные. Я и теперь не отказываюсь от своих слов о назначении искусства «декадентов» и т. д., но безусловно не верю во всеобщность «*нового искусства*», в способность его привести к религиозно-пророческой концепции мира. Конечно, оно образует в «*демосе демос*», и только. И теперь столько общественных сфер сосуществует параллельно. Кто желает перейти из одной общественной сферы в другую, тому нужен руководитель. Т<ак> н<азываемое>

декадентское искусство научится руководить известною *накипью* разных общественных сфер, но никогда не упразднит их. Параллельность существования, думается мне, не будет еще скоро нарушена. Пути отдельных личностей будут пересекать эти параллели, и только. Тень всеобщности его в том, что в противоположность многим организациям, образующимся путем деления материнской сферы на две дочерних, сфера декадентов образуется из накипи всех сфер (анархисты (прежде всего и всегда), эстеты, скептики, социал-демократы, расширившиеся до *nec plus ultra**, всевозможные фракции мистицизма). Эта постоянно пребывающая накипь, столь же быстро приливающая, сколь быстро и тающая, как пена, придает так называемому декадентству его упорную настойчивость, сделает его хроническим заболеванием известной части всех слоев общества (в том его законная санкция). Это будет лестницей ко всевозможным направлениям, одним из центральных узлов не в смысле всеобщности, а в смысле передаточной станции. Либерал желает стать консерватором, например. Как затушевать этот переход? Декадентством. Где нынешние декаденты? Их нет. Брюсов — рационалист, софист и ***спирит*** (очень **важно понимать**), Бальмонт — манихей, теософ, революционер с задатками маститости à la Веселовский[2] и т. д. В состав скорпионов[3] входят форменные анархисты, между прочим. «*Мир Искусства*» — заигрывает с философией, «*Новый Путь*» — с либералами. В результате *декадентство* **цементирует**, проводит, облегчает средства сообщения между различными общественными сферами. Это еще пока *конгломерат*, которому следует сделаться единством — трансцендентальная идея в кантовском смысле, которой следует стать трансценд<ентным> идеалом. Но когда такое внутреннее единство настанет, исчезнет декадентство, не устранив старые сферы, а проведя черту между ними и еще *новой*, т. е. параллельность не исчезнет, конечно, «*Декадентство*» — ни положительно, ни отрицательно. Оно — безразлично. Это — факт. Оно не определяет, определяясь в свою очередь целями, к которым прикладывается; оно нейтрализирует, уничтожая ± и =. Оно — расшатанность (как и в смысле гибкости, так и в смысле беспринципности). Оно — двусмысленная,

---

* Крайняя степень (*лат.*).

пассивная женская природа, внимающая добру и злу с одинаковым любопытством. Ни больше, но и не меньше. Оно — женщина, самая обыкновенная, феноменальная. Но с некоторой поры я благосклонно отношусь к эмансипации женщин, а посему ничего не имею против декадентства.

Закончил на днях свою вторую лекцию. Вот оглавление ее: «Любовь. Разнообразные формы любви. Вечная любовь. Мировая душа. Любовь во Христе. Конец мира. Окончательность. Молитва. Восторг. Богосыновство»…

Я набросил на лекцию не покров, а тончайший вуаль философии. Позволяю себе тот заведомый облик в силу того, что лекцию читать мне нужно, чтобы иметь собственный заработок, а публика ведь состоит на 7/9 из олухов. Но я сам хохочу над философским оттенком своей лекции. Так смешон ее философский raison d’être*, когда сам видишь перескоки, перелеты, перепархиванья (зовите, как хотите) мысли с точки зрения чистого разума. И ведь вполне, вполне сознательно. Но что хотите: символический raison d'être не примет публика, так что во что бы то ни стало следует набросить некоторое подобие философии (как это ни беззастенчиво) к тому, что всегда и везде не предмет философского исследования.

Дорогой Эмилий Карлович, надеюсь, мы скоро увидимся (в этом месяце), а посему я не стану подробно писать (так неудобно переписываться там, где только речь имеет силу). Все же жду письма от Вас. До 14-го мой адрес прежний, а с 14-го московский. Пока при всем желании не могу определенно сообщить Вам о дне нашего проезда; мы сначала проедем в Саров и лишь на возвратном пути остановимся в Нижнем, да и то весьма не надолго[4]. Очень тронут Вашим любезным предложением остановиться у Вас; позвольте Вам выразить мою искреннюю благодарность, но вряд ли удастся воспользоваться Вашим гостеприимством, потому что мама недолго пробудет в Нижнем и мне придется ее сопровождать в Москву.

Остаюсь уважающий и любящий Вас

Борис Бугаев.

1 сентября 03 года. Сер<ебряный> Кол<одезь>.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[5].

---

* Смысл (*фр.*).

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 22. Помета красным карандашом: «XXII».

[1] Имеется в виду п. 43.

[2] Подразумевается Алексей Николаевич Веселовский, которого Белый знал с детских лет и с которым связывалось у него представление о «маститости»; ср. о нем в мемуарах Белого: «...такого величия я, виды видавший, больше не видывал»; «...твердилось мне здесь: Алексей Веселовский есть памятник собственной жизни» (*Андрей Белый.* Собр. соч.: На рубеже двух столетий. М., 2015. С. 87, 98).

[3] Имеются в виду литераторы-«декаденты», объединявшиеся вокруг издательства «Скорпион».

[4] Это намерение не было осуществлено; Белый и А. Д. Бугаева отправились из Серебряного Колодезя прямо в Москву.

[5] А. М. Метнер.

45. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

31 августа — 10 сентября 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 31 августа 1903 г.

Дорогой Борис Николаевич! Беру почтовый лист, так как не могу писать теперь много. Я занят и не совсем здоров. 26–30<-го> происходило что-то ужасное в атмосфере. Не желая это «мистифицировать», я счел свою болезнь (лежал в постели) (жар, общую слабость, неясность сознания, ощущение какой-то отравленности организма) чисто феноменальной. Но вот получаю письмо от Петровского[1]. Он тоже в это время был болен так же, как я... *10 сентября.* Видно, не судьба мне писать Вам. Опять оторвался. Гостил Корещенко, который приезжал с Шаляпиным давать концерт[2]. Писал в *Приднепровский Край* (нужны деньги)[3]. Зачитался... и прямо с ужасом заметил, что прошло десять дней. Раньше всего я должен Вам сказать, что влюблен в Вашу «Старушку». Жаль, что нет Чайковского. Он написал бы к ней и к *песеннику о былом* аналогичную музыку. Письмо Ваше от 20 августа и от 1 сентября получил. После<д>нее вносит некоторые поправки в первое, несколько смутившее меня. Но поверьте, дорогой Борис Николаевич, что, во-первых, я очень радуюсь, когда меня так смущают, как это делаете Вы, а, во-вторых, если я не отвечал, то, конечно, не потому, что был смущен: это обстоятельство,

наоборот, есть побудитель к быстрейшему ответу. Итак, будьте со мною бесстрашно-откровенны (и, кстати, оставьте легенду о моей мнительности). — Благодарю Вас за интереснейшие французские цитаты. Я — круглый невежда во французской литературе. Я не знаю ее, потому что *в общем* терпеть не могу ни языка, ни культуры французов. Впрочем, может быть, кое-что я и полюбил бы, если бы больше знал. Да не хочется как-то бродить в стране, которая антипатична, отыскивая в ней симпатичные грани... Люблю Стендаля, Мериме, Бизе, Рамо, Метерлинка (я не считаю Наполеона: это такой же француз, как и мы с Вами)... Шерр — не только не полон, но и крайне поверхностен. Это либерал (очень честный и серьезный) середины XIX века. Впрочем, едва ли сильная оригинальность и вдохновенный мыслитель сможет написать *Всеобщую историю*[4]. За это всегда будут браться средние прилежные и способные, но безличные люди...

В Вас очень много русско-студенческого. Этот элемент (который показан в *Бесах* Достоевского) в Вас живет неискоренимо, но в наиболее высокой прекрасной аристократической форме... Тут и заговор (но не коммуна, а Арго), тут демократизм (но не равенство всех перед законом, а «великое нивелирование») и т. д. и т. д. Вы понимаете сами, о чем я говорю. Что касается Гёте, то Вы все еще мало знаете его, если повторяете «олимпиец». Он таковым был для многих современников, так же как и Ницше, ибо был unzeitgemaess*. Для нас он — не олимпиец. Вы боитесь, что я Вас не пойму, т<ак> к<ак> «на бумаге мысль выходит примитивнее». Нет, я Вас вполне понимаю. Потому и не нахожу ничего Вам возразить против того главного, от чего Вы не отказываетесь и в последнем письме от 1 сентября. Я не согласен лишь с деталями. Напр<имер>, «Метерлинк пошел на удобрение». Быть может, и вся эллинская культура тоже только хороший навоз?? Навоз для всхода («пышного всхода») целой массы проникающих во все глубины нивелированных душ, имевших завидное счастье родиться незадолго (за 100–200 лет?) до конца мира. Я понимаю, что Вы неудачно выразились (я надеюсь, по крайней мере, на *формальную*

* Несвоевременный (*нем.*).

только ошибочность Вашего выражения), но я всегда буду придираться к Вам, т<ак> к<ак> Вы обязаны не быть неряшливыми (noblesse oblige)* и, притом, не только вследствие огромности своего дарования, но и вследствие желания Вашего отныне говорить с толпой, быть эксотеричным.

Очень рад, что Вы все-таки поступите на филологический факультет. Нельзя ходить голым по улицам, а Вы из презрения оных, нападая на литературу, как на таковую. Пока человек на земле или, вернее, на Арбате, в зале Благ<ородного> Собрания или универс<итетской> аудит<ории>, он одинаково должен быть в штанах и должен быть литературен. Розанов (лет десять тому назад, когда был еще консервативно глуп) сказал в *Русском Обозрении* о декадентах: «Умер человек, остались одни панталоны»[5]. Я бы сказал наоборот: человек остался без панталон. Конечно, глупо и недостойно человека любить свои панталоны больше, нежели ближнего. Но отсюда еще не следует, что перед лицом этого ближнего надо их снять. В костюме Адама можно ходить только в пустыне, перед Богом. А смешивать два этих ремесла и т. д. Итак, мое taedium litterarum** вовсе не признак, что пора сбросить литературу; а признак, что надо сделать новые выкройки штанов, более отвечающих изменившейся мускулатуре ног. —

Вы пишете о Брюсове: «рационалист, софист, спирит». *Наконец-то!* Ведь я же это и говорил. Спиритизм еще не поэзия и легко сочетается и с софизмом и с рационализмом... Я не вижу в Брюсове поэтического дарования. Мне гораздо больше нравятся его критические и политические статьи. Это александриец среди декадентов... О заигрывании *Нового Пути* с либералами — ***очень важно.*** Вообще декадентство, как метод — охарактеризовано Вами великолепно. Вы должны сказать об этом в лекции. С какой такой «некоторой поры» Вы относитесь благосклонно к эмансипации женщин? Неужели вплоть до политических прав? До священства? Вы — эгоист. Теперь Вам *надо* читать лекции, и вот Вы стоите за устную речь, за популяризацию, след<овательно>, за экзотеризм. (Я шучу: не сердитесь). До свиданья, дорогой Борис

* Положение обязывает (*фр.*).

** Отвращение к письму (*лат.*).

Николаевич! До скорого свиданья! Вы все-таки уведомите меня, в какой день Вы приедете в Нижний, т<ак> к<ак> я надеюсь, Вы и Ваша мама удостоите нас посещением... Сейчас получил письмо от Коли. Он едет с мамой в Берлин. Приглашен на открытие памятника Вагнеру...[6] До скорого свиданья. Крепко жму Вашу руку. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 22.
Ответ на п. 43 и 44.

[1] Имеется в виду письмо А. С. Петровского из Москвы от 27 августа 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[2] Гастроли Ф. И. Шаляпина проходили в Нижнем Новгороде в Большом Ярмарочном театре с 18 августа по 1 сентября 1903 г., были представлены оперы «Фауст» Ш. Гуно (18, 23, 30 августа), «Русалка» А. С. Даргомыжского (19 августа), «Жизнь за царя» М. И. Глинки (21 и 27 августа), «Борис Годунов» М. П. Мусоргского (25 и 31 августа); последний спектакль (1 сентября) — бенефис Шаляпина.

[3] См. примеч. 3 к п. 41.

[4] Имеется в виду «Всеобщая история литературы с древнейших времен до современности» («Allgemeine Geschichte der Literatur von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart», 1851) Иоганнеса Шерра.

[5] В оригинале: «Умер человек, и остались только панталоны» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Религия и культура. М.; СПб., 2008. С. 122). Статья опубликована в журнале «Русское Обозрение» (1896. № 9) под заглавием «О символистах: Письмо в редакцию»; под заглавием «О символистах и декадентах» вошла в книгу В. В. Розанова «Религия и культура: Сб. статей» (СПб., 1899; изд. 2-е. СПб., 1901).

[6] Упомянутое письмо Н. К. Метнера не обнаружено. Памятник Рихарду Вагнеру работы скульптора Густава Генриха Эберлейна был открыт в Берлине в Тиргартене 1 октября (н. ст.) 1903 г.

46. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

4 октября 1903 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

бесконечно виноват перед Вами. Не отвечал столько времени. Дело в том, что Москва совсем закружила меня. Не было время даже письма написать. Теперь у меня большое дело: составляю каталог для книг из библиотеки отца Университету[1]. Ежедневно

утром у меня отнимают часа по четыре. Потом с пустой головой, ни на что не пригодной, отправляюсь ходить по знакомым, так как ни на что иное не способен. И так день за днем.

Вы видите по тону моего письма, насколько опустошен я духом. Вы простите меня за этот тон? Настоящий «*Я*» ушел куда-то далеко, за миллионы верст. И словом не вызовешь «*Его*» из «*бессмертных далей*». А то, что осталось, составляет каталог, ходит по знакомым, пишет Вам эти опустошенные строки и не умеет больше быть центральным. «*Я*» доволен. Лекций читать не буду. Мне запретил это епископ Антоний (тот, что исцелял в Сарове)[2]. Может быть, он прав, может быть, нет — но раз я его спросил совета, я ***должен*** повиноваться, хотя мне это и не выгодно экономически: я лишился благодаря этому главного экон<омического> источника, на который рассчитывал. Но это к лучшему: не послушался бы я его, если б он не выказал себя «*бездонно-глубоким*» по отношению ко мне и к А. С. Петр<овскому>. Увы, нам не придется увидеться, Эмилий Карлович, в этом году. А я так рассчитывал поговорить с Вами по существу. Странное дело: теперь я начинаю узнавать свою сущность: она заключается в том, что я в последний момент изменяю раз задуманному плану. Вспоминаю тысячи мелочей и не мелочей, где я был таковым.

Дорогой Эм<илий> Карлович, напишите мне что-нибудь… Как поживаете?.. Был у Ник<олая> Карл<овича>, слышал 3-ью часть его сонаты[3]. Удивительна!..

Простите — в моей опустошенной голове нет ни одной мысли, ни одного чувства…

Так холодно, холодно…

Любящий и уважающий Вас Борис Бугаев.

1903 г. 4 октября.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[4].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 23. Помета красным карандашом: «XXIII».

[1] Речь идет о передаче личной научной библиотеки Н. В. Бугаева Московскому университету. В «Материале к биографии» Белый сообщает о своей жизни в октябре 1903 г.: «Лахтин обращается с просьбой к маме: отдать математическую библиотеку отца в Университет; мама соглашается; я принимаюсь за составление описи библиотеки» (ЛН. Т. 105. С. 95).

[2] С бывшим епископом Вологодским и Тотемским Антонием, жившим на покое в Москве в Донском монастыре, Белого познакомил А. С. Петровский, который сообщал Метнеру в письме от 5 октября 1903 г.: «Недавно были мы с Бугаевым в Москве у епископа (на покое) Антония (бывш<его> Вологодского), того самого, кот<орый> исцелял в Дивееве. Удивительный человек. Его считают одни юродивым, другие сума<с>шедшим. На самом деле это человек большой духовной высоты, притом очень тонкого, культурного ума, „знающий шутки". Прозорливый в высшей степени. Легкости духа необыкновенной. <...> Он заговорил о важном: как нам обоим расположить свою жизнь, временно, пока. В словах зазвучало такое видение, такие намеки (он говорил сначала Бугаеву), что я вздрогнул от неожиданности. Это величайший человек (из пришедших), какого я когда-либо видел. Он говорил страшно властно, но все время с ласковой улыбкой и подмигивая» (цит. по: *Малмстад Джон.* «Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: хроника дружбы // *Белый — Петровский.* С. 22). См.: *Иванова Е. В.* Андрей Белый и епископ Антоний (Флоренсов) // Андрей Белый в изменяющемся мире: К 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 81–87.

[3] Имеется в виду Соната f-moll op. 5 Н. К. Метнера; ее 3-я часть (Largo) была закончена в августе 1903 г. 22 октября 1903 г. Н. К. Метнер писал Э. К. Метнеру: «На днях я был у Бугаева, и он говорил... Знаешь, я только именно на днях понял, до какой степени он талантлив» (*Метнер.* С. 52).

[4] А. М. Метнер.

47. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

15 октября 1903 г. Нижний Новгород

Дорогой Борис Николаевич!

Ваша статья *О Теургии* — (Вы легко можете себе представить это!) — должна была произвести на меня сильное впечатление.

«Родившаяся от восприятий нервной системой новых вибраций», она написана с лихорадочной живостью, и в ней, если и не «совершенно» (это пока немыслимо), то все же довольно отчетливо «кристаллизованы новые мысли» и притом мысли захватывающие, способные «заразить» целые группы лиц и в особенности чутких художников всех специальностей[1].

Нет сомнения, что за этой Вашей первой попыткой заговорить о теургии последует как с Вашей стороны, так и со стороны Ваших единомышленников целый ряд новых опытов,

направленных к дальнейшему развитию и формированию высказанных Вами идей. Отделенный от Вас огромным пространством, я лишен возможности в устной беседе изложить Вам свой взгляд на эти идеи; я особенно сожалею об этом на сей раз потому, что за всю нашу довольно деятельную переписку еще не возникало ни разу контроверз столь серьезных и сложных, требующих различных демонстраций, многочисленных ссылок и притом имеющих безусловно-объективное значение. Диспутировать на страницах повременных изданий я не хотел бы потому уже, что не допустил бы в такого рода своем писании ни малейших изменений, сокращений, а тем более приспособлений к тенденции даже какого-нибудь из ненаправленских органов печати вроде того же *Нового Пути*. Прибегаю поэтому к частному письму; Вы можете использовать его как Вам заблагорассудится, а для того, чтобы это оказалось не слишком затруднительным, я постараюсь не злоупотреблять «идиомом», образовавшимся путем наших устных и письменных бесед и понятным только представителям «умственных цветников», окончательно «испорченным» симфониями Андрея Белого.

Вы находите, что чудодейственность некоторых исключительных художественных мест, встречающихся у светских писателей, например у Достоевского, Гоголя, Гёте, объясняется наличностью не только молитвенного обращения к Богу, не только ясного видения, но и «способности ясного, т. е. лучезарного религиозного делания», т. е. того, что заключается в выдвинутом Вами понятии теургии[2].

Я не знаю, почему Вы сочли необходимым ближе определить поименованных писателей эпитетом «светских»?.. Я хочу, придравшись к этому прилагательному, обозначить свою позицию и подойти к некоторым моментам Вашей статьи, взятым sub specie sanctitatis*, отправляясь не от святости, а от светскости, как истый profanus; а потому... очень возможно, что буду ссылаться на новозаветные книги.

Чудодейственность повседневных слов в необычайных (а иногда даже и — внешне — в обычных) сочетаниях проистекает у «светских» писателей не только от восхи́щенности

* С точки зрения святости (*лат.*).

теургическим восторгом. Так последний налицо у Гёте в его Alles Vergängliche ist nur ein Gleichniss[3] etc., но в Ich gieng im Felde etc. (*Im Vorübergehen* или *Gefunden*)[4], но в этих вот строках, обращенных к Фредерике Брион.

Wo bist du itzt, mein unvergässlich Mädchen,
Wo singst du itzt?
Wo lacht die Flur, wo triumphiert das Städtchen,
Das dich besitzt? etc.[5]

Как раз те самые художники, которые «приняв тон пророков», истерически, подобно Достоевскому, «пробивались к пророческому достоинству», были бессознательно менее (или вовсе не) теургичны, ибо менее чисты, менее призваны к тому, нежели иные, сознательно стоявшие очень далеко от теургии уже окончательно «светские» художники даже из тех, что «утешают нас пустотою»[6]. Вот именно тогда-то искусство и срывается, когда оно *суррогат* теургии, когда оно мнит себя детищем теургии, его порождением (или вырождением), а не родным братом ее от общего родителя «Гуманитета», если, конечно, понимать это слово в самом широком и глубоком смысле, в смысле всеобъемлюще проявленной чистой человечности. И как нежелательно обратное сведение всей флоры к одному растению (хотя бы и животворящему древу), всей фауны — к одному животному виду (хотя бы голубю, воплотившему дух святой), всех племен и народов — к одной расе (хотя бы сверхчеловеков), так нежелательно для чтущего красоту мироздания и поглощение теургией других творческих тенденций.

В тесной связи с вопросом о теургии и о пророческом даре находится, по-моему, следующий вопрос, которым задавался в свое время Гёте*.

Именно: что́ значит говорить языками (γλῶσσαις λαλεῖν)?

1. При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе.
2. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились.
3. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.

---

* Zwo wichtige bisher unerörterte biblische Fragen zum erstenmal gründlich beantwortet von einem Land-*geistlichen* in Schwaben[7].

4. И исполнились все Духа Святаго и начали *говорить на иных* (?) *языках*, как Дух давал им провещавать. (Деяния Апостолов, гл. II)[8].

Исполнившись духа на языке духа возвещать тайны духа...

Обетованный дух наполняет собравшихся учеников силою своей мудрости...

Божественнейшее ощущение течет из души в органы речи, и, пламенея, она возвещает великие дела Божии на новом языке ἑτέραις γλῶσσαις; это и был язык духа, καθὼς τὸ πνεῦμα ’εδίδου αὐτοίς ἀποφθέγγεσθαί*.

По мнению Гёте, это был тот простой общий язык, найти который напрасно бы тщился иной великий ум. В границах человеческого и в помине не осталось ничего от этого языка, но у апостолов он звучит в полном своем великолепии!

Парфяне, мидяне и эламиты ужасаются; каждый думает, что слышит свой язык, так как он понимает дивных мужей; он слышит, что проповедуют великие дела Божии, и не знает, что происходит с ним.

Но не у всех были открыты уши, чтобы слышать. Только восприимчивые души (ἄνδρες εὐλαβεῖς) принимали участие в этом блаженстве. Дурные люди, холодные сердца глумились и говорили: они напились сладкого вина!

Впоследствии, если дух охватывал чью-либо душу, то первое необходимейшее движение столь удостоенного сердца было выдыхнуть всю полноту. Оно через край переполнялось духом, который так прост, как свет, и так же всеобщ, и только после, когда волны отбушевали, заструился из этого моря нежный учительный ручей (προφητεύειν) для пробуждения и изменения людей.

Но, как со всяким источником, если он от своего чистого начала течет в сторону, чрез всевозможные проходы, смешивается с земными частицами и, хотя сохраняет свою самостоятельную внутреннюю чистоту, но глазу кажется помутневшим, в конце же концов затеривается в болоте; так произошло и с этим языком духа.

Уже во времена Павла этим даром в христианской общине злоупотребляли.

---

* *На полях приписано*: Справиться с греческим евангелием[9].

Полнота святейшего глубочайшего ощущения напрягала на мгновение человека до сверхземного существа; он говорил языком духов и из глубин божества текла пламенная речь о жизни и свете.

На высоте такого ощущения не в состоянии удержаться ни один смертный. И все-таки воспоминание об этом блаженнейшем мгновении должно было у апостолов трепетно жить всю жизнь.

Кто не чувствует в своей груди, что он стал бы непрестанно стремиться снова к тому мгновению? Так они и поступали. Они замыкались сами в себе, запруживали чистую реку жизненного учения, чтобы при помощи плотины довести воды до их первоначальной высоты, витали своим собственным духом над мраком и шевелили глубину. Напрасно!

Взвинченная подобным образом сила не могла вымучить ничего иного кроме темных предчувствий; они выкрикивали (λαλεῖν), их никто не понимал, и они портили таким образом лучшее время собраний.

Против этого работал Павел со всею своею серьезною строгостью в четырнадцатой главе первого послания к коринфянам…

«Кто подобно вам говорит языком духа, тот говорит не человеку, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом. Ибо когда я молюсь глубокодуховным языком, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Итак подобная духовная речь есть только знамение (σημεῖον), производящее впечатление на неверующих, возбуждающее их внимание, но не назидающее их, а тем более — отнюдь не поучение для общества верующих»; вот что хотел сказать, по мнению Гёте, апостол Павел в 14-ой главе первого послания к Коринфянам.

Что Гёте правильно толкует выражение: γλώσσαις λαλεῖν, под которым традиционно и позитивистично понимают речь на чужом языке, по моему мнению, не может быть сомнения у того, кто вспомнит о различении апостолом Павлом πνεῦμα (духа) и νοῦς (ума) и затем вникнет в следующие стихи вышеупомянутой четырнадцатой главы первого послания к Коринфянам*:

5. Желаю, чтобы вы все *говорили языками*; но лучше, чтобы вы пророчествовали, ибо пророчествующие превосходнее того,

---

* *Помета на полях ниже приводимых цитат*: петитом.

кто говорит *языками*, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание.

6. Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на <незнакомых> *языках*, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?

7. И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят раздельных тонов, как распознать то, что́ играют на свирели или на гуслях?

8. И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?

9. Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что́ вы говорите? Вы будете говорить на ветер.

10. Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения.

11. Но если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец.

12. Так и вы, ревнуя о дарах духовных, старайтесь обогатиться ими к назиданию церкви.

13. А потом<у> говорящий на <незнакомом> *языке*, молись о даре истолкования.

14. Ибо когда я молюсь на <незнакомом> *языке*, то хотя *дух* мой и молится, но *ум* мой остается без плода.

15. Что́ же делать? Стану молиться *духом*, стану молиться и *умом*; буду петь *духом*, буду петь и *умом*.

16. Ибо, если Ты будешь благословлять *духом*, то стоящий на месте простолюдина ка́к скажет: «аминь» при твоем благодарении? Ибо он не понимает, что́ ты говоришь.

17. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается.

18. Благодарю Бога моего: я более всех <вас> говорю *языками*.

19. Но в церкви хочу лучше пять слов сказать *умом* моим, чтоб и других наставить, нежели тьму слов на <незнакомом> *языке*.

. . . .

23. Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить <незнакомыми> *языками* и войдут к вам незнающие или неверующие, — то не скажут ли, что вы беснуетесь?

24. Но когда все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится.

25. И таким образом тайна сердца его обнаруживается и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог.

26. Итак, что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть *язык*, есть откровение, есть истолкование. Все сие да будет к назиданию[10].

Итак, *язык духа*, язык, которым говорили апостолы, когда сошел на них св<ятой> Дух, есть средство общения, способ передачи, не встречающий на пути своем никаких ни полупроницаемых, ни вовсе непроницаемых средостений, ни в виде национальной ограниченности (незнание языков), ни в виде ограниченности индивидуальной (неразвитость, слабоумие).

Этот язык духа, язык, отвечающий тому, чтó Кант называл Ding an sich*, *слишком* ясный и точный, для того, чтобы связанные с феноменальным многообразием и разноцветностью определенности, ограниченности, приблизительности могли с ним конкурировать или задержать его действие.

Как дар небес и для небесных целей этот язык духа мог функционировать лишь на той высоте ощущения Бога, удержаться на которой, как говорит Гёте, не в состоянии ни один смертный.

Воды этого прозрачного источника при малейшей попытке от себя воздействовать на их направление сбегают в болота. Мне думается, что под этими болотами, которых «избегают все опрятно одетые», протестант и германец Гёте разумел так называемое юродство.

Оставляя в стороне вопрос о сомнительной религиозной ценности этого состояния, я упоминаю о нем только, как о срыве с того уже несомненно высшего состояния, в котором апостолы говорили на языке духа, а окружающая их разноязычная толпа внимала им и понимала их.

С этим состоянием как в его чистом, так и в его искаженном виде, по-моему, ни речь пророка, ни речь художника ничего общего не имеет. Это — дар, внезапно нисходящий и внезапно покидающий человека, не имеющий никакого отношения

---

* Вещь в себе (*нем.*).

к феноменальным условиям жизни этого человека и не находящий в них в своем проявлении никакого ограничения.

Но вот пророк — уже представитель данного времени, данного народа, определенного языка. Речь его о небесном вечном уже менее ясна, менее точна, ибо более феноменально-определенна, более связана с земным, временным, более с Werden *, чем с Sein **. Меньшая степень ясности в передаче здесь неизбежна, как бы ни было ясно, точно, вдохновенно и проникновенно созерцание пророка.

Еще менее прозрачным потоком течет речь о небесном у поэта, так как он связан еще и законами своего искусства. То же — у философа. Оба они теряют, как таковые, удаляясь (в особенности умышленно удаляясь) из своих очень обширных и по объему, и по содержанию, но все же ограниченных, определенных областей.

С ограниченностью необходимо мириться; это не значит помириться с нею окончательно и оставить вовсе мысль о полете; высокое смирение в данном случае «теургично» и мудро, так как приближает к ощущению божественного, а не исключает последнего, подобно форсированному исступленному порыванию.

«Удара судьбы нельзя было обойти Лермонтову. Он увидел слишком много»[11]. Да, слишком много, *для себя*; но *кто* увлекал его заглядывать глубже, нежели это ему следовало?

Достоевский переживал «минуты вечной гармонии», которые, как Вы пишете, — «всегда мгновенны: какой-то порывистый, душащий восторг; как понятно, что это состояние связано с эпилепсией; воистину тут начало какого-то перегиба к мирам иным; не все выдерживают»[12]. — Но к чему эти перегибы с надрывом? Это не чисто демонично; это — не «белая магия», как Вы называете теургию, а или «черная», или «серая»; я знаю, что и Вам претит «душащий восторг»; но этого мало: необходимо вовсе не сопоставлять его на одной плоскости с «восторгом глубоким, мягким, белым, длительным»[13].

Припадочность, распущенность, одержимость в связи между собою; самочинность в *религиозном* делании не исключает

* Становиться, делаться (*нем.*).

** Быть, существовать (*нем.*).

одержимости, а как раз предполагает ее; чистейшая и сильнейшая сторона нашего «я», активная в делах *человеческих*, квиетична и оптимистична в *небесных* делах и никогда не шевелит мистической глубины, не устремляет экзальтированно своей воли к тому, чтобы «концы концов коснулись»[14]; немощная и менее высокая наша самость делает человека способным быть демонически одержимым; одержимый, он проявляет активность там, где не следует; унижение паче гордости и иллюзорность свободы при полном духовном рабстве характеризуют это состояние. «Ощущение нуменального греха» у тех, «кто не может идти все вперед и вперед»[15], указывает только на ненужность самого начала похода. А «кто, раз войдя, запрет себе обратный выход и навсегда останется с этими вершинными переживаниями»[16], тот не «выучится дальнейшему», как Вы думаете, а непременно погибнет, если он не «сын Божий».

Но кто же имеет основание считать себя таковым? Во всяком случае никто из тех, у кого, по Вашему выражению, mens sana in corpore insano[17]. Необходимо держаться созерцательной позиции in rebus coelestibus* и не сходить с нее, пока не будешь выбит Высшею Силою; тогда, смотря по тому, какая это была Сила или гибель или «святость», но во всяком случае уже никто не осмелится предъявить иска покинувшему позицию, так как, выражаясь юридически, последует exceptio** с ссылкой на vis major***.

Только таким образом, дорогой Борис Николаевич, я и понимаю и принимаю богоборство. Я готов вместе с Вами констатировать «перевал к религиозно-мистическим методам», готов видеть объективную реальность этого перевала в наблюденной Вами «отзывчивости идей», но я останавливаюсь в недоумении перед тезисом: *теургия выродилась в художественность.*

Признавая теургичность некоторых прежних творений человеческого духа; допуская законность, больше того, желательность усиления теургической тенденции впредь, я в интересах творчества и культуры и самой теургии стою за полную и, притом, не только внутреннюю, но и внешнюю автономию искусства,

* В делах небесных (*лат.*).

** Особое условие, оговорка (*лат.*).

*** Превосходящая сила (*лат.*).

опасаясь, как бы в противном случае хорошая (хотя «пустая», но зато «утешительная») *художественность не выродилась в теургию* (во что бы то ни стало: хотя бы с истерикою!)…

«Теургия выродилась в художественность»[18]; другими словами: пророки стали поэтами.

Видимо томясь желанием обратного движения, Вы зорко следите и подмечаете признаки последнего. Размышляя о Ваших «чувствах, вымучившихся до формул и определений» (как непременно назвал бы Аполлон Григорьев положения о теургии)[19], я поставил себе раньше всего два вопроса: 1) верен ли указанный Вами генезис художественности; 2) необходим ли всеобщий обратный процесс.

Вы указываете на то, что погрузились в отчаяние многие *лучшие* умы[20]. Совершенно верно. «Чем выше человек», сказал 24 марта 1829 года Эккерману Гёте, «тем более находится он под влиянием демонов, и он должен только всегда быть настороже, чтобы его управляющая воля не попала на окольные пути»[21].

Наилучшие выдержали борьбу, нисколько не сводя всего творчества к теургии и всего делания к религиозному деланию.

Не надо углублять в себе опасного любопытства; не надо перепрыгивать. «Всякое забегание вперед как церковников (с их Антихристом) и теософов, так и теургов à la *** с их речами о соединяющем религиозном делании значительны только как попытки нового мышления, а не сами по себе»[22]. Так писали Вы мне в декабре 1902 года… Оказывается, что эти «попытки» настолько «значительны», что «заражают»… Повторяю, чтó принципиально сказал Вам в одном недавнем своем письме: человеку надоело быть человеком; от слишком-человеческого он ищет исцеления не в чисто-человеческом, а в сверх-человеческом. Как первые христиане со всей силой оттолкнулись от берега язычества и потому очутились не в фарватере, а только у другого берега, так и «новые» художники и мыслители, отталкиваясь от берега «сократизма», тоже не всегда соразмеряют свою силу. И чем у кого эта сила больше, тем более опасности для него впасть в юродство. Поэтому долой болезненную напряженность! Соблазн «объявиться»! Самочинное вмешательство в непреклонный ход мистических событий и прочие грехи суетливости, суеты, неритмичности! Раньше теургии необходима антропургия.

Чистота человечности — несовместима с одержимостью как в жизни и в деятельности, так и в творчестве.

Впечатление от художника-демониста всегда заключает в себе какую-то примесь, ничего общего с его искусством не имеющую; то же следует сказать и о речи пророка.

Возьму резкий пример. Паганини был несомненно демоничен; независимо от дошедших до нас характеристик его (например, Гейне)[23], это заключение можно сделать на основании разбора его композиций: чисто музыкальная ценность их, очевидно, далеко ниже того впечатления, которое они производили на всех в исполнении их автора.

Итак, мое первое возражение сводится к принципу независимости и самостоятельности искусства и вообще творчества от теургии. Мое второе возражение касается Вашего чрезмерного возвеличения музыки надо всеми другими искусствами. Все искусства поглощаются у Вас музыкой так же, как все виды и направления творчества тонут в теургии. Вы знаете, что я люблю музыку больше других искусств, но мне отнюдь не «хочется» (как Вам) «думать, что музыкальные идеи суть родовые относительно идей поэтических», что «музыка — вершина искусств», что «музыка — это действительная стихийная магия»[24].

По поводу первых двух абзацев третьего параграфа Вашей статьи скажу Вам, что при пользовании воззрениями, принципами и терминами Ницше эпохи «Die Geburt der Tragoedie»[25] необходимо иметь в виду его тогдашнее нахождение в плену у Шопенгауэровской мысли. То, что́ говорил о музыке Шопенгауэр, так же верно и так же неверно, как и все в его философии. Шопенгауэр только гениальный начинатель новой эстетики, Ницше и Вагнер — гениальные продолжатели, но дело ждет еще исправителя и завершителя.

Бесстрашие и несравненная серьезность Кантовской мысли сказались в анонимности, которою облечена у кенигсбергского мудреца сущность — (ноумен — Ding an sich); Шопенгауэр не выдержал и прибег к... псевдониму «Wille»*; без игрушки не могло обойтись большое и гениальное дитя. Затем, облюбовав музыку,

* Воля (*нем.*).

крестный отец «Ding an sich»'а, разумеется, не мог найти ей достаточно почетного места в своей системе искусств.

Платоновы идеи суть адекватная объективация воли; таковою же представляется Шопенгауэру и музыка; она снимок (Abbild) не идей (подобно другим искусствам), а самой воли; потому ее действие несравненно сильнее, нежели действие остальных искусств; музыка возвышается надо всеми ними; она говорит нам о самом существе, а не о тенях последнего, как другие. Вторя Шопенгауэру, Ницше называет музыку: Schein des Seins*, а другие искусства: Schein des Scheins**.

Дорогой Борис Николаевич! Мне не «хочется думать», не только, «что музыкальные идеи суть родовые относительно идей поэтических», но и что интеллект — сын воли и притом только воли, что у «темного хаоса» могла родиться «светлая дочь»[26], что «дух Аполлона — иное выражение» (может быть даже порождение?) «тех же дионисианских начал»[27]; нахожу, что, к сожалению, опутанный Шопенгауэром Ницше *недостаточно* «старался подчеркнуть глубокое различие в обоих началах», так что о «благодетельном влиянии», оказанном «построением Шопенгауэра», и речи не может быть[28]; тем более, что Вы идете дальше Ницше и прямо объявляете аполлинизм «объективированным дионисианским началом» и постулируете «подчиненность духа Аполлона духу Диониса»[29].

Психологически не может беспокоить исследователя плюрализм или дуализм в плоскости, на которой мы находимся, говоря об искусстве (хотя бы и теургическом); наоборот, не без натяжки проведенный монизм — бесплоден, уничтожает необходимую многогранность и быстро приводит исследователя к неплодотворному концу.

Волюнтаристический монизм есть философская подпочва оспариваемого мною тезиса, но где эмпирико-эстетический исходный пункт для сопряженного с этим тезисом столь чрезмерного возвеличения музыки?

Вершиною искусств музыка является только для человека очень музыкального; этому субъективному мнению придавать

* Видимость действительности (*нем.*).

** Видимость видимости (*нем.*).

объективное значение было бы все равно, что делать музыкальность обязательным элементом для каждого художника, для каждого творца. Между тем, как раз музыкальность, настоящая природная музыкальность — очень редкое явление. Физиологическое действие музыки, более интенсивное навязчивое, нежели таковое других искусств, действие, коему подвержены не только люди, но и животные (лошади, пауки), не может идти в счет; к тому же это действие на людей антимузыкальных бывает крайне отрицательным именно потому, что сильным вне-эстетически.

Я иначе, нежели Вы, объясняю себе «ореол вечного неудовлетворенного, но и примиряющего чаяния»[30], которым окружена музыка. Эстетическая сторона музыки, музыка как искусство, имеющее отношение к музыкальности, не как к оргиастическому беснованию под влиянием физиологического воздействия звуков (на которое способны кавалерийские лошади и кавалерийские на оных болваны), строго говоря, *до конца* доступна немногим. Большинство, даже любящих музыку, даже изучавших ее, но не обладающих большою природною музыкальностью, с трудом отдает себе эстетический отчет, что́ такое и о чем — та музыка, которою они восхищаются; это обстоятельство, по моему мнению, и «дало» (пользуюсь Вашим выражением) «повод называть музыку самым романтическим искусством», то есть (прибавлю от себя) искусством неопределенным, неуловимым, неустановившимся, неуравновешенным, стихийным, хаотическим, дионисическим. Но не является ли в том же смысле «романтическим» всякое искусство для непосвященных? Разве безнадежно влюбленные в поэзию не витают среди «неудовлетворенных, но и примиряющих чаяний»? Разве поэзию не оценивают чаще всего со стороны содержания, материала, идей, сюжета? И не то же ли самое происходит с изобразительными искусствами? И не потому ли среди наименее художественных по природе людей имеет наибольший успех программная музыка, гражданская поэзия и идейная живопись?

Все дело в том, что, если музыка, так сказать, популярно-прикладная, — наиболее доступное искусство, то музыка, как высокое и чистое искусство, — менее доступно, нежели другие искусства. Это обстоятельство побуждает ошибочно ставить музыку *вне* системы искусств.

Теперь представьте себе, Борис Николаевич, что нет германской музыки и, разумеется, всей той негерманской, которая совершенно очевидно является невольным (или… вольным…) рефлексом германской. Могла ли бы явиться мысль поставить музыку *вне* системы искусств или *над* всеми искусствами? Конечно, нет! Итак, вот где следует искать реальный фактор, толкнувший Шопенгауэра к возвеличению музыки. Но вместо этого можно было бы ждать постановки и решения совсем другого рода вопроса. Именно: почему у различных народов и в различные эпохи различные виды человеческого творчества поглощают наиболее сильных индивидов?

Ведь Бах, Бетховен, Вагнер так же, как Леонардо, Микель Анджело, Рафаэль, так же, как Эсхил, Софокл, Эврипид, — не только необычайные искусники в своей специальности, но и крупнейшие и характернейшие представители своей расы и своей эпохи. Разве людям Возрождения не казалось изобразительное искусство наиболее божественным, искусством по преимуществу, «теургией», совсем так же, как людям XIX–XX веков, ошеломленным никогда ранее неслыханным взрывом музыкальной гениальности у таких экземпляров человеческой породы, каким был, например, Бетховен, представляется «вершиною искусств» музыка?

Но с тем же правом высшею точкою человеческих дел можно было бы объявить войну и притом не оттого, что был столь гениальный стратег, как Наполеон, а потому, что среди гениальных стратегов оказалось такое существо, как Наполеон.

Я думаю, что Аполлон и Дионис равноправны и соподчинены друг другу и притом в каждом искусстве, а не только в музыке; что все искусства и вообще все виды творчества равновелики и равноценны.

Музыка имеет свои сильные и свои слабые стороны. Там, где налицо истинное элементарное первичное творчество, музыка является «*субъективнейшим*» искусством; она способна тогда к интимности гораздо бóльшей, нежели всякое другое искусство, ибо лишено условности, не нуждается вовсе в притворстве, в маске; а впечатление «*объективности*», общности, чего-то родового сравнительно с остальными искусствами проистекает от непосредственности и нематериальности, с какою передаются переживания композитора; причем, конечно, большинство

действительно замечает и схватывает только объективный фон, основное настроение, нечто общее, общедоступное и вполне выразимое словами, а невыразимое субъективное наиболее ценное, в чем именно и сказалась индивидуальность и напряженная сила творчества, большинство или вовсе пропускает мимо ушей, или же, смутно ощущая некий странный привходящий элемент, относит его к «романтичности». Очень музыкальное меньшинство разбирается более или менее во всем, но отнюдь не делая перевода с языка музыки на язык словесного или иного искусства; наоборот: по мере углубления и выяснения композиции все больше и больше забывая и отрекаясь от иного языка, кроме музыкального.

Музыкант (если он не грубо подражает, искусно заметая следы), передает впечатления бытия («энергетическую разницу» Оствальда) с бóльшею точностью, нежели всякий другой художник, но зато отвлеченно и притом крайне субъективно; он ничем не стеснен, так как его орудие изображения все равно, что карандаш в руках ребенка, который, повинуясь своему капризу, может чертить как и куда угодно, но только не в состоянии нарисовать, например, корову, чтобы ею восхищались как коровою Мирона; единственно что требуется от ребенка — это, чтобы он, нажимая сильно на карандаш, не сломал его; уподобляя в данном случае музыканта ребенку, я под карандашом разумею музыку, как способ искусства, как organon; современные музыкальные новаторы — очень невоспитанные дети, они слишком часто ломают карандаши и притом совершенно зря, так как никогда кроме карандаша им в руки ничего не дадут и никогда другой линии кроме карандашной им провести не придется.

Собственно говоря, то, чтó принято называть «субъективным», вовсе не менее точно и определенно, нежели так называемое «объективное», а, наоборот, гораздо определеннее, точнее, резче, острее.

И вот то, чтó музыка теряет в объективности, она выигрывает в субъективности. Почти все ошибочно говорят: это нечто неопределенное, не поддающееся словесной или изобразительной передаче, нечто неуловимое и потому музыкальное; следует сказать: это нечто слишком определенное, слишком утонченное, чересчур интимное, требующее непосредственной безусловной

передачи, а потому с трудом воспроизводимое недостаточно гибкими изобразительным и словесным искусствами и более поддающееся музыкальному воспроизведению.

Но если гениальному поэту, живописцу, ваятелю, зодчему удается победить коренящиеся в природе изобразительного и словесного искусств препоны к *непосредственности* и *безусловности* воспроизведения, то получается эффект, который, конечно, уступая все-таки несколько музыкальному эффекту в означенных отношениях, в итоге может оказаться сильнее вследствие бóльшей наглядности, вразумительности «объективности», к которой способны изобразительное и словесное искусства.

В своей статье о теургии Вы рассматриваете, дорогой Борис Николаевич, искусство с точки зрения способов передачи, в качестве коммуникационного средства. Подходя к человеческому творчеству с той же стороны, я строю следующую лестницу способов общения: I язык духа; II пророчество; III искусство; IV философия; V наука; VI ораторская речь; VII обыкновенная речь об обыкновенных вещах.

I и VII сходятся в том, что все, чтó хотел передать говорящий, до конца и без усилий усваивается слушателем; различие — лишь в содержании, смысле и значении передаваемого. Ведь под первым способом следует разуметь тот случай, когда каждый из разноязычной и, конечно, разнохарактерной, разносословной, разногруппной толпы, слушая говорящего апостола, думал слышать своего, свою родную речь; тут доведено до последней ясности самое неуловимое движение мысли о самых глубочайших тайнах бытия; каждый слышал не только своего соотечественника, сородича в апостоле, но как бы самого себя вдруг все уразумевшего, слышал не только свою родную, но и свою собственную речь. Эта речь была так же точна и ясна каждому, как просьба прийти в гости или констатирование хорошей погоды, или, еще лучше, как грозный или ласковый тон или жест говорящего на чужом языке[31].

РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 1. Копия рукой А. М. Метнер с правкой Э. К. Метнера. Датировка проставлена карандашом: «1903, окт. 15».

Письмо не было по написании доставлено адресату. Метнер ознакомил с ним Белого во время его пребывания в Нижнем Новгороде в марте 1904 г.

В архиве Метнера сохранился также черновой текст письма (РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 2).

[1] Изложение умозаключений из раздела I статьи «О теургии»: «...появляется произведение, в котором совершенно кристаллизованы <...> новые мысли. Тогда начинаешь понимать, что некогда возникшая в голове ассоциация идей не самостоятельная, а родившаяся от восприятия нервной системой новых вибраций. Вот в чем сущность повальной умственной заразы, а не в механическом только усвоении вычитанных идей» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 101).

[2] В своей статье Белый, определяя теургию как «способность *ясного, т. е. лучезарного религиозного делания*», отмечает: «Присутствием этого налета теургии определяется чудодейственность некоторых исключительных художественных мест, встречающихся у светских писателей, например, у Достоевского, Гоголя, Гёте, потому что во всякой молитве заключена возможность получения этой чудодейственной силы Божией, всякий глас, вопиющий в пустыне ко Господу, всякое прозревающее хваление Господа — теургично» (Там же. С. 102).

[3] «Все преходящее — только отблеск вечного» (*нем.*) — строка из Chorus mysticus, завершающего последнюю сцену 2-й части «Фауста» Гёте.

[4] См. п. 15, примеч. 18. «Gefunden» (1813) — стихотворение Гёте (в русских переводах: «Находка», «Нашел», «Найденыш»).

[5] Первая строфа приписывавшегося Гёте стихотворения «Когда я был в Саарбрюкене» (1771), автором которого, как ныне установлено, был Якоб Михаэль Рейнхольд Ленц («Wo bist du itzt»). В переводе П. И. Вейнберга:

Где ты, где ты теперь, о друг мой незабвенный?
Где слышен голос твой?
Где весела земля, где городок блаженный,
Владеющий тобой?

(*Гербель Н. В.* Собр. соч. Гёте в переводе русских писателей. 2-е изд. под ред. Петра Вейнберга. Т. 1. СПб., 1892. С. 61).

[6] В статье Белого: «Теория пессимизма особенно высоко вознесла художника, которому предстояло или навсегда *утешать пустотою*, или самому пробиться и *действенно* завоевать себе пророческое достоинство» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 103).

[7] «Два важных ранее не комментированных вопроса по Библии, на которые впервые подробно отвечает сельский священник из Швабии» — произведение Гёте (1773). См.: Goethes Werke / Hrsg. im Auftrage der Großherzogin Sophie von Sachsen. Bd. 37. Weimar, 1896. S. 175–190. Последующий текст (до цитаты из Первого послания к коринфянам с включением цитаты из Деяний св. апостолов) — сокращенный перевод фрагмента «Что значит говорить языками?» из этого сочинения (S. 186–189).

[8] Деян. 2: 1–4.

[9] В греческом тексте Деяний св. апостолов (2: 4), цитируемом Гёте (Goethes Werke. Bd. 37. S. 187) и воспроизводимом Метнером по указанному изданию, переставлены местами заключительные слова в цитате и опущены диакритические знаки, которые здесь восстановлены. Перевод: «как Дух давал изрекать им».

[10] Цитата приведена с отдельными неточностями.

[11] В статье «О теургии»: «...год дуэли, — того *удара судьбы*, которого, быть может, и нельзя было обойти Лермонтову. Он увидел слишком много» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 112–113).

[12] Неточная цитата из той же статьи (см.: Там же. С. 122).

[13] В той же статье: «...уже стоишь на пороге. И восторг не душащий, а глубокий, мягкий, белый, длительный» (Там же).

[14] «Концов концы коснутся» — строка из стихотворения З. Н. Гиппиус «Электричество» («Две нити вместе свиты...», 1901), впервые опубликованного в «Мире Искусства» (1901. № 5. С. 201). См.: *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. СПб., 1999. С. 111 («Новая библиотека поэта»).

[15] В статье «О теургии»: «Тем, кто не может идти все вперед и вперед, нельзя проникать дальше известных пределов. В результате ощущение нуменального греха, странная тяжесть, переходящая в ужас» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 112).

[16] Цитата из той же статьи (Там же. С. 123).

[17] См. п. 43, примеч. 4.

[18] Цитата из статьи «О теургии» (Там же. С. 102).

[19] См. п. 35, примеч. 3.

[20] Имеется в виду фраза из статьи «О теургии»: «Лучшие умы погрузились в отчаяние» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 103).

[21] Ср. ту же запись в новейшем переводе Наталии Ман (*Эккерман Иоганн Петер*. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981. С. 300).

[22] Неточно цитируется письмо Белого от 7 августа 1902 г. (п. 2; с. 97 наст. изд.). Ту же цитату Метнер привел в п. 15 (с. 142 наст. изд.).

[23] Генрих Гейне в подробностях описал концерт Никколо Паганини и самого музыканта в новелле «Флорентинские ночи» («Салон», ч. 3; 1837): «Длинные черные волосы его падали на плечи кривыми прядями и составляли как бы темную рамку вокруг бледного мертвенного лица, на котором печаль, гений и ад оставили неизгладимую печать»; «Тело его цвело мужественнейшею силою, светло-синяя одежда облекала благородные члены, на плечи струились блестящими кудрями черные волосы; он стоял твердо и уверенно, как великий образ божества, и играл на скрипке, и казалось, что все сотворенное повиновалось его аккордам. Это был человек-планета, вокруг которого вселенная вращалась с торжественным тактом и звуча небесными мелодиями» (*Гейне Генрих*. Полн. собр. соч. Изд. 2-е / Под ред. и с биогр. очерком Петра Вейнберга. СПб., 1904. Т. 3. С. 222, 228. Пер. П. И. Вейнберга).

[24] Цитаты из статьи «О теургии» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 104, 106).

[25] Подразумевается начальная пора идейно-творческой эволюции Ницше, ознаменованная созданием трактата «Рождение трагедии из духа музыки» (1871).

[26] «Темного хаоса светлая дочь!» — заключительная строка стихотворения Вл. Соловьева «На Сайме зимой» («Вся ты закуталась шубой пушистой...», 1894). См.: *Соловьев*. С. 107.

[27] В статье «О теургии»: «Не является ли дух Аполлона иным выражением тех же дионисианских начал <...>?» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 104).

[28] Полемика с утверждениями Белого в той же статье: «Ницше, воспринявший эстетику Шопенгауэра, естественно старался подчеркнуть глубокое различие в обоих началах. Все же построение Шопенгауэра с его глубокими, как пропасти, непримиренностями, оказало тут, вопреки своей ошибочности, скорей благодетельное влияние» (Там же).

[29] Цитируемые фрагменты из той же статьи (Там же. С. 105).

[30] Там же Белый пишет о музыке: «...она окружена ореолом вечного, неудовлетворенного, но и примиряющегося чаяния, чтó дало повод называть музыку самым романтическим искусством» (Там же).

[31] В конце чернового текста письма (РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 2) имеется позднейшая авторская приписка (Л. 21 — 21 об.):

Приписка 10 апреля 1906 года.

Соглашаясь не без колебания на опубликование полностью моего частного письма, которому ныне исполнилось почти три года, я решил было приготовить его для печати путем внесения поправок в целях более строгого и отчетливого изложения моего разногласия с отдельными положениями статьи о теургии.

Но, во-первых: при перечитывании этого письма мне бросился в глаза целый ряд подробностей, теперь мне несколько чуждых, но тесно связанных с самым формулированием идей, противопоставленных идеям статьи Андрея Белого; во-вторых, при перечитывании самой статьи я заметил, что схема моего настоящего отношения к ней изменилась; кое-что обострилось еще более, кое-что смягчилось.

Опасаясь вместо отражения действительного переживания дать фикцию в виде смешения разновременных уклонов мыслей, я решил ограничиться необходимыми стилистическими поправками и сокращением. Но, оставляя свое письмо во всей его неприкосновенной беспорядочности, я в этой приписке решаюсь, не выходя из круга тогдашних своих мыслей — сделать несколько добавлений.

Статью о Достоевском и письмо о гуманизме.

48. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 20 октября 1903 г. Москва

Милый, дорогой Эмилий Карлович,

вот почему я Вам не писал:

У каждого человека бывают минуты раздумья, сомнений. И не эти минуты заставили меня замолчать. Один ничтожный случай вызвал во мне целую бурю, всколыхнул все сомненья,

показав, что *и эти сомненья* только поверхностные. Мне стало мучительно казаться, что я ужасная дрянь, ужасное ничтожество, которое даже из своих сомнений устраивает позы, чтобы на них любоваться «откуда»-то (может быть, из глубины своего ничтожества, называя эту глубину пошлости каким-то «*там*»). И вот сразу все источники подкрепления, о которых я думал, что они исходят из глубины, иссякли — даже письмо, простое письмо, написанное моей манерой (дурной или хорошей — не знаю) писать — письмо о мучительных переживаниях мне казалось аффектированной позой. Я ничего не мог делать, ни работать, ни мысленно беседовать с людьми (хотя бы и с Вами) — и знаете, что я делал: я метался по гостям с каким-то опьяненным остервенением и выкрикивал все то, что мне казалось позой в те минуты, чтобы мучительно наслаждаться своим позором — говорил об «*ухождениях*», о дионисианском христианстве и т. д. — в тот самый момент, когда все это было моим чудовищем — ужасом — подтвержением собственного ничтожества. Теперь, когда острый период пароксизма миновал и одна обиженная горечь осталась мне — горечь обиженного ребенка, который говорит себе: «убегу из дому, буду просить милостыни, папа с мамой будут плакать обо мне — пусть, пусть безвозвратное совершится». Теперь я пишу Вам, жалуясь. Не осудите меня. Я и так себя осудил за все: и за то, что не сомневался в существовании того, что мне казалось единственно-верным, и за то, что посмел оборвать лучшие, некогда мне звучавшие струны. Не осудите меня. Я и сам себя осудил. Мне больно от самого себя.

Знаете ли конкретный факт, который вызвал во мне все эти горькие минуты? Вот он: я был у одних хороших знакомых. Там был один очень умный человек, которого я *ценю* за редкий ум, но который мне совершенно стихийно чужд. В его присутствии я подобрался, чтобы случайно не оскорбить его излишне-грубыми несовпадениями — настолько подобрался, что весь вечер скромнейшим образом говорил иным языком — даже пугливо изменился. Я ушел, унося лучшие воспоминания об этом человеке, сознавая однако, что он мне чужд. И что же: едва я вышел из двери, как этот человек с безмерной ненавистью, захлебываясь от избытка негодования, набросился на меня, ругал, критиковал,

называл избалованным дураком, самоуверенным упрямцем и т. д. и даже хуже — *позорно бранил.* И это тогда, когда я, не желая его оскорбить *декадентизмом*, скромно молчал и через силу был не собой... В меня мучительно заползла мысль: да неужели я действительно такое чудовище, которое даже видом, интонацией голоса (это мне ставилось все в упрек) может возбуждать не насмешки, не равнодушие, не неприязнь, *а ненависть* — и ведь это человек, которого я очень *ценил и ценю за глубокий ум. Тем обиднее мне.* За что меня не любят? Или я действительно какой-то отщепенец?

И вот поднялась у меня критика на себя, на свои верования, критика на все то, чем я дышал и дышу.

Этот единичный случай, ошеломивший меня, сделал меня таким недоверчивым, что, признаюсь Вам, Эмилий Карлович, помимо всего я удерживался от того, чтобы писать Вам, боясь, что Эмилий Карлович, которого я так люблю, вовсе не тот, а *нечто другое*, холодно изучающее меня, чтобы некогда сказать: «Дрянь. Декадент»... и т. д. Я не верю в это: но вот какой я стал.

Я не понимаю, почему меня не любят так сильно: в прошлом году (между нами) один из профессоров, всегда любезный ко мне, когда мы столкнулись в дверях Университета без свидетелей, ***едва*** кивнул мне, взглянув на меня с ненавистью...

Мне страшно. Между нами ходят маски. Никогда не узнаешь, где эти маски обнаружатся. (Помните маски из «Пиковой Дамы» и лейт-мотив трех карт[1] — я теперь даже в мелочах открываю все это).

Мне страшно, и грустно, и больно.

Вот и Вы молчите. Не рассердил ли я и Вас чем-нибудь? Мне страшно. Я потерялся, затерялся в жизни.

Прощайте, Эмилий Карлович,
остаюсь любящий Вас и уважающий

Борис Бугаев.

P. S. Слышал совершенно со стороны радостные вести о Ник<олае> Карлов<иче>. Гофман играл его сонату в Германии среди специалистов и привел их в восторг[2]. Только раз забегал на минуту к Вашим. Был все время в отравленном настроении. Скоро буду.

P. P. S. На днях вышлю Вам «*1-ую Симфонию*»[3] — плод былого недоразумения, *ошибку*. Ведь все, что я пишу и — может быть, буду писать, — недоразумение.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 24. Помета красным карандашом: «XXIV».

[1] «Пиковая дама» (1890) — опера П. И. Чайковского (либретто М. И. Чайковского по одноименной повести А. С. Пушкина). Имеется в виду сцена костюмированного бала (действие второе, картина первая), в которой маски подкрадываются к Герману, шепча: «Не ты ли тот третий, кто, страстно любя, придет, чтоб узнать от нее три карты, три карты, три карты?»

[2] Имеется в виду Соната ор. 5 Н. К. Метнера. 15 октября 1903 г. К. П. Метнер известил Э. К. Метнера, что отправил Сонату вместе с другими сочинениями Н. К. Метнера И. Гофману и, со слов Т. Х. Бубека Н. К. Метнеру, что «в Берлине Гофман ему сыграл три раза Сонату Коли и заявил, что намеревается ее играть в Америке, куда он отправляется концертировать» (цитируется в комментариях З. А. Апетян в кн.: *Метнер*. С. 53. Там же в переводе с немецкого приведено недатированное письмо И. Гофмана к Н. К. Метнеру, начинающееся словами: «Дорогой друг, Ваша Соната вызвала в музыкальных кругах, в которых я здесь вращаюсь, восхищение и энтузиазм; и все, кто в восторге от первой части, жаждут услышать остальные, больше других жажду этого я!»).

[3] «Северная симфония (1-я, героическая)» Андрея Белого (М.: Скорпион, 1904) вышла в свет в середине октября 1903 г. Сохранился подаренный Метнеру экземпляр книги с автографом Белого на шмуцтитуле: «Глубокоуважаемому и горячолюбимому (смею сказать другу) Эмилию Карловичу Метнеру от автора в знак неизменной приязни» (Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 113).

49. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 20 октября 1903 г. Москва

Мне открылось, что времени нет,
Что недвижны узоры планет,
Что бессмертие к смерти ведет,
Что за смертью бессмертие ждет.
К. Бальмонт[1].

Мой дорогой Эмилий Карлович,

Вы, вероятно, получите *это* письмо вместе с *тем*, другим, где я — *не я*[2]. Но я не виноват — все, все печально здесь, в этой пасмурно-грустной осени. Все лежит это письмо, и нет воли послать Вам его.

Хочется что-то прибавить… Но что?..

Вот сейчас я бродил. Ветер рвал непрерывные ткани туманов, поддувал мне пальто, и чертил я ломаную линию по улицам и переулкам, иногда *возвращаясь* на пути свои, пересекал свои пути.

Иногда я останавливался на этих пересечениях, озирая перекрестки дорог. Тут видел я — то, что оставил когда-то и опять нашел, и то, от чего убегал в этот миг, видел то, что ко мне выбегало на встречу в грядущем. *Тут видел я*, пока прохожий не толкал меня с тротуара на тумбу. Тут я понял одну милую сказку, которую теперь мог наконец вырвать из тисков фантазии, для того чтоб воплотить наяву. Тут упали две капли мне на нос. И западали капли кругом. И я понял, что — все это — струны, натянутые между небом и землей. Мне захотелось провести руками по струнам — извлечь звуки, мне казалось, что со мной лоенгриновые лебеди[3] — белые лебеди, белые сны. Тщетно водил я мокрыми пальцами — ни один звук не раздался в пространстве. Вдруг пронесся порыв ветряной, и согнулись звенящие струны. И запел белый лебедь — белый лебедь запел Лоенгрина.

Тут вернулся домой я и сел Вам писать, потому что я знаю — *уж времени нет*. . . . .

. . . .

. . . .

Дорогой Эмилий Карлович, простите мне сальтомортальв тоне, но верьте — *уж я знаю, что делаю*…

Плохо… очень плохо… Из рук вон… Не могу я писать про то, что совершается теперь. Я поеду по времени и вернусь в прошлое… Буду писать о том, что было, *войду в другое*. Для этого я поворачиваю стрелку времени. Пружина визжит — описывается дуга. В окнах начинается миганье — это примелькиваются дни и ночи — всё летит обратным порядком.

Тпруу… Стой… Останавливаю стрелку……

Сижу за столом, весь обваленный конспектами по зоологии… Жара… В окно в бесконечность зияет вовеки и ломится в окна весенняя ночь — фантастически-сонная…

Завтра экзамен…[4] Верите ли, Эмилий Карлович, я ничего не знаю…. Там заря — матово-бледно-весенне-грустящая радость

залегает у горизонта и все эти скелеты путаются в голове. Эти кости — черепа, позвонки скверных рыб — все смешалось — завтра я провалюсь… Можно ли заниматься, нет, лучше уж я буду задыхаться от жары, нет, уж лучше закрою я окна. В них не будет мне скалиться черною пастью бездонность — слишком сильны эти зияющие улыбки — словно пасти смерти.

Слышу, за стеной проходит папа. Он по обычаю отправляется в клуб. Сегодня он чувствовал себя прекрасно. Слышу, захлопывается дверь. Всякий раз, когда захлопывается дверь за кем-нибудь, кого я люблю, всякий раз я вздрагиваю невольно.

Вот теперь я один — я смеюсь, мы смеемся с зорей, жемчугами бросаем друг в друга. Я ныряю в пролет, что зовется окном, и несусь на зоре, по зоре. О, я верю, я знаю, мне радостно…

Я пишу Вам, как пьяный, вопреки уговору, что я не буду писать во время экзаменов. Вы простите отрывистость в тоне — я пьян от избытка чего, я не знаю, мне весело… Вот смешал я все конспекты в кучу… Завтра утром перед экзаменом в страхе я их буду опять разбирать, пробегая… Но поздно… Пора кончать… Завтра рано вставать… Уже белое утро — три часа… Застучал экипаж. Это папа из клуба, подъехал. Он заигрался в шахматы… Ему вредно так долго играть… Встаю на подоконник… Вот его черный котелок, сутулая спина, зонтик под мышкой… Вот по лестнице чьи-то шаги тяжело поднимаются… ближе… Это папа… Сейчас позвонит… Ух, как жарко… Подхожу к умывальнику, нажимаю педаль, обливаюсь холодной водой —

— Но забыл я, что струи воды не вода, а текучее время. Вот я выпустил время — раздается звонок (это папа звонится) — и снова мне в окнах мелькают просветы и мраки — все несется в обратном порядке.

Тпруу… Стой… Останавливаю стрелку, а то как бы не перелететь в будущее…

Весь Ваш Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[5].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 25. Помета красным карандашом: «XXV».

[1] Заключительная строфа стихотворения «Я когда-то был сыном Земли…» (1896), входящего в цикл «Снежные цветы», из книги К. Д. Бальмонта «Тишина. Лирические поэмы» (СПб., 1898. С. 26).

[2] Подразумевается п. 48.

[3] В опере Р. Вагнера «Лоэнгрин» (1850), написанной на сюжет средневекового сказания (одноименная поэма; ок. 1289–1290 г.), рыцарь Лоэнгрин, сын Парсифаля, приплывает из замка Грааля в ладье, влекомой лебедем, на защиту Эльзы Брабантской (действие первое); в образе лебедя скрыт заколдованный брат Эльзы. «Семь лебедей Лоэнгрина» — образ из стихотворения Белого «Серенада» («Ты опять у окна, вся доверившись снам, появилась...»), входящего в его книгу «Золото в лазури». См.: *СП — 1*. С. 148–149.

[4] Выпускные государственные экзамены на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета Белый держал в мае 1903 г.

[5] А. М. Метнер.

50. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

20 октября 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 20 октября 1903 года.

Дорогой Борис Николаевич! Письмо Ваше от 4 октября получил, также как и письмо Алексея Сергеевича от 5 октября. ...Так же как и... визитные карточки Единочиха и Единорога[1]. Жду объяснения по поводу последних. По некоторым косвенным уликам до некоторой степени уверен, что оба вы (и Огыга и Виндалай[2]) получили мои письма, ответами на которые до некоторой степени являются вышеупомянутые ваши... Впрочем не подумайте, что я обиделся на Ваш лаконизм... Отдыхайте! Это Вам необходимо. Алексей Сергеевич пишет очень интересные вещи о Вашем совместном визите у епископа Антония[3]. Когда соберетесь мне отвечать, не забудьте с своей стороны кое-что сообщить мне об этом визите. Вы просите сообщить что-н<ибудь> о себе. Внешняя жизнь моя крайне однообразна. Что же касается внутренней, то полоса, в которой я сейчас нахожусь — полюс позитивистического оптимизма; вследствие чего я глух ко всему «нуменальному» и щеки у меня несколько пополнели; пройдет эта полоса, попаду я на противоположный полюс (что может произойти каждую минуту), и тогда щеки снова опадут... Похож я на татарина, который видел во сне то кисель без ложки, то ложку без киселя.

В настоящем моем состоянии у меня избыток сил, да не о чем писать; попадая на противоположный полюс, я при избытке материала не нахожу сил для передачи его... Отчего Вы не сообщили мне, целиком ли напечатана Ваша статья *О теургии* или искажена цензурою и редакцией?[4] Она несколько рапсодична, тема же ее слишком значительна и требует, так сказать, философски-симфонической обработки. Я мог бы сделать кое-какие добавления и поправки к Вашей статье. Одно из двух: или я их сделаю, если хватит сил и уменья, в форме «открытого письма» Вам, которое попытаюсь предложить «Новому Пути» или «Миру Искусства» (куда лучше??)[5]; или же, если это мне не удастся, то я кое-что изложу в следующем моем письме к Вам, по получении от Вас ответа на сие краткое послание; напишите хоть два слова; как идет Ваше занятие библиотекой; небось, оттого работа у Вас и не спорится, как следует, что Вы не только составляете каталог, но и проглатываете содержание книг. Если Вам почему-либо не хочется, что<бы> я примкнул свое рассуждение к Вашей статье, то напишите; напишите также, стоит ли вообще «соваться с суконным рылом в кузнечный ряд». Если 10%, что поместят, тогда я напишу... Для *Придн<епровского> Края* я слишком продуктивен; и, пожалуй, слишком труден; для «новых» журналов недостаточно «нов», для «старых» — слишком «нов», слишком нелиберален или неконсервативен; для всех же недостаточно талантлив. Между тем у меня начался небольшой писательский зуд; написал о Вагнере; собрался писать о Чайковском; но в портфеле редакции *Придн<епровского> Края* накопилось несколько моих фельетонов и вот статья о Вагнере — не помещена до сих пор[6]. А раз не поместили о Вагнере, то я со злости раздумал писать и о Чайковском. Теперь я жалею, что раньше не затеял что-нибудь более крупное (для журнала) о Чайковском ко дню 10-летия его кончины... Я набросал план и содержание статьи. Оказалось, что у меня многое есть, что сказать о Чайковском, но, разумеется, для серьезной работы надо время и некоторые пособия, здесь отсутствующие. В последнее время я занимался обследованием причин разрыва между Ницше и Вагнером[7]. Мне кажется, что я выяснил себе эту *трагедию дружбы*. Мне кажется также, что выяснение это необходимо для уразумения глубин

Ницше. Разойдясь с Вагнером, Ницше должен был бы покинуть свет, уйти в пустыню; или застрелиться; но он не сделал ни того, ни другого; благодаря чему мы и имеем Заратустру...

1) Не забудьте 25 окт<ября> отправиться к обедне в Большое Воскресение на Никитской, чтобы прослушать заупокойную обедню *Чайковского.* 2) Удивлюсь, как могли Вы спрашивать советы у «ушедшего» Антония относительно совершенно постороннего дела, как чтение лекций. *Понятно*, он отсоветовал. Это можно было бы предсказать[8]. — 3) Я крайне огорчен, что раньше нежели через год не увижусь с Вами. Как только отдохнете, посылайте мне опять «доклады». 4) Гофман будет играть сонату Коли во время американского турнэ (Впрочем, это пока секрет)[9]. 5) То, что Вы написали о Коле — восхитительно[10]. Против этого § я не имею ничего возразить. — 6) Мельников в восторге от Вашей симфонии (II); но... но все-таки не мог не написать пародии, местами очень удачной. — До свиданья! Будьте жизнерадостны! Возьмите пример с Блока и влюбитесь!..[11] Поклон Вашей матушке. Горячо любящий Вас Э. Метнер. — P. S. Анюта[12] кланяется.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 23. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 206.

Ответ на п. 46.

[1] Речь идет о предпринятой Белым игровой мистификации — изготовлении и рассылке визитных карточек, на которых были обозначены имена вымышленных им фантастических существ. Сохранились визитные карточки, отправленные А. Блоку и В. Брюсову; последний принял правила игры и в свою очередь отправил Белому в трех конвертах свои визитные карточки, адресованные «Борису Николаевичу Бугаеву для передачи Виндалаю Левуловичу Белорогу», ему же «для передачи Огыге Пеллевичу Кохтик-Ррогикову» и «для передачи Полю Ледоуковичу Фафивве» (см.: *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 140). В то же время С. Соловьев сообщал Блоку в недатированном письме: «Недавно Бугаев наделал переполох своими Огыгами, Единорогами и т. д. К нему чуть ни призвали психиатра, и много было тяжелого и для него самого, и для нас» (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 347. Публ. Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова). Ср. дневниковую запись Брюсова (осень 1903 г.): «...А. Белый разослал знакомым карточки (визитные), будто бы от единорогов, силенов etc. Иные смеялись, иные сердились, а Г. А. Рачинский испугался, поднял суматоху, ездил по всей Москве. Сам Белый смутился и стал уверять, что это „шутка". Но прежде для него это не было шуткой,

а желанием создать „атмосферу“, — делать все так, как если бы эти единороги существовали» (*Брюсов Валерий*. Дневники. 1891–1910 / Приготовила к печати И. М. Брюсова. Примечания Н. С. Ашукина. <М.>, 1927. С. 134).

[2] «Персоны», представленные на упомянутых визитных карточках: «Виндалай Левулович Белорог. Единорог. Беллендриковы поля, 24-й излом, № 31», «Огыга Пеллевич Кохтик-Ррогиков. Единоглаз. Вечные боязни. Серничихинский тупик, д. Омова» (*Белый — Блок.* С. 116).

[3] См. фрагменты из письма А. С. Петровского к Метнеру от 5 октября 1903 г. в примеч. 2 к п. 46.

[4] См. подробный разбор этой статьи Белого в п. 47.

[5] Это «открытое письмо» Метнера Белому (основу текста которого должно было составить п. 47) осталось неопубликованным.

[6] 27 октября 1903 г. Метнер, упоминая в письме к А. С. Петровскому о своих публикациях в «Приднепровском Крае», замечал: «Статья о Вагнере, более интересная, — не помещена почему-то!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7). Публикация статьи Метнера «Вагнер (По поводу открытия памятника в Берлине)» состоялась в этой газете 31 октября 1903 г. (№ 1979. С. 2. Подпись: Э.). Согласно оценке, даваемой Метнером в заключительной фразе статьи, Вагнер — тот, «кто совсем один начал и завершил реформу важнейшего после религии элемента культуры, изменил отношение искусства к жизни и жизни к искусству и как гениальными своими созданиями, так и пламенными речами указал новый путь не только своему народу, но и всему человечеству».

[7] Разрыв между Ницше и Вагнером определился в 1877 г. и вполне оформился после выхода в свет книги Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (1878), на которую Вагнер откликнулся резко критической статьей «Публика и популярность», опубликованной в августе 1878 г. в «Байрейтских листках».

[8] Ср. сообщение в письме Петровского к Метнеру от 5 октября 1903 г.: «Б<орис> Н<иколаевич> лекций читать не будет, зиму отдохнет, а затем на Филолог<ический> фак<ультет>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[9] См. примеч. 2 к п. 48.

[10] Подразумевается раздел V статьи «О теургии», посвященный анализу произведений Н. К. Метнера (Новый Путь. 1903. № 9. С. 114–119). Безусловно, Э. К. Метнер был инициатором помещения в «Приднепровском Крае» в рубрике «Дневник печати» анонимной заметки под заглавием «Композитор-теург» (1903. № 1949, 1 октября. С. 4–5), начинавшейся сообщением: «В „Новом Пути“ Андрей Белый делает любопытную характеристику музыкальных произведений молодого композитора г. Метнера, собранных в альбом, под заглавием: „Stimmungsbilder“»; далее следовали пространные цитаты из статьи «О теургии».

[11] Подразумевается женитьба Блока (17 августа 1903 г.).

[12] А. М. Метнер.

51. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

23 октября 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 23 октября 1903 г. (Наш свадебный день![1])

Ваши письма, мой дорогой, горячо любимый друг, потрясли меня. Я получил их вчера, когда мы с Анютой, обедая, припоминали мельчайшие подробности знаменательных для меня октябрьских прошлогодних дней. Как все это было чудно, неожиданно, вдруг решительно и в то же время мирно, происполнено <*так!*> бодрых счастливых предчувствий, только окрашенных грустью о расставании с Москвой... Среди этих воспоминаний Вы, мой милый Борис Николаевич, не раз стояли перед нашими взорами. Для меня, в особенности, Ваше участие тогда является звеном, органически связанным с важнейшим событием моей интимной жизни... Ведь тогда началась и весна нашего сближения... Линии, идущие от Вашей симфонии[2] и наших бесед[3], от Колиной сонаты и от всего того, что подымалось, переплеталось и теснилось тогда в моей груди, все эти линии тогда слились в одной точке, создав тем настроение, которое с такою силою уже и не повторится более, но которое всегда (я это чувствую) будет возвращаться в октябре, настроение необычайной полноты и гармоничности, слиянности разных плоскостей измерений мотивов устремлений и перспектив... Разбираясь в этой полифонии, важной партией которой были Ваши вдохновенные речи, я вдруг узнаю, что кто-то очень умный ненавидит Вас за эти речи... Я не знаю, кто это. Скажу Вам, что существуют позитивисты по мировоззрению, но есть позитивисты и по *характеру* ума, хотя бы то с самым мистическим мировоззрением. Далее. В России не выносят стильных людей, если только они не являются представителями простонародной манеры, которая характеризует иных славных малых с душой нараспашку, кричащих о русской широте, простоте и искренности, а на самом деле безалаберно и амикошонно фамильярных, и только. Русские также страшно боятся сентиментального (признак варварства), и потому впадают нередко в какую-то черствость и сухость... Вы — исключение. У Вас есть своя изукрашивающая роскошная манера, которая Вас никогда не покидает. Она пока несколько

угловата, резка, но ***всегда*** натуральна. Она залог того, что Вы, быть может, дадите не только новое, но и в новой форме. «Симфония» — только первые неверные шаги... Весьма многие умные люди не понимают, что манера может быть связана с человеком органически, а не только механически, что может быть искренняя манера, даже искренняя риторика (напр<имер>, Шиллер); эти люди обыкновенно не понимают таинственного в создании индивидуальных форм или даже индивидуальных оттенков уже существующих форм. Ницше возбуждал во многих такую же ненависть одним своим видом, одною интонацией своего голоса, как и Вы в том умном человеке, который захлебывался от негодования после Вашего ухода... Кого могут сильно ненавидеть, того столь же сильно любят. Шиллер сказал:

Kannst du nicht allen gefallen durch deine Tat und dein Kunstwerk;
Mach'es wenigen recht, vielen gefallen ist schimm[4].

Нехорошо, опасно *всем* нравиться. Пожалуй, Антоний и прав, отговорив Вас от чтения лекций... теперь[5], когда Вы еще слишком молоды и резки... Поверьте, дорогой друг мой, что я не обиделся на Вас за Ваше бредовое предположение обо мне как человеке, только с интересом до поры до времени наблюдающим Вас, как представителя декадентизма. Я надеюсь только, что Вы никогда больше, ни при каких обстоятельствах не будете в состоянии снова сделать подобное предположение. ***NB***! Скорее Вы имеете основание предполагать, что я не всегда и не всюду могу и хочу следовать своею мыслью за Вашею, нежели сомневаться в том, что Ваше существо, во всяком случае *сущность* Ваша, мне глубоко симпатична: Вы один из немногих, кого я сильно и прочно полюбил. — Ваш Э. Метнер.

P. S. Поклон Вам от Анюты; Вашей матушке от меня. — Не придавайте *особого* значения моим намерениям писать о Вашей статье[6]. — Получили ли Вы мое письмо, отправленное до получения Ваших?[7]

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 24.
Ответ на п. 48 и 49.

[1] Годовщина бракосочетания Э. К. Метнера и А. М. Метнер (Братенши).

[2] Подразумевается «Симфония (2-я, драматическая)».

[3] Соната f-moll op. 5 Н. К. Метнера.

[4] Весь текст эпиграммы «Wahl» («Выбор») из цикла Ф. Шиллера «Votivtafel» («Памятки»); в переводе Е. Г. Эткинда: «Если не всем угодишь искусством своим или делом, // Ты немногих плени; признанный многими — плох» (*Шиллер Фридрих*. Собр. соч.: В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 236).

[5] См. п. 46, примеч. 2.

[6] Имеется в виду статья «О теургии». См. п. 47.

[7] Речь идет о п. 50.

52. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

22–25 октября 1903 г. Москва

22 октября 03 года.

Дорогой Эмилий Карлович,

1) Я не знаю, о каких письмах Вы говорите («по некоторым... уликам... уверен, что оба вы (и Огыга и Виндалай) получили мои письма, *ответом на которые... являются вышеуказанные письма...*»). Простите, дорогой Эмилий Карлович, я не знаю, о каких письмах Вы говорите... Я получал от Вас последнее еще около 15-го сентября...[1] Должен просить прощение у Вас за неостроумную шутку, в которой не последнее место занимал и Ал<ексей> Сергеевич, так как он собственно заказал карточки. Карточки эти были разосланы мною добрым знакомым (между прочим я послал в «*Н<овый> П<уть>*», «*М<ир> И<скусства>*» и т. д.), вследствие чего один почтенный господин объявил меня сошедшим с ума, так что мне стоило больших хлопот доказать, что я 1) здрав, 2) что не желал обидеть почтенного и уважаемого мною лица...[2] Принимайте карточки, как озорство (придумано — заказано, заказано — принято, принято — надо посылать, посылать — кому же послать, как не Вам, Бальмонту, т. е. тем, кто может скользнуть взором, улыбнуться и забыть, не обижаясь), не имеющее ничего сериозного по существу, как «*странные*» сочетанья букв... *И еще раз простите, если что-либо в этих карточках Вас шокирует в глубине души*. Теперь мне неприятно взглянуть на них.

2) Давно уж собираюсь написать Вам, Эмилий Карлович, покорнейшую просьбу. Бога ради, не обижайте меня: отчего Вы ничего не присылаете мне из Вашего? Дело в том, что я не знаю верно,

где Вы пишете: в «Придн<епровском> Крае» или нижегородских изданиях. Да и не знаю, *когда* выходит Ваше. А между тем я жажду не только переписываться с Вами, но и учиться у Вас! Да мне *крайне важно и нужно* Вас читать! Что же Вы меня лишаете этой возможности! Разве это хорошо с Вашей стороны?! Вот почему ***нижайше**** прошу Вас, сообщите мне или те №№ и издания, где есть Ваши фельетоны, или пришлите мне (я потом возвратно пришлю, верну) эти №№ — и всё, всё… А то ведь я при желании Вас читать не имею никакой возможности. Видел как-то на днях «*Пр<иднепровский> Край*» несколько номеров, но Вашего там не было. *Дайте мне эту возможность, а то ведь это прямо обидно мне*!!

Вы пишете о статье. Конечно, что же я могу иметь тут, кроме радостного чувства, что мои убогие слова вызвали дальнейшее… Что касается «*Н<ового> П<ути>*» и «*М<ира> И<скусства>*», то я думаю, не 10%, а, вероятно, 70% в пользу того, что они примут[3]. Во всяком случае мне было бы приятно знать, в чем состоят Ваши поправки, в которых не только нуждается моя статья, но и вся-то она состоит из недомолвок и написана она в 2 дня — порывом, без предварительной обработки. Мне хотелось главным образом сказать несколько слов о Н<иколае> К<арловиче>[4], но я не мог стать на чисто музыкальную точку зрения; отсюда потребовалось сказать о теургии (первая подпорка), а для этого бросить несколько слов о магизме (2-ая подпорка), о представителях его, о причинах возможности говорить о магии и теургии (третья подпорка) и т. д. Отсюда: случайные неорганически связанные отрывки предшествовали тому, где мне хотелось сказать 2 слова о Н<иколае> К<арловиче> и т. д. Вот причина крайней растрепанности статьи. Да и кроме того: тон внешний, несериозный тон, в котором говорится о вещах сериозных, вызван *нетерпимой узостью* «*Н<ового> П<ути>*», который боится всякой сериозности (как научно-философской, так и мистической). Вот ведь теперь, когда я послал им мои лекции в сокращенном виде для статьи — лекции, где я не могу быть столь же внешним, как в статье, — они забраковали и передали «*М<иру> И<скусства>*»[5], где и печатается статья. Поэтому, если я когда-либо напишу что-либо

* *Подчеркнуто тремя чертами.*

для «*Н<ового> П<ути>*», *всегда* оно будет внешним и легким, как необходимое условие всего, что печатается там (за исключением «*Своих углов*»[6], где говорят центральнее)......

Дорогой Эмилий Карлович, сию минуту получил Ваше, столь меня обрадовавшее, письмо. Оно подбодрило меня. Если б Вы знали, как я одинок. *Ведь я — один, совсем один*. Вы и Ал<ексей> Серг<еевич> — самые близкие мне люди, — Вы оба не в Москве[7]. Владимиров, которого я очень люблю и который более других меня понимает, все-таки во многом чужд мне. *А все другие — чужие для меня*. Мало того — все они навязывают мне свое и тащат на части, а я это вижу и часто не противлюсь, но все это ужасно утомляет. Вы видите опустошенный тон моих писем. Вы знаете, что при мало-мальски сносном отношении к жизни я радуюсь и веселюсь. Но теперь нет со мной даже «*мало-мальски сносного*»...

И вот я злюсь... Вчера разругался с несколькими мистиками из-за недобросовестного отношения к жизни. Вечером обругал целое теософское собрание за сектантство. Здесь глупость, там закрывание глаз, тут необразованность, а всё вместе — величает себя «*мистицизмом*». К черту такой мистицизм! Я хочу не духовного воровства, а только одной добросовестности. Неужели ее нужно искать днем со свечой у мистиков. Знаете ли, Эмилий Карлович, постепенно я все больший кантианец. Будучи внутренне одинок, а внешне «*совместен*», хочу быть и внешне одинок: ведь честнее! Хочу объявить добрым знакомым по мистицизму, что, мол, во мне произошел эдакий, знаете, «*радикальный*» переворот и что, мол, стал я ни более, ни менее как позитивист: то-то будут вытянутые физиономии. *Хочется оставленности там, где внутри действительная оставленность*......

Сегодня 25 октября Вы мне советовали быть у Большого Вознесения. Я собрался. Я давно не был в церкви, так хотелось. Вдруг случилось обстоятельство, которое до такой степени меня расстроило, что уже я не мог быть в церкви. И вот сижу здесь, один, наказавши себя Чайковским. Если бы Вы знали, какая во мне несчастная черта: срывать в последний момент то, что дорого, в момент, к которому я готовлюсь, как к святыне, — во всем я так!..

Что касается до Антония, то он бездонно глубок, но в глубине он меня *не понял*... (Я это ясно увидел во второе посещение — *секрет от А<лексея> С<ергеевича>*)...

Со всех сторон передо мною захлопываются двери. В одной двери едва не прищемили мне нос...

Еще одна захлопнутая дверь, и я *окончательно забунтую (бесповоротно).*

Вы советовали мне «*влюбиться*». ***Между нами***: но я был только раз *влюблен и сериозно*, тому назад года три...[8] И теперь еще «*это*» чувство осталось, занесенное сверху пылью... Но я никогда даже не был знаком с той, которую я любил. Теперь все замутилось, ушло, отхлынуло,

Но —

«Я не могу любить другой»

Лерм<онтов>[9].

Дорогой Эмилий Карлович, быть может, зимой приеду к Вам в Нижний повидаться дня на три: мне очень, очень необходимо Вас видеть и с Вами говорить. Остаюсь горячо любящий и уважающий

Б. Бугаев.

P. S. Мой искренний привет и уважение Анне Михайловне[10].

Посылаю стихотворение.

Незнакомый друг

1

Мелькают прохожие, санки....
Идет обыватель из лавки
Весь бритый, старинной осанки,
Должно быть, чиновник в отставке.
Калошей стучит по панели,
Мальчишкам мигает со смехом
В своей допотопной шинели,
Отделанной выцветшим мехом.

2

Он всюду, где жизнь, — и намедни
Я встретил его у обедни.
По церкви ходил он с тарелкой,
Деньгою позвякивал мелкой.
Все знают — про замысел вражий

Он мастер рассказывать страсти.
Дьячки с ним дружатся и даже
Квартальные Пресненской части.
В мясной ему всё без прибавки —
Не то, что другим, — отпускают.
И с ним о войне рассуждают
Хозяева ситцевой лавки.
Приходит — садится у окон
С улыбкой, приветливо-ясный.
В огромный, фулярово-красный
Сморкается громко платок он:
«Китаец дерется с японцем…
В газетах об этом писали…
Ах, что ни творится под солнцем…
Недавно купца обокрали…»
. . . .

3

Холодная, зимняя вьюга.
Безрадостно-темные дали.
Ищу незнакомого друга,
Исполненный вечной печали…
Вот яростно с крыши железной
Рукав серебристый взметнулся,
Как будто для жалобы слезной
Незримый в хаосе проснулся,
Как будто далекие трубы…
Оставленный всеми, как инок,
Стоит *он* средь бледных снежинок,
Подняв воротник своей шубы.

4

Как часто средь белой метели,
Детей провожая со смехом,
Бродил он в старинной шинели,
Отделанной выцветшим мехом[11].

P. P. S. Все Ваши письма получил.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 26. Помета красным карандашом: «XXVI» (л. 1), «XXVII» (л. 3).

Ответ на п. 50 и 51.

[1] Подразумевается п. 45.

[2] Ср. сообщение в письме А. С. Петровского к Метнеру от 19 ноября 1903 г.: «Из-за Огыги и Виндалая вышел це́лый скандал. Пуритане обиделись и испугались. Увидели заигрывание с ужасом и безумием человека, смертельно испуганного ужасом. <…> Это глупо. Б<орис> Н<иколаевич> давно уже прошел через все это и может без ужаса шутить с ужасами, легко и весело, даже с состраданием. К тому же, все эти единороги премилые создания, бедные, забытые незаслуженно, непризнанные, как великаны в Симфонии» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[3] Т. е. примут к публикации «открытое письмо» Метнера к Белому по поводу его статьи «О теургии».

[4] См. примеч. 10 к п. 50.

[5] Статья Андрея Белого «Символизм как миропонимание» была опубликована в № 5 «Мира Искусства» за 1904 г. (С. 173–196). 20 октября 1903 г. Д. В. Философов, заведовавший литературным отделом «Мира Искусства», писал Белому: «П. П. Перцов передал мне Вашу статью вместе с *письмом* об условиях ее напечатания <…> статья Ваша принята к напечатанью и послана уже в набор. Корректура Вам будет прислана. <…> Статья Ваша крайне интересна, содержательна, но не равномерно обработана. Первые две главы ее представляют собой наиболее законченное целое — третья же переходит в очень талантливую *импровизацию*, и мне кажется, в ней нужны особенно сильные поправки. Что можно возразить против импровизации? Но импровизация и печатный станок — contradictio in adjecto. Затем вообще в Вашей статье много просто недоделанного в смысле *внешности*; местами получаешь впечатление, будто бы автор даже не успел *перечесть* своей статьи. Повторяю, статья может быть напечатана и без поправок, но вряд ли к своей выгоде. Того же мнения и Д. С. Мер<ежковск>ий. Импровизаторский характер всей статьи, ее „декадентство“ остановило „Новый Путь“ от ее напечатания. „Мир Иск<усства>“ не боится яркости, индивидуальности и декадентства, но все-таки „Нов<ый> Путь“ отчасти прав» (РГБ. Ф. 25. Карт. 24. Ед. хр. 16). Возможно, отмеченные в письме проблемы, решавшиеся в ходе подготовки текста к печати, послужили одной из причин того, что статья Белого увидела свет лишь полгода спустя после поступления в редакцию «Мира Искусства».

[6] Подразумевается авторская рубрика В. В. Розанова «В своем углу», в которой он публиковал свои статьи и материалы в № 2–12 «Нового Пути» за 1903 г.

[7] А. С. Петровский, поступивший осенью 1903 г. студентом в московскую Духовную академию, находившуюся на территории Троице-Сергиевой лавры, с сентября 1903 г. жил в Сергиевом Посаде.

[8] Белый намекает на свое чувство к М. К. Морозовой, которую он увидел впервые в феврале 1901 г. (см.: *Лавров А. В., Малмстад Джон.* «Прекрасная Дама» Андрея Белого // «*Ваш рыцарь*». С. 5–11).

[9] Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор...», 1830).

[10] А. М. Метнер.

[11] Стихотворение впервые опубликовано в книге Андрея Белого «Золото в лазури» (С. 92–94). Варианты — ч. 1, ст. 4: «Должно быть, военный в отставке»; ст. 7: «в своей необъятной шинели». См.: *СП — 1.* С. 118–119. Метнер отозвался о стихотворении в письме к А. С. Петровскому от 27 октября 1903 г.: «Я все больше убеждаюсь, что Бугаев — поэт! Несмотря на переживаемый им ныне пароксизм болезненной слабости, он прислал мне прекрасного *Незнакомого друга*, которого мы с Анютой горячо приветствовали...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7).

53. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

4 ноября 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 4 ноября 1903 года.

Дорогой Борис Николаевич,

Раньше всего не удивляйтесь, что я пишу Вам карандашом. Терпеть не могу чернил и прибегаю к ним лишь в случае необходимости и ради соблюдения приличия. Хочу быть с Вами неприличным... Ведь мы — («смею сказать») друзья с Вами! 1) Огромное спасибо за Северную Симфонию. Только что получил ее. Прочесть еще не успел, но уж заглянул[1]. Высмотрел бледную женщину в черном, знакомый и дорогой мотив Вечности[2]. Есть Метерлинковское. — Даже Оссиановское[3]. Разумеется, в новом освещении. В двух местах вместо текста стихов — ряды точек. Что это? Если цензура, то сообщите, пожалуйста, что было сметено ее рукою! Попадается карла, гном![4] Я как-то просил Вас написать мне, какую связь Ваш гном имеет с гномом Заратустры[5]. Кажется (пока) мне, что эта симфония более стройна, но материал второй для меня более привлекателен. Кроме того, думается мне, необходим больший подъем поэтический, чтобы так стилизовать животрепещущую действительность, как это проделано Вами во второй симфонии. Повторяю, я еще только заглянул,

пробегал, а не прочитывал страницы. — 2) Среди переводчиков объявленного перевода Ницше выставлено и Ваше имя[6]. Мне интересно знать, что именно будете переводить *Вы*? И, вообще, основательно ли продуман план этого грандиозного предприятия? Будут ли переводить все или только 8 первых томов[7]. Будут ли переводить биографию?[8] 3) Третьего дня внезапно появился опять Касперович. На этот раз он «безотлагательно» прочтет свою лекцию[9]. А вчера приковыляла *впервые* ко мне Шмидтиха[10]. Признаюсь, чуть-чуть испугался. Не помогли намеки Мельникова, делаемые ей по моему поручению, о замкнутости моего характера и моей нелюдимости. Пришла-таки. Пришла и сказала, что еще придет. Пела о Соловьевых Владимире, Михаиле и Сергее. Обиделась на Андрея Белого за смешение им Софии и Марии (в статье о Теургии). Просила меня передать ему, что написала в *Новый Путь* заметку и что ей хотелось бы узнать судьбу этой заметки. Что такое?! Я, кажется, заразился расстановкой слов «симфонии»! Сделайте милость, Борис Николаевич, узнайте в редакции *Нового Пути*, куда девалась эта заметка?[11] А то мистическая поблекшая роза[12] не даст мне покою ни днем, ни ночью. Она уже объявила мне, что ложится спать страшно поздно и может говорить целую ночь! О Боже! Я читаю Menschliches Allzumenschliches[13] Ницше и совершенно не в мистической колее. Я сейчас — позитивист. Тем более, что щеки у меня расширились еще на 1½ т. т. — *Непременно* узнайте о заметке А. Н. Шмидт из Н<ижнего> Новгорода (*Редакция Нижегородского Листка*).

4) Своей нескладной фразой о некоторых письмах и т. д. я хотел только указать на то, что нередко я не могу вывести из Ваших писем и писем Алексея Сергеевича[14], получили ли Вы мои. В особенности если прошло много времени. <5)> О Вашей шутке[15], на которую я не мог, конечно, рассердиться, я писал Алексею Сергеевичу в последнем моем письме, адресованном в Академию (чтобы ей пусто было, ни дна ни покрышки!)[16]. 6) Написал я ему и о Вашей «покорнейшей просьбе» в которой отказать наотрез мне страшно хочется…[17] Поверьте, дорогой Борис Николаевич, когда я читал, что Вы жаждете не только переписываться со мною, но и *учиться* у меня, я хотел закричать, подобно одному комическому герою, кажется Островского, «расступись ты мать, сыра

земля»[18]. Я с Вами откровенен (***клянусь***!) до самых крайних пределов: я вовсе не хочу отрицать, что общение со мною Вам очень полезно, м<ожет> б<ыть>, полезнее, нежели со всеми тремя (они же четыре, см. ст<атью> В. Соловьева) мушкетерами[19], с магами (опускают ли они или подымают руки — безразлично); я старше Вас, но сохранил чисто отроческую восприимчивость (видите! видите! я сам хвалю себя), при восприимчивости этой я, однако, очень консервативен и не без скептицизма; это крайне выгодное сочетание; далее, я не-русский (все более чувствую это), будучи, однако, немцем, я люблю и понимаю русское; я Гетист и музыкален; в сумме — я очень полезный товарищ и собеседник для Вас. Советчик, доверенный, поверенный и т. д. — Но! Мои фельетоны не только ничему не научат Вас, но произведут на Вас гнетущее впечатление, как портрет, еще не законченный, еле набросанный, и вдобавок такой, в котором все невыгодные стороны выдвинуты, а все милое близкое Вам и *лучшее* стушевалось. Я не могу писать. У меня «защелкивается» еще больше, нежели у Алексея Сергеевича. Может быть, это потому, что я должен был бы писать по-немецки, а может быть и оттого, просто, что я — бездарен. Не знаю. Когда я в восторге, восторг мешает мне выразить мысль, у меня нет мыслей. — Далее. Я бы, пожалуй, кое-что и мог бы написать, но под одним условием: не заботиться ни о читателе, ни о цензоре. Между тем, работая на *Придн<епровский> Край*, я вынужден все время иметь в виду, что это подцензурная и притом *провинциальная* газета, которой не разрешается очень многого, и, затем, что читатели мои ждут встретить нечто такое, что бы их развлекало, а если и поучало, то без усилий с их стороны. Говорить при таких обстоятельствах о новом искусстве и о *Новом Пути* крайне затруднительно даже литературно ловкому и талантливому человеку, а не только что мне грешному. Ко всему этому надо прибавить, что требуется крайне сжатое изложение и чрезмерно общее обозрение даже таких книг, как *Лев Толстой и Достоевский*[20], и таких журналов, как *Новый Путь*. — Я писал Петровскому, что статьи о религ<иозно>-филос<офских> собраниях и о Вагнере не поместили. Остановилось также печатание моих статей о Мережковском[21] и притом, как раз, на том месте, с которого начинается более существенное. — Дорогой Борис

Николаевич, если, несмотря на все это, Вы настаиваете на своем желании «меня читать», то я пришлю Вам два, три фельетона, где речь идет, между прочим, и о Вас. — Что касается моей статьи по поводу *Теургии*, то пока еще я не решил, займусь ли я ею, как следует и отправлю ли ее в *Н<овый> П<уть>* или *М<ир> И<скусства>*[22]. — Сейчас читаю Ваше письмо, то место его, где Вы возмущаетесь требованием редакции *Нового Пути* — быть легким, внешним, несерьезным... и улыбнулся. Что же после того должен сказать сотрудник *Придн<епровского> Края?* — 7) Очень рад, что мое последнее письмо «подбодрило» Вас. Пишите всегда мне без стеснения обо всех Ваших печалях и радостях. 8) Прививайте, прививайте себе кантианство. 9) Вы рассказываете, как вы *не* пошли 25 октября в церковь Вознесения слушать обедню Чайковского! Узнаю, узнаю в этом себя. Сознайтесь, дорогой Борис Николаевич, что с Вами бывают припадки будто бы беспричинного стихийно-гневного уныния, отчаяния! Часто перед моментом, «к которому Вы готовитесь как к свят<ыне>». Если да, если я угадал, то утешьтесь, утешьтесь сознанием, что и я — такой. Боже мой, как я могу быть гневен; и притом именно из-за пустяков, из-за каких-то *полу*тонов, вмешивающихся в испытываемую мною гармонию. Теперь меньше. Я думаю, что необходимо проанализировать гнев. Ira furor brevis est. Animum rege (Horatius)[23]. — 10) Я был уверен, что Антоний не поймет Вас. 11) Когда я советовал Вам влюбиться, я не думал об «одной, только одной», займите свое воображение, как Ницше в 1876 г., когда он болел кризисом Вагнеризма и платонически ухаживал за парижанкой[24]. — 12) Приезжайте не на три дня, а на три недели. — 13) Спасибо за чудесного *Незнакомого друга*. — До свиданья. Поклон и искреннее уважение Вашей маме. Горячо любящий и уважающий Вас Э. М.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 25 (л. 1–2), 26 (л. 3).
Ответ на п. 52.

[1] См. примеч. 3 к п. 48.

[2] Имеется в виду фрагмент из Первой части «Северной симфонии»:
«1. Время, как река, тянулось без остановки, и в течении времени отражалась туманная Вечность.
2. Это была бледная женщина в черном» (*Симфонии*. С. 20).

[3] Оссиан (III в.) — легендарный создатель шотландских эпических поэм, якобы найденных, а на самом деле написанных Дж. Макферсоном («Сочинения Оссиана, сына Фингала, переведенные с гэльского языка Джеймсом Макферсоном», 1765).

[4] Ср.: «два мечтательных гнома», «дежурный карла» (*Симфонии.* С. 24, 28).

[5] Имеется в виду образ карлика («полукарлик, полукрот») в части 3-й (раздел «О призраке и загадке») поэмы «Так говорил Заратустра». См.: *Ницше.* Т. 2. С. 111–113.

[6] С конца 1903 г. в объявлениях издательства «Скорпион», оповещавших о готовящихся к печати книгах, значилось: «*Фр. Ницше.* Полное собрание сочинений. В переводе — Ю. И. Айхенвальда, К. Д. Бальмонта, Ю. К. Балтрушайтиса, Валерия Брюсова, Андрея Белого, пр.-д. Д. В. Викторова, Вяч. Иванова, С. А. Полякова, М. Н. Семенова и друг.» Задуманное в «Скорпионе» издание не состоялось. В 1909 г. было начато издание Полного собрания сочинений Ницше в Московском книгоиздательстве под редакцией Ф. Зелинского, С. Франка, Г. Рачинского, М. Гершензона, Я. Бермана и при сотрудничестве Андрея Белого, Валерия Брюсова, М. Гершензона; к 1912 г. вышли в свет первые четыре тома, издание осталось незавершенным. Участие Белого в работе над этими изданиями, по всей вероятности, осталось номинальным. В составе издания была помещена статья Метнера «Ницше и Вагнер (Комментарий к четвертому несвоевременному размышлению)» (1909); см.: *Ницше Фридрих.* Полн. собр. соч. Т. II. М.: Московское книгоизд-во, 1909. С. 405–421.

[7] Метнер подразумевает издание сочинений Ницше под редакцией Э. Фёрстер-Ницше и П. Гаста, при участии братьев Э. и А. Горнефферов, которое было начато в 1899 г. (Leipzig, Verlag C. G. Naumann) и составило в итоге 19 томов. Первые восемь томов включали опубликованные ранее книги Ницше, в последующих томах печатались тексты, извлеченные из архива философа.

[8] Подразумевается биография Ницше, написанная его сестрой Элизабет Фёрстер-Ницше (*Förster-Nietzsche Elisabeth.* Das Leben Friedrich Nietzsches. Bd. I, 1895; Bd. II/1, 1897; Bd. II/2, 1904).

[9] Метнер цитирует газетное объявление: «В зале Коммерческого клуба в субботу 8 ноября безотлагательно прочтет лектор „del'université libre" г. Касперович. С участием пианистки г-жи А. С. Евтроповой лекцию на тему: „Новейшее искусство (декадентство), символизм и любовь"» (Нижегородский Листок. 1903. № 302, 4 ноября. С. 1).

[10] Имеется в виду А. Н. Шмидт (см. примеч. 11 к п. 2). См.: *Богомолов Н. А.* Э. К. Метнер и А. Н. Шмидт // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVII — IV. С. 455–474.

[11] Статья Шмидт, написанная по поводу «О теургии», в «Новом Пути» не появилась. 11 января 1904 г. Шмидт писала Белому, прося содействовать напечатанию ее заметки на ту же тему в «Весах»: «Я посылала уже такую

заметку в „Нов<ый> Путь“, но не получила ответа, а так как она была в одном экземпляре, то мне пришлось написать ее совершенно заново. Она вышла иная» (*Богомолов Н. А.* Э. К. Метнер и А. Н. Шмидт. С. 470). Вероятно, именно эта статья (или ее вариант) была опубликована за подписью S. и под заглавием «Замечания по поводу одной теософской статьи» в кн.: Из рукописей Анны Николаевны Шмидт. <М.>, 1916. С. 17–21.

[12] В указанной статье Н. А. Богомолова (С. 458–459) отмечена непосредственная преемственная связь этого образа с выступлением Н. М. Минского в прениях по докладу иеромонаха Михаила на XIV заседании петербургских Религиозно-философских собраний (Новый Путь. 1903. № 9): «...узрев на груди церкви мистическую розу целомудрия, Розанов не должен верить в искреннее отношение церкви к браку»; «...ради Бога, не касайтесь мистической розы на груди церкви <...>» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний. 1901–1903. М., 2005. С. 270, 273).

[13] «Человеческое, слишком человеческое» (1878).

[14] Имеются в виду письма А. С. Петровского от 5 октября и 21 октября 1903 г.

[15] См. примеч. 1 к п. 50.

[16] Подразумевается московская Духовная академия. Свое отношение к поступлению туда Петровского Метнер выразил в письме к нему от 27 ноября 1903 г.: «Крайне сожалею Вас! К чему себя терзать в этом спиртуозно-спиритуалистическом заведении?» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7). Там же Метнер сообщал: «Борис Николаевич написал целую защитительную речь по поводу Огыги и Виндалая, думая, что я, быть может, настолько высох или состарился, что неспособен радоваться шутке».

[17] Ср. фрагмент из того же письма: «Убедите его <Белого. — *Ред.*>, что не стоит читать моих статей в *Придн<епровском> Крае* (да и вообще); Вы же знаете, что я не могу писать. То, что я писал о *Новом Пути*, *Сев<ерных> Цветах*, *Грифе* — самые заурядные обозрения, лишенные всякой острой и самостоятельной критической. Статьи о школе — бледное пережевыванье старых истин о пользе классического образования и о неправильной его постановке у нас».

[18] Возможно, подразумеваются слова приживалки Василисы Перегриновны, персонажа пьесы А. Н. Островского «Воспитанница. Сцены из деревенской жизни» (1859): «Прими меня к себе, сырая земля!» (сцена II, явление 1-е). См.: *Островский А. Н.* Полн. собр. соч. Т. II. М., 1950. С. 180.

[19] Имеется в виду полемический пассаж в статье Вл. С. Соловьева «Особое чествование Пушкина» (Вестник Европы. 1899. № 7; вошла в кн.: *Соловьев Владимир*. Стихотворения. Изд. 3-е, доп. СПб., 1900. С. 214–231) по поводу «Заметки о Пушкине» В. В. Розанова, помещенной в «Мире Искусства» (1899. № 13/14): «Почему-то, говоря об этих *четырех* писателях <Гоголе, Лермонтове, Достоевском, Л. Толстом. — *Ред.*> и называя их всех четырех, то вместе, то порознь, г. Розанов упорно считает их тремя: „эти

три“, „те три“. Оказия сия по мне уж не нова. Ведь исторический роман Александра Дюма-отца, описывающий похождения четырех мушкетеров, почему-то называется „Три мушкетера“. Но кого же из четырех писателей г. Розанов ставит не в счет?» (*Соловьев Владимир*. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990. С. 382).

[20] См. примеч. 13 к п. 2.

[21] См. примеч. 6 к п. 50. В 1903 г. в «Приднепровском Крае» печатался цикл статей Метнера (за подписью: Э.) под общим заглавием «По поводу последних трудов Д. С. Мережковского» («I. Критик-мистагог» // № 1918, 29 августа; «II. Библиографические замечания» // № 1919, 30 августа; «III. Замечания философского и религиозного характера» // № 1920, 31 августа). Спустя продолжительное время была помещена еще одна статья Метнера из того же цикла — «Русское возрождение» // 1903. № 1998, 19 ноября).

[22] См. п. 47.

[23] Гораций, «Послания», I, 2, ст. 62. В переводе Н. Гинцбурга: «Гнев есть безумье на миг — подчиняй же свой дух».

[24] Имеется в виду немецкая писательница Мальвида-Амалия фон Мейзенбуг (1816–1903), эмигрантка, воспитательница дочерей А. И. Герцена; длительное время жила в Лондоне и Париже. Ницше познакомился с нею, как с ближайшим другом семьи Вагнеров, весной 1872 г.; она стала одним из его близких друзей.

54. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 10 ноября 1903 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

1) Прежде всего несколько слов о письмах. Если из чтения Вами моих писем не получается впечатления того, что я получил Ваши[1], — верьте, я жадно вчитываюсь в Ваши письма. Но текущий момент всегда заслоняет собою предыдущее, и часто не видно поэтому, что я получал Ваши письма. 2) «*Северная симфония*» — вещь старая, скучная, мертвая, Бог весть когда написанная[2]. В те времена я еще находился под обаянием шопенгауэровских настроений. Ей не следовало бы, пожалуй, появляться в печати. *Зализанность ее* (она стройнее второй) *есть результат позднейшей техники, не коснувшейся существа Симфонии именно вследствие ее омертвелости для меня. В ней характерны, пожалуй, ужасы 2-ой и 3-ьей части, как нечто знакомое в детстве и опять, реально вернувшееся для меня, когда я писал*

эти части. Они и попали в Симфонию вследствие того, что я мучился боязнью и страхом. В ней отразился перевал для меня от философского эстетизма к трагизму и мистериям. И только. Остальное — деланно, отдает ремесленным «*style moderne*» и английскими прерафаэлитами, а также живописью по стеклу. Всё в достаточной мере уже опротивевшее нам, превратившееся в общее место. 3) Несомненно мой гном не без влияния Заратустры. Впрочем, всю жизнь я мыслю о гномах, карлах и т. д. Вернее, великан появился у меня, как воплощение ницшеанства в древние сказки[3]. Сам я вижу рождение великана и кентавра у себя под влиянием Ницше (менее Бёклин), за гнома же не ручаюсь вполне. 4) Дорогой Эмилий Карлович, опять накатило на меня *ницшеанство*... Глотаю Ницше в плохих переводах. Смею не соглашаться, любя... Мучаюсь грандиозной задачей, за которую хочу приняться в будущем, — пересмотром «*Рождения Трагедии*», образ которой все растет и растет перед моим духовным взором — вот потому-то я и начинаю замечать *непроявленности* у Ницше здесь и там, что достоинства этой книги застилают все прочее. Хочется уйти в нее — как в лабиринт — вот потому-то испытующим взором озираешь место своей будущей квартиры. Что же касается предприятия «*Скорпиона*», то оно еще все в будущем[4]. Опубликовано для того, чтобы предупредить иных переводчиков о намерениях «*Скорпиона*», если таковые существуют. Будет еще много обсуждений впереди... Пока дело обстоит таким образом. «*Заратустру*» переведет Бальмонт. «*Рождение Трагедии*» — Вячеслав Иванов[5], по признанию всех чуть ли не единств<енный> знаток культа Диониса у древних (он лектор парижского вольного Университета[6]). Что переведут остальные — не знаю. Относительно себя я не знаю. Они (скорпионы) без моего ведома выставили мое имя, когда я еще не решился. Во всяком случае попробую (и только). Если пойдет дело, буду переводить, если нет — не буду. Кажется, возьму себе «*Помрачение Кумиров*»[7]. Вообще же это предприятие, видимо, сериозное уже потому, что культ Ницше за последнее время все растет и растет в «*Скорпионе*». Там (в конторе книгоизд<ательства>) висит огромный портрет Ницше работы Штука......[8] Вообще есть Ницше только Ницше, а прочее — потуги, неосуществленные мечтанья... за исключением попытки Мережковского организовать *Христово*...

Да, Христово!.. Мережковский знает это... Между ним и мной произошло нечто неизгладимое. *Мы узнали друг друга в Христовом.* (Они были тут, в Москве)[9]. Мережковский присмирел, стал ***благолепнее***, не переставая быть интеллигентом. Мы впятером (Дм<итрий> Серг<еевич>, Зин<аида> Ник<олаевна>, Хлудов с женой и я) были...... у Антония[10]. (Моя выдумка. Химический опыт, блистательно сошедший). Получилось что-то пиршественно-радостное — не то золотое дионисианское вино, не то сладкий мед (тоже золотой) с воском в виде *свечечки*... Антоний видимо *все понял до дна* (провиденьем), радостно и просто относился к Дм<итрию> Серг<еевичу>, а особенно к Зинаиде Николаевне... Говорил о любви, о радости, о том, как он хочет образовать обитель на горе, над Волгой, и тогда покорнейше просит Мережковских к себе *в прекрасные места, где будет ждать их угощение из абрикосов и персиков* (!!!) (что-то хилиастическое!) Мережковский совершенно откровенно сказал ему, в чем его *raison d'être**, говорил о недостаточности исторической церкви, о хулиганах... Еп<ископ> Антоний только улыбался *знающе* да сказал в ответ: «*Ишь вы какие пылкие!*» А за объяснение сущности хулиганства (одержимых) еще и благодарил, говоря, что не знает, что это такое, но чувствует в словах Мережковского, что «***что-то есть***»... Между прочим промелькнули слова у Антония о Матери (какой?), которая лучше Отца утешает и которую (монахиню или кого?) больше любит Антоний, ибо она мягче (это — сказано с подчеркиваньем З<инаи>де Н<иколаев>не); тут блеснуло что-то из области «*Непостижного виденья, A. M. D.*»[11] и скрылось (может быть, показалось...). Потом Антоний повел к себе в келью, указал на книжный шкаф, показал за стеклом на ангела (картинка), под которым подписано какое-то посвящение какой-то барышни Антонию (картинка рядом с флаконом одеколона (констатирую и только))... Вообще что-то близкое и радостное... Чувствовалось, что Мережковские и Антоний в чем-то *соприкоснулись* (но как будто с обратных сторон), как будто подошли друг к другу, разделенные узким ущельем, для обхождения которого нужны миллионы верст, но которое настолько узко, что возможно

* Смысл (*фр.*).

пожать друг другу руки через ущелье... Факт остался фактом: Антоний пришел в духовный восторг, Мережковский целовал у Антония руки, а я про себя потирал руки, радуясь, что мой эксперимент дал блестящие результаты.

Потом Мережковский, хватая себя за голову, все твердил: «*Нельзя разрывать с 2000<-ле>тним опытом Церкви*». И мне: «*Слушайтесь Антония*». Между прочим: они читали «Летопись *С<ерафимо->Д<ивеевского> монастыря*»[12] и увидели в *Серафимове чувстве* нечто близкое.

«*Новый Путь*» прекратится. *Его прирезали*[13]. Он мог бы еще с грехом пополам существовать, так как предвиделась им огромная субсидия, но люди, искренне любящие Мережковских, наложили «*veto*» на субсидию и ее присоединили к «*М<иру> И<скусства>*»[14]. Друзья Мережковских ради Мережковских не допустили существования «*Н<ового> П<ути>*». (Это — строго между нами). Сказать правду: *угрюмый как скалы Балтрушайтис*[15] *сознательно и хладнокровно* (с внутренней болью) зарезал «*Новый Путь*» (это уже совсем тайна — пожалуйста, да останется она между нами). Буренин перекрестил Балтрушайтиса в «*Перголе-Перкиярви*»[16] (знаменательно!).

Зато: «*Мир Искусства*» преобразуется в литературный журнал, оставаясь по-прежнему художественным с рисунками, принимает Мережковских с религиозной хроникой[17]. Между прочим здесь будет печататься «*Петр*» Мережковского[18], а также *единственно в «М<ире> И<скусства>» будет участвовать Чехов*[19]. Согласитесь — это будет единственный в своем роде журнал!..

Вышла книга стихотворений Бальмонта «*Только Любовь*», очень недурная, а также Брюсова «*Urbi et orbi*»[20]... Но тут... боюсь начать......

...

Брюсов по этому сборнику оказывается единственным современным поэтом, держащим в руках судьбы будущей русской поэзии. Все иные (включая сюда и Бальмонта) *мелкие величины сравнительно с Брюсовым. Такой концентрации, мощи, порой Микель-Анжеловских взмахов, вдумчивости русская поэзия не видала со времен Фета, Тютчева, Майкова. Правда, легко просмотреть (особенность всех крупных поэтов) Брюсова (он не ярок), но мое*

глубочайшее убеждение, что отныне к именам Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Дельвига, Тютчева, Майкова, Полонского, Ал. Толстого ***должно присоединять имя Брюсова***!..

Такие строфы, как:

Кругом меня — немые тополя,
Как женщины, завернутые строго.
Свивается причудливо дорога
Вся белая, мглу надвое деля[21]

встречаются только у мировых поэтов! Или:

Знаю сумрачный наход
Страсти, медленно пьянящей,
Словно шум далеких вод,
Водопад, в скалах кипящий[22].

Или:

Так говорила, не дыша, бледнея,
Матрона Лидия, как в смутном сне,
Забыв, что вся взволнована Помпея,
Что над Везувием лазурь в огне...[23]

Или:

По беломраморным ступеням
Царевна сходит в тихий сад
Понежить грудь огнем осенним,
Сквозной листвой потешить взгляд.
Она аллеей к степи сходит.
С ней эфиопские рабы.
И солнце острый луч наводит
На их лоснящиеся лбы[24].

А!..

Я пойду за ним, за ним
В переулок опустелый.
Черный плащ его, как дым.
Пеплум мой, как саван белый[25].

Или:

Помоги мне, мать земля!
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деля,
Я стучусь к тебе лопатой...

Ты всему живому — мать,
Ты всему живому — сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха.

. . . .

Помоги сыскать кольцо!
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую[26].

Или:

Напрасно дух о свод железный
Стучится крыльями, скользя.
Он вечно тут, над той же бездной.
Упасть в соседнюю нельзя.
И путник по средине луга,
Куда бы он ни кинул взор,
Всегда пребудет в центре круга.
И будет замкнут кругозор[27].

Или:

Сквозь окна льется свет, то золотой, то синий,
Неясный, слабый свет, таинственный, как мгла,
Прозрачным знаменем дрожит он над святыней,
Сливаясь с веяньем орлиного крыла[28].

Но довольно! Вижу иронию на Вашем лице и спешу закончить наводящие на иронию, *дорогие для меня строки*...

Дорогой Эмилий Карлович, пишите. Извините убогость и внешность письма, но у меня накопилось много внешнего, что я и передал Вам.

Остаюсь горячолюбящий Вас.

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет Анне Михайловне[29]. Заметка Шмидт (я слышал что-то о ней) не пойдет в «*Н<овом> П<ути>*», если не ошибаюсь. Но постараюсь узнать. Знал, что делал, когда путал Софию с Марией, но в той плоскости, на которой я стоял (символической, а не воплощ<енной>), *можно и должно* смешивать Софию с Марией. Г-жа Шмидт не умеет соблюдать перспективы плоскостей.

Посылаю стихи.

Солнце жжет. Вдоль тротуара
Под эскортом пепиньерок
Вот идет за парой пара
Бледных, хмурых пансионерок.
Цепью вытянулись длинной,
Идут медленно и чинно —
В скромных, черненьких ботинках,
В снежнобелых пелеринках...
Шляпки круглые, простые,
Заплетенные косицы —
Точно всё не молодые,
Точно старые девицы.
Глазки вылупили глупо,
Спины вытянули прямо.
Взглядом мертвым, как у трупа,
Смотрит классная их дама.
«Mademoiselle Nadine, tenez vous
Droit...». И хмурит брови строже...
Внемлет скучному напеву
Обернувшийся прохожий.
Покачает головою,
Удивленно улыбаясь......
Пансион ползет змеею,
Между улиц извиваясь...[30]

P. P. S. *Точки в «Симфонии» от меня, а не от цензуры, для пауз.*

P. P. P. S. Дорогой Эмилий Карлович, простите за дерзость: очень скоро из Лейпцига на свое имя Вы получите полное собрание сочинений Ницше. Будьте любезны. Перешлите его мне. Еще раз простите за дерзость. Перевожу «*Человеческое слишком человеческое*». Как получу, засяду за перевод[31]. Будут переводить с дополнительными томами[32]. Предприятие сериозное. Будет к сочинению приложен еще том о Ницше[33].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 27. Помета красным карандашом: «XXVIII». Ответ на п. 53.

[1] Намек на начальные фразы письма Метнера от 20 октября 1903 г. (п. 50).

[2] «Северная симфония» была написана в течение 1900 г.

[3] Подразумевается образ великана Ризы из второй части «Северной симфонии». См.: *Симфонии.* С. 21.

[4] Подразумевается проект издания полного собрания сочинений Ницше.

[5] Оба замысла не были реализованы.

[6] Имеется в виду Русская высшая школа общественных наук, основанная в Париже в 1901 г. М. М. Ковалевским, Е. В. де Роберти и Ю. С. Гамбаровым. Вяч. Иванов читал там лекционный курс «Греческая религия страдающего бога (религия Диониса)» с конца апреля 1903 г. В программе Школы на 1903/04 учебный год были заявлены курсы Иванова «Связь греческой мифологии с древнейшими философскими системами» и «История римских государственных учреждений», но они не были прочитаны. См.: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 78.

[7] Книга Ницше «Götzendämmerung, oder Wie man mit dem Hammer philosophiert» (1889) — «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом».

[8] Ср. свидетельство Б. А. Садовского, описавшего интерьер редакционной квартиры издательства «Скорпион» и журнала «Весы» в гостинице «Метрополь»: «В простенке — большой портрет Ницше: философ опирается на руку, глаза закрыты; за ним простирает крылья орел. Снимок с этого портрета можно найти в каталоге „Скорпиона“ при первой книжке „Весов“, только без орла, должно быть, пририсованного позднее» (*Садовской Б. А.* «Весы» (воспоминания сотрудника) / Публ. Р. Л. Щербакова // Минувшее. Исторический альманах. 13. М.; СПб., 1993. С. 19). Упомянутый портрет Ницше работы Карла Бауера помещен в Каталоге книгоиздательства «Скорпион» 1904 г. (С. 13).

[9] Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус приезжали в Москву в последнюю декаду октября 1903 г. В. Брюсов записал в дневнике: «М е р е ж к о в с к и е в М о с к в е. 26 окт. — 31 окт. М-ские приезжали искать денег, 30 000 р. думали получить от Хлудова. Он долго „водил“ их, наконец, сказал, что денег нет…» (*Брюсов Валерий.* Дневники. С. 134). Сообщая об их приезде в письме к А. С. Петровскому от 27 октября, Белый признавался, что при встрече с ними возникла атмосфера особой духовной близости: «Вдруг пришло „*что-то*“ Христово — бархатно-мягкое, грустно-задумчивое. Я сказал что-то, в чем промелькнуло „*это*“… Вдруг Дм<итрий> С<ергеевич>, не говоря ни слова, поцеловал меня в ответ на *то* мелькнувшее… Затем произошло мгновенное, неизгладимое и незабываемое… Я поцеловал Дм<итрия> С<ергеевича> и Зинаиду Николаевну <…> Образовался мгновенный пролет, и я видел слезы на глазах у Дм<итрия> Сергеевича… Тут я узнал, что они — Христовы». К последней фразе Белый сделал подстрочное примечание: «Или по крайней мере то, что я, что Эм<илий> Карл<ович> зовем Христовым, то же и у Мережковских» (*Белый — Петровский.* С. 77–78).

[10] В воспоминаниях о В. В. Розанове «Задумчивый странник» З. Н. Гиппиус мимоходом упоминает «мятежного и удивительного еп. Антония», с которым встречалась в Донском монастыре (*Гиппиус З. Н.* Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 351).

[11] Образы из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829): «Он имел одно виденье, // Непостижное уму»; «*Ave, Mater Dei* кровью // Написал он на щите».

[12] См. примеч. 2 к п. 1.

[13] Ситуация объясняется прежде всего трудным финансовым положением журнала. Первоначальный денежный фонд «Нового Пути» составлял 8000 руб. (П. П. Перцов свидетельствовал в письме к Д. Е. Максимову от 16 декабря 1928 г.: «У нас не было ни денег, ни меценатов. В конце концов журнал был начат с двумя „паями“ — мой в 3000 и еще один в 2<000>; к ним впоследствии Мережковский добавил третий пай — покойного Мих<аила> Абр<амовича> Морозова в 3000. Вот были и все наши фонды, кроме подписки — к счастью, для первого года довольно обильной (переваливало за 3000 в первое полугодие)» // РНБ. Ф. 1136. Ед. хр. 34). К концу первого года издания финансовая ситуация в журнале стала угрожающей, надежды на новые субсидии не оправдывались (ср. свидетельства в письме Перцова к Максимову от 12 января 1929 г.: «Сув<орин> соглашался, но ничего не вышло, как и из всех тогдашних наших переговоров (Хлудов и др.). Это был какой-то фатум» // Там же). Тем не менее издание «Нового Пути» удалось продолжить на следующий год. Подробнее см.: *Максимов Д.* «Новый Путь». С. 163–169.

[14] Документальных подтверждений этих сведений (видимо, сообщенных Белому Мережковскими во время их пребывания в Москве в октябре 1903 г.) обнаружить не удалось.

[15] Определение из коллективного посвящения «Моим друзьям»: «угрюмому, как скалы, Ю. Балтрушайтису» (*Бальмонт К. Д.* Будем как Солнце: Книга Символов. М.: Скорпион, 1903. С. <VI>).

[16] Perkele (*финск.*) — дьявол, бес, черт. Перкъярви (*финск.* Perkjärvi) — поселок на Карельском перешейке (волость Муолаа Выборгской губернии, Финляндия); после 1948 г. — Кирилловское.

[17] Никаких кардинальных перемен в издании «Мира Искусства» в 1904 г. не произошло. «Записки Религиозно-философских собраний», именуемые Белым «религиозной хроникой», в 1904 г. не печатались ни в «Новом Пути», ни в «Мире Искусства». Религиозно-философские собрания были запрещены 5 апреля 1903 г., протоколы последних 21-го (13 марта 1903 г.) и 22-го (19 апреля 1903 г.) заседаний остались неопубликованными (см.: *Половинкин С. М.* На изломе веков: О Религиозно-философских собраниях 1901–1903 годов // Записки петербургских Религиозно-философских собраний 1901–1903. С. 506).

[18] Исторический роман Мережковского «Петр и Алексей» (заключительная часть трилогии «Христос и Антихрист») был начат печатанием в «Новом Пути» с января 1904 г. (№ 1–5, 9–12), закончен в журнале «Вопросы Жизни» (1905. № 1–3).

[19] Нереализованный замысел объединения «Мира Искусства» с «Новым Путем» и привлечения к сотрудничеству в новом издании А. П. Чехова во главе беллетрического отдела активно обсуждался в июле 1903 г.

(см.: *Лавров А. В.* Архив П. П. Перцова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 43–46; Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступ. заметка, подготовка текста и примечания М. М. Павловой // Русская литература. 1992. № 1. С. 145–149).

[20] Книги: *Бальмонт К. Д.* Только любовь: Семицветник. Стихи. М.: Гриф, 1904; *Брюсов Валерий.* Urbi et orbi: Стихи 1900–1903 г. <М.>: Скорпион, <1903>. Первая вышла в свет в начале ноября 1903 г., вторая — в конце октября 1903 г.

[21] Цитата из стихотворения «In hac lacrimarum valle» («Весь долгий путь свершив, по высям и низинам...», 1902). См.: *Брюсов Валерий.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 307.

[22] Начальная строфа стихотворения «Пеплум» (1900). См.: Там же. С. 287.

[23] Строфа из стихотворения «Помпеянка» (1901). См.: Там же. С. 289.

[24] Две начальные строфы стихотворения «Путник» (1903). См.: Там же. С. 289–290.

[25] Строфа из стихотворения «Пеплум». См.: Там же. С. 288.

[26] 1, 2 и 4-я строфы стихотворения «У земли» (1902). См.: Там же. С. 277.

[27] Две заключительные строфы стихотворения «Одиночество» («Проходят дни, проходят сроки...», 1903) в первоначальной редакции. Ср.: Там же. С. 319.

[28] Цитата из стихотворения «Париж» («И я к тебе пришел, о город многоликий...», 1903). См.: Там же. С. 303.

[29] А. М. Метнер.

[30] Впервые опубликовано в книге Белого «Золото в лазури» (С. 101–102) под заглавием «Кошмар среди бела дня». См.: *СП — 1.* С. 121–122.

[31] Никаких следов работы Белого над переводом этой книги Ницше не обнаружено.

[32] Подразумеваются тома (начиная с тома IX) в издании собрания сочинений Ницше (Leipzig: Verlag von C. G. Naumann), в которых публиковались тексты, извлеченные из архива мыслителя.

[33] Подразумевается проект полного собрания сочинений Ницше, объявленный издательством «Скорпион» (см. примеч. 6 к п. 53).

55. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

12 ноября 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 12 ноября 1903 года.

Дорогой Борис Николаевич!

Только что получил Ваше письмо. Хотя у меня нет пока ничего особенного, что бы стоило доложить Вам, но берусь (с Вашего дозволения) за карандаш, так как считаю необходимым

попросить Вас вот о чем. Я очень счастлив оказать Вам услугу в деле получения полного собрания сочинений Ницше, но должен предупредить Вас, что и для *меня* не делается исключений в исполнении формальностей. Необходимо подать прошение председателю цензурного комитета, указав точно издание, количество томов и магазин, через который выписываешь. Вот почему прошу Вас ***немедленно*** сообщить мне и то и другое, дабы я мог отправить отсюда прошение. Если Вы уже заказ послали, не пугайтесь, книги не пропадут, только их выдадут не иначе как по совершении формальностей. Очень рад, что Вы будете переводить Ницше: прозой не владел так ни один смертный; самый лучший способ изучить немецкий язык это переводить Ницше; я просто даже завидую Вам, что Вы имеете возможность заняться такого рода работой с расчетом, что плодами ее воспользуются и другие. Переводить, чтобы рукопись осталась в портфеле у себя или, еще хуже, в какой-н<ибудь> редакции, конечно, не стоит. Не думаю, чтобы Бальмонт хорошо перевел *Заратустру*; он слишком жеманен, простак <?> и дерзок. Лучше было бы предоставить *Заратустру* Брюсову, а Бальмонту стихи. Вы тоже читаете Menschliches Allzumenschliches! Между нами: я, читая эту книгу, не могу развязаться от мысли, что Ницше тогда был болен, когда воображал себя здоровым (второй период — позитивизм), и тогда здоров (первый период, вагнеризм, «артистическая метафизика»), когда ему казалось, что он болен... Вы очень хорошо сказали: «Смею не соглашаться, любя». Это и мое господствующее настроение при перелистывании страниц «Человеческого». Но вот что! Обратили ли Вы внимание на след<ующие> строки: «Personenwechsel — Sobald eine Religion herrscht, hat sie alle die (среди них сам Ницше) zu ihren Gegnern, welche ihre ersten ***Juenger*** gewesen ***waeren***». Вот это называется проговориться! (Афоризм 118, том I)[1]. — Что касается поэзии Брюсова, то тут... «смею не соглашаться, не любя». Впрочем, не читал Urbi er Orbi (заглавие напоминает папскую энциклику; заказана ли у Пиронэ туфля)[2]. Простите мне мое неудачное остроумие, и, быть может, отсутствие настоящего поэтического чутья и чутья к русскому слову. Я ведь урод: от немцев отстал, а к русским не пристал. Не сердитесь, дорогой Борис Николаевич; я ведь не поэт; а каждое искусство все-таки специальность. «Он не ярок», говорите Вы про

Брюсова; быть может, Вас, как поэта par excellence*, это отсутствие яркости не смущает; я же, признаюсь, вижу в этом признак преобладания ума над творчеством, мастерства над вдохновением и, как профит <?>, просто ничего не ощущаю при чтении даже приведенных (очевидно, лучших) стихов декадентского папы. Все это очень складно, тонко, умно, даже глубоко, но не захватывает меня. Полное отсутствие музыкальности, внутреннего ритмического живого цельного движения; мне несимпатичен и Бальмонт, но в нем больше этого движения, хотя оно и жеманно, манерно, несколько польского характера… «Взмахи микель-анджеловские» у Брюсова привлечь меня не могут, т<ак> к<ак> я не люблю Микель-Анджело… Польский характер как-то неразделен с русским декадентством… Боюсь, что Ницше в русском переводе будет полонизирован… Это претит мне. Я люблю и признаю Ницше, как представителя германизма, на том же самом основании, на котором почитаю Лермонтова как второго русского поэта, а не как шотландского барда[3]. Я не хочу Ницше как ученика Словацких и учителя Пшибышевских. Все, что есть в Ницше польского (а это еще очень-очень под сомнением)[4], только служило ему ко вреду: я разумею его выходки, кривляния, неустойчивость, его «не позволям» и «я буду дерзок, я так хочу»[5]. Ницше бывает подчас противен мне, даже в Заратустре. И когда я анализирую это ощущение, то всегда вижу, что противное в нем в то же время как бы чуждо его исконной германской сущности. Мне и Вагнер бывает иногда противен; но эта противность уже не польская, а немецкая (ueberdeutsch**). И вот, наблюдая за распространением ницшеанства, я с большим огорчением вижу, что в ход пошли, главным образом, его пошлости (нравственные полонизмы). Со страхом я думаю также о книге скорпионов *о Ницше*; вперед чувствую, что придется мне ее ругать жестоко. Однако письмо мое незаметно разрастается. Дорогой Борис Николаевич! Поймите и не осудите меня за все, что я Вам сегодня намарал. Наконец Касперович (культурный оболтус) прочел свою лекцию; упомянул и <о> Брююсове, Бальмонтисе, Бальтрушайте, Белугине***

* По преимуществу; в высшей степени (*фр.*).

** Сверхнемецкая (*нем.*).

*** Так Вас обозвала одна газета (*Примеч. Метнера*).

и т. д.[6] — Касперович просто нестерпимо глуп. Я все время думал, что лопну со смеху, слушая его польские выкрикивания. А картины? А скерцо и полонез Шопена (сыгранные деревянной нижегородской дамой, неприятной во всех отношениях[7])? Подчас я думал, что нахожусь в сумасшедшем доме! А нижегородский декадент подбрюсовик Чулков (книгу которого я на днях цензировал)[8], подобострастно говоривший с мейстером Касперовичем, который держал себя с ним величественно снисходительно; Чулков, принимавший невероятно глубокомысленные позы во время лекции; по программе впадавший в то или другое невероятно сложное, простым смертным недоступное, настроение и, после отъезда Касперовича, несколько лягнувший его в газете![9] До чего все это противно: впрочем, это было бы грустно, если бы не было так *смешно*. Такие Касперовичи только дискредитируют то, что берут под свою защиту. — Дорогой, бесконечно дорогой мне, Борис Николаевич! Не сердитесь на меня за contr'ы! Я мечтаю видеть Вас у себя; я не могу всего высказать в письме; да и Вы, я думаю, несмотря на свой эпистолярный натиск, тоже не прочь перейти к устной речи. Живо представляю себе Ваш коллективный визит у Антония[10]. Милый Мережковский! Мне страшно понравилась статья Розанова о Мережковском[11]. Правда, что Мережковские покидают Россию? ***NB***. Знайте, что Балтрушайтис ненавидит Мережковского и завидует ему. Это я *верно* знаю. До свиданья, поклон Вашей матушке. Анюта[12] кланяется Вам. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 26 (л. 1–2), 25 (л. 3).
Ответ на п. 52, 54.

[1] *Nietzsche Friedrich*. Werke. Bd. II: Menschliches, Allzumenschliches. Erster Band. Leipzig: Verlag von C. G. Naumann, 1899. S. 129. Перевод С. Л. Франка: «*Перемена лиц*. Как только религия приобретает господство, ее противниками становятся все те, кто были ее первыми последователями» (*Ницше*. Т. 1. С. 308).

[2] Urbi et Orbi (*лат.*) — «Городу (т. е. Риму) и миру»; на весь мир, всему миру, всем и каждому — слова, входящие в принятую в XIII–XIV вв. формулу благословения вновь избранного римского папы как главы католической церкви для города Рима и всего мира и ставшие формулой благословения папы всему католическому миру. Метнер юмористически обыгрывает ритуал целования туфли у римского папы; «Пироне А. М. сын» — московский магазин готовой обуви (Большой Чернышевский пер., дом Полякова).

[3] Подразумевается генеалогия М. Ю. Лермонтова. По отцовской линии род восходил к Лерманту, получившему в XI в. поместье Дарси в шотландском графстве Файф за помощь королю Малькольму III в разгроме Макбета; основатель рода Лермонтовых в России Георг (Юрий) Лермонт, оказавшийся на русской земле в составе польского гарнизона, перешел в 1613 г. в ряды московских войск (см. статьи М. Ф. Мурьянова и С. А. Панфиловой: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 467).

[4] См. примеч. 25 к п. 37.

[5] Заключительная строка стихотворения Бальмонта «Хочу» («Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...»). См.: *Бальмонт К. Д.* Будем как Солнце. С. 158.

[6] См. примеч. 9 к п. 53. В «Нижегородском Листке» были опубликованы два анонимных отклика на лекцию Касперовича. В одном из них, содержавшем подробный пересказ содержания лекции, давались оценки: «...изложение <...> страдало сбивчивостью и отрывочностью. Мысль не вытекала логично из мысли»; «...лектор говорил о вещах очень мало известных большинству слушателей, как будто они были ими совершенно усвоены, давно им знакомы, говорил с обширной и разношерстной аудиторией, как с тесным кружком „посвященных", и не давал никаких подготовительных объяснений» («О лекции г. Касперовича» // 1903. № 308, 10 ноября. С. 3). В другом отклике, включавшем подборку разноречивых отзывов слушателей, делался общий вывод: «Содержанием лекции большинство <...> было не удовлетворено: одним оно показалось малодоступным, другим — слишком эффектным и пустым» («После лекции» // Там же).

[7] Обыгрываются образы из «Мертвых душ» Гоголя (т. 1, гл. IX) — «просто приятная дама» и «дама приятная во всех отношениях». Скерцо и полонез Ф. Шопена в исполнении А. С. Евтроповой входили в программу выступления Касперовича.

[8] Речь идет о первой книге стихов и прозы Г. И. Чулкова «Кремнистый путь» (Н. Новгород, 1904).

[9] Статья Чулкова (за подписью: Ч.) «По поводу лекции г. Касперовича» была помещена в «Нижегородском Листке» (1903. № 309, 11 ноября. С. 3) с редакционным примечанием: «...редакция сочла не лишним дать отзыв об этой лекции лица, принадлежащего к числу сторонников „нового искусства"». Чулков отметил контраст между лектором и аудиторией: «...какое странное отношение создалось между этим бледным молодым человеком, который с напряженными жестами, патетически говорил о своем художественном credo, и этой равнодушной северной толпой, которая брезгливо наблюдала за непонятным для нее волнением лектора <...>»; «...для одной (незначительной) части публики лекция г. Касперовича в своей теоретической части была не очень интересна, потому что в ней нельзя было найти чего-нибудь нового; для другой части эта лекция была непонятна <...>»; «Мы надеялись, что лектор <...> вместо сухого, аллегорического толкования даст новую символическую импровизацию, открывающую, освещающую перед нами новые глубины данного художественного произведения. Отчасти нам пришлось в этом разочароваться».

[10] См. примеч. 2 к п. 46. Подробнее, чем Белый, рассказал о посещении Антония А. С. Петровский в письме к Метнеру от 5 октября 1903 г.; в частности: «Сначала просто беседовал, о сравнительной латинской грамматике (Fröhliche Wissenschaft!), после серьезного дифирамба научности какого-то языковеда говорил о значении букв, напр<имер>, что *а* — мужчина, *я* — женщина и т. д., притом очень метко и очень талантливо. Это часа полтора. Затем полчаса речь была иная. <…> Скажет что-нибудь, отчего, поняв, ноги подкосятся, и смотрит улыбаясь: понял ли? Однажды Бугаев попытался свернуть разговор на свою любимую тему, апокалиптич<еского> характера, как бы невзначай вставив фразу о появившихся *новых* болезнях. Антоний с хитрой улыбкой подмигнул мне и сказал: „Ишь что выдумывает. Хитрый!“, на что мне оставалось тоже смеясь подмигнуть, что и я, мол, понимаю, куда клонит: хитрый. Голос у него громкий, резкий. Очень хороши глаза. <…> Не говоря о прочем, он очень интересный собеседник» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26. «Fröhliche Wissenschaft» (*нем.*) — «Веселая наука», название книги Ф. Ницше 1882 г.). В ответном письме Петровскому от 27 октября Метнер замечал: «Ваш Антоний, может быть, и глубок, но был бы еще глубже, если бы не проходил Академии, а только Froehliche Wissenschaft» (Там же. Ед. хр. 7).

[11] Имеется в виду статья В. В. Розанова «Среди иноязычных (Д. С. Мережковский)» (Новый Путь. 1903. № 10. С. 219–245). Ранее она была опубликована (без подзаголовка) в «Мире Искусства» (1903. № 7/8). См.: *Розанов В. В.* Собр. соч.: О писательстве и писателях. М., 1995. С. 145–163.

[12] А. М. Метнер.

56. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 15 ноября 1903 г. Москва

Деловое.

Дорогой Эмилий Карлович,

У нас в Москве открываются «Весы» — журнал библиографический с критическими статьями в области науки, искусства, литературы, музыки[1]. Поляков и Брюсов просят меня передать Вам, чтобы Вы присылали им статьи о музыке, да и вообще. Дорогой Эмилий Карлович, Вам было бы удобнее писать в московском органе, чем в «Приднепровском Крае». *Главное просят о музыке.* Журнал обещает быть сериозным и широким. Участвуют: Розанов, Мережков<ский>, Гиппиус и т. д. В научный отдел войдут вероятно ученые (Умов и т. д.)[2]. Редакция будет в «Скорпионе». (Театральная площадь. Метрополь. Кв. № 23). Будет выходить с 1-го января ежемесячно.

У нас в Москве война *Скорпионов* с *Грифами.* Те и другие за фалды тащат меня к себе[3]. Просто не знаю, что делать.

Весь Ваш душевнопреданный

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет Анне Михайловне[4]. По какому поводу в «*Казанском Телеграфе*» (Поляков показывал) шуточная мистерия, где участвует Брюсов, Кашперович и я?[5] Это что-то невероятно дикое для Казани.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 28. Две пометы красным карандашом: «XXIX».

[1] Главное управление по делам печати уведомило 4 ноября 1903 г. Московский цензурный комитет о разрешении С. А. Полякову приступить к изданию журнала (см.: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 261), после чего от редакции и ближайших сотрудников последовали приглашения желательным авторам к сотрудничеству. 25 ноября 1903 г. Метнер писал А. С. Петровскому: «Участвовать в переводе Ницше мне не предлагали, но в журнале *Весы* предложили, прося статей о музыке» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7).

[2] Специальный научный отдел в «Весах» не был сформирован, соответственно и Н. А. Умов в журнале не участвовал.

[3] Конфликтная ситуация возникла в ноябре 1903 г. в связи с тем, что Брюсов, представлявший руководство «Скорпиона», потребовал от участников «скорпионовских» изданий не печататься в издательстве «Гриф». Белый подробно осветил положение дел в письме к Блоку, относящемся к первой половине ноября 1903 г., заявив: «Теперь я принял намерение непременно участвовать в „*Грифе*“. <…> „*Гриф*“ материально слабее, беспомощнее „*Скорпиона*“ и потому убивать его жестоко, да и не мое дело, ибо я ни „*Гриф*“, ни „*Скорпион*“, а человек» (*Белый — Блок.* С. 118–119).

[4] А. М. Метнер.

[5] Имеется в виду фельетон, представляющий собой пародийную стилизацию под древнерусский текст (*Отшельник Парфений.* Сказание о том, како аз ветхий искушен бысть от диавола и поставлен свидетелем того, како некий Касперович во граде Казани, сеяше плевелы декадентства, зломудренне изобучал казанския добромысленнии людие // Казанский Телеграф. 1903. № 3250, 14 ноября. С. 4): «И бысть в поучении Касперовича великая похвала новому искусству, декаденством <*так!*> именуемому, и яко доказательство похвальности его было изрядно чтено стихосложений, показано неколико картин и сыграно неколико песней на клавесине. <…> Бысть чтены и стихи. Не умудрился аз маломудрый упомнити от них ни единого, но они всетьмны и вполне декадентски, сиречь, несть в них ни цели, ни границ, ни требований разума человеча, но токмо искусство какого-то живого существа иногда сильного, но более того ноющего, больного поврежденного разумом», и т. д. Ни Брюсов, ни Белый в этом фельетоне по имени не упомянуты.

57. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

19 ноября 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 19 ноября 1903.

Дорогой Борис Николаевич!

Получили ли Вы мое письмо о Ницше?[1] Отчего не сообщаете, через кого Вы выписали Ницше? Письмо Ваше «деловое» получил. Не мало, должно быть, Вы обо мне распространялись среди своих литературных приятелей, если через Вас обращаются ко мне со столь лестными предложениями, совершенно не зная степени моей литературной и музыкальной грамотности. Позвольте Вас поблагодарить за... за такое доверие к моим слабым силам. Передайте, пожалуйста, гг. Брюсову и Полякову, что я весьма польщен их предложением и что постараюсь исполнить их просьбу о музыкальных статьях. Я должен Вас предупредить, однако, дорогой Борис Николаевич, что и вообще-то писать о музыке, не получая никаких музыкальных впечатлений, крайне трудно, в особенности же мне, лишенному к тому же всякого музыкального образования и умения. Как, напр<имер>, мне писать о Чайковском, когда я его здесь не могу услышать за отсутствием и оперы и симфонических; разобрать партитуры ни я, ни Анюта[2] — не в состоянии. — Итак, я *наверное* обещать ничего не могу, пока я в Нижнем. Что же касается моих немузыкальных статей, то они, по всей вероятности, покажутся редакторам и слишком консервативными, и слишком дилетантскими. Несмотря, однако, на это, я все-таки попробую что-н<ибудь> написать. Напр<имер>, по поводу Вашей *Теургии*, о *Ницше и Вагнере* (трагедия дружбы (?)), затем о Чайковском (в общих чертах)[3]. Еще раз *большое* спасибо! Я бы не прочь испытать свои силы в переводе Ницше. Только Вы пока об этом не говорите Брюсову...[4] Уж не обиделись ли Вы за него (***папа***)?[5] Передайте мой привет Вашей матушке. Крепко жму Вашу руку. Ваш Э. Метнер.

Анюта кланяется Вам, собирается в Москву в 20-х числах с<его> м<есяца>. — Когда Вы к нам? В январе? Жду, жду, ждем...

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 27.

Ответ на п. 56.

[1] Имеется в виду п. 55.

[2] А. М. Метнер.

[3] Сотрудничество Метнера в «Весах» ни в 1904 г., ни в последующие годы не состоялось.

[4] Коснуться темы своего возможного участия в подготовке «скорпионовского» издания Ницше (см. примеч. 6 к п. 53) Метнера, возможно, побудил А. С. Петровский, писавший ему 21 октября 1903 г.: «Что Вы скажете, дорогой Э. К., если бы Вам предложили принять участие в Скорпионовском переводе Ницше. Я, конечно, не уполномочен, но думаю, что Скорпионам Ваше участие было бы желательно. Напишите. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы тоже были при этом деле» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[5] Метнер подразумевает свои суждения по поводу заглавия книги Брюсова «Urbi et orbi» в п. 55.

58. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

21 ноября 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 21 ноября 1903.

Дорогой Борис Николаевич! Получили ли Вы мое письмо, в котором я спрашиваю Вас, через кого Вы выписываете Ницше, и, затем, последнее письмо, в котором я отвечаю Вам на переданное Вами мне приглашение *Весов*?[1] — Завтра Анюта[2] едет в Москву; быть может, Вы увидитесь с нею? — Отвечайте скорее, т<ак> к<ак> боюсь, не обиделись ли Вы на меня за Брюсова — декадентского папу![3] —

Дорогой Борис Николаевич, собираясь сказать несколько слов о Ваших симфониях в *Приднепровском Крае*[4], я прочитал снова и Вашу вторую симфонию. Она снова по-прежнему захватила меня. Сколько в ней для меня милого, милого навсегда, что бы ни произошло, как бы ни разошлись наши пути, что бы Вы ни написали в будущем. У меня нет сил и способностей письменно передать Вам то жгучее и нежное чувство, которое волновало меня при чтении в особенности тех мест, которые являются аналогами, параллелями второй темы Колиной сонаты...[5] Вторая Ваша симфония заставила меня разыскать среди Ваших писем пять вещиц opuscula*, озаглавленных «*Старинный друг*», которые Вы посвятили мне[6]. Сопоставляя их со второй симфонией и перечитывая то и другое, я погружался в атмосферу, лишенную всех

* Небольшой (*лат.*).

тех раздражающих элементов, которые приводят меня (и Колю) в неистовство и которые в таком огромном количестве присутствуют в большинстве «новых» произведений. Вы — исключение. Исключение и Блок, но уже в меньшей степени. Когда выйдут Ваши стихотворения?[7] Выдумайте мне псевдоним. До свиданья! Обнимаю Вас и жду к себе. Привет Вашей матушке. Отчего не отвечает, пишет Петровский? Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 28. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 206.

[1] Имеются в виду п. 55 и 57.

[2] А. М. Метнер.

[3] См. примеч. 4 к п. 57.

[4] Этот замысел был реализован в статье Метнера «Симфонии Андрея Белого» (Приднепровский Край. 1903. № 2023, 15 декабря; № 2024, 16 декабря. Подпись: Э.).

[5] Подразумевается Соната f-moll op. 5 Н. К. Метнера.

[6] См. п. 39, примеч. 17.

[7] Предложение издать в «Скорпионе» сборник своих стихотворений Белый получил от Брюсова в июле 1903 г., в середине августа рукопись была представлена в издательство. См.: Переписка <В. Я. Брюсова> с Андреем Белым. 1902–1912 / Вступ. ст. и публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 359–361, 363–368.

59. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 10 декабря 1903 г. Москва

Дорогой, многоуважаемый Эмилий Карлович,

Пишу Вам с радостным сознанием, что *все очень хорошо*. Сны мои расцвели цветами Вечности, и их пьяный аромат я слышу даже тогда, когда перестаю спать. Опять близится несказанная радость, весна ясная. Опять хочу осыпать себя белыми душистыми цветами — утонуть в знаменательном отсвете пунцовой, церковной лампадки. Да вот о *пунцовом* —

Не следует путать *пунцовое* с *красным* (с алым). *Пунцовое* ближе к *пурпуру*, а *пурпур* — это огонь *не злых земных страстей* (*«а вдали, догорая, дымилось злое пламя земного огня»*, Вл. Сол<овьев>)[1], а огонь Божий, который сожжет небо и землю

и отделит праведников (которым он в восхищение) от грешников (которым он воздаст за *алость* их деяний).

Вот почему я стою за символ. Символ, указывая соединением многого в одно на относительность относительного, способом от противного устремляет взоры к Вечности. Вот почему по сравнению с феноменализмом поверхностной жизни *символ* существеннее. Но и он *относителен* (ибо символ прежде всего — сравнение многого в одном *отношении*). Переход от реальности к символизму есть переход от чего-то более относительного к менее относительному: от *алости* к *пунцовости*, а уже *пунцовость* есть этап, ближе лежащий к *пурпуру*, выпавшему из спектра: пурпур «*8*»-ой цвет. На исторически-воплощенном плане *пурпур* в Ветхом Завете (см. О *юдаизме* Розанова, где указано, что Авраам нашел **меру** (пурпур) среди Содомских князей там, где Гоморра и Содом провалились (*от алости*))[2], но в Ветхом Завете слишком было трудно различать *алость* от *пурпурности*, вот и даны были соединяющие цвета в *белом и голубом*. Пурпур на исторически-воплощенном плане говорит о «*8-ом*», тогда как на символическом плане «*8-ое*» — внецветно. *Внецветное* от радости легко спутать с *черным ужасом*, *Отца* с *Пустотой*. В таком же отношении легко спутать *пурпурное* с *алым* — *Отца* — с «*Густотой*»?! (густота = серое + белое): густота = черное + белое + белое*.

пыль

Оттуда еще раз подтверждается опасность религиозных отношений к Отцу. Мне это дело представляется так: едва я забываю, что Христос — Бог мой, едва я переношу религиозное чувство свое вообще на Бога (конечно, Отца) — как из соседней двери выскакивает бородатый, лохматый старик в *охрянице* с двумя небольшими рожками из-под волос и насаживается на меня (помнится из «Трех сестер»: «Он ахнуть не успел, как на него медведь насел»[3]). Вот таким-то одержимым медведем представляется мне Ог отец (т. е. Бог без «Б», т. е. искаженное благодаря моей незоркости относительно пурпурного (ибо его нет в спектре) и алого (которое налицо) имя Бога. Некоторое лингвинистическое соображение: «*Ог*» для силы удвояется: «*Огого*» или *Огыга*. Бог Отец

* *Надписано*: черное • белое.

вне Христа может в конце концов подмениться Огыгой Пеллевичем Кохтик-Ррогиковым из Вечных Боязней[4]. Пролагаю на цвета: пурпурное я незаметно подменяю *алым* и затем вместо того, чтоб из *алого* выбраться к *розовому* (Душа мира; карамель, пахнущая розовым маслом, и т. д.), я удаляюсь прочь от света. Слой *серой* пыли между мной и источником света увеличивается, и то, что казалось красным, теперь кажется *желто-шафранно-бурым*. Несомненно, что Огыга из желто-шафранных болот ужаса. Кстати: А. Блок, которому я послал карточку Огыги, прислал мне в ответ стихотворение, полное ужаса. Он за *Огыгу* принимает... Иммануила Канта[5] — ***он, а не я, Эмилий Карлович***!..

Итак, воплощение до физической перемены (до Конца) ужасно рискованно т. е. просто «*ужасно*». А следовательно *символ*, наше единственное знамение о Христе, еще все-таки относителен, т. е. аскетичен (ибо он, как всякий аскетизм, средство, становящееся целью). Потому-то и проклята алость, что это ненужно-аскетический нарост на аскезе символизма. Жизненность в *алом* смысле — аскетизм аскетизма, и вся борьба с нею именно сводится к борьбе с аскетизмом. Цель нашей культуры — расположить символы в систему, при этом может меняться *и* порядок символов *и* содержание их, т. е. расположение догматов и степень углубления в них в нашей власти, хотя количество догматов-символов неизменно. Вот в чем должна заключаться дозволенная свыше *реформа* Христианства.

В Элевзинских мистериях[6] системой символов участники (мисты) приводились в экстаз, и тогда у них бывало *общее виденье, непостижное уму*[7]. Они соединились с Богом и были Богами. Не в этом ли путь эволюции нашего современного символизма? Не должны ли мы ждать Элевзинских религиозно-христианских мистерий — Тайных Вечерь «Приимите и я дите...» и т. д. Ведь сущность — все та же. И это не теургия еще, а символизм, засквозивший ею.

Недавно видел сон.

Знакомое, вечное, сонное место: оно — как будто усадьба, как будто — имение. Одна часть дома как будто выходит в угрюмо-запущенный сад. Другая часть дома — разделена от *мирового шоссе* несколькими саженями душистой, пряной травой. У стола стоит

покойный отец, как бы провожающий меня в путь. Он остается дома, а я из окна выпрыгиваю в густую траву, чтоб перейти на шоссе, опоясывающее весь мир. Чувство знакомой, когда-то испытанной грусти, чувство расставания с отцом, который не умер и никогда не умрет. Он останется дома, но сам этот дом у самого *мирового шоссе*, и я, странствуя по всему миру, не забуду, что не схожу с того самого шоссе, которое пересекает родные места. Весь я смеюсь и тону в траве, подхожу к шоссе; ветер свистит в уши: «Началось — вернулось». На горизонте сладкий бархат небесных персиков, а выше — бледные пятна душистых лимонов.

Возвратилось.

Дорогой Эмилий Карлович — будет ли тот день, когда все мы вместе с котомками за плечами потянемся вдоль мирового шоссе, убегающего к горизонту, оттуда ветер принесет аромат оранжевых, закатных персиков и бледных лимонов? Или это будет «*там*»? Но это будет.

Привожу стихотворение Блока, где выражено настроение моего сна:

Погружался я в море клевера,
Окруженный ласками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Указал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоет, заалеет пыль…
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — быль[8].

Вот еще из Блока:

Мой месяц в царственном зените,
Ночной свободой захлебнусь
И там — в серебряные нити
В избытке счастья завернусь.

Навстречу страстному безволью
И *только будущей* Заре —
Киваю синему раздолью,
Ныряю в темном серебре…

На площадях столицы душной
Слепые люди говорят:
— Что над землею — Шар воздушный.
— Что под луной? — Аэростат.

А я — серебряной пустыней
Несусь в пылающем бреду.
И в складки ризы темно-синей
Укрыл Любимую Звезду[9].

Вот еще:

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел — и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Но никто не слыхал ничего.
Все визжали неистово, как звери.
А один, сам не зная отчего, —
Качался и хохотал, указывая на него
И на девушку, вошедшую в двери.

Тогда она уронила платок,
И все они — в злобном усильи —
Как будто поняв какой-то намек,
Разрывали с визгом каждый клочок
И окрасили кровью и пылью.

Когда все опять подошли к столу,
Притихли и сели на место,
Он указал им на девушку в углу
И звонко сказал, пронизывая мглу:
«Господа! Вот моя невеста».

И вдруг тот, кто качался и хохотал,
Бессмысленно протягивая руки,
Прижался к столу, задрожал, —
И все, кто прежде безумно кричал,
Услышали плачущие звуки[10].

Как Вам нравится? По-моему, ужасно сильно. И это я Вам посылаю без выбора. Есть гораздо лучше, и меня подмывает переписать еще что-нибудь из Блока. Но теряюсь в выборе. Лучше уж, если буду в Нижнем, привезу Вам стихов Блока. Дорогой Эмилий Карлович, знаете ли, что я послал в «*Скорпион–Весы*» грозный и непреклонный ультиматум, грозя выйти из «*Скорпиона–Весов*»[11] — почему, это я Вам напишу лучше в другой раз — длинно, и неинтересно. Если они не смирятся перед моим ультиматумом, безвозвратно покидаю «*Скорпион*» и «*Весы*» (хотя мне и негде будет писать), где я усмотрел некоторую <?> *стадность* и *баронство* — правда, в *потенциале*. Но против *потенциала*-то тем сильнее я восстаю. Не получал еще ответа на «*ультиматум*». Мне грустно выходить из «*Скорпиона*» и «*Весов*». «*Скорпион*» мне любезен, а на «*Весы*» я лично *уповаю очень* — но вынужден *так* поступать, ибо борюсь за собственную «*партийную независимость*». Присылайте статьи в «*Весы*»! Бога ради простите за Ницше. Бестактность моя по отношению к Вам имеет смягчающие причины (длинно писать — но верьте мне). Ужасно сожалею, что пришлось мало видеться с Анной Михайловной[12]. Передайте ей, что я не мог <в> воскресенье[13] быть у нее, так как в полугодовой день смерти отца мне пришлось до 12½ быть в университетской церкви, а потом ехать в Девичий Монастырь[14], откуда совершенно усталый я вернулся только в три часа. Христос с Вами, дорогой Эмилий Карлович.

Пишите.

Ваш Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне.

P. P. S. Едва написал Вам письмо, как пришел Брюсов извиняться, а также и укорять меня в совершенном ужасе. Оказывается, что я произвел переполох не на шутку в «*Скорпионе*», так что они отправили в Петербург «*Новому Пути*» и «*Миру Искусства*» жалобы на мое поведение и просьбу повлиять на меня и изменить мое намерение бросить «*Скорпион*» и «*Весы*»[15]. Мы, конечно, помирились[16].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 29. Три пометы красным карандашом: «XXX». Фрагменты опубликованы: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 208.

[1] Заключительные строки стихотворения «Вся в лазури сегодня явилась...» (1875). См.: *Соловьев.* С. 61.

[2] Белый имеет в виду главу III книги В. В. Розанова «Юдаизм», начатой печатанием в № 7 «Нового Пути» за 1903 г., где, однако, цветовые параллели не проводились. См.: *Розанов В. В.* Собр. соч.: Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. М.; СПб., 2009. С. 15–16.

[3] Слова Соленого («Три сестры», действие 1-е) — неточная цитата из басни И. А. Крылова «Крестьянин и Работник». См.: *Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1987. Т. 13. С. 125.

[4] См. примеч. 1 к п. 50.

[5] Имеется в виду стихотворение «Сижу за ширмой. У меня...», присланное Белому при письме от 8 или 9 ноября 1903 г. (*Белый — Блок.* С. 113–114). В письме к Белому от 20 ноября 1903 г. Блок признавался, что пишет «о том же, о чем прежде, и даже об Иммануиле Канте, как оказалось впоследствии из анализа стих<отворения> „Сижу за ширмой“»; далее следуют игровые вариации на тему «анализа»: «какой-нибудь морщинистый Кантик, или напротив — Кантище на соломенной табуретке» (Там же. С. 121). В печатном тексте стихотворению предпослано пояснительное примечание: «Иммануил Кант» (*Блок.* Т. 1. С. 162, 603–604 (комментарии З. Г. Минц)).

[6] Элевсинские мистерии — ежегодные религиозные празднества в честь Деметры и Персефоны в городе Элевсин (Древняя Греция).

[7] Образ из стихотворения Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829).

[8] Список с автографа, присланного Блоком С. М. Соловьеву вместе с письмом от 8 октября 1903 г. (см.: *Котрелев Н. В.* Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 234; *Блок.* Т. 1. С. 147–148).

[9] Текст приводится по автографу, присланному Блоком Белому при письме от 13 октября 1903 г. (см.: *Белый — Блок.* С. 103; *Блок.* Т. 1. С. 160).

[10] Список с белового автографа (ГЛМ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2 — 2 об. (оф 4781)). См.: *Блок.* Т. 1. С. 141–142, 322–323.

[11] Текст этого «ультиматума» Белого не сохранился. Конфликт был обусловлен противостоянием между издательствами «Скорпион» и «Гриф» (см. п. 56, примеч. 3). «Ультиматуму» предшествовал инцидент, описанный Брюсовым в письме к П. П. Перцову от 5 декабря 1903 г.: «У нас серьезная и тягостная распря. Андрей Белый решительно и, кажется, окончательно ушел из „Скорпиона" в „Гриф" и даже не хочет участвовать в „Весах". <…> Подуськанный Бальмонтом, Белый пришел в „Скорпион" и потребовал назад „3-ю Симфонию" и рассказ, которые раньше *отнял* у Грифов. <…> Разумеется, я рассердился очень и сказал ему довольно много злого и обидного. <…> Прибавил, что все равно какое-нибудь „слово" Белый да нарушит (он об этом очень тосковал), ибо если Грифу он клялся *печататься* у него, то нам не менее торжественно, и при свидетелях, клялся *не печататься* у Грифа. Белый ангелочек с демонскими крылышками обиделся совсем и — теперь окончательный разрыв <…>» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 373). В ответ на «ультиматум» Брюсов написал Белому (5 декабря 1903 г.) письмо, в котором призывал его отказаться от принятого решения, добавив по поводу своих «обидных слов»: «Перед Вами извиниться мне не будет стыдно никогда и не будет никогда унижением» (Там же. С. 372), — но оно не было отправлено адресату.

[12] А. М. Метнер приезжала из Нижнего Новгорода в Москву на несколько дней (см. п. 58).

[13] 30 ноября.

[14] Н. В. Бугаев был похоронен на территории Новодевичьего монастыря.

[15] В цитированном выше письме Брюсов предлагал Перцову обратиться к З. Н. Гиппиус с просьбой о воздействии на Белого: «Не может ли хоть Зинаида Николаевна приструнить белого мальчика с Арбата?» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 373).

[16] Брюсов записал об этом визите: «…мы умилительно примирились» (*Брюсов Валерий*. Дневники. С. 134). Реальным последствием этого инцидента стало неучастие Белого в очередном альманахе «Скорпиона», готовившемся в 1904 г., но вышедшем только в 1905 г. («Северные цветы ассирийские»).

60. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

13 декабря 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 13 декабря 1903.

Милый! Дорогой Борис Николаевич. Сегодня получил Ваше письмо. Давно Вы не писали. Вы не выставляете даты. Но вспомните последнее Ваше письмо — *деловое*, в котором Вы предлагаете мне писать для *Весов*[1]. — За этот промежуток я написал Вам два

или три письма; не помню. Анюта[2] сказала мне, что Вы будто отвечали мне, между тем, кроме сегодняшнего письма, я ничего не получал. Простите, дорогой Борис Николаевич, что я говорю о мелочах. Я питаю какое-то отвращение к мысли о потере моих писем или писем, адресованных ко мне. Вот почему я усвоил себе максиму в начале письма уведомлять моего корреспондента о получении его письма, а на своем письме выставлять дату. Признаюсь, на этот раз я почему-то ждал, что Вы скорее отзоветесь хотя бы «деловым» письмом по поводу выписанного собрания сочинений Ницше и по поводу моего участия в *Весах* и в предприятии перевода Ницше на русский язык. Получили ли Вы то мое письмо, где я шутя предлагаю Вам выдумать для меня псевдоним?..[3] Какова судьба собрания сочинений, выписанного из-за границы?.. Не подумайте, дорогой Борис Николаевич, что я сержусь на Вас. Вы принадлежите к тем немногим, слишком немногим, на которых я неспособен негодовать даже по более важному <...>* Настоящее мое письмо чисто внешнее. У меня гостит моя мама[4], с которой я не виделся *целый год*. Вы понимаете! Когда она уедет, я напишу подробнее и «центральнее». А теперь вот что. Есть у Вагнера эстетический трактат *Kunstwerk der Zukunft*[5] (художественное произведение будущего; искусство будущего; как лучше?). Этот небольшой трактат в несколько более популярном изложении содержит почти то же, что более громоздкая и специальная *Oper und Drama*[6]. Трактат написан в 1850 г., влияние его на *Geburt der Tragoedie* и на *Richard Wagner in Bayreuth*[7] — несомненное. Русского перевода, насколько мне известно, не существует. Думаю, что нелишне было бы *Весам* познакомить публику с философемою вагнеризма. Если *принципиально* редакция со мною согласна, я не прочь сделать попытку перевести эту книгу[8]. Объем ее: 230 стр. довольно крупной готической печати, in VIII-o. Что касается моих статей, то наверное я обещать не могу, но если напишется нечто менее несносное, то пошлю. Кстати: я не шутя думаю о псевдониме. Как цензору мне неудобно подписываться настоящим именем; как музыкальному невежде и брату музыкантов также неудобно выставлять свое

* *Часть листа с текстом оторвана.*

имя под статьями, где речь идет о музыке. Получили ли Вы то мое письмо, где я пишу, что вновь перечитал Вашу драматическую симфонию и стихи, мне посвященные?[9] Еще раз опять повторяю, что просто влюблен в эти Ваши opus'ы. — Мамочка рассказала мне, что Коля как-то был у Вас, просидел до двух часов ночи и возвратился домой совсем зачарованный Вашей беседой... Мне он почему-то не написал о том, что навестил Вас. Но в одном из последних его писем (вообще редких и кратких) содержится следующая приблизительно фраза: «не так давно для меня впервые стало ясно, до какой степени талантлив Борис Николаевич»[10]. Думаю, что он имел в виду эту беседу с Вами, проложившую ему дорогу к пониманию Ваших произведений, с которыми он ведь знаком был и раньше... Я страшно рад, что между Вами и им устанавливается modus vivendi*... Я боялся, что отсутствие философского образования у Коли и музыкального у Вас станет нерушимою стеною на пути более близкого понимания... Дорогой Борис Николаевич! Будьте снисходительны с Колей и выражайте ему свои мысли возможно конкретнее, выпуклее и проще... В заключение выражаю Вам мою радость как по поводу того, что «все очень хорошо», так и того, что «символ наше единственное знамение». *Вы выздоровели.* Вы снова в том настроении радостного и спокойного ожидания, в каком я желал бы Вас всегда видеть. Долой напряженность! Соблазн «обольщения» <?>, самочинное вмешательство в непреклонный ход мистических событий и прочие грехи суетливости, суеты, неритмичности. — Крепко жму Вашу руку. Ваш Э. Метнер.

Memorandum. Ждем Вас обязательно в Нижний гостить надолго.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 29.

Ответ на п. 59.

[1] Имеется в виду п. 56.

[2] А. М. Метнер.

[3] Имеется в виду п. 58. Впоследствии, уже по возвращении в Москву, Метнер по совету Белого избрал себе псевдоним «Вольфинг». См.: *НВ*. С. 94.

[4] Александра Карловна Метнер.

---

* Способ существования (*лат.*).

[5] «Художественное произведение будущего» (1850).

[6] Трактат Рихарда Вагнера «Опера и драма» (1851).

[7] «Рихард Вагнер в Байрёйте» (1876) — четвертая часть книги Ницше «Несвоевременные размышления».

[8] Это намерение осталось неосуществленным.

[9] Имеется в виду п. 58.

[10] Имеется в виду письмо Н. К. Метнера к Э. К. Метнеру от 22 октября 1903 г., в котором говорится: «На днях я был у Бугаева и он говорил... Знаешь, я только именно на днях понял, до какой степени он талантлив» (*Метнер*. С. 52).

61. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

18 декабря 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 18 декабря 1903.

Снова пишу Вам, дорогой Борис Николаевич, и опять пустяшное письмо. Высылаю Вам начало моей статьи о Ваших симфониях[1]. Берегите ее от зоркого глаза консерватора и насмешника Поповского...[2] а также и от других. Странное дело! Знаете, почему я внезапно решил выслать Вам эту статью? Вовсе не потому, что она трактует о Ваших произведениях; были и другие статьи о *Северных Цветах*, *Новом Пути*, *Грифе*, в которых я также касался продуктов Вашего творчества, отнюдь ***не*** (потому) для того я посылаю Вам эту статью, чтобы Вы показали ее Скорпионщикам; тогда я рекомендовал бы Вашему вниманию скорее статьи о Мережковском и о *Новом Пути*[3]. А посылаю я Вам эту статью потому, что я страшно обозлился на опечатки и в особенности на перестановку абзацов (см. красный и синий карандаш) — учиненные приднепровской типографией: зло мое еще не прошло и я не могу установить психологической связи между типографскими погрешностями и внезапно возникшим намерением отправить эту статью Вам, вопреки прежним своим решениям. Мне наступили на мозоль, и я, вскрикнув от боли, выкрикнул то, о чем хотел было умолчать. Может быть, так, а может быть, иначе; не могу знать! Возможно, что просто черт попутал. Присутствие последнего я иногда ясно ощущаю, когда впадаю

в гневное состояние... Утешаюсь мыслью, что нет худа без добра! Думаю, что теперь мне будет легче дать Вам прочесть то или иное из моих газетных словоизвержений. Ледяная кора треснула... Будьте снисходительны и не упускайте из виду, что статья написана для «приготовишек». Я мог бы и «центральнее». Получили ли Вы мое письмо, в котором я говорю о *Kunstwerk der Zukunft* Вагнера?[4] *Жду Вас обязательно к себе гостить надолго.* Анюта[5] кланяется и приглашает. Передайте мой искренний привет Вашей матушке. Желаю радостного сочельника. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 30.

[1] К письму приложена газетная вырезка с первой половиной статьи Метнера «Симфонии Андрея Белого» (Приднепровский Край. 1903. № 2022, 15 декабря. Подпись: Э.); в текст внесены рукописные поправки. Статья переиздана в кн.: Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников / Антология. СПб., 2004. С. 39–53.

[2] Подразумевается А. С. Петровский, послуживший прообразом Поповского, персонажа «Симфонии (2-й, драматической)» Белого.

[3] См.: Э. <Метнер Э. К.> «Новый Путь» // Приднепровский Край. 1903. № 1703, 13 января. С. 4; Э. <Метнер Э. К.> «Новый Путь (Январь и февраль 1903)» // Приднепровский Край. 1903. № 1753, 7 марта; № 1756, 10 марта. См. также примеч. 20 к п. 53.

[4] Имеется в виду п. 60.

[5] А. М. Метнер.

62. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

21 декабря 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 21 декабря 1903.

Дорогой Борис Николаевич. Опять и опять я пишу Вам. Опять и опять «внешнее» письмо. Посылаю Вам окончание статьи[1]. Можете оставить обе вырезки себе, т<ак> к<ак> мне вышлют другие экземпляры. Не осудите меня за несколько позитивно-поверхностное объяснение «беспредметной скуки»[2]: повторяю, статья носит гимназический характер, ибо писана для газетно-провинциальных читателей, т. е. для приготовишек в деле «нового искусства». Третьего дня я отправил Вам письмо с первым фельетоном.

Получил сегодня *Новый Путь* (декабрь). Обратили внимание на список подписчиков журнала?[3] Если не считать Петербурга и Москвы, то *Екатеринослав* по числу подписчиков (72) занимает первое место после Киева (76). Льщу себя надеждой, что мои зазывательные статьи о *Новом Пути* в Екатеринославской газете (*Придн<епровский> Край*) сыграли некоторую роль в деле увеличения этой цифры[4]. «И мы пахали!»[5]

Молчит Алексей Сергеевич; ничего не отвечает мне на письмо[6]. Погряз в волтерианстве.

Приближается Рождество и день рождения Коли[7], который ухитрился появиться на свет в 8 ч. вечера 24 декабря 1880 г… —

Я жду его к 26 или 28 декабря. Произойдет генеральная музыкальная баня. —

Боюсь отупеть без музыки окончательно.

Напишите, когда Вы предполагаете собраться в Нижний?

Обращаю Ваше внимание теперь, когда Вы находитесь в самой (с моей точки зрения) здоровой полосе, на тот отдел стихотворений Гёте, который озаглавлен *Gott und Welt**. В первом же стихотворении (Prooemion) Вы найдете след<ующую> сейчас Вам столь родную мысль.

Und deines *Geistes* hoechster Feuerflug
Hat schon am *Gleichnis*, hat am Bild genug…[8]

Кант не Огыга, как думает Александр Блок[9]; Кант не «сухой теоретик», как думает некто Вершинский (см. Литературную хронику. Декабрь. *Новый Путь*)[10]. Кант — ***единственный*** философ чистой воды, без примесей пророческих поэтических публицистических и т. д. Как философ Кант отнюдь не законодатель для жизни… Впрочем, осталось мало места и времени. Скажу только,

---

* «Бог и мир» (*нем.*).

что никакого «ужаса» и никакой «сухости» я в Канте не вижу. *Ужаса* гораздо больше у Шопенгауэра и Ницше, *сухости* у Влад. Соловьева и в патристике. Кроме того, не надо забывать, что Кант совершил только первую половину своего труда, *критическую*. — До свиданья. Желаю Вашей матушке и Вам радостных праздников. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 31. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 209–210.

[1] См. п. 61, примеч. 1. К письму приложена газетная вырезка со второй половиной статьи Метнера «Симфонии Андрея Белого» (Приднепровский Край. 1903. № 2023, 16 декабря. Подпись: Э.).

[2] Метнер имеет в виду следующий фрагмент из своей статьи: «„Беспредметная скука", „беспредметная нежность" — два производных мотива, два разветвления (как бы минорное и мажорное) основного мотива Вечности. Sub specie aeternitatis действительность — скучна; идея вечности как причина этой „нуменальной" скуки — вот первая ступень минор, отречение, пессимизм; но можно идти дальше, сон сжигает действительность, грезы — и между ними самая затаенная; „опять возвращается", — становится реальностью <…> минор побеждается мажором, но опять-таки не поверхностным, бессодержательным, беспечальным и потому самодовольным, а таким, в торжествующем движении которого слышится вся былая скорбь, уступившая место радости» (Андрей Белый: pro et contra. С. 51).

[3] В «Списке подписчиков журнала „Новый Путь"» (1903. № 12. С. 225–226) зафиксировано всего 2558 подписчиков (список не персональный, а суммарный с указанием городов, губерний и стран); Екатеринославскую губернию на четвертом месте опережают Санкт-Петербург (445 подписчиков), Москва (247) и Киевская губерния (76).

[4] См. примеч. 3 к п. 61.

[5] Басенный сюжет, впервые разработанный Эзопом и Федром, использованный Ж. Лафонтеном и И. А. Крыловым; в басне Пьера Вилье, переведенной И. И. Дмитриевым («Муха», 1805), ответ Мухи, сидевшей на рогах Быка с плугом, другой Мухе: «Откуда ты, сестра?» «Откуда? — мы пахали!» (*Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 205 («Библиотека поэта». Большая серия)).

[6] Метнер подразумевает свое письмо к А. С. Петровскому от 25 ноября 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7).

[7] Н. К. Метнер.

[8] Цитата из стихотворения Гёте «Prooemion» («Im Namen dessen, der sich selbst erschuf…», 1817), вступительного к циклу «Gott und Welt». В переводе Н. Вильям-Вильмонта: «И пусть твой дух как пламя вознесен, // Подобьями довольствуется он».

[9] См. п. 59, примеч. 5.

[10] Речь идет о помещенной под рубрикой «Литературная хроника» статье В. Вершинского «Еще об идеализме. Письмо в редакцию» — полемическом отклике на статью Д. В. Философова «Проповедь идеализма» из № 10 «Нового Пути» за 1903 г.; здесь подразумевается фраза из статьи Вершинского: «Конечно, содержание человечности необязательно понимать так, как понимал ее сухой теоретик Кант» (Новый Путь. 1903. № 12. С. 198).

63. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

28 декабря 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 28 дек. 1903.

Радостных праздников и счастливой встречи нового года Вашей уважаемой матушке и Вам желает Э. Метнер.

Анюта[1] приветствует Вас.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 32. Открытка с рисунком, стилизованным под древнеегипетские изображения: Raphael Kirchnen «Les Cigarettes du Monde V». Khe-di-va.

[1] А. М. Метнер.

64. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

29 декабря 1903 г. Москва

Москва. Декабря 29-го 03 года.

Дорогой Эмилий Карлович,

С удивлением узнаю, что Вы не получали двух моих писем (небольших), где я подробно отвечал на предложенные Вами вопросы. Пишу еще раз. 1) Относительно сочинений Ницше я только попросил Вашего согласия, а не категорически решился сам переслать их Вам: да и то, это я сделал по усиленной просьбе «*Скорпиона*». Дело было так: дня за два до отъезда за границу Семенов предложил переслать из Лейпцига каким-нибудь образом полное собрание сочинений Ницше[1]. Зная, что Вы цензор, «*Скорпионы*» тут же убедительно просили меня взять на себя

дерзость выписать через Вас. И так как в это время они, должно быть, забыли о трудностях, а я тоже не знал, то и произошла эта путаница. Что же касается Ницше, то я, право, не знаю — выслал ли Семенов его, или нет. С Поляковым я говорил, но он пробурчал что-то неопределенное и обещал дать подробные сведения потом, так что сейчас я ничего не знаю.

2) «*Весы*» очень рады Вашему участию, просят статей все равно каких. Письмо же о Вашем псевдониме получил и ответил (Вы его не получили, очевидно). Ужасно трудно выдумать псевдоним. Предлагаю Вашему вниманию и внутренне краснею за бедность вымысла: Lucifer, Ingifer <?>, Signifer, Lictor, Тирский, Пантерин, Светозаров и т. д.

3) Что касается перевода Ницше, то это теперь еще вопрос отдаленного будущего, еще не выясненный. Вы позволите мне передать Брюсову Ваше желание участвовать в переводе? Согласно Вашему пред-предыдущему письму, я пока еще не говорил ему ничего. 4) О Вашем намерении переводить «*Kunstwerk der Zukunft*» еще не передавал (эти дни я болен — у меня разболелись зубы, жар, недомогание и бессонница, так что никуда не выходил). В понедельник[2], по всей вероятности, я пойду в «*Скорпион*» и сообщу о Вашем намерении.

Дорогой Эмилий Карлович, ужасно жалею, что не виделся продолжительней с Анной Михайловной[3]. Буду стараться попасть в Нижний к Вам во втором полугодии, но это далеко не будет зависеть от меня, так что не сетуйте, пожалуйста.

Подписка на «*Весы*» ужасно плохо подвигается[4]. Не сообщите ли Вы в Нижнем о сем, обещающем быть интересным, журнале. Если нужно, могу Вам переслать несколько пачек объявлений.

5) Последнее формальное сообщение: я не виноват, Эмилий Карлович, что делаюсь перекрестным пунктом для сообщения Вам всевозможных нудностей; вот в чем дело: есть у меня знакомый, Павел Николаевич Батюшков — теософ и «*святой*» (буквально), жизнь которого в настоящую минуту — подвиг; вот почему я не могу ему прямо отказать, а потому лучше Вы отрежьте мне прямо: *не надо, не хочу*... Так я ему и передам. Он просит Вас убедительно подписать прилагаемый лист[5]. Сюда же присоединяет просьбы и А. А. Ланг. Вот и всё.

Чтобы уже докончить о деле, спешу упомянуть еще об одном пункте: теперь (сегодня 29<-го>) виделся с Брюсовым и говорил о Вашем намерении переводить для «*Весов*» трактат Вагнера. Брюсов просил меня передать Вам, что статья в 230 страниц представляет нечто слишком объемистое для «*Весов*», а вообще переводы желательны, особенно недавно вышедших статей. Кроме того Брюсов просил меня Вам передать, что очень желательны Ваши статьи, и не позволите ли Вы объявить Вас (или Ваш псевдоним) в числе сотрудников «*Весов*». Далее: прилагаю при сем воззвание книжного магазина Н. Лидерта о Ницше[6]. Очень просит Вас «*Скорпион–Весы*» обозначить число томов полного собрания сочинений Ницше, и так как точное количество томов неизвестно (около 10-ти), то просит выставить 17 томов, полагая, что недостающие томы магазин пополнит другими книгами. Вот документальная передача слов Брюсова.

Дорогой Эмилий Карлович, спасибо за присланные статьи об Андрее Белом. Читал с интересом и краснел, краснел за то, что Вы меня не по заслугам хвалите. Очень спасибо. Напоминаю Вам о моей давней просьбе, которую Вы не хотите уважать: указать мне или №№ «Приднепровского Края», где есть Ваши статьи, или на время прислать мне их, ибо я хочу учиться ——— ибо я хочу учиться. (Видите, даже в тон Заратустры впадаю).

Как хотелось бы мне побеседовать с Вами, Эмилий Карлович (ибо я писать разлучился и упорно никому почти не могу писать). Думаю побывать у Вас в Нижнем не ранее февраля. В Москве у нас теперь очень мило. «Грустно-задумчивая» радость ждет — притаилась. Как часто удается теперь мне подслушать вздохи счастья у разных лиц, «чающих» мира. Знаете ли, Эмилий Карлович, что если бы в Москве когда-нибудь было *дело*, то оно началось бы неожиданно, легко, без потуг, и просто. А *ведь оно* — слышу — крадется вместе с миром и счастьем. Если я так позволяю себе говорить, так это потому, что «*жизнь*», которая скрыта в *жизни* в иных из своих глубинных переживаний, опережает ожидания, настигая врасплох. И неожиданные шутки подкравшихся снов — шутки, переплеснувшие в действительность, — они-то и вызывают *вздохи белого счастья*.

Посылаю свои стихотворения.

I. *Пять стихотворений* (посвящается Эллис)[7].

1.

Он был пророк.
Она — сибилла в храме.
Любовь их, как цветок,
Горела розами в закатном фимиаме.

Под дугами его бровей
Сияли взгляды
Пламенносвятые.
Струились завитки кудрей —
Вина каскады
Пеннозолотые.

Как облачко, закрывшее лазурь,
С пролетами лазури
И с пепельной каймой —
Предтеча бурь —
Ее лицо, застывшее без бури,
Волос омытое волной.

Сквозь грозы
И напасти
Стремились, и была в чертах печальных
Нега.
Из багряницы роз многострадальных
Страсти
Творили розы
Снега.

К потокам Стикса приближались.
Их ветер нежил, белыми шелками
Вея —
Розовые зори просветлялись
Жемчугами —
— Умирали, ласково бледнея.

2.

На башнях дальних облаков
Ложились мягко аметисты.
У каменистых берегов
Челнок качался золотистый.

Диск солнца грузно ниспадал
Меж тем как плакала сибилла.
Средь изумрудов мягко стлал
Столбы червонные берилла*.

Он ей сказал: «Любовью смерть
И смертью страсти победивший,
Я уплыву, и вновь на твердь
Сойду, как бог, свой лик явивший».

Сибилла грустно замерла
Откинув пепельный свой локон.
И ей надел поверх чела
Из бледных ландышей венок он.

Но что их грусть перед судьбой!
Подул зефир. Надулся парус.
Помчался челн. И за собой
Рассыпал огненный стеклярус.

3.

Тянулись дни. Он плыл и плыл.
От берегов далеких Стикса,
Всплывая тихо, месяц стыл
Обломком матовым оникса**.

Чертя причудливый узор,
Лазурью нежною сквозили
Стрекозы бледные. И взор
Хрустальным кружевом повили.

---

* Берилл — бледнозолотистый камень. (*Примеч. Белого*).

** Беломатовый камень. (*Примеч. Белого*).

Вспенял крылатый, легкий челн
Водоворот фонтанно-белый.
То здесь, то там средь ясных волн
Качался лебедь онемелый.

И пряди длинные кудрей,
И бледнопепельные складки
Его плаща среди зыбей
Крутил в пространствах ветер шаткий.

4.

И била времени волна.
Прошли года. Под сенью храма
Она состарилась одна
В столбах лазурных фимиама.

Порой, украсивши главу
Венком из трав благоуханных,
Народ к иному божеству
Звала в глаголах несказанных.

В закатный час, покинув храм,
Навстречу богу шли сибиллы.
По беломраморным щекам
Струились крупные бериллы.

И было небо вновь пьяно
Улыбкой дальнею закатов.
И рдело золотом оно
И темным пурпуром агатов[8].

5.

Забыт теперь, разрушен храм.
И у дорической колонны,
Струя священный фимиам,
Блестит росой шиповник сонный.

Забыт алтарь, и заплетен
Уж виноградом диким мрамор.
И вот навеки иссечен
Старинный лозунг: «Sanctus amor».

И вот, что было, не прошло.
Я там стоял, оцепенелый*;
Глядясь в дрожащее стекло,
Качался лебедь соннобелый.

И солнца диск почил в огнях.
Плясали бешено на влаге,
На хризолитовых струях
Молниеносные зигзаги.

«Вернись наш бог» молился я
И вдалеке белелся парус.
И кто-то, грустный, у руля
Рассыпал огненный стеклярус[9].

Поединок

Из дали грозной Тор воинственный
Грохочет в тучах.
Пронес огонь — огонь таинственный
На сизых кручах.
Согбенный викинг встал над скатами,
Повитый флером,
Горел сияющими латами
И спорил с Тором.
Бродил по облачному городу,
Трубил тревогу.
Вцепился в огненную бороду
Он Тору — богу.
И ухнул Тор с размаху молотом
По латам медным,
Обсыпав шлем пернатый золотом
Воздушно-бледным…

. . . .

«Швырну расплавленные гири я
С туманных башен»…
Вот мчится в пламени валькирия.

* *Было*: Я там стоял, преображенный;

Ей бой не страшен.
На бедрах острый меч нащупала
С протяжным криком,
Промчалась с облачного купола,
Сияя ликом.
Ослепший викинг встал над скалами,
Спаленный богом.
Трубил печально над провалами
Загнутым рогом.
Сердитый Тор за белым глетчером
Укрылся в туче.
Леса пылали ясным вечером
На дальней круче.

Извивы лапчатого пламени,
Танцуя, блещут.
Так клочья палевого знамени
В лазури плещут[10].

Христос с Вами, дорогой Эмилий Карлович! Простите убогость письма. Нем и безглаголен.

Остаюсь любящий и искренне преданный

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне и Николаю Карловичу[11].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 30. Четыре пометы красным карандашом: «XXXI».

Ответ на п. 60–62.

[1] Речь идет об издании сочинений Ницше, предпринятом в лейпцигском издательстве К. Г. Науманна (см. примеч. 7 к п. 53). М. Н. Семенов, один из учредителей издательства «Скорпион», был причастен и к замыслу «скорпионовского» полного собрания сочинений Ницше; в частности, в письме к Брюсову из Флоренции от 13 декабря 1903 г. сообщал, что посетил Д. В. Викторова, «который согласен переводить Ницше, но хотел бы взять „Jenseits“ и „Götzendämmerung“» (*Семенов М. Н.* Вакх и Сирены. М., 2008. С. 490. Публ. Н. А. Богомолова и В. И. Кейдана. Упомянуты книги Ницше «По ту сторону добра и зла» («Jenseits von Gut und Böse») и «Сумерки идолов»).

[2] 5 января 1904 г.

[3] См. примеч. 11 к п. 59.

[4] В 1904 г. на «Весы» подписались 670 человек (см.: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 273).

[5] Каково содержание прилагавшегося к письму документа, неизвестно.

[6] Это объявление при письме отсутствует. Книжный магазин Николая Федоровича Лидерта — Петровские линии, дом Якунчикова.

[7] Это стихотворение в пяти частях впервые опубликовано под заглавием «Предание» в «Альманахе „Гриф“» (М., 1904. С. 5–8), под тем же заглавием и с посвящением С. А. Соколову вошло в книгу Белого «Золото в лазури» (С. 154–159). См.: *СП — 1.* С. 144–147.

[8] Вариант («Золото в лазури») — строфа IV, ст. 4: «и темным пурпуром гранатов».

[9] Вариант («Золото в лазури») — строфа III, ст. 4: «качался лебедь сонный, белый».

[10] Впервые опубликовано (без ст. 17–24, с вариантами строк) в «Альманахе „Гриф“» (С. 3–4); вошло в книгу Белого «Золото в лазури» (С. 115–116) с делением на четверостишия и на две части (2-я — со ст. «Ослепший викинг встал над скалами»), с вариантами строк — ст. 6: «над темным бором»; ст. 13: «И ухнул Тор громовым молотом»; ст. 23: «помчалась с облачного купола»; ст. 31: «Леса пылают ясным вечером». См.: *СП — 1.* С. 127–128.

[11] А. М. Метнер и Н. К. Метнер.

1904

65. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

6 января 1904 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 6 января 1904 года.
(Поправлено мною 25 марта 1906 г.)*

Дорогой Борис Николаевич!

Очень жаль, что Ваши письма не дошли. Получили ли Вы мою египетскую открытку?[1] Ваши карточки и письмо от 29-го дек<абря> я вчера получил. У меня гостит Коля[2] и гостил отец, который вчера только уехал. За последние два месяца я почти ничего не читаю и не пишу; не потому, что утомлен или не тянет; причина — гости (обе мамаши[3], брат Карл Карлович, отец и Коля) и отъезд Анюты в Москву[4]; это вышибло меня из колеи. Я не обещаю Вам в сегодняшнем письме более или менее серьезной беседы, т<ак> к<ак> мысли мои отвлечены присутствием музыки в моей хате, но спешу скорее ответить на деловые пункты. 1) Не подумайте, дорогой Борис Николаевич, что я сержусь на Вас или Семенова за выписку Ницше. Если я спрашивал Вас, то только потому, что мне хотелось знать результат этой операции по двум причинам (слушайте внимательно, Вы ведь ребенок в таких делах!). Во-первых: мне было бы досадно, если бы Семенов потерпел убыток от задержки или конфискации книги.

* *Приписка сверху.*

Во-вторых, если он получил книги, то мне, раньше нежели подписывать бланк на новое получение тех же книг Ницше, надлежит справиться, можно ли одному и тому же лицу получить несколько экземпляров одного и того же издания. Текст прошения гласит: «в одном экземпляре» «для моего собственного употребления». Ведь для собственного употребления не может понадобиться два или три экземпляра?! Надо Вам сказать, что недавно, месяца четыре тому назад я подавал уже прошение в Московский Цензурный комитет о получении Ницше (через магазин Ланга[5]). Так что если Семенов получил тоже, то я, подавая опять прошение, следовательно, за полгода, выписываю для собственного употребления третий экземпляр полного собрания Ницше. Кстати: всего вышло 15 томов, 14-й распродан и печатается новым изданием[6]. В прошении достаточно упомянуть «полное собрание сочинений Ницше» в издании Наумана, тогда те томы, которые выйдут позже, могут быть доставлены магазинам на основании прежнего прошения. Скажите «Весам», что я обещаю им раздобыть так или иначе (хотя бы через Главное Управление по делам печати) Ницше, но сейчас не посылаю бланк магазина Лидерта, т<ак> к<ак> предварительно хочу (немедля, сейчас же) осведомиться у милейшего секретаря Комитета, ловко ли подавать новое прошение о том же, пренебрегая правилом римских юристов: non bis in idem*. Секретарь со свойственною ему любезностью ответит мне немедленно, и в случае невозможности я подам прошение в главное управление или поступлю еще как-нибудь. *NB*. Если ничего не буду в состоянии сделать, то пусть кто-нибудь из скорпионщиков обратится к какому-нибудь хорошему знакомому действ<ительному> статскому советнику с просьбой подать такое прошение. Что же касается сочинения A. Besant Le Dharma[7], то прошение о нем я при сем направляю Вам. Ради Бога! не подумайте, что я хочу избавиться от выписывания Ницше. Наоборот. Я не хочу неловкости, которая может испортить все дело. ***Между нами***: почему Брюсов не обратился к Юрию Петровичу Бартеневу (цензору), с которым он, кажется, был в очень хороших отношениях??. — 2) По поводу предполагаемого моего участия в «Весах» скажу следующее. Писать статьи общего (не чисто эстетического

---

* Не дважды за одно и тоже (т. е.: довольно и одного раза) (*лат.*).

публицистического) характера я под своею фамилиею не могу, как цензор; статьи строго специальные (музыкально-эстетические) я не могу подписывать своею фамилией как дилетант и как брат двух профессионалов[8]. Вот почему псевдоним — необходим (новая рифма: примечайте!). Откровенно говоря я — против предложенных Вами псевдонимов не из-за бедности, а скорее из-за роскоши вымысла и, притом, роскоши красочной. Если бы я писал только музыкальные статьи, то остановился бы на «mi-la» (Миля[9])... Во всяком случае это не неотложный вопрос. Вместе со статьей придет в голову и псевдоним. Выставлять же мое авторское имя в числе сотрудников «Весов», когда я еще не написал ни одной строки, я думаю, излишне, как для журнала, так и для меня... О моем желании участвовать в переводе Ницше можете сообщить Скорпионам... Но опять-таки фамилии моей в числе переводчиков прошу пока не выставлять. 3) В нижегородских газетах я как их цензор не имею права помещать никаких заметок. Когда выйдет и будет прислан мне первый номер *Весов*, я напишу заметку в *Приднепровском Крае*. А теперь советую Вам смастерить небольшую предварительную зазывательную заметку и отправить ее в *Придн<епровский> Край*. В Екатеринославе многие интересуются новым искусством и новыми путями. *Придн<епровский> Край* я превращаю своими статьями в филиальное отделение «нового». — Я намерен ежемесячно помещать большой фельетон, посвященный обзору трех журналов — *Нового Пути*, *Мира Искусств* и *Весов*... Нижний же Новгород — тупица в деле неземском, нелиберальном, негуманном или неденежном. Здесь — Горький. Кстати, появился ученик Горького Никифор Пропащий[10]. — 4) Очень рад, что мои поверхностные статьи об Андрее Белом доставили Вам все-таки несколько приятных минут. Когда будут напечатаны все мои статьи о Мережковском[11], то я сообщу Вам №№ или же Вы их возьмете у моего отца, который, кажется, хочет их выписать. Что же касается статей о Школе и рецензий о *Новом Пути*, *Северных Цветах* и *Грифе*[12], то их читать не стоит. Я уже писал Вам подробно, *чтó* эти статьи из себя представляют и почему они не должны интересовать Вас. К тому же половина моих статей (лучшая) о *Новом Пути* не пропущена екатеринославской цензурою, т<ак> к<ак> я касался религиозно-философских

собраний, что запрещено для подцензурной провинциальной ежедневной прессы.

<*Вклеена вырезка* «Москва. Сенсационный слух»>[13]. 5) Почти ручаюсь, что это ужасное сообщение — факт. По крайней мере моя тетушка[14], знакомая близко и с пастором Дикгофом и с г-жой Нейфельдт, слышала это из их уст. Со слов же «по наведенным справкам» — неверно, т<ак> к<ак> могила, действительно, по словам моей тетушки, была разрыта и т. д... Сообщаю Вам, как яркий случай появления духа... ***NB***. Кистер (дьячок) Нейфельд<т> был склонен к апоплексии и, говорят, много пил. —

Вы пишете в последнем письме о грустно-задумчивой радости. И что в Москве у вас теперь очень мило. А здесь этого нет. Нижний окутан серою мглою. Что-то гонит меня отсюда. Настроение Анюты и Коли тоже не из важных. Конечно, при желании все можно объяснить феноменальными причинами... Смерть обоих издателей, Юргенсона и Беляева (приобревшего <*так!*> некоторые сочинения Коли)[15], произвела на Колю сильное впечатление. Скончался Максимов[16] (лучший пианист из *настоящих* русских, а не только по местожительству или подданству). Это тоже огорчило Колю... — Приезжайте скорее, дорогой Борис Николаевич! Позвольте мне быть с Вами до конца откровенным. Если у Вас нет денег, я Вам дам взаймы. Когда будут — отдадите. Ведь всего-то надо каких-нибудь пятнадцать рублей на проезд.

Алексей Сергеевич давно не писал мне, точнее, он до сих пор не ответил мне на мое последнее письмо к нему...[17] Я ему послал поздравление по адресу его отца. — Ваш трактат о пунцовом[18] — важное дополнение к тому, что Вы писали мне давно уже о спектре. Спасибо также за объяснение *Огыга*[19]. Когда мы были маленькие, то говорили в каком-то экстазе разные глупости (особенно Коля и Карл Карлович); этот экстаз — назывался «остервенением». Откуда у нас явился такой странный и неблагозвучный термин — не знаю. Коля в «остервенении» сочинял даже бессмысленные, но очень музыкальные по ритму и рифмам стихи... Так вот Ваш Огыга Пеллевич и т. д. есть mutatis mutandis*

* С соответствующими изменениями; с известными оговорками (*лат.*).

продукт «остервенения». Когда Коля увидел эти карточки (простите, я их ему показал), он нисколько не удивился и сказал, что в них он видит что-то «родное». Особенно ему понравились Беллиндриковы Поля и Вечные Боязни...[20] Спасибо за великолепные стихотворения Блока и Ваши. Мне особенно нравятся: *Все кричали у круглых столов*[21] и *Поединок* (последний очень понравился и Коле, который, между прочим, очень любит Ваш *Песенник о былом*[22], *Незнакомого Друга* и *Старушку*[23]). В частности, осмеливаюсь заметить Вам, что Вы должны отучиться от пристрастия к несколько вычурным рифмам. Они иногда лишают Ваши образы, Ваши мысли — прелести и серьезности. Впрочем, это пристрастие находит на Вас изредка. — Как жалко, что Вас нет сейчас с нами. Коля, хотя и не в духе, но сочиняет один прекрасный романс за другим. Он только что написал великолепную и в первый раз проникнутую русским духом музыку на слова Пушкина *Буря мглою небо кроет* (Зимний вечер)...[24] Грустно-задумчивая радость!.. До свиданья! Анюта и Коля Вам кланяются. Передайте мой привет Вашей матушке... Приезжайте. Христос с Вами. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 33. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 210.

Ответ на п. 64.

[1] Имеется в виду п. 63.

[2] Н. К. Метнер; 5 января 1904 г. он писал матери из Нижнего Новгорода: «...я играл очень мало, чем, вероятно, очень разочаровал Милю и в особенности папашу <...>» (*Метнер*. С. 58).

[3] Мать Метнера Александра Карловна Метнер и мать А. М. Метнер Александра Всеволодовна Братенши (урожд. Фильштинская; 1855–1937).

[4] См. примеч. 11 к п. 59.

[5] Книжный магазин Александра Александровича Ланга — Кузнецкий мост, дом кн. Гагарина.

[6] Упоминаются тома издания: Nietzsche's Werke. Zweite Abteilung. Bd. XIV. Nachgelassene Werke: Unveröffentlichtes aus der Umwerthungszeit (1882/83–1888). Leipzig: Verlag von C. G. Naumann, 1904; Bd. XV. Nachgelassene Werke. Der Wille zur Macht. Versuch einer Umwerthung aller Werthe (Studien und Fragmente). Leipzig, 1901.

[7] Французский перевод книги Анни Безант (Besant) «Dxarma» (1899). Позднее издана в русском переводе Н. В. Пшенецкой (Дхарма. СПб.: Изд. ж-ла «Вестник теософии», 1910).

[8] Подразумеваются Н. К. Метнер и Александр Карлович Метнер (см. примеч. 10 к п. 41).

[9] Домашнее имя Эмилия Метнера.

[10] За подписью «Н. Пропащий» в «Нижегородском Листке» была помещена прозаическая миниатюра «Гвоздари (С натуры)» (1903. № 355, 28 декабря. С. 3). Каких-либо связей между автором этого текста и М. Горьким не прослежено.

[11] См. примеч. 20 к п. 53.

[12] См. примеч. 3 к п. 41, примеч. 3 к п. 61. См. также: Э. <Метнер Э. К.> «Северные цветы». Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». Москва, 1903 г. // Приднепровский Край. 1903. № 1840, 9 июня; Э. <Метнер Э. К.> Литература «новых» (Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1903 г.; «Новый Путь», апрель, 1903 г.) // Там же. 1903. № 1864, 3 июля.

[13] Приводим текст этого газетного сообщения:

«Москва. Сенсационный слух.

Среди лютеранского населения Москвы распространилась следующая сенсационная весть. Летом текущего года скончался кистер лютеранской церкви г. Нейфельд, который был погребен на одном из московских кладбищ. После смерти Нейфельд стал являться к своей жене во время ее сна и упрекать ее за то, что она его похоронила живым. Несчастная женщина, мучимая этими видениями, обратилась к пастору Дикгофу и рассказала ему про свои сны. К ее удивлению, пастор сам видел такие же сны, о чем и сообщил вдове Нейфельда. После этого могилу кистера разрыли и, [будто бы,] оказалось, что труп был перевернут спиною вверх и подушка разорвана. [По наведенным справкам выяснилось, что разрытия могилы покойного Нейфельда еще не было, но его вдова возбудила ходатайство о том, чтобы ей разрешили разрыть могилу и убедиться в ложности ее видений.] („Нов.“)». Первичный источник этого сообщения — заметка «Досужие вымыслы» (Новости Дня. 1903. № 7376, 19 декабря. С. 3. Подпись: И. С.) с сообщением о том, что в Москве среди прихожан лютеранской церкви св. Петра и Павла циркулирует слух о том, что скончавшийся минувшим летом кистер этой церкви Гейнрих Оттонович Нейфельдт был похоронен заживо во время летаргического сна; там же вдова Е. Ф. Нейфельдт опровергала слух, утверждая, что ее муж был погребен лишь после того, как врач обнаружил на теле трупные пятна.

[14] Одна из трех сестер матери Метнера — Каролина Карловна Гедике (в замужестве Гильгендорф), Мария Карловна Гедике (1841?–1928), Полина Карловна Гедике (?–1918).

[15] П. И. Юргенсон умер 20 декабря 1903 г., М. П. Беляев — 4 января 1904 г. 19 ноября 1903 г. Н. К. Метнер писал матери из Петербурга: «Вчера был у Беляева. Дела мои, кажется, идут на лад». К. П. Метнер в письме от 7 декабря 1903 г. сообщал, что М. П. Беляев «изъявил согласие издавать его <Н. К. Метнера. — *Ред.*> сочинения» (*Метнер*. С. 57).

[16] Л. А. Максимов умер 1 января 1904 г.

[17] См. примеч. 6 к п. 62.

[18] Имеется в виду п. 59.

[19] «Объяснение» — в том же письме.

[20] «Топографемы» на шуточных визитных карточках (см. примеч. 2 к п. 50).

[21] Стихотворение А. Блока (п. 59).

[22] Подразумевается цикл из пяти стихотворений, посланный Белым Метнеру в п. 22 и названный им в том же письме «маленьким песенником „о *прошлом*“».

[23] См. п. 52, 43.

[24] Op. 13, «Два стихотворения» для голоса с фортепиано. № 1. «Зимний вечер». На одном из автографов этой песни имеется помета: «Нижний Новгород. 1903, декабрь. (Мюнхен. 1906 г., декабрь)» (комментарии З. А. Апетян в кн.: *Метнер*. С. 95).

66. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

19 января 1904 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 19 января 1904.

Скажите, дорогой Борис Николаевич, С. А. Полякову, что я выхлопотал ему право на получение полного собрания Ницше. Пусть он немедля подает за своею подписью прошение Председателю Моск<овского> Ценз<урного> Комитета. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 34. Открытка.

67. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 23 января 1904 г. Москва

О счастии, о том, что уходит и приходит, но никогда не покидает навеки — о белом счастии грустных детей — вот о чем я хочу Вам писать, дорогой, милый Эмилий Карлович. Нет, лучше я опишу Вам знамения.

Долго тянулись клоки тумана, мчавшегося на землю Бог весть откуда. То здесь, то там проплывали обрывки *лазури* и снова затягивалось. Дорогой Эмилий Карлович, помните одно мое

прошлогоднее письмо о том, что Серафим где-то близко, близко[1], что с горизонта по опьяненной лазури тянутся низко пепельные клоки туч. Я писал, кажется, Вам, что надо готовиться. И все было так, как я писал Вам — для меня по крайней мере. Наступили экзамены, смерть отца, ужасное нервное расстройство, бунты, бунты на юго-западе[2], оставленность, срыв во время Серафимовских торжеств[3], сентябрьские и октябрьские сомнения и «*вечные боязни*»[4]. Я уже изнемогал. И вот стало редеть*. Это кончалась пелена туч, проплывавших, которых приближение мне открылось в молитве еще за три месяца *до «ужасов»*.

Но лазурь блеснула только 31-го** с 6 часов вечера. Я стал удивляться и радостно «*чуять*». Павел Николаевич Батюшков — теософ и святой — среди обыденного подмигнул «*старинным*».

«Пропел петух и пахнуло старинным»[5]. Тут же сидел А<лексей> Серг<еевич> Петровский. Они ушли — и вот *Он* на фоне «*старины*» с лазурью глаз и в *белом* с пурпуром пожарных губ — опять стоял Он рядом со мной. Я все забыл. Вечером мы пошли в церковь. Все было мягко и грустно — старинно. Недоставало метели, но чуялось, что и она приближается. Вышел священник и сказал притчу о девах и о часе[6], в «*Он же грядет судити живых и мертвых*»[7]. Что-то радостное было, когда возвращались. «*Доброе знамение*», — сказал я себе. Прихожу — и кто-то, неизвестный, прислал мне *лилий и белых* роз в 12 часов нового года. На другое утро (Петровский мне сообщил) Антоний собирался к нам (но не был). Я пришел к 75-летней старушке[8], и она грустила о *счастье*, подмигивала *стариной*, *знала*, *хотела белой радости*. Старушка, я и Сережа Соловьев — мы сравнялись возрастами. После мы стояли на дворе и вокруг нас плясали снежные круги танец белых серпантин — и Сережа мне сказал что-то о Христове чувстве (старушка знала то же обо всем).

Потом рассказывали (мама), что <в> 11 часов утра на Арбате видели человека с удивительным взором в выцвеченной шубе, с жезлом в руках и босиком. На жезле сидел жестяной голубь. Прошел неизвестно куда. Кто это был? Вечером бегал по улицам,

---

* Хорошо поредело. Вместо многих малых сих <?> — одна большая туча. (*Примеч. Метнера*).

** *Приписка Метнера*: декабря.

высматривал — а метель рвала и мела, и плела белизну, и опять приближалась радость, *наша радость*. На другой день я был у одной дамы, и опять Он стоял рядом и не я один заметил, что все хорошо. С тех пор началось опять вернувшееся счастье.

После узнал о словах Отца Иоанна Кр<онштадтского>. Проповедь под новый год начиналась словами: «Празднующих новый гражданский год переношу мысленно к новому небу и новой земле... Да, по неложному обещанию Божию, настанет скоро полное обновление неба и земли для обновленного, Искупителем нашим человеческого рода» — «нынешняя земля сгорит, а небеса, как риза, обветшают»... (Моск<овские> Вед<омости>. 2 января)[9].

И вот все опять и опять приходит счастье. Был у Ланга, и было ясно. Вчера 3 раза начиналось счастье. Вечером мы сидели с П. Н. Батюшковым и слышали, как пришло что-то, Кто-то. Отмечали волны добрых вибраций, перекатывающиеся в пространстве. В моей комнате образовался беспроволочный телеграф. Сегодня опять повторилось *счастье*. Пишу Вам, опьяненный, усталый от радости — Христос, Бог наш, да будет с Вами. Он между нами. Радость с нами. Мысленно благословляю Вас, не оставьте и Вы меня без добрых пожеланий. Счастья хочется. Есть люди, которые знают, которые чисты, которые хотят молиться Господу. Что-то *тихое, тихое* начинает объединять людей, и не у одного меня мелькают образы тайнозначительных братских вечерь. Это так ясно, легко и просто, это и без труда само собой реет и носится над осчастливленными детьми белой радости. Очень недостает Вас, дорогой милый Эмилий Карлович, (как бы) брат мой во Христе.

Вот и все, что хочу сказать Вам. Христос с Вами.

Любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[10]. Сейчас иду в «*Весы*» и передам Ваши слова о Ницше (сейчас только получил Ваше письмо)[11]. Спасибо за Батюшкова. Получил с благодарностью «*Прошение*»[12].

Посылаю стихи.

Горы в брачных венцах.
Я в восторге, я молод.
У меня на горах
Очистительный холод.

Притащился ко мне на утес,
Ковыляя, горбун седовласый.
Мне в подарок принес
Из подземных теплиц… ананасы.

Он плясал,
Прославляя лазурь,
Бородою взметал
Вихрь метельно-серебряных бурь.

Голосил
Низким басом.
В небеса запустил
Ананасом.

И дугу описав,
Озаряя окрестность,
Ананас ниспадал, просияв,
В неизвестность,

Золотую росу
Излучая столбами червонца.
Говорили внизу:
«Это — диск пламезарного солнца».

Низвергались, о чем-то моля,
Омывали утесы
Золотые фонтаны огня —
Хрусталя
Заалевшего росы.

Я в бокалы росы нацедил
И, подкравшися боком,
Горбуна окатил
Светопенным потоком[13].

Воспоминание.

Мы с тобой молчали, опираясь,
На седые мраморные урны.
Тучкой срезан, на волнах шатаясь,
Снова падал в Вечность диск пурпурный,

Крупных звезд изысканные ткани
Начертав на водных хризолитах,
Озаряя каменные грани
На могильных, мхом одетых, плитах.

Будто арф эоловых рыданья
С вышины звучали: это были
Вихревые трепетанья
Золотых, звенящих крылий.

Кто-то вновь, знакомый, на Пегасе
С песней милой в высях быстро мчался:
В голубом, темнеющем атласе
Снежным облачком, купаясь, расплывался[14].

Вот ужас:

Отставной военный.

Вот к дому, катя по аллеям
С нахмуренным Яшкой —
С лакеем
Подъехал старик отставной генерал с деревяшкой.

Семейство,
Чтя русский
Обычай, вело генерала для винного действа
К закуске.

Претолстый помещик, куривший сигару,
Напяливший в полдень поддевку,
Средь жару
Пил с гостем вишневку.

Опять вдохновенный
Рассказывал, в скатерть рассеянно тыча окурок,
Военный
Про турок:
«Приехали в Яссы…
Приблизились к Турции»…

Вились вкруг террасы
Цветы золотые настурции.

Взирая
На деву блондинку,
На хлеб полагая
Сардинку,
Кричал
Генерал:
«И под хохот громовый
Проснувшейся пушки
Ложились костьми баталионы».

В кленовой
Аллее носились унылые стоны
Кукушки.
Про страду
В полях где-то пели
Так звонко.
Мальчишки из саду
Сквозь ели,
Крича, выгоняли теленка.

«То тот, то другой
Погибал,
Умножались
Могилы» —
Кричал
От вина огневой.
Наливались
На лбу его синие жилы.

«Нам страх был неведом,
Еще на Кавказе мы брали аул за аулом».

С коричневым пледом
И стулом
В аллее стоял
Дожидая
Надутый лакей его, Яшка...

Спускаясь
С террасы, военный по ветхим ступеням стучал
Деревяшкой[15].

P. S. Были Блоки 2 недели[16]. Происходило Бог знает что: хорошее, больше хорошее (кое-что было из области ужасов). Язык не передаст всех тех нюансов, которые меня совершенно вывели из колеи, так что вот сейчас я даже как будто болен.

Время приблизилось. Обозначился центр в Москве. Э<милий> К<арлович>, со временем нужно, чтобы Вы жили в Москве. Блок по окончании курса переезжает в Москву[17].

В феврале грядут Мережковские в Москву с Философовым и надолго[18]. Чувствую, что с.-петербургские мистики едут сюда не без задних мыслей. Держу ухо востро. Любовь к Мер<ежковским> остается любовью, но и осторожность остается осторожностью. Пишите, пишите о себе, Эм<илий> Карлович.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 31. Пять помет красным карандашом: «XXXII». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 210–211.

Над текстом — приписка Метнера: «Это письмо написано накануне разрыва (неожиданного) диплом<атических> снош<ений> с Японией. Получено мною, когда разрыв произошел». Япония порвала дипломатические отношения с Россией 24 января.

1 Переживания, связанные с образом Серафима Саровского, Белый передал в п. 22 и 23, от 3 и 19 марта 1903 г.

2 Подразумеваются, видимо, массовые стачки на предприятиях Юга России в июле — августе 1903 г.

3 Имеются в виду празднества, приуроченные к канонизации Серафима Саровского и открытию его мощей.

4 «Топографема», обозначенная на шуточной визитной карточке (см. примеч. 2 к п. 50).

5 Возможно, Белый цитирует свою 4-ю симфонию в первоначальной редакции, в полном объеме не сохранившейся. Образ *петуха* — сквозной и в окончательной редакции («Кубок метелей. Четвертая симфония». М.: Скорпион, 1908).

6 См.: Мф. 25: 1–13.

7 2 Тим. 4: 1 («Итак, заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых <...>»).

8 Судя по указанию возраста, правомерно предположить, что имеется в виду Александра Григорьевна Коваленская (урожд. Карелина; 1829–1914), бабушка С. М. Соловьева, детская писательница.

9 Сокращенная цитата. Источник указан неточно. См.: *Иоанн Сергиев, протоиерей*. Слово на новый 1904 год // Московские Ведомости. 1904. № 1, 1 января. С. 4.

10 А. М. Метнер.

[11] Имеется в виду п. 65.

[12] См. п. 64, примеч. 5.

[13] Впервые опубликовано под заглавием «На горах» в книге Белого «Золото в лазури» (С. 120–121). Варианты — строфа II, ст. 1–2: «Вот ко мне на утес // притащился горбун седовласый»; строфа III, ст. 1: «Он в малиново-ярком плясал»; строфа VII, ст. 1: «Низвергались, звеня»; строфа VIII, ст. 1: «Я в бокалы росы нацедил». См.: *СП — 1.* С. 129–130.

[14] Впервые опубликовано в книге Белого «Золото в лазури» (С. 160), последовательность строф: I, II, IV, III. Варианты — строфа I, ст. 3: «Тучкой срезан и в волнах купаясь»; строфа II, ст. 1: «красных звезд изысканные ткани»; строфа III, ст. 1–2: «Будто арф эоловых стенанья // прозвучали: это были». См.: *СП — 1.* С. 147.

[15] Впервые опубликовано в книге Белого «Золото в лазури» (С. 89–91). Варианты — ст. 33: «Про душную страду»; ст. 39: «Не тот, так другой»; ст. 48: «Еще на Кавказе сжигали аул за аулом»; ст. 52: «дожидаясь». См.: *СП — 1.* С. 116–118.

[16] А. А. Блок и Л. Д. Блок гостили в Москве с 10 по 24 января 1904 г., многократно встречались с Белым и его окружением. Пребывание в Москве Блок подробно описал в письмах к матери от 14–15 и 19 января 1904 г. (см.: *Блок Александр.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 81–88), а также в подневных заметках (см.: *Блок Александр.* Записные книжки. М., 1965. С. 58–60). См. также позднейшие мемуарные свидетельства: *О Блоке.* С. 58–79; *НВ.* С. 317–336.

[17] Блок закончил Петербургский университет в мае 1906 г., когда его намерение, о котором сообщил Белый, было уже давно в прошлом. В ходе же пребывания в Москве это намерение могло быть высказано вполне всерьез, о чем свидетельствуют многочисленные суждения Блока в пользу Москвы и в укор Петербургу (см. их подборку в кн.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 211). В «Воспоминаниях об Александре Блоке» С. Соловьев отмечает: «В январе Блок вернулся в Петербург завзятым москвичом. Петербург и Москва стали для него символами двух непримиримых начал. Все в Москве ему нравилось: и Белый, и Брюсов, и Рачинский, а Петербург продолжал олицетворяться „астартическими“ Мережковским и Гиппиус» (Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 119).

[18] О намерении приехать в Москву З. Н. Гиппиус писала В. Я. Брюсову 23 января 1904 г.: «…до свиданья, надеюсь в феврале» (Российский литературоведческий журнал. 1996. № 7. С. 201). 21 марта 1904 г. она сообщала ему же: «…мы каждый день собирались ехать в Москву, и только на днях выяснилось, что мы к вам не попадем ранее конца пасхальной недели или начала Фоминой» (Там же. С. 202).

68. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 23 января 1904 г. Москва

Многоуважаемый и дорогой Эмилий Карлович,

Серг<ей> А<лександрович> Поляков у меня просил Вас спросить, на имя какого председателя Ценз<урного> Комитета ему подавать прошение: московского или петерб<ургского>? А это знать ему важно: если на имя московского, то *дело* идет дальше в С.-Петербург (или я путаю?). Посылаю Вам еще письмо[1]. Да хранит Вас Христос.

Уважающий и любящий Вас

Борис Бугаев.

С. А. Поляков просит меня выразить Вам благодарность за беспокойство; он бесконечно извиняется в доставленных Вам хлопотах.

Шмидт прислала мне возражение на «*Теургию*». Верно и хорошо, но — Бог мой — как длинно: посему они и не могут идти в «*Весах*». (В. Я. забраковал)[2].

Присылайте, присылайте статей. Читал Вашу статью о воспитании[3]. (Теперь «*Пр<иднепровский> Кр<ай>*» получается Редакцией).

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 32. Л. 3 об. — 3. Помета красным карандашом: «XXXIII» (ошибочно относящая текст к п. 70).

Ответ на п. 66.

[1] Имеется в виду п. 67.

[2] См. примеч. 11 к п. 53. В. Я. — Брюсов. 1 февраля 1904 г. А. Н. Шмидт отвечала Белому на неизвестное нам письмо, оповещавшее о судьбе ее статьи: «…я не покорилась еще возражениям против помещения моей заметки. Я ее несколько сократила (она и раньше-то вмещала всего 200 газетных строк), изменила многое сообразно Вашему письму и послала в форме „письма в редакцию“ В. Я. Брюсову» (*Богомолов Н. А.* Э. К. Метнер и А. Н. Шмидт. С. 470).

[3] Имеется в виду статья Метнера «Школа и образование (Записки не-педагога). XIV. Новые языки» (Приднепровский Край. 1904. № 2047, 13 января. Подпись: Э.).

69. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

26 января 1904 г. Нижний Новгород

Н. Новгород. 26 января 1904 г.

Милый, дорогой Борис Николаевич! Ваши письма (большое и маленькое) получил[1]. Отвечаю на деловое. Председатель Ценз<урного> Ком<итета> имеет полномочие разрешить издание, не обращаясь в Гл<авное> Упр<авление> по д<елам> п<ечати>. Прошение, следовательно, надо подать Назаревскому[2], т<ак> к<ак> *я* лично просил *его* и ни один другой председатель, а тем более петербургский, ничего об этом не зная, не разрешит выписать. Прошение — на бланке — все должно быть написано (не на ремингтоне) собственноручно просителем. С ужасом прочел, что *Весы* получают *Придн<епровский> Край*!! К чему это????.. В особенности *теперь*, когда я не только серьезных (в *Весы*), но и фельетонных (в *Придн<епровский> Край*) статей писать не способен, занятый мыслью о *войне*. Спасибо, спасибо Вам за светлое письмо о белой радости[3]. Оно пришло сегодня, а весть о войне вчера вечером[4]. Оно утешило меня, погруженного в невеселую думу, не спавшего всю ночь из-за этой думы, думы об ужасе, безобразном своею слишком откровенною феноменальностью. Вы знаете, чтó такое шрапнель? Нет! И никогда не узнаете. А я — знаю[5]. И не дай Бог узнать ее действие не на мишенях, а на «пушечном мясе». Дорогой Борис Николаевич! Чтó говорит Вам сердце Ваше о моем участии (?!) в этом богопротивном и канто-противном деле? Знаете ли Вы, что сегодня я узнал (между нами) о полной возможности моего участия...[6] Анюта[7] — спокойна: почему-то убеждена (мистически), что я останусь в стороне. Но, может быть, для этого надо что-нибудь сделать? Есть один только способ..., но тогда не исполнится никогда Ваше желание, чтобы я со временем навсегда поселился в Москве. Э-м-и-г-р-и-р-о-в-а-т-ь! Что скажете? Да поскорее, а то будет поздно. Дело в том, что с моим здоровьем я не вынесу дальневосточного похода. Есть у меня и другой план. Еще более чудовищный. Причем необходима некоторая жертва с Вашей стороны или, что уже труднее, со стороны брата Коли. Не удивляйтесь. А лучше разорвите это письмо, *никому* о нем не говорите и напишите мне скорее пару слов пусть

в самом сухом стиле, что́ Вы предчувствуете, что́ Вы советуете, и согласны ли Вы принести маленькую жертву, которая <*так!*>. Впрочем, сейчас я об этом не стану писать. Спешу отправить письмо, содержащее деловое. *Не осуждайте меня.* Есть масса причин физических и моральных, вынуждающих меня относиться *отрицательно*, быть всем своим существом *против* своего участия в этой войне. Видел Шмидт, сказал ей о статье, она напишет письмо Сергею Михайловичу С<оловьев>у[8]. Напишите (***от себя***), следует ли мне записываться на *Весы*? До свидания. Разорвите письмо. Анюта кланяется. *Приезжайте*! Привет Вашей матушке.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 3. Приложен конверт с надписью рукой Метнера: «Мои письма Борису Николаевичу Бугаеву и Сергею Алексеевичу <*так!*> Петровскому, изъятые из архива Бугаева, заключающие в себе мое отношение к войне 1904–1905 г.».

Ответ на п. 68.

[1] Имеются в виду п. 67 и 68.

[2] Владимир Владимирович Назаревский (1870–1919) — председатель Московского цензурного комитета в 1895–1909 гг., профессор истории.

[3] Подразумевается п. 67.

[4] Русско-японская война 1904–1905 г. была начата Японией; 26–27 января (8–9 февраля) 1904 г. у берегов Кореи погибли в сражении с японской эскадрой русский крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец», тогда же японский флот атаковал русскую военно-морскую крепость Порт-Артур.

[5] Метнер намекает на свою непродолжительную службу в артиллерии после окончания весной 1899 г. Московского университета.

[6] Речь идет о возможной мобилизации в связи с началом войны с Японией.

[7] А. М. Метнер.

[8] Это письмо не выявлено.

70. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Конец января 1904 г. Москва

Милый, дорогой Эмилий Карлович,

прочел Ваше письмо. Вы пишете: «*что скажете? Да поскорее, а то будет поздно*». Знаете ли Вы, что я скажу по личному своему разумению? Это личное разумение я отнюдь не считаю чем-то

безапелляционным: Вам изнутри гораздо ближе и лучше судить о себе самих, чем мне извне. Эту оговорку я считаю необходимой... Итак вот что я скажу: я бы на Вашем месте — думается мне — спокойно ждал событий, никаких планов самочинных не строя. Я бы так поступал не от мистической уверенности в том, что останусь в стороне от событий, а от полной покорности событиям. Не нам рассуждать о силах наших. Поручим себя Господу (ведь мы все слишком слабы, а между *тем каких сил мы носители*?). Вы пишете о шрапнели — шрапнель шрапнелью (я знаю, что такое шрапнель), *а грустно-задумчивая радость сама по себе*......

Разве мы, если мы верим, что являемся проводниками духа, — разве мы не должны быть дерзновенны и даже жестоки? Быть может, и это письмо мое жестоко по отношению Вас, но ведь эта жестокость из любви к Вам. Мне кажется, что если бы я Вам посоветовал эмигрировать, я совершил бы посягательство на Вас — так бы я думал.

Таково мое мнение.

Но повторяю, Вам самому в себе виднее. И если мысль об эмиграции мелькнула у Вас, как допустимая, то зачем Вы меня спрашиваете, «*что Вы советуете... Не осуждайте меня...*». Никоим образом я не стану осуждать Вас, *раз Вы сами себя осуждаете.*

Война — дело стихийное, и пред ней не должно иметь место *наше личное отношение к ней*. Знаете ли, что в Японии *русский* епископ, стоящий во главе японской епархии, *благословил японцев* на войну с Россией[1]. Я понимаю это и уважаю его.

Дорогой Эмилий Карлович, буду скоро писать — пишите. Остаюсь готовый к услугам любящий и уважающий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Христос с Вами. Мой привет и уважение Анне Михайловне[2]. Думаю быть у Вас в феврале.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 32. Л. 1 — 2 об. Помета красным карандашом: «XXXIII».

Ответ на п. 69.

[1] Имеется в виду епископ Николай Ревельский, с 1906 г. архиепископ Японский (Иван Дмитриевич Касаткин; 1836–1912), живший в Японии с 1861 г. и активно занимавшийся миссионерской деятельностью (к 1 января 1904 г. в Японии насчитывалось 260 церковных общин и 28 230 православных христиан). С началом Русско-японской войны остался со своей

паствой, но устранился от участия в общественных богослужениях, поскольку японские христиане молились о победе своей страны над Россией (ср. слова из его обращения: «...я, как русский подданный, не могу молиться за победу Японии над моим собственным отечеством. Я также имею обязательства к своей родине и именно поэтому буду счастлив видеть, что вы исполняете долг в отношении к своей стране»). Во все приходы японской православной церкви было разослано «Окружное письмо», в котором епископ благословлял японских христиан исполнить свой долг верноподданных, но оговаривал: «Кому придется идти в сражения, не щадя своей жизни, сражайтесь — не из ненависти к врагу, но из любви к вашим соотчичам».

[2] А. М. Метнер.

71. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

1 февраля 1904 г. Нижний Новгород

Н. Новгород. 1 февраля 1904.

Спасибо Вам, дорогой Борис Николаевич, за Ваше письмо, полученное мною сегодня. А вчера я отправил письмо Алексею Сергеевичу, в котором я между прочим пишу и о войне уже спокойнее и обстоятельнее; спрашиваю и его *сердечного* совета[1]. Прочтите это письмо, т<ак> к<ак> мне не хочется вторично повторять одно и то же. Кстати, в этом письме идет речь о Гоголе, и о взгляде на последнего, мнении о последнем Антония, Петровского, Мережковского, Назария[2]. Что *Вы* скажете?? Спросите у Петровского, в чем контроверза... Что касается философского обоснования Вашего совета, то у нас тут с Вами принципиальная контроверза. Повторяю, «философского» апостериорного[3], т<ак> к<ак> с априорной стороны я очень ценю Ваш совет и пока, сейчас, почти что готов ему, *не рассуждая*, последовать. Но все-таки в двух словах скажу, что не согласен войну (которая просто — драка оптом, en-gros*) считать таким «стихийным» явлением, которому надо отдаться. Вообще я жду, сложа руки, я квиэтичен только в «нуменальном», почему «начнем же *делать*» Мережковского принадлежит к наипротивнейшему из всего, что́ я знаю. В области же «феноменальной» как бы стихийно явление,

* В целом (*фр.*).

стоящее передо мною, не было, я считаю человеческою обязанностью *действовать* во-первых, и во-вторых, притом действовать по своему крайнему разумению, хотя и принимая во внимание безотчетное чувство свое, равно как и предчувствия и голоса сердца ближайших людей, в особенности столь тонких, столь толерантных и столь любящих, как Вы... Осудил ли бы я себя, покинув свое «отечество»? *Отчасти* ответом на это служит мое письмо Петровскому, которое Вы непременно прочтите. Итак, отчасти — нет; как *civis** — нет; но пожалуй, нет, даже наверное, осудил бы свой эгоизм, свою немощь, дряблость, бесцеремонное обращение с фамилией, которую ведь ношу не я один. «Есть упоение в бою»[4], и я солгал бы, что «драка en-gros» — органически мне ненавистна... Однако пора кончать. Хочу непременно, чтобы завтра же Вы прочли это письмо. Еще раз спасибо, милый, дорогой Бор<ис> Ник<олаевич>, за письмо. Передайте мой привет и уважение Вашей матушке. Анюта[5] кланяется. *Приезжайте.*

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 3.
Ответ на п. 70.

[1] Речь идет о письме к А. С. Петровскому от 30–31 января 1904 г., в котором, в частности, говорится: «Ну а теперь, что́ скажете о войне?!... Потрясенный разразившейся грозой, я написал несколько растерянных пессимистических строк Бугаеву. Не знаю, *как* он их принял. Не могу же я, в самом деле, не быть нараспашку со своими самыми близкими друзьями, с женой, Колей, Вами и Бугаевым! <...> Всем своим существом, всеми помыслами, настроениями, тяготениями, устремлениями я — против *этой* (а, может быть, и всякой) войны. <...> Но все эти физические соображения еще далеко не могли бы создать во мне столь крайнее отвращение, столь ни с чем несоизмеримую и непримиримую ненависть к *войне*, если бы к ним не присоединились моральные основания... <...> 1) Я — женат; 2) я — не русский; 3) я с 1898 года все меньше и меньше люблю, все меньше и меньше жду чего-л<ибо> от русского *государства*; 4) я чуть ли не с того же года все больше и больше отвращаюсь от завоевательной политики (кем бы она ни была ведена) в XX веке, т<ак> к<ак> Рим — неповторяем и т. д. — 5) Считаю унижением жертвовать своею вдобавок не русскою кровью за дело, возникшее по вине бюрократической и капиталистической клики; эта отвратительная манчжурская авантюра не национальное дело, не насущная необходимость для страны, страдающей телесным и духовным голодом. Пребывание в провинции еще более восстановило

---

* Гражданин (*лат.*).

меня против Империи, хотя русских я продолжаю любить. 6) Я все более и более ощущаю неизбежность для себя окончательной германизации: я — немец. 7) В частности Россия мне ничего не дала, кроме друзей. Я имел несчастие воспитываться в русской гимназии и в русском университете во время наихудшего состояния этих образовательных учреждений. Так что я не чувствую себя нравственно обязанным перед своим „отечеством" равно ни в каком отношении. 8) Я уже носился с мыслью в конце этого года взять двухмесячный отпуск и, если удастся, попробовать остаться в Германии совсем, покинув госуд<арственную> службу; а теперь я ношусь с мыслью убежать, как можно скорее, пока не поздно?? Что скажете??? 9) *Наконец*: с октября 1903 г., т. е. 4 месяца тому назад, я начал понемногу заниматься... *музыкой* (*секрет!!*). Не знаю, как пришла мне в голову эта дикая мысль, но... ее уже одобрил Коля... И я что-то стал видеть хорошее в будущем... Теперь я ничего не способен делать, пока не кончится война или пока я не покину России. Если же мне придется принять в войне участие, то после нее я уже не возвращусь к музыке. <...> Покажите письмо Бугаеву» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 27). К письму приложена записка Петровского, адресованная Белому: «Шлю письмо Э<милия> К<арлович>а. Я уже ответил и довольно решительно».

2 В том же письме к Петровскому Метнер подробно описал свой визит к Назарию: «Недели полторы тому назад я был у него. Оказывается, он не только знаком, но и в приятельских отношениях с Антонием. <...> Назарий полагает, что Антоний — сумасшедший, но сумасшествие это sui generis <особого рода. — *лат.*> и притом столь высокого полета, что с точки зрения Антония сумасшедшими или лишенными разума являемся мы, так его называющие, а не он. „Очень может быть, что оно так и есть; он далеко-далеко ушел от нас", в раздумье и с неизменною авторитетностью прибавил Назарий. Затем он рассказал про „силу" Антония, которая проявляется в чудесах исцеления, которые совершаются как бы невзначай мимоходом, причем сам Антоний ничего о них не рассказывает и не придает им никакого значения, как чему-то обыденному. „Он страшно властный человек; это бывает заметно иногда и в разговоре с ним. Однажды он беседовал со мной об епархиальных административных делах, за что-то рассердился на синодальное ведомство, глаза загорелись, стукнул кулаком по столу и закричал: вот погодите, выведут меня из терпения, я и захочу, тогда все будет по-моему; ведь Вы не знаете: я страшно сильный; я только пока не хочу..." Поставленное в „ " — рассказ Назария почти дословный. —

Назарий любит Антония, но сознается, что во многом не согласен с ним, с его оригинальными мнениями. Тогда я заговорил о Гоголе. Назарий не согласен с Антонием и с Вами. Он скорее согласен со мною. А Вы напрасно склонны к отождествлению моего взгляда на Гоголя со взглядом Д. С. Мережковского... Назарий, между прочим, сказал, что смех Гоголя — недемонический, что к осмеянным Гоголем не чувствуешь презрения, а только жалость, и что трудно сказать, который из русских великих писателей более „демоничен"; Назарий (также как и я) не принимает формулы: „Гоголь

погиб", скорее погиб Вл. Соловьев, который слишком деспотично подлаживал православие к платонизму, кантианству и, наконец, католичеству. Во всяком случае говорить „погиб" не смеет ни один смертный... В заключение прибавлю, что Назарий очень Вами заинтересован и делает предположение, что Вы по своей природе, по-видимому, способны (боюсь спутать выражение) к „чисто-евангельской точке зрения"».

[3] От *лат.* a posteriori — из последующего; исходя из опыта, на основании опыта.

[4] Строка из песни Председателя в трагедии А. С. Пушкина «Пир во время чумы» (1830).

[5] А. М. Метнер.

72. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

2–5 февраля 1904 г. Нижний Новгород

Н. Новгород. 2 февраля 1904 года.

Дорогой Борис Николаевич!

Писал Вам вчера (получили?), пишу и сегодня. Перечитал Ваши письма (два последних)[1]. Какая странная вещь, что как раз накануне того дня, как Вы узнали о войне, Вы написали мне о возвратившейся радости. «Я уже изнемогал. И вот стало редеть (?)... Это кончалась (?) пелена туч и т. д.»?! «Не я один заметил, что ***все хорошо***...»[2]; странно, что среди этих заметивших моя Анюта[3], которая в необычайно радостном настроении; его не в силах согнать никакие мои «феноменальные» опасения: она твердо убеждена, что идет, что приближается нечто радостное и что я приму в *этом* участие, а не в дальневосточном ужасе. В том же письме Вы предлагаете моему вниманию свое прекрасное стихотворение со словами «Вот ужас»:

«*Отставной* ***военный***».

Я знаю, конечно, что ужас заключается не в том, что этот военный с деревяшкой, а в том, скорее, что при этой деревяшке «состоит» военный. Но я до такой степени выскочил на периферию, что вижу двоякий ужас в этой вещице. Очень хороши и два других стихотворения... Читаю вторично Ваше последнее письмо. Резюмирую еще раз кое-что. 1) Самочинность не признаю только в деле, превышающем человеческое разумение. 2) Я сам понимаю, что шрапнель сама по себе, а грустнозадумчивая радость сама

по себе. Но почему я, грустно задумавшись, должен испортить свою радость тем, что пропустил удобный момент отойти в сторону от вступивших в драку пьяных мужиков? Кстати: на войне обязательно пьют, иначе надо обладать сверхчеловеческим мужеством, а я пить не могу. 3) Моя любовь к Наполеону — эстетическая и ***даже*** для Наполеона (а не то, что для Алексеева[4] или России) я не пожелал бы служить материалом, глиной для статуи, клавишами, пушечным мясом... 4) Русский епископ, благословивший православных японцев на бой со своими согражданами, поступил, по-моему, дурно, но не потому, что благословил ***чужих*** против ***своих***, а потому, что одних ***против*** других. Это не православие, а огосударствленное христианство, христианствующее язычество. Роль духовенства (истинно христианского) во время войны: молиться о мире (а не о ***победе своих***), напутствовать умирающих, и совершать заупокойные богослужения по убиенным (как своим, так и противной стороны); даже после победы, необходимо облекаться в траур и совершать панихиды, а не благодарственные молебствия. Вот мое глубочайшее неискоренимое убеждение, с которого меня не столкнут ничьи разуверения, ничьи примеры (напр<имер>, Сергий Радонежс<кий>, благослови<вший> Дмитр<ия> Донского)[5].

Приезжайте. Очень важно нам свидеться. На днях приедет Коля. Помните, когда соберетесь к нам, то зайдите сначала к моей маме «сказаться» и узнать, не гостит ли случайно кто-н<ибудь> у нас.

Вечером. Сейчас читал статью из *официального* «Инвалида», рекомендующую ***беспощадное*** *истребление зазнавшегося врага* и перенесение военных действий на японскую территорию[6]. Ну разве не возмутительно? Разве надо *истреблять*, а не выводить из строя. И что значит *беспощадное*? Не брать в плен, что ли? Что за гадость. И рядом с этим вдруг православие. *Нет*, я с этим не согласен... *Kein Pardon* Германского Императора по крайней мере не прикрывался христианством[7].

5 февраля. А вот приехал и Коля![8] Авось музыка несколько поправит состояние моего духа... Хочу сейчас закончить письмо. Помните: если я останусь и буду ждать событий пассивно, если я убегу от них, одним словом, что́ бы я ни сделал, что́ бы

я ни принял во внимание (расчет, предчувствие, сновидение или факты — безразлично) — все это будет совершено мною *самочинно*. Я не признаю самочинного действия только в «нуменальном». «Объявись» этот соблазн, подчинение ему своей души или даже минутное приближение к такому состоянию, по-моему, куда убийственнее и ужаснее, нежели «не явись» по призыву чуждых тебе людей для того, чтобы, покинув близких своих, идти убивать совсем ни в чем не провинившихся (и в сущности бедных и правых в своем стремлении) людей... Поверьте, я настолько ариец, что все неарийское мне противно; не модное у либералов японофильство говорит во мне, а сознание, что мы (точнее, русские) не совсем правы в своем империализме. К чему нам Манджурия, когда у нас... Впрочем, Вы сами знаете, что я хочу здесь сказать. Единственное наше оправдание — это ссылка на опасность панмонголизма, которую (опасность) мы устраняем, ссылка, основание которой покоится на очевидной абсурдности возгоревшейся войны, абсурдности внешней, заставляющей предполагать (быть может, и действительно существующие) внутренние глубоко скрытые причины столкновения рас. Война, по-видимому, (см. сегодняшнюю статью *Прав<ительственного> Вест<ника>*) затянется[9]: следовательно, я должен оставить мысль надолго жить личною жизнью, *хотя бы я и был уверен, что лично меня буря не коснется*... Нет, я не могу, дорогой мой Борис Николаевич, передать Вам все мое отвращение к ***этой*** войне.

Ваш Э. Метнер.

1) Когда соберетесь ехать к нам, напишите мне о дне выезда и зайдите к моей маме, чтобы узнать, не гостит ли кто-нибудь у нас.

2) Отчего не выходит Мир Искусства январь? Вышел ли I № *Весов*? Напишите, чтобы я знал, следует ли мне записываться на него.

РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 3.

[1] Имеются в виду п. 67, 70.

[2] Цитаты из п. 67. Приведенные слова подчеркнуты Метнером в автографе Белого; см. также его подстрочное примечание к письму.

[3] А. М. Метнер.

[4] Генерал-адъютант Евгений Иванович Алексеев — в 1903–1905 гг. наместник на Дальнем Востоке, с начала Русско-японской войны главнокомандующий сухопутными и морскими силами.

[5] Согласно Епифанию Премудрому, автору «Жития Сергия Радонежского» (1417–1418), великий князь Димитрий получил от преподобного Сергия благословение на битву с ордынским князем Мамаем; традиционно упомянутая битва отождествляется с Куликовской битвой (8 сентября 1380 г.).

[6] Имеется в виду статья без подписи «Война с Японией», в которой, в частности, говорится: «Целью нашей должно быть — беспощадное истребление зазнавшегося врага, беспощадное истребление его и на суше и на море… <…> Готовая с теплою верою в Промысл Божий перенести все могущие встретиться на первых порах неудачи, Россия может найти достойный себя конец борьбы лишь в самой Японии» (Русский Инвалид. 1904. № 25, 31 января. С. 4).

[7] «Pardon wird nicht gegeben» (*нем.*) — «Никакой жалости»; ставшие крылатыми слова императора Вильгельма II, произнесенные 27 июля 1900 г. в Бремерхафене перед солдатами, отправлявшимися в Китай на подавление националистического восстания ихэтуаней («боксеров») — началом которого стало убийство немецкого посла.

[8] Н. К. Метнер.

[9] Вероятно, подразумевается анонимная статья «Деятельность Главного Управления Российского общества Красного Креста по случаю войны» (Правительственный Вестник. 1904. № 29, 4 февраля. С. 3). В ней докладывалось о создании исполнительной комиссии для сформирования санитарных отрядов и отправки их на Дальний Восток, об организации медицинской помощи больным и раненым воинам, о формировании лазаретов и т. п., — все это позволяло сделать вывод о том, что боевые действия будут носить затяжной характер.

73. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

11 марта 1904 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 11 марта 1904 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Вопрос о войне я оставляю в стороне пока! Скажу только, что мне необходимо было (такова моя натура) выложить перед моими друзьями все, что я имею Con-Ara <?>, для того, чтобы успокоиться, переварить совершающиеся события и мужественно ждать наступающих… — А теперь вот что. Война (опять война!) выбила меня окончательно из… седла. Я составил было план правильной канонады, но растерялся и ограничился временно

отдельными шрапнелями. Сделайте вот что и, притом, как можно скорее... Заключающиеся в присланной мною Вам рукописи три гранаты направлены против музыкальных заметок I номера *Мира Искусства*[1]. Покажите их *Весам* и попросите немедленно решить, удобны ли они или нет. Если удобны *все три*, то можно озаглавить *Музыкальная критика Мира Искусств*, если только *одна (большая)*, то *Музыкальная гегемония*, если две других (маленьких: об Олениной и Корещенке), то их можно поместить без заглавия. Во всяком случае прошу о следующем: 1) Не стесняйтесь со мной; я не обижусь, если не напечатают.

2) Обязательно возвратить мне *часть* или *все*, присланное мною, если не годится; я помещу в *Придн<епровском> Крае.*

3) Не обижусь и на купюры и поправки.

4) Подписывать статьи «*Вольфганг*» или «*Wolfgang*» — möglich*; необходимо держать в строжайшем секрете мое участие; пусть об этом знают только Поляков и, пожалуй, Брюсов: это *необходимо.*

Вот что я прошу Вас, дорогой Борис Николаевич, передать редакции. Прошу на этот раз *поскорее* решить вопрос о помещении статей, потому, что спешу отправить фельетон в *Придн<епровский> Край*; в этот фельетон (первоначально предполагались) должны были войти и присланные Вам заметки. Прошу Вас немедленно возвратить мне под заказной бандеролью, если что не будет принято. До сих пор я еще не получил *Весов*; поторопите их. — *Когда же Вы соберетесь к нам в Нижний?* Пишите! Пока до свиданья! Жду писем, а лучше всего Вас лично... Еще раз прошу передать *Весам*, чтобы со мной не церемонились. Не годится одно, пришлю другое. Всего хорошего. Любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 35.

[1] В хроникальном отделе № 1 (Т. XI) «Мира Искусства» за 1904 г. были помещены: статья «Музыка. III» за подписью: А. Н. (С. 8–11), статья «Вечера современной музыки» А. А. Смирнова (С. 13–15), анонимная заметка о бенефисе Ф. И. Шаляпина в рубрике «Театр» (С. 23).

---

* Возможно (*нем.*).

74. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

14 марта 1904 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 14 марта 1904.

Дорогой Борис Николаевич!

Сожалею, что, не просмотрев статей *Весов* и не познакомившись с общим характером нового журнала, отправил Вам свои нескладные и широковещательные заметки[1].

Я имею главным образом в виду заметку о *Музыкальной гегемонии.* Хотя я все еще не получил *Весов*, но случайно имел возможность подержать в руках эту изящную книжку с такими сдержанными и сжатыми статьями, вроде Вашей о Спенсере и *Ключей тайн* Брюсова[2]. Я убедился, что совсем иначе и кратче нужно было изложить возражение г. А. Смирнову[3]. Я сейчас попытаюсь это сделать и тогда вышлю Вам другую рукопись, а первую прошу Вас возвратить. Ее я, в случае непомещения *Весами* и второй, отправлю в *Приднепровский Край*[4].

Если я запоздал с этим письмом, то попросите вычеркнуть в статье о *Музыкальной гегемонии*: «коего весьма и весьма не чужд был и Сезар Франк». Дело в том, что вагнеризм Сезара Франка вовсе уж не так очевиден, чтобы стоило его упрекать в нем. Это скорее не вагнеризм, а разбавленный французскою causerie* *Листизм*... Впрочем: это я уж так: для очистки совести; можно и оставить «упрек» в вагнеризме. Итак: 1) я сейчас напишу иначе; 2) если Вы рукопись отнесли, то пока ничего не предпринимайте; 3) если не отнесли, то подождите до вторника[5]; 4) поторопите контору *Весов* высылкой мне журнала; 5) напишите, как и что и когда приедете[6].

P. S. До свиданья. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 36.

[1] См. п. 73.

[2] Опубликованные в № 1 «Весов» за 1904 г. статьи «Ключи тайн» В. Брюсова (С. 3–21) и «Герберт Спенсер († 25 ноября ст. ст. 1903 г.)» Андрея Белого (С. 52–54). Метнер подробно изложил статью Брюсова и высоко ее оценил («большое самообладание, отсутствие риторики, деловитость») в обзоре «Из журналов. 3. „Весы“» (Приднепровский Край. 1904. № 2140, 20 апреля. Подпись: Э.).

* Легкая беседа (*фр.*).

[3] Подразумевается статья А. А. Смирнова «Вечера современной музыки» (см. примеч. 1 к п. 73). В обзоре «Из журналов. 1. „Новый Путь“. 2. „Мир Искусства“» Метнер отметил, что музыкальные заметки Смирнова «заключают в себе странные мнения и рискованные диагнозы» (Приднепровский Край. 1904. № 2116, 23 марта. Подпись: Э.).

[4] См. примеч. 3 к п. 57. Метнер выступил против упомянутой статьи Смирнова, посвятив ей полемическую статью «Музыка и декаденты (По поводу одной рецензии)» (Приднепровский Край. 1904. № 2126, 6 апреля. Подпись: Э.); в ней он находил «галломанию» критика «весьма неуместной», а также высказывался против его преклонения перед Сезаром Франком.

[5] 16 марта.

[6] Белый приехал к Метнеру в Нижний Новгород 18 марта 1904 г. (ср. его сообщение в письме к матери от 17 марта: «Буду в Нижнем только завтра в 7 часов вечера» // *Письма к матери*. С. 46), прожил там до конца страстной недели (27 марта).

75. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

Около 28 марта 1904 г. Нижний Новгород

Христос Воскресе[1], дорогой мой Борис Николаевич! Передайте мой привет и поздравления с праздником Вашей матушке. Приезд Коли[2] помешал мне раньше написать Вам. Как-то сразу окунулся в родную стихию музыки. Коля нашел, что, несмотря на ничегонеделание, я сделал успех. Но сериозный успех возможен только при том условии, если бы мы жили вместе. А то возможно и т. д. и т. д… Препровождаю Вам при сем письмо на Ваше имя, которое я чуть-чуть не вскрыл[3]. Не правда ли, к светлому празднику просветлело? Даже маленький рецидив зимы (на днях у нас имевший место) ничего не мог сделать с решительной тенденцией к просветлению… Ваше пребывание у нас оставило по себе глубокую борозду на поле, которое мне одному было не под силу вспахивать. ***Спасибо Вам***…[4] Спрашивал Колю о Челищеве[5]. «Симпатичный, милый, способный человек, между прочим и к музыке, большие, но чисто внешние музыкальные данные, недисциплинированный и неглубокий вкус; в общем приятный, но неисправимый дилетант». Сообщаю это Вам ***по секрету*** к сведению. Жду от Вас письма. Будьте здоровы. Помните мои советы. Горячо любящий Вас Эмилий Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 37.

[1] Пасха в 1904 г. — 28 марта.

[2] Н. К. Метнер приехал в Нижний Новгород сразу после отъезда Белого оттуда, 7 апреля возвратился в Москву.

[3] Ср. п. 76.

[4] Ср. дневниковую запись Метнера от 17 апреля 1904 г.: «Гостил у меня на Страстной Бугаев. <...> Целую неделю мы с ним захлебывались. Не передать, о чем мы с ним переговорили» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 103 — 103 об.). 1 апреля 1904 г. Метнер писал А. С. Петровскому: «Бугаева я поберег. Он у нас поправился. Говорили с ним без умолку с утра до ночи (иногда очень поздней). Его гений начинает принимать в моих глазах очертания довольно определенные» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 8).

[5] Музыкант А. С. Челищев принадлежал к «аргонавтическому» кругу — молодых людей, близких Белому по духовным исканиям (см. его письма к Белому 1903–1904 гг. // РГБ. Ф. 25. Карт. 25. Ед. хр. 6).

76. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 28 марта 1904 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович, Христос Воскресе![1] Поздравляю Вас и Анну Михайловну[2]. Желаю всего хорошего. Будьте так добры, перешлите мне письмо, посланное на мое имя, запечатав его в отдельный конверт. Буду очень благодарен. Посылаю марки для сего. На днях пишу Вам. Ваш уважающий и любящий

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 33. Написано на визитной карточке.

[1] См. примеч. 1 к п. 75.

[2] А. М. Метнер.

77. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

28 апреля 1904 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 28 апр. 1904 г.

Спешу уведомить Вас, дорогой Борис Николаевич, что, к сожалению, приезжать Вам теперь в Нижний читать лекцию не стоит[1]. Даже нижегородский кумир Фриче (полярная противоположность

Нитче), читавший вдобавок об Японии, не собрал публики[2]. Придется отложить до осени. Но летом я Вас буду поджидать. Если Сергей Михайлович[3] затеет тоже ехать, милости просим. Необходимо Вам будет только условиться с Колей[4], который собирается ко мне летом дважды: первый раз в мае; второй раз в июле; оба раза надолго. Жду я также и Петровского. Я был бы счастлив видеть всех зараз, но это невозможно. Коля во всяком случае должен гостить *один*, иначе он будет стесняться работать. Кстати: Коля писал мне об очень интересном вечере у Вас...[5] Как Вы справились с надоедливым нижегородским антихристом в юпке[6]? Она спрашивала у меня адрес Хлудова! Сидела у меня до вторых петухов! До свидания! Пишите. Ваш друг.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 38.

[1] Видимо, о намерении Белого выступить с лекцией в Нижнем Новгороде шла речь во время его пребывания там в марте 1904 г.

[2] С публичной лекцией «Современная Япония» В. М. Фриче, приват-доцент Московского университета, выступил в Нижнем Новгороде 23 апреля в зале Коммерческого клуба. См. изложение ее (под общим заголовком «Современная Япония (Из лекции В. М. Фриче)»): Нижегородский Листок. 1904. № 113, 26 апреля; Волгарь. 1904. № 111, 25 апреля; № 112, 26 апреля.

[3] С. М. Соловьев.

[4] Н. К. Метнер.

[5] Упомянутое письмо Н. К. Метнера не обнаружено.

[6] Подразумевается А. Н. Шмидт. Белый вспоминает о ней: «...я видел ее на одном из моих воскресений; проведав о них, она явилась нежданно; но ей, видимо, не понравилось; она быстро ушла» (*НВ*. С. 145).

78. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Конец апреля — начало мая 1904 г. Москва

Дорогой, милый и многоуважаемый Эмилий Карлович, прежде всего простите меня за долгое молчание. Едва я приехал от Вас, как попал в Москве в круговорот самых разнообразных вибраций, в которых вертелся, как пробка, брошенная в воронку Мальстрема[1]. Какие-то разнородные силы очевидно избрали себе таранами тот круг людей, где мне приходится вращаться. Отдельные люди сшибались друг с другом яро, неустанно, телепатически,

психически, умственно и реально (фактически) и *совершенно по неизвестным причинам.* Когда я был у Вас в Нижнем, дорогой Эмилий Карлович, ах, как я отдохнул! Точно я попал в уютный зимний сад, ароматный и занавешенный от зимних вьюг, ревущих за стенами. Едва я ушел из сада, как был охвачен страшным порывом бури, которому противился, изогнувшись всем корпусом, а впоследствии, и сам увлеченный бурей, стал как бы камнем, летящим по ветру. Был один момент, когда я чувствовал себя совершенно погибшим. Я боялся, не задавил ли я — камень — насмерть кого-нибудь? Тогда меня обуяла страшная и странная веселость; тогда же пришлись концерты Никиша[2]. Слушая 5-ую и 6-ую симфонию, где фигурирует *рок* и *смерть*, я в самом деле полагал, что *фактически я убийца.* И вдруг, когда мне казалось, что черта перейдена, все как-то сразу улыбнулось — мягко, дружески, любовно. И нежное Христово дуновение точно осыпало меня белым, чуть-чуть розовым, цветом. Не знаю, что будет дальше, но пока я, успокоенный и разбитый, ни о чем не думаю. И вот что выяснилось за это время. Почти у *всех членов нашего кружка с аргонавтическим налетом были ужасы — сначала мистические, потом психические и наконец реальные.* Точно над лесом деревья, немного выше стоящие остальных; вот теперь стоят деревья, поломанные, ожидая новых порывов бури. Потом уже я узнал, что 1) Блок тоже *погибал* внутренне за эти дни (началом ужаса у него были стихотворения о *карлике с девушкой* и тому подобные)[3]. 2) Что были в Москве магнитные бури (это факт). 3) Что около Москвы в марте был барометрический минимум всей Европы. Таким образом, *психические колебания, мистические, барометрические* и магнитные шли рука об руку. В результате ряд воплощений на физическом плане — люди сшибались, обстоятельства развивались и т. д. Причем та среда, которая меня в настоящее время окружает, вся насыщена телепатизмом, медиумизмом и т. д., так что при существовании почти что кружка (никем не установленного) получались наиболее *крупные мистические отметки событий. При этом выяснилась роль Брюсова, направленная внутренне против аргонавтизма и в частности против меня, как лица, стоящего в самом центре нежелательных для Брюсова вибраций.* Мы обменялись друг с другом несколькими сеансами мистических фехтований, при

этом я продолжаю любить Брюсова как Валерия Яковлевича, а он меня, как Б. Н., но проявляемое Брюсовым, как медиумом, диаметрально противоположно проявляемому мной[4]. Теперь, когда острая горячка *моровых*<?> *ужасов* прошла, стали<?>, как сыпь, выступать разведенные Брюсовым вибрации в виде стихотворения «*Erlkönig*», написанного Брюсовым[5]. Он, как филолог, нашел, что в народных поверьях *лесной царь — это рысь*; диалог между *ребенком и рысью* происходит на городском сквере в Москве при луне. Должно быть, это Цветной бульвар и место действия против цирка Саламонского (тут живет Брюсов[6] — эта московская рысь, завезенная кем-то в недобрый день в Москву). Теперь я понимаю четверостишие Брюсова:

«Я взойду при первом дне
Хохотать к зубцам на выси.
И на смех ответят мне
Неумолчным смехом рыси»...[7]

Это провиденциально. Далее: я понял кое-что из рысиных настроений, обращенных мне. И теперь знаю наверно: Брюсов черномаг и отдушник, из которого, как из печки, в дни ужасов кто-то выбрасывает столбы серных паров. Но извне он только почтенный, вежливый, корректный человек и как таковой заслуживает всяческого внимания. Следует от него загораживаться только в глубинах духа.

Для меня ясно: выяснились две мистических станции. Мы, как служащие на станции, разумеется больше и терпим. Что ж — будь что будет!

Дорогой Эмилий Карлович: тот лейт-мотив, который Вы с Анной Михайловной усмотрели в моем чтении[8], и который появился у меня только месяца два, и есть *лейт-мотив* мистических ужасов, которыми бывает насыщена атмосфера, когда враждебные заряды вибраций разрываются здесь и там. (Кстати: в это же время погиб и Макаров. Гибель «Петропавловска», кроме нас с Ал<ексеем> Сергеевичем, еще отметило несколько новых и между ними Блок)[9].

Здесь в Москве особенно вспоминаю часы, проведенные с Вами и с Анной Михайловной, а также и те незабываемые моменты, которые *случались*, от времени до времени. Ах, как хотелось бы устроить нечто вроде *скита* на берегу реки над

простором среди густых зеленых сосен, где собирались бы и жили только те, кто соединены друг с другом неизгладимым, грустно-задумчивым......

Дорогой Эмилий Карлович, лекция моя запрещена, так что читать ее мне не придется. В Нижний я не заеду. Христос с Вами. Желаю Вам счастья, покоя — и... счастья, счастья. Вспоминайте иногда обо мне, и помолитесь. Я буду о Вас молиться.

Остаюсь глубокоуважающий и любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет, уважение и расположение Анне Михайловне. Напомните Ей от Моего имени, что я помню «*лесную тишину*», висящую у Вас над роялью, и желание уйти вдоль реки, чтобы наконец увидеть всем нам забытое жилище над рекою, никогда не покидает меня.

Посылаю Вам стихотворение, написанное в один из дней ужасов.

Успокоение.

Ушел я раннею весной.
В руке моей пылали свечи.
Линючей, красной пеленой
Повил опущенные плечи
Священный, царский плащ — кумач.
В очах ни слез, в груди ни вздоха.
К челу больному я — палач —
Прижал венок чертополоха.
Мой ум был ясен, как стекло,
Но я для сутолоки замер.
И время медленно текло
Средь одиночных, буйных камер.
Сложивши руки без борьбы,
Покорно ждал судьбы развязки.
Там... за стеной... безумств рабы
Свершали мертвенные пляски.

И вновь повеяло весной.
И я бежал из душных камер.
Украдкой шел по мостовой.
И средь полей блаженно замер.

Горела нежно бледность дня.
Пушистой вербой кто-то двигал.
Но вихрь танцующий меня
Обсыпал тучей льдяных игол.

Пришли и видят — как брожу
Средь метел я чертополохов...

И вот в стенах опять сижу.
В очах ни слез, в груди — нет вздохов.
Мне жить в застенке суждено.
О, да! Застенок мой прекрасен.
Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен[10].

Видел на днях Николая Карловича[11]. К сожалению, не поговорил с ним в той мере, в какой мне это хотелось, потому что в этот день у меня было много народу и я совсем не принадлежал себе. Познакомился с Буюкли. Он у меня часто бывает. Он — чудак, но очень милый человек. Познакомился с Вячеславом Ивановым[12]. Очень интересный человек, но не вполне симпатичный. Была Шмидтиха, приставала, но я был с ней мундирно-вежлив и только[13].

Говорил о Вашей заметке в «*Весах*»[14]. Они главным образом имели что-то против тона заметки — *что*, так я и не понял, ибо, по-моему, Ваша заметка очень хороша. Просят Вас прислать еще что-нибудь.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 35. Помета красным карандашом: «XXXIV». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 213.

[1] Мальстрём — водоворот у северо-западного побережья Норвегии; получил известность благодаря рассказу Эдгара А. По «Низвержение в Мальстрём» (1841), в котором красочное описание водоворота основывается на сведениях из Британской энциклопедии.

[2] Концерты Артура Никиша с его берлинским оркестром прошли в Москве 14, 15, 16 апреля 1904 г. и были посвящены произведениям П. И. Чайковского (организованы братом композитора М. И. Чайковским). См.: *Ю. Э.* <Энгель Ю. Д.> Симфонии Чайковского (К концертам А. Никиша) // Русские Ведомости. 1904. № 103, 14 апреля. С. 3–4.

[3] В письме к Белому от 7 апреля 1904 г. Блок признавался: «Я *спал* и видел холодные сны (в букв<альном> см<ысле>). <...> Среди бела дня снился мне кошмар об „опрокинутых кадках“ и девушке с карликом» (*Белый — Блок*. С. 138). Подразумевается стихотворение Блока «Обман» («В пустом переулке весенние воды...», 5 марта 1904); см.: *Блок*. Т. 2. С. 102). Рукопись этого стихотворения Блок выслал в Москву вместе с письмом к С. М. Соловьеву от 8 марта 1904 г.

[4] Ср. признания Белого в недатированном письме к Блоку, относящемся к тому же времени: «...неспроста для меня Брюсов, который изнутри (я это чувствую, а также имею некоторые *внешние* и *веские* сведения) ведет против меня атаку. <...> Брюсов, встречаемый *там* — всегда оборотень — злая собака, лающая из белоснежных, росистых левкоев, или нетопырь, прилипающий к груди, чтобы пить кровь <...>» (*Белый — Блок*. С. 151). О духовно-психологическом противостоянии с Брюсовым, очевидные симптомы которого Белый стал ощущать весной 1904 г., см. во вступительной статье С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к переписке Брюсова и Белого (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 332–339), а также: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 18–38.

[5] «Erlkönig» («Лесной царь», 1782) — название стихотворения Гёте. Подразумевается центральная часть стихотворения Брюсова «In hac lacrimarum valle» (1902) из его книги «Urbi et orbi». См.: *Брюсов Валерий*. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. С. 307–308.

[6] Имеется в виду дом Брюсовых на Цветном бульваре (д. 24). Здесь Брюсов жил до сентября 1910 г.

[7] Неточно цитируется первое четверостишие центральной части стихотворения «In hac lacrimarum valle».

[8] А. М. Метнер. Речь идет о чтении Белым своих стихотворений во время пребывания у Метнеров в Нижнем Новгороде в конце марта 1904 г.

[9] Упоминается А. С. Петровский. Речь идет о гибели броненосца «Петропавловск», подорвавшегося 31 марта 1904 г. на японской мине под Порт-Артуром; погибли 650 человек, в том числе адмирал С. О. Макаров и художник В. В. Верещагин. 7 апреля 1904 г. Блок отмечал в письме к Белому: «...меня „Петропавловск“ совсем поразил» (*Белый — Блок*. С. 138).

[10] Впервые опубликовано (с подзаголовком: «Из воспоминаний помешанного») в составе цикла Белого «Тоска о воле» в кн.: Альманах к-ва «Гриф». М., 1905. С. 11–12 (см.: *СП — 1*. С. 464–465). Варианты — ст. 2: «В руках моих пылали свечи»; ст. 14: «Спокойно ждал судьбы развязки»; ст. 28: «В очах нет слез. В груди нет вздохов». В переработанном виде вошло в книгу Андрея Белого «Пепел» (СПб.: Шиповник, 1909); при этом ст. 25–32 соответствуют строфам I–II стихотворения «В темнице» (С. 168–170, 173–174). См.: *СП — 1*. С. 257–258, 259.

[11] Н. К. Метнер.

[12] Вяч. И. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал приехали в Москву 16 (29) марта 1904 г., первая их встреча с Белым состоялась 4 апреля, на Красную горку. См.: Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада // Русская литература. 2015. № 2. С. 30.

[13] См. примеч. 5 к п. 77.

[14] Подразумевается, прежде всего, статья Метнера «Музыкальная гегемония». См. п. 73, 74.

79. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

5 мая 1904 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович. Сегодня уезжаю в деревню[1]. Пишите мне, если вздумаете (ужасно хочу слышать от Вас весточку) по деревенскому адресу: Тульская губ. Город Ефремов. Сельцо Серебряный-Колодезь. Буду писать из деревни. Христос с Вами. Любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[2].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 34. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 5. 5. 04. Почтовый штемпель получения: Н.-Новгород. 6. V. 1904. Адрес Метнера: «Угол Телячьей улицы и Вознесенского переулка, дом Абрамовой».

[1] Аналогичное сообщение («В деревню уезжаю сегодня») — в письме Белого к А. С. Петровскому, датированном 4 мая 1904 г., отправленном из Москвы, согласно почтовому штемпелю, 4 мая и полученном в Сергиевом Посаде на следующий день (*Белый — Петровский.* С. 85–86). Видимо, Белый после отправления письма Петровскому перенес день отъезда.

[2] А. М. Метнер.

80. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Середина мая 1904 г. Серебряный Колодезь

Тульская губерния, г. Ефремов,
сельцо Серебряный-Колодезь.

Многоуважаемый, дорогой Эмилий Карлович,
пишу Вам из деревни. Недавно переехал сюда. Захлебнулся тишиной. Не могу прийти в себя от спокойствия. Воспользовался

свободой, чтобы Вам написать. Вы не можете себе представить, в каком водовороте людей мне приходится теперь быть в Москве. И всё не просто люди, а люди, в том или другом отношении связанные со мной. Довольно близко сошелся я с Вячеславом Ивановым. Он показался мне очень и очень умным, образованным человеком. Он — действительно знаток всего, что касается дионисизма, и от него зачастую мне приходилось слышать чисто фактические и исторические основания тому, что я в себе считал безумством или мечтой. Но только он человек ужасно холодный и зоркий (может быть, слишком зоркий — «*пронырливый*»). Но это вытекает из его чисто художественной натуры, которая буквально исчерпывает людей, или вернее «*вычерпывает*» все, что ему нужно для себя, чтоб потом оставить ненужные остатки. Я все-таки в этом его значительно оправдываю, называя это «*орлиностью*» в реальном, а не метафорическом смысле. Действительно: что такое орел? Посмотрите, с какой пронырливостью смотрит на вас из-за решетки клетки в зоологическом саду царь птиц? Как неприятно кричит он... Наконец, от его клетки... дурно пахнет. И все-таки *он*, а не кто-либо иной возносится за облака над снежной вершиной.

Вячеслав Иванов похож на гадкого, не совсем опрятного «*орлеца*», со своим протяжным, гнусаво-певучим голосом. И все-таки это незаурядный, сильный, большой человек, у которого «*видимость*» неопрятности (пронырливость, излишняя вкрадчивость) появилась *лишь* потому, что он — *большой художник*. В ближайших номерах «*Весов*» обратите внимание на его великолепную статью о *Ницше*[1]. Это — перл.

Дорогой Эмилий Карлович, на днях буду Вам подробно и много писать, а это — *только приглашение к переписке*. Ужасно сетую, что не мог быть в Нижнем весной. Теперь, вероятно, увидимся осенью, когда Вы и Анна Михайловна[2] будете в Москве. Я ужасно часто думаю о Вас и особенно здесь, в деревне, где тишина. А в тишине многое видно. Можно подслушать *тайный шорох*, можно *увидеть* своих добрых знакомых, несмотря на расстояние. Так вот и я иногда, врезаюсь в волны эфира и потом, попав в *течение*, которое мне нужно безошибочно, как мне кажется, несусь прямо к Вам. Христос с Вами. Остаюсь любящий и уважающий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 36. Помета красным карандашом: «XXXV».

[1] Подразумевается статья Вяч. Иванова «Ницше и Дионис» (Весы. 1904. № 5. С. 17–30). Вошла в книгу Вяч. Иванова «По Звездам: Статьи и афоризмы» (СПб.: Оры, 1909).

[2] А. М. Метнер.

81. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

28 мая 1904 г. Нижний Новгород

Н. Новгород (увы! Все еще Н. Новгород!). 28 мая (Es kann nichts besseres geben, als den Mai, als den Mai allein[1]. На этот раз Ницше ошибся: по-видимому, период дождей переселился с театра войны, чтобы не мешать последней, сюда к нам в оскудевший центр) 1904 года, сто двадцать первый день войны коекаков с макаками: тридцать пятый день осады Порт-Артура и прочая...[2] Дорогой и милый Борис Николаевич! Как видите, я все еще полон мыслями о войне. Кроме того музыка, хотя я и занимаюсь ею не особенно много, скорее даже мало и с постоянными перерывами, прибавила к программе моего дня еще один номер; затем за промежуток времени между днем Вашего отъезда[3] и сегодняшним ничего особенного не произошло внутри меня. Вышло так, что я писал Алексею Сергеевичу больше, нежели Вам[4], писал по поводу разных пунктиков, относительно которых мы с ним разногласим. После Вас на Святой был Коля[5], который неделю тому назад приехал опять к нам надолго. Вот целый ряд причин, почему я ограничился тем, что послал Вам кажется два деловых или полуделовых письмеца[6]. Получили ли Вы письмо, адресованное на Ваше имя сюда в Нижний и полученное два дня спустя после Вашего отъезда отсюда?[7] Ваши письма (карточку, открытку, большое письмо со стихотворением и небольшое с характеристикой Вячеслава Иванова) — я получил...[8] Я до сих пор еще не читал *Гриф* за 1904 г.[9]; я не покупаю его, потому что Вы сказали, что у Вас есть лишний экземпляр, который Вы можете мне выслать. Если Вы этот экземпляр взяли с собою в деревню, то пришлите мне его, пожалуйста, но только в том случае, если он у Вас, если он не затерялся; если же он

остался в городе, то я подожду до осени. Это не важно. Читал в *Весах* отличную рецензию Брюсова о Вас и о В. Иванове[10]. Брюсов завидует Вам, не завидует В. Иванову; Брюсов, *тепе-решний* Брюсов Urbi et Orbi, — ближе к лысому дионисианскому сократику, нежели к Вам, но все-таки в сущности в главном он почти справедлив в этой рецензии. Я о ней написал статью, которая еще не помещена[11]. Конечно, я в ней не сказал того, что говорю здесь, а что́ сказал — повторять не стоит: ведь писано для взрослых детей… Вот для кого написана статья Рачинского о Гуго Вольфе — трудно сказать[12]. Эта статья — блестящий образчик дилетантизма с примесью странной смеси декадентства и косного ретроградства. Кроме того, Рачинский сделал грубую ошибку, приписав германской песне те недостатки, которыми характеризуется отнюдь не она, а итальянская песня, французский и русский романс (до проникновения в него элементов германского Lied'a*). То к чему стремился Гуго Вольф… Впрочем, не стоит: на всякое чихание не наздраствуешься <*так!*>. Заканчиваю я, по обычаю всех русских немцев от Хемницера до Даля, пословицей. Вы пишете, что *Весы* главным образом имели нечто против *тона* моей статьи[13]. Не думаю! Это так из-за политики сказано! Политика же и заставляет их просить и дальше моих статей. Дело же в том, что *Весы* чуют (они чутки), до какой степени я далек от Пшибышевского; они же ведут главным образом линию последнего. У меня с *Весами* гораздо больше разномыслия, нежели согласия. То, в чем мы согласны, — это некоторые общие эстетические и философские положения. Темою для моих статей они служить не могут. Я не думаю, чтобы мне удалось что-нибудь написать для *Весов*. Посылаю Вам свою фотографическую карточку. Это тот единственный снимок, который Вы одобрили… К сожалению, мой брат (Карл Карлович) напечатал его на этот раз не на матовой бумаге и слишком темно. Кроме того, срезал конец руки с тростью; получилась глупая поза… Я завидую Вашей деревенской тишине. Давно я уже не захлебывался ею… Вы великолепно охарактеризовали Вячеслава Иванова[14] и сильно заинтересовали меня им. По-видимому, он — не моего поля ягода

---

* Песнопения (*нем.*).

(опять пословица! Когда я отучусь от этой привычки русских немцев). Да и не Вашего. Это не аргонавт, хотя в *журнале* «Арго» мог бы участвовать[15], благодаря пронырливости. Он занимает меня не как художник, а как специалист по дионисианству. И не только занимает меня то, чтó он вынес из своих студий, но и то, чтó его толкнуло к ним. Каких писателей (не эллинских) он считает ближе всех к дионисизму? Простите, дорогой Борис Николаевич, за пустоту этого письма. Я еле-еле собрался Вам откликнуться на Ваше приглашение к летней переписке. Этим и ограничусь пока... Два слова о *Золоте в Лазури*[16]. Сколько там грехов против... или нет, лучше так скажу: погружаясь в Вашу книгу, я местами испытываю двойственное ощущение наслаждения и досады. Дело в том, что не все можно покрывать красками и позолотой. Берегитесь врубелевской линии. Брюсов неправ, преувеличивая и число (9/10) и глубину Ваших падений, но они несомненно существуют. В особенности надо оберегать интимное (Христово чувство и т. п.) как от красочного и экстатического налета, так и от загадочности; надо намекать легко[17]. Даже в *Старинном Друге*[18], которого я ***страшно*** люблю, не все обстоит благополучно. Безусловно хорош отдел *Прежде и Теперь*[19]. Вашу вторую симфонию (драматическую) я ставлю выше всего Вами написанного по цельности и гармоничности. До свиданья. Пишите. Мой привет Вашей матушке. Анюта[20] кланяется. Горячо любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 39.

[1] Неточно цитируется «Майская песня» («Mailied») Ницше («Die Vöglein singen wonnig...»); в оригинале: «O kann's was Schönres geben // Als den Mai, als den Mai allein?» («Что может быть мая прекрасней, единственно мая?»). В варианте Метнера: «Ничто не может быть лучше, чем май, единственно май».

[2] Речь идет о событиях Русско-японской войны. Ср. дневниковую запись Метнера от 6 мая 1904 г.: «Макаки воюют с коекаками (русские — коекаки)» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 110 об.).

[3] Белый выехал в Москву из Нижнего Новгорода, видимо, 27 марта 1904 г.

[4] Известны четыре письма Метнера к А. С. Петровскому, написанные после отъезда Белого из Нижнего Новгорода, — от 1 апреля, 24–26 апреля, 27 апреля, 1 мая 1904 г.

[5] Н. К. Метнер. Святая неделя в 1904 г.: 28 марта — 3 апреля.

[6] См. п. 75, 77.

[7] О пересылке этого письма по московскому адресу Белого идет речь в п. 75 и 76.

[8] Имеются в виду п. 76, 78–80.

[9] Альманах «Гриф». М., 1904.

[10] Рецензия В. Брюсова на «Золото в лазури» Андрея Белого и «Прозрачность. Вторую книгу лирики» Вяч. Иванова (М.: Скорпион, 1904) была опубликована в № 4 «Весов» за 1904 г. (С. 60–62). См.: *Брюсов Валерий.* Среди стихов. 1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. М., 1990. С. 107–108.

[11] В статье «Поэзия и критика» (Приднепровский Край. 1904. № 2179, 1 июня. Подпись: Э.) Метнер отозвался о рецензии Брюсова: «Эта рецензия — превосходный и во многих отношениях характерный образчик критического отзыва поэта о поэтах»; отметив правильность поставленного Брюсовым диагноза при сравнении двух поэтических индивидуальностей, которое «всегда к выгоде В. Иванова и к невыгоде Андрея Белого», Метнер добавлял, что «самое намерение сравнивать этих двух, столь мало общего между собою имеющих художников» объясняет себе «тем, что В. Брюсов в данный момент своей поэтической эволюции гораздо ближе к В. Иванову, нежели к А. Белому».

[12] Имеется в виду статья И. И. Рачинского «Гуго Вольф» (Весы. 1904. № 4. С. 17–29). В обзоре «„Весы“ (Апрель и май 1904 г.)» Метнер упомянул о ней — высказал предположение, «не смешивает ли Ив. Рачинский немецкую песнь с итальянской кантиленою, или даже с литературой цыганских и дилетантских романсов, и не поступает ли он так для того, чтобы возвысить реформатора Гуго Вольфа» (Приднепровский Край. 1904. № 2244, 5 августа. Подпись: Э.).

[13] См. п. 78, примеч. 14.

[14] См. п. 80.

[15] Журнала под таким названием не существовало. Позднее (видимо, в 1906 г.) возник проект сборников «Арго», разрабатывавшийся Эллисом (см.: *Лавров А. В.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 150).

[16] Книга Андрея Белого «Золото в лазури» (М.: Скорпион, 1904) вышла в свет в конце марта 1904 г. (цензурное разрешение — 15 марта).

[17] В цитированной выше статье «Поэзия и критика» Метнер, отмечая в «Золоте в лазури» «крупинки подлинной гениальности», добавлял: «В этой гениальности есть нечто шиллеровское, слегка надломленное, чересчур стремительное; отсюда недостаток вкуса или, правильнее, недостаточное подчинение своих порывов своему вкусу; эта способность, наверно, еще не так скоро разовьется, может быть, никогда не дойдет

до той степени, что вкус и гений окажутся в теснейшей дружбе». Более резко Метнер высказывался в письме к А. С. Петровскому от 24 апреля 1904 г.: «*Золото в лазури*. Тяжелая книга! Добрую половину надо было выбросить. Мистической „мути“ (употребляя Ваше выражение) — нет, тут А. Белый — белый, прозрачный, ясный, кристальный, легкий, милый, безупречный, безупречнее Блока <…>. Но до эстетической „чистоты“ Бугаеву пока далеко; в этом смысле в книге *Золото в лазури*, взятой в целом, очень много „мути“, гораздо больше, нежели во второй симфонии. Повторяю: я говорю не об отдельных стихотворениях, а обо всем сборнике, и говорю *очень* строго, т<ак> к<ак> Бугаев *очень* талантлив. <…> *Золото в лазури* скрывает в своих недрах состав, крайне рискованный в художественном смысле, именно: „варварство + вырождение“. В моменты сильнейшего подъема (но только моменты!) этот состав как бы преображается в своей ценности в своем действии, в „стихийность + утонченность“. Зато как много безвкусицы, сколько нагроможденностей, какая кричащая палитра, злоупотребление цветовою символикой, какое подчас манерничанье, превыспренность, декадентщина — я очень строг, даже преувеличенно. Я хочу быть даже злым и в одну сторону несправедливым, чтобы не сказаться таковым в другую сторону, т<ак> к<ак> ведь и я упивался, не меньше Вас, *Золотом в лазури* и очень люблю Бориса Николаевича» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 8).

[18] Автограф этого стихотворного цикла (*Андрей Белый*. Золото в лазури. С. 138–144) был послан Метнеру в п. 39.

[19] В статье «Поэзия и критика» Метнер писал: «…кроме открывания никем не виденных горизонтов, А. Белый занимается задачами, очень полезными для него самого и очень интересными для читателя; я говорю об отделе *Прежде и Теперь*; „Прежде“ — серия очаровательных картинок, выхваченных из XVIII века и своеобразно стилизованных; противопоставленное ей „Теперь“ — ряд будничных моментов современной городской жизни, описание которых напоминает страницы его же второй симфонии, подмечающие, как произведения Достоевского, „в мелочах — бездонное“».

[20] А. М. Метнер.

82. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

14 июня 1904 г. Серебряный Колодезь

Сер<ебряный> Кол<одезь>. Июня 14 1904 года.

Дорогой, Милый Эмилий Карлович,

Горячее спасибо Вам за любимую мою карточку. Буду хранить ее. Простите, что так долго не писал Вам, но у меня теперь

большая работа[1], которая в соединении с большой перепиской заставляет меня писать какие-то случайные, произвольные, *часто пустые* письма.

Благодарю Вас за ценные замечания о моих стихах. Я их *очень* принял к сведению и во *многом* согласен с Вами и даже обвиняю себя гораздо больше Вас. Но против одного «*о Христовом*» я молчу, и если есть место, где как будто я мешаю это «*священное*» с пестротой, то это только кажется, ибо там нет о «Христовом чувстве». Право, это так. Очень, очень жаль, что Вы не хотите участвовать в «*Весах*»; впрочем, понимаю Ваши мотивы: «*Весы*» прежде всего тенденциозный орган с фанфарами, плакатами, зазываниями в сторону «*нового исусства*». При грубости нашей публики и при нечистоплотности бульварной газетной критики, наиболее влияющей на *массу* публики, эти приемы имеют свое относительное оправдание. Грубые эффекты литературных приемов, стилизация отношений к искусству, конечно, не может иметь место в сериозном критическом исследовании об искусстве; но в «*Весах*» молодая русская литература прокладывает себе путь к официальному признанию. Для этого «*Весам*» нужно идти нога в ногу с заграничными декадентскими органами — важно завязать в один общеевропейский узел разнородные фракции декадентства, что обязывает «*Весы*» поддерживать линию Пшибышевского, Д'Энди и др. Я понимаю: «*Весы*» банальны декадентской банальностью, но для того чтобы стать *выше* этой банальности, публика должна переболеть ею. И вот рассадники декадентской банальности *суть* полезные этапы на пути развития.

Дорогой Эмилий Карлович, простите за краткость письма. Но уверяю Вас — ужасно занят. Остаюсь любящий Вас и горячо уважающий

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[2].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 37. Помета красным карандашом: «XXXVI». Ответ на п. 81.

[1] В июне 1904 г. Белый отдавал много времени штудиям по истории философии и психологии.

[2] А. М. Метнер.

83. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

20–21 июня 1904 г. Нижний Новгород

Июня 20 1904 г. г. Н.-Новгород.

Дорогой милый Борис Николаевич! Ваше письмо от 14 июня получил. 1) Я, должно быть, неосторожно выразился. Я не против принципа красочности в *Старинном Друге* (да и вообще)[1], а против некоего неуклюжего (извините *другу* резкое выражение) выражения этого принципа. Вы вольны смотреть на мир и на вне- или пре-мирное *своими* очами и можете всякого остановить очами Ницше: (см. XII том, стр. 217–218 (460))[2]. Вы жалуетесь на то, что я употребляю кричащие краски?.. Может быть, у меня натура, которая кричит, как олень, жаждущий свежей воды. Если бы вы сами были этою свежею водою, то как приятно прозвучал бы для Вас мой голос! Но вы раздосадованы на то, что не можете помочь мне в моей жажде… 2) Статья Вяч. Иванова о Ницше — очень хороша[3], но мне начинает надоедать его вычурная манера выражаться; это уже не искусство, а искусственность; ради Бога, не заражайтесь этим венцеславизмом; учитесь у Пушкина и… только… у Пушкина; я разумею изучение языка… Очень, очень нравится мне статья Карла Иоэля *Ницше и романтизм*; прочтите (*Новый Путь*, июнь) ее[4]. 3) Я не то что не хочу, а не могу участвовать в *Весах*: я чувствую, что никогда не впаду в тон *Весов*, а для того, чтобы притворяться, приспособляться, я слишком бездарен литературно. Это, что касается *тона*, который им так не понравился в моей статье. Но кроме того я и принципиально расхожусь с *Весами.* Для меня выше всего искусство и старое и новое, а для *Весов — новизна* и специфическая новизна на первом плане. Далее, я не люблю французов и поляков, не люблю всю эту судорожную манерную рафинированно-пошловатую и надутую линию Пшибышевского, новейшей музыки; я ненавижу эту черту и в самом Ницше, который очень часто (все чаще) разочаровывает меня своими дрыганиями и беспокойными скачками, своей мазуркою и полькой мысли. Во всяком случае Вы ничего не говорите *Весам* о моем принципиальном нежелании участвовать. Может быть, я и напишу что-нибудь. 4) Где Алексей Сергеевич? Он написал мне, прося уведомить его, когда удобнее ему приехать в Нижний[5]. Но я не знаю куда отвечать ему. Он пишет, что едет к Вам. Если

он у Вас, скажите ему, что удобнее всего от нынешнего дня до середины июля. Впрочем, я еще напишу ему, лишь только узнаю его адрес. Если ему это время неудобно, то я уговорюсь с Колей и с Сашей Братенши[6], которые собираются ко мне первый во вторую половину июля, второй (вторично) в августе.

5) Помолитесь за меня, дорогой Борис Николаевич! В Нижегородской губернии (как я конфиденциально и достоверно узнал) делаются приготовления к мобилизации всего нижегородского запаса. Если мобилизация действительно состоится, то я только чудом могу спастись от войны. Я — спокоен. Но внутри ***все*** протестует против войны вообще, этой войны и т. д. 6) Коля написал несколько изумительных песен на слова Гёте[7], на те, которые я ему указал, интерпретировал, на те, которые я читал Вам. Он все более влюбляется в Гёте. Скоро сравняется в этом со мною. 7) Если лишний экземпляр Альманах<а> *Гриф* за 1904 год у Вас в деревне, то вручите его Алексею Сергеевичу; он привезет мне.

8) Будет ли напечатана Ваша лекция в Мире Искусств?[8]

9) Я нисколько не обижаюсь, что Вы мне не пишете. Я очень рад, что у Вас «большая работа».

21 июня. Новый Путь стал скучен. Прочел *Саломею* Уальда[9] <*так!*>. Совсем не понравилось. Прочел *Историю одной любви* Гамсуна[10]. В восторге. Вот, пожалуй, наиболее *симпатичный* из северных. Заключаю письмо. Работайте. Передайте мой искренний привет Вашей матушке. Анюта[11] кланяется Вам и благодарит за память. Горячо любящий Вас

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 40.
Ответ на п. 82.

[1] См. п. 81, примеч. 18.

[2] Отсылка к фрагменту 460 раздела «Личные критические заметки» («Kritische persönliche Bemerkungen (1881–1883)») в кн.: *Nietzsche Friedrich.* Werke. Bd. XII. Nachgelassene Werke. Unveröffentlichtes aus der Zeit der Fröhlichen Wissenschaft und des Zarathustra (1881–1886). Leipzig: Verlag von C. G. Naumann, 1901. Его текст: «Ihr beklagt euch darüber, dass ich schreiende Farben gebrauche? Nun, ich nehme die Farben aus der Natur, — was kann ich für die Natur! Aber ihr sagt, es sei dies meine Natur und nicht die eure und die aller Welt! Und ihr habt vielleicht Recht: vielleicht habe ich eine Natur, welche *schreit*, — „wie die Hirsch schreit nach frischem Wasser“. Wäret ihr selber diese frische Wasser, wie gefällig würde euch meine Stimme klingen! Aber ihr seid

verdriesslich darüber, mir nicht von meinem Durste helfen zu können — und ihr möchtet vielleicht mir so gerne helfen? — — » («Вы жалуетесь на то, что я использую кричащие тона? Что ж, я беру их из природы — разве я отвечаю за нее? — Вы говорите, что это моя природа, но никак не ваша и не всего мира! Наверное, вы правы: возможно, моя природа *кричит*, „как кричит олень, жаждущий свежей воды". Если бы вы сами были этой свежей водой, как приятно звучал бы для вас мой голос! Но вам досадно, что вы не в состоянии утолить мою жажду, и, быть может, вы охотно хотели бы мне помочь? — — —». — Перевод А. А. Карельского, А. А. Моисеенковой, М. Селисской; см.: *Ницше Фридрих*. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2013. Т. 9. С. 611. В тексте — цитата из кантаты Феликса Мендельсона-Бартольди).

3 См. примеч. 1 к п. 80. В обзоре «„Весы" (Апрель и май 1904 г.)» Метнер назвал статью Вяч. Иванова «великолепной», особо отметив: она «является приятным исключением изо всей известной мне литературы о ницшеанстве, наполненной недоразумениями и злобностями» (Приднепровский Край. 1904. № 2244, 5 августа. Подпись: Э.).

4 См.: *Иоэль Карл*. Ницше и романтизм / Пер. Дворчикова // Новый Путь. 1904. № 6. С. 107–146; № 7. С. 30–66. Опираясь на эту работу, Метнер написал статью «Романтизм и Ницше» (Приднепровский Край. 1904. № 2296, 28 сентября; № 2303, 5 октября; № 2310, 12 октября. Подпись: Э.).

5 В письме к Метнеру из Москвы от 3 июня 1904 г. А. С. Петровский извещал: «Покамест еду отдыхать (едва ли!) к Бор<ису> Ник<олаевичу> недели на 2. В июле или августе не теряю надежды быть у Вас. Напишите, когда Вам будет *не*удобно мое присутствие» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 27).

6 Н. К. Метнер и Александр Михайлович Братенши, брат А. М. Метнер.

7 Цикл «Девять песен В. Гёте» для голоса и фортепиано (ор. 6) Н. К. Метнера; работа над ним началась в конце 1903 г. и продолжалась до осени 1904 г. Цикл посвящен А. М. и Э. К. Метнерам, включает пьесы: № 1 «Ночная песнь странника» II («Wandrers Nachtlied», 1 января 1904), № 2 «Майская песнь» («Mailied»), № 3 «Песенка эльфов» («Elfenliedchen», 10 января 1904), № 4 «Мимоходом» («Im Vorübergehn»), № 5 «Песня из „Клаудины"» («Aus „Claudine von Villa-Bella"»), № 6, 7 «Из „Эрвина и Эльмиры"» I, II («Aus „Erwin und Elmire"» I, II, май 1904), № 8 «Первая утрата» («Erster Verlust», 1 июля 1904), № 9 «Эпиталама» («Gefunden»).

8 Подразумевается статья «Символизм как миропонимание». См. примеч. 5 к п. 52.

9 «Саломея» («Salomé», 1893) — драма Оскара Уайльда. Метнер, видимо, знакомился с ней по изданию: *Уайльд Оскар*. Саломея: Драма в одном действии / Пер. В. и Л. Андрусон под ред. К. Д. Бальмонта. М.: Гриф, 1904.

10 Под этим заглавием был выпущен в переводе М. П. Благовещенской в 1904 г. отдельным изданием роман Кнута Гамсуна «Виктория» («Victoria», 1898).

11 А. М. Метнер.

84. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Вторая половина июня 1904 г. Серебряный Колодезь

Многоуважаемый и дорогой Эмилий Карлович,
нет Солнца. Тянется жемчужная нить времени. Только утра блистают, как розовый бриллиант. Падают дни — матовые жемчужины. Но за то дни обвеяны ветром. Ветерок этот пронесся над Москвой, причинив немало затруднений. Немало стоили денег москвичам эти ветряные игры. Я *связываю барометрический и психический минимум*, пронесшийся над Москвой *в марте, с внешне разразившимся циклоном*. Чем они связаны метеорологически — не знаю. Может быть, *то* и *другое* суть *постцеденты* чего-то еще более внутреннего. Может быть, *прецеденты* монгольских ужасов[1].

Как бы то ни было, для меня выяснилось одно: *теперь в мистическом отношении полоса затишья*. «*Летописи Мира*», закрыв бюро, открытое ежегодно в неизвестные нам сроки, отправились пить чай, чем я и воспользовался: теперь читаю Вундта[2]. Что за превосходный ученый и остроумный, глубокомысленный философ. Глубокомыслие это, конечно, совершенно иного свойства, нежели кантовское, но я и не предъявляю к Вундту специально гносеологических требований. Все достоинство его труда («*Система философии*»[3]) заключается в философской обработке научного материала и в беспристрастных распространениях* в области логической физико-химических, психологических, физиологических и математических данных. Это своего рода «*метапозитивизм*», т. е. продолжение *пунктиром* тех линий, которые ведет научно-позитивное миропонимание. И что же: выясняются принципы совершенно идеалистические из последовательного проведения позитивистических тенденций. Вундт метафизик, критицист, идеалист на гигантском фундаменте точных наук. Я не разделяю его веры в возможность научным путем разрешить или только приблизить разрешение *вечных вопросов*, но мне дорога эта честная объективность. При полном отсутствии внутреннего опыта или религии говорить извне

---

* *В автографе*: распространений

о религиях или внутреннем опыте чрезвычайно трудно в желательном для этих дисциплин направлении. Между тем Вундт, опираясь только на чуждые идеализму методы, в корне все же идеалист. Громадной важности его признание о невозможности считать эквивалентными истолкование психических процессов в физиологических терминах и обратно, а также слова о необходимости разделения между внутренним и внешним опытом. Ведь Вундт — величайший авторитет по физиологии, и слова его, направленные к умалению психофизиологического понимания *души*, ценны, как бриллианты.

Для меня все более и более выясняется необходимость теургического отношения к религии, *ибо это есть единственное отношение, при котором религия возможна* независимо от критицизма и науки. В сущности *теургия* это музыкально-понимаемая религия или культ внутренней музыки — ее законы, выражающиеся в формулах (символах). Здесь *переживание мое*, которое Кантом и его школой превращалось в призрак указанием на призрачность методов, заставляющих меня рассматривать это *переживание*, как призрак, — *где оно восстановляется в своих правах. Оно — единственная реальность*, ибо внутренний опыт, говорящий о нем, опирается на волю, а воля *по Шопенгауэру и Вундту* (тот и другой утверждают волю как мое «*Я*» с совершенно разных граней) есть единственно не формальное (а следовательно, субстанциональное) начало. Так то все то, что *о воле* музыкально, существенно, а выражение этого музыкального в пространственно-временном *символично*. Система символов, стало быть, есть *теория существенности*. Такая система непроизвольно религиозна. Религия же, понимаемая <ка>к *связь* воедину, есть «*соопьянение*», *само- и со-гипноз*: переживание Петра + Ивана + и т. д. = одному. Так что религия есть всегда *миф* (а миф — всегда музыкален), но основания мифотворчества *реальны* и *существенны*. Религия — это самогипноз. Но понятие о самогипнозе мы почерпаем из науки о душе: эмпирической психологии. Эмпирическая же психология по Джемсу, Гербарту, Вундту должна свои результаты перенести в область метафизики. Она должна иметь рациональные основания. Но невозможность рациональной психологии *доказана* Кантом. И поэтому наука о переживаниях должна только

констатировать переживания, ни к чему их не сводя; идеально же констатировать переживание я могу, явив его, *как оно есть, т. е. заражая им*. Отсюда символ, система символов, которые, выражая ступени объективации переживаний, ведут к тому, что образ «*мира сего*» преходит[4]. «Мир сей» минус *пыль* = Миру Божьему. Мирское становится мировым. Сограждане — мирогражданами. Миролюбие становится міролюбием. Міролюбие же необходимо связано с міроустроением, міротворчеством. Міролюбие и мірогражданство есть основание христианства. Христианство же есть по существу Богосыновство («*Царствие Божие внутри вас*»[5]). Нет чувства богосыновства, значит мое «*Я*», которое есть «*стекло + пыль*», до того наполнено пылью, что пыль есть мое «*Я*». Тогда исторический *конец* есть гибель и вечное осуждение (ибо что такое пыль?). Если же во мне больше «*стекла*», соделанием, сотворением *Мира*, я протираю стекло и постепенно чувство конца выражается ростом безвременности, ростом сладости (2-ая тема Ник<олая> Карлов<ича>[6]): «*мир сей*» минус пыль = мир иной. И смерти нет, ибо ощущение смерти есть ощущение *мною* стирания с меня (стекла) меня же (пыли). *При постепенном протирании пыль понемногу всегда стирается* (а я всю жизнь умираю, воскресая) — *и я бессмертен*: идеал: не заметить физически (ощущением) исторической кончины, перейдя незаметно черту и неразрывно продолжая в «*здесь*» «*там*» и «*там*» «*здесь*».

«*И видел я как бы стеклянное море* („*мир сей*“, претворенный в Мир Божий), *смешанное с огнем* (с Богом, ибо „*Он есть огнь поедающий*“…[7] ***пыль***), *и победившие* (мировые, а не мирские) *зверя* (серость) *и образ его* (пыль) и *начертание его* (Павел Федорович Смердяков[8], студент химик-позитивист не до конца) *и число имени его* (*бесконечность* дурная, потенциальная, а не актуальная, бесконечная делимость материи, бесконечная протяженность времени и пространства, «*777*» (т. е. трижды (3 есть символ) 7 (священное число)), только испорченное некоторым приближением к нему: *666*[9]) *стоят на этом стеклянном море* (мире), *держа гусли Божии* (т. е. будучи музыкальными творцами мира: миротворцами, чудотворцами, теургами)» (Откровение. Гл. 15, ст. 2).

Мир возможен только в Міре Божием и во имя *Міра*, а не обратно (нравственная проблема, вопрос о ницшеанстве

христианства): обратно: мир, худой — лучше уж «*добрая ссора*»: в *ссоре* хоть *движение*, хоть возможность устранением одной из борющихся сторон мира в Міре. А худой мир: безнадежность без исхода (нравственнизирование христианства: христианство для нравственности). Ведь Христос говорил о мире в *Міре*, о мире, который был ниспослан после «*доброй ссоры*». «*Блаженны миротворцы, ибо они Сыновьями Божиими нарекутся*»[10], если только они и *міро*-творцы, теурги. Нравственные «*миротворики*» никуда кроме «гуся с капустой» и «*сна после обеда*» (см. «Три сестры» Чехова)[11] не приведут.

«*Апокалипсичность*» есть и «*окончательность*», а эта последняя — существеннейшая сторона христианства; для того чтобы она получила всяческую (научную, критическую) санкцию на *реальность*, она необходимо должна осуществляться на теургических основаниях. Сюда клонится все развитие науки, философии; единственно возможное сосуществование науки и философии с религией без взаимного друг другом уничтожения — есть такое сосуществование, которое религия рассматривает как систему символов, символам же отводит музыкальное и *действенное* (вытекающее из сущности воли) значение. *Теургия* — религиозный волюнтаризм, т. е. полная (без изъяна) *организация воли*. Или религия должна пасть, как предрассудок, или она — теургия (сюда опять-таки вопрос об отношении Ницше к религии).

Простите, Эмилий Карлович, меня за несуразное и угловатое письмо, но при чтении Вундта мой теургический фанатизм получает богатую пищу. Пишите, я очень, очень часто думаю о Вас, и если это время редко писал, то от общей усталости, безглагольности и неизъяснимости.

Остаюсь готовый к услугам горячо любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[12].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 38. Помета красным карандашом: «XXXVII».

[1] Представления о «монгольской», «желтой» опасности, здесь актуализированные впечатлениями от событий Русско-японской войны, восходят у Белого к прорицаниям Вл. Соловьева; см. прежде всего его стихотворение «Панмонголизм» («Панмонголизм! Хоть слово дико…», 1894) (*Соловьев*. С. 104–105).

[2] Чтение В. Вундта нашло отражение в статье Белого «О границах психологии», написанной летом 1904 г. и впервые опубликованной в его книге «Символизм» (1910). См.: *Андрей Белый*. Собр. соч.: Символизм. Книга статей. М., 2010. С. 45–56.

[3] См.: *Вундт Вильгельм*. Система философии / Пер. с нем. А. М. Водена. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1902.

[4] 1 Кор. 7: 31 («...проходит образ мира сего»).

[5] Лк. 17: 21 («...Царствие Божие внутрь вас есть»).

[6] Подразумевается тема Сонаты f-moll op. 5 Н. К. Метнера.

[7] Вт. 4: 24 («Господь, Бог твой, есть огнь поядающий <...>»).

[8] Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

[9] Откр. 13: 18 («Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть»).

[10] Мф. 5: 9 («Блаженны миротворцы; ибо они будут наречены сынами Божиими»).

[11] Имеются в виду слова Андрея Прозорова в драме А. П. Чехова «Три сестры» (действие 4-е): «...я вижу, как я и дети мои становимся свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1978. Т. 13. С. 182).

[12] А. М. Метнер.

85. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

23 июня 1904 г. Нижний Новгород

23 июня 1904 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Я пережил ужасные минуты. Третьего дня получил призывной лист. То, чего я так боялся, совершилось. Я принял это известие с большим и неожиданным мужеством. Анюта[1] только в первые минуты была потрясена. Потом оправилась.

Теперь я в ***безопасности.***

Медицинским осмотром установлено (опять-таки совершенно неожиданно для меня), что я страдаю страшным малокровием и совершенно неспособен вынести походной жизни.

Мне дали отсрочку на 1 год. Если война к тому времени не кончится, меня отправят, но уже в качестве нестроевого офицера.

Будем надеяться, что война недолго продлится.

Будем надеяться, что решение местного военно-врачебного персонала не будет опротестовано высшим начальством.

Теперь, когда все окончилось благополучно, я ослаб. Терпеть не могу врачебных осмотров. А меня два дня подряд осматривали выслушивали выстукивали мерили и т. д. четыре врача.

Коля[2], узнав о моей мобилизации, сломя голову полетел в Нижний. Через час он будет здесь.

Слава Богу! Я могу отныне спокойно и свободно дышать. С самого объявления войны я почти не занимаюсь ничем, как следует.

Полгода прошло; это досадно, если принять в особенности во внимание, что я начал музицировать: я бы сделал несравненно больший успех, если бы не война. Впрочем, перестаю ворчать! Буду весел!.. Уж очень многие не хотели, чтобы меня взяли; это важно; волевое напряжение стольких лиц, может быть, не остается без влияния на ход событий.

Горячо любящий Вас

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 41.

[1] А. М. Метнер.

[2] Н. К. Метнер.

86. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Конец июня 1904 г. Серебряный Колодезь

Дорогой, горячо любимый Эмилий Карлович,

Как я доволен, что *роковая опасность* Вас миновала. Я ужасно о Вас беспокоился, но не писал, чтобы не растравлять Ваше беспокойство. Будем надеяться, что к тому времени японцы будут разбиты. И все уладится. Посылаю Вам уже написанное письмо[1]. Эти письма (2) застали меня в городе Ефремове[2]. Простите лаконизм. Тороплюсь на вокзал.

Еще раз сердечно радуюсь за Вас.

Горячо любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[3]. Мама просит передать свой поклон.

P. P. S. Ал<ексей> Сер<геевич> уже уехал. Пока он будет жить в Быкове, наезжая часто в Москву[4].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 39. Помета красным карандашом: «XXXVIII». Ответ на п. 85.

[1] Имеется в виду п. 84.

[2] Имеются в виду п. 83 и 85. В городе Ефремове находилось ближайшее от имения Серебряный Колодезь почтовое отделение.

[3] А. М. Метнер.

[4] А. С. Петровский поселился в доме своего отца, С. А. Петровского, у станции Быково Московско-Казанской ж. д.

87. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

4 августа 1904 г. Нижний Новгород

4 августа 1904 г.

Мой дорогой Борис Николаевич!

Я очень виноват перед Вами. До сих пор не отвечаю на Ваше письмо. Оправданием может служить отвратительное самочувствие, не покидавшее меня с момента моей мобилизации[1] и по сию пору. Кроме того я занят. Мне хочется до октября, т. е. до двухмесячного перерыва в занятиях (я беру отпуск и еду за границу с Анютой и Колей[2]), 1) дочитать до конца Ницше; 2) пройти определенную часть первой гармонии и вообще довести свою музыку до некоторого прочного результата, чтобы перерыв в занятиях не слишком отрицательно отразился… — Если принять во внимание, что цензура отнимает у меня ежедневно около 4-х часов, что я на сон трачу 9 часов, на прогулку 2 часа, что я читаю очень медленно, что я скоро утомляюсь и что вообще скверно себя чувствую, — то станет понятно, как мне следует экономизировать время и силы, чтобы достичь хотя бы небольших результатов. Я даже перестал писать в газету[3], хотя это бьет меня по карману. Вы очень хорошо пишете о Вундте. Я читал его 30 лекций о душе и затем несколько мелких статей. В состоянии ли я при своем невежестве по части естествознания

прочесть его *Систему*?[4] И за кого сначала взяться из новых, за Оствальда, Вундта или еще кого? Спрашиваю об этом потому, что хочу в Германии приобрести несколько книг. —

Что именно Вундт дал пищу Вашему религиозному волюнтаризму, очень понятно даже мне, мало знакомому с Вундтом... То, что Вы изложили мне в последнем письме, есть зерно Вашей системы, впервые с такою ясностью явившейся перед моим (а, может быть, и перед Вашим) умственным взором. Очень важно то, что «наука о переживаниях должна только констатировать переживания, *ни к чему их не сводя*». —

Читаю *Антихриста*. Решительно не понимаю, как цензура пропустила его в русском переводе[5]. Должно быть, масса пропусков. Это жаль, что Вы читали по-русски. Ницше считает Христа величайшим символистом и как такового высочайшим антиклерикалом. Принципом Христа было, по мнению Ницше, «alles Natuerliche nur als Gelegenheit zu Gleichnissen» — все естественное как случай, как обстоятельство, как материал для символов, для притч[6] (сравните с Гётевским alles Vergaengliche ist nur ein Gleichnis — все преходящее есть только символ, только подобие[7]). Далее Ницше (хотя и ненавидит (???) Христа, но понимает его) схватил правильно центрально идею «Христовой свободы», анархизма.

Далее он говорит очень глубоко, что der Begriff des «Menschen Sohn» ist nicht eine konkrete Person, sondern eine «ewige» Trautsachlichkeit[8]; Ницше предлагает, для того чтобы очистить евангелие от нехристовых элементов, изъять из него *все диалектическое.* —

Наконец: Der evangelische Glaube ist gleichsam eine ins Geistige zurückgetretene Kindlichkeit: в самом Христе, говорит он, смешаны утонченная болезненная высота духа с детскостью[9].

Жаль, говорит Ницше, что Достоевский не жил во время Христа и не мог сделать с него портрета[10]. —

Что касается проблеммы «Ницше — Вагнер» или «Ницше — немцы», то тут я гораздо более смущен, нежели перед проблеммою «Ницше — Христос». Если только не прибегать к объяснениям медицинским или набрасывающим тень на глубину или

чистоту личности Ницше, то я отказываюсь *пока* от решения этих вопросов. Откуда такая ненависть, вынуждающая говорить гадости, пошлости и ежеминутно противоречить себе (см. Contra Wagner и вообще VIII и XII т.)[11].

Вы знаете, чтó меня окончательно сделало германофилом и «сверхнемцем»? Сверх-германофобство Ницше и пшибышевская линия русского декадентства вместе с его музыкальной галломанией, которая царит и в двух последних VI и VII книжках *Весов*. —

Я более нежели когда-либо убежден, что то, что называется «музыкой», есть не одно, а несколько взаимоисключающих понятий: Антон Рубинштейн (русский еврей) назвал музыку «немецким искусством»[12]. Я подписываюсь под этим. —

С большим наслаждением перечитал Вашу статью в *Мире Искусства*[13]. Вспоминал, как Вы ее нам вслух читали. Это очень удачная вещь. Ваша *Маска*, посвященная Венцеславу Иванову, несмотря на поразительные частности, в общем слишком трудна, клочковата и неровна[14]. Есть пятна (стр. 13). Аполлиническая сторона искусства так же требует экстаза, но не центробежного, а центростремительного. *Есть сдержанность в экстазе, и есть экстаз сдержанности.* Мне несколько досадно, что Ваши чарующие Вам одному свойственные *Ваши* (одним словом) изгибы Вы второпях (и без сдержанности в экстазе) передаете угловато; большинство (даже избранное большинство) поймет Вас иначе и даже, может быть, *примет* Вас из-за этих угловатостей, а не из-за изгиба, не ради него самого.

Спешу окончить письмо. Накануне рождения Алексея Николаевича Мельникова[15] вторично видел мой страшный сон. Что это такое?!! — Как поживаете? Думаете ли о своем *теле*, как я Вам советовал? Дай Бог Вам крепости, здоровья, даже мускулов! Не утомляйтесь. Пишите. В конце октября увидимся[16]. Поклон Вашей матушке. Анюта[17] Вам кланяется. Горячо любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 42.

Ответ на п. 84.

[1] Т. е. с момента получения призывного листа — 20 июня 1904 г. (см. п. 85).

[2] А. М. Метнер и Н. К. Метнер.

[3] Подразумеваются статьи для газеты «Приднепровский Край».

[4] Имеется в виду книга Вундта «Система философии».

[5] Книга Ницше «Антихрист» («Der Antichrist», 1895). Ко времени написания письма «Антихрист» в русском переводе не был опубликован. Впервые он был издан в 1907 г. в переводе Н. Н. Полилова в петербургском издательстве «Прометей» и в переводе В. А. Флёровой в петербургском издательстве М. В. Пирожкова («Антихристианин: Опыт критики христианства»).

[6] Цитата из «Антихриста» (фрагмент 34) приведена в сокращении; в оригинале: «...er den Rest, alles Natürliche, Zeitliche, Räumliche, Historische nur als Zeichen, als Gelegenheit zu Gleichnissen verstand». В переводе В. А. Флёровой: «...остальное все, естественное, временное, пространственное, историческое, он понимал лишь как символ, лишь как повод для притчи» (*Ницше.* Т. 2. С. 659).

[7] См. примеч. 3 к п. 47.

[8] Сокращенная цитата из фрагмента 34; в оригинале: «Der Begriff „des Menschen Sohn" ist nicht eine concrete Person, die in die Geschichte gehört, irgend etwas Einzelnes, Einmaliges, sondern eine „ewige" Thatsächlichkeit». В переводе В. А. Флёровой: «Понятие „Сын Человеческий" не есть конкретная личность, принадлежащая истории, что-нибудь единичное, единственное, но „вечная" действительность» (*Ницше.* Т. 2. С. 659).

[9] В оригинальном тексте «Антихриста» (фрагмент 32): «...der Glaube, der hier laut wird, ist kein erkämpfer Glaube, — er ist da, er ist von Anfang, er ist gleichsam eine ins Geistige zurückgetretene Kindlichkeit». В переводе В. А. Флёровой: «...вера, которая здесь заявляет о себе, не приобретается завоеванием; она тут, она означает возвращение к детству в области психического» (Там же. С. 657).

[10] Имеются в виду суждения о типе Спасителя во фрагменте 31 «Антихриста»: «Можно было бы пожалеть, что вблизи этого интереснейшего из décadents не жил какой-нибудь Достоевский, т. е. кто-либо, кто сумел бы почувствовать захватывающее очарование подобного смешения возвышенного, больного и детского» (Там же. С. 656–657).

[11] «Ницше contra Вагнер» (1889) — последняя книга, подготовленная Ницше; включена в состав тома VIII Сочинений Ницше (*Nietzsche Friedrich.* Werke. Bd. VIII. Leipzig: Verlag von C. G. Naumann, 1899). См. также примеч. 2 к п. 83. Более развернуто и откровенно Метнер высказался на ту же тему в письме к А. С. Петровскому от 3 августа 1904 г.: «Кстати, Ницше в своем *Антихристе* часто (по моему не мнению, а чувству) близок к Христу; мне кажется, что Ницше больше всего любил Христа. И страдал страшно, нападая на него; и Вагнера (и немцев) он не переставал любить и только кривлялся, ругая их. — Да, кривлялся, иначе нельзя назвать то возмутительное поверхностное издевательство над своим народом, то нелепое повторение всё одних и тех же устарелых и традиционных упреков, направленных на недостатки, свойственные всем людям и народам. Ругая Вагнера, Ницше унизился до жида Макса Нордау, ругая немцев, он опустился до жида Гейне» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 8).

[12] Возможно, подразумеваются утверждения А. Г. Рубинштейна: «...еще раз и еще тысяча раз Бах, Бетховен и Шуберт суть высшие вершины музыкального искусства!» (*Рубинштейн А.* Музыка и ее представители: Разговор о музыке. М., 1891. С. 65).

[13] Имеется в виду статья «Символизм как миропонимание». См. примеч. 5 к п. 52.

[14] Статья Андрея Белого «Маска» (с посвящением: «Посвящено Вячеславу Иванову, проповеднику дионисиазма») была опубликована в № 6 «Весов» за 1904 г. (С. 6–15), впоследствии вошла в его книгу «Арабески» (1911).

[15] Подразумевается Андрей Павлович Мельников.

[16] Имеется в виду предполагаемый приезд Метнера в Москву.

[17] А. М. Метнер.

88. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Начало сентября 1904 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

На этот раз письмо мое только деловое. 1) Простите, если я являюсь *снова* и *снова* орудием в руках других, — когда пересылаю Вам эту рукопись стихотворений Блока[1]. С. А. Соколов просит очень Вас разрешить сборник к печатанию, сделав, конечно, соответствующие изменения[2]. Мотивы его таковы: Вы — *культурный цензор* и, стало быть, не остановитесь, быть может, перед некоторыми стихами рукописи — стихами, которые могут вызвать сомнения и недоумения, хотя по существу невинны, разве только окрашены «*декадентским*» налетом, под которым в сознании многих может «*Бог весть что прятаться*». Я просматривал сборник, и думается мне, — в нем почти нечего вычеркнуть. Еще раз простите, дорогой Эмилий Карлович. Я было думал отбояриться, но С. А. *Соколов очень просит меня переслать Вам оный сборник.*

Кажется, здесь в Москве налаживается дело о большой газете, в которой, конечно, Вам необходимо участвовать. Но пока это дело секретное (строго между нами: даже А. С. Петр<овский> не должен знать). Дело в том, что несколько *сериозных людей* предложили Соколову редактировать газетой и при этом сформировать свое направление. Скоро дело придет к окончательному уяснению,

быть или *не быть* газете[3]. Я уже говорил о Вас, и С. А. Соколов очень рад Вашему участию. Но еще раз: все это пока еще проблематично и *строго между нами.*

Остаюсь любящий Вас и готовый к услугам

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[4].

P. P. S. Нельзя ли поскорее ответ о рукописи Блока?

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 40. Помета красным карандашом: «XXXIX». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 218.

[1] Речь идет о рукописи книги Александра Блока «Стихи о Прекрасной Даме», представленной в издательство «Гриф» по предложению его руководителя С. А. Соколова; выслана в издательство около 1 сентября 1904 г. (2 сентября Блок сообщал матери: «Послал Соколову сборник» // Письма Александра Блока к родным / С предисл. и примеч. М. А. Бекетовой. Л., 1927. С. 128).

[2] Соколов передал Белому рукопись книги Блока при личной встрече, о чем можно судить по его недатированному письму к Белому: «Необходимо объясниться о Метнере и о стихах Блока» (РГБ. Ф. 25. Карт. 23. Ед. хр. 2).

[3] Этот проект остался нереализованным.

[4] А. М. Метнер.

89. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

9 сентября 1904 г. Нижний Новгород

9 сентября 1904 г. г. Н.-Новгород

В ту же минуту, как получил чарующие стихи о Прекрасной Даме, я начал их читать. В один вечер дочитал до конца. Я их разрешу[1], но, дорогой Борис Николаевич, имейте в виду следующее. Меня начинают забрасывать работой из разных концов России и все на том же основании, что я, мол, «культурный» цензор и т. д. Даже из Казани присылают, где есть отдельный, но весьма свирепый цензор, которому вовсе немного работы. Отказываться я не имею (по закону) права, но я могу (по закону же) держать рукописи *3 месяца.* Конечно, для Вашей рукописи и для рукописи Блока я всегда сделаю исключение, но Койранские[2],

Подпшибышевские[3] et tutti quanti* будут ждать полных 3 месяца, иначе мне придется отказываться от досуга.

1) Необходимо наклеивать шестидесятикопеечную марку на рукопись. Попросите Соколова выслать мне таковую.

2) Скажите Соколову, что выпускной билет он может получить или до двадцатых чисел октября (*не позже*, так как в конце октября я уезжаю в двухмесячный отпуск, а заменяющее меня лицо будет цензуровать *только* газеты), или, следовательно, только в январе.

Дорогой Борис Николаевич! Спешу и потому ограничиваюсь деловым письмом. Что поделывает Алексей Сергеевич? До сих пор не получаю от него ответа на свое «заказное» письмо, отправленное по адресу Вагонного Завода[4]. Сейчас вспомнил, что до сих пор еще не прочел *Гриф* от 1904 г.[5] Вы тогда обещались выслать мне *лишний* свой экземпляр. —

Если Вы его не затеряли, то вышлите, пожалуйста, теперь.

Как Вы доехали? Очень жаль, что Вы не пробыли дома, и еще более жаль, что мы все трое предстали перед Вами и Вашею матушкою в насморочном и потому скучном виде[6]. Увидимся с Вами на концерте Коли[7]; теперь уже приглашаю Вас к нам на *другой* день после концерта. —

Очень важно Вам познакомиться с песнями Коли на слова Гёте...[8] Что-то ужасное по нелепости есть статья в *Весах* Суворóвского** *Чайковский и Пшибышевский*[9]. Ваш *Чехов*[10] ясно показывает, как далеки Вы от всей этой подозрительно пахнущей модерновости. До свиданья! Пишите, если будет время! Главное же, усердно работайте с философутиками. Привет от нас обоих Вашей матушке. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 43. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 218. Ответ на п. 88.

[1] На обороте титульного листа книги Александра Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (М.: Гриф, 1905) — помета: «Дозволено цензурою. Н. Новгород 9 сентября 1904 г.».

---

* И все прочие (*итал.*).

** *Возле знака ударения в скобках поставлен вопросительный знак.*

[2] Братья Александр, Борис и Генрих Койранские входили в литературное окружение издательства «Гриф», ни один из них не выпустил авторской книги. Здесь их фамилия служит условным обозначением для второстепенных «декадентских» литераторов.

[3] Метнер в очередной раз использует фамилию Станислава Пшибышевского как нарицательное имя представителя «нового» искусства в его «декадентском» изводе.

[4] Имеется в виду письмо к А. С. Петровскому от 3 августа 1904 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 8). Летом 1904 г., живя за городом в Быкове, Петровский просил адресовать ему письма по московскому служебному адресу отца — в правление Вагонного завода (см.: *Белый — Петровский*. С. 92).

[5] Т. е. «Альманах „Гриф"» (М., 1904).

[6] «Трое» — А. М. Метнер, Н. К. Метнер, Э. К. Метнер. Белый и А. Д. Бугаева посетили их в Нижнем Новгороде проездом в конце августа 1904 г., на обратном пути из Сарова. 12 августа 1904 г. Белый писал П. А. Флоренскому из Серебряного Колодезя: «Я думаю выехать из деревни 20-го августа и затем с мамой поехать в Саров. К 1-ому сентябрю буду непременно в Москве» (Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004. С. 466).

[7] Концерт Н. К. Метнера состоялся в Москве 2 ноября 1904 г. в Малом зале Российского благородного собрания (при участии А. К. Метнера в качестве альтиста). Программу концерта Н. Метнер предварительно обсуждал и согласовывал с Э. Метнером (см. его письмо к Э. Метнеру от 1 октября 1904 г. // *Метнер*. С. 63–64).

[8] См. примеч. 7 к п. 83.

[9] Имеется в виду статья Н. Суворовского «Чайковский и музыка будущего» (Весы. 1904. № 8. С. 10–20).

[10] Статья Андрея Белого «Чехов († 2 июля 1904 г.)» (Там же. С. 1–9); вошла в книгу Белого «Луг зеленый» (1910).

90. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Середина сентября 1904 г. Москва

Многоуважаемый и дорогой Эмилий Карлович!

Спасибо, спасибо за Блока. О *Подпшибишевских не беспокойтесь*. Хочется ужасно Вас видеть и говорить с Вами подробнее хотя бы в письме, но круговорот дел и не дел уже успел меня *вновь* превратить в манекен. Так что нет времени писать подробно. Хочется мне послать крылатый привет — пусть он долетит до Вас,

чтобы Вы помнили, что я всегда помню и люблю Вас, и чтобы Вы вспомнили меня.

Буду ждать Вас в Москву. О газете еще ничего не слышал[1]. Ужасно досадно, что не знаю капиталистов, желающих издавать газету (они скрываются), а то бы я принялся за дело. Просто досадно, что они предложили такой декадентской посредственности, как Соколову, редактировать газету. Черт знает что! Способен скомпрометировать <*так!*> все дело. Все думаю о том, какой бы идеальный редактор <были> Вы.

Любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Мой привет Анне Михайловне[2].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 41. Помета красным карандашом: «XL». Ответ на п. 89.

[1] См. п. 88, примеч. 3.

[2] А. М. Метнер.

91. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

16 сентября 1904 г. Нижний Новгород

16 сентября 1904 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Получил Ваше милое письмо. Пожалуйста, не терзайте себя мыслью, что нет возможности часто писать мне.

Вам — некогда. Вы должны спокойно работать. Не давайте себя трепать. Ходите реже в гости; лучше чаще слушайте музыку… —

Пишу это, скрепя сердце, т<ак> к<ак> (Вы едва ли можете себе представить), до какой степени мне важны Ваши письма. Когда я их читаю, то чувствую себя *сильнее*, нежели я на самом деле.

Еще в большей степени такое ощущение испытываю я при встречах и разговорах с Вами.

Итак, до скорого свидания.

Теперь о деле. Почему Соколов не посылает мне 60-копеечной гербовой марки?[1]

Я не могу без нее возвратить рукописи, между тем следовало бы поторопиться ввиду моего скорого отъезда в конце октября.

Иначе он не скоро получит выпускной билет. Ведь я уезжаю на два месяца. А без меня никто не может выдать этого билета[2].

Еще раз

До свиданья!

Привет Вашей матушке.

Любящий Вас

Э. Метнер.

P. S. NB. Кому я должен возвратить рукопись? Если не Вам, то напишите.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 44.

Ответ на п. 90.

[1] См. п. 89.

[2] Речь идет о документе, выдаваемом цензурным ведомством на выход в свет книги — в данном случае «Стихов о Прекрасной Даме» Блока. Белый, вероятно, незамедлительно по получении письма передал его содержание С. А. Соколову; ср. письмо последнего к Блоку от 21 сентября 1904 г.: «Книгу Вашу мне удалось провести через цензуру без урезок. Сделал я это не в Москве, а в Н. Новгороде, у Метнера. Теперь очень тороплюсь, т<ак> к<ак> Метнер в 20-х числах октября уезжает в отпуск, и до того времени надо представить ему книгу в отпечат<анном> виде, чтобы он дал выпускной билет» (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 537. Публикация К. Н. Суворовой).

92. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

14 (27) ноября 1904 г. Берлин

Посылаю Вам мой адрес[1]. Узнайте, пожалуйста, адрес Шика или Пшика (сотр<удника> *Весов*)[2].

Как видите, мой патрон Гёте не покидает меня и в Берлине. Передайте мой привет Вашей маме. Пишите. Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 45. Датируется по почтовому штемпелю: Charlottenburg. 27. 11. 04.

Открытка с фотографией дома и печатным текстом: «Gruss aus Charlottenburg. Goethe — u. Grolmannstr. — Ecke». Приписки рукой Метнера: «(Berlin)»; «№ 12 *Goethe-Haus Pension Koeching Emil Medtner*»; на фотографии: «Наша квартира».

[1] Э. К., Н. К. и А. М. Метнеры выехали из Москвы в Берлин 8 (21) ноября 1904 г.

[2] Немецкий корреспондент «Весов» Максимилиан Шик, выступавший в немецкой периодике с переводами из русских авторов и статьями о них, жил в это время в Берлине. См.: *Азадовский К. М.* Максимилиан Шик и его письма из Германии (1903–1907) // Восприятие русской литературы за рубежом. XX век. Л., 1990. С. 116–133.

93. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

Конец ноября / первая декада декабря 1904 г. Берлин

Берлин — Шарлоттенбург. Berlin Charlottenburg Goethe-Strasse Goethe-Haus № 12 Pension-Koeching.

Дорогой Борис Николаевич!

Получили ли Вы мою открытку с изображением нашего логовища (Goethe-Haus)[1]

? ? ? ? ? ? ?

Страшно устал. Ошеломлен впечатлениями Weltstadt'a*, как немецкие империалисты величают свою столицу. Слышал гениальное исполнение Вагнеровских опер. Слышал Вейнгартнера в симфонических; он дополняет собою Никиша как Аполлон — Диониса. Кроме этих двух Берлин обладает еще третьим гигантом дирижерского искусства: это Мук (Muck), который управляет вагнеровскими спектаклями. Представьте себе *Мефистофеля* за дирижерским пультом; это какой-то диавол; я думал, он меня убьет во время Goetterdaemmerung (гибель богов)[2] —

Если к этим впечатлениям Вы присоедините довольно значительные хлопоты по устройству концерта Коли, который состоится здесь 16/3 декабря[3], — то Вы поймете, что мне невозможно писать подробные письма: я слишком занят и слишком утомлен. Я даже своим домой ничего почти не писал. —

Сообщите обо всем этом при случае Алексею Сергеевичу[4].

А теперь повторю свою просьбу. 1) Мне бы хотелось познакомиться здесь с каким-нибудь корреспондентом *Весов* Шиком, Пшиком, Пшикобышевским (безразлично); устройте, пожалуйста,

---

* Мировой город (*нем.*).

это. 2) Повидайтесь с Брюсовым и возьмите у него библиографическую справку, что сто́ит здесь приобрести из новейшей немецкой поэзии (***NB***. Я ничего не знаю; на днях купил Стефана Георге Der Teppich des Lebens und die Lieder von Traum und Tod. Mit einem Vorspiele dritte Auflage[5]), не все понял, но то, что уразумел, очаровательно и по форме и по мысли. До чего волна религиозного искания охватила всех чутких людей Европы! — Борис Николаевич! учите скорее немецкий язык, чтобы читать Стефана Георге; Вы будете поражены встретить родное… невозможное нежное[6] и все это сквозь призму гетевски-совершенного поэтического искусства… Однако пора спать! Работайте и не давайте себя закрутить вихрю московской безалаберной жизни! Как в Германии умеют и работать и отдыхать и наслаждаться. Передайте мой искренний привет Вашей матушке.

Горячо любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 46.

[1] Имеется в виду п. 92.

[2] «Гибель богов» («Закат богов», 1876) — опера Р. Вагнера, заключительная часть тетралогии «Кольцо нибелунга». О посещении представления этой оперы Метнер сообщал матери в письме от 22 ноября (5 декабря) 1904 г. (см. комментарии З. А. Апетян // *Метнер*. С. 68).

[3] Концерт Н. К. Метнера в Берлине состоялся в указанный день в Beethoven-Saal, были исполнены произведения Бетховена, Шумана и самого Метнера (см.: Там же. С. 67).

[4] А. С. Петровский.

[5] Третье издание книги стихов Стефана Георге (George) «Ковер жизни и песни о грезах и смерти с прелюдией» (1899).

[6] Образы из «Симфонии (2-й, драматической)» (часть вторая). См.: *Симфонии*. С. 93.

94. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

26 декабря 1904 г. (8 января 1905 г.). Дрезден

Анюта и я шлем сердечный привет Вашей маме и Вам[1]; желаем Вам радостно встретить новый год. До скорого свидания! —

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 47. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Dresden. 8. 1. 05.

[1] Метнеры переехали из Берлина в Дрезден не позднее 13 (26) декабря 1904 г.

1905

95. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

11 января 1905 г. Москва

Дорогой Борис Николаевич! Вчера приехали[1]. Я простужен. Может быть, только завтра выйду из дому. Жду Вас вечерком: сегодня или завтра. Остаюсь до 15-го с<его> м<есяца>. — Рассчитываю видеться с Вами во всяком случае не однажды. К Вам приеду, если буду здоров. Привет Вашей матушке. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 48. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 11. I. 1905.

[1] Э. К., Н. К. и А. М. Метнеры возвратились в Москву из поездки в Германию 10 (23) января 1905 г.

96. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

16 февраля 1905 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 16 февраля 1905 г.

Дорогой Борис Николаевич! С чего начать?.. Не знаю. Так много, что голова болит. Приезжайте скорее, пока не выветрилось. Ведь Вы свободны, бастуете? Жду Вас непременно до пасхи[1]. Помнится, Вы сами собирались ко мне чуть ли не на страстной, как в прошлом году. Не жалейте, что не свиделись по возвращении из-за границы[2]: был болен: в противоположность Анюте и Коле[3], которые

заболели за границей (подробности узнаете у Алексея Сергеевича[4]), я занемог в момент (отвратительный) переезда через границу; русский воздух надул мне огромный флюс, с которым я провел все время моего пребывания в Москве[5]. Можете себе представить мое самочувствие? — Разумеется, я нисколько не в претензии на Ваше молчание (даже на «деловое» письмо из Берлина[6]). — Все больше убеждаюсь, до какой степени Вы мне необходимы. Как часто я вспоминал Вас за границей и как важно (и для Вас) было бы вместе со мной пережить некоторые моментики… в Веймаре, в Нюрнберге… Кстати: что Вы думаете о Нюрнберге. Я питал всегда особое предрасположение к этому городу местерзингеров, оловянных солдатиков, Ганса Сакса и Альбрехта Дюрера, сказок Гофмана… Однако я начинаю рассказывать… Молчание… Молчание… — Мой дорогой, мой милый Борис Николаевич! Постарайтесь непременно приехать к нам, пока… существует предварительная цензура для провинциальной повременной печати. Кстати! Куда я денусь по упразднению m-me Censur'ы — не знаю. Ведь я решительно ни на что не пригоден. Впрочем, я достаточно легкомыслен и мало забочусь о будущем. — Мы переехали на новую квартиру, живем на самом «белом» месте Нижнего (*Адрес*: угол Похвалинского Откоса и Садового Переулка, дом Ческина); приезжайте поставить мистический диагноз нашей обители. — Вашего «Возврата» я еще не читал[7]. В Москве не успел запастись, а здесь не продают. Купите (я Вам отдам при свидании) экземпляр (если у Вас нет лишнего) и пришлите с Колей, который собирается к нам на масленицу и первую неделю Поста. Вследствие забастовки Вы, быть может, захотите приехать в Нижний раньше страстной или после святой, весною до отъезда в имение. Поступайте по своему усмотрению, только предупредите меня за неделю, чтобы Вам случайно не столкнуться с кем-нибудь. Алексей Сергеевич собирается ко мне летом… Как поживает Сергей Михайлович Соловьев? Передайте ему мой привет. Мне было очень интересно и приятно познакомиться с ним[8]. По приезде сюда засел за журналы. Оптом прочел Весы, Мир Искусства, Новый Путь за конец 1904 г. Оптом они невтерпеж. Целый ряд невыносимых гримас и ужимок. У Вас есть великолепные страницы (об Олениной-д'Альгейм, о Леониде Андрееве)[9]. Хорошо, что Вы философию начинаете подписывать Борис Бугаев[10]. Я соскучился по Вас, мой дорогой друг. Я с удовольствием (глупое

слово!) называю Вас своим другом, так как изо всех известных мне русских только в Вас я встречаю какие-то струны, до боли мне родные, какие-то уголки, в которых моей душе уютно, как дома. До свиданья! Передайте мой сердечный привет Вашей матушке. Пишите, если можете. Горячо любящий Вас

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 49.

[1] Пасха в 1905 г. — 17 апреля.

[2] См. примеч. 1 к п. 95. Белый ко времени приезда Метнеров в Москву находился в Петербурге.

[3] А. М. Метнер и Н. К. Метнер.

[4] А. С. Петровский.

[5] Согласно п. 95, Метнер намеревался оставаться в Москве до 15 января, после чего отбывал в Нижний Новгород.

[6] Подразумевается п. 93.

[7] Книга Андрея Белого «Возврат. III симфония» (М.: Гриф, 1905) вышла в свет в середине ноября 1904 г.

[8] Видимо, это личное знакомство состоялось во время пребывания Метнера в Москве в январе 1905 г., хотя он имел о С. Соловьеве представление (безусловно, со слов Белого) и до того; так, в письме Метнера к Ф. А. Духовецкому от 29 сентября 1904 г. говорится: «Большие надежды подает <…> племянник Вл. Соловьева Сергей Михайлович (19-летний юноша), который уже четыре года, как занимается *Кантом!*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 132 об.).

[9] Имеются в виду статьи Белого «Окно в будущее (Оленина д'Альгейм)» (Весы. 1904. № 12. С. 1–11), «Призраки хаоса („Призраки“ Л. Андреева. Правда. № 11)» (Там же. С. 71–73). Обе статьи вошли в книгу Белого «Арабески» (1911).

[10] Так подписана статья Белого «Две замечательные книги» — отзыв о книгах «Проблема восприятия пространства. Ч. I» Г. Челпанова и «Прелюдии» В. Виндельбанда (Весы. 1904. № 12. С. 32–38).

97. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Вторая половина февраля 1905 г. Москва

1905 года. Февраль.

Многоуважаемый, милый Эмилий Карлович!

Что за несчастье? Едва выехал из Москвы, как Вы приехали[1]. Видно, не судьба была нам встретиться. За молчание простите.

Последние месяцы «taedium»* писать. Не могу равнодушно видеть пера. С омерзением оно выпадает. Набил себе оскомину писательством. И решил забастовать во всем. Просто не выношу ничего писательского. Вы уж Бога ради извините меня. Будучи в С.-Петербурге, я три недели ничего никому не писал (даже и маме). Вы поймете.

Но никогда не забывал Вас. Вы — один из немногих, почти единственный. Я Вас ужасно как люблю, и всегда о Вас думаю.

Теперь вернулся из Петербурга. Прожил месяц[2]. Остановился у Мережковских; приехал в роковой день 9 января**. Был всюду; чуть ли не на баррикадах[3]. Впечатление — оглушающее........ Видел Гапона и т. д.[4] Сначала события поглотили всё. Потом начались бесконечные знакомства писателей. Промелькнула вереница лиц. Розанов, Соллогуб <*так!*>, Минский, Петров, идеалисты[5] и т. д. вплоть до студентиков и петербургских «*пшиков*»[6]. Меня рвали знакомства 2 недели. Тут у нас возникло одно важное дело: были хлопоты и по его поводу[7]. Наконец, под этими двумя слоями *суеты* была уже не суета, а «несказанная» радость. Сонатная тема[8], «*милое, вечное, грустное*» приблизилось ко мне почти вплотную. Такая радость, такая радость, наконец окончательно утешили Блоки (Алекс<андр> Алекс<андрович> и Любовь Дмитриевна). Когда я приходил к ним, вырастали такие махровые шапки левкоя, каких я нигде не видел. «*Цветочность*», присоединяясь к «*несказанно-милому*», переполняла чашу радости, которую я нашел в Петербурге, до краев. И так подумайте: вовне политика и знакомства без числа, внутри — радость. Приехав в Москву, я просто оцепенел. *Но я знаю путь, мне ясно впереди!*

Милый, дорогой Эмилий Карлович, еще бы я *Вас* забыл. Вы почти единственный человек, знающий о *радости* — Вы, Сережа Соловьев, Блоки, Мережковские. Ужасно хочу Вас видеть. Нет людей. Полгода я изо всей мочи старался натянуться до всех людей. Был свой и с философутиками, и с кантианцами, и с общественниками, и с мистиками, и с декадентами. Но теперь рухнули мои силы, терпение. Нет, не могу — я слишком аристократичен: не хочу пачкаться с хамами, старающимися походить на бар. Этот

* Отвращение (*лат.*).

** *В автографе описка*: февраля.

поворот во мне произошел в Петербурге, где я увидел «*вспышки огня и света*», и с ужасом понял, как нервное уны<ни>е <?> *внутри* и схематичность *извне* поглотили во мне все с той поры, как я стал *быть со многими*. Сейчас могу только думать о цветах и жить для цветов, а во внешнем *готов хоть* с анархистами, но *середки на половинки*, но компромиссы приятно-либеральные мне претят. Нужна *новая церковь*, где хотя бы Айседора Дёнкан священнодействовала[9] (после гнусностей синода[10] не хочу знать ни попов, ни поповства, ни... Поповских...)[11], нужна радость... и цветы, цветы, цветы без числа.....

Милый Эмилий Карлович, высылаю «*Возврат*»[12]. Он уж давно (месяца 2½ как предназначается <для> Вас и лежит у меня из пассивности). Кстати: мне очень было бы ценно узнать Ваше мнение о нем. Пожалуйста, черкните хотя бы два слова. Бесконечно любящий и уважающий Вас.

Б. Б.

P. S. Мой привет Анне Михайловне[13].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 42. Помета красным карандашом: «XLI». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 220 (с неточной датировкой: «Февраль <между 5 и 16>»).

Ответ на п. 96.

[1] См. примеч. 1 к п. 95. Белый выехал из Москвы в Петербург 8 января 1905 г.

[2] Белый возвратился в Москву 5 февраля. Месячное пребывание в Петербурге подробно описано в его мемуарных книгах (см.: *Андрей Белый.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 96–109; *О Блоке.* С. 131–169; *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 69–120 («Литературные памятники»); *НВ.* С. 456–502).

[3] В день расстрела правительственными войсками мирных шествий рабочих в Петербурге (9 января 1905 г. — Кровавое воскресенье; свыше одной тысячи человек убито, двух тысяч — ранено) вооруженного противостояния не возникало, соответственно не было и баррикад.

[4] Инициатора и организатора рабочих демонстраций священника Г. А. Гапона Белый видел вечером 9 января на собрании интеллигенции в Вольно-экономическом обществе; Гапона, переодетого и загримированного, доставил туда М. Горький, на квартире которого он скрывался (Горький вспоминает в очерке «Савва Морозов»: «В этом виде я и отвез его в Вольно-экономическое общество, где заявил с хор, что Гапон — жив, вот он! И показал его публике» // *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М., 1973. Т. 16. С. 524). То же событие впоследствии

описала З. Н. Гиппиус: «Рассмотреть говорящего было нельзя, голос незнакомый, с хрипотой. Некоторые влезли на беспорядочно разбросанные в зале стулья. Влез и спутник наш А. Белый. Он, сегодня только приехавший <…> — ровно ничего не понимал» (*Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 132–133).

[5] Подразумеваются участники философского сборника «Проблемы идеализма» (М., 1902), во второй половине 1904 г. вошедшие в редакцию «Нового Пути», а в 1905 г. возглавившие издание пришедшего на смену «Новому Пути» журнала «Вопросы Жизни», — Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др.

[6] Белый использует словесную игру Метнера (см. п. 92, примеч. 2, п. 93) для обозначения мелких петербургских литераторов из круга «нового» искусства.

[7] Подразумеваются организационные собрания, предшествовавшие созданию «Христианского Братства Борьбы», провозгласившего общность обновленческих религиозно-церковных и революционных идей и целей (главные организаторы Братства в 1905 г. — В. П. Свенцицкий и В. Ф. Эрн). См.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 225–277.

[8] Имеется в виду Соната f-moll op. 5 Н. К. Метнера.

[9] Айседора Дункан гастролировала в Петербурге в декабре 1904 — январе 1905 г. Белый был на ее концерте (вместе с Блоком и Л. Д. Блок) 21 января 1905 г. в зале Петербургской консерватории. Впечатления от танца Дункан он отразил в статье «Луг зеленый» (Весы. 1905. № 8), вошедшей в его одноименную книгу (1910). См.: *Андрей Белый.* Собр. соч.: Арабески. Книга статей; Луг зеленый. Книга статей. М., 2012. С. 379.

[10] Подразумевается послание Святейшего правительствующего Синода по поводу событий 9 января и последовавших стачек и беспорядков: «Люди русские, искони православные, от лет древних навыкшие стоять за Веру, Царя и Отечество, подстрекаемые людьми злонамеренными, врагами Отечества, домашними и иноземными, десятками тысяч побросали свои мирные занятия, решились скопом и насилием добиваться своих будто бы попранных прав. <…> Всего прискорбнее, что происшедшие беспорядки вызваны и подкупами со стороны врагов России и всякого порядка общественного» и т. д. (Новое Время. 1905. № 10368, 16 января).

[11] Поповский — персонаж «Симфонии (2-й, драматической)», соотносящийся для Белого с А. С. Петровским («1/2 его», по замечанию Белого в письме к Р. В. Иванову-Разумнику от 7 (20) ноября 1915 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 59).

[12] Сохранился экземпляр «Возврата» с надписью: «Дорогому, многоуважаемому Эмилию Карловичу Метнер в знак глубокого расположения и любви» (Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 99 — факсимиле).

[13] А. М. Метнер.

98. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

10 марта 1905 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 10 марта 1905 г.

Дорогой Борис Николаевич! Ваше февральское письмо и Вашу третью симфонию получил. Большое Вам спасибо и за книжку и за милую надпись. — Читая Ваше письмо, я от души хохотал над тем, что Вы, Андрей Белый, — забастовали, набив себе оскомину писательством. Последнее произошло только от форсированно-пряного и пьяного декадентизма и от сугубо-витиеватого философистерства, среди которых Вы толчетесь, ударяясь головой то об один, то о другой столб (или столп). — Читали *Дафнис и Хлою*?[1] Тут оскомины не набьешь... Очень, очень хорошо и предисловие Д. С. Мережковского. Мысленно обнимаю за его золотые слова о Гёте[2]. — После Веймара, Франкфурта я с особенным опять новым трепетом читаю некоторые вещи Гёте. — Шмидт переехала на зимнюю квартиру... Был сегодня на похоронах рабы Божией девицы Анны[3]. Все комизмы, нескладности и подозрительности сметены дыханием смерти. Потемневшее слегка лицо покойницы полно было не только спокойствия, но даже радости, полного довольства достигнутым. Черты стали красивее и мудрее. Ей можно было дать и 100 и 10 лет. Я потому так долго остановился на ее внешности, что помню, как *нехорош* был в гробу ее возлюбленный Владимир Соловьев. Дорогой на кладбище разговаривал с редактором *Ниж<егородского> Листка*[4]; он изумлялся, как могут умные люди, как Шмидт, быть мистиками. Спрашивал о Вас и, узнав, что Вы — естественник, беспомощно развел руками, остановился и разинул рот: и он пишет «симфонии»!

- -

Да, Вы пишете, а я их читаю и читаю с большим наслаждением, о котором, наконечно, редактор *Ниж<егородского> Листка* не может иметь никакого понятия... Вы просите меня написать Вам хотя бы пару слов о симфонии... Очень трудно так сжато передать Вам все, что вынес из этой замечательной композиции. Скажу, что она совершеннее, выдержаннее, отчетливее, суше, злее двух первых; в ней больше мастерства, больше обработанной материи, больше юмора, больше «контрапунктов», она отчасти драматическая +

героическая, отчасти еще неведомая, «тень несозданных созданий» (выражение из первого декадентского сборника)[5].

Бездонное в мелочах действительности, бездонное в сказке сочеталось с несказанным *космическим.* «Прошлое давно забытое вечно<е> как мир окутало даль сырыми пеленами»[6]; ребенок проснулся — старик исчез; бархатно мягкое пьяное грустное, тихое ясное счастье. — Мне милее *вторая* симфония, но зрелее и глубже — «Возврат»... — Очень хороши «маститые до последних пределов»[7]. — Очаровательно, свободно и смело начало — игра ребенка и краббa. У Дюрера есть мадонна с ребенком и... обезьянкою на веревочке, гениальная шалость его юности[8]; я вспомнил эту обезьянку, читая сцену с краббом.

Персонификация головокружения мне не нравится[9].

По праздникам бань не бывает (стр. 60–61)[10].

Потрясающ — змеиный ужас.

Прислали из-за границы последний том биографии Ницше. Автор (его сестра) говорит в предисловии, что Дионис — это псевдоним Ницше...[11] В Генуе Ницше называли il santo и даже il piccolo santo, т. е. такой святой, которого можно безбоязненно любить, милый «маленький» святой... — В письмах Ницше говорит о своем лунатизме (sui generis) и однажды сравнивает себя с Иоанном Богословом[12].

Дорогой Борис Николаевич! Вспомните, как мы шли весною 1902 года с репетиции Никиша и говорили о судьбах России[13]. Оба мы, как обнаружилось, поставили † настоящей России в 1898 году... Помните?!... — Выражение «настоящая» Россия теперь уже неверно; эта Россия уже прошедшая или проходящая. Ее больше нет и вместо нее хаос, из которого может со временем родиться нечто. Это нечто почти ничего с царской Россией иметь не будет. — Когда говорят теперь о престиже, из-за которого нельзя скорее покончить с «Красным Смехом»[14], то мне смешно делается: *чей* престиж? Мертвеца, по меньшей мере

умирающего, не нуждающегося ни в чем; престиж России — это румяна на лице *Пиковой Дамы*[15]. — Боже мой, сколько открывается ежедневно гнусностей! Как все фальшиво, как все ненужно, бессмысленно; и при этом смердяковская наглость... Как хотите: но все-таки либеральный компромисс по крайней мере комфортабелен и целесообразен... А так, как теперь, жить нельзя... Что это опять за болван Булыгин?[16] А сам Ника[17], в круге которого Вы раньше замечали какие-то добрые вибрации! Что ни шаг, то нетактичность и прямо преступное легкомыслие и безволие... Я начинаю сильно страдать от своей обязанности. Но некуда деться. Писать я не могу. Переводами жить нельзя. В адвокатуру я не могу вернуться... Пока до свиданья! Мой искренний привет Вашей матушке. Анюта кланяется[18]. Хорошо, если бы собрались ко мне погостить. На днях хочу второй раз прочесть *Возврат*. Ваш горячо любящий

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 50.
Ответ на п. 97.

[1] «Дафнис и Хлоя» — любовно-буколический роман Лонга, греческого писателя II–III вв. Был издан в переводе и с предисловием Д. С. Мережковского (Дафнис и Хлоя. Древнегреческий роман Лонгуса. СПб., 1896; 2-е изд. — СПб., 1904).

[2] В своей статье (в первом издании под заглавием «О символизме „Дафниса и Хлои"», затем — «Дафнис и Хлоя») Мережковский приводит цитату из «Разговоров с Гёте» Эккермана, в которой подробно характеризуется роман Лонга (запись от 20 марта 1831 г.), и, оценивая отзыв Гёте, отмечает: «...не следует забывать об одной удивительной особенности этого человека, подобного которому природа, может быть, никогда не создавала: душа его обладала способностью вбирать, впитывать в себя из жизни только свежее и светлое, только здоровое и прекрасное, извлекать даже из ядовитых цветов только чистейший нектар. Об остальном он умалчивал, не замечал или не удостаивал заметить. И эту естественную способность он увеличил эстетическою и нравственной дрессировкой, укрепил величайшим самообладанием и привычкой поддерживать себя постоянно в хорошем и бодром настроении, в свежем здоровье духа и тела» (*Мережковский Д. С.* Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. СПб., 2007. С. 22 («Литературные памятники»)).

[3] А. Н. Шмидт умерла 7 марта 1905 г. Объявления о ее кончине в этот день в 6½ ч. вечера и погребении на Петропавловском кладбище 10 марта были помещены в четырех номерах «Нижегородского Листка» (№ 63–66)

8–11 марта. В редакционном некрологе («† А. Н. Шмидт») сообщалось: «А. Н. работала в Нижегородском Листке с его основания, переживая все невзгоды, которые падали на газету за время ее существования. Получив серьезное домашнее образование, свободно владея новыми языками, обладая недюжинным умом, Анна Николаевна интересно и содержательно вела несколько отделов газеты. <...> 6-го января, придя на губернское земское собрание, чтобы дать о нем отчет для газеты, А. Н. почувствовала себя плохо. Врачи нашли у нее воспаление мозга, и с тех пор, в течение двух месяцев, она не открывала глаз, почти не приходила в сознание и медленно догорала, как свеча» (№ 63, 8 марта. С. 3). В статье А. Уманьского (А. А. Дробыш-Дробышевского) «К кончине А. Н. Шмидт» сообщалось, что А. Н. Шмидт, проработавшая в «Нижегородском Листке» с 1894 г., «была известна чуть ли не всему городу, но известна больше как репортер, как оригинальный человек», и было указано на основное направление интересов покойной: «Мысль ее была занята широкими религиозно-философскими вопросами, о которых она, впрочем, не говорила со всяким, потому что ее мало понимали. Она была большой поклонницей идей покойного Владимира Соловьева, с которым была знакома лично, с которым переписывалась и который, по-видимому, очень ценил ее» (Нижегородский Листок. 1905. № 65, 10 марта. С. 2). В заметке без подписи «Похороны А. Н. Шмидт» сообщалось, что над могилой выступили Н. Н. Иорданский, В. П. Чекин и В. Е. Чешихин, и передавалось общее содержание их речей (Там же. № 66, 11 марта. С. 2).

[4] В 1905 г. «Нижегородский Листок» издавался за подписью редактора Григория Николаевича Казачкова (ум. 1915).

[5] Первая строка стихотворения В. Брюсова, впервые опубликованного в сборнике «Русские символисты» (Вып. 3. М., 1895. С. 12); впоследствии получило заглавие «Творчество». См.: *Брюсов Валерий*. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. С. 35–36.

[6] Цитата из I части (гл. I) 3-й симфонии «Возврат» (*Симфонии*. С. 149).

[7] Имеется в виду фраза из II части (гл. XIII) «Возврата»: «Тут столкнулись два седых профессора, маститых до последних пределов» (Там же. С. 177).

[8] Гравюра Альбрехта Дюрера «Мадонна с младенцем и обезьянкой» (1496–1498) (Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж).

[9] См. гл. IV части I «Возврата» (*Симфонии*. С. 154–155).

[10] Отсылка к гл. VII части II «Возврата» (Там же. С. 170–171).

[11] Имеется в виду кн.: *Förster-Nietzsche Elisabeth*. Das Leben Friedrich Nietzsche's. Bd. 2. Abt. 2. Leipzig: Verlag von C. G. Naumann, 1904. Приводятся сведения из заключительной части авторского предисловия (S. VI).

[12] См.: Ibid. S. 362, 387.

[13] Два симфонических концерта под управлением Артура Никиша состоялись в Московском Филармоническом обществе 1 и 4 апреля 1902 г. 16 апреля 1902 г. Петровский писал Метнеру: «Не зайдете ли ко мне

в пятницу вечером? У меня будет Бугаев. <...> Конечно, если Вам интересно поближе с ним познакомиться» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24. Пятница — 19 апреля).

[14] Фантасмагорический образ из одноименной повести Л. Н. Андреева, впервые опубликованной в «Сборнике товарищества „Знание“ за 1904 год» (Кн. 3. СПб., 1905); аллегорически подразумевает Русско-японскую войну.

[15] О румянах (при описании туалета старой графини) упоминается в гл. II повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» (1833).

[16] С января 1905 г. А. Г. Булыгин — министр внутренних дел (до 17 октября 1905 г.); 18 февраля 1905 г. был опубликован рескрипт, предписывавший ему разработку проекта закона о созыве Государственной думы.

[17] Т. е. Николай II.

[18] А. М. Метнер.

99. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Вторая половина марта 1905 г. Москва

Дорогой, милый Эмилий Карлович,

Как я был рад получить от Вас письмо. Оно пришло в момент уныния и порадовало меня. Бедная, бедная Анна Николаевна! А мы в Москве устраивали подписку в пользу нее по просьбе Георгия Чулкова, который (надо отдать ему справедливость) любит ее[1]. Смеялся, читая Ваше изображение моих «*стуканий головою*» между столбами или столпами. В настоящую минуту один из «*столпов*», увлеченный революцией, бросил философию, с грустью проповедуя «бомбных дел мастерство» так, как недавно проповедывал трансцендентальную философию. Недавно он заявил мне за одним ужином, что он «*в теории трансценденталист, и то до ужина, а на практике и в особенности после ужина дионисианец и философ мгновений*»[2]. Что же касается до другого столпа, то он все устойчивей и — я бы сказал — гениальнее, превосходя все, что появлялось в русской поэзии после Пушкина, Лермонтова и Фета. Между прочим, у нас должна была с ним состояться дуэль, впоследствии, однако, расстроившаяся, что не помешало нам остаться в добрых отношениях[3].

Глубокое спасибо за приглашение. Я было уже совсем соблазнился приездом к Вам: так хотелось Вас видеть, говорить с Вами

(в прошлый Ваш приезд[4] мы в сущности почти не виделись), но внезапно я разорился на целый ряд книг, истратив все имевшиеся у меня деньги, и вот принужден сидеть дома, обреченный на 2-месячное (по крайней мере) безденежье. С грустию отложил на неопределенный срок свой приезд в Нижний. Утешаюсь спокойным мастерством, с которым К. Фишер, не мудрствуя лукаво, изображает жизнь Шеллинга и Гегеля[5].

Дорогой Эмилий Карлович! Знаете ли Вы, что занятия «*трансцендентальной*» философией есть гнуснейший, наиизвращеннейший порок, разлагающий всякую нравственность по отношению к самому себе. И вот тем не менее я предаюсь этому пороку: все более и более вижу, что философия — это рак, заражающий мое сердце, а декадентство — паралич, разжижающий мой мозг. И не могу отказаться ни от того, ни от другого. Странно: мне все мерещится какая-то будущая точка, к которой должна стремиться моя мысль и мое творчество. Эта точка: мистический критицизм теогнозии, предопределяющий основоположениями чистой мистики теургическую действительность грядущей мистерии, участниками которой должны <быть> *мы — знающие* в преображенном государственном строе будущего. У меня намечается будущая религиозно-общественная доктрина, которую я хочу называть доктриной женственного панмонизма: на престоле алтаря непрекращающейся мистерии будущей религиозной общины (эта община — церковь) должна восседать Царь-Девица, отражающая народную душу. Вот где должен быть исправлен Достоевский: нужен не Иван Царевич[6], а Царь Девица; и она будет, будет!!.. А пока еще нет условий, благоприятствующих процессу положительной организации религиозного ордена *рыцарей* Грядущей, важно внутреннее религиозное общение с Ней и разработка отвлеченных основ ее реальности в приложении к общегосударственным вопросам.

Дорогой Эмилий Карлович, буду в скором времени еще и еще Вам писать. Не забывайте и Вы меня. Христос да хранит Вас.

Глубокоуважающий и горячо любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[7]. Мама просит передать свой привет Вам и Анне Михайловне.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 43. Помета красным карандашом: «XLII».
Ответ на п. 98.

[1] Г. И. Чулков общался с А. Н. Шмидт в 1903–1904 гг. в Нижнем Новгороде, где жил под гласным надзором полиции (после ссылки в Сибирь за участие в нелегальной деятельности) и сотрудничал в «Нижегородском Листке». О встречах с нею он рассказал в главе «Александр Блок» мемуарной книги «Годы странствий» (*Чулков Георгий.* Годы странствий. М., 1999. С. 137–139).

[2] Подразумевается Б. А. Фохт; видимо, именно описанный эпизод Белый отобразил в мемуарах: «Однажды мы встретились с ним у К. П. Христофоровой; выпивая вино и потряхивая каштановыми кудрями, высказывал очень смелые мысли о дионисийстве; невольно спросил я его:

— „Но скажите, Борис Александрович, как же вы можете утверждать это, будучи кантианцем?“

На то лукаво прищурился Фохт на меня; и, показывая рукой на вино, преехидно заметил:

— „Бываем мы днем кантианцами; вечером — дионисианцы мы...“» (*Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 53).

[3] Речь идет о В. Я. Брюсове. 20 февраля 1905 г. он, получив от Белого письмо, которое посчитал для себя оскорбительным, вызвал его на дуэль; инцидент был исчерпан по получении ответного, объяснительного письма Белого от 21 февраля. Подробнее см. в публикации переписки Брюсова и Белого и во вступительной статье С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к ней (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 338, 381–383), а также: *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 121–123; *НВ.* С. 513–514.

[4] Подразумевается пребывание Метнера в Москве в конце октября — первой декаде ноября 1904 г. перед отъездом в Германию.

[5] Имеется в виду многотомная «История новой философии» Куно Фишера (Т. 7. Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение. СПб.: Изд. Д. Е. Жуковского, 1905; Т. 8. Ч. 1–2. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1902–1903). Ср. сообщение в письме Белого к Блоку (конец марта — начало апреля 1905 г.): «Упиваюсь Шеллингом (в изложении К. Фишера)» (*Белый — Блок.* С. 214).

[6] См. главу восьмую («Иван-Царевич») части второй романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

[7] А. М. Метнер.

100. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

23–31 марта 1905 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 23 марта 1905 года.

Дорогой Борис Николаевич!

Недавно мне писал Андрей Братенши и передал от Вас поклон. Он нашел, что у Вас великолепный вид, чему я очень рад[1].

Заставляйте себя почаще думать и заботиться о внешнем. Вы безбоязненно можете это сделать: Вы застрахованы от пошлости.

Читаю недавно вышедший в свет последний том биографии Ницше[2]. Я уже писал Вам об этом. Надеюсь, что Вы мое письмо со вложением некролога Анны Николаевны Шмидт получили?[3] Жизнь (точнее: житие) Ницше производит не менее потрясающее впечатление, нежели его творения. Надо читать его письма к сестре и вообще к близким, чтобы получить представление, до какой степени он страдал от одиночества, до какой степени он по натуре своей не создан был для одиночества: это был человек с необычайно нежной душой и до конца своей жизни «деточка»... Если он не женился, то только случайно, а вовсе не по «уродству» своей натуры, как то думает Мережковский[4]. Ницше бывал влюблен... Одним словом, как все «здоровые» люди. Вы, конечно, слышали о Frau Lou Andreas Salomé, русской (вероятно: еврейка), с которой Ницше находился будто бы в дружбе[5]. Она написала книгу, наполненную сплошными нелепостями[6]; однако эта книга имела успех и очень много повредила правильному пониманию Ницше и его учения. Надо сказать правду, наши декаденты, и ницшеанцы и антиницшеанцы, одни сознательно, другие бессознательно (по духовному сродству с Salomé) судят о Ницше крайне ошибочно, принимая его различные маски за истинное лицо и его болезненные выходки за суть его учения. Разбивая шаг за шагом с документами в руках книгу Саломэ (которая, кстати сказать, порядочная лгунья и вообще дрянная мелкая натура), сестра Ницше вместе с этим как бы разбивает многих наших ницшеанцев и антиницшеанцев. — Отдельные замечания для Вас: Ницше очень высоко ставил Вундта и Гельмгольца. — Peter Gast (один из близких друзей и учеников Ницше) называет *Заратустру* Heilige Schrift, Fuenftes Evangelium*. — Когда Ницше приступил ко второй части *Заратустры*, то боялся умереть от напора мыслей и чувств; он написал эту часть в 10 дней[7]. Все время Ницше ставит в связь продолжение своей жизни с появлением книг Заратустры. Замечательно, что Вагнер умер в час окончания Заратустры[8]. — В 1884 Ницше познакомился с одним бароном

---

* Священный текст, Пятое Евангелие (*нем.*).

Штейном, молодым философом, которого Ницше назвал самой лучшей встречей во всю жизнь и самой великой своей надеждой. Штейн был необычайно хорош и душой и телом. Ницше видел в нем *Сверхчеловека.* Штейн умер 30<-ти> лет[9]. После него остались сочинения, частью напечатанные. — Оказывается, Ницше сжег бóльшую часть своих поэтических произведений; сохранилось то, что спасено сестрой. — Сестра считает, что Vaihinger правильно судит о Ницше. — Ницше одно время собирался в Японию. Он очень высоко ставил национальный характер японцев. Представьте себе: он разумел под «японизмом» то же сложное явление, о котором мы с Вами говорили в последнюю нашу встречу. Помните? Таким образом с трех сторон совершенно независимо один и тот же взгляд. Постарайтесь его формулировать точнее.

---

29 марта. (Письмо Ваше получил, но о нем — после). Саломэ не поняла Ницше вовсе. Его полифонию она сочла за дисгармонию; его высшую свободу (совпадающую с необходимостью: amor fati*) за обыкновенную польскую анархичность; amor fati — за обыкновенный (неразумный) фатализм.

По поводу *Сверхчеловека* надо сказать, что недоразумению содействовал отчасти сам Ницше гиперболическим выражением в Заратустре Niemals noch gab es einen Uebermenschen[10]. Ницше в письмах, разговорах и набросках отрицает связь идеи о связи как с дарвинизмом, с одной стороны, так и с сверхчувственностью, с другой. Сверхчеловек вовсе не особая высшая порода людей (каких никогда не было) и вовсе не ангел или демон, антихрист или богочеловек, а скорее человеко-бог, до божественности удавшийся человек. Таким был, по мнению Ницше, например, Гёте. Надо сделать так, чтобы сверхчеловеки, соединяющие силы с утонченностью, не гибли, как теперь среди массы обыкновенных; чтобы не только гении, но и негениальные сверхчеловеки были на виду.

Как Вы знаете, Ницше обдумывал свои произведения во время прогулок по горам. Хотя он и избегал встреч в это время, но некоторым удавалось случайно видеть его, и они передавали восторженно об его необычайно просветленном виде. Одна старая дама,

* Любовь к судьбе (*лат.*).

его знакомая по курорту, наивно (это-то и ценно) заметила, рассказывая о такой встрече с ним: он похож на Жениха, смотрящего на Невесту. — А я похож на сумасброда. До такой степени спешу Вам выложить почерпнутое из биографии Ницше, что не досказываю ничего до конца. — До сих пор (по мнению Ницше) мы могли наблюдать тип сверхчеловека очень редко, да и то большею частью тогда, когда он бывал озарен гением (следовательно: гениальность и сверхчеловечество — два качества, могущие совпадать и не совпадать в одном лице); надо создать такие условия, что<бы> тип сверхчеловека, ныне забиваемый ему противоположным типом, проявился всюду. — Теперь опять о Женихе и Невесте. У Гёте есть стихотворение «Mailied»[11] (начинается: «Zwischen Weizen und Korn», «Между пшеницей и рожью»). С первого взгляда самая обыкновенная песенка. Но это только с первого взгляда. Коля вынул из этого стихотворения такой изумительный музыкальный образ[12], что… когда я читал о Вашей Царь-Девице, этот образ не переставал звенеть в ушах моей души (или в душе моих ушей)… Попросите при случае Колю наиграть этот «Mailied». —

Некто С. Протопопов, сотрудник *Нижегородского Листка*, написал большую статью об А. Шмидт, где рассказал все ее эзотеризмы (например, ее символ веры: И неизменно на небесах пребывающего и *вторично* на землю сошедшего и воплотившегося в лице Владимира Соловьева — человека от рождения, ставшего Богочеловеком в 1876 году при явлении ему Церкви в пустыне египетской и скоро грядущего со славой судить живых и мертвых. Его же царствию не будет конца); рассказывает подробно, как Анна Николаевна видела Христа в одной церкви во время обедни, как после этой «галлюцинации» она впала в религиозную «манию» и вообразила себя евангельской Марией; как познакомилась с Вл. Соловьевым и т. д.; с позитивною благонамеренностью изумляется, как мог мистицизм в ней мириться со свободомыслием!! Удивляюсь, как могла Анна Николаевна откровенничать с такими ослами. Вот до чего доводит *одиночество*. Вчуже унизительно было читать эту статью. Конечно, я ее дозволил к печати, но написал privatissime* письмо редактору, где объяснил ему, что статья — неприлична, что нельзя доводить свой «позитивизм» до

* Самым частным образом (*лат.*).

бесцеремонного обращения с тайнами, доверенными в частной беседе, считая всякие стеснения излишними только потому, что эти тайны не политические, а мистические, следовательно якобы мнимые. Конечно, я писал подробнее и вразумительнее, нежели Вам. Письмо подействовало. Статью не поместили[13]. — Кто этот философ (до ужина и после ужина)? Фохт? Трубецкой?[14] А поэт (четвертый после Пушкина, Лермонтова, Фета)? Брюсов? Бальмонт?? — Читал последние стихотворения Бальмонта «а я мексиканец жестокий!»[15]; он стал не только мексиканцем, но и (в самых своих последних стихотворениях) верным подмастерьем Пушкина; какая-то благородная простота, раньше этого не было! «Хорошо бы всех немцев переселить в Мексику», — сказал где-то Ницше, — «они выработались бы в совершеннейшую расу; им недостает юга»[16]; шурин Ницше Ферстер устроил немецкую колонию в Парагвае[17]. Знал обо всем этом вампирная пиголица Бальсонтис, когда собирался в Мексику?[18] «Вопросы Жизни» — скучны[19]; «Мир Искусства» не выходит[20]; «Весы» я не получаю. Выходят ли они? Пишете ли Вы где-нибудь и где именно? Вторично еще не прочел Вашей симфонии[21]: дал прочесть Мельникову; он еще не возвращал… — Мельников читал как-то историю религий, где в главе о Заратустре сказано[22], будто представители религии последнего думают, что *второго* Заратустру будут звать Нитшея; а знаете, что по-польски значит Nietzky? — *нигилист*. Простите, что я болтаю de coq-à-l'âne*. — Продолжаю о Вашем письме. Что это за дуэль: всамделишняя или символическая? — Очень жаль, очень, очень жаль, что Вы не скоро можете собраться ко мне. Имейте в виду, что в июне будет гостить Коля; 25 июня меня призовут на военную службу.

31 *марта*. Сейчас еще раз перечитал Ваше письмо. 1) Декадентство есть расколотое ницшеанство. 2) Философистерство есть расколотое кантианство. Конечно, зачатки обоих уродств были в Канте и Ницше; вот почему необходимо как можно полнее детальнее реальнее воссоздать в своем воображении образ того и другого, дабы вылечиться. Я намекаю не на Вас; Вы слишком сильны и оригинальны, хотя и затронуты, задеты с обеих сторон; вот я боюсь за Вашу разработку отвлеченных основ ее (Грядущей

* Чепуха (*фр.*).

Царь-Девицы) реальности в приложении к общегосударственным вопросам. — Вы поймите: я живо ощущаю и сочувствую Вашим переживаниям и прозрениям; меня всегда радует эта неутомимость Вашего всматривания и вслушивания; но я начинаю бояться, когда Вы слишком скоропалительно начинаете сооружать вокруг *этого*; я пишу Вам отнюдь не для того, чтобы Вы больше ко мне не «заявлялись» с подробностями «теогнозии»; напротив: милости просим; безо всякого стеснения пишите мне *все*; я уж буду знать, куда что положить; в случае, на мой взгляд, *опасности* для Вас я немедленно предупрежу Вас. —

А пока могу только сказать: *торопитесь не очень.* — Очень важно, чтобы Вы были здоровы и долгодолгодолговечны. Старайтесь быть спокойнее. Когда будете писать мне о самых эзотерических своих опытах и надеждах, то пишите так, как будто Вы разговариваете *с самим собою.* Это, конечно, гораздо труднее, нежели писать так, как будто диалогизируешь с декадентом или философутиком. Но не невозможно для Вас с Вашим дарованием. — Когда Вы разговариваете со мной, то происходит извинительное смешение всех стилей и бесстильностей, извинительное потому, что тут же можно поправить и выяснить. Почти так же Вы и пишете мне, и это почти так же извинительно и неважно. Но с собой Вы говорите иначе, иначе, нежели в своих стихах и статьях. Кое-что из *симфоний* есть как бы разговор с самим собой. — Пожалуйста, уведомляйте меня о каждой Вашей попавшей в печать литературной работе; я больше не слежу за журналами. До свиданья, дорогой мой! Привет Вашей маме от Анюты[23] и меня. Горячо любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 51.
Ответ на п. 99.

[1] Это письмо А. М. Братенши к Метнеру не выявлено.

[2] См. примеч. 11 к п. 98.

[3] Имеется в виду п. 98.

[4] Подразумеваются размышления Мережковского о Ницше в книге «Л. Толстой и Достоевский» («Религия», часть вторая, 4-я глава): «Ницше проповедывал оргийное сладострастие; но, кажется, он мог бы сказать, подобно князю Мышкину: „я по болезни моей совсем женщин не знаю“; а, может быть, и наоборот, он был болен, потому что не захотел узнать женщин. Когда врачи советовали ему жениться, грозя в противном случае

самым плачевным исходом нервной болезни — сумасшествием, он предпочел последнее» (*Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. М., 2000. С. 355 («Литературные памятники»)).

[5] Лу (Луиза) фон Саломе — дочь российского генерала Густава фон Саломе, родившаяся в Петербурге, — общалась с Ницше в 1882 г. в Риме, Орте, Таутенбурге, Лейпциге.

[6] Книга Лу Андреас-Саломе «Фридрих Ницше в своих произведениях» (Friedrich Nietzsche in seinen Werken. Wien, 1894).

[7] Вторую часть своей философской поэмы Ницше писал с 26 июня по 6 июля 1883 г. в Рапалло.

[8] День кончины Р. Вагнера (13 февраля 1883 г.) мог соотноситься лишь с днем окончания Первой части поэмы (10 февраля 1883 г.); Четвертая, заключительная часть поэмы «Так говорил Заратустра» была написана в январе — феврале 1885 г.

[9] Генрих фон Штейн умер летом 1887 г.

[10] «Никогда еще не было сверхчеловека!» — цитата из раздела «О священниках» («Von den Priestern») Второй части поэмы «Так говорил Заратустра». См.: *Ницше.* Т. 2. С. 66.

[11] «Майская песнь». См. в переводе Д. С. Усова (*Гёте.* Собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 324).

[12] Имеется в виду № 2 из цикла Н. К. Метнера «Девять песен В. Гёте» (см. примеч. 7 к п. 83).

[13] Этот абзац приведен в статье А. П. Козырева «Нижегородская сивилла» (История философии. Вып. 6. М., 2006. С. 71–72). Газетные гранки статьи С. Д. Протопопова об А. Н. Шмидт («Беглые заметки») сохранились в архиве Э. К. Метнера; по этому источнику статья опубликована в полном объеме в составе работы Н. А. Богомолова «Э. К. Метнер и А. Н. Шмидт» (Russian Literature. 2015. Vol. LXXVII–IV. С. 460–465). Гранки вклеены Метнером в дневник и дополнены пояснительной заметкой: «Анна Николаевна Шмидт — сотрудница *Нижегородского Листка*, друг Владимира Соловьева, одна из немногих (очень немногих) личностей, с которыми я не жалею, что познакомился в Нижнем. Статья эта была мною *как цензором* пропущена, но после того, как на другой день она не попала в номер, я счел своим долгом из уважения к памяти покойной, которую так нескладно, так медвежьи-позитивистично помянул ее ограниченный товарищ по газете, написать письмо редактору, [которое, к сожалению, в набросках не сохранилось], где я убеждал его не печатать этой статьи; редактор внял мне и, таким образом, лишний раз не посмеялись над бедной, умной, доброй чудачкою. О ней я писал в письмах к Бугаеву и Петровскому» (Там же. С. 465).

[14] Имеется в виду С. Н. Трубецкой.

[15] Цитата из стихотворения «Самоутверждение» («Я знаю, что Брама умнее, чем все бесконечно-имянные боги...»), входящего в раздел «Праздник

сердца» книги Бальмонта «Литургия Красоты» (1905): «О, Брама — индиец, а я — скандинав, а я — мексиканец жестокий». См.: *Бальмонт К.Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 301 («Библиотека поэта». Большая серия).

16 Приведенное суждение в текстах Ницше не обнаружено.

17 В марте 1886 г. Бернхард Фёрстер, его жена Элизабет Фёрстер-Ницше (сестра Ницше) и еще 14 немецких семейств прибыли в Парагвай и основали в 150 милях к северу от Асунсьона «арийски чистую» колонию Nueva Germania. После самоубийства мужа Э. Фёрстер-Ницше в 1890 г. вернулась в Германию, где опубликовала книгу «Колония доктора Бернхарда Фёрстера Новая Германия в Парагвае» («Dr. Bernhard Förster's Kolonie Neu-Germania in Paraguay». Berlin, 1891); в июне 1892 г. снова выехала в Парагвай, после чего окончательно возвратилась в Германию в августе 1893 г. Подробнее см.: *Macintyre Ben*. Forgotten Fatherland: The True Story of Nietzsche's Sister and Her Lost Aryan Colony. New York, 1992.

18 Подразумевается К. Д. Бальмонт, отправившийся в конце января 1905 г. из Москвы через Париж — Гамбург — Корунью (Галисия) в Мексику, где находился (с 3 марта) три с половиной месяца, после чего отбыл в Североамериканские Соединенные Штаты.

19 «Вопросы Жизни» — литературный, религиозно-философский и общественно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1905 г. после прекращения «Нового Пути» (редакторы — С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Д. Е. Жуковский, с середины 1905 г. — Н. О. Лосский).

20 «Мир Искусства» был прекращен изданием в декабре 1904 г.

21 Имеется в виду «Возврат. III симфония».

22 Подразумевается пророк Заратуштра (Зороастр) — в иранской мифологии основатель религии зороастризма.

23 А. М. Метнер.

101. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

1 апреля 1905 г. Москва

Москва 1905 г. Апреля 1.

Дорогой Эмилий Карлович, спасибо, спасибо за Ваше письмо. Оно меня ужасно порадовало — утешило. Я до такой степени вдался в экзотеризм, до такой степени опутался разными «гражданскими» вопросами вплоть до злободневных, что всякая «мистика» звучит мне музыкальным одиночеством: Вы не смотрите, Эмилий Карлович, что я пишу о Царь-Девице в связи

с религиозной политикой: ведь *Девицей* при экзотерическом отношении к явлениям может стать Жена, обличенная в солнечность (= в жизненность, = в плоть, = в мир, = в общественность): тут корень религиозного социализма. И: религиозный *социализм, окончательно проведенный*, — есть ничто иное как *Апокалипсис* = Конец, т. е. общая мировая норма отношений, т. е. последняя цель. Телеологическая подкладка критицизма обеспечивает «*апокалипсичность*» религиозной реформы; «*хилиазм*»[1], «*солнечный град*» с одной стороны — социалистические «*грезы*» с другой. Я говорю «*грезы*», потому что социализм, не приведенный к религии, останется вовеки грезами и «*грезами пошлыми*». Соединение отвлеченного понимания основ общественности с религией — такое соединение может разрядиться коллективным процессом свободной символизации переживаний, т. е. религией. А если это так, если соединение религии с общественностью не механично, а органично, то оно представляет символическую систему. Общественная жизнь — коллективная трагедия. Содержание общественно-трагической жизни — борьба *Жены*, коей мозаичный, невыявленный образ представляет общество, со Зверем. А содержанием этой борьбы является существеннейшая часть Апокалипсиса. Если вопрос о религиозной общественности поставить на эту точку зрения, единственно правильную, то общественность должна быть возведена к теургии. Различные схемы общественных отношений могут существовать лишь в постоянной внутренней зависимости от абсолютной свободы коллективного творчества (коллективный теургизм). Толпа, движимая морем оргийности, выбрасывает на свою поверхность златотканный ковер аполлинических видений, т. е. религиозных мифов, впаянных в жизнь. Извне эти мифы могут составлять, с одной стороны, ядро религиозно-общественных схем; являясь организующим началом умственных построений, с другой стороны образ их может эстетически воздействовать, являясь организующим началом единоличных, а также и коллективных переживаний. В противном случае у нас будет ряд социологических данных (внешний опыт) и основанных на эти данные построений, с другой стороны наличность наших переживаний, сущность которых может быть явлена как

только религиозная сущность (внутренний опыт). Итак, в начале синтетической работы и здесь (в социологии) и там (в мистике) эмпирия. Можно или соединить опыт с опытом (т. е. социологию с религией), или выявить априорные условия опыта здесь и там. Попытка механического соединения социологических теорий и существующих религиозных организаций (в которых опять-таки механически объединены индивидуальные религиозные опыты в догматическую оправу, гнетущую жизнь духа) — такая попытка безрезультатна, случайна, не отвечает потребностям духа. Во втором случае отыскиваются и формальные условия всякой общественности (таковым условием является телеологичность ее) и формальные условия религиозного символизма: в последнем случае отыскивается философская оправа данной религии, открывается *метафизичность* всякой религиозной философии; далее эта метафизичность вскрывается указанием на то, что она оформливает лишь необходимые постулаты гносеологии и психологии, делая из них наиболее вероятные выводы. Обнаруживается, что религиозный символизм есть непременно символизм гносеологический, т. е. религия ни в одном пункте не может прямо нарушить теорию познания с ее постулатами: между этими постулатами и религией существует сложная зависимость. Метафизика может явиться для нас теперь в совершенно новом освещении, если она — наиболее вероятная дедукция из гносеологических постулатов, продолжая, так сказать, пунктиром теорию познания там, где последняя останавливается: метафизика в этом случае — замаскированная извращенная религия. Так должно рассматривать Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, чтобы названные философы не внушали чувство протеста ненаучностью.

Итак, общие нормы общественности — в вопросе о цели общества и общие условия религиозного символизма в вопросе о критических предпосылках из существующих символов перекрещиваются, ибо: телеология — необходимый постулат критицизма. И тут и там эмпирическое содержание религии и общественности перегоняется сквозь призму теории познания. Но далее: телеология сама по себе есть первоначальное, внешнее определение символизма, так что общественная жизнь,

сводящаяся к осуществлению последней цели, которая сама по себе есть форма символичества всеединства — общественная жизнь есть недовыраженная жизнь религиозная. Проведение общественности до конца необходимо подчиняет ее гносеологическим символам религии. Но гносеологические символы религии образуются только в мифотворчеством <*так!*> процессе: отсюда общественность должна превратиться в свободную теургию. В. Иванов в статье (замечательной) «*Дионисово действо*» («*Весы*», 1905, № 2) говорит, что *орхестра* есть идеальный фокус форм народного голосования[2]. Стало быть, гражданственность, возведенная к дионисиазму, приближает гражданина к мистерии и во всяком случае способствует мифотворчеству. Цель общества — победить хаотический механизм личных движений в цельный организм и притом индивидуальный. Воплощение этого организма в мир вызывает в нашей личной психике душевной и психике общественной образ <?> *Жены в хаосе*: тут как бы рождается «*Темного Хаоса светлая дочь*»[3]. Нестройный Хаос борется за свои владения, на поверхности его бунтующих волн отражается начертание *Зверя*. Вот отчего вопрос о религиозной общественности, выход религии из индивидуального мистицизма (протестантские мистические секты) с одной стороны, и из универсального догматизма, с другой (католичество, православие), в общественную теургию есть преимущественно выход к Апокалипсису, ибо тут начинается действенная и окончательная борьба со *Зверем*, а также образование третьей религии — религии человечества: Человечество чтится как индивидуальное Существо. Прежде были религии Отчества и Материнства (Ветхий Завет, так называемое язычество), была религия Богочеловечества (Новый Завет). Теперь наступает соединение заветов в *Завет последний* — приближается Дух Утешитель. Образуется полная религия Троицы. Если религия Человечества стоит в связи с явлением Его Женственной Сущности в Лике Жены при посредстве коллективной мистерии, то отдельные начинающиеся вспышки кружкового теургизма должны ставить во главе мистерии Женщину: в этом рыцарский орден Грядущей. Сюда же и Царь-девица.

Теперь: *отношение России к Германии*. Германская культура рождает златокудрых, лазурнооких, златопанцирных героев,

но отнюдь не рождает «*Брунгильды*», к которой Зигфрид стремится, побеждая Зверя (Фафнера), пробегая огневой пояс[4]. Русская бледнозеленая сонная действительность от времени до времени озоряется вспышками вечных роз — зорь. Не способна ли явить Россия Царь-Девицу. Ведь Россия — Матушка (Mutterland), а Германия — Батюшка (Vaterland). В Германии золото + лазурь = белизна, в России зелень + розы = белизна. Не тут ли произойдет какое-то *обретение* сретения. Здесь что-то есть.

Простите, дорогой Эмилий Карлович: неожиданно все это набросал и сейчас же обокраду письмо для «Весов» (можно?), ибо неожиданно выскочившая схемка в уме все развивается, и было бы полезно ее выкрикнуть.

Но возвращаюсь к Вашему письму. Философ, о котором я Вам писал, — Фохт, поэт, четвертый после Пушкина — Брюсов. Бальмонт меня все менее и менее удовлетворяет разгильдяйством своего творчества: он не концентрирует ни мыслей, ни настроений: точно человек, экспромтом заговоривший недурно, но при этом обрызгавший Вас… слюной. «*Слюнявые строчки*» «Литургии Красоты»[5] меня бесят. Наоборот Брюсов…… Да: у меня с Брюсовым должна была быть *эмпирическая*, а не символическая дуэль, или, лучше сказать, тут символизм наших отношений хотел «*окончательно воплотиться*» (как черт в Ивана Карамазова)[6]. Как-нибудь со временем расскажу, а то пришлось бы рассказывать горы, горы переживаний!!! Вообще *слишком много переживаю*: каждый миг слишком туго набит — рвется: не успеваю осмысливать переживаемого. На платформу моей души ежечасно приходят товарные поезда; миг за мигом — тюк за тюком, туго набитый, выносится на платформу. Едва отодрал с помощью молотка доску у одного ящика, чтоб посмотреть на содержание его, как тысячи новых тюков громоздят, громоздят. Кругом меня Монбланы неиспользованного товара. Душа моя — платформа — трещит под тяжестью, а десятки свистков, подходящих поездов, угрожают новыми тюками переживаний… Вот теперь хлопочем об открытии в Москве рел<игиозно->философского общества[7], чтобы это общество при случае могло стать органом новой партии (религиозно-общественной), а это было бы важно в виду собора[8]. Помимо

того: есть связь кружков московских с петербургскими. Объединяемся, организуемся. Кроме того: умножаются аргонавты и вырождается аргонавтизм (я уже отхожу от них, хотя обещал для их сборника «В поисках Света»* статейку и рассказ, сборник выйдет после Пасхи)[10]. Вообще популяризация идет вовсю: один из аргонавтов (правда, нищенский: Астров) будет возвещать принципы религиозной общественности со столбцов «Русских Ведомостей» (??!! 'ξξΥΛИ! <?>[11]). Делаю вид, что *все меня лично касается*. «*Вопросы Жизни*» будут печатать рефераты, читанные в проектируемом нами Обществе, и стенографически записанные прения[12].

Все, что Вы писали о *Ницше*, глубоко меня захватило: все это — выявление «милого образа», созданного воображением. Да, Ницше — святой! Пока нигде не пишу, кроме «*Весов*», да и то только в апрельском № выйдет моя статья «*Апокалипсис в русской поэзии*»[13]. Дорогой Эмилий Карлович, всей душой рвусь к Вам, но главное...... истратил сразу, глупо все деньги на книги: сижу без гроша в кармане. Вот основная причина.

Как хорошо, что Вы приостановили о Шмидт. Бедная! На днях даем вечер в пользу ее старушки матери в одной частной квартире, думаем собрать около ста рублей[14]. Дорогой Эмилий Карлович, надеюсь получить от Вас еще, еще письма: ужасно они меня радуют. Христос с Вами.

Остаюсь горячо любящий Вас Б. Бугаев.

P. S. Посылаю стихи.

Поповна и Семинарист

Посв. А. А. Кублицкой-Пиоттух

Свежеет. Час условный.
С полей прошел народ.
Вся в розовом, поповна
Идет на огород.
Как пава, величава.
Опущен шелк ресниц.
Налево и направо

---

* *Вписано карандашом*: «Свободная Совесть» (теперь уже вышел)[9].

Всё пугалы для птиц.
Жеманница срывает
То злак, то василек.
Идет — над ней порхает
Капустный мотылек.....
Над пыльною листвою —
Наряден, вымыт, чист —
Коломенской верстою
Торчит семинарист...
Прекрасная поповна —
Прекрасная, как сон, —
Молчит — зарделась, словно
Весенний цвет пион.
Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик златых веснушек
Загар рассыпал сеть.
Не терпится кокетке —
Семь бед — один ответ —
Пришпилила к жилетке
Ему ромашкин цвет.
Прохлада нежно дышит
В напевах косарей.

Не видит их, не слышит
Отец протоиерей.
В подряснике холщевом
Прижался он к окну,
Коря жестоким словом
Покорную жену:
«Опять ушла от дела
Гулять родная дочь?
Опять не доглядела?»...
И смотрит — смотрит в ночь.
И видит сквозь орешник
В вечерней чистоте
Лишь небо да скворечник
На согнутом шесте[15].

Пир

С. А. Полякову

На пире буйном я шутил
И легкомысленно, и метко.
Потом свой бледный лик склонил
Над сумасшедшею рулеткой,
Меж тонких пальцев нежно взяв
Благоуханную сигару.
Мой друг запел, к груди прижав
Вдруг зарыдавшую гитару.

К столу припав, заплакал я,
Провидя перст судьбы железный:
«Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшеюся бездной.
Заутра солнца луч блеснет.
Пройдет на фабрику рабочий.
Но вихрь безумий нас сметет:
Бесследно канем в ужас ночи.
Пусть голос вьюги, нам родной,
Для мертвых плясок руки свяжет —
Заутра саван ледяной,
Виясь, над нами мягко ляжет»...

И — проигравшийся игрок —
Я быстро встал. Надменно строгий,
Плясал безумный кэк-уок,
Под потолок бросая ноги.
Ударил в стену каблуком,
Преображенный пляской *свыше* —
И колким прыснули дождем
Куски зеркальной, бледной ниши.

Суровым отблеском покрыв,
Печалью мертвенной и блеклой
На лицах гаснущих застыв,
Влилось сквозь матовые стекла
Рассвета мертвое пятно.
И я молчал, бессильный, робкий.

И гуще пенилось вино.
И в потолок летели пробки[16].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 44. Две пометы красным карандашом: «XLV».

Ответ на п. 100.

Это письмо не было своевременно отправлено адресату; послано вместе с п. 113.

[1] Хилиазм — тысячелетнее царство Божие на земле и учение о нем; термин использовался главным образом в восточной патристике и в эллинизированных регионах.

[2] Имеется в виду статья Вяч. Иванова «Вагнер и Дионисово действо» (Весы. 1905. № 2. С. 13–16; позднее вошла в книгу Вяч. Иванова «По Звездам» (1909)); в ней говорится: «Если всенародное искусство хочет быть и теургическим, оно должно иметь орган *хорового слова*. И формы всенародного *голосования* внешни и мертвы, если не найдут своего идеального фокуса и оправдания в соборном *голосе орхестры*» (*Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Т. II. Брюссель, 1974. С. 85).

[3] Заключительная строка стихотворения Вл. Соловьева «На Сайме зимой» («Вся ты закуталась шубой пушистой...», 1894). См.: *Соловьев*. С. 107.

[4] Сюжетные мотивы оперы Р. Вагнера «Зигфрид» (1876), третьей части тетралогии «Кольцо нибелунга»: Зигфрид убивает дракона Фафнера, проходит сквозь бушующий огонь на вершину утеса и пробуждает от заколдованного сна валькирию Брунгильду (действия второе и третье).

[5] Книга стихов К. Д. Бальмонта «Литургия Красоты. Стихийные гимны» (М.: Гриф, 1905); вышла в свет в начале 1905 г.

[6] См. главу IX («Черт. Кошмар Ивана Федоровича») книги 11-й романа Достоевского «Братья Карамазовы». О духовно-психологическом противостоянии Белого и Брюсова осенью 1904 г. и зимой 1904–1905 гг., получившем игровые смысловые контуры борьбы «света» и «тьмы», см. во вступительной статье С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к переписке поэтов (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 334–338), а также: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 11–39.

[7] Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева в Москве открылось явочным порядком после манифеста 17 октября 1905 г., устав Общества был утвержден в августе 1906 г.

[8] Поместные соборы в Русской Православной Церкви в Синодальный период (с 1721 г.) не собирались. Подготовка к созыву Всероссийского Церковного Собора началась в первые годы XX века, но разрешение на его созыв было получено только после Февральской революции от Временного правительства (Собор открылся в августе 1917 г.).

[9] Позднейшая приписка. «Свободная совесть. Литературно-философский сборник» (Кн. 1. М.: тип. И. Д. Сытина, 1906) вышел в свет в ноябре 1905 г.; его участники — преимущественно члены литературно-общественного и религиозно-философского кружка, собиравшегося у П. И. Астрова, значительную часть его составляли объединявшиеся вокруг Белого и Эллиса «аргонавты».

[10] В кн. 1-й «Свободной совести» были опубликованы рассказ Белого «„Мы ждем его возвращения“» и его статьи «О научном догматизме», «О пессимизме», «Общественная совесть» (С. 160–177, 296–304).

[11] Греческие литеры прочитываются предположительно, смысл их неясен.

[12] План публикации материалов московского Религиозно-философского общества в «Вопросах Жизни», прекратившихся изданием на декабрьском номере 1905 г., остался невоплощенным.

[13] См.: Весы. 1905. № 4. С. 11–28. Статья позднее вошла в книгу Белого «Луг зеленый» (1910).

[14] Мать А. Н. Шмидт — А. Ф. Шмидт (урожд. Романова). Высказано предположение, что этот вечер был устроен в доме купеческой семьи Шер (Остоженка, 1-й Зачатьевский пер.). См.: Переписка Андрея Белого и Н. П. Киселева / Подгот. текста и примеч. А. Л. Соболева // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград.; М., 2017. С. 37.

[15] Впервые опубликовано в той же редакции, с посвящением Т. А. Рачинской в журнале «Золотое Руно» (1906. № 4. С. 33–34); вариант ст. 35: «Корит жестоким словом». В расширенной редакции (с дополнениями: четырех строк между ст. 4 и 5, четырех строк между ст. 16 и 17, шестнадцати строк между ст. 24 и 25, двадцати строк между ст. 28 и 29, двадцати строк после ст. 44) под заглавием «Поповна» и с посвящением З. Н. Гиппиус вошло в книгу Андрея Белого «Пепел» (С. 191–195). См.: *СП — 1*. С. 267–270.

[16] Первоначальная редакция стихотворения, опубликованная в «Вопросах Жизни» (1905. № 7. С. 48–49) без ст. 21–28, с дополнительными строками (между ст. 8 и 9):

Вокруг широкого стола,
Где мы сидели в тесной куче,
Венгерка юная плыла,
Отдавшись огненной качуче.
Из-под склоненных, черных вежд
Очей метался пламень жгучий.
Плыла — и легкий шелк одежд
За ней летел багряной тучей.

В переработанной редакции вошло в книгу Белого «Пепел» (С. 132–134). См.: *СП — 1*. С. 457–458, 241–242.

102. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

8–9 апреля 1905 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 8 апреля 1905 года.

Дорогой мой Борис Николаевич!

Только что дочитал (и додстрадал) до конца Житие Фридриха Ницше[1].

Среди последних десятков страниц попадаются совершенно невыносимые по величию и трогательности места.

Когда, наконец, и кем будет переведена на русский язык эта исключительная по своим достоинствам биография, этот труд, в котором сочеталась нежность и грация любящей женщины (и какой женщины: сестры Ницше, которую он считал своей самой близкой ученицей) с мужественною благородною правдивостью и «не мудрствуя лукаво» летописцев. — ??... —

Увы! Мне некогда заняться этим, пока я — цензурую. Да и не знаю, сумею ли? Боюсь, что безграмотен.

Ницше любил и уважал искренних христиан. Один из таких сказал как-то, что для современного христианства вечным упреком будет тот факт, что такой человек, как Ницше, не мог быть христианином. Итак — неудовлетворенность христианством как раз вследствие глубочайшей религиозности, которою он отличался с самого раннего детства. — «Двенадцати лет» (пишет он одному другу) «я видел Бога во всем его сиянии»...[2] Бог это море; человек это озеро, соединенное с морем проливом (я и отец — одно); надо запрудить (временно?) пролив... чтобы подняться выше... — Это богоборство потомка жрецов. (***NB***. Предки Ницше были пасторами, как со стороны отца, так и матери). Ко Христу Ницше до конца сохранил, по свидетельству сестры, нежную любовь. Он очень не любил апостола Павла...[3] —

«Когда я был молод» (пишет Ницше в еще не изданном своем Ecce Homo, написанном для сестры и для немногих друзей, но не для печати)[4], «я встретил одно опасное божество, и я бы никому не хотел поведать о том, что пробежало тогда по моей душе как хорошего, так и дурного. Тогда я своевременно научился молчать, а затем понял, что надо научиться говорить, чтобы надлежащим образом уметь молчать; что человек с задними мыслями нуждается в передних, как для других, так и для себя; ибо последние необходимы ему как для того, чтобы отдохнуть от самого себя, так и для того, чтобы сделать возможным совместную жизнь с другими»[5]. Ницше, как он сам говорит, надел «маску». Он разгуливал по Европе в качестве отставного профессора, скромного ученого, всегда со всеми любезного, разговорчивого, безукоризненно, хотя и очень небогато, одетого... (Оказывается, он еле-еле сводил концы с концами). В его внешности было что-то военное; это при мягкости и невероятном аристократизме и изяществе;

«Незнакомый друг» «старинной осанки», «должно быть, военный в отставке»; «в шинели, отделанной выцветшим мехом»[6]; он часто походил на созданный Вами образ.

Оставленный *всеми**, как *инок*
Стоит он средь белых снежинок[8].

× × × × × × × ×

Говорят, перед смертью мгновенно пробегает в воображении вся жизнь… Перед самою болезнью Ницше написал как бы автобиографию Ecce Homo. Она будет издана после смерти всех его сверстников. — Последний год его творческой и сознательной жизни (1888) был преисполнен всяческих неудач и неприятностей. Его начали травить вагнерианцы и философистеры. А друзья, к которым он был, впрочем, даже по словам самой сестры, не совсем справедлив в своем раздражении, за последнее время редко вступали с ним в общение. Не только непонимание со стороны некоторых из них и небрежное невнимательное чтение его произведений со стороны других, но и вполне основательное огорчение по поводу его чрезмерных злобных и часто несправедливых нападок на все немецкое послужило причиной к одному разрыву и отчуждению за другим. Впрочем, я не хочу сейчас здесь касаться этих непонятных и неприятных (слишком человеческих) выходок Ницше. Его страдание искупило бы и не такие грехи и недостатки. Покинутый всеми, вдали от своего единственного друга — сестры, — он яростно защищался от нападавших на него со всех сторон гномов, но один из них нанес ему жестокий удар, который окончательно подорвал его силы. Некто написал ему анонимное письмо, в котором сообщалось о мнимой измене сестры его взглядам и упоминалась какая-то анонимная статейка о *Заратустре*, будто бы сочиненная с ведома и с согласия сестры ее мужем Ферстером. — Ницше в глубочайшем отчаянии написал Ферстеру письмо, которое заканчивалось словами: «Я беспрестанно принимаю снотворное, дабы заглушить боль, и все-таки не могу спать; сегодня я приму столько, чтобы потерять рассудок»[9]. Этого письма, вслед за которым Ницше действительно потерял рассудок, Ферстер жене не показал; но он пять месяцев спустя после того как Ницше заболел — скончался[10], и жена

* Сестра последние пять лет его сознательной жизни жила в Парагвае[7].

нашла у него это письмо — (Вскоре после того она возвратилась в Европу и посвятила себя уходу за братом). — Ницше последние годы страдал от бессонницы и принимал хлорал и еще какое-то таинственное, медицине не известное, средство, которое ему подарил случайный знакомый голландец (не летучий ли?)[11] с острова Явы. Средство это, по его собственным словам, было настолько сильно, что одной капли было достаточно, чтобы впасть в глубокий и продолжительный сон, а если принять две капли, то перед сном впадаешь в необычайно радостное пьяное настроение; от такого приема Ницше однажды начал хохотать до упаду и, упав на ковер, корчился в судорогах от смеху; ***NB*** средство это отнюдь не опий; после него не остается ни следа слабости и упадка сил. — Так как впоследствии из расспросов первых свидетелей болезни Ницше сестра его узнала, что он очень долго и страшно до безумия хохотал, то совершенно очевидно, что, написав вышеупомянутое письмо к Ферстеру, Ницше просто *отравился* этим неизвестным средством; это предположение косвенно подтверждается также и тем, что врачи только по аналогии констатировали у него паралич, так как далеко не все симптомы этой болезни были налицо, да и развитие ее было совсем sui generis*; некоторые врачи основательно сомневались, паралич ли это?[12] Скорее это был результат отравы неизвестным зельем (летучего) голландца??? Странное было здоровье у Ницше (медленное кровообращение, неизменная трезвость и прозрачность рассудка, тонкие и крепкие нервы, безукоризненные зубы и густые волосы), странная и болезнь, не поддающаяся ни лечению, ни определению. Всю жизнь ни болен, ни здоров; падение с лошади, дифтерит, дизентерия, болезнь глаз, желтуха, мигрени, инфлуэнцы, бессонница и при этом неизменно цветущий вид; даже и во время «сумасшествия»; почти до последнего года жизни. — Итак, что он отравился голландским зельем — очевидно. Это произошло в Турине в последние декабрьские дни 1888 года. Вероятно, он несколько раз помногу принимал голландских капель, так как много и долго хохотал. Затем после сна он вышел на улицу, но упал у подъезда и был отнесен в свой номер служителями отеля и положен на диван, где он пролежал молча и без движения двое суток; затем встал

* Особого рода (*лат.*).

и начал страшно громко играть на рояли. Потом, разговаривая сам с собою, опять вышел на улицу и шатался опять очень долго не возвращаясь домой.

В небесах золотистый пожар.
Я смеялся фонарным огням.
Запрудив вкруг меня троттуар,
Удивленно внимали речам.
Хохотали они надо мной,
Над безумно-смешным лжехристом[13].
. . . .
Горбуны из пещеры пришли,
Повинуясь закону.
Горбуны поднесли
Золотую корону.
«Засиял ты, как встарь…
Мое сердце тебя не забудет.
В твоем взоре, о царь,
Все что было, что есть и что будет»[14].
Приют роскошный — волшебств обитель,
Где восхищались мы знаньем новым, —
Спалил нежданно разящий мститель
в час полуночный мечом багровым[15].

Только Ваши чудные стихи, дорогой Борис Николаевич, могут служить поддержкою для воображения, когда оно пытается создать образ гениального Фрица, в безумии блуждающего по туринским улицам… Когда мы с Анютой[16] дочитали вчера биографию Ницше, я взял *Золото в лазури* и закончил вечер декламированием Ваших стихов.

Утешившись, вероятно, от ходьбы на улицах, Ницше возвратился в свой номер и сел писать сначала письма всем друзьям; своим безукоризненным почерком с совершенно правильной орфографией, не путая адресов; только он писал иногда умершим: Шопенгауэру, Вагнеру, Бисмарку; а подписывал свои письма «Der Gekreuzigte»* или «Dionysos»; затем он писал различные фантазии;

* «Распятый» (*нем.*).

к сожалению, их впоследствии уничтожили, так как думали, что он может выздороветь; но кое-что осталось. Так он пишет, что настал момент синтеза Христа с Дионисом, что он, Ницше, этот воплощенный синтез, разорванный своими врагами, бродит на берегах реки По. Одно из писем, подписанное «Der Gekreuzigte» и адресованное его другу профессору Овербеку, побудило последнего немедленно выехать в Турин. Сначала его поместили в психиатрическую клинику, а затем передали на попечение матери, жившей в Наумбурге. Через год только приехала из Америки сестра. Он встретил ее на вокзале с цветами в руках и назвал ее детским прозвищем «mein liebes Lama»*. Когда умерла мать — переехали в Веймар[17], в тот дом, который я, к сожалению, видел только снаружи. —

Годы в Веймаре — это счастие. Иногда сестра плакала. Тогда он спокойный радостный величественный говорил ей: почему ты плачешь, сестра моя; ведь мы вполне счастливы… — Больной, он помнил из прежней жизни только хорошее. Когда вспоминал о Вагнере, то повторял: *как я любил его!* — Он читал и, когда ему подавали новую книгу, он говорил, улыбаясь: а когда-то ведь и я писал недурные книги!.. — Он носил белый талар и своим взором, обращенным вовнутрь, походил на им самим созданный образ Гераклита[18]. —

Он как новый Христос, просиявший учитель веселья. —
И любя и грустя, всех дарил лучезарностью кроткой[19]. —

Он был необыкновенно кроток и нежен со всеми, кто навещал его. Сестра приводит по этому поводу два отрывка Lichtenberger'a и баронессы Ungern-Sternberg, последняя описывает, как Ницше слушал музыку: «это зрелище для богов, которое мне суждено было видеть», — говорит она[20].

---

9 апреля 1905 года. — Как поживаете? Чтó пишете? Дорогой Борис Николаевич! Вы обязательно сообщайте мне №№ тех изданий, где помещены Ваши работы. При ограниченности моего досуга и при медленности темпа моей духовной энергии я нахожу возможным следить только за Вами; остальные «новые» русские меня менее интересуют.

---

* Моя любимая лама (*нем.*).

Я очень рад, что чувствую себя все менее и менее русским. Иначе я бы очень, очень страдал от того, что теперь происходит[21]. Здесь я не мог бы, подобно Вам, так отрешиться от «политики». Ваши общественные инстинкты как-то в стороне от государства. Кстати, Ницше мечтал об основании монастыря на берегу Средиземного моря; не раз при этом он говорил буквально об... аргонавтах. Вообще поразительное совпадение нередко между Вашими (нашими) переживаниями и его. Но... но с брюсовщиной и бальмонтовщиной он имеет общего немногим больше, нежели с горьковщиной. Некоторые его страницы прямо в «морду» бьют Валерия Яковлевича и Константина Авксентьевича[22], так же как и Алексея Максимовича. —

Habent sua fata... mediocres*. Как будут изумляться через два-три десятка лет, что Максима Горького и Римского-Корсакова считали гениальными, потому... что они пострадали за «правду»[23].

Послезавтра на страстной приезжает на две недели Коля[24]. — Это установилось уж как неизменное правило: в праздники он в Нижнем. Жить нам врозь становится все более и более невыносимым. Я не дождусь и в то же время боюсь того момента, когда упразднят цензуру. Боюсь потому, что решительно не знаю, чем «снискивать пропитание». Не дождусь — потому, что мы уедем тогда втроем в Германию. А Борис Николаевич приедет к нам в гости? Надеюсь, впрочем, что Вы и до Германии приедете к нам в Нижний?! Летом? Поклон Вашей маме. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 52.

[1] Имеется в виду 3-й том биографии Ницше, написанной Э. Фёрстер-Ницше (см. примеч. 11 к п. 98). Далее излагаются факты и трактовки, почерпнутые из этой книги.

[2] Эту фразу (в оригинале: «mit zwölf Jahren habe ich Gott in seinem Glanze gesehen») Э. Фёрстер-Ницше приводит без указания даты и источника (*Förster-Nietzsche Elisabeth*. Das Leben Friedrich Nietzsche's. Bd. 2. Abt. 2. Leipzig, 1904. S. 762).

[3] См.: Ibid. S. 765.

---

* Имеют свою судьбу... посредственности (*лат.*).

[4] Над автобиографической книгой «Ecce Homo» Ницше работал в октябре — декабре 1888 г. и не успел довести текст до окончательной редакции; впервые по рукописи книга была опубликована в 1908 г.

[5] В печатную версию текста «Ecce Homo» эта черновая заметка Ницше не вошла.

[6] Неточно цитируется стихотворение Белого «Незнакомый друг» (см. п. 52, примеч. 11).

[7] См. примеч. 17 к п. 100.

[8] Неточная цитата из стихотворения «Незнакомый друг».

[9] Цитата из письма Ницше переведена Метнером в полном объеме текста, приводимого в книге Э. Фёрстер-Ницше (см.: *Förster-Nietzsche Elisabeth.* Das Leben Friedrich Nietzsche's. Bd. 2. Abt. 2. S. 896–897).

[10] Б. Фёрстер покончил жизнь самоубийством в Сан-Бернардино (Парагвай) в начале июня 1889 г.

[11] Образ Летучего Голландца (заколдованный корабль-призрак, скитающийся по морям и несущий гибель другим кораблям), восходящий к народной легенде, использован в гл. VII новеллы Г. Гейне «Из мемуаров господина фон Шнабелевопского» (1834) и в либретто оперы Р. Вагнера «Летучий Голландец» (1840–1841).

[12] После того как Ницше 3 января 1889 г. перенес на улице в Турине апоплексический удар, он был помещен в психиатрическую клинику в Базеле, где психиатр Л. Вилли дал диагноз: «Paralysis progressiva», — подвергнутый сомнению другими врачами (д-р Г. Эманюэль: «По нынешнему состоянию клинической психиатрии известные нам данные из истории болезни Ницше недостаточны для того, чтобы положительно заключить к диагнозу paralysis progressiva»; д-р О. Бинсвангер: «Данные анамнеза, касающиеся происхождения болезни Фридриха Ницше, настолько неполны и отрывочны… что окончательное суждение об этиологии его заболевания не представляется возможным») (Приведено К. А. Свасьяном в «Хронике жизни Ницше» в кн.: *Ницше.* Т. 2. С. 826).

[13] Неточная цитата из стихотворения Белого «Проповедуя скорый конец…», входящего в цикл «Вечный зов» (1903). См.: *Андрей Белый.* Золото в лазури. С. 18.

[14] Цитата из стихотворения «Восседает меж белых камней…», входящего в цикл «Не тот» (1903). См.: Там же. С. 28–29.

[15] Цитата из стихотворения «Ах, запахнувшись в цветные тоги…», входящего в тот же цикл. См.: Там же. С. 33.

[16] А. М. Метнер.

[17] Мать Ницше Франциска Ницше (урожд. Элер) умерла 20 апреля 1897 г., незадолго до этого Э. Фёрстер-Ницше перевезла больного брата в Веймар.

[18] См. интерпретацию образа Гераклита в разделе «„Разум“ в философии» (фрагмент 2) книги Ницше «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом» (*Ницше.* Т. 2. С. 568–569).

[19] Неточная цитата из стихотворения Белого «Он — букет белых роз…», входящего в цикл «Не тот» (1903). См.: *Андрей Белый.* Золото в лазури. С. 29–30.

[20] Суждения о Ницше Лихтенбергера и баронессы Унгерн-Штернберг см.: *Förster-Nietzsche Elisabeth.* Das Leben Friedrich Nietzsche's. Bd. 2, Abt. 2. S. 930–931.

[21] О своем усилившемся крайне негативном отношении к государственной власти Метнер еще более откровенно писал А. С. Петровскому 16 мая 1905 г.: «Безотраднее формулы „Самодержавие Православие Народность“ я ничего не знаю… <…> *Ужасно.* Я раньше никогда не подозревал, какие гнусности делаются во имя этого „священного“ стяга! Я чувствую, как молодею от ненависти к этому „стягу“» — и т. д. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 9).

[22] Подразумевается К. Д. Бальмонт (его отчество: Дмитриевич).

[23] Имеются в виду правительственные репрессивные акции против М. Горького (аресты в мае 1898 г., в апреле 1901 г., высылка в Арзамас в апреле 1902 г., арест и заключение в Петропавловскую крепость в январе — феврале 1905 г. и последовавшая высылка в Ригу), а также против Н. А. Римского-Корсакова в марте 1905 г. (1 февраля 1905 г. Римский-Корсаков выступил на заседаниях Художественного совета петербургской консерватории в поддержку ряда требований революционно настроенных студентов; 19 марта был уволен из консерватории, произведения его были запрещены к исполнению в Петербурге).

[24] Н. К. Метнер. Страстная неделя в 1905 г.: 10–16 апреля.

103. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

23 апреля 1905 г. Нижний Новгород

Н. Новгород. 1905 г. Со светлым праздником поздравляем Вашу маму и Вас[1]. Метнеры.

Получили мое письмо?[2]

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 53. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Н. Новгород 23. IV. 05.

[1] Пасха в 1905 г. — 17 апреля.

[2] Подразумевается п. 102.

104. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Конец мая — начало июня 1905 г. Дедово

Дорогой Эмилий Карлович,

Как мне писать Вам? Я так виноват перед Вами[1]. Но ужас усугубляется оттого, что я уже Вам ответил длиннейшим письмом, чуть ли не целой статьей, запечатал в огромный конверт, и представьте — в ту пору у меня иссякли деньги, и я должен был ждать их, чтобы послать. Потом грянуло на меня множество дел, хлопоты по устройству разных собраний небольших кружков, хлопоты по учреждаемому обществу в память Вл. Соловьева[2], наконец устройство лекции Мережковского, которое тяжестью свалилось на меня[3]. Во дни приезда Мер<ежковских> я был у них чем-то вроде церемонимейстера, приводил к ним, знакомил. Наконец дела с «*Х<ристианским> Б<ратством> Б<орьбы>*»[4] и болезнь мамы: воспаление. Все это до такой степени заполонило, что письмо так и осталось неотосланным. И доныне оно лежит в Москве[5]. Но я так часто мысленно к Вам переселялся, мой дорогой, милый Эмилий Карлович, так хотел бы с Вами беседовать. Зачем пространства смеют разделять людей! Неужели Вы долго еще пробудете в Нижнем, Эмилий Карлович! Кричу это почти с досадой, потому что хочу Вас видеть, и не могу даже писать!

О, мне близко Ваше настроение. Теперь во мне протекает какая-то эволюция, которую не умею оформить, но, кажется, от христианства (не от Христова) к... музыке, Ницше и переживаниям Хандрикова в *Орловке*...[6] Я счастлив своей свободой и помышляю теперь теургию свести к антропургии. Я все больше и больше начинаю понимать, что такое *человек*: всякая религия мне кажется теперь иногда не целью, а средством найти *самого себя*, т. е. найти в себе *человека* (не сверхчеловека). Человека забыли и всякие -исты, и мистики равно, и даже Ницше со своим сверхчеловеком.

Человеческое — это вечное Христово чувство без отнесения его к Богу. Культ Христова чувства во имя его самого во мне и для меня. Иногда меня страшит срывом путь человека, ибо из всех путей это наиболее тернистый. Я — средство, но я же и цель. Я как средство — эмпирич<еский> человек, я — как цель — Бог. Дорогой Эмилий Карлович, что, как Ваша повинность?[7]

Я думаю пробыть у Сережи[8] в Дедове до 10<-го>. Мой адрес до 10-го июня Моск<овская> Николаевская ж. д., станция Крюково. Сельцо Дедово. Имение А. Г. Коваленской. Мне. После десятого у меня ряд приглашений — всё по Николаевской ж. д. Буду у Блок на Подсолнечной, у Танеева в Клину, у Морозовой в Твери, у Мережковских под Петербургом[9]. В это время адрес мой московский. С 15-го июля я наверное в Серебряном Колодце: Тульской губ<ернии> г. Ефремов. Сер<ебряный> Кол<одезь>. Мне.

Да хранит Вас сила человечества, дорогой Эмилий Карлович.

Глубоко любящий Вас

Б. Бугаев.

P. S. Мой привет А<нне> М<ихайловне>[10].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 45. Помета красным карандашом: «XLIII».

[1] В письме от 15 мая 1905 г. Метнер спрашивал А. С. Петровского: «Что сталось с Бугаевым? Он не только перестал писать, но даже отвечать и притом на довольно длинные письма. Я отнюдь не обижаюсь, а просто беспокоюсь за него. Уж не влюблен ли он в сибирскую прекрасную даму?» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 9).

[2] См. примеч. 7 к п. 101.

[3] Ср. позднейшую запись Белого о мае 1905 г.: «...приезд Мережковских <...> мы с Е. А. Бальмонт устраиваем лекцию Мережковского в доме Морозовой» (ЛН. Т. 105. С. 114). Судя по письму А. С. Петровского к П. А. Флоренскому от 18 апреля 1905 г. («Приезжайте к пятнице. Мережковский будет читать лекцию. Сбор в пользу Э. и С., цена 2 р. (но и за 1 р. можно)» // Павел Флоренский и символисты. С. 580), лекция Мережковского состоялась в пятницу 22 апреля. Под «Э.» и «С.» наверняка подразумеваются В. Ф. Эрн и В. П. Свенцицкий — руководители «Христианского Братства Борьбы», к учреждению которого Мережковский имел непосредственное отношение. В недатированном письме к Блоку (конец апреля — май 1905 г.) Белый сообщал: «Пришлось организовать неожиданно лекцию Мережковского. Тут в Москве месяц перед Пасхой каждый день где-нибудь происходило по несколько собраний в 200–400 человек. <...> Наконец к Пасхе все затихло. Никто уж не хотел идти на лекцию. И вдруг еще лекция, да еще о „*церковной реформе*“. Пришлось спешно мобилизировать 300–400 человек. Хлопоты все упали главным образом на меня. Неделю я только и мог, что бегать из места в место» (*Белый — Блок*. С. 219). Статья Мережковского на тему лекции («Теперь или никогда. О церковном соборе») была опубликована в «Вопросах Жизни» (1905. № 4/5. С. 295–319).

[4] См. примеч. 7 к п. 97. Материалы, характеризующие деятельность Христианского Братства Борьбы, см. в кн.: *Свенцицкий В. П., протоиерей.* Собр. соч. Т. 2. Письма ко всем: Обращения к народу 1905–1908 / Сост., подгот. текста, коммент. С. В. Черткова. М., <2010>; В. Ф. Эрн: pro et contra. Личность и творчество Владимира Эрна в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. А. А. Ермичева. СПб., 2006. С. 59–208.

[5] Имеется в виду п. 101. Белый отправил его Метнеру с письмом от 16 августа 1905 г. (см. п. 113).

[6] Пребывание Хандрикова в Орловке (санатории доктора Орлова) описано в III части 3-й «симфонии» Белого «Возврат».

[7] Вопрос касается ожидавшегося призыва Метнера на военную службу.

[8] С. М. Соловьев.

[9] Из этих летних планов осуществились поездка (вместе с С. М. Соловьевым) к Блокам в Шахматово (середина июня 1905 г.) и поездка в Поповку (имение М. К. Морозовой под Тверью) в начале июля 1905 г.

[10] А. М. Метнер.

105. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

3–8 июня 1905 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 3 июня 1905 года.

Никогда еще не были Вы, дорогой Борис Николаевич, так близки мне; Вы приблизились вплотную к моей религии, к религии Гёте, к германскому эзотеризму, к гуманизму (в глубочайшем смысле слова), к идее о божественности человека, к единому невыразимому внутреннему мотиву всего германского творчества, который на различных эксотерических плоскостях проявлялся то как пантеизм, всегда с различными своеобразными оттенками, то как «историческая школа» от Гердера до Гегеля, то как индивидуализм, бесконечно расширяющийся и оттого перегибающийся в коллективизм, то в теософию (Шлейермахер), то в не похожий на французский и английский социализм Фихте, то как вагнеризм и ницшеанство. Но все они об одном: от Нибелунгов эпохи переселения до Нибелунгов Вагнера — одно кольцо[1]. Даже христианство — только окрасило, вошло только элементом, а не заставило свернуть с своего пути эту интимную нескáзанную мистику германцев.

---

7 июня. Я все больше и больше убеждаюсь в изумительном единстве, цельности всей германской культуры, которая есть контрастирующая в своих частях симфония с главной темой о человеке. Есть нечто, в чем согласны между собою столь разные натуры, как Гёте и Кант, Шопенгауэр и Гегель, Шиллер и Ницше, Бах и Бетховен, Брамс и Вагнер. То, что разделяет их, — второстепенно. Разумеется, я далек от мысли утверждать, что «гуманизм» (беру это слово в *новом*, эсотерическом религиозном смысле, хотя я думаю, что *старые* гуманисты про себя и между собою уже разумели под этим нечто большее, нежели обозначение оппозиционного общественно-литературного движения) —

— есть какая-то привилегия германской культуры. Это — общечеловечно, но сильнее всего выразилось в арийстве, в особенности у немцев. Замечательно, что Гейне и Берне (евреи) уже резко отличаются от общего хора. В них «антропургический» мотив надломлен, преодолен, приправлен чем-то негерманским, лишен того возвышенного всепримиряющего широкого оптимизма, денатурализован уродливыми остатками старинного хронического теизма в виде лязганий и киваний на стащенных в реку перунов и других проявлений эмансипированных и эмансипирующих вольноотпущенников.

Подобно тому, как нелепо видеть в лютеранстве застывшую религиозную систему, подобно тому, как лютеранином является не тот, кто слепо и строго в христологии и в религиозной практике следует Лютеру, а тот, кто следует его завету непосредственного и свободного отношения к Священному Писанию, так и нельзя и не должно считать, что одной нации дано было исчерпать известный мотив: если что следует занять у вождей германской культуры, так это Unbefangenheit (непереводимое одним словом понятие, которое означает отношение к предмету человека, не дающего себя словить чему-либо постороннему); это как бы наивность, но сознающая себя наивностью; это «объективность», но не устраняющая «субъективности» и не боющаяся <*так!*> ее; это беспристрастие, но не только не переходящее в бесстрастие, а, наоборот, сопровождающееся тем большею страстностью, тем сильнейшим и радостнейшим пафосом, чем меньше остается

между композитором и темою (между человеком и человеческим) препон, мешающих непосредственному отношению, препон в виде религиозных философских литературных эстетических политических и прочих предрассудков предпосылок привычек... Повторяю: это не значит освободить себя догола, оттолкнуть от себя все влиятельное; нет; принять все, но только как элемент, усложняющий, но не доминирующий... Недосягаемый образец — Гёте. —

Halte dich <nur> im stillen rein.
Und lass es um dich wettern;
Je mehr du fühlst, ein Mensch zu sein,
Desto ähnlicher bist du den Göttern[2].

Я, кажется, не раз цитировал Вам этот афоризм Гёте, смысл которого: пусть «наплывает»; оставайся человеком, чтобы быть богоподобным. Это единственный догмат нашей религии. Дорогой Борис Николаевич! Вспомните то, что Вы всегда называли пунктом наших разногласий (сюда относится: Кант — Шопенгауэр; пророк или гений и т. д.); вспомните мои предостережения, когда я замечал в Вас родственную Мережковскому тенденцию к мистическому «деланию»... То, что Вам, быть может, казалось во мне квиэтизмом, схоластичностью, преклонением перед авторитетами и гениями, германофильством, — это была как раз свобода, адогматизм вследствие внутренней дисциплины: принимаю к сведению и продолжаю жить и делать свое человеческое дело... Я все ждал, когда Ваша богатейшая изо всех русских натур преодолеет (присвоит) жизне- и человеко-враждебные течения; подчеркиваю: надо справиться с врагом и затем помирить его с собою; только побежденный, а не примиренный противник не перестал быть врагом; не надо перестать быть мистиком и превратиться в «мыслящего реалиста» или просвещенного позитивиста и либерала; не следует только быть *одержимым* мистическими воззрениями; то же можно сказать приблизительно о декадентизме; последний в чистом академическом своем виде, раз только он владеет кем-либо (а не кто-либо владеет им), есть искажение высокого гуманизма, есть антигетевского par excellence*. Вот почему я всегда был настороже; даже их (Брюсова, Бальмонта etc.)

---

* В высшей степени (*фр.*).

простота — хуже воровства: их уравновешенность, естественность, реальность: timeo danaos et dona ferentes[3].

8 июня. Вспомните необычайно сгущенную и нередко зловещую мистическую атмосферу 1902–1903 гг.! Все мы чувствовали, что многие признаки сулят беду... И она пришла. Но... были и утешительные симптомы. Надо только уметь (а если не умеешь, то научиться) все свои несчастия (и даже свои недостатки) преобразовывать в элементы положительные... Это слабость и узость — бояться желтой опасности, думать, что надо уничтожить японцев, вместо того, чтобы принять их, признать их и конкурировать с ними; это слабость и узость — бояться демократической опасности (для культуры России, еще не имеющей предпосылок культурных, нажитых до революции, — эта опасность страшнее желтой); думать, что надо подавить возникшее движение (даже если бы существующий режим и проявлял сильные положительные стороны — чего нет); надо додумать демократию до конца, до Соединенных Штатов[4], тогда явится (если только Россия действительно жизнеспособна в культурном отношении) перегиб к новой аристократичности. Итак, дорогой Борис Николаевич! Смело и решительно на борьбу! Не делайте только безрассудств: Вы очень нужны; если бы не было Вас, я был бы близок к тому, чтобы бесповоротно поставить крест над Россией; слишком много пассивности; активна главным образом подлость, пошлость, смердяковщина... Полное отсутствие ритма, формы; даже воли к ритму и форме... Никто не умеет ни повелевать, ни повиноваться ни вверху, ни внизу terra marique*.

Из Вашего письма вижу, что Вы вступили на путь истины (с моей точки зрения). Льщу себя мыслью, что Ваша встреча со мною, постоянно тащившим Вас за фалды студенческого мундира, когда Вы слишком отдавали себя в распоряжение мистицизма и декадентства, содействовала тому, что Вы вовремя обратились к «человеку». Думаю также, что некоторую роль в этой, как Вы говорите, «эволюции» сыграли... японцы... Нет, решительно надо поставить памятник в России — японцам; в Германии — Наполеону...[5] Дело в том, что... за несколько дней до получения Вашего письма я собрался было написать Вам приблизительно

---

* На море и на суше (*лат.*).

нижеследующее: дорогой Борис Николаевич! Хотя вообще избранные натуры должны держаться в стороне ото всякой политики, должны брезгливо относиться к революции, но есть моменты в жизни народа, когда даже аристократичнейшее существо, если оно в то же время чувствует себя детищем этого народа, обязано, презрев всякую чистоплотность, преодолев отвращение, принять то или иное участие хотя бы в революции; даже Гёте благословил немецкое оружие на борьбу с обожаемым им Наполеоном, когда вспыхнула война за освобождение[6]. Вот что я хотел Вам написать незадолго до получения Вашего письма; но не писал, т<ак> к<ак> не знал, в какой форме, в каких выражениях обратиться к Вам с таким воззванием… Ваше письмо, в котором Вы говорите об «антропургической» эволюции и о «***Х. Б. Б.***»[7] (подробностей об этом союзе не знаю), — облегчило мне задачу: оказывается и взывать не надо, а только откликнуться.

1) Пожалуйста, пришлите мне Ваше письмо, которое Вы написали и не отправили за отсутствием презренного металла. Узнайте, собирается ли к нам в июле Алексей Сергеевич и если да, то при встрече с ним передайте это письмо ему, дабы избежать расходов[8]. Может быть, и сами соберетесь??

2) Если не трудно и безопасно, напишите кое-что о «*Х. Б. Б.*» Впрочем, не настаиваю.

3) Вы пишете: «человека забыли и всякие -исты и мистики равно, и даже *Ницше со своим сверхчеловеком*». Разумеется, отчасти это так: Ницше несколько пересолил; некоторая disgregatio[9] в его инстинктах, его кровях, воспринятых им элементах, привела его к надрыву и сверх-человеку; вот где сказался его полонизм (если только верно, что некоторые отдаленные предки его были поляки); но все же Ницше настолько германец, что не мог не внести поправок (хотя и не успел их оформить для печати) в свое учение о сверхчеловеке, и этими поправками он сблизил свою доктрину с гуманизмом. Я пишу об этом — несколько изумленный; — ведь Вы получили от меня, кажется, два (если не три) письма, где я подробно касаюсь тех мест биографии (недавно вышел последний том), где сестра-автор опровергает лжетолкования разных напыщенных ницшеанцев, доведших до карикатурности учение о сверхчеловеке[10].

4) Меня призовут на службу 25 июня. Возможны четыре случая: 1) полное освобождение; 2) новая отсрочка; 3) признание годным, для выполнения нестроевых должностей; 4) признание безусловно годным. Последнее едва ли, но sub* 3 — возможно, и меня могут услать в качестве начальника эшелона или поезда и т. п. Это будет ужасно!!! Я просто не хочу!

---

5) Надеюсь, что здоровье Вашей мамы восстановилось. Пожалуйста, передайте ей привет от Анюты, меня и Коли…[11] А еще поклонитесь от меня (как пишут в деревенских письмах) Маргарите Кирилловне[12]: скажите ей, что только внезапный переезд мой в Нижний-Новгород не дал мне воспользоваться ее любезным приглашением бывать у нее… А еще поклонитесь Сергею Михайловичу…[13] А еще поклонитесь Сергею Ивановичу Танееву от Коли. Кстати, *как* могло случиться, что Вы подействовали живительно, гальванизировали эту «сухую материю»? Вы совершили чудо? Ведь это не человек, а контрапунктическая машинка! Впрочем, он заслуживает всяческого уважения.

В-шестых — до свиданья! Будьте здоровы и шествуйте благополучно и энергично по пути гуманизма… На досуге обязательно займитесь немецким языком, без него для Вас будет только наполовину понятен как Гёте, так и Ницше, так и немецкая музыка (т. е. *вся* музыка) и многое другое. Крепко жму Вашу руку. Горячо любящий Вас Emil.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 54.

Ответ на п. 104.

[1] Нибелунги (в германо-скандинавской мифологии первоначальные обладатели золотого клада) здесь упомянуты в связи с немецким эпосом «Песнь о нибелунгах» (ок. 1200; с эпохой Великого переселения народов — IV–VII вв. — хронологически не соотносится) и с оперной тетралогией Р. Вагнера «Кольцо нибелунга» (1869–1876).

[2] Четверостишие из раздела IV цикла Гёте «Кроткие Ксении» («Zahme Xenien», IV; 1827).

[3] «Боюсь данайцев, даже дары приносящих» (*лат.*) — Вергилий, «Энеида», II, 49 (слова троянского жреца Лаокоона, относящиеся к огромному деревянному коню, сооруженному греками («данайцами») якобы в дар Минерве).

---

* При (*лат.*).

[4] О Североамериканских Соединенных Штатах как позитивном образце для дальнейшего развития и преобразования России Метнер писал также А. С. Петровскому 17 мая 1905 г.: «Вы как будто не хотите <...> отмахнуться раз навсегда от царской и официальноклерикальноколокольной России и признать, что все кончено. А я кричу: да здравствуют Российские Соединенные Штаты» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 9).

[5] Аналогичное, почти дословное высказывание — в том же письме Метнера к Петровскому: «Японцам надо поставить памятник в России, так же как Наполеону в Германии».

[6] Это суждение не согласуется с совокупностью фактических сведений, свидетельствующих о том, что Гёте вплоть до битвы под Лейпцигом (октябрь 1813 г.) сочувствовал Наполеону и предпринятым им действиям по преобразованию и реформированию немецких государств.

[7] «Христианское Братство Борьбы» (см. примеч. 7 к п. 97, примеч. 4 к п. 104).

[8] Видимо, подразумевается письмо Метнера к А. С. Петровскому от 27 мая 1905 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 9).

[9] Неологизм, означающий: отторжение стадности, множественности. Gregātim (*лат.*) — стадами, кучей, стаей; толпами, во множестве.

[10] См. примеч. 11 к п. 98, п. 100, п. 102.

[11] А. М. Метнер, Н. К. Метнер.

[12] М. К. Морозова.

[13] С. М. Соловьев.

106. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

24 июня 1905 г. Нижний Новгород

А прапорщик запаса полевой пешей артиллерии Э. К. М. освобождается от военной службы по болезни[1].

Получили ли Вы мое письмо (заказное)?[2]

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 55. Открытка; на обороте портрет: «Временно-Командующий Манчжурской Армией Генерал-Лейтенант Н. П. Линевич». Датируется по почтовому штемпелю: Н. Новгород. 24. VI. 1905.

[1] Ср. фрагмент дневниковой записи Метнера, суммирующей основные события его жизни в период цензорской службы в Нижнем Новгороде: «11) Призыв на военную службу в июне 1904, отсрочка на год, снова призыв в июне 1905 г. и освобождение навсегда от военщины» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 183).

[2] Имеется в виду п. 105.

107. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

27 июня 1905 г. Нижний Новгород

Н.-Новгород 27 июня 1905 г.

Дорогой Борис Николаевич, бесконечно рад Вашему приезду[1]. — Приезжайте поскорее и как можно на бóльший срок. Ждем оба. Ваш Э. М.

Советую выехать в четверг скорым (стоимость билета одинакова) или в среду с почтовым...[2] Тогда, может быть, Вы еще застанете здесь Колю...[3] Только не с товаро-пассажирским.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 56. Открытка. Почтовый штемпель отправления: Н. Новгород. 28. VI. 1905.

[1] Письмо (открытка), отосланное около 26 июня 1905 г., в котором Белый извещал о своем предполагаемом приезде в Нижний Новгород, в подборке его писем к Метнеру не сохранилось.

[2] Соответственно 30 июня и 29 июня.

[3] Н. К. Метнер.

108. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

1 июля 1905 г. Нижний Новгород

Письмо получил и сейчас же ответил открыткой, приглашающей Вас выехать в среду или четверг[1]. Опасаясь, что она не дошла, повторяю приглашение. Коля сегодня уезжает. До свиданья. Ждем Вас с нетерпением.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 57. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Н. Новгород. 1. VII. 1905.

[1] См. п. 107, примеч. 1, 2.

109. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

6 июля 1905 г. Нижний Новгород

В ответ на Вашу радостную для меня открытку ответил немедленно открыткой, приглашающей Вас к нам сейчас же; два дня спустя опять написал открытку с таким же приглашением;

обе были отправлены по Вашему московскому адресу[1]. Еще раз выждав время, достаточное для Вашего сюда приезда, пишу третью в имение[2]. Ждем Вас с нетерпением каждый день; просим приехать надолго. Если не можете сейчас или вовсе, напишите на случай, что кто-н<ибудь> еще затеет сюда собраться.

Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 58. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Н. Новгород. 6. VII. 1905.

[1] Имеются в виду п. 107 и 108.

[2] Серебряный Колодезь.

110. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 10 июля 1905 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

Только что вернулся от М. К. Морозовой[1], куда совершенно неожиданно попал вместо Вас: моя судьба вечно все путать. С глубоким прискорбием должен отложить мое желание и глубокое удовольствие видеть Вас, дорогой Эмилий Карлович, но принужден ехать в деревню уже потому, что... денег осталось только до деревни. Если позволите, осенью надеюсь *непременно* быть у Вас в Нижнем, с каждой неделей у меня растет потребность Вас видеть, с Вами говорить, а пока... сердито ругаешь бумагу за то, что она не способна передать хотя бы тысячную долю того, что рвется из души к Вам навстречу. Из всех, кого я знаю, Вы для меня едва ли не самый близкий друг, кроме... одного, двух... Вот почему теперь, когда я весь разделился на 1) манекена, способного *валять* разговоры с кем угодно и на какую угодно тему, 2) на человека, который может говорить молчанием с близкими, — вот почему теперь мне особенно трудно писать, ибо эпистолярный стиль совершенно не допускает откровенной интимности, какая вспыхивает в разговоре. Я пишу Вам, я сержусь, что не могу Вам написать горы бумаги, и с... грустью обрываю письмо. Дорогой Эмилий Карлович, Христос с Вами. Вы мне — совсем родной. Не забывайте меня. Я всегда о Вас помню. Спасибо за любезное приглашение. Радуюсь еще и еще Вашему освобождению от солдатчины[2]. Я до 15-го августа в деревне[3].

Остаюсь глубоко любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Анне Михайловне[4] мой глубокий поклон и привет. Открытки и письмо получил[5].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 46. Помета красным карандашом: «XLIV».

[1] См. п. 104, примеч. 9. Из имения Поповка Белый возвратился не позднее 9 июля 1905 г.; этим днем датировано его письмо к М. К. Морозовой из Москвы. См.: «*Ваш рыцарь*». С. 49–50.

[2] См. п. 106, примеч. 1.

[3] В имение Серебряный Колодезь Белый выехал после 11 июля, вновь объявился в Москве не позднее 21 августа 1905 г. См.: Там же. С. 51, 57.

[4] А. М. Метнер.

[5] Имеются в виду п. 105–108.

111. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

12 июля 1905 г. Нижний Новгород

Н. Новгород. 12 июля 1905 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Пишу Вам наскоро. Не уверен, что получите письмо. После Вашего поздравления и извещения о сборах сюда, в Нижний[1], я немедленно отправил одну за другой с приличествующими промежутками три открытки (две по московскому и одну по тульскому адресу) с приглашением Вас немедленно приехать[2]. Я не знаю, что́ за причины Вашего молчания и откладывания (или отставления) нижегородского визита, но сим торжественно объявляю Вам, что мое (точнее: *наше*) желание видеть Вас здесь нисколько не уменьшилось. Если Вам почему-нибудь нельзя приехать (теперь или вовсе), что очень, очень жаль, во всяком случае напишите, как и что. Получили ли Вы мое письмо, в котором я пишу о «гуманизме»?[3] Еще раз повторяю: пожалуйста не церемоньтесь и скажите прямо: что вследствие того-то и того-то Вы приехать не можете. Дело в том, что я беспокоюсь, не арестовали ли Вас; ведь теперь немудрено ни за что ни про что попасть не только в кутузку, но и на кладбище или, выражаясь латинскими терминами, быть отправленным не только ad matres[4], но и ad patres*. — Народ выделяет черную

* К праотцам (*лат.*).

сотню, правители — опричников: и то и другое обнаглело до неприличных степеней, о чем, между прочим, свидетельствуют события в Н. Новгороде 9–10 июля[5].

Дорогой Борис Николаевич! Я очень удручен, и мне хотелось бы бросить службу; да не знаю, *чем* (в материальном отношении) ее заменить.

Пишите! Привет Вашей маме. Анюта[6] кланяется. Крепко жму Вашу руку! До скорого (?) свидания. Горячо любящий Вас

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 59.

[1] См. примеч. 1 к п. 107. Поздравление — с освобождением от военной службы.

[2] См. п. 107–109.

[3] Имеется в виду п. 105.

[4] К матерям (*лат.*); видимо, каламбурное соотнесение с русским обсценным выражением.

[5] 9 июля 1905 г. в Нижнем Новгороде состоялась массовая демонстрация в память жертв Кровавого воскресенья, сопровождавшаяся столкновениями с полицией, казаками и черносотенцами; на следующий день черносотенцы, поддерживаемые полицией и казаками, устроили избиение евреев и интеллигенции — участников демонстрации. Погромы не утихали еще два дня.

[6] А. М. Метнер.

112. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

10–11 августа 1905 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 10 августа 1905 года.

Дорогой Борис Николаевич!

Передо мною лежит листик с дюжиной имен лиц, которым я по тем или другим основаниям обязан написать письма. Среди последних есть срочные, но я останавливаюсь на Вашем имени не только потому, что Вам мне всегда хочется писать, но и по другой причине: я простудился (насморк и проч.); в «неглиже»; а таким можно являться только перед друзьями.

Накопились у меня письменные долги, во-первых, потому, что я с самого моего освобождения от солдатчины, следовательно 1½ месяца тому назад и до сих пор вместо того, чтобы чувствовать себя все лучше, как раз наоборот: впрочем, упадок после полуторагодичного неестественного болезненного напряжения. Я очень серьезно болен нервно. Устал, устал до идиотизма. А вовторых, отчасти, у меня есть несколько полуделовых писем; дело в том, что я твердо решил в скором времени оставить ту разбойничью среду, в которой я очутился, поступив на государственную службу; лучше быть приказчиком у Мюр и Мерилиза[1], нежели у Н. А. Романова и К°; государство, принадлежащее Мерилизу и им управляемое, несмотря на явно меркантильные цели, им преследуемые, гораздо нравственнее, нежели романовское; Мерилиз (мой отец его хорошо знает) работает без устали, во все входит сам и не отдает своих подданных на съедение разного рода Треповым[2]. —

Кроме того я чувствую, что мне надо серьезно отдохнуть где-нибудь на курорте. И притом не менее месяцев четырех. Вообще хотя и не без трепета, но все же решительно я намереваюсь приступить к крутому перевороту в своей жизни. — *Пока Вы об этом молчите.* Я не стану Вас утомлять подробностями; отчасти Вам мой план переселения на несколько лет в Германию с Колей[3] — известен. Я не премину уведомить Вас в сентябре, следует ли приезжать сюда гостить или мы вскоре должны встретиться в Москве. Так вот, собираясь сделать важный шаг, я счел необходимым посоветоваться кое с кем из близких и старших; отсюда эти полуделовые письма, о которых я упомянул и к которым отчасти принадлежит и это письмо к Вам. Именно от Вас я хотел бы узнать, каково состояние журналистического рынка? Что это за саблинские «Отголоски»?[4] Не затевается ли у Вас и ваших с Маргаритой Кирилловной какое-нибудь издательское предприятие? Как поживают *Весы? Вопросы жизни? Северные Цветы?*[5] *Гриф???!* Я ничего не знаю, т<ак> к<ак> не следил в 1905 году за журналистикой. Я даже не знаю, где и что Вы написали за это время? Поставьте меня в курс дела и сообщите при случае, если знаете, сколько приблизительно платят за лист перевода с немецкого непоэтического произведения? Как Вы думаете, если не считать газетной работы, мог ли бы я переводами с немецкого зарабатывать

круглым счетом в месяц рублей 50–75? Не подумайте, пожалуйста, что я даю Вам какое-нибудь обязательное поручение: пожалуйста, не хлопочите специально и не тратьте времени на какие-нибудь письма и визиты; только при случае наведите справки и имейте в виду предложение моего труда. — Вот и все дело, дорогой Борис Николаевич, которое я имел к Вам. Прибавлю, что я надеюсь, вырвавшись из петли, в которую попал, и впервые обратив серьезное внимание на восстановление своего уже 10 лет тому назад пошатнувшегося здоровья, оказаться более или менее деятельным корреспондентом. Как Вы думаете?

Я, кажется, писал Вам кое-что о нижегородском побоище; об июльской контр-революции на Острожной площади и Волжских пристанях. Впрочем, Вы из газет знаете подробности, которые на деле гораздо ужаснее и возмутительнее, чем в описаниях бесцензурных органов печати. Об официальном сообщении я, конечно, не говорю, так как это сплошная ложь…[6] Я имею неопровержимые доказательства, что бойня была организована администрацией при помощи нанятой «черной сотни» и что, имея все средства предотвратить не только столкновения, но даже и самую демонстрацию путем, напр<имер>, разведения моста (плашкоутного) администрация умышленно бездействовала, дабы не упустить случая создать террористическое настроение. Губернатор слишком неуклюж для такой комбинации, и очевидно, что он действовал по плану, по трафарету, раз навсегда выработанному Треповым. Но вот что подло: он не постыдился упрекнуть меня в том, что своею снисходительностью к печати я содействовал брожению умов, которое и явилось причиной (?) ужасных событий 9–12 июля!!!!! Разумеется, я разругался с ним[7]. Но толку от этого мало, и удовлетворить меня мое только *сравнительно* независимое от Его Превосходительства положение не может, раз никто не защищает меня от его возмутительно-несправедливых и прямо наглых нареканий. С больной головы на здоровую… Теперь я уже несколько успокоился… но первое время думал, что лопну от бессильной злобы. Надо быть, подобно мне, *бедным* и *больным* человеком, чтобы оставаться после подобного бесстыдства; неужели он думает, что я не знаю, *кто* виноват!?. Я живу в каком-то кошмаре. До того, как меня освободили

от военной службы, я в течение 1½ лет по ночам командовал во сне батареей; а теперь каждую ночь ругаюсь с губернатором или заступаюсь за избиваемых... И вот я решил уйти; но уйти совсем, *несмотря на то, что мне предлагают место в Московском Цензурном комитете*; вон из этого «желтошафранного» болота; или лучше просто: подальше от этой коричневой рвани... — Кстати: на днях предложили... взятку и были поражены совсем наивно, что я решительно отклонил; явился уполномоченный от одной *петербургской* фирмы с рукописями и положил мне на стол конверт со сторублевою бумажкою. — *11 августа.* Хотя насморк у меня еще не прошел и общее самочувствие как психическое, так и физическое — отвратительное, но я хочу себя настроить на жизнерадостный лад и расскажу Вам факт, свидетельствующий о Вашей популярности совсем в неподобающих местах и в крайне далекой от Вас среде. Нижегородский цирк на ярмарке. Выход музыкальных клоунов. Трое шутов гороховых пиликают на скрипках, пищат на дудках, проделывая в то же время всевозможные гимнастические выкрутасы. Одним словом, выполняют обычную давно всем приевшуюся программу. Вдруг один из них предлагает: «давайте играть по Андрею Белому». — А как это? — Да симфонию Андрея Белого; разве вы ее не знаете; пойдемте за мной; я вам объясню. — (Убегают). — Через некоторое время на арене появляется один из них, одетый весь в черном; становится на четвереньки и мяукает; засим прибегает второй, весь в белом, также становится на все четыре и оба начинают выть фыркать и угощать друг друга оплеухами; наконец появляется третий, весь в сером, бросается на черного и белого и побивает обоих. Публика в восторге аплодирует симфонии Андрея Белого[8]. — Вот как у нас поощряют отечественные таланты.

Ваше письмо, дорогой Борис Николаевич, я получил[9]; что Вы не попали ко мне, конечно весьма обидно; но я утешаюсь тем, что визит к Маргарите Кирилловне[10] имел важное значение для какого-нибудь важного дела; осенью буду ждать Вас, если, как уже говорил, сам не попаду в Москву; о чем мы еще спишемся; впрочем, если у Вас, кроме желания видеться со мною, существуют еще какие-либо основания для того чтобы приехать погостить в Нижнем; например, se exmoscovitare (измосковлить себя; ***NB*** Москва — это

не только город, а целое состояние, способ жизни, есть даже болезнь — московская неврастения — я теперь вылечился от нее), se exmoscovitare in letteris versandi gratia*; тогда милости просим, приезжайте, когда хотите и насколько хотите, начиная с десятых чисел сентября. До первых чисел сентября у меня пробудет Коля... Мне бы хотелось, конечно, видеть Вас во всяком случае в Нижнем, но я считаю своим долгом предупредить Вас, т<ак> к<ак> знаю, что Ваш кошелек не из особенно толстых... Я совсем отвык говорить; ослаб; поглупел; ничего не читаю; музыкой продолжаю заниматься, но лениво; недавно тут гостил Андрей Михайлович (брат Анюты)[11]; он очень развился и начинает приближаться к Гёте и Ницше; он измучил меня желанием во что бы то ни стало дать точное определение дионисизма и аполлинизма; он поглощен Платоном; но... одним словом, это натура сократическая; мы прочли с ним вместе Συμποσιον в гениальном переводе Шлейермахера[12]; помимо всего, что обычно поражает в Платоне, мое внимание на этот раз остановила единственная в своем роде и, вероятно, нигде и никогда не осуществлявшаяся в такой степени *аристократичность* общественных и светских отношений, исполненная наивности, лишенная всякой церемонности; даже педерастия, этот античный каприз, эллинская идиосинкразия — невинная шалость и только... До свиданья! Если приедете, то привезите то большое письмо, которое не отослали мне тогда (помните?)... Читать Шлейермахеровского *Платона* — лишний раз должно заставить Вас заняться немецким языком. Затем напоминаю Вам, что Вы должны написать *Вечного Жида*[13]. До *скорого* свиданья! Анюта и Коля кланяются. Привет Вашей маме! Глубоко любящий Вас Э. Метнер.

P. S. Если увидите Петровского, скажите ему, что я не пишу, не зная адреса. —

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 60.

1 «Мюр и Мерилиз» — торговая фирма и первый московский универсальный магазин на Петровке.

2 Сторонник крайних репрессий, московский обер-полицмейстер в 1896–1905 гг. Д. Ф. Трепов был в это время петербургским генерал-губернатором (с января 1905 г.) и товарищем министра внутренних дел (с апреля 1905 г.). Сходные планы Метнер излагал еще в письме к А. С. Петровскому

---

* Чтобы измосковлить себя, надо заниматься литературой (*лат.*, *искаж.*).

от 16 мая 1905 г.: «Если я еще остаюсь в грязной компании, которая образует правительственную Россию, то только по немощи: 1) нездоров; 2) без средств к жизни; 3) накануне призыва; пока сейчас не в состоянии бороться из-за куска хлеба; но скоро, скоро...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 9). Ср. его признания в письме к матери от 5 мая 1905 г.: «Попав на государственную службу, я очутился в неприличной, унизительной для меня компании. <...> Кроме того, мои воззрения, под влиянием все увеличивающегося опыта и размышлений, в настоящее время до такой степени расходятся с требованием правительства, что будь я совсем здоров или хотя бы минимально обеспечен, я не остался бы на службе ни получасу <...>» (Приведено в комментариях З. А. Апетян // *Метнер*. С. 75).

[3] Н. К. Метнер.

[4] Издание под таким заглавием в Москве в 1905 г. не состоялось. Книгоиздатель и переводчик В. М. Саблин редактировал и издавал в Москве ежедневную политическую, общественную и литературную газету «Жизнь» с 27 ноября по 19 декабря 1905 г.

[5] «Северные цветы ассирийские». Альманах IV книгоиздательства «Скорпион» (М., 1905) вышел в свет в апреле 1905 г.; после этого издание «Северных цветов» не возобновлялось до 1911 г.

[6] См. примеч. 5 к п. 111. В официальном сообщении, представленном для напечатания в нижегородских газетах, в частности, сообщалось, что поддержанные властью погромные действия были выражением народного гнева по отношению к инициаторам забастовок и манифестаций: «...толпа громко кричала и выражала свою ненависть к демонстрантам как инициаторам забастовок и виновникам в их, рабочих, нужде. Избиение это производилось отдельными группами рабочего народа иногда одновременно в разных местах наполненной громадной толпой площади, так что полиции и казакам приходилось разбиваться на мелкие отряды и бросаться в разные стороны для спасения избиваемых, причем толпа настолько освирепела, что часто кидалась на чинов полиции и войск, стараясь отбивать от них свои жертвы силою» (Нижегородский Листок. 1905. № 183, 12 июля. С. 2; Волгарь. 1905. № 184, 12 июля. С. 3).

Метнер подробно рассказал о происшедших событиях в письме к отцу от 12 июля 1905 г.: «Весь город от кухарки и босяка до городского головы знает, что беспорядки устроены губернатором, который оказался не только болваном, но и подлецом... Готовилась политическая демонстрация и забастовка в честь погибших 9 января; она обошлась бы без особых членовредительств, если бы накануне ночью губернатор не созвал перед дворцом набранную по его приказу полицией толпу людей, которым нечего терять, и не обещал бы им двести рублей на водку, чтобы они помогли полиции справиться с „внутренними врагами“; таким образом составилась „черная сотня“, вооруженная дубинами и кистенями; ей было приказано нападать, как бы в патриотическом пылу <...> преимущественно на „интеллигенцию“, находящуюся на местах скопления демонстрантов; причем,

конечно, пострадали многие ни в чем не повинные граждане, случайно или из любопытства очутившиеся вблизи забастовщиков; так был зверски убит Александр Карлович Гейнце, аптекарь, молодой человек лет 26, очень любимый в здешних кружках <…> погибло и изувечено гораздо больше, нежели показано. Полиция и казаки <…> пассивно смотрели на избиение <…> я испытываю глубокую нравственную гадливость к шайке мерзавцев, в среду которой забросила меня моя странная судьба; просто неприлично служить такому правительству; положение до такой степени унизительное в моральном отношении, что только мое состояние больного и нищего человека может отчасти оправдывать меня в том, что я не швыряю немедленно заявление об отставке в бесстыжие очи петербургских оберподлецов» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 36).

[7] Конфликт Метнера с генерал-губернатором Нижнего Новгорода П. Ф. Унтербергером (см. примеч. 12 к п. 24) обозначился еще до погромной акции; 2 июля 1905 г. Метнер писал Н. Метнеру: «На днях я говорил с губернатором (по поводу нового циркуляра), и он, между прочим, в разговоре дошел до такого бесстыдства, что обвинял печать (а, следовательно, и меня) в событиях, вызванных его же башибузукскими приемами. Неужели он наивен до того, что думает, что я не знаю (или не верю), кто виноват во всем?» (ГЦММК. Ф. 132. № 4303).

[8] Описанная сценка «иллюстрирует» эпизоды из части 2-й «Симфонии (2-й, драматической)»: «У печной трубы дрались два кота, черный и белый: оба прыгали, гремя по железу, усердно били друг друга по щекам и визжали что есть мочи. <…> Человечество, затаив дыхание, следило за поединком»; «…серый кот побил черного и белого <…>» (*Симфонии.* С. 84, 85).

[9] Имеется в виду п. 110.

[10] М. К. Морозова.

[11] А. М. Братенши и А. М. Метнер.

[12] Диалог Платона «Пир» в переводе на немецкий.

[13] Произведения на тему легенды о Вечном жиде Белый в зрелые годы не написал; эта тема волновала его с юношеских лет, о чем он сообщает в автобиографическом письме к Р. В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: «…я отдался странной, дикой, туманной, космической эпопее в прозе; в небесах этой поэмы постоянно проносится „*облачко крыл херувимов, несущих некий престол*“, а под небесами от времени до времени открываются панорамы жизни некоего „*вечного жида*“, бывшего ребенком в раю, потом ставшим царем мира и наконец палимым молниями небесной ярости и т. д. Над формой этой поэмы я работал в „*поте лица*“ с зимы до осени 1899 года; потом „*поэма*“ несколько лет лежала у меня; потом я ее уничтожил» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 488). Черновой текст этого произведения (так наз. «Предсимфония») сохранился (см.: *Симфонии.* С. 344–364).

113. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

16 августа 1905 г. Серебряный Колодезь

Серебряный Колодезь. 16 августа 05 года.

Многоуважаемый, дорогой и горячо любимый Эмилий Карлович! Спасибо за письмо. Я так много о Вас думаю за последнее время. Вас ужасно как не хватает *всегда*. Всеми силами души радуюсь за Вас, если решение Ваше бросить «*пёсью*» службу окрепло. О, эти опричники с метлами и собачьими головами, до какой степени я ненавижу их. Жалкую подачку русскому народу презираю от всей души[1]. Конституции только те хороши, которые берутся с бою. «*Будет ужо*»…. Простите за тон, но сейчас я не на шутку обозлен. Верите ли, становлюсь просто-напросто радикалом во всей «*прелести*» и всеми «тупостями» и «угловатостями» русского радикала. Но если нет выбора между наивной узостью и мерзостью, то тысячу раз хочу отказаться от всех утонченнейших способов воспринимать действительность, если эти способы хотя бы в одном пункте не содействуют русскому радикалу. Готов отказаться от искусства, может быть… религии за право отвалять нагайкой кого следует из опричников.

Наведу всяческие справки относительно журналов. С мая месяца — (нет, даже с апреля) — отрешился от всяких связей, когда бежал из Москвы, мучимый усталостью и переутомлением. Мельком читал из газет про саблиновские «*Отголоски*» — не знаю. Есть некоторая новость, дорогой Эмилий Карлович, и даже именно поручение просить Вас в сотрудники одного журнала. Этот журнал — «*Искусство*», журнал, до сих пор выходивший под редакцией мальчишек, а теперь перешедший к целому… «*малому*»[2]. Журнал возник с января, функция его — заменять покойный «Мир Искусства». До сих пор он относился к «Миру Искусства» как Пшибышевский к Ницше. Теперь же издатель Тароватый обратился к С. А. Соколову (малому доброму, но вздорному) с просьбой редактировать. Соколов просил меня о сотрудниках. Я сказал ему, что Вы могли бы писать прекрасные статьи по музыке, литературе и вообще по всем культурным вопросам. Он согласился с радостью на всякие темы. Если я до сих пор не извещал Вас, дорогой Эмилий Карлович, то только потому, что думал, согласитесь ли Вы сотрудничать в «Искусстве»; да и относительно

денежного вознаграждения этот журнал очень слаб, как и все декадентские, за исключением «*Вопросов Жизни*», где хорошо платят. Там литературной частью заведует Чулков и Волжский (Глинка), и было бы хорошо, если бы Вы переводили или писали туда. Хотите, я напишу Чулкову относительно условий и Вас? С Маргаритой Кирилловной[3] у нас не было никаких деловых сношений, а исключительно отношения дружеские: она удивительно культурная и непосредственно правдивая, мягкая и недоуменно ищущая путей.... Одно время она помогала «*Х<ристианскому> Б<ратству> Б<орьбы>*», пока основные члены этого бр<атства> не разошлись с ней во многом. Приезжайте к нам в Москву: у нас налаживается новый кружок — «Общество памяти Владимира Соловьева»[4], задача которого — разработка религиозно-философских и религиозно-общественных вопросов, а также некоторая пропаганда (неявная) взглядов «*Х<ристианского> Б<ратства>*». Сам я критически отношусь к «*Х<ристианскому> Б<ратству>*», но глубоко уважаю их и все-таки с ними. Во всяком случае они даже не «*предтечи предтеч*», *но* и не не предтечи вообще.

Это время надо мной разражался, помимо политического возбуждения, ряд истинных мистерий, после одной из которых я был с месяц как громом оглушенный, и не я один, а еще были участники, которые до сих пор (хотя прошло 2 месяца) не могут опомниться[5]. Но зато я «*знаю*», я «*видел*», я «*мог быть*». Я — «*буду*»! Тема Ник<олая> Карловича разразилась[6], но ко всей нежности ее присоединился разрушающий гром и опустошающее землетрясение. Еле мог отдышаться у Марг<ариты> Кирилловны и собраться с силами, для боев. Бои веду на всех планах и всех плоскостях. 1) С христианами, 2) с нехристианами, 3) с Богом, 4) с людьми, силой диавола противящимися тому, чтобы «*несказанное*» не в урочный час «*было*». Пишу сейчас богоборческую поэму, в которой выведен Ницше (он мелькает)[7]. Во-вторых: пишу целую книгу «Основы символизма»; хочу, чтобы она была «*кирпичем*»[8]. Со временем хочу стать Пыпиным «*теории символизма*»[9], хочу, чтоб моя теория со временем попала в учебники теории поэзии. Знаете, в кого я из философов влюбился? В Генриха Риккерта, прочел два его сочинения. 1) «*Граница образования естественно-научных понятий*», 2) «*Введение в трансцендентальную философию*»[10]. Последняя книга — крайнее звено титанических

гносеологических построек и, быть может, единственное преодоление Канта кантианством. Кладу это сочинение в основание своей работы по теории символизма. Оцените пикантность моей базы для символизма, который у меня выводится 1) из необходимости уничтожить психологическую точку зрения (ибо научная психология мыслима только как психофизиология), 2) из исследования категорий сознания, 3) из подведения бытия под категорию (бытие после суждения, суждение построяет бытие; истина не в бытие, а в долженствовании суждения). Моя теория должна начаться со смертельного гносеологического холода, и кончиться безумием. Символизм есть творчество должного, обоснованное ценностью этого должного; эта же последняя утверждается императивами кантовского практического разума. Истины нет, но и меня нет. Истина будет вместе со мной, ибо я — буду. Всякая религия есть путь к самому себе — путь от бытия к Истине. Кажется, направление символизма в таком освещении неуязвимо ни для каких нападок, ибо всякие научные и психологические возражения разобьются о теорию познания (напр<имер>, чтоб оспаривать понимание истины как творческого эффекта, нужно сперва побороть гносеол<огический> взгляд о предпосылках действительности). Всякого же желающего бороться с этими положениями отсылаю к Канту, Рилю, Зиммелю, Фолькельту, Зигварту, Риккерту, Файгингеру. Ну а этот ряд имен сумеет за меня ответить. Дорогой Эмилий Карлович, жду Вас осенью с нетерпением. Мой привет и уважение Анне Михайловне[11] и Николаю Карловичу. С 1-го сент<ября> в Москве. С 20 августа еду к Сереже Сол<овьеву>, потом к Танеевым, потом к Марг<арите> Кир<илловне>[12]. Христос с Вами. Будьте здоровы.

Глубоко Вас любящий Б. Бугаев.

Случайно неотосланное письмо мое к Вам оказалось в бюваре[13]. Отсылаю его кстати несмотря на то, что прошло уже 4 месяца*.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 47. Три пометы красным карандашом: «XLVI». Ответ на п. 112.

[1] Подразумевается опубликованный 6 августа 1905 г. Манифест о созыве Государственной (так называемой «булыгинской») думы, высшего законосовещательного представительного органа Российской империи;

---

* *Приложенная к тексту пояснительная записка на отдельном листе.*

по разработанному в июле 1905 г. проекту значительная часть населения не имела избирательных прав.

[2] «Искусство» — «журнал художественный и художественно-критический», выходивший в Москве с января 1905 г. (редактор-издатель Н. Я. Тароватый). Летом 1905 г. было объявлено (в № 5/6/7), что ближайшее участие в редактировании литературного отдела принимает С. А. Соколов (в № 8 он назван редактором наряду с Тароватым). На № 8 издание «Искусства» прекратилось.

[3] М. К. Морозова.

[4] См. примеч. 7 к п. 101.

[5] Намек на инцидент, произошедший в Шахматове в середине июня 1905 г.: первая серьезная размолвка между Белым и С. М. Соловьевым, с одной стороны, и Блоком и А. А. Кублицкой-Пиоттух — с другой. См.: *О Блоке*. С. 173–186; *МДР*. С. 24–34.

[6] Видимо, подразумевается музыкальная тема Сонаты f-moll op. 5 Н. К. Метнера.

[7] Имеется в виду поэма «Дитя-Солнце»; ее текст утрачен. Содержание поэмы Белый в общих чертах изложил в мемуарах (*МДР*. С. 21–24).

[8] Эта книга не была завершена. В «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей» Белый сообщает: «Материалы черновые ряда глав сочинения „*Система символизма*“ (не дописанного); переработанный отрывок из этих материалов являет собой „*Эмблематику Смысла*“; другой отрывок являет собой статью „*Смысл Искусства*“; обе статьи — куски написанного; эти материалы писались в 1904–1905 годах; автор все искал случая переработать материалы в философскую систему; вместо системы в 1909 году спешно пришлось выкроить из материалов две статьи для книги „*Символизм*“. Эти материалы затерялись в заторе старых рукописей; в 1918–1919 годах автор сжег рукописи; и вместе с ними нечаянно сжег „*Материалы*“» (ЛН. Т. 105. С. 778).

[9] А. Н. Пыпин здесь осмысляется как автор капитальных трудов «История славянских литератур» (Т. 1–2. СПб., 1879–1881), «История русской этнографии» (Т. 1–4. СПб., 1890–1892), «История русской литературы» (Т. 1–4. СПб., 1898–1899) и др.

[10] Имеются в виду книги Генриха Риккерта «Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки» (Пер. с нем. А. Водена. СПб., 1903) и «Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания» (Пер. со 2-го нем. издания Густава Шпетта. Киев, 1904).

[11] А. М. Метнер.

[12] Последнюю декаду августа 1905 г. Белый провел в Дедове вместе с С. Соловьевым, другие планы остались нереализованными.

[13] Имеется в виду п. 101.

114. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

26 августа — 4 сентября 1905 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 26 августа 1905 года.

Дорогой Борис Николаевич!

Ваши письма получил. Благодарю Вас за радость, которую Вы мне доставили, отослав и прежнее письмо, содержащее много ценных «схемок», характеризующих Ваш путь от индивидуальной мистики к мистическому коллективизму; этот путь свидетельствует не только о жизненности, о высоком оптимизме Вашей психической организации, но и о жизненности подлинности реализме Ваших мистических переживаний и познаваний (в чем, впрочем, я *инстинктивно* никогда не сомневался); созданный (или *дознанный* — не правда ли: это все равно?) Вами миропорядок Вы вплетаете вдвигаете в современную и притом главным образом русскую действительность; при этом не рвется ни уток, ни основа, и ткань не дает той безвкусной пестроты насильственности мертвенности сочетаний, которыми отличаются все проявления политической мистики или мистической политики (напр<имер>, славянофильство). К этому вопросу я, может быть, еще вернусь в этом письме, но теперь я считаю необходимым скорее сказать несколько слов о моих делах по поводу того, что Вы мне писали в последнем письме.

Я Вам очень благодарен за Ваши хлопоты и сообщения, но Вы должны иметь в виду, что теперь, сейчас я бы не был в состоянии выполнять какой-нибудь обязательной журналистической работы за исключением разве только переводов. Я страшно слаб, и мне необходимо долго и прочно отдохнуть. Но переводить я бы мог начать сейчас же, как только покину службу, что произойдет, вероятно, в самом конце теперешнего года. Мог бы, пожалуй, даже начать такую работу и здесь в Нижнем, если бы получил, так сказать, определенный заказ; например: в настоящий момент крайне уместно и своевременно дать в русском переводе несколько статей Вагнера об искусстве, которые он писал, еще не остыв от революционной горячки 1848 года. К сожалению, у меня есть только *Kunst der Zukunft*[1]; в случае хотя бы и не безусловного,

но все-таки надежного предложения я бы мог выписать из Германии *Kunst und Revolution*[2]; хотя я и не знаю этой вещи, но думаю, что при настоящих цензурных условиях она бы могла пройти: разумеется, я бы взял на себя в случае чего уломать Цензурный Комитет разрешить эту брошюрку. *Kunst der Zukunft* знаменитее и солиднее, чем *Kunst der Revolution*; первая работа состоит из ряда небольших глав, каждая из которых могла бы составить фельетон в газете или статью в журнале; каждая глава представляет нечто законченное, так что «продолжение следует» не застает читателя врасплох. Книги Вагнера написаны с большою страстью. Не нужно забывать, что Ницше во многом ученик и последователь Вагнера-философа. — Пока я не ушел со службы, я бы не хотел вступать в переговоры с Чулковым, который, пожалуй, заподозрит, что я ухожу из цензуры, и сообщит *Нижегородскому Листку*; между тем пока что — моя отставка — строжайший секрет. — *28 августа.* Сейчас заметил в Вашем письме, что Вы будете в Москве не раньше первого сентября. Поэтому я подожду отправлять это письмо… ***NB***. Чтобы не забыть, пишу Вам сейчас, что вчера Мельников просил меня напомнить Вам о книге, которую Вы у него взяли в прошлом году. Так как я раньше декабря не буду в Москве, то, может быть, Вы все-таки соберетесь к нам сюда в сентябре или октябре?? Это было бы великолепно; у нас чудные закаты; вероятно, нынешний год будет золотая осень; мы бы нагулялись и наговорились с Вами так, как нам в Москве наверное не удастся это сделать! Вот тогда Вы привезли бы и книгу с собою. Но если финансовые и иные соображения не позволяют Вам посетить Нижний, то все-таки подождите высылать сюда книгу: моя жена, может быть, будет в начале октября в Москве, тогда Вы с нею увидитесь и вручите ей книгу… Мельников после своей неудачной (чтобы не сказать больше!) женитьбы постарел, опустился и все более и более впадает в буддийский пессимизм в Нирвану в безразличие. —

31 августа. Получил письмо от Петровского, уведомляющего меня о своем наклоне к «гуманизму»…[3] Я, отнюдь не желая иронизировать над очень милым и очень умным Алексеем Сергеевичем, не могу однако не заметить, что пока его «гуманизм» (в упомянутом письме) выразился в пророчестве (которым согрешил и Ницше) о наступлении классического периода войн, и для

первоначала Петровский с истинно-ангельским сладострастием Алексея Божия человека (или Алексея Карамазова[4]; помните о мучениях и компоте[5]) — швыряет друг на друга англичан и германцев...[6] Простите за пересол о Петровском; я его очень люблю и вовсе не собирался на него злиться: это нечаянно; однако что же это? Qui s'excuse, s'accuse...* умолкаю. Скажу только, что странное последствие перехода в гуманизм это воинственно-пессимистическое настроение... Далее. Петровский рекомендует мне Вашу статью «Химеры», за которую дает Вам орден Ницше первой степени (он выражается несколько иначе, но я щажу Вашу скромность)[7]; та ли это самая статья, которую Вы «выкрали» из своего письма, чтобы своевременно «выкрикнуть» новые «схемки»?[8] Если да, то я с своей стороны поздравляю Вас с орденом, так как (я уже говорил Вам в начале этого письма) Вы (независимо от принадлежности высказываемых взглядов) — совершили в моих глазах некий кунстштюк: Вы создали образчик мистического политизирования, от которого не отдает никаким назойливым запахом. Наконец, Петровский говорит о статье господина Иванова (*Тантал*) и называет оную «поистине *сверхчеловеческой* (по месту, времени, лицам, образу действия и образу написания)»...[9] Я в полнейшем недоумении, ибо, простите, я раскусил Вячеслава и нашел что это просто *обезьяна*: очень умная хитрая искусная, тщательно скрывающая свой хвост, хотя при случае и цапающая и этою пятою конечностью; обезьяна очень витиеватая и притом витиеватостью, так сказать, многогранною: с одной стороны — нечто византийское; с другой — нечто шопеновское, с третьей — нечто парижское; с четвертой — ницшевское (последнее взято в тех своих элементах, которые я бы назвал несколько дерзко: *ухарскими*); с пятой — нечто калиостровское; с шестой — нечто... одним словом, очень много ужимок и прыжков[10] и очень часто таких, которые свидетельствуют о томительном романтическом желании прыгнуть выше своего зада. — Впрочем, Тантала я не читал, но глубоко убежден, что по прочтении буду страдать жаждою по *истинному* дионисизму и голодом по *истинному* аполлинизму... — Мессеру Иванову надлежит изжить множество веков, множество раз умереть и вновь родиться для того,

* Кто оправдывается, тот себя и уличает... (*фр.*).

чтобы путь от Дарвина к Ницше, от обезьяны до сверхчеловека оказался у него за спиной. К счастью для читателей этого и следующих поколений — все люди смертны, а Иванов — человек (хотя и обезьяна). —

Возвращаюсь к Вашему письму (или статье). Я не вижу contradictionem in adjecto* в выражении «религиозный социализм», «мистичная политика» и т. п.; я не отрицаю того, что когда-то словесное и музыкальное выражения сливались воедино, но я протестую против оперы, но опять-таки я признаю музыкальную драму. Необходима окончательная и беспощадная ланцизация[11] политики (комб-изм?[12]) для того, чтобы «оперное» соединение церкви и государства, сменившись полным разделением, очистило место для «вагнеристического» соединения социальных и религиозных форм.

4 сентября. Ведь вот: поставил было 1 сентября; потом прибавил ∟; все эти дни омерзительно чувствовал себя. И тяжко и пусто. Вспоминал великолепную и остроумную картину, набросанную Вами в том месте Вашего апрельского письма[13], где Вы говорите о массе переживаний. Вспоминал и сравнивал наши «платформы»... Говорю, конечно, не о продуктивности, на которую я никогда не претендовал, но о восприятии, о восприимчивости. Я страшно обессилел... — Стихи Ваши мне очень понравились, в особенности *Поповна*; это отличная вариация на тему *Прежде и Теперь*[14]; бравурность + мистериозность «Пира», несмотря на всю силу этого стихотворения, мне меньше улыбаются. — Пока до свиданья! Если соберетесь сюда, то напишите, чтобы Вам не разъехаться с Анютой[15], которая собирается в Москву, вероятно, в 10-х числах октября. — Скажите пожалуйста, доколе умные и даровитые молодые люди будут писать о том, что лебединый пращур вместе с резвой радостью задумались об Ewigweibliche**??? — И это в рецензии о... Жуковском[16]. Еще раз до свиданья! Простите за клочковатое и бессодержательное письмо. Передайте наш сердечный привет Вашей маме... Анюта благодарит за память. Горячо любящий Вас Э. Метнер.

---

* Внутреннее противоречие (*лат.*).

** Вечноженственный (*нем.*).

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 61.
Ответ на п. 113 и 101.

1 См. п. 60, примеч. 5.

2 Книга Рихарда Вагнера «Искусство и революция» (1849).

3 Имеется в виду письмо А. С. Петровского из Быкова от 25 августа 1905 г., в котором, в частности, говорится: «Б<орис> Н<иколаевич> говорил, что Вы его поздравили с перевалом к гуманизму. Он уже больше не говорит о „теургии", но об „антропургии" <...>. На этом же перевале суждено быть теперь и мне — не знаю, по обезьянству ли, или влиянию, или родству орбит» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 28).

4 Алексей человек Божий — герой житийного повествования (см.: Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четиих миней. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1860 (17 марта); это издание имелось в библиотеке Достоевского), послуживший одним из источников образа Алеши Карамазова (см.: *Ветловская В. Е.* Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека Божия и духовный стих о нем) // Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство: Сб. статей. М., 1971. С. 325–354).

5 Имеется в виду эпизод из «Братьев Карамазовых» (кн. 11, гл. III «Бесенок») — рассказ Лизы Хохлаковой о прочитанном ею в книге сообщении об истязаниях ребенка («...жид четырехлетнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене, прибил гвоздями и распял, а потом на суде сказал, что мальчик умер скоро, чрез четыре часа. Эка скоро! Говорит: стонал, всё стонал, а тот стоял и на него любовался») и ее реакция на него: «Это хорошо! <...> Я иногда думаю, что это я сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду против него и буду ананасный компот есть. Я очень люблю ананасный компот» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 15. С. 24).

6 В цитированном выше письме к Метнеру Петровский рассуждает по поводу заключения мирного договора между Россией и Японией: «И условия мира и характер времени представляются мне столь же мало гарантирующими на „земле мир, в людях — благоволение", как и „славу в вышних Богу". <...> Мне думается, что, вообще говоря, международное море всколыхнулось землетрясением <...> и не скоро войдет в берега; на очереди же — неизбежное сведение счетов Германии с Англией. Необычайную сложность должно принести разрешение Восточного вопроса, которое ведь тоже давно на череду, и едва ли окажется возможным надолго искусственно охранять раскрашенный труп Оттоманской империи. Я очень рад, что Россия как-никак развязалась с войной и, может быть, успеет отдохнуть и окрепнуть для ожидаемой европейской страды».

7 По поводу статьи Белого «Химеры» (Весы. 1905. № 6. С. 1–18) Петровский писал Метнеру в том же письме: «Если Вы получаете „Весы", то читали „Химеры" А. Белого. Один знакомый (Рачинский) читал вслух

и восклицал: „это Вильям!“ Вы, конечно же, воскликнете: „это Вольфганг!“ (да и нельзя), но „это Фридрих“ и больше Фридриха — по размеру необычно крепнущего дарования. „Химеры“ — почти совершенство (по исполнению)». (Подразумеваются соответственно Шекспир, Гёте, Ницше). В той же связи Метнер писал Петровскому 23 сентября 1905 г.: «Итак находятся чудаки, которые думают, что Вильям может повториться, и даже готовы признать такового в гениально-хрупком Бугаеве. Это весьма и весьма наивно. <...> Борис Николаевич гораздо больше, чем о нем думает даже знакомая с ним толпа, но и гораздо меньше, нежели это кажется Рачинскому» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 9).

[8] См. п. 101.

[9] Эта цитата позволяет восстановить утраченный текст из письма Петровского (край листа с автографом оборван): «...поистине сверхчеловеческая по <месту,> времени, лицам, образу действия и образу написания) вещь Вяч. Иванова: „Тантал“. Если не читали, то *необходимо* прочтите». Трагедия Вяч. Иванова «Тантал» была опубликована в альманахе «Северные цветы ассирийские» (С. 197–245).

[10] Формулировка из басни И. А. Крылова «Зеркало и Обезьяна» (Басни, кн. 5, IX): «Какие у нее ужимки и прыжки!»

[11] Неологизм — видимо, от *фр.* lancée (бросок, рывок).

[12] Неологизм, образованный от фамилии Эмиля Комба, радикала, премьер-министра Франции в 1902–1905 гг., при котором правительством был предпринят ряд мер по отделению церкви от государства.

[13] Подразумевается п. 101.

[14] Раздел в книге Белого «Золото в лазури».

[15] А. М. Метнер.

[16] Имеется в виду заключительная фраза рецензии А. Блока на книгу академика А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения“» (СПб., 1904): «„Резвая радость“ вместе с „лебединым пращуром“ задумалась об Ewige Weiblichkeit» (Вопросы Жизни. 1905. № 4/5. С. 228. Подпись: Ал. Бл.; *Блок.* Т. 7. М., 2003. С. 166).

1906

115. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

Середина января 1906 г. Москва

Дорогой Борис Николаевич!

Мы оба нездоровы: у Коли[1] болит ухо, а у меня «живудок» или «жилот» — не знаю, что именно... Маргариту Кирилловну[2] мы известили, что быть у нее сегодня, к сожалению, не можем.

Хорошо, если бы Вы пришли к нам сегодня с Алексеем Сергеевичем[3]. Мы могли бы с Вами поговорить и отдельно. Моего московского жития осталось шесть дней[4], а мы все еще не удовлетворены. Впрочем, если Вам ***необходимо*** работать, то... ***работайте***. — Выдумайте мне псевдоним[5]. Привет многоуважаемой Александре Дмитриевне[6].

Ваш Э. Метнер.

P. S. Принесите, пожалуйста, «Весы», если оный журнал у Вас.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 8. Л. 5–6.

Датируется по соотнесению с п. 116 и по сообщению в примеч. 4.

1 Н. К. Метнер.

2 М. К. Морозова.

3 А. С. Петровский.

4 Ср. дневниковую запись Метнера: «Был в Москве месяц с 20 дек<абря> — 20 янв<аря> 1906 г.» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 180 об.).

5 Потребность в псевдониме была обусловлена договоренностью Метнера с редакцией начатого изданием с января 1906 г. московского символистского журнала «Золотое Руно» публиковать в нем статьи и корреспонденции

на музыкальные темы. Ср. мемуарное свидетельство Белого о Метнере: «Впоследствии, когда себе искал он псевдоним, я сказал:

— „Искать нечего: «Вольфинг». (Вольфинги — род (см. «Кольцо нибелунгов»). — *Подстрочное примечание Белого*)“.

„Вольфингом“ стал» (*НВ*. С. 94). Ср. дневниковую запись Метнера от 1 февраля 1906 г.: «В № 1 „Золотого Руна“ от 1906 года помещена моя заметка об операх Рахманинова за подписью Вольфинг. Этот псевдоним мне дал Борис Николаевич» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 199). «Вольфинг», т. е. сын Волка (Wolf) — имя, которым нарекается Зигмунд, герой оперы Р. Вагнера «Валькирия» (акт I). См.: *Вагнер Рихард*. Кольцо нибелунга: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 126.

6 А. Д. Бугаева, мать Белого.

116. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

26 января 1906 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 26 января 1906.

Дорогой Борис Николаевич!

Пишу о деловом.

1) Тетрадь с моими статьями[1] Вы можете держать у себя, можете взять с собой в Петербург (куда Вы, кажется, на днях собираетесь)[2]; — если она мне понадобится, то очень не скоро. Помните только, что это *единственный* экземпляр. —

2) Если удостоите меня цитировать и на меня ссылаться, то прошу обязательно указать, по крайней мере, *год*, в котором написаны мои статьи; — над каждой статьей, помнится, надписана дата.

3) На досуге прочтите *Романтизм и Ницше*[3] и скажите мне в письме, согласны ли Вы с моей постановкой вопроса о сущности романтизма.

4) Скажите *Золотому Руну*, что при помощи моего брата Коли можно уломать Льва Эдуардовича Конюса писать о музыке. В крайнем случае можно обратиться к Корещенке (Арсению Николаевичу); адрес можно узнать у Коли[4]. Если с Конюсом решительно ничего не выйдет, то пусть меня уведомят; я напишу Корещенке и притом дам ему целый ряд инструкций, как именно писать для *Золотого Руна*.

Сейчас страшно занят.

Обнимаю Вас.

Привет Вашей маме.
Омовик-Змеевик кланяется[5].
Горячо любящий Вас

Э. Метнер.

Н.-Новгород. Дворец. Квартира А. П. Мельникова.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2.

[1] Подразумеваются статьи, опубликованные в газете «Приднепровский Край».

[2] Белый выехал из Москвы в Петербург 11 февраля.

[3] Статья Метнера, опубликованная (за подписью: Э.) в «Приднепровском Крае» (1904. № 2296, 28 сентября; № 2303, 5 октября; № 2310, 12 октября).

[4] Н. К. Метнер. Ни Л. Э. Конюс, ни А. Н. Корещенко статей в «Золотом Руне» не опубликовали.

[5] Подразумевается друг Метнера, нижегородский краевед Андрей Павлович Мельников, сын писателя и этнографа П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Его письмо к Метнеру от 19 мая 1909 г. подписано: «А. Омовик-Змеевик» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 28. Л. 22).

117. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

19 марта 1906 г. Москва

Москва 19 марта 1906 года.

Дорогой Борис Николаевич!

Сижу дома, ибо сильнейший насморк. Если Лев Львович[1] интересуется музыкой и если он не явится в каком-либо отношении диссонансом в предстоящей во вторник музыкальной беседе, то передайте ему пожалуйста, когда завтра (в понедельник) будете у него, чтобы он тоже пришел часам к семи вечера. Я его совсем не знаю, поэтому и не решаюсь пригласить его именно на этот вечер.

У Астрова он выразил желание познакомиться ближе. Поступите, как найдете лучшим. Пожалуйста, возьмите с собой 1) *Весы февраль* и 2) *мои письма к Вам.* Я сегодня занимался *Теургией*[2] и почувствовал необходимость освежить в памяти кое-какие детали наших тогдашних переживаний[3]. До свиданья. Жду Вас, Сергея М<ихайловича>[4] и (может быть) Кобылинского к 7 часам.

Привет Вашей маме.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2.

[1] Л. Л. Кобылинский (Эллис).

[2] Подразумевается открытое письмо к Белому по поводу его статьи «О теургии» (п. 47).

[3] Белый выполнил просьбу Метнера, о чем свидетельствует помета последнего на п. 65: «(Поправлено мною 25 марта 1906 г.)».

[4] С. М. Соловьев.

118. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

25 марта 1906 г. Москва

Дорогой Борис Николаевич!

Если Вы не простужены, то, пожалуйста, не стесняйтесь и приезжайте.

Во-первых, у брата[1] быть Вам все равно, что у меня; во-вторых, никаких разговоров Вам вести не придется, так как будет музыка; в-третьих, сидеть мы будем очень недолго; в-четвертых, Вы готовите страшное разочарование злополучным Гульшиным[2] (точнее, Гульшину, т<ак> к<ак> один из них очень болен). В-пятых, теперь 7½ часов (я Вас ждал к 7 ч.), и потому предупредить брата, чтобы он предупредил Гульшина, уже нельзя.

Итак, если есть какая-либо возможность приехать, приезжайте сейчас же по получении сего, пожалуйста... Я буду Вас ждать до девяти часов и даже дольше. От нас две минуты ходьбы до брата[3].

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 8. Л. 3–4.
Датируется по соотнесению с п. 119.

[1] Подразумевается Н. К. Метнер.

[2] Московская семья, дружившая с семьей Гедике (родственников Метнера по материнской линии).

[3] Адрес Н. К. Метнера — Тверская ул., Большой Гнездниковский пер., дом Спиридонова, кв. 28. Адрес Э. К. Метнера и его родителей — Большой Чернышевский пер., дом Духовского.

119. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

29 марта 1906 г. Москва

Москва 29 марта 1906 г.

Дорогой Борис Николаевич!

В воскресенье[1] заходил проведать Вас. А затем опять заболел инфлуэнцой. До сих пор не выхожу из дому. Узнав вчера (от Кобылинского через Колю, встретившего его на собрании нового общества[2]), что Вы все еще страдаете головною болью и упадком сил, очень пожалел, что написал Вам в субботу настойчивое письмо с просьбой прийти, несмотря на недомогание[3]. Я написал это письмо, так как, во-первых, мне было крайне досадно, что Вы пропускаете случай еще раз услышать Goethe Lieder[4], а во-вторых, я думал, что Вам, может быть, даже было бы полезно пройтись и развлечься. Кроме того, я опасался, не стесняетесь ли Вы явиться в первый раз в дом моего брата в упадочном состоянии и не потому ли Вы придали такое значение своему недомоганию. Теперь мне стыдно, что я, наверно, доставил Вам неприятную минуту! прошу извинить меня... Так как Вы уезжаете на Святой, то заходите теперь, не считаясь с тем обстоятельством, что на Страстной не ходят в гости[5]. Вероятнее всего я до воскресенья[6] не выйду из дому, боясь нового рецидива болезни. Только было наладил корректирование и композицию своего письма о теургии[7] и принужден бросить, вот какой я слабый. До свидания, мой дорогой, крепко обнимаю Вас. Горячо любящий Вас

Э. Метнер.

Привет Вашей матушке от меня и Анюты[8]. Э. К.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2.

[1] 26 марта.

[2] Н. К. Метнер. Видимо, имеется в виду предварительное собрание в целях учреждения литературно-художественного общества, последствием которого стало формирование осенью 1906 г. «Общества свободной эстетики» и «Общества имени Леонардо да Винчи». В кратком отчете о деятельности «Общества свободной эстетики» за 1906–1907 г. сообщалось: «...весною 1906 года среди нескольких лиц, поклонников искусства, возникла мысль основать общество, которое соединяло бы в себе служителей всех родов

искусства — художников, музыкантов, поэтов, драматических и балетных артистов, с целью сближения их между собою» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 401).

[3] Имеется в виду п. 118. Суббота — 25 марта.

[4] Цикл «Девять песен В. Гёте» op. 6 Н. Метнера.

[5] Страстная неделя в 1906 г.: 26 марта — 1 апреля. Белый выехал в Петербург не на Святой неделе (2–8 апреля), а 14 апреля. Об обстоятельствах, вызвавших задержку с отъездом, см.: *Белый — Блок*. С. 279–284, 562.

[6] 2 апреля.

[7] См. примеч. 2 к п. 117.

[8] А. М. Метнер.

120. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

4 апреля 1906 г. Москва

Москва 4 апреля 1906 года.

Дорогой Борис Николаевич!

Вы застали меня сегодня в отвратительном самочувствии, и потому я не был в состоянии ни *pro*, ни *contra* Вашей статьи сказать что-либо как следует[1]. Сейчас спохватился. Если редакция будет что-либо иметь против полемической части, то Вы уступите и зачеркните, так как редакционная оговорка может быть составлена в таких выражениях, что ослабит действие ***положительной*** части Вашей статьи[2]. Во-вторых, мне пришло в голову, что раз Вы сопоставляете Колю и Скрябина, то очень хорошо было бы подчеркнуть, что Скрябин представитель славянского в музыке[3]: он примыкает, более чем кто-либо из русских композиторов, к Шопену, величайшему славянскому композитору, а Коля, будучи немецкого происхождения, проникнут исключительно германскими музыкальными элементами. Ваша статья очень хороша.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2.

[1] Имеется в виду рецензия Белого на нотное издание: Н. Метнер. 9 песен Гёте для голоса и фортепиано. Соч. 6. Опубликована в «Золотом Руне» (1906. № 4. С. 105–107); впоследствии под заглавием «XXVI. Николай Метнер» вошла в цикл «На перевале» книги статей Белого «Арабески» (1911). См.: *Андрей Белый*. Собр. соч.: Арабески. Луг зеленый. М., 2012. С. 282–284.

[2] В опубликованном тексте статьи полемическое начало последовательно не прослеживается (если не считать противопоставление Н. Метнера и Скрябина Рахманинову и упоминание об «окружающей нас музыкальной издерганности»).

[3] Этот акцент Белый в статью не добавил.

121. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

23–24 апреля 1906 г. Москва

Москва 23 апреля 1906 года.

Дорогой Борис Николаевич!

Пишу деловое. Будьте милы и наведите справку — нащупайте почву в учреждении, именующем себя *Вечерами современной музыки*[1].

Если этот кружок не обладает средствами и потому не платит участникам вечеров, то не выдает ли он по крайней мере прогонных? Осенью в сентябре или октябре (не позже!) Коля приехал бы в Петербург и сыграл бы на вечере свои сочинения[2], если бы ему выдали взад-вперед прогонные. —

24 апреля. Я говорил с Колей относительно этой поездки. Он согласен так: целый вечер должен быть посвящен исключительно его композициям; он будет играть сам; может быть, найдется, кто споет его Goethe Lieder[3]; м<ожет> б<ыть>, он к осени напишет сонату для рояли и скрипки… Прогонные — minimum 50 рублей.

Третьего дня был у Эллиса. Зашел поговорить о *Свободной Совести*[4] в 5 ч. дня и просидел до 10 ч. вечера. Много говорили. Было очень интересно.

Я себя *отвратительно* чувствую. ***Хуже нельзя***. Коля так же… ***Что*** это?! Куда бежать? И от кого бежать!

Будьте благоразумны и не утомляйтесь, не сгорайте. Разные внешние обстоятельства мешают нам до сих пор выехать на дачу, где по крайней мере физическое состояние стало бы сноснее.

Был в *Руне*. Соколов[5] на мой вопрос, во сколько строк дать заметку о трех больших лекциях Суворовского (заметку, имейте

в виду, он просил дать не голословную, с изложением хода мыслей лектора), — ответил: от ста до ста пятидесяти строк!!!???!!! Стоило губить три вечера на лекции!.. Между тем по поводу этой лекции (как симптома) я бы мог написать огромную статью[6].

Переговорили ли Вы с Пирожковым о Вашей книге статей?[7]

Всего хорошего. Моя жена и моя мама на днях навестили Александру Дмитриевну[8].

Кланяйтесь Гюнтеру, если он Вам не очень надоел[9].

Горячо любящий Вас

Э. Метнер.

Если будете писать, то в Немчиновку до востребования Брестской жел<езной> дор<оги>.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2.

Письмо направлено в Петербург, где Белый находился с 15 апреля по начало мая 1906 г.

[1] Деятельность камерных «Вечеров современной музыки» началась в Петербурге в 1901 г. (организаторы и активные участники — музыкальные критики В. Г. Каратыгин, В. Ф. Нувель, А. П. Нурок, композитор И. И. Крыжановский, пианист А. Д. Медем), продолжалась до 1912 г. См.: *Нестьев И. В.* Музыкальные кружки // Русская художественная культура конца XIX — начала XX века (1908–1917). Кн. 3. Зрелищные искусства. Музыка. М., 1977. С. 474–480.

[2] Планы Н. К. Метнера остались нереализованными.

[3] См. примеч. 1 к п. 120.

[4] Имеется в виду издание: «Свободная совесть». Литературно-философский сборник. Кн. 1. М., 1906; Кн. 2. М., 1906. Эллис имел непосредственное отношение к его формированию и участвовал в обеих книгах.

[5] С. А. Соколов заведовал литературно-критическим отделом «Золотого Руна» в первой половине 1906 г.

[6] О трех лекциях Н. П. Суворовского «Музыкальная весна», прочитанных в Москве в Историческом музее, Метнер рассказал в одноименной статье (Золотое Руно. 1906. № 5. С. 69–72. Подпись: Вольфинг).

[7] Книга статей Андрея Белого издательством М. В. Пирожкова не была напечатана. С М. В. Пирожковым Белый виделся, видимо, в Петербурге у Мережковских перед их отъездом за границу в феврале 1906 г. Видимо, подразумевая переговоры с Пирожковым, Белый информировал руководителя издательства «Скорпион» С. А. Полякова в конце марта 1906 г.: «Мне предлагают издать мои статьи особой книгой» (Stanford Slavic Studies. Vol. 1. Stanford, 1987. P. 85).

[8] А. Д. Бугаева.

[9] Иоханнес фон Гюнтер и Белый познакомились в Москве, по всей вероятности, 10 или 11 апреля 1906 г.; в ночь с 14 на 15 апреля они ехали одним поездом из Москвы в Петербург и общались в течение нескольких часов. См. об этом в воспоминаниях Гюнтера (Иоганнес фон Гюнтер и его «Воспоминания» / Ст., публ., примеч. и пер. К. М. Азадовского // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 347–348, 359; *Гюнтер Иоганнес фон.* Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном. М., 2010. С. 133–136 (Пер. Юрия Архипова)).

122. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

12 (25) августа 1906 г. Радегунд

25/12 August 1906.

Meinen Herzlichen Gruss aus Radegund[*,1]. Только теперь чувствую я себя в состоянии писать Вам, мой дорогой Борис Николаевич. Я перевалил через такой кряж... Однако об этом лучше в письме, которое направлю в Дедово, не зная, где Вы. *Мой адрес*: Австровенгрия Steiermark Radegund Villa Bella-Vista Emil Medtner. Привет Вашей маме. Обнимаю. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2. Открытка. Почтовый штемпель отправления: Radegund. 25. 8. 06. Отправлено в Серебряный Колодезь.

[1] Курорт в Верхней Австрии, где Метнер проходил курс санаторного лечения летом 1906 г.

123. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

12 (25) августа 1906 г. Радегунд

Дорогой Борис Николаевич! Передайте сие Льву Львовичу в знак, что я думал о нем во время моего лечения. Ваш М.

<*Метнер — Эллису:*>

Австровенгрия Steiermark, Radegund Villa Bella-Vista Emil Medtner — таков мой адрес, дорогой Лев Львович! Только *начав* лечиться — увидел, *до какой степени* я был болен. Могу теперь

* Мой сердечный привет из Радегунда (*нем.*). «Gruss aus Radegund» — *печатный текст подписи под картинкой.*

пока только отчасти сказать «был». Духовно очень поправился. Телесно еще далеко нет. Ни о каких работах раньше октября не стану и помышлять. Часто вспоминаю Вас и нашу бесконечную беседу в Вашей комнате. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2. Открытка с почтовой справкой. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Radegund. 25. 8. 06.

Приписка на почтовой справке, приклеенной к открытке: «Не доставлено за выб<ытием> адресата».

Адресованная Л. Л. Кобылинскому открытка была отправлена по адресу: «Москва, Новинский бульвар, дом Котлярова, Russland»; возвращена отправителю в Радегунд.

124. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

15 (28) — 26 августа (8 сентября) 1906 г. Радегунд

Radegund 28/15 August 1906.

Дорогой Борис Николаевич!

Radegund 5 September/23 August 1906!

Дорогой Борис Николаевич!

Не удалось написать ничего, кроме обращения, т<ак> к<ак> надо было съездить на несколько дней в Maria-Grün[1]. Впрочем, для Вас это пока — китайская грамота. Я Вам отправил открытку в Серебряный Колодезь[2]. Письмо направляю в Дедово[3]. Мой дорогой, мой милый друг! Никогда мы с Вами не были еще так близки друг к другу; Вы об этом и не подозреваете, а я не вправе дальше объяснять касающееся *меня*; достаточно намека? Обязываю Вас вперед честным словом не расспрашивать меня и о том, откуда я знаю *касающееся Вас*[4]. Скажу только, что знаю я это три месяца, подозревал раньше... Но раньше объясню Вам, как и почему я уехал. Семья Гульшиных, о которой Вы уже осведомлены, очень одинока; почти полустолетие, как Гульшины близко знакомы с Гедике (фамилия моей мамы); *Сергей* Гульшин (помните «Борю», просящего спасти его «великого брата»?) — действительно очень даровитый, очень тонкий и очень больной 23-летний человек; я знавал его только мальчиком и последние годы не видался с ним; с его матерью, которая старше его всего

на 18–19 лет, я очень хорошо знаком; она очень милая женщина и в свое время была обаятельна; с мужем она в разводе и вообще семейная жизнь ужасно сложилась; поддерживать знакомство с такой семьей было очень тягостно, и мы понемногу разошлись. Теперь, когда врачи предписали Сергею продолжительное пребывание в немецкой санатории, Гульшины через брата моего Александра Карловича стали искать возобновления знакомства; дело в том, что Сергея одного отправить нельзя, а его мама, да и он сам вбили себе в голову, что единственным спутником могу быть только *я*; в этом мнении их укрепило сообщение моего брата Александра о том, что я подумываю о лечении. Начали понемногу подготовлять почву, Сергей был у меня, затем просил меня его отец, его мать; я долго не решался, наконец дал свое согласие, указав, разумеется, на то, что я располагаю такою-то суммою денег и таким-то количеством времени. Дорогой Борис Николаевич! Я очень рад, что принял это предложение. Один я бы мог прожить всего один месяц, а этого недостаточно; услуга, мною оказываемая действительно очень выдающемуся молодому человеку, вполне покрывается услугой, оказываемой мне, тем более, что старик Гульшин страшно богат[5]. В настоящее время Сергей поправляется, и я могу вскоре оставить его на попечении одного молодого врача, его дальнего родственника, который на днях должен выехать сюда из России[6]. Сергей страдает неврастенией мозга; если он выздоровеет окончательно, Вы услышите о нем: он заставит говорить о себе… — Итак, 22 мая ровно три месяца тому назад я выехал за границу. Ваша судьба, Ваше страдание сопоставлялись в моей голове с моими горестями; я находился в страшно напряженном опасном настроении; было в этом нечто поистине оргийное, т<ак> к<ак> за месячное пребывание без работы в Немчиновке[7] я накопил сил, *не* поправив при этом своей нервной системы. Во время дороги я чуял ясно, что приближается нечто грозное или, вернее, грозовое: или буду убит молнией, или все во мне прояснится. В Вене мне показалось, что я скоро умру. Я не мог ничего есть и старался только скрыть свое состояние от моего еще более страдающего спутника. Я бодрился, крепился и даже отправился в театр смотреть и слушать мою несравненную «Кармэн»[8], которую, кстати сказать, я слышал в 20-й и все-таки в I раз, т<ак> к<ак> только немцы могли мне открыть

все необычайные прелести этой партитуры. Я сидел в театре, как во сне, и часто чувствовал себя близким к обмороку; то я прощался с жизнью, то мне казалось, что музыка вещает мне преодоление всех опасностей болезней бедствий и долгую плодотворную жизнь... По дороге из Вены в Грац, среди роскошной и уютной природы Штирии, я окончательно потерял всякое сознание своего существа и приехал в санаторию Maria-Grün очень серьезно больным человеком. У меня открылась нервная горячка; температура доходила до 41^0; 10 дней я лежал в постеле; встал исхудавшим, но уже действительно выздоравливающим человеком; эта горячка была кризисом моей долголетней болезни, и я благословляю небо, что этот кризис застал меня в санатории, где главным врачом состоит Dr. Stichl, считающийся талантливейшим учеником Крафта-Эбинга, основателя этой санатории[9]. Лечили меня удивительно энергично и совсем по новому для меня способу. Вы знаете мое предубеждение к медицине; но я так ослаб, что решил не сопротивляться и отдал себя в распоряжение врачей; должен сказать, что Dr. Stichl прямо художник; что-то артистическое лежит в его манере изучать больного; говорят, что в диагнозе он никогда не ошибается; мне он сказал, что мое страдание чисто функциональное и периферическое, что горячку можно рассматривать как последнюю острую вспышку хронической болезни, которую мой организм, очень стойкий и одновременно очень нежный, уже преодолел почти сам. Когда я встал с постели, началось систематичное лечение водой, электричеством; запрещено читать, вести серьезную беседу, утомляться; приказано забыть временно о прошлом, отдаться лени. Я все беспрекословно выполнял. Когда я сидел в поезде, несшем меня за границу, я в голове составлял горячие страницы моего письма к Вам, которое собирался написать немедленно по приезде в санаторию; это письмо я считал своею святейшею обязанностью, обязанностью друга, старшего брата, но судьбе было угодно избавить Вас, быть может, от *неприятных* минут; теперь я поправился (конечно, не окончательно) и могу коснуться того, о чем тогда хотел писать; но сделаю я это совсем иначе; ибо *иной* человек беседует с Вами сейчас, дорогой мой; за эти три месяца я более изменился, нежели за 15 предшествовавших лет моей жизни; так, по крайней мере, кажется мне самому; могу ли я сказать, что победил? Пока ничего не решаю; быть

может, я не поздоровел, а погрубел; не спокойнее стал, а просто глупее; не жизнерадостнее, а просто поверхностнее; возможно, что я временно поправился, что только залечил на скорую руку неисцелимую свою хворь; но временами я испытываю такое внутреннее светлое чистое юношеское веселие, в особенности когда одиноко брожу по очаровательным холмам Радегунда под германско-итальянским южным темно-темно-синим небом Штирии, этой немецкой «Малороссии», где еще не до конца все окультурилось и где католическое население имеет своих лесных полевых мадонн и христов и своих ведьм, леших, горных великанов и эльфов. Стал я еще западнее, еще более онемечился, нижегородское пленение, московская толчея и вообще российская безалаберность отходят в моей памяти и воображении все более и более на задний план; равнодушно я читаю об ужасах, которые творятся ежедневно на родине, жалею о времени, потраченном на пустяки вроде цензорства, с удовольствием отмечаю, что меня более не волнует и не беспокоит то, что раньше как *русского* возмущало и обессиливало. Не знаю, хуже ли, лучше ли стал. Сам я более собою доволен (плохой признак?!), хотя боюсь это высказывать до тех пор, пока не начну опять работать; возможно, что мое выздоровление, успокоение — духовная смерть. — Пока до свиданья! Звонят к обеду.

Сейчас чудесные сумерки; что-то благодатное, нежное, слегка печальное; читаю русские газеты; не строки, а между строк; как все изменилось и дважды: во-первых, *вулкан*, на котором, быть может, именно под влиянием внутреннего близкого огня совершались события Ваших симфоний, столь важные и опасные в мистическом и столь незаметные и безобидные в эмпирическом отношении, этот вулкан открыл свои действия и сделал невозможным в России «умственные цветники подмигивающих»[10]; во-вторых, *я сам*, как выше сказал, изменился; отсюда что-то сумеречное вычитываю я из газетных сообщений, даже объявлений; моментами просто смотрю на русские буквы, и вдруг что-то всколыхнется у сердца; сумерки родины сливаются с сумерками милого Радегунда… — Я так давно не говорил по-русски; с Гульшиным нельзя много говорить; ему запрещено. Домой я пишу самые обыкновенные вещи, и вот, взявшись писать Вам, испытываю

неловкость больного, пролежавшего долго в постели... Дорогой друг! Не правда ли, при последнем нашем свидании Вы были несколько смущены, когда я заговорил о совместном пребывании зимою в Мюнхене?[11] Вы раздумали ехать. Вы не в силах покинуть Россию на несколько месяцев. Не так ли?......... Поверьте, что Ваше спасение в отъезде! Клянусь Вам... Вы очень много знаете и можете, но Вы не подозреваете того, в какой мере *всякий* человек зависит от обстановки, именно *зависит*, т. е. не только она отражается в его мыслях и поведении, но и просто видоизменяет его самого; поверьте, что Германия, даже современная Германия со всеми ее недостатками, с ее кризисом культурным, уже наступившим, кризисом социальным и политическим, уже надвигающимся, — все-таки *космос* в сравнении с русским хаосом, царящим всюду в нашей родине, начиная с государственной и общественной и кончая семейной жизнью. —

8 сентября / 26 августа. Мне положительно не везет с моим письмом Вам. Вчера приехал сюда двоюродный брат Гульшина, долженствующий сменить меня с моего поста. Я ожидал его приезда с нетерпением, но гораздо позже. Итак, я завтра выезжаю из Радегунда и уже обретаюсь в лихорадке (Reisefieber*). Еду я назад тихим ходом, т. е. останавливаясь в германских городах. Буду, вероятно, через 10 дней только в Москве. *Наш новый адрес* (мы *опять* переехали!): Малый Гнездниковский переулок (Тверская), дом Пегова, кв. № 8. — Пробую продолжить мою вялую лекцию. Я глубоко убежден, что со мною, с Колею[12] Вы могли бы прожить сезон за границей; *один* — Вы не выдержите и одного месяца. Мы едем непременно, но легко может быть, что более одного сезона нам не позволят пробыть там наши финансы; поэтому, если Вы теперь отложите свое намерение, то потом оно будет труднее выполнимо, т<ак> к<ак> Вы не знаете языка и лишены всякой практичности. Повторяю. То обстоятельство, что Вы овладеете немецким языком, познакомитесь с ходом занятий в немецком университете и т. д., при всей своей важности бледнеет перед моральными последствиями, какие будет несомненно иметь Ваше пребывание вне дома, вне родины, вне того дорогого тесного, но заставляющего Вас столько страдать круга близких слишком

* Дорожная лихорадка (*нем.*).

близких, страдающих не менее Вас людей. Взгляните на Ваши настоящие переживания, как на метод закалки, но для овладения этою точкою надо уехать. Быть может, я уже запоздал со своим бессильным словом. Если все разрешилось благополучно — слава Богу; если же Вы пребываете в том состоянии, в котором я Вас покинул, то... будьте мужем. То слишком реальное отчаяние, до которого Вы доходите, говорит не столько о силе, высоте, утонченности Вашего чувства (в которых я, конечно, не сомневаюсь), сколько об его, правда вполне естественной, но специфической страстности. Будьте мужем и преодолейте себя. Простите, что я в непривычных несколько жестоких и чересчур простых словах твердо высказываю Вам мое мнение. То положение, в котором Вы очутились, в общих чертах и жестоко и просто. Только в подробностях оно может носить отпечаток усложненности натур Вашей и Ваших со-страдальцев. — Но в великих происшествиях надлежит раньше всего принять во внимание именно общие черты. Тут часто приходится резать по живому. Быть может, под влиянием последних обстоятельств Вашей жизни Вы и охладели ко всему и ко всем. Быть может, Вам кажется иной раз, что и к Вам охладели. Я просто и мужественно скажу Вам, что *никогда* еще не были Вы мне так близки, никогда я еще *так* не любил Вас, как в настоящий миг. Может быть, эти мои слова вознаградят Вас за беззвучную сухую бездарную речь мою. Обнимаю Вас крепко. Поклонитесь Вашей маме и всем дорогим москвичам. Ваш Эмилий М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 1.

[1] Мария-Грюн — австрийский курорт близ Граца.

[2] Имеется в виду п. 122.

[3] В Дедово (имение А. Г. Коваленской в 8 верстах от ст. Крюково Николаевской ж. д., под Москвой) Белый приехал около 20 июля, выехал оттуда в Москву в начале августа 1906 г.

[4] Подразумеваются взаимоотношения Белого с семьей Блока, предельно осложнившиеся в связи с его влюбленностью в Л. Д. Блок.

[5] Видимо, Василий Александрович Гульшин, глава банкирской конторы в Москве (Никольская ул., дом Шереметева). В записной книжке Метнера, заполнявшейся летом 1906 г. (Maria Grün — Radegund — Graz), имеются черновики его писем к Елене Александровне Гульшиной (матери Сергея Гульшина) с отчетами о пребывании в санатории и состоянии здоровья ее сына (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 8).

[6] В одном из писем к Е. А. Гульшиной Метнер сообщает: «Я никаким образом не могу <...> остаться дольше как до конца русского августа; меня вскоре заменит г. Гусев»; в другом письме он сообщает о приезде Гусева в Радегунд 7 сентября (Там же. Л. 91 об. — 92, 98).

[7] В Немчиновке (Московско-Брестская ж. д., ст. Немчиновский пост, дача Немчинова) Метнер поселился не ранее 25 апреля 1906 г.

[8] Опера Жоржа Бизе (1875; либретто А. Мельяка и Л. Галеви по одноименной новелле П. Мериме).

[9] Ср. сообщение в черновике одного из недатированных писем Метнера к Е. А. Гульшиной: «Сначала первые две недели я был болен довольно серьезно, так что пришлось лежать в постели, чего со мною не было, должно быть, лет 14; пришлось волею-неволею отдаться в распоряжение врачей и стать пациентом санатории; исхудал я сильно, но теперь поправился. <...> У меня была инфлуэнца в связи с сильным нервным расстройством. <...> Главный врач Stichl считается одним из талантливейших учеников знаменитого невропатолога Крафт-Эбинга, который и основал санат<орию>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 8. Л. 83 — 82 об.).

[10] Образ из «Симфонии (2-й, драматической)» (часть вторая): «Знакомый Поповского собирал у себя литературные вечеринки, где бывал весь умственный цветник подмигивающих» (*Симфонии.* С. 89).

[11] Эта встреча состоялась, вероятно, около 20 мая 1906 г., перед отъездом Метнера за границу и Белого в Дедово.

[12] Н. К. Метнер.

125. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

1 (14) октября 1906 г. Мюнхен *

Милый, милый и такой близкий мне Эмилий Карлович!

Жду Вас сюда, скорей приезжайте[2]: все, что Вы написали мне в письме[3], близко мне говорит: все это совпадает с тем, что и я пережил этим летом. Со мной был страшный кризис, и я стоял на краю бездны. Я мог стать преступником. Наконец, после ужасного месяца (августа) перелом со мной произошел, и теперь я отдыхаю в Мюнхене и душой, и нервами. Безгласен, нем, и потому ни о чем не хочу писать на расстоянии: жду Вас с жадностью и нетерпением.

Я лишился *слова.* И потому о как хотел бы я без слов показать Вам, как я Вас жду сюда, какая у меня потребность Вас

* *Датировка рукой Метнера*[1].

видеть и говорить с Вами! Мюнхен совсем по мне. Точно я здесь родился, все мне родное и близкое, начиная с внешности: сейчас стоят летние дни: симфония из лазури такого чистого неба, белизны тротуаров и яркой зелени пирамидальных тополей и Золота каштанов. Буду здесь много, много работать и *пробуду по крайней мере до лета.*

О, скорей, скорей приезжайте. Чувствую, что здесь так уютно будет видеться и говорить: ужасно хочу видеть Николая Карловича[4]. Я все более и более *в самом интимном* начинаю его любить, и все более и более он мне близок.

Но ничего не могу писать, да и не хочу: хочу Вас и Николая Карловича видеть и говорить. Напишите, когда приедете: буду встречать Вас на вокзале. Поклон Ник<олаю> Карловичу и Анне Михайловне. Приезжайте, горячо любимый и дорогой мне Эмилий Карлович.

Ваш Борис Бугаев.

P. S. У меня к Вам просьба: ради Бога, узнайте адрес редакции журнала «*Перевал*»[5] (он в середине Пречистенского бульвара, но ни *дома*, ни переулка не знаю, а есть с редакцией спешные дела). Редактор С. А. Соколов: он откололся от «Золотого Руна»[6].

P. P. S. В. В. Владимиров просит передать Вам привет[7]. «Kaim-Konzert» начинаются с 22 октября[8]. Абонемент цена 1) 48 мар<ок>, 2) 42 м<арки>, 3) 36 мар<ок>, 4) 30 мар<ок>. Дирижирует ими не Mottl, а G. Schneevoigt. Из интересных номеров — несколько симфоний Брюкнера, 4 симф<онии> Шумана, «Манфред» Чайковского, Баха, Брамса. Мало Бетховена.

Mottl дирижирует концертами в «Odeon'e»[9], которые начинаются 16 ноября; цена на них 1) 17 мар<ок>, 2) 14 мар<ок>, 3) 11 мар<ок>, 4) 8 марок; генеральная репетиция 1 марка.

Вейнгартнер же концертами *не* дирижирует ни здесь, ни там. Он ушел.

Напишите скорей, на какую серию абонироваться за какую цену. До скорого свидания.

Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 48. Три пометы красным карандашом: «XLVII».

[1] Датировка — видимо, по мюнхенскому почтовому штемпелю (конверт утрачен).

[2] Белый принял решение о поездке за границу после решающего объяснения с Л. Д. Блок и А. Блоком 8 сентября 1906 г. в Петербурге: выехал из Москвы в Мюнхен 20 сентября (3 октября).

[3] Имеется в виду п. 124. Советы, высказанные в нем, не могли не оказать воздействие на выбор Белым Мюнхена как места заграничного пребывания.

[4] Ко времени отъезда Белого в Мюнхен Н. К., Э. К. и А. М. Метнеры приняли решение о совместной поездке в Германию в конце 1906 г. на длительный срок.

[5] «Перевал» — «журнал свободной мысли», ежемесячное литературно-общественное издание модернистской направленности; выходил с ноября 1906 г. по ноябрь 1907 г. (№ 1–12; редактор С. А. Соколов, издатель Вл. Линденбаум).

[6] Заведующий литературно-художественным отделом «Золотого Руна» С. А. Соколов разорвал отношения с официальным редактором-издателем журнала Н. П. Рябушинским; 4 июля 1906 г. он отправил Рябушинскому развернутое заявление, оповещавшее о его уходе из «Золотого Руна», которому придал широковещательный характер — разослал копию заявления ряду писателей, сотрудничавших в журнале. См.: *Лавров А. В.* «Золотое Руно» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 467–468. Письмо Соколова к Рябушинскому опубликовал Н. А. Богомолов в составе своей статьи «К истории „Золотого Руна“»; см.: *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 42–46.

[7] В. В. Владимиров в это время учился в мюнхенской Академии наук у немецкого живописца барона Гуго фон Габермана.

[8] «Kaimkonzerte» («Концерты Кайма») — симфонические концерты, основанные в Мюнхене Францем Каймом в 1891 г., для которых был организован собственный оркестр и в 1893 г. построен специальный зал.

[9] Концертный зал «Одеон» на площади Одеонсплац.

126. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

4 (17) октября 1906 г. Москва

Москва 4/17 X 906.

Дорогой Борис Николаевич!

Спешу ответить на Ваше письмо (без даты) и потому буду очень краток.

1) Вследствие того, что из-за певицы (очень хорошей, г-жи Философовой, артистки совершенно германской музыкальной культуры, концертировавшей в Германии в качестве

Liedersängerin*) Колин концерт откладывается до 4 ноября ст. стиля[1], мы будем в Мюнхене позднее, нежели предполагали, и абонироваться, пожалуй, не стоит, тем более, что можно ходить на генеральные репетиции.

2) Адрес Сергея Алексеевича Соколова: Большой Николопесковский переулок, дом кн. Голицына, кв. № 28; адрес редакции «Перевал»: Угол Пречистенского бульвара и Сивцева Вражка, дом Тарасовой, кв. № 1.

3) Если будет время, напишите мне**, взяли ли Вы с собою русских классиков, а если не взяли, то имеются ли они у Владимирова или в библиотеке русского клуба (кажется, таковой существует).

4) Передайте мой привет Василий Васильевичу[2]. На днях у нас была Анна Васильевна[3] и пела Goethe Lieder. Коля нашел, что она многое хорошо передает.

5) Очень жаль, что Вы не будете на концерте Коли в Москве. Даст ли он концерт в Мюнхене — большой вопрос.

Ваша мама была у нас, а я вчера был у нее, чтобы узнать Ваш адрес, о котором Вы, конечно, забыли упомянуть. Я не могу дождаться нашей встречи в Мюнхене. Ведь это будет впервые, что мы долгое время будем вместе в одном городе, и не странно ли, что это произойдет в Германии. Предстоящий год — решительный в моей жизни; или я найду свое маленькое «я», *свою* маленькую миссию, или устранюсь и уеду акцизным чиновником в Царевококшайск. Обнимаю Вас крепко; горячо любящий Вас

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2.

Ответ на п. 125.

[1] Авторский концерт Н. К. Метнера при участии певицы В. Д. Философовой состоялся в Москве в Малом зале Российского благородного собрания 7 ноября 1906 г.; были исполнены «Девять песен В. Гёте», посвященные А. М. и Э. К. Метнерам.

[2] В. В. Владимиров.

[3] А. В. Владимирова (в замужестве Сизова) — сестра В. В. Владимирова; певица.

---

* Исполнительницы песен (*нем.*).

** Напишите также, если Вам надо какую-н<ибудь> книгу из Вашей библиотеки; я ее возьму, когда будем собираться. (*Примеч. Метнера*).

127. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Не позднее 17 (30) октября 1906 г. Мюнхен

Дорогой Эмилий Карлович,

Опять не судьба нам встретиться: я 30-го выехал в Париж[1]. Судьба гонит меня. Внутренне мне нужно было уехать из Мюнхена, и не хотелось еще возвращаться в Россию. Пользуясь случаем, что в Париже Мережковские, я и направился туда.

Может быть, через месяц буду здесь опять[2]. В. В. Владимиров переменил адрес. Я нарочно оставил Вам записку, чтобы Вы могли найти В. В. Адрес В. В.: Neureutherstrasse № 8 II Mittel.

Дорогой Эмилий Карлович, напишу Вам из Парижа. Надеюсь, увидимся за границей.

Глубоколюбящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Николаю Карловичу и Анне Михайловне[3] мой привет!

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 49. Помета красным карандашом: «XLVII».

Записка, оставленная на имя Метнера в Мюнхене по месту жительства. Датируется по дню выезда Белого в Париж.

[1] В открытке, отправленной матери из Мюнхена (дата почтового штемпеля: 30. Nov. 06) Белый извещал: «Завтра еду в Париж» (*Письма к матери*. С. 71). Белый отправился в Париж по зову Мережковских (З. Н. Гиппиус писала ему из Парижа 26 октября (8 ноября) 1906 г.: «А когда к нам приедете — увидите, какая у нас трезвость, и простота, и стремление к известному „смиренномудрию“; может быть, даже скучно вам покажется, но наверное будет, как раз вам, не бесполезно» РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6).

[2] Неосуществленное намерение.

[3] Н. К. Метнер и А. М. Метнер.

128. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

26 октября (8 ноября) 1906 г. Москва

Москва 26/X–8/XI 906.

Дорогой Борис Николаевич. Получил Вашу открытку[1]. Завидую Вам. Москва окончательно стала мне невыносимою. Работать и жить по-человечески здесь немыслимо. Мы будем в конце ноября в Мюнхене[2]. Привет Владимирову и другим Вашим знакомым. Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2. Открытка, отправленная по адресу: München, Barrerstrasse 53^{II} L; к рисунку на обороте подпись рукой Метнера: «Твоя рука имеет вид ноги (из стихотв<орения> Бальмонта)» (цитата из стихотворения «Химеры», входящего в цикл «Художник-Дьявол»; см.: *Бальмонт К. Д.* Будем как Солнце: Книга Символов. М.: Скорпион, 1903. С. 257).

[1] Письмо Белого к Метнеру на открытке, отправленное из Мюнхена, видимо, утрачено.

[2] Сроки приезда в Мюнхен сдвинулись. Из Москвы Э. К., Н. К. и А. М. Метнеры выехали 6 (19) декабря, прибыли в Вену 8 (21) декабря и оттуда в Мюнхен 16 (29) декабря 1906 г. (см. комментарии З. А. Апетян в кн.: *Метнер.* С. 80).

129. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Декабрь 1906 г. Париж

Милый, милый Эмилий Карлович,

Опять не «*судьба*»! Опять мы не встретились. Но нервы мои разыгрались так, что принужден был сменить впечатления. На обратном пути приеду в Мюнхен (через 1½ — 2 месяца)[1]. Надеюсь Вас застать там и еще пожить недельки две. Спасибо за карточку. Как увидел все милые подписи мне, так и потянуло, потянуло к Вам[2]. Но теперь вопрос в том, что финансы не позволяют мне совершить эту поездку (из Парижа в Мюнхен и обратно). А на возвратном пути непременно устроюсь в Мюнхене.

В Париже мне уютно и хорошо в чисто внешнем отношении. Глубоко счастлив, что рядом со мной такие близкие мне люди, как Мережковские и Философов. А внутри — в себе самом — неважно: странно и страшно. И эта *тягота* (бремя) еще оттого так изнурительна, что все виды *опрощения* и *поверхностности* мне доступны в любую минуту, но из этого *ничего не вытекает*. Во внешнем бытии я буквально в открытом море. Не знаю, куда завтра бросит судьба. Не знаю и не предрешаю. Пусть все идет своим чередом.

Но только я уверен, что ни у кого внешние и внутренние дела, вопросы идеи и вопросы реальной завтрашней жизни не встретились так мучительно и остро, как у меня. Если переживу тот *кризис*, который со мной вот уже 2 года и который не только не подвинулся, а лишь осложнился, — если переживу, буду во все прочее время живота моего — *молодец с закалом твердым*. Не переживу, видно, так Богу угодно. Сейчас *себя спасаю*: *когда себя спасу*, предстоит одержать ряд завоеваний в стране гордой

и суровой; чтобы или уж безвозвратно потонуть, или почить на лаврах успокоения вечного.

Голубчик, не забывайте меня. Помните, что мы всегда внутренне *связаны чем-то*: это *что-то* так мне ценно и дорого! Сейчас совершенно не могу писать длинных писем (2 года уж не могу). Простите за краткость и поверхностность. Пишите мне.

Любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне и Николаю Карловичу. Поклонитесь от меня В. В.[3], Вулиху и Дидерихсу, привет *Kathy Kobus*, «*Simplicissimus'у*»[4].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 50. Приписки красным карандашом (рукой Метнера): «Париж X / 906» (датировка ошибочна); «XLVIII».

[1] См. примеч. 2 к п. 127.

[2] Видимо, несохранившаяся приветственная открытка с подписями Метнеров и, возможно, русских знакомых Белого по Мюнхену.

[3] А. М. Метнер, Н. К. Метнер, В. В. Владимиров.

[4] Кафе «Симплициссимус» — место сбора художников из журнала «Симплициссимус» и всей мюнхенской литературно-артистической богемы. Катти Кобус — его владелица и хозяйка. Белый посещал его во время пребывания в Мюнхене (см.: *МДР*. С. 110–114).

130. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

18 (31) декабря 1906 г. Мюнхен

Familien-Abend Sylvester-Feier im Café Luitpold*.

Сейчас выслушал повесть о Ваших мюнхенских проказах. Оказывается, Вы не превозмогли нуменальную сущность того, чье изображение на обороте этой карточки. Prosit Neujahr!** Emil Medtner[1]. Анна Метнер. Н. Метнер. А. Дидерихс. С. Вулих.

Сердечный привет и простите, что не писал. В. Владимиров.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2. Открытка, отправленная по адресу: Paris, Passy, Rue de la Ranelagh, 99. На открытке — рисунок: посыльный с надписью «Express», несущий два горшка цветов.

[1] Далее подписи поименованных лиц и приписка В. В. Владимирова. Трое последних регулярно общались с Белым во время его пребывания в Мюнхене.

---

* Семейная вечеринка в канун Нового года в кафе Луитпольд (*нем.*).

** С новым годом! (*нем.*).

1907

131. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

9–10 (22–23) января 1907 г. Мюнхен

Мюнхен 22/I 907.

Дорогой мой Борис Николаевич!

Оба Ваши письма, то, что Вы оставили у своей мюнхенской квартирной хозяйки и парижское[1], конечно, получил; не писал по причинам и внешним и внутренним, и такая их тьма, в особенности, внутренних, что излагать их Вам, ввиду Вашей теперешней болезни[2], я не стану; это раздражило бы Вас. Ради Бога, не подумайте только, что я имею что-либо *лично* против Вас. За многое мне хотелось бы пожурить Вас, но это опять совсем другое дело. Что Вы уехали из Мюнхена, меня ***страшно*** огорчило!.. — Представьте! Я только на днях был в Симплициссимусе![3] Все время ушло на акклиматизирование; нам во время пути и венского пребывания[4] так надоели рестораны, что мы тут скорее устроились по-домашнему. Я стал ходить в библиотеку (читаю Thayer's Beethoven-Biographie[5]), Коля сразу набросился на композицию; стали ходить в концерты, в оперу, в галереи и только[6]. — Вы страшно близки мне потому, что и я «*уверен*» (цитирую Ваше парижское письмо), «*что ни у кого*» (быть может, даже и у Вас, мой милый) «внешние и внутренние дела, *вопросы идеи* и *вопросы реальной завтрашней жизни* не встретились так мучительно и остро, как у меня». Только мой «кризис» тянется не 2 года, как у Вас, а 12 лет; одно время (первый год в Нижнем) казалось, что я уже готов стать «молодцом с закалом твердым»,

но затем изнутри и снаружи все опять завертелось вихрем; весною 1906 года я был на краю гибели; клянусь Вам, что не преувеличиваю; летом и осенью в санаториях, как будто, отошел и стал справляться с собою; но по возвращении убедился, что все по-старому, что искусственным образом нажитые силы не только не содействуют разрешению кризиса, но, наоборот, живее дают чувствовать внутренний конфликт (осложненный внешними обстоятельствами) — увеличивают силу, с которой я ударяюсь о стену того тупика, куда меня загнала фортуна. Когда-нибудь, может быть, я скажу Вам нечто, меня касающееся; но и помимо *этого* «нечто» Вы знаете (и только недостаточно вдумывались, хотя меня и любите), как мне тяжело от моего «неудачничества»; в этом я — русский, испорченный немец; я вовсе не заношусь; мне надо было бы немногого: работать свою маленькую работу в музыке... —

Попробуйте поговорить со мною о своих делах, но называя вещи своими обыденными именами; поговорите со мною, идя от простоты к сложности, а не обратно. Предлагаю это не оттого, что не могу понять Вас (хотя надо признать, что, при умалчивании о внешних фактах, одно только сложное философствование по их поводу просто недостаточно); я советую Вам, если Вы можете, поступить так ради Вас самих; Вам самим многое станет ясно, если Вы с кем-нибудь другим станете ясно говорить о неясном. — Пришел *Перевал* № II; Ваши стихи — это то, к чему стремился и чего не достиг Некрасов[7]; когда я читаю нечто подобное, я люблю Россию ноющею, жалостливою любовью; ужасная по манере письма рецензия Сергея Михайловича о каких-то «образованных батюшках»[8]; что за кривляние простоты в стиле Дорошевича; ужасное продолжение статьи Минского, начало которой в I № мне тоже не особенно понравилось[9]; это совсем по-русски: начал с крайнего оплевания, кончил крайним восхвалением; ни в чем меры; то, что он говорит об европейской культуре, есть просто хулиганство напрасно образованного по-европейски русского жидка; ужасная по своей нелепости и тоже хулиганству рецензия Бориса Попова о Николае Метнере[10]; бедный брат; так гениально и культурно не начинал ни один композитор, родившийся в России; не виноват же он в самом деле, что он, во-первых, — не русский, а во-вторых — не Ребиков, не Регер, не Штраус; что именно его оригинальность заключается

во врожденности в нем тех форм, которые выработались прежней немецкой музыкой и которые он один в настоящее время *во всей Европе* способен и призван постепенно *реформаторски* продолжить, в то время как остальные или тщетно стараются их усвоить, или, бросив эти старания, идут отрицательно-революционным путем, уничтожая их... Статья Бориса Попова дышит ненавистью, сдерживаемою только инстинктивным уважением, которое не может не внушить каждому личность брата. — Хулиганство заключается главным образом в том, что он лжет злобно: 1) Коля действительно молод и 11 opus для 26 лет вполне естественен[11]; Бетховен I opus дал 24 л<ет>. 2) Профессиональные музыканты (по крайней мере, лучшие из них) знают и высоко ценят Колю. 3) Антон Рубинштейн предчувствовал музыкальный декадентизм, но вовсе не с радостью, а с печалью[12], своих же «богов» считал не умершими, а, наоборот, только их, от Баха до Вагнера, и считал живыми, говорил, что музыка — искусство преимущественно немецкое[13] и что finita est musica...* Все это Борис Попов злостно перетасовал в свою пользу. — На *неприличие* этой рецензии не мешало бы Вам при случае указать Соколову. — Если Вы поправились и в состоянии ответить мне хотя бы кратким письмом, то сообщите, собираетесь ли Вы издавать отдельною книгой свои статьи, как скоро и у кого; затем, могу ли я рассчитывать на помещение моего письма по поводу *теургии*[14], которое я привел в приблизительный порядок; оно оказалось очень, очень большим, должно быть вдвое превышающим размер самой статьи; кое-что я, разумеется, мог бы сократить; но мне важно знать принципиально, не оставили ли Вы своего плана в ближайшем будущем (хотя бы через ½ года) издать свою книгу; если нет, то я приведу письмо в окончательный порядок и пошлю его Вам; или приготовлю его к Вашему приезду в Мюнхен, и мы, сообща, проредактируем его. — Пожалуйста, не откладывая, уведомьте меня об этом обстоятельстве. Теперь о другом. Из Мюнхена в Москве я получил от Вас за 2½ месяца 1 деловое письмо и 1 открытку из Симплициссимуса[15]; в письме и из открытки я видел, что Вы довольны Мюнхеном; от Вашей мамы слышал, что Вы даже баварский костюм носите и баварскую трубку курите[16]; потом,

* Кончена музыка... (*лат.*).

когда Вам стало хуже на душе и Германия разочаровала Вас, Вы не уведомили меня об этом; и узнавал я о Ваших переживаниях от Льва Львовича и Маргариты Кирилловны[17] (с обоими я, кстати сказать, за последнее мое пребывание в Москве очень сблизился); Вы, дорогой мой, простите меня, но раньше надо знать, что рейнвейн, о котором Вы упоминаете в своей открытке[18], пишется Rheinwein, а не Reinwein (а Метнер — Medtner, а не Metner), надо твердо это знать, а потом уже произносить суд над культурой народа, очень оригинального, страшно сложного, только общеевропейской своею стороною понимаемого другими народами; понимают *схему* сонаты, а не зерно, из которого она выросла; грандиозность и роскошь вагнеровской затеи, а не то, *куда* он указывает иными своими темами. — Олимпийство и законченность Гёте, а не то,

Was von Menschen nicht gewußt,
Oder nicht bedacht,
Durch das Labyrinth der Brust
Wandelt in der Nacht[19].

Наверное то же самое и с Кантом и т. д.

Представьте себе, что кто-либо стал судить о русской душе по тому, как построены драмы Пушкина или как разрешает Вл. Соловьев вопрос об отношении церкви к государству; с германской культурою делают часто то же, что какой-то английский критик с *Преступлением и Наказанием* Достоевского; этот критик рассматривал трагедию Раскольникова как криминальный роман с новою окраскою темы о сыщике и преступнике[20]. — Итак, с одной стороны, будьте глубже, да, еще глубже, нежели Вы, глубокий человек, это до сих пор проявляли; тогда только Вы поймете душу Германии; а, с другой стороны, будьте менее идеалистичны, менее предвзяты, менее заранее заряжены увидеть нечто необычайное там, где его нет, но где Вы желаете, чтобы оно было. —

23/I 907. — Вагнер подошел вплотную к мистерии (Парсифаль)[21]; надо брать его за то, что он есть: это один из самых великих художников, один из тех немногих, деятельность которых, при всей ее фантастически-индивидуальной затейности, национальна и культуропроизводительна; Ницше кругом виноват: он сначала идеализировал Вагнера, а затем, разозлившись, деградировал его; сверхидеализм Ницше в этом случае — отличный

предостерегающий пример. Мне кажется, что Вы склонны к тому же, к чему Ницше. Постарайтесь избегнуть этого жизневраждебного уклона. Мужественный человек должен или умереть *окончательно*, или жить *окончательно*; можно в душе носить свой нигде не осуществленный идеал и в то же время радоваться на частичную его реализацию в явлениях жизни и культуры, которые построены отчасти на иных, нежели этот свой идеал, началах. И, наконец, неужели та высота, на которой стоит хотя бы исполнение вечных образов нем<ецкого> музык<ального> творчества, то сочетание серьезности, веселости, мужества, детскости, которое всюду замечается в Германии, неужели все это не признаки высокой и своеобразной культуры, т. е. власти известных идеальных типов над жизнью. Ведь в России всего этого нет даже в зачаточном состоянии: одни ??? — и больше ничего. То же, что Вам представляется буржуйностью, — это неизбежное в челов<еческих> делах manco*; с этим надо мириться, если хочешь жить; в России меньше буржуазности *только* потому, что меньше культуры. Обнимаю Вас крепко. Коля и Анюта[22] кланяются. Ваш Миля.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 2.

[1] Имеются в виду п. 127, 129.

[2] О болезни Белого (см. п. 132) Метнер узнал в Москве, возможно, от А. Д. Бугаевой.

[3] См. примеч. 4 к п. 129. Ср. сообщение о «знаменитом художественном кабачке Simplicissimus» в письме Метнера к отцу (Мюнхен, 9 (22) января 1907 г.): «...мы были с Владимировым и его товарищем Дидерихсом в Симплициссимусе, который основан одним беспутным мюнхенским художником Ашбе <...> и его подругой Кати Кобус, необыкновенно остроумной и деловитой кельнершей. В этом небольшом и своеобразно изящном ресторанчике царит самое непринужденное и уютное веселие. <...> Все как-то чисто и симпатично; даже фамильярность кельнерш и Кати Кобус, одетых в баварский национальный костюм, не носит наглого оттенка demimond'a <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 36).

[4] См. примеч. 2 к п. 128.

[5] Имеется в виду издание: *Thayer A. W.* Ludwig van Beethovens Leben. Nach dem Originalmanuskript deutsch bearbeitet von H. Deiters, neu bearbeitet und ergänzt von H. Riemann. Bd. 1. Berlin, 1866; Bd. 2. Leipzig, 1872; Bd. 3, 1879. (Тома 4 и 5 изданы в 1907–1908 гг.)

* Менее (*итал.*).

[6] См. письмо Н. К. Метнера к А. К. и К. П. Метнерам от 17 (30) декабря 1906 г. (*Метнер.* С. 81–82).

[7] В № 2 журнала «Перевал» (1906, декабрь) были опубликованы стихотворение Андрея Белого «Бегство» («Шоссейная вьется дорога…») и цикл из двух стихотворений под общим заглавием «Горемыки» — «Осинка» (в двух частях: «По полям, по кустам…», «Плыла из оврага…») и «Горе» («Солнце тонет…») (С. 3–5).

[8] Имеется в виду рецензия С. М. Соловьева на сборник «Вопросы религии» (Вып. 1. М., 1906), включающий статьи А. С. Глинки (Волжского), В. Ф. Эрна, П. А. Флоренского, отца Серапиона Машкина; по поводу статьи последнего говорится: «В одной сказке Андерсена повествуется о человеке со странной особенностью: он терпеть не мог пономарей. Вот и у меня есть соответствующая странность: терпеть не могу „образованных" батюшек» (С. 70).

[9] Статья Н. Минского «Идея русской революции» (Перевал. 1906. № 1, ноябрь. С. 11–23; № 2. С. 35–48).

[10] Статья Бориса Попова «Письма о музыке. II. Ноябрьские розы» (Перевал. 1906. № 2. С. 58–61) — отзыв о концерте Н. К. Метнера в ноябре 1906 г., состоявшемся в зале Благородного собрания; в общей скептической оценке доминировала мысль о несовременности музыки Метнера, метафорически отраженная в заглавии статьи: «Теперь же это только ноябрьские розы. Последние, бледные, ненужные» (С. 61).

[11] Отклик на следующий пассаж в статье Попова: «…собрались люди приветствовать молодого композитора… Молодого потому, что он „в первый раз" играл перед ними свои новые произведения, последнее из которых помечено всего опусом 11-м» (С. 59).

[12] В статье Попова говорится о Н. Метнере: «Его не пугают Великие Сумерки, которые придавили душу умирающего Рубинштейна… Даже Рубинштейн понял, что он всю жизнь молился умершим богам, и у него вырвались перед смертью слова о Великих Сумерках, начало которых он видел в разраставшемся Вагнеризме…» (С. 59–60).

[13] См. примеч. 12 к п. 87.

[14] См. п. 47.

[15] Имеется в виду п. 125; «открытка из Симплициссимуса», видимо, утрачена.

[16] 23 сентября (5 октября) 1906 г. Белый писал матери из Мюнхена: «Купил себе костюм и накидку <…>»; в начале ноября: «…трубка — мое спасение от нервов. Она придает столько уютности. Это теперь мое лекарство» (*Письма к матери.* С. 61, 68).

[17] Л. Л. Кобылинский (Эллис), М. К. Морозова. Белый признавался Морозовой в недатированном письме из Мюнхена о своих впечатлениях: «…ничтожество современной Германии в лице ее лучших представителей. Все здесь — живые мертвецы. Прожив 2 месяца с немцами, я невольно потянулся к полякам» (*«Ваш рыцарь».* С. 82).

[18] Подразумевается упомянутая выше «открытка из Симплициссимуса».

[19] Заключительная строфа стихотворения Гёте «An den Mond» («Füllest wieder Busch und Tal...»); в переводе А. Кочеткова («К месяцу»):

Что, неведомо в тиши
Иль невнятно нам,
Лабиринтами души
Бродит по ночам.

(*Гёте*. Собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 137).

[20] Установить, о ком именно идет речь, не удалось. Видимо, Метнер (не владевший английским языком) узнал о подобной трактовке романа Достоевского из немецкой или русской периодической печати.

[21] «Парсифаль» (1882) — торжественная сценическая мистерия в трех действиях Р. Вагнера (он же — автор либретто по одноименной средневерхненемецкой эпической поэме Вольфрама фон Эшенбаха).

[22] Н. К. Метнер и А. М. Метнер.

132. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

12 (25) января 1907 г. Париж

Глубокоуважаемый милый и горячолюбимый Эмилий Карлович!

Пишу Вам в странной обстановке. Сейчас бродил по одинокому больничному коридору, прислушиваясь к бреду соседки, страдающей менингитом. Серый халат беззвучно и мягко ластится, и такая отчаянная грусть, такое вопиющее недоразумение пред жизнью и необходимостью влачиться через ночи и дни! Вынута из меня душа: последний сустав мизинца кричит надрывом. И в таком состоянии я уже два года, и чем дальше, тем хуже.

Недели две с половиной тому назад заболел: у меня сделался какой-то особенный нарыв (внутренний) — «*phlegmona*», в самом неудобном месте: между толщей ножных мускулов, прямой кишкой и седалищным нервом. Неделю корчился от боли. Потом отправили под операцию. Хлороформировали, продержали 10 дней в малюсенькой больничной комнате неподвижно на постели[1]. Сегодня 3-ий день как встал с постели[2]. Каждый день перевязки (перевязки будут «*minimum*» 6 недель — видите, опять отсрочка: не могу скоро приехать в Мюнхен). Я думал, что болезнь обновит *душу* — нет: сейчас хочется кричать и плакать, потому что нет больше мочи терпеть бесконечно сосущей боли. Хоть ложись и помирай!

Милый, милый Эмилий Карлович, с каким бы восторгом я сказал Вам конкретно и во всей простоте о том, что со мною, но разве можно на бумаге? Нет, тут в простых фактах запутана вся моя жизнь, и реальная и идейная. При личном свидании, если Вы захотите меня выслушать, с каким облегчением я хотел бы поговорить с Вами, но письменно как приступать к тому, что мне сейчас кажется *больше мира, больше солнца и чернее ночи*? Знайте одно: тут мне и капут, пришел в тупик, пора помирать, потому что всяческое отступление и забвение я не могу не считать предательством в силу данной клятвы перед Богом или победить, или изойти кровавым потом до смерти — именно изойти кровавым потом, потому что ко всем видам гибели я подходил вплотную, реально (самоубийство, сложное убийство, наконец просто убийство). И если суждено мне было от всего этого быть на волосок и не стать ни убийцей, ни самоубийцей, то остается изойти кровавым потом, погибнуть на кресте: к тому и иду. И сейчас не вижу себе спасения.

А мне хотелось поработать. Какие были планы, и вот все рухнуло. Сейчас в больнице еще тихий уют, потому что нормальная атмосфера окружает, а среди нормальных людей в условиях «*здоровой*» жизни с душой больной и безумной — какая мука!

Видите, все ною. Пора бросить это занятие. Отвечаю Вам на письмо.

Как был рад получить его! Проглотил жадно: кой с чем не согласился: 1) Вы обвиняете меня, что я не оценил немцев, но я и не собирался производить глубокий экспериментальный анализ над немецкой душой (теперь я уж больше не в состоянии к таким идейным экспериментам). Приехал просто: пожить, отдохнуть. Впечатления были все не глубоки, но ведь поверхности я и искал. Видался я с очень многими молодыми немцами (художниками, политиками), на ломаном языке даже спорил и во всяком случае много говорил — впечатление от них: вымуштрованные культурные манекены. Может быть, глубины свои они скрывали (а я, наоборот, бегал от глубин — сбежал с Вагнера[3] и сумел задремать во время Шумана (горжусь этим)), или где-нибудь есть иные глубокие, я не знаю. Но ведь и суждение мое не окончательное и не серьезное. А вот что всериоз — это моя любовь к России и русскому народу, единственно что во мне не разбито, единственная цельная нота моей души. И вера в будущность России

особенно выросла здесь, за границей. Нет, не видел я ни в Париже, ни в Мюнхене рыдающего страдания, глубоко затаенного под улыбкой мягкой грусти, не видел я лиц, у которых бы пробегала дрожь от умственных антиномий. *Fein, tief, interessant**, — единственные определения достоинств литературных произведений, которые я слышал. Но, повторяю, я не судил Мюнхен (наоборот, люблю Мюнхен очень) и Германию, а высказывал свои поверхностные необязательные суждения. Не до анализа мне было.

Рецензия Попова — гнусность, я достаточно злился, когда читал ее. Только такие ограниченные люди, как Соколов, ничего ни за что не поймут, потому что им важно иметь журнал (для дешевой популярности), а не понимать. При встрече все же постараюсь его изругать за то, что он напечатал такую мерзость.

Дорогой Эмилий Карлович, сейчас издателя нет для моей книги статей. «*Скорпион*» скоро печатает мои 4 симфонии[4] и потом, может быть, сборник «*Тоску по воле*»[5]. Из статей он соглашается печатать лишь те, которые по чину «*Химер*»[6], а разрознивать статьи не хотелось бы: предложу или Пирожкову[7], или в книгоиздательство «*Оры*»[8]. Но для этого надо быть в Петербурге. Ранее 1½ года вряд ли сборник выйдет. С восторгом хотелось бы включить Ваше *письмо*[9] туда, потому что хотелось бы приписать и ответ, если найдется повод (а повод, конечно, будет).

Милый, милый Эмилий Карлович, простите за это вялое письмо. Но оно только отражает мое постоянное настроение: безнадежность, вялость и упор в долг (при этом под долгом понимаю свое «*изойти кровавым потом*»). Повторяю, мне капут, и я уже твердо примирился с этим.

Кончаю письмо. Вечер. Сквозь отворенную дверь вижу больничный коридор, тихонько проходят сестры-монашки в белокрылых чепцах, да раздаются возгласы менингитной больной. Вот какая жизнь! Вот что мне суждено вместо всех радостных ожиданий и несказанного.

Любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Александре Михайловне и Николаю Карловичу[10] мой глубокий поклон и самые искренние пожелания.

---

* Тонко, глубоко, интересно (*нем.*).

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 51. Помета красным карандашом: «XLIX».
Датируется по связи с письмом к матери (см. примеч. 2).
Ответ на п. 131.

[1] Ср. сообщение в письме Белого к матери из больницы св. Иакова от 21 декабря 1906 г. (3 января 1907 г.): «Вчера мне сделали операцию под хлороформом (у меня сделался от геморроя нарыв в заднем проходе). Около недели продолжались невыносимые боли. Я буквально не мог ни лежать, ни сидеть, ни стоять: наконец я переехал к Мережковским и последние дни перед больницей жил у них, причем все они наперебой так нежно ухаживали за мной, что я запомню это на всю жизнь» (*Письма к матери.* С. 78). 26 декабря 1906 г. (8 января 1907 г.) З. Н. Гиппиус писала Брюсову: «Операция сделана, прошла хорошо, и Белый лежит кротким, веселым, больным ангелом среди ухаживающих за ним монахинь какого-то строгого католического ордена. На будущей неделе, вероятно, встанет. Тучи близких и дальних навещают его» (Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 155. Публ. М. В. Толмачёва. Исправлено по автографу).

[2] В письме к матери, датированном: «По нашему стилю 11 января 1907 года» (т. е. 24 января н. ст.) — Белый сообщал: «Вчера первый раз доктор позволил встать» (*Письма к матери.* С. 83).

[3] Ср. позднейшее свидетельство Белого в описании пребывания в Мюнхене: «Побежал я на Вагнера; в уши забила какая-то дрянь, а не Вагнер <...>» (*МДР*. С. 127).

[4] Об этом намерении Белого информировал Брюсов в последнюю декаду ноября (по ст. ст.) 1906 г.: «В „Весах“ <...> думаем мы напечатать <...> „Кубок метелей“, а книгой издать „Четыре симфонии“» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 402). Однако в последующем речь о сборнике «симфоний» не заходила; видимо, решено было ограничиться изданием четвертой симфонии «Кубок метелей» отдельной книгой — соответственно первоначальному плану (16 (29) октября 1906 г. Брюсов писал Белому в Мюнхен: «...о „Кубке метелей“. Мы его очень поджидаем. Начнем печатать тотчас, как получим рукопись» // Там же. С. 394). «Кубок метелей» был издан «Скорпионом» в 1908 г.

[5] Сборник «Тоска по воле» должен был объединять стихотворения Белого, написанные после формирования книги «Золото в лазури». Рукопись его Белый передал «Скорпиону» перед отъездом за границу, но затем (в письме к Брюсову от 13 (26) октября 1906 г.) просил вернуть ее и отложить печатание на неопределенный срок; впрочем, в письме к Брюсову 14 (27) февраля 1907 г. вновь сообщал о готовности публиковать сборник в несколько измененном составе (см.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 392, 406). Эти колебания были в первую очередь обусловлены личными обстоятельствами — перепадами во взаимоотношениях с Л. Д. Блок, которые составляли подтекст ряда стихотворений Белого той поры. Книга «Тоска по воле» в свет не вышла, ее композиция не установлена. Впоследствии стихотворения, в нее включенные, были помещены в составе книг Белого «Пепел» (1909) и «Урна» (1909).

[6] См. примеч. 7 к п. 114. «Химеры» здесь приводятся как образец статей Белого, выдержанных в символико-метафорическом, лирико-патетическом стиле, в отличие от его «научных», философско-теоретических статей. Сборник своих статей Белый предлагал «Скорпиону» издать отдельной книгой в письме к С. А. Полякову в конце марта 1906 г., в котором приводил перечень предназначенных для сборника 28 статей (из них шесть не были напечатаны и, видимо, не были написаны или завершены). См.: *Malmstad John E.* From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. Stanford, 1987. P. 85–86. В издательстве «Скорпион» статьи Белого отдельным сборником не выходили.

[7] См. примеч. 7 к п. 121.

[8] «Оры» — петербургское издательство, основанное в конце 1906 г. Вяч. Ивановым. Объявление о печатающихся в «Орах» книгах было помещено в № 12 «Весов» за 1906 г. (С. 100). Ни одной книги Белого в «Орах» не вышло.

[9] Имеется в виду письмо Метнера по поводу статьи Белого «О теургии» (см. п. 47).

[10] А. М. Метнер и Н. К. Метнер.

133. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

14–17 (27–30) января 1907 г. Мюнхен

27/I 907 Мюнхен (Türkenstrasse 61/III
Aufgang III).

Дорогой Борис Николаевич! Не успело отойти мое письмо к Вам, как пришла тетрадь *Золотого Руна* с Вашими изумительными стихотворениями (железнодорожная платформа в дождливый осенний день среди поля или вблизи небольшого поселка — это я так до слез понимаю... —), сногсшибательной статьей по эстетике (Вы мне ее читали по черновику) и описанием Мюнхена[1]. Чуть-чуть Вы переборщили; кое в чем неуловимом, несказанном, но в глубине моей души совершенно ясном, Вы задали промаху, подобно всем даже образованнейшим русским (напр<имер>, Тургеневу в *Асе* или в *Двор<янском> Гнезде*, где он говорит о Лемме... помните?)[2]. — Но все-таки, отметая маленькую дозу славянско-галльского артистично-аристократического «*свысока*» к якобы нуменально-буржуазному немчуре (*общий*, в особенности франко-русский грешок, коему у *некоторых*

заядлых пангерманцев соответствует убеждение в глубине, как привилегии немецкого духа), так отметая это, надо признать, что правильно и симпатично дали Мюнхен, и мне немножко стыдно, что я Вас журил[3]. Впрочем, Вы теперь, м<ожет> б<ыть>, и не подписались бы под этою корреспонденцией. —

28/I. Сегодня слышал Поссарта в симфоническом. Как сценический исполнитель — (я его два года назад видел в роли Юлия Цезаря) — он уже далеко не тот великий художник, каким был во дни моего отрочества и юности (его Мефистофель — одно из сильнейших впечатлений, какое я имел в свою жизнь); но как декламатор он все еще несравним ни с кем[4]; я подозревал в нем большую музыкальность; сегодня на репетиции Kaim-Konzert'а[5] я понял, что он потому и не имеет соперников в декламации, что обладает прямо великим музыкальным дарованием; изо всех присутствовавших на эстраде музыкантов, не исключая и дирижера, Поссарт был наиболее музыкант; т<ак> к<ак> это была единственная репетиция, то он, не обращая внимание на публику, произносил стихи с *очевидно намеренною* (в целях срепетовки) подчеркнутостью ритма и напева; он почти все время дирижировал короткими острыми движениями кисти руки; стоя вполоборота к публике, он глазами обращался в сторону различных инструментов ровно за ¼ секунды до их вступления: очевидно, всю партитуру он знает наизусть; во всех ансамблях и в своем «дуэте» со скрипкой он ритмически побеждал своих партнеров. — Иногда он очень удачно делает то, к чему Вы так неудачно стремитесь в своем чтении. Надеюсь, дорогой мой, Вы поправились окончательно и судьба наконец в близком будущем сведет нас вместе хотя бы недели на две. — Коля занят теургической фантазией (вероятно: Eine theurgische Tondichtung für Pianoforte, zwei Geigen, Alt, Cello* или еще больше инструментов; по-русски будет называться просто фортепианный квинтет или секстет или септет)[6]; эта вещь послужит естественным переходом от доведенного им до последних пределов тонкости и звучности фортепианного стиля к стилю оркестральному, который он намерен развить

---

* Теургическая музыкальная пьеса для фортепьяно, двух скрипок, альта, виолончели (*нем.*).

совершенно от себя и независимо от «модной» вагнерианствующей инструментовки; темы *Теургической* необычайно прозрачны, отчетливы, радостны и оригинальны. — Да! Он да Вы — вот все, что мне дает силу нести мое убожество. — Об Анюте я, конечно, не говорю; это совсем другое дело; другое же дело*. —

Вечером. — 30/I. — Не удалось дописать. Т<ак> к<ак> II том биографии Бетховена (Theuyer <*так!*>)[8] занят, я читал в библиотеке Moebius Ueber das Pathologische bei Nietzsche[9] и так углубился, что не оставалось времени. Когда дочитаю, то сообщу Вам свое мнение. А теперь скажу то, что хотел третьего дня. — Лев Львович написал мне, когда я был в Москве, письмо[10], очевидно желая прочнее формулировать свое мнение обо мне, что в устной беседе затруднительно; в двух словах его мнение сводится к тому, что моя культурность стала второй природой и что в такой степени не высоту культурности, а именно проникновенность ею он не встречал почти ни у кого. Ей-Богу, я о себе очень невеликого мнения и потому-то так бесстыдно рассказываю Вам о мнении других; я, как обиженный ребенок, радуюсь на игрушки и показываю их другим. Еще одну игрушечку подарила мне Маргарита Кирилловна[11]. Как-то раз я во время одного посещения у нее был особенно в духе и говорил сравнительно интереснее обычного; сначала она слушала очень внимательно, но затем я даже не без некоторой досады приметил, что она полуслушает меня и очевидно обдумывает какую-то свою мысль; я запнулся; она воспользовалась этим и сказала мне: «Эм<илий> Карл<ович>, Вы просто удивительный человек; поверьте, я знаю всю Россию, но таких, как Вы, не встречала; все — специалисты, музыканты, ученые, философы, художники, поэты». А я, прервал я ее, а я — дилетант, и притом страдающий от своего дилетантизма, от своей поверхностности. — Что вы страдаете, это я понимаю, — ответила она; вы — глубокий человек, и вас мучает недостаток ваших знаний и умений; но вот это-то и ценно, что дилетантом является человек глубокий; это Ваш крест, зато другим Вашим близким, Вашему брату например[12], полезнее, что Вы — дилетант.

---

* *Далее полторы строки густо зачеркнуты*[7].

До свиданья, дорогой мой, поправляйтесь и приезжайте в Мюнхен. Не забудьте написать мне о том, что делать с моим письмом о теургии[13].

Ваш E. Medtner.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 3.

[1] Речь идет о № 11/12 «Золотого Руна» за 1906 г. и помещенных в нем произведениях Андрея Белого — цикле «Обыденность», состоящем из стихотворений «Любовники» («По вечерам с фельдшерицей...») и «Телеграфист» («Окрестность леденеет...») (С. 44–45), статье «Принцип формы в эстетике» (С. 88–96) и очерке «Письмо из Мюнхена» (С. 115–118). Отмечены образы из стихотворения «Телеграфист».

[2] Подразумеваются описания немецких городков на Рейне в повести И. С. Тургенева «Ася» (1858) и образ Христофора Федоровича Лемма, старого немецкого музыканта, подробно очерченный в гл. V его романа «Дворянское гнездо» (1859).

[3] Намек на упреки, высказанные в п. 131. Ср. отзыв о «Письме из Мюнхена» в письме Метнера к Эллису от 12 (25) января 1907 г.: «...прочтите письмо Андрея Белого, помещенное в 11–12 № Руна за 1906 г.; *теперь*, разочаровавшись, быть может он под ним и не подписался бы всецело; да и, конечно, оно несколько внешнее и русское; но все-таки многое верно схвачено» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 1).

[4] Эрнст фон Поссарт в 1905 г. ушел из театра и выступал с мелодекламациями. Упомянуты исполнявшиеся им роли Юлия Цезаря в одноименной трагедии Шекспира и Мефистофеля в «Фаусте» Гёте.

[5] См. примеч. 8 к п. 125.

[6] Имеется в виду Квинтет для фортепиано, двух скрипок, альта и виолончели C-dur, над которым Н. К. Метнер начал работать еще в 1904 г.; прервав работу в 1908 г., он завершил это произведение лишь в 1949 г. (см. комментарии З. А. Апетян в кн.: *Метнер*. С. 117).

[7] Видимо, зачеркнутый текст содержал сведения или намеки, касающиеся отношений А. М. Метнер с Н. К. Метнером (начало их любовной связи относится к 1904 г.; см.: *Юнггрен Магнус*. Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. С. 22–23).

[8] См. примеч. 5 к п. 131.

[9] Имеется в виду кн.: *Möbius Paul Julius*. Über das Pathologische bei Nietzsche. Wiesbaden: Bergmann, 1902. Метнер перевел исследование Мёбиуса на русский язык; рукопись законченного перевода («О патологическом у Ницше») с его предисловием сохранилась в архиве Метнера (РГБ. Ф. 167. Карт. 18. Ед. хр. 8).

[10] Это письмо Эллиса (Л. Л. Кобылинского) нам неизвестно.

[11] М. К. Морозова.

[12] Подразумевается Н. К. Метнер.

[13] Имеется в виду п. 47.

134. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

18 (31) или 19 января (1 февраля) 1907 г. Париж

Милый, милый Эмилий Карлович,

Спасибо за Ваше милое письмо. Давно уже Вам ответил на первое[1], но почта далеко, а мне теперь надо экономить каждый шаг (я только что переехал из больницы[2]). Операцию мне сделали основательную: у меня сделался нарыв между седалищным нервом и прямой кишкою. Пришлось разрезать мускулы ноги и задний проход. Теперь только через месяц я могу мечтать о выезде. Каждый день мне делают перевязку вот уже скоро 3 недели и еще 4 недели впереди. Но мучился страшно. Но странно на операционном столе себя чувствовал, как в раю, пока хлороформировали, все время наблюдал за процессом усыпления (очень приятно). Приятно закружиться колесом в хаосе каких-то барабанных ударов (должно быть, удары сердца) среди кучи людей, о которых знаешь, что все они будут кромсать и резать, и очнуться на постели, перевязанному, окруженному уходом. За мной ухаживали монашки. У меня нет слов описать, до какой степени они утешительны и милы. Теперь медленно влачу свои дни, а влачусь согбенный и с палкой по улицам, ковыляя. Раньше месяца или 1½ не могу сесть в поезд. Рана может открыться. Рана неудобная и требующая ухода. Нарыв называется «*phlegmona*».

Но простите, что я в самом деле разболтался о своей болезни. Дорогой Эмилий Карлович, Вы один из самых дорогих мне людей: не пишу Вам, потому что накопилось столько Вам сказать, что боюсь: когда начну говорить, разорвет. Долго ли Вы пробудете в Мюнхене? Вообще в будущем году будем ли мы видаться? Ведь нельзя же так, как теперь: едва Вы приезжаете, я уезжаю, и обратно.

Смею Вам напомнить, что у Вас Ваши письма ко мне: они мне очень дороги. Вы мне их вернете — неправда ли?[3]

Остаюсь глубоколюбящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Анне Михайловне глубокое уважение и привет. Николаю Карловичу тоже[4].

Не задержали ли какие-нибудь причины. Но после Вашего ответа.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 52. Помета красным карандашом: «XLVIII». Ответ на п. 133.

[1] Имеются в виду п. 131 и 132.

[2] В открытке, отправленной матери из Парижа 16 (29) января 1907 г., Белый сообщал: «...здоровье поправляется. Переехал в отель» (*Письма к матери.* С. 88).

[3] Письма Метнера за 1902–1905 гг., адресованные Белому, последний передал автору в ответ на его просьбу, высказанную в п. 117. Судя по тому, что автографы этих писем поныне сосредоточены в архиве Метнера, просьба Белого об их возврате не была выполнена.

[4] А. М. Метнер и Н. К. Метнер.

135. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

3 (16) февраля 1907 г. Мюнхен

Мюнхен 16/II 907.

Дорогой Борис Николаевич! Ваши два письма в одном конверте получил. Большое спасибо Вам. Хотел сейчас же ответить, да не удалось[1]. И сейчас слишком обременен разными добровольно возложенными на себя тяготами. Рачинский вышел в отставку[2], написал мне мистическое письмо[3], собирается идти в священники; шлет Вам привет и просит меня сообщить Вам, что полгода он непрестанно молится за Вас. Я не молюсь, но за то (?) укрепляюсь в том убеждении, что Вы *победите.* Обнимаю Вас крепко. Горячо любящий Вас Вольфинг.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Открытка.
Ответ на п. 132 и 134.

[1] О мюнхенских впечатлениях Белого, изложенных им в п. 132, Метнер писал М. К. Морозовой (Мюнхен, 22 марта (4 апреля) 1907 г.): «На очереди весьма беспокоющий меня Борис Николаевич <...> он в своем письме из Парижа ко мне подтвердил отчасти свое разочарование в германской культуре, о котором писал Вам. А я именно в данный момент не склонен ни вторить ему, ни возражать. <...> Я отношусь ко всему, что воспринимаю сейчас в Германии, хотя и с повышенным чувством, но созерцательно и критически. Не способен поэтому огульно, с высоты бугаевского полета ни хулить, ни хвалить. Но главное, что́ интересует меня сейчас в Борисе Н<иколаевич>е, это — не мнения его и мысли, а его душевные переживания. Если Вы удостоите меня хотя бы краткого ответа, напишите, пожалуйста, как Вы его застали...» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а).

[2] Г. А. Рачинский был делопроизводителем и секретарем Московского губернского правления с 1889 г., надворным советником; вышел в отставку в начале февраля 1907 г. (см.: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания / Под общ. ред. А. Л. Паниной. В 2 т. М., <1997>. Т. 1. С. 204–205).

[3] Упомянутое письмо в подборке писем Рачинского к Метнеру (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 30) отсутствует.

136. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

24 февраля (9 марта) 1907 г. Мюнхен

9. III. 907.

Дорогой Борис Николаевич! Обратите внимание на «дрожь от умственных антиномий» (выражение из Вашего письма)[1] на левой стороне лба... Обнимаю Вас крепко за Ваш «манифест» (*Весы*)[2]. Простите, что не пишу. Ежечасно думаю о Вас. Absender (Expedié) Emil Medtner. München Türkenstr. 61/III Aufgang III.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Открытка с портретом Франка Ведекинда. Отправлена в Париж по адресу Д. В. Философова (19 bis rue Theophile Gautier).

[1] См. п. 132.

[2] Имеется в виду статья-памфлет Андрея Белого «Художник оскорбителям» (Весы. 1907. № 1. С. 53–56); под заглавием «XVI. Художники оскорбителям» вошло в цикл «На перевале» в книге статей Белого «Арабески» (1911).

137. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

2–7 (15–20) апреля 1907 г. Мюнхен

München 15/IV 907.

Дорогой, милый мой Борис Николаевич!

Надеюсь, Вы получили мою открытку с изображением Франка Ведекинда, отправленную в Париж[1]. В ней я говорю о Вашем сумасбродно-пленительном *Манифесте*[2], Seitenstück* к которому дан Вами в январском *Руне*[3]; эта последняя статья в особенности

---

* Парный предмет (*нем.*).

порадовала меня своим финалом; пусть этот абзац о литературе и проповедничестве — лишь отпечаток *сейчасного* Вашего настроения[4]; меня удовлетворяет то, что *Вы* это высказали; между мною и Вами отношение аналогичное тому, какое было между Мерком и Гёте[5]; все мы нуждаемся в Мерке; и мне он был необходим, да не пришел; да и самому Мерку, конечно, тоже был нужен свой другой «Мерк», оттого, быть может, он и сварился в собственном соку. Наша переписка свидетельствует, что я все время неустанно тянул Вас в сторону *гуманизма* от *гипергуманизма*. В этом, как Вы помните, и весь смысл первой половины моего неотправленного и год тому назад прочитанного письма — статьи в ответ на Вашу *Теургию*...[5] С тех пор я его оставил, несколько исправив стилистически, и не теряю надежды увидеть его напечатанным рядом с *Теургией*. Как только у Вас наладится издание Ваших статей, черкните мне, и я вышлю Вам и это «письмо», и все другие мои письма, которые я взял тогда у Вас для того, чтобы, работая над «письмом», войти в тогдашнее настроение. —

- -

Перечитывая Ваши последние письма, я еще раз убедился, что нам необходимо *говорить*. Как жаль, что Вы не заехали в Мюнхен. — Замечательно, что и Вы произнесли слово «тупик» («пришел в *тупик*, пора помирать»[6]); мне не раз приходилось произносить его за последние годы; вынужденность произносить его и теперь не исчезла; еще несколько дней тому назад я находился в течение двух недель в довольно остром припадке отчаяния... — Но я боюсь этого слова *Тупик*; это стало для меня не только метафорой, но символом; тупик — это диавольские сети; знаете картину Саши Шнейдера «Das Gefühl der Abhängigkeit»[7] (чудовище, расставившее лапы, и обнаженный человек, обращенный к нему лицом)? «Нет выхода из тупика». Это эмпирически — неверно; надо повернуться и пойти назад, вот и все. Дело в том, что стена тупика, конечно, крепче любого лба; унизительно разбивать себе голову; одно из двух, если Ваша «клятва *перед Богом* или победить, или изойти кровавым потом до смерти»[8] не фраза, а реально-мистический акт, то Вы не смеете думать, что Ваш *тупик* что-либо иное, кроме диавольского наваждения, из-за которого унизительно «изойти кровавым потом»; вот если бы Вы *пробили* тупик или, *вернувшись назад*, не нашли выхода, тогда другое дело... Знаете, в Москве

на Б. Никитской есть *Хлыновский Тупик*; с детства я питал к нему непреодолимое отвращение, еще когда 8-летним мальчиком ежедневно ходил мимо него в милую мамонтовскую детскую школу, что в Леонтьевском переулке. Там 26 октября 1906 г. погиб Андрей Братенши, брат Анюты[9], ставший мне как раз в последние годы очень дорогим. В этом тупике он жил с любимой женщиной, разводившейся супругой одного из его товарищей. Андрей был чугунный, а не стальной; такие легче ломаются от сильного удара о каменный мешок. Вы помните его: он был социалист и эстетик; очень умный, а главное, страшно сильный демонический человек. По отношению к женщине он был, во-первых, целомудрен*, а, во-вторых, то, что я называю монотеист**, т. е. полюбить мог только раз и только одну. Он стремился к мудрости, а ее звали Софией; без нее он чувствовал, что не может дальше идти; она полюбила его (или, вернее, кажется мне, подчинилась ему, как демону), и они пошли вместе; но муж ее, давно разлюбивший ее, из-за мести Андрею стал звать ее назад, не выдавая ребенка, отказывая в паспорте за границу (почему Андрей вынужден был бросить лекции в Марбурге); у нее начались колебания; она в них призналась Андрею, сама решив, что лучше, чем колебаться, умереть; тогда Андрей убил из револьвера сначала ее, а затем себя там в комнате в Хлыновском Тупике. Весь этот ужасный день он руководил событиями с поразительным мужеством и непонятною таинственною властностью (дело в том, что подозревали их замысел и мешали им); а накануне ночью он изошел кровавым потом. Все устроил он необыкновенно просто и красиво; и оба они в гробах были, как боги. Я никогда не видел таких прекрасных покойников (оба умерли мгновенно); несмотря на горе, мы с женой не могли не сказать: «да», «так, стало быть, быть *надо* было», и Коля закрепил это, посвятив «Памяти Андрея Братенши» свою *Sonaten-Triade*[10], над которой тогда как раз работал и которая написана как бы на текст *Trilogie der Leidenschaft* Гёте[11], одного из самых интимных и человечных стихотворений его,

---

* Если фраза, хотя и искренняя, то *клятвы* нет, и Вам нечего непременно «капут» говорить, ударяться «капутом» в стену тупика, исходить кровавым потом. *Будьте мужем.* (*Примеч. Метнера*).

** Можно быть монотеистом и не быть целомудренн<ым> и политеистом (напр<имер>, Гёте) и быть целомудренным. И Дон-Жуан м<ожет> б<ыть> целомудренным. (*Примеч. Метнера*).

где к нему снова вернулось (I) вертеровское настроение, (II) затем вертеровское переживание, и наконец (III) он нашел примирение всему… — Победил ли Андрей или был побежден? Как будто победил!* Во всяком случае пал с честью, загнанный в Хлыновский Тупик… конечно, «тем же», «кто» загнал и Вас… *Вы остались жить*, так покажите, докажите, что это произошло не из слабости, а от избытка сил, и живите *мужественно* дальше, как Андрей *мужественно* убил себя; и самоубийство, и преодоление самоубийственного позыва есть Questio facti**; т. е. может иметь место и от трусости, и от мужества, от пессимизма и от оптимизма; убивают же себя жизнерадостные и смелые японцы… — Простите, дорогой мой друг, если я причинил досаду и боль Вам своим рассуждением, которое могло показаться Вам поверхностным. — У меня, конечно, нет дара ярко освещать глубины своих мыслей, но поверьте, если я бываю *очевидно* поверхностен, то только потому, что лечусь таким образом от своих страдающих глубин. —

- -

А в Амстердаме в зоологическом саду показывают Кентавра, пойманного среди табуна диких мустангов в Техасе; я видел фотографический снимок в иллюстрированном голландском журнале: Кентавр — бородатый мужчина и похож очень на Бёклинского Кентавра, пришедшего в кузницу и показывающего, как следует его подковать…[12] К сожалению, я не мог разобрать текста к этой иллюстрации. А в Америке какой-то химик открыл, что мужское семя может быть заменено для зачатия какими-то «солями» и что семя многих животных реагирует отлично на человеческое женское яичко. Этак нас, пожалуй, в отставку… — Вышла книга, доказывающая, что Христос был индус, а на Neuhäuserstrasse в «католическом» магазине в окне я видел «единственно верный портрет Господа нашего Иисуса Христа», где изображено не особенно умное и не особенно красивое, но совершенно эллинское лицо. —

20/IV. Несколько дней не нудил к перу своих рук, ибо был занят взасос: взял себе для занятий отдельную пустую комнату, поставил там стол, стул и рояль и решил снова продолжить свои

---

* Убил не за нелюбовь, не из-за ревности, а за колебание, за тепленькое (ни горячее, ни холодное) слишком человеческое и потому, как говорит Мережков<ский>, срединное пошлое; убил диавола — (*Примеч. Метнера*).

** Жалоба действием (*лат.*).

музыкальные занятия, прерванные волею судеб на целый год. Читали мою статью о Регере? (NB Две опечатки: *отрицаю* (а не порицаю) *значение*... и они (мысли) взывают к оркестру, а не он (?) взывает)...[13] — Спрашиваю Вас не из пустого любопытства и не из авторского самолюбия, а *ради самого дела*: если то, что́ я пишу о музыке, малоубедительно и неинтересно, то я брошу писать об этом, тем более, что эта работа отнимает время и раздражает меня: пиша о музыке, я страдаю, что я — не музыкант и что не могу говорить авторитетно и *до конца* сознательно-убежденно. В последнем номере (апрель) лейпцигского журнала Musik очень симпатичный отрывок о композициях Коли[14]; песни (Goethe Lieder) названы — одним из крупнейших явлений всей современной музыки; в музыкальном приложении журнала перепечатан с разрешения Юргенсона один номер из этих песен («Sieh mich Heiliges, wie ich bin»[15]). — Стихотворением Соловьева в февр<альском> № Руна я *крайне недоволен*[16]; не берусь судить о его технических достоинствах, но убежден в его варварстве и ненужности. В страшном восторге от *Огненного Ангела* Брюсова[17]: вообще я начинаю понимать его и понимать свое прежнее непонимание его и вижу в этом «непонимании» и пшеницу и плевелы; интелли*гибельный* (или просто гибельный) характер Брюсова остается мне антипатичным, но как художника я *уважаю* его больше, нежели *всех* современных русских художников всех специальностей. — Прозаика такого не было со времен Пушкина. — Мой новый адрес: Schellingstrasse 1/1, Pension Berg... Жаль, что Вы не слышали ораторий Баха и Генделя; это гениально и напоминает греческую трагедию... Все мы трое[18] приветствуем горячо Вашу маму и Вас... До свиданья! Обнимаю Вас крепко! Отвечайте только, если потянет к этому. Ваш Э. М. —

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 4.

1 Имеется в виду п. 136.

2 См. примеч. 2 к п. 136.

3 Имеется в виду фельетон Белого «О проповедниках, гастрономах, мистических анархистах и т. д.» (Золотое Руно. 1907. № 1. С. 61–64). Его заключительный абзац: «Нет, лучше оставаться в литературе, с литературой, чем удариться в проповедничество! Лучше мастерски делать книги и быть в жизни, как все, или не писать книг, но знать мистерию живой жизни, чем соединить мистерию с книгой в противоестественном кощунстве» (С. 64).

[4] Иоганн Генрих Мерк — друг Гёте в молодости, изображенный им в автобиографической книге «Поэзия и правда» (кн. 12): «Умный и талантливый от природы, Мерк приобрел обширные знания новейших литератур и хорошо ориентировался в истории всех времен и народов. Острота и меткость его суждений были поистине необычайны. <…> Он легко сходился с людьми и был приятнейшим собеседником для тех, кого не успел отпугнуть язвительностью своих речей. <…> От природы честный, благородный и надежный человек, он озлобился на весь мир и позволил настолько возобладать в себе этой ипохондрической черте, что почувствовал неодолимое влечение слыть хитрецом, даже плутом. <…> его снедала дилетантская страсть к писательству, и он предавался ей тем азартнее, что умел с изящной легкостью выражать свои мысли в стихах и прозе и, следовательно, мог претендовать на какую-то роль среди лучших умов того времени» (*Гёте Иоганн Вольфганг.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 3. С. 426–427. Пер. Наталии Ман). В записи от 27 марта 1831 г. И. П. Эккерман зафиксировал слова Гёте: «Мы с Мерком <…> относились друг к другу, как Фауст и Мефистофель» (*Эккерман Иоганн Петер.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981. С. 428. Пер. Наталии Ман).

[5] См. п. 47.

[6] См. п. 132.

[7] «Чувство зависимости» (1893).

[8] См. п. 132.

[9] А. М. Метнер.

[10] «Сонатная триада» для фортепиано ор. 11 Н. К. Метнера (№ 1. Соната As-dur; № 2. Соната d-moll; № 3. Соната C-dur), 1906–1907. Все Сонаты ор. 11 посвящены памяти Анд. М. Братенши.

[11] «Trilogie der Leidenschaft»: «An Werther» («Noch einmal wagst du vielbeweinter Schatten…», 1825), «Elegie» («Was soll ich nun vom Wiedersehen hoffen…», 1825), «Versöhnung» («Die Leidenschaft bringt Leiden…», 1827) — лирический цикл Гёте «Трилогия страсти» («К Вертеру», «Элегия», «Примиренье»).

[12] Подразумевается картина Арнольда Бёклина «Кентавр в сельской кузнице» (1888; Музей изобразительных искусств, Будапешт).

[13] Имеется в виду статья: *Вольфинг.* Sixtus Beckmesser redivivus (Этюд о «новой» музыке) // Золотое Руно. 1907. № 2. С. 65–69. Фразы, требующие исправления: «Я говорю ясно, чтó именно вынуждает меня к столь резкому порицанию <*так!*> их художественного значения» (С. 66); «Мыслям огромного размаха бывает тесно в фортепианном или квартетном изложении и он взывает <*так!*> к оркестру» (С. 67). Соответствующие исправления сделаны А. Блоком в экземпляре журнала из его библиотеки — видимо, также по указанию Метнера.

[14] По-видимому, имеется в виду библиографическая справка Э. фон Тидебёля (E. von Tideböhl) о московских нотных изданиях Н. Метнера (Die Musik (Berlin; Leipzig). 1906–1907. Bd. XXIII. S. 64).

[15] Песня из пьесы с пением Гёте «Эрвин и Эльмира» («Erwin und Elmire».

[16] Имеется в виду стихотворение «Яблочная торговка» («На телеге тряской...») (Золотое Руно. 1907. № 2. С. 28–29), вошло во вторую книгу стихов Сергея Соловьева «Апрель» (1910). См.: *Соловьев Сергей*. Собрание стихотворений. М., 2007. С. 278–281.

[17] Роман Брюсова «Огненный Ангел» был начат печатанием в № 1 «Весов» за 1907 г., продолжен в № 2, 3, 5–12 за 1907 г. и завершен в 1908 г. (№ 2, 3, 5–8).

[18] А. М., Н. К., Э. К. Метнеры.

138. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

23 мая (5 июня) 1907 г. Мюнхен

Мюнхен 5/VI 907.

Дорогой Борис Николаевич! Только что Ваше стихотворение (*последнее* из группы *Эпитафий*) успело меня тронуть своею правдою, глубиною и простотою (а Колю ***впервые*** побудило писать на Ваш текст)[1] — как пришла книжка *Весов* с перевальною статьею против музыки[2].— *Теоретически* я не только понимаю Вас, но, отчасти, даже и предчувствовал Ваше *апостатство*[3], предчувствовал, когда еще читал в конце 1903 г. Вашу статью о Теургии и писал Вам письмо-возражение на нее[4]. — *Практически* как Э. К. М., как Ваш друг я не могу помириться с этим, принять это; очень ужь далеко Вы теперь ушли от меня. Все наше сближение, вся наша дружба недаром сопровождалась непременно одним фатальным элементом: мы постоянно разъезжались; теперь я *стал* писать в Руне (и *вынужден* писать, чтобы зарабатывать что-н<ибудь>), а Вы *ушли* из Руна от плюхающегося в кресло первого ряда и совершающего автомобильные путешествия буржуя Рябушинского[5]. — Я окончательно и бесповоротно влюбился в музыку и, в частности, в Вагнера, подлинность которого (как *художника*) для меня после всего слышанного в Мюнхене не подлежит сомнению. Вы прокляли все это. — Скажу Вам только одно: почему Вы не опустили лота в свое нутро и не удостоверились, что́ это у Вас, настроение или состояние, каприз или догма? Мне почему-то кажется, что Вы этого не сделали... Если это настроение, то Вы совершили литературный грех, ибо надо было

отвязаться от этого настроения стихотворением, а не статьей. Если же это — Ваше новое убеждение, то тогда Вы правы были, написав эту статью. Но тогда поспорим с Вами[6]. Только где и как? Как жаль, что Вы еще не напечатали (и даже не решили вопроса о печатании) Вашего сборника статей с моим письмом в виде приложения. Ссылаясь на эту книгу, мы могли бы избегнуть в споре само собою разумеющегося для нас, но непонятного другим, могли бы быть кратче и потому приемлемее для таких *Весов.* А теперь я уж не знаю, как поступить? Если Вас не ужасает теперь, сейчас говорить о музыке (это вполне мыслимая вещь, и Вы будьте откровенны), то напишите мне кратко, как и где нам поговорить. Следует ли мне прислать Вам мое тогдашнее письмо (ответ на *Теургию*), и как Вы поступите дальше? Можно поступить *двояким* образом (*третью* возможность, т. е. что я просто помещу в Руне возражение на «Против музыки», я пока отставляю, как наименее мне *приятную*, хотя и наиболее *удобную*); 1) Вы пишете как бы комментарий к моему письму (по поводу *Теургии*), в котором рассказываете процесс Вашего перелома от теургизации музыки до ее... «прострации»; я же пишу свое возражение на Вашу *перевальную статью в «Весах»* опять в виде письма, посылаю его Вам, Вы пишете возражение, я, может быть, опять отвечу и т. д., и весь этот материал вместе с *обеими* демаркационными статьями 1903 и 1907 г. помещается в будущем Вашем сборнике. Конечно, я согласен на *такой* способ лишь в том случае, если Вы *уверены* в том, что печатание сборника Ваших статей состоится именно *так*, как Вы этого желаете. 2) Другой образ действий таков: Вы прочитываете мое письмо в ответ на Вашу *Теургию* с тем, чтобы по возможности привести его в удобопечатаемый в каком-нибудь журнале вид, снабжаете это письмо своим комментарием (сообщая положения статьи о Теургии) и критикою, помещаете его в журнале в № X; а в № Y или Z помещаете мое новое письмо по поводу Вашей противо-музыкальной статьи, также со своим ответом. — Если Вам тяжело и не хочется сейчас заниматься этим, то не стесняясь напишите мне об этом: тогда я напишу ответ на Вашу статью в *Руне*; *жду скорейшего* Вашего ответа; мне необходимо знать (на случай, если придется писать в *Руне*) 1) могу ли я считать Андрея Белого и Бориса Бугаева *одним* лицом[7]; 2) могу

ли я в своей статье упоминать о моем письме в ответ на Вашу *Теургию* как письме, которое Вы решили поместить после своей статьи в предполагаемом сборнике??? Пожалуйста, ответьте что-н<ибудь> и скорее. Получили ли Вы мое письмо и открытку с портр<етом> Ведекинда?[8] Привет Вашей маме. Обнимаю Вас. Ваш М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 5.

[1] Имеется в виду стихотворение Белого «Золотому блеску верил...», четвертое в его авторском цикле «Эпитафия» (Золотое Руно. 1907. № 3. С. 37–40). Положено на музыку Н. К. Метнером (ор. 13 «Два стихотворения» для голоса с фортепиано. № 2 «Эпитафия»), опубликовано в «Золотом Руне» (1908. № 1. С. <70a — 70d>). В письме от 7–8 (20–21) сентября 1907 г. А. М. Метнер сообщала о Н. К. Метнере: «...сейчас он доделывает одну вещь на слова Бугаева, которую собственно сочинил еще в Мюнхене <...>» (*Метнер*. С. 111. Комментарии З. А. Апетян).

[2] См.: *Бугаев Борис*. На перевале. VI. Против музыки // Весы. 1907. № 3. С. 57–60.

[3] Т. е. вероотступничество.

[4] См. п. 47.

[5] Уходу Белого в 1907 г. из числа сотрудников «Золотого Руна» предшествовало, согласно его мемуарному свидетельству, приглашение от владельца журнала Н. П. Рябушинского «редактировать литературный отдел»; «но Брюсов и я, — вспоминает Белый, — порешили, что я предъявлю Рябушинскому требование невмешательства в литературную тактику» (*МДР*. С. 219). Об отказе от сотрудничества в «Золотом Руне» Белый объявил Рябушинскому в связи с конфликтом между владельцем журнала и А. А. Курсинским, ответственным за ведение в нем литературного отдела; последний печатно оповестил о своем выходе из состава сотрудников и редакции «Золотого Руна» 18 марта 1907 г. «письмом в редакцию» газеты «Утро» (1907. № 75, 18 марта. С. 6). В первой половине августа 1907 г. Белый писал З. Н. Гиппиус: «С „*Руном*“ у меня война. Еще в апреле я вышел из состава сотрудников. Потом Рябушинский просил меня вернуться. Я ответил ему письмом, что пока он Редактор, путного из „*Руна*“ ничего не выйдет» (Минувшее. Исторический альманах. 5. Paris, 1988. С. 211. Публ. В. Аллоя). Этот конфликт подробно освещен с привлечением документальных материалов Н. А. Богомоловым в статье «К истории „Золотого Руна“» (*Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 62–65).

[6] Более эмоционально Метнер отозвался на появление статьи Белого в письме к Эллису от 21–22 мая (3–4 июня) 1907 г.: «Что это делается? Борис сошел с ума! <...> Я *так* огорчен, как будто кто-то близкий милый дорогой умер. — Мне становится ясным его молчание; он чувствовал, что

уходит от меня. Это *был* один из самых близких мне людей: мы читали в душе друг друга как в открытой книге. Но я не подозревал, какие еще последуют страницы этой книги. <…> Самое ужасное во всем этом та смелость, с которой Борис Николаевич заявляет о своем *праве* говорить так, ибо он *знает*, что такое музыка! <…> если его „Против Музыки“ — настроение, то он не смел излагать это настроение в виде догматической статьи, а должен был передать это настроение в поэтическом произведении; если это — состояние, а не настроение, то… он прав. — Но я хотел бы лучше, чтобы он не был прав, т. е., чтобы это было настроение» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 7). 15 (28) июня 1907 г. Метнер также писал отцу из Мюнхена: «Ответом на твой вопрос о статье Бориса Николаевича *Против Музыки* пусть будет моя статья, имеющая появиться в майском № *Руна*. Там я совсем искренно и беспощадно высказал свое мнение об этом…» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 36).

[7] Вопрос обусловлен тем, что статейный цикл «На перевале» Белый печатал в «Весах» под своим настоящим именем. Метнер продублировал его, высылая полемическую статью секретарю «Золотого Руна» Г. Э. Тастевену, о чем последний известил Белого письмом от 16 июня 1907 г.: «Э. К. Меднер <*так!*> написал возражение против Вашей статьи „о музыке“ в № 3 „Весов“; он очень просил перед напечатанием узнать, не будете ли Вы иметь ничего против того, что он отождествляет „Андрея Белого“ с Бугаевым. Статью мы не будем печатать до получения Вашего ответа <…>» (*Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова. С. 66).

[8] Имеются в виду п. 136, 137.

139. МЕТНЕР — ЭЛЛИСУ И БЕЛОМУ

10 (23) июня 1907 г. Мюнхен

Дорогой Лев Львович! На Ваше письмо вскоре отвечу[1], а пока прошу *немедленно* доставить сие Борису Николаевичу.

Дорогой Борис Николаевич. Писал Вам на Арбат; не получил ответа[2]. А письмо было деловое. Теперь прошу Вас *немедленно* уведомить Арс<ения> Ник<олаевича> Корещенко в редакции *Руна*, что Вы ничего не имеете против раскрытия Вашего псевдонима в статье Вольфинга[3]. Сделайте это скорее, а то будет поздно и я подумаю, что Вы или в самом деле считаете Ваш псевдоним — тайной, или хотите лишить Вольфинга идеального и материального удовлетворения от его статьи.

Обнимаю Вас. Ваш М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: München. 23 Jun. 1907. Адресовано: Москва. Плющиха. Меблированные комнаты «Дон» № 16. Его Высокородию Льву Львовичу Кобылинскому для передачи Борису Николаевичу Бугаеву, от Э. К. Метнера из Мюнхена (Германия).

[1] Видимо, имеется в виду недатированное письмо Эллиса, предположительно относящееся к маю 1907 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 6).

[2] Имеется в виду п. 138.

[3] Подразумевается статья Метнера (Вольфинга), полемическая по отношению к статье Белого «Против музыки» (см. п. 138, примеч. 2). А. Н. Корещенко был причастен к ведению музыкального отдела в «Золотом Руне».

140. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

30 июня (13 июля) 1907 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

целую Вас много раз. Обнимаю. Страшная потребность Вас видеть. Буду отвечать Вам на Вашу статью из «Весов»[1]. Бесконечно интересны и глубоки Ваши статьи о музыке[2]. Ничего подобного у нас еще не появлялось. Буквально проглатывал их при чтении.

Простите, дорогой Эмилий Карлович, что не могу писать. Но это сериозно: вот уж год, как написание письма исторгает из меня чуть ли не крик отчаяния. И чем ближе мне Вы, тем труднее писать.

Глубоко любящий Вас Б. Бугаев.

P. S. Мой глубокий привет Ан<не> Мих<айловне> и Ник<олаю> Карловичу[3].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 53. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 30. 6. 07. Почтовый штемпель получения: München. 16 Jul. 07.

[1] Подразумевается ответная на статью Белого «Против музыки» полемическая статья, о которой Метнер сообщает в п. 138 и 139.

[2] Речь идет о статьях Метнера (Вольфинга), опубликованных в первой половине 1907 г. в «Золотом Руне»: «Sixtus Beckmesser redivivus: Этюд о „новой“ музыке» (№ 2), «Модернизм и музыка» (№ 3), «Калиостро в музыке: Этюд о „новой“ музыке» (№ 4).

[3] А. М. Метнер и Н. К. Метнер.

141. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

17 (30) августа 1907 г. Веймар

Weimar 30/VIII 907 ***(Lisztstrasse 23)***[1].

Дорогой Борис Николаевич! Только что возвратился из Мюнхена с первых трех фестшпилей с намерением заняться их описанием здесь на покое; через 9 дней надо опять в Мюнхен на *Кольцо*[2]. Теперь жалею, что вернулся: очень ужь огорчили меня вырезки из газеты, присланные мне *Руном* с предложением написать свое мнение о конфликте. Анюта[3] благоразумно не переправила мне в Мюнхен этих документов, не желая расстраивать меня. Но теперь… они произвели свое подавляющее действие на меня! ***Ужасно***[4]. — Конечно, я ответил редакции *Руна* уклончиво. Но все-таки нельзя же в самом деле остаться мне безгласным. Что́ Вы наделали? — *Раньше всего Вы сами виноваты, что моя статья напечатана.* Я писал Вам, спрашивая Вас, как поступить[5]; обещал прислать Вам свое возражение на статью и письмо-возражение на *Теургию* для просмотра; предлагал, если можно, поместить в *Весах*, чтобы *наша* не только «идейная», но и идеальная в благороднейшем смысле полемика не смешивалась с грязью слишком человеческих отношений между конкурирующими литературными журналами. Вы молчали; время шло; *Руно* ожидало моей статьи; я решился отправить ее помимо Вашей личной редакции или, вернее, цензуры ее. Я надеялся, что Вы вполне поймете беспристрастность моего отзыва. Я знаю, что многое в моей статье было бы убийственным для ничтожной величины, но на то Вы и Бугаев, чтобы мочь вынести и не такие удары. Я ударил, но я и назвал того, кого ударил, назвал так, как его никто еще не называл. — Конечно, я бы не напечатал этой статьи, если бы знал, что Вам негде поместить своего возражения. Вы же писали мне, что будете отвечать в *Весах*[6]. Почему этот орган не помещает Вашего возражения? Ничего не понимаю. — Я так расстроен, что не соберусь с мыслями. — Судьею между нами может быть только тот, кто не знает *лично* ни меня, ни Вас, но кто знает Ваши статьи от *Теургии* до *Против Музыки* хотя бы так, как знаю их я. Нет ни одного слова, ни одной мысли в моей статье, которая бы не могла быть иллюстрирована выдержками

из Ваших работ. Ведь в то время как я писал возражение, у меня не было Ваших статей, кроме той, которую я оспаривал, и выдержек из *Теургии*, сделанных мною в моем старинном письме Вам, которое я взял с собою за границу для корректуры и переписки начисто[7]. Я пишу: «*Мыслимы* два объяснения»[8]. Я даю *гипотезы*. Я делаю *предположение* об отсутствии конгруэнтности между Вашим психическим строем и тем, который явился фактором создания музыки *германского* типа. Я нигде не говорю об *отсутствии* у Вас музыкального образования, но делаю только *предположение*, что Ницше, который был почти специалистом в музыке и сочинял фантазии для хора и оркестра, наверное ближе знал музыку и глубже проник в нее, нежели Вы. Чтó Вы переживаете некий кризис, несомненно для любого читателя Ваших последних статей. Ваша экстравагантная читка известна всей Москве; ведь Вы выступали лектором[9]; я не хулю этой читки, а называю ее так, как она этого пока заслуживает[10]; молодой Шиллер выл свои стихотворения на одну-две ноты; но мало-помалу его экстравагантная патетическая монотонность выработалась в нечто интересное и художественное. Я даже не хулю Вашего музыкального *цыганизма*, а только ссылаюсь на него, как на полюс, *противоположный* музыкальному *германизму*[11]. Сейчас я перечитал свою статью и смело утверждаю, что в ней нет ничего, как Вы пишете, «*основывающегося **исключительно*** (?!) *на данных, почерпнутых из личного знакомства*». Я «заглянул в Вашу душу»; но мой психологический анализ покоится только на данных Ваших работ. Возможно, что мне это удалось сделать так, как я сделал, благодаря личному знакомству, но ведь и обратно — наши личные отношения сложились так, а не иначе, благодаря тому, что Вы писали именно так, как Вы писали, а не иначе, что Вы в своих произведениях были большею частью самим собою, *таким, каким я Вас полюбил*. Теперь посмотрите, чтó Вы со мною сделали! Всякий обыватель, прочтя письма, помещенные в газетах, скажет себе: «Хотя я и не понимаю ничего из того, чтó пишет этот декадент Андрей Белый, но все же он — знаменитость; ну понятно, что маленький декадентик какой-то Вольфинг втерся в доверие и дружбу к Белому, соблазнил его к переписке, а затем, когда началась из-за каких-то мистических анархистов и соборных индивидуалистов[12] никому не понятная

полемика между двумя символистскими журналами, этот Вольфинг взял да и воспользовался данными, почерпнутыми из личного знакомства, в своей полемической статье; и журналу своему услугу оказал, отхлестав знаменитость, и пятачки ни за что ни про что нажил». Вот *вердикт присяжных читателей газет*, который мне будет вынесен благодаря Вашей опрометчивости. Ваше письмо, помещенное в № 58 *Столичного Утра*, выставляет меня как литературного *паразита* и Ваше второе письмо мало поправляет сказанное в первом[13]. — Вы должны были бы быть особенно осторожны ввиду *своей* знаменитости и *моей* неизвестности. Будь за мною несколько книг, достаточно нашумевших, Ваши заявления не могли бы в такой мере бросить на меня тень. А теперь Вольфинг пристукнут. Я учинил над Вами «сыск». «Да кто же это такое этот Вольфинг? Да, говорят, бывший сотрудник *Московских Ведомостей*[14] и цензор! А, ну конечно: перенес полицейско-сыскные приемы и в свою художественную критику!» — Конечно, опубликованием этого ужасного термина «сыск» я обязан недогадливости *Золотого Руна*[15]; но *Вами*-то о «сыске» было упомянуто в статье, которую Вы рассчитывали увидеть напечатанной![16] И *кто* это подсказал Вам это ужасное слово! Не тот ли, кто гонит Вас, надежду русской литературы, по наклонной плоскости; так гонит, что Вы думаете, что летите ввысь! — Я не хочу всматриваться: быть может, этот «кто» — «некто», быть может, «нечто»... — Ради Бога! *Успокойтесь*! Найдите опять *себя*. Имейте побольше истинной гордости. —

Сейчас вспомнил, что Василий Васильевич Владимиров, которому я прочел свою статью[17], вполне согласился со всем, мною сказанным в ней, и на мой вопрос, могли ли бы Вы обидеться на меня за нее или найти ее неприлично-личной, ответил полным отрицанием такой возможности.

Но... к делу. Я прошу Вас во имя нашей прошлой (или, если Вам угодно, и *настоящей*: я по-прежнему люблю Вас) — *дружбы* (так Вы сами *первый* назвали наше отношение), прошу Вас, как старшего собрата по оружию, немедленно в *Весах*, в *Руне*, в *Утре*, где угодно как-нибудь исправить *неосторожно* нанесенный мне вред. Что касается Вашего ответа на мою статью, то Вы бы могли в *измененной* (надеюсь!) редакции поместить его прямо в сборнике

своих статей, или пока в том же *Утре*, хотя бы в сокращенном виде. Во всяком случае прошу Вас немедленно известить меня, *как* Вы намереваетесь поступить. Если Вы ничего не ответите мне или ответите отказом как-нибудь сгладить резкость Ваших обвинений, я вынужден буду напечатать свою защиту против обвинений меня в *сыске* и *паразитизме* и в этой защите вести себя не как ищущий идейного примирения, а просто как отстаивающий с оружием в руках свою *честь*... — Если Вы исправите свою ошибку, я обещаю Вам прислать на просмотр то, что, может быть, сочту необходимым написать по поводу нашего конфликта. А пока расстаюсь с Вами, быть может, в последний раз как *друг*; Вы и не подозреваете, *как* я мучился, когда писал *против* ***Вас, который*** был до сих пор в моменты моих отчаяний *одним из соблазнов к продолжению здешней жизни*. Обнимаю Вас. Ваш Э. Метнер.

P. S. В том, как Вы теперь пишете *против Блока*[18], сквозит много, слишком *много* интимного; бросьте все это. —

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 6.

[1] В Веймаре Э. К., Н. К. и А. М. Метнеры обосновались 29 июля (11 августа) 1907 г.; до этого, уехав из Мюнхена в конце июня (н. ст.), они путешествовали по городам Германии (Бадерзее, Партенкирхен, Обербайерн, Нюрнберг, Ротенбург). См.: *Метнер*. С. 80. Комментарии З. А. Апетян.

[2] Представления тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга». См.: *Вольфинг*. Вагнеровские фестшпили 1907 г. в Мюнхене: Заметки невагнериста // Золотое Руно. 1907. № 7/8/9. С. 103–109; № 10. С. 50–57; 1908. № 3/4. С. 112–117.

[3] А. М. Метнер.

[4] Первичным основанием для конфликта стала публикация полемической статьи Метнера (Вольфинга) «Борис Бутаев против музыки» (датирована: Мюнхен, июнь 1907 г.) в «Золотом Руне» (1907. № 5. С. 56–62; см.: Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. С. 89–101) — ответной на статью «На перевале. VI. Против музыки». Белый в свою очередь написал ответное на статью Метнера «Письмо в редакцию», которое представил для публикации в «Золотое Руно», однако редакция журнала отказалась напечатать его по той причине (по словам секретаря «Золотого Руна» Г. Э. Тастевена в письме к Белому от 3 августа 1907 г.), что «там, кроме возражений Метнеру, есть тенденция, враждебная „Золотому Руну“ и идеям, ему близким <...>» (*Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова. С. 69). Сложившуюся ситуацию обрисовал Брюсов в письме к Ф. Сологубу от 31 августа 1907 г.: «Белый просил „Руно“ напечатать его „письмо в редакцию“ в ответ на нападки, помещенные в „Руне“, в статье Вольфинга-Метнера (NB — личного друга А. Белого). Рябушинский сначала отказался, ссылаясь на то, что

„письмо“ Белого „неприлично“, потом согласился на условии, что Белый вернется в число сотрудников „Руна“!» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 111. Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского). Такое предложение было сформулировано Г. Э. Тастевеном в письме к Белому от 31 июля 1907 г. (см.: *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова. С. 67). Белый был оскорблен выдвинутым условием и вынес конфликт в публичную сферу, опубликовав в газете «Столичное Утро» (1907. № 58, 5 августа. С. 4) следующее «письмо в редакцию»:

М. г., г. редактор!

Прошу вас поместить в вашей уважаемой газете нижеследующее:

В № 5 «Золотого Руна» была напечатана статья г. Вольфинга «*Борис Бугаев против музыки*». В этой статье, помимо критики моих взглядов на музыку, имели место заглядывания в мою душу, носящие совершенно личный характер. Ввиду этого я считал для себя нравственно необходимым опровергнуть на страницах того же органа те выводы, к которым приходил в своей статье г. Вольфинг, основываясь исключительно на данных, почерпнутых им из личного со мной знакомства.

Так как я вышел из состава сотрудников «*Золотого Руна*» и никакого участия в нем не принимаю, то единственно доступной для меня формой опровержения являлось помещение мной в «*Золотом Руне*» «письма в редакцию», исходящего от меня не как от сотрудника, а как от человека, лично задетого помещенной в «Золотом Руне» статьей.

Упомянутое «письмо в редакцию» было мной в «Золотое Руно» отправлено, но г. заведующим литературным отделом «*Золотого Руна*» г. Тастевеном мне было и лично и письменно заявлено от имени редакции, что мое опровержение в форме *письма* будет напечатано лишь под тем условием, чтобы я вернулся в состав сотрудников «*Золотого Руна*».

Не говоря уже о моем формальном праве требовать напечатания моего опровержения в том органе, где была помещена лично затрагивающая меня статья, я считаю такую попытку оказать на меня давление явным нарушением правил литературной этики и настоящим письмом предаю ее гласности.

Надеюсь, что лица, еще сотрудничающие в «*Золотом Руне*», оценят по достоинству проявленный редакцией «Руна» ничем не оправдываемый произвол и сумеют так или иначе реагировать на такое неуважение к достоинству писателя.

Примите и пр.

Андрей Белый (Б. Бугаев).

Через три дня последовал печатный ответ от редактора-издателя «Золотого Руна» Н. П. Рябушинского (Столичное Утро. 1907. № 60, 9 августа. С. 4):

Письмо в редакцию

М. г., г. редактор!

Не откажите поместить нижеследующее в ответ на письмо Андрея Белого (он же Б. Бугаев), появившееся в вашей уважаемой газете:

Негодование Андрея Белого по поводу непомещения в «Золотом Руне» его возражения на статью Вольфинга и ссылки на литературную этику непонятны и несогласны с истиной и справедливостью. Я не счел бы нужным на них отвечать, если бы письмо Андрея Белого не могло ввести в заблуждение лиц, незнакомых с истинным положением дела. Ввиду этого считаю нужным открыто заявить следующее:

1) Прежде всего ответ г. Белого на статью Вольфинга — не письмо, а полемическая статья, заключающая кроме возражений ряд крайне резких выходок против писателей, взгляды которых редакция уважает (например: мечты о близком осуществлении соборности названы «безумием или провокацией», анализ взглядов Белого Вольфингом уподобляется сыску и т. д.). Ведь недостаточно приписать в заглавии «письмо в редакцию», чтобы различные формы литературного творчества стали действительно письмами, и тем принудить редакцию помещать статьи, заключающие осуждение ее взглядов.

2) Помещая статью Вольфинга, представляющую возражение на статью А. Белого в № 3 журнала «Весы», редакция, согласно правилам литературной этики, снеслась предварительно письменно с г. Андреем Белым, который письменно же ответил, что ничего не имеет против напечатания статьи.

3) Вопреки утверждению г. Белого (вероятно, сделанного с целью ссылки на формальный закон), что статья Вольфинга основана на элементе личном, возражение построено исключительно на статьях А. Белого в «Весах», «Новом Пути» и «Мире Искусства».

4) Не разделяя взглядов г. Белого на музыку, редакция, следуя своей обычной терпимости, согласилась бы поместить статью, не заключающую вышеуказанных выходок, если бы не считала более сообразным с литературными обычаями, чтобы «Весы», где появилась первая статья Белого, уделили ему место для возражения (что и согласовалось с первоначальным намерением г. Белого).

По-видимому, А. Белый, предполагая поместить возражение на страницах «Золотого Руна», не состоя официально сотрудником, хотел пользоваться правами его, не неся, однако, ответственности сотрудников перед журналом, на что указывает несдержанный и резкий тон статьи. Поэтому, в переговорах, которые вел от моего имени секретарь редакции г. Тастевен, редакция в ответ на требования А. Белого поместить его статью в свою очередь сочла нужным поставить условием недвусмысленное выяснение отношения к журналу путем официального заявления о сотрудничестве. Все вышесказанное не оставляет никакого сомнения в том, что редакция все время держалась строго этической почвы.

Литературная этика действительно существует; но представления А. Белого о ней, по-видимому, крайне смутны. Ссылки на нее могут лишь казаться приемом борьбы с нежелательным для А. Белого направлением, принятым «Золотым Руном» и выразившимся в идейном разрыве с «Весами». Соответствует ли достоинству писателя прибегать к таким приемам

в идейной борьбе? «Золотое Руно» — не арена личных счетов, а журнал художественный, где интересы искусства не могут быть принесены в жертву полемике.

Надеюсь, что прием, применяемый Андреем Белым в чисто идейном разногласии, будет оценен по достоинству, равно как его ничем не оправдываемый произвол по отношению к редакции.

Примите и проч.

Редактор-издатель «Золотого Руна»

Николай Рябушинский.

5-ого августа 1907 г.

Из приведенного письма за подписью Рябушинского выясняется, что ситуация, возникшая вокруг частной полемики между Белым и Метнером, была введена в общий план идейно-эстетического противостояния, обозначившегося в 1906–1907 гг. между двумя внутрисимволистскими фракциями — условно говоря, «московской», представленной «Весами», отстаивавшими исконные символистские индивидуалистические ценности, и «петербургской» во главе с Вяч. Ивановым и Г. Чулковым, идеологом «мистического анархизма», стремившимися к реформации символизма на антииндивидуалистической основе, с которой в 1907 г. стремилась солидаризироваться редакция «Золотого Руна».

О своей первой реакции на возникшую ситуацию Метнер написал матери из Веймара 20 сентября (3 октября) 1907 г.: «...я от музыки и чудных картин природы был в таком высоком настроении, что, когда читал все эти письма в Редакцию обеих сторон, просто даже не мог понять их и первый день отнесся к этому спокойно; только на другой день я, наконец, <...> понял, что это — важно, что надо списаться немедленно с Бугаевым, набросать на всякий случай ответ и проч.» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 36).

[5] См. п. 138.

[6] См. п. 140.

[7] Имеется в виду п. 47.

[8] Цитата из раздела II статьи «Борис Бугаев против музыки». См.: Андрей Белый: pro et contra. С. 90.

[9] Белый начал регулярно выступать с публичными лекциями с апреля 1907 г.

[10] В статье «Борис Бугаев против музыки» упоминается «экстравагантная напевная его читка своих собственных стихов» (Андрей Белый: pro et contra. С. 90).

[11] В той же статье говорится: «Сознательно обоготворив и воспитав в себе обожание не той или другой *реальной* музыки (итальянской, немецкой, бетховенской, вагнеровской), а музыки *самой по себе*, Бугаев бессознательно всегда льнул к музыкальному цыганизму <...>» (Там же).

[12] «Соборный индивидуализм» (СПб., 1907) — философско-эстетический очерк М. Л. Гофмана, написанный под прямым воздействием идей Вяч. Иванова и непосредственно соотносившийся с «мистическим анархизмом» Чулкова.

[13] Приводим текст второго Письма в редакцию Белого (Столичное Утро. 1907. № 62, 11 августа. С. 4) — ответного на письмо Рябушинского (см. примеч. 4):

М. Г. г. редактор!

Не откажите напечатать в вашей уважаемой газете необходимые для меня разъяснения по поводу письма г. Рябушинского, помещенного в № 60. Считаю нужным оговориться, что 1) я имею в виду в своем ответе не г. Рябушинского, с которым считаю неуместным полемизировать, а читателей вашей газеты, 2) что я больше не намерен отвечать ни на какие выходки со стороны редакции «Золотого Руна».

Меня удивляет редакторский пафос г. Рябушинского.

Если письмо мое в редакцию «*Золотого Руна*» он считает «выходкой», то тем неуместнее она на страницах упомянутого органа в виде статьи. Итак, если я вхожу в состав сотрудников, «выходка» моя перестает быть «выходкой»? Странное представление имеет г. Рябушинский об идейной полемике.

Но еще комичнее роль г. Рябушинского в его защите идей «соборного творчества».

Еще пять лет тому назад и печатно, и устно я защищал принципиальную допустимость этого цикла идей, оспаривая некоторые формы реализации их в современном искусстве. В то время г. Рябушинский вряд ли имел представление о так называемом новом искусстве, не говоря уже об идейной борьбе в его пределах.

Защита идей «соборного творчества» *таким апологетом* вызывает у меня лишь вздох сожаления. Бедный В. И. Иванов! Неужели почтенный писатель нуждается в защите г. Рябушинского?

Г. Рябушинский заявляет в своем письме, напечатанном в вашей уважаемой газете, что грезы о соборности я называю безумием и провокацией. Надо прибавить: *грезы о соборном творчестве в искусстве.* (Не правда ли, маленькая разница?) Привожу цитату из моего письма в редакцию «*З. Р.*»: «Соборное творчество возможно, но *в пределах современного уклада жизни оно неосуществимо. Всякое чрезмерное порывание к соборности* (я разумею соборность творчества в искусстве) *теперь есть или безумие, или провокация.* (Относительно форм современного искусства, требующих громадной работы интеллектуальной, художественной, моральной при их разработке)... *Если извне развитие искусства пресекается классовой борьбой, то энергия творчества не находит своего выхода*».

При чем же тут «выходка»?

Если бы г. Рябушинский потрудился прочесть мою статью «*Религия и общественность*» («Свободная совесть». Выпуск 1-ый) или хотя бы статьи «*Мировая ектения*», «*Венец лавровый*», помещенные в редактируемом

им журнале, ему стало бы стыдно своего абсолютного неумения понять идейную физиономию своих сотрудников!

Впрочем, такой редакторской халатностью и объяснялось сотрудничество некоторых писателей, смотревших на «*Руно*», как на безыдейные месячные альманахи, где допустимо и столкновение мнений. Но как скоро г. Рябушинский фактически стал играть роль идейного руководителя, ряды сотрудников стали быстро редеть.

Еще в мае текущего года я писал г. Рябушинскому, что, пока он является фактическим редактором, из «*Руна*» путного ничего не выйдет. Г. Рябушинский терпим как официальный редактор до той поры, пока он стоит за горизонтом идейной борьбы в современном искусстве. Появляясь на горизонте, он вызывает лишь смех, как вызвало смех у меня его письмо в «*Столичном Утре*», в котором он перепутал мои отношения к г. Вольфингу и к «соборным индивидуалистам».

Остается сказать лишь о двух пунктах письма г. Рябушинского. Он заявляет, что я не имел ничего против напечатания статьи г. Вольфинга. Это правда: но г. Вольфинг осведомлялся у меня, буду ли я ему отвечать. В противном случае г. Вольфинг не только не допустил бы интимности тона в напечатанной им против меня статье, но и вряд ли напечатал бы свою статью.

Наконец, что касается идейного разрыва г. Рябушинского с «*Весами*», то вряд ли он был бы доволен, если бы «*Весы*» подробно высказались по этому поводу: здесь «*Весы*» играли активную, а не пассивную роль. В «*Весах*» работают люди, которым *действительно* дороги интересы искусства, и «*Весы*» не могут допустить самозванного выступления г. Рябушинского на арену идейной борьбы в вопросах, о которых г. Рябушинский имеет весьма далекое и смутное представление.

Примите и пр.

Андрей Белый.

Москва, 9 августа 1907 года.

[14] В «Московских Ведомостях» Метнер помещал очерки, корреспонденции, реферативные статьи, переводы в 1894–1899 гг., в 1894–1896 гг. служил там помощником секретаря редакции.

[15] Имеется в виду фраза из «письма в редакцию» Рябушинского (см. выше, примеч. 4): «...анализ взглядов Белого Вольфингом уподобляется сыску <...>».

[16] Подразумевается «Письмо в редакцию» Белого, отвергнутое редакцией «Золотого Руна». Опубликовано в журнале «Перевал» (1907. № 10, август. С. 58–60).

[17] Статью «Борис Бугаев против музыки» Метнер прочел Владимирову в Мюнхене в июне 1907 г. по рукописи.

[18] Наиболее развернутую оценку Блока Белый в это время дал в рецензии на его книгу «Нечаянная Радость. Второй сборник стихов» (М., 1907), опубликованной в «Перевале» (1907. № 4, февраль. С. 59–61) и вошедшей в книгу Белого «Арабески» (1911) под заглавием «Нечаянная Радость».

142. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

20 августа (2 сентября) 1907 г. Веймар

Веймар 2/IX–20/VIII–1907.

Дорогой Борис Николаевич! Написав Вам письмо[1], которое Вы, надеюсь, теперь уже получили, я засел за статью о фестшпилях[2], но в голове только «сыск», «заглядывания», «интимность» и т. д. — Решил освободиться от этого и написал: 1) письмо в *Столичное Утро*; 2) заметку в *Золотое Руно*[3]. И то и другое пересылаю Вам на просмотр уже *теперь*, потому что, придя в себя, я понял, что необходимо или ответить на Ваши обвинения *немедленно*, или оставить вовсе мысль об ответе; *последнее* невозможно: обвинения довольно унизительного свойства. Не знаю, кто Вы мне сейчас, *друг* или *враг* (безразличия между *нами* быть не может), я взываю к Вашей *внутренней* и *внешней* корректности и прошу Вас по чистой совести прочесть мои оба письма, чтобы видеть, о чем я, и, прочтя, *немедленно* отнести их моему отцу или брату Карлу, либо в Контору (Лубянско-Ильинские помещения Конторы Товарищества Московской Кружевной Фабрики), либо на квартиру (Малый Гнездниковский переулок, дом Пегова, кв. № 8), так как отправлять Вам эти рукописи в *Золотое Руно*, конечно, неудобно... Читая рукописи, Вы можете зачеркнуть то или другое слово, которое почему-либо покажется Вам особенно обидным, но так, чтобы не испортить смысла фразы.

Кажется, я ничего особенно неприятного для Вас не написал. Приятного, конечно, мало во всем этом, но что же делать? Надо довести наш конфликт или до примирения (личного), или до разрыва (личного же); у нас были с Вами всегда разногласия, и никто не виноват, что они обострились; но лично мы можем быть, независимо от этого, и друзьями и врагами. Но все-таки наши личные отношения в дальнейшем зависят от судьбы и заключительного аккорда нашей полемики, ввиду того, что эта полемика перенесена ***Вами*** на личную почву. Советую Вам перечитать Вашу *Теургию* и вспомнить о цыганственности Пушкина, о сфинксах и т. д...[4] — Убежден, что если Вы захотите, Вы сумеете загладить сделанное. — Еще раз прошу Вас немедленно прочесть и передать

по назначению прилагаемые рукописи. А затем в ожидании решения судьбы наших личных отношений я буду надеяться на все лучшее и светлое. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 7.

[1] Имеется в виду п. 141.

[2] См. примеч. 2 к п. 141.

[3] Ни тот, ни другой текст не был тогда опубликован. Приводим их по автографам, хранящимся в архиве Андрея Белого. Оба текста приводятся Н. А. Богомоловым как приложение к его статье «К истории „Золотого Руна"» (*Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова. С. 78–83).

Письмо в Редакцию <«Столичного Утра»>
М. Г. Г. Редактор!

В №№ 58, 60, 6*? Вашей уважаемой газеты напечатаны письма г. Бугаева (Андрея Белого) и г. Рябушинского.

Так как поводом к конфликту послужила статья моя *Борис Бугаев против музыки*, то прошу Вас дать и мне возможность высказаться на тех же столбцах.

Находясь вдали от места распри, я коснусь лишь внешних ее обстоятельств и затем возражу на то, чтó имеет отношение ко мне лично.

1) Что возражение Андрея Белого не *могло* быть напечатано в *Золотом Руне*, меня очень огорчает. Но ведь рукопись (которой, кстати сказать, мне, находящемуся за границей, не пришлось прочесть) была, конечно, автору возвращена, и возникает вопрос, отчего Андрей Белый не печатает ее в *Весах* согласно своему первоначальному намерению, о котором он известил меня письмом?

2) Андрей Белый ошибается: не существует такого «формального права», по которому можно было бы требовать от повременного издания напечатания опровержения нежелательных *взглядов* на том расплывчатом основании, что последние «задевают лично»; такое право существует только относительно опровержения сообщений, *фактически* искажающих действительность или бросающих тень на *моральные* качества «задетого» лица.

3) Андрей Белый прав: я бы не напечатал своей статьи, если бы не был уверен, что он *хочет* и *может* поместить возражение на нее; я бы даже не принимался вовсе писать ее. «Задеть лично» Андрея Белого, понятно, не могло входить в мои намерения, и мне не совсем ясно, чтó он разумеет под «интимностью тона».

4) Но Н. Рябушинский прав, утверждая, что мое возражение на статью Андрея Белого *Против Музыки* построено исключительно на данных целого ряда статей того же автора, помещенных им за последние годы в журналах «нового» направления. —

---

* *Подразумевается: 62.*

Когда выйдет сборник этих статей, внимательный читатель его, никогда и в глаза не видавший Андрея Белого, согласится со многим сказанным мною теперь, и будет недоумевать, как мог Андрей Белый так несправедливо обвинять меня в «сыске» и так опрометчиво утверждать, что я в своей статье «основывался», да еще вдобавок «исключительно» на данных, почерпнутых из личного с ним знакомства. —

Я протестую решительно против этих заявлений Андрея Белого, несомненно и при том со стороны *моральной* «задевающих» мою личность, и надеюсь, что после сказанного лица добросовестные или откажутся судить о моем споре с Андреем Белым, или же предварительно обратятся к изучению прозаических произведений последнего и к сличению их данных с выводами и замечаниями моей «инкриминируемой» статьи.

Веймар 31/18-VIII-1907. ***Вольфинг.***

(РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 9).

О заглядываниях в душу*

Читателям *Золотого Руна* и *Столичного Утра* известен конфликт по поводу статьи моей *Борис Бугаев против музыки***.

Не желая злоупотреблять гостеприимством газеты *Столичное Утро*, уже напечатавшей в № ?? мое письмо, я решил подробнее коснуться той стороны этого конфликта, которая затрагивает Бугаева и меня, здесь на страницах журнала, поместившего мою «инкриминируемую» статью.

Хотя Редакция *Золотого Руна* вынуждена была отказать Бугаеву в напечатании его возражения на мою статью, но сущность той части возражения, которая адресована мне *лично*, достаточно выясняется из писем в №№ 58 и 6? *Столичного Утра*, а это дает мне право в свою очередь возразить Бугаеву и опровергнуть его обвинения.

Бугаев упомянул об «интимности тона» моей статьи, разумея под этим термином что-то, для меня не совсем ясное, но, по-видимому, антилитературное; Бугаев был оскорблен моими «заглядываниями» в его «душу» и потому, опровергая мои выводы, будто бы основывающиеся «*исключительно*» на данных, почерпнутых мною из личного с ним знакомства, счел для себя «нравственно необходимым» обвинить меня ни больше ни меньше как в «сыске».

На то, как ошибочно его утверждение о внелитературности способа моего уразумения его философемы, я уже указал в своем письме в *Столичное Утро*.

Для читателей *Золотого Руна*, большею частью знакомых с литературною деятельностью Бугаева, неосновательность означенного утверждения ясна, быть может, и сама по себе.

К сожалению, здесь за границей я не могу достать всех статей Бугаева, рассеянных по разным журналам, и заняться уже теперь подробною

* *Над текстом карандашная помета рукой Метнера*: «Для *Золотого Руна*».

** См. № 5 *Золотого Руна*; № 58, 60, 6? и ?? *Столичного Утра* (1907).

аргументацией безусловной «литературности» той почвы, на которой построена моя статья.

Единственное, чтó с первого взгляда кажется почерпнутым из личного знакомства, это — моя ссылка на экстравагантную напевную читку Бугаева своих стихотворений. Но кому же из интересующихся новыми течениями литературы в Москве и в Петербурге неизвестно, как читает Бугаев? Это такой же секрет, как то, что Андрей Белый и Борис Бугаев — одно лицо. К тому же он изредка выступал и публично, и, хотя сдерживал при этом несколько свою манеру произнесения, но не настолько, чтобы колорит напевности остался под сомнением для человека с мало-мальски развитым слухом.

Кстати сказать, я в своей статье вовсе не хулил этой манеры, а только ссылался на нее, как на полюс, противоположный тому типу музыки, против которого, собственно говоря, и ополчился Бугаев.

Оскорбительное выражение «сыск», к которому прибег Бугаев, чтобы подчеркнуть мнимую антилитературность и коварную «интимность» моего анализа, свидетельствует, таким образом, только о неосторожном обращении со словом, власть над которым вручена Бугаеву в такой высокой мере.

Несколько иначе обстоит дело с термином: «заглядывания в душу».

Что, если заглядывания в душу носили бы совершенно личный характер, плодотворность их объяснялась бы исключительно личным знакомством, причем все выводы отсюда задевали бы Бугаева «лично», но *только приятно*?

Что, если бы заглядывания позволил себе человек вовсе не знакомый с Бугаевым лично, но хорошо знающий его сочинения, и такие заглядывания привели бы его к выводам, сходственным и с отрицательными, и с положительными выводами моей статьи (— случай согласно вышесказанному вполне возможный —)?

Какую из этих альтернатив предпочел бы Бугаев?

Другими словами. На чтó именно Бугаев негодует. На всякие заглядывания, как таковые, на нежелательные результаты заглядываний или только на заглядывания при помощи данных, почерпнутых из личного знакомства, независимо от приятности или неприятности результатов?

Если на первое, то он «для себя лишь хочет воли», ибо сам нередко прибегает к тому индивидуализированному психологическому методу, великим учителем которого является Ницше.

Если гнев Бугаева вызван главным образом не всегда благоприятными для него результатами моего анализа, то почему он откровенно не высказал именно *только этого*, а мотивировал свое неудовольствие еще и будто бы антилитературною «интимностью» моей статьи? И как тогда его гнев не сменился на милость под влиянием очень лестных для него выводов, каких ведь тоже немало в моей статье?

Но, пусть, действительно, Бугаев рассердился не от чего другого, как только от того, что при чтении моей статьи им сразу овладела эта несчастная и неверная мысль о заглядывании исключительно в микроскоп личного знакомства; тогда мыслимы два случая.

I. Если я не сумел воспользоваться вспомогательным орудием зрения, то мои заглядывания, как неудавшееся покушение, просто смешны, и, опровергая их результаты, стоило бы сослаться на наше личное знакомство разве только для того, чтобы воскликнуть: вот как *не* понял меня Вольфинг, несмотря на наше давнишнее знакомство!

II. Если же я искусно утилизировал наше письменное и устное общение и лишь при помощи его данных, совсем независимо от опубликованных работ Бугаева, отыскал «ключи тайн» его души, то в этом случае негодование, конечно, тем понятнее, что тогда не́чего и опровергать; если же тем не мене<е> идти навстречу вполне простительному своему желанию все-таки опровергнуть неблагоприятную часть хотя бы и верных выводов, то уж, разумеется, нецелесообразно упоминать одновременно о личном знакомстве, как об единственном источнике, откуда почерпнуты данные, само собою слагающиеся в одиозные выводы; наоборот, тогда выгоднее вовсе не придавать значения личному знакомству.

* * *

Если под «интимностью» понимать между прочим слишком заметное вплетение в статью на строго объективную тему разного рода чисто личных моментов*, то в этом смысле Бугаев погрешил достаточно и в статье своей *Против Музыки* и в своих письмах в *Столичное Утро*. Даже то, что он упоминает о нашем личном знакомстве (ввиду вышеуказанной нецелесообразности этого упоминания), является излишнею откровенностью с читателями, в то время как моя ссылка (в одной из выносок моей статьи) на нашу частную переписку сделана с его согласия и имеет строго деловой характер.

Иначе, если под «интимностью» в данном случае разуметь то, что я занялся в своей статье не только мыслями Бугаева о музыке, но и самим Бугаевым. Кто знает не одну статью Бугаева *Против Музыки*, но и что он раньше писал об этом искусстве, поймет меня, если я скажу, что передо мною была не столько эстетическая, сколько психологическая проблема: мне надлежало не столько опровергать взгляды Бугаева на музыку, сколько объяснить их возникновение.

Своим объяснением я хотел помочь менее осведомленному читателю отнестись правильно к этим странным взглядам, именно, не как к легкомысленной выходке, а как к болезненному кризису, переживаемому большим умом.

По отношению же к самому Бугаеву вся статья должна была служить возбудителем ко вторичному пересмотру им своих воззрений на сущность и культурное значение музыки.

* * *

Наверное, личное знакомство способствовало моему углублению в произведения Бугаева, моему пониманию хода его духовного развития, но я убежден, что мысли-образы или образы-мысли бугаевских статей, и яркие и только яростные и сосредоточенно отчеканенные и безысходно

---

* Все равно: лично-своих и лично-чужих! (*Примеч. Метнера*).

блуждающие в космическом тумане, достаточно красноречивы сами по себе. Вот только твердо ли помнит сам творец их, когда и где он чтó обронил? И случилось ли это в устной или письменной беседе с близкими, или (увы! часто некстати) очутилось почти в сыром виде в журнале на предмет всеобщего пользования и недоумения слишком далеких?..

Затем, кому неизвестно, что писатели и художники даже разных лагерей и толков часто знакомы между собою лично и нередко дружатся и враждуют.

Сколько бы ни драпировался в мантию беспристрастия, как бы ни нахлобучивал на себя парика объективности один сотрудник *Весов* или *Руна*, критикуя книгу другого сотрудника, читатель и в строке и между строк ищет данных для учета подозреваемым им личных отношений. И надо сказать: прав читатель. Ну разве может Бугаев, с таким пылом обрушивающийся на очередную тему, что кажется, будто он всю жизнь только и думал, что о ней, отдавать себе ежесекундно ясный отчет во время разбора, например, статьи Мережковского, умозаключает ли он только от данных, опубликованных критикуемым автором, или на его выводы влияет собственная его интуиция и влияние обаятельной личности этого автора?

Да и сам строгий Брюсов, неужели его зоркость всегда одинакова, всматривается ли он в стихотворную строку близкого, чужого, друга; неужели он не заглядывает в душу и, садясь писать рецензию, оперирует себя, перерезывая тщательно все невидимые, но живые нити духовных проводников; дает ход только своему изумительному дару постижения процессов стихотворчества, вообще своим литературным знаниям и умениям?..

Я отказываюсь от противоестественного самоанализа, долженствующего выделить из слитного целого моей статьи фактор «личного знакомства» и вычислить степень его влияния на полноту и отчетливость моего понимания главного предмета моей статьи, т. е. явления, именуемого «Андрей Белый = Б. Бугаев».

Но я могу поступить обратно: показать, что в статье моей не сделано об этом явлении ни одного заключения, посылок к которому нельзя было бы без натяжки отыскать среди опубликованных данных*.

В заключение я должен признать, что «*совершенно* личного характера» мои «заглядывания в душу» Бугаева, вопреки его утверждению, отнюдь не носили, иначе я был бы ими предупрежден о возможности быть обвиненным в «сыске».

Вольфинг.

Веймар [3/18-VIII-1907]
Сентябрь 1907.

(РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 10).

[4] См. примеч. 30 к п. 37.

---

* Если Бугаев не требует от меня, чтобы я совершил эту работу теперь же, то я откладываю ее до той поры, когда буду писать об Сборнике его статей, который он собирается издать. — (*Примеч. Метнера*).

143. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

23 августа (5 сентября) 1907 г. Москва

Глубокоуважаемый, дорогой, неизменно любимый, близкий, ради Бога не думайте, что в этом ужасе я действительно сознанием виноват; такой гнусности я не ожидал от Рябушинского. Как все ужасно! Как горестно!

Но чтобы не расплыться в восклицательных знаках, я нарочно обуздываю себя и начинаю все сначала.

Прежде всего о наших разъездах. Меня судьба гоняла из города в город. И когда я хотел Вам писать, я чувствовал, что нужно или написать до 60 страниц (minimum), чтобы сказаться с достаточной понятностью; писать же о более внешнем и при *том Вам*, которого я считал одним из самых необходимых мне людей, как можно? Вы, Сережа, Лева, Ал<ексей> Сергеевич[1] — вот единственные мои *близкие*; ни Вам, ни Сереже, ни Леве, ни Ал<ексею> Сергеевичу я не могу писать: написать длинное послание в 25 страниц при все усложняющемся для меня ритме жизни невозможно без затраты громадной энергии: писать меньше, значит быть внешним, поймите — я *так на хочу*, я *так не могу*: Вы же мне близкий, нужный, необходимый. Вот как сложилось мое извне странное молчание. Вот почему я не писал Вам так давно: но мысленно, ах как часто я веду с Вами речь, но с Левой и Ал<ексеем> Сергеевичем мы редкую встречу о Вас не говорим. Глубоколюбимый Эмилий Карлович, неужели Вы можете думать, что наши встречи были *ни о чем*, и что нужно разойтись из-за этого ужасного, проклятого недоразумения?

Да, все, что я писал, начиная с «*Манифеста*»[2], неряшливо, истерично, грубо, непонятно при кажущейся упрощенности большинству *даже* читателей «*Весов*». И сознаю, что, как писатель, я вел себя невозможно. Но все это, верьте, вызвано *громадным* опытом личных сношений моих с петербургскими литераторами, порой очень коротких (Иванов, Блок, Ремизов, Аничков, Куприн, Городецкий, Аннибал[3] и пр.). Я все приглядывался, искал, хотел верить (ах уж эти словесные совпадения *путей*!), а недоумение, изумление, гнев все росли, росли. И я закрывал глаза: у меня полная терпимость, мягкость и широта до *nec plus ultra**. Я обыкновенно

* Дальше нельзя (*лат.*); т. е. до предела, до последней степени.

никому не выдаю своих разочарований, и даже таю месяцами разочарование от себя самого. Я смотрел, глотал душную муть атмосферы «*делателей культуры*», не позволял себе глядеть в «*их подполье*», а песок и муть, процеживаясь в бессознательное, образовали целый холм грязи: плотина росла: потом мою искренность она запрудила: вода вышла из берегов, и неожиданно для себя самого водопад негодования вырвался наружу в истерическом манифесте, который свалился на голову, как дикость, причуда: но шлюзы терпения открылись, и я уже ничего не мог писать, кроме *воплей*. Никто не понял, я и сам не понимал, *сколь это оказалось педагогически нужным* (вот уж был далек от педагогии): дело в том, что я первый открыто сказал о многом, что доселе считалось непогрешимым: «*А ведь дело дрянь!* Надо спасать новое искусство от фальсификации!» Двое-трое поняли, повторили: «Дело дрянь». Группа лиц прислушалась, и сомнение взяло многих: «уж не царское ли платье мы хвалили» (сказка Андерсена)[4]. Наконец задумался и Брюсов: и понял, что еще немного, и провокация зальет все, и «*Весы*», и любителей «*нового*»: и то, что с болью созидалось, рухнет с грохотом. И вот Брюсов примкнул к нам: и мы стали бить петербуржцев[5]: но верьте — мы попадали в *действительное*, хотя, если взять немного пошире, то и выходило как будто: «*Много шуму из ничего*». Теперь петербуржцы испугались, подсылали в Москву узнать: все открещиваются от мистич<еского> анархизма. Блок хочет писать в «*Весах*» покаяние[6]. Завтра едет ко мне говорить, объясняться[7]. Видите: мой сначала одинокий вопль (дикий по форме) оказался началом тактики: теперь мы уже не дадим ход рекламе и шарлатанству, покрывающему мистическую мерзость многого, что происходит в литературе. К нам склонился «*Перевал*», «*Весы*», несколько газет и ряд *рядовых*, могущих дать отпор хулиганству: в организации контр-провокаторской оппозиции моя истерика уже оказала *реальные услуги*, хотя если смотреть на поверхность литературной арены, то как будто и ничего еще пока не изменилось: но это только кажется: брешь пробита. Даже В. Иванов подумывает удрать за границу[8]. Итак, я виноват, как писатель, но не виноват в нечестности, и неожиданно *тактически сделал верный ход*, чего уже совсем не ожидал.

Как надо смотреть на мое «*Против Музыки*». 1) Как на истерику. 2) Как на тактический ход (непроизвольный). 3) Как

на рассуждение с самим собой, — рассуждение, стояще<е> вне плоскости искусства, и потому не нарушающее моих прежних взглядов (уже после появления заметки я читал лекцию «*Искусство будущего*» (2 раза)[9], где буквально повторил свои прежние мысли о великом значении музыки, о значении ее, как формы, и о значении *формы* в музыке: этим я дал понять, что заметка «*против музыки*», так сказать, в иной методологической плоскости. Моя вина, что рельеф *отношения методов* не выяснен: но, Эмилий Карлович, мне негде писать, а в «*Весах*» с введением литературного отдела[10] я забит на 5–6 страничек (maximum). Итак, я опустил много промежуточных взглядов, долженствующих показать, что я могу писать и «*против музыки*», оставаясь ее горячим поклонником. Как до заметки, так и после я *умирал* на Вагнере, Шумане, Бетховене. Чем я виноват, что мне нет места ни в одном журнале, как скоро я хочу говорить обстоятельно: меня загоняют в афоризм, и получаются «*ананасы*»[11].

Тактика моя в этой заметке такова: «вы, шарлатаны, кричите, что музыка — все, и выводите из этого педерастию и порнографические общества. Вы иногда повторяете меня: врете, подлецы, я не с Вами, и если Вы хвалите музыку, я ее ругаю»*.

Наконец, после кощунств с музыкой, мистерией, соборностью и мистикой, я считаю необходимым *на время провокации* опустить завесу на многое в себе и явиться с опущенным шлемом. Отсюда тактика: «*Назад к индивидуализму*» в одном направлении, и «*лучше соц<иал->демократия, чем соборный разврат*» — в другом.

Теперь подхожу к *ужасу*, который гнетет и давит меня; о невольной боли, которую я причинил Вам, и о *двойной* боли, которую испытываю я: Вашей болью болею; и болью тем, что *негодный купчина*[12] провоцировал наши отношения. Вот как это произошло. Когда Вы писали мне, что будете отвечать, я очень порадовался в двояком отношении: 1) я хотел с Вами говорить в печати: я думал, что наша полемика будет мне глубоко полезной, и что мы могли бы показать пример, как надо полемизировать, 2) я радовался случаю *выяснить* свою истерическую по форме заметку, снабдить ее комментариями в том свете, что не так «*дик зверь, каким я его представил*», что моя заметка, если

---

* *Приписка Метнера*: А проклясть Вагнера?

она и истерична по форме, то все-таки она не «*ананас*», каким не могла не показаться. Первоначально я хотел отвечать в «*Весах*», посвятив ответу один из «*На перевале*» (которому «*Весы*» уделяют 4–5 страничек). Но когда оказалось, что Вы выступили тяжеловооруженным, мобилизировав на мою заметку полки из ратей, которых я сам высоко чту, я увидел, что мог бы ответить Вам *большой статьей*, в которой должен бы предварительно высказать 1) вводные взгляды к заметке, которых печатно не высказывал, и 2) на Ваше возражение ответить пояснением вдвое большим. Этого *ни* в «*Весах*», ни в «*Перевале*» (который отказался напечатать мою лекцию (имевшую успех)[13] и который, конечно, отказался бы поместить *ответ на возражение* в размере, превышающем размер 5 печ<атных> страниц). «*Весы*», кроме того, были битком набиты материалом, который нужно напечатать в текущие два месяца, иначе этот материал потеряет свой смысл (всё полемика и тактика). В «*Руне*» я мог бы написать статью, но я вышел из сотрудников, а письмо в Редакцию меня заставили написать в один день.

Но буду говорить по порядку.

Приехав в Москву, я встретился на бульваре с Тастевеном, который сообщил мне о размере Вашей статьи, о том, что № вышел[14], говорил о том, что журнал меняется, что в журнале будут сериозные статьи, посвященные гносеологическому взгляду на искусство. Я, имея в виду, помимо спешного ответа, написать статью, в которой собирался разобрать нашу полемику, имел неосторожность сказать, что в сериозно обставленном журнале я мог бы работать, если бы Ряб<ушинский> не врывался со своим «*хамством*»[15]. Оба мы смеялись над Рябушинским (ведь ушел я 1) из-за оскорбления Рябушинского, нанесенного Курсинскому[16], 2) из<-за> того, что нам, сотрудникам, объявили с *высоты престола* об изменении направления журнала[17], 3) из-за того, что Рябушинский так и не сумел объяснить программы журнала). Так мы поговорили, не предрешая формального моего возвращения в журнал. Пришел домой, получаю «*Руно*»: в восторге от Вашей статьи, но вижу настоятельную необходимость ответить Вам на страницах «*Руна*», имея в виду, что статья, написанная столь блестяще, намекает на многое, о чем мы лично говорили, говорит о моем кризисе, касается моей личности

(эстетической) — *но личности*: и я хочу внести своим объяснением ряд поправок. Телефонирую в «*Руно*», отвечают: «Статья нужна послезавтра: журнал выходит». Пишу моментально. Потом читаю «*Руно*». Вижу — Ваша статья единственное, что ценно: журнал наполнен вздором; выходки «Эмпирика» против «*Весов*», которые теперь составляют Брюсов, я, Эллис, т. е. выходка против нас, вздор Блока о «*реалистах*», «*меледа*» Иванова о «*гы-гы-гы*» русского мужичка в греческом хитоне, соборно предающегося педерастии[18]; вижу — нет, не могу сотрудничать во враждебном лагере: лечу говорить с Брюсовым и Эллисом. Вырабатываем ультиматум «*Руну*»: 1) устранение Рябушинского и «конституция» Руна, 2) права «*veto*» на статьи о литературе (мера против Петербурга). Пишу письмо Тастевену, посылаю *письмо* в Редакцию. Тастевен прилетает; говорит уклончиво, не сдается (*письмо*, вероятно, мое он уже читал); Тастевен соглашается со многим, о чем я говорил. Я думаю, что говорит он как уполномоченный Рябушинского. Извещаю Брюсова, что «*Руно*» сдается. Но Рябушинский *все* отвергает (о *письме* молчат). И вдруг получаю ответ, что если вернусь в «*Руно*», напечатают, не вернусь — отвергнут. А напечатать *ответ* мой *Вам мне необходимо*: *напечатать негде*. Злюсь, ссылаюсь на формальное свое право, уклоняются, советуются — и отвергают. Мне говорит Брюсов, что если я напечатаю протест в газетах, это послужит формальным поводом к его выходу: уйдут Мережковские, Кузмин, Балтрушайтис и др.[19]

Теперь о форме письма в газеты. Составляю наскоро ответ[20], показываю одному лицу (ни Эллису, ни Брюсову, ни Соловьеву, ни Петровскому — *кому, не скажу*), говорят: не мотивировано, а мне некогда думать о форме, потому что измучен, денег нет, в Москве жара, чуть ли не есть нечего (мамы не было), масса срочной работы, непрочитанные книги, письма от петербуржцев, что я — клеветник (за полемику), оскорбление, полученное от одного лица, которое мне дороже всего на свете[21], и в довершение невозможные отношения со стороны одного близкого когда-то друга (кончившиеся вызовом меня на дуэль: потом разъяснилось)[22] — и всё вместе, сразу, единовременно: естественно, что моя брань с «*Руном*» переполнила чашу нервности, и думать о форме письма не мог: его составил один человек (Вы его не знаете и не узнаете, ибо он только хотел мне помочь и в наивности

написал злосчастную фразу о Вашей статье: «*Имели место заглядывания в душу*»)[23], я не обратил внимание на форму от усталости, а он хотел только сказать, что ввиду того, что Вы ищете *мотивов* появления заметки *против музыки* и указываете на них, то я *должен* ответить Вам в том же органе, имея в виду читателей «*Руна*». Так появилось письмо в «Столичном Утре». Появился ответ Рябушинского[24], где он придрался к *словам* 1) провокация, 2) сыск. На *провокацию* я ответил, что разумел провокацию соборного индивидуализма *относительно форм* современного искусства[25]. О *сыске* я даже не понял. Этим воспользовался Рябушинский и уже во втором письме совершил *явную подлость и передержку*: он, не имея уже моего *письма в Редакцию Руна* под руками и *основываясь на впечатлении, приписал мне то, чего у меня нет в письме, т. е. будто я считаю сыском Вашу статью против меня* (??)[26]. У меня отвалились руки, точно *меня окатили грязью*: оставалось или привлечь его за *клевету*, или молчать. Я тут же хотел Вам писать, приложить мое письмо в *Редакцию* «*Руна*» Вам и умолять Вас лично в «*Столичном Утре*» опровергнуть негодную клевету, но все ждал, когда у меня будут корректурные гранки (я отдал в «*Перевал*»[27], и по сю пору корректуры нет — пришлось съездить в типографию и выбрать самые сомнительные места, чтобы привести их Вам, как доказательство моей невинности в той гнусности, которую допустил Рябушинский. Мог ли я думать, что *тень ложится на Вас*, когда после 2-го письма Рябушинского *я был очернен в моем представлении так*, что мог или молчать, или требовать суда над Рябушинским. (А *в это время меня еще и вызвали на дуэль* за мое негодующее письмо на один поступок одного литератора, показавшийся мне подлостью[28].) Морально я успокоился после опубликования писем о выходе из «*Руна*» Брюсова, Мережковского, Гиппиус, Кузмина, Балтрушайтиса и Ликиардопуло. Вдруг приходит Ваше письмо — и, о ужас, я вижу, что и на Вас упала тень. Боже мой, что же это такое?? Тут явно «*некто третий*». Но к делу, к делу (не хочу давать волю чувству, а то ничего не напишу: так обидно, так горько, — больно за себя и еще больнее, что невольную боль причинил Вам.)

Вот выдержка из письма (1-го) Рябушинского в редакцию «Столичного Утра» (2-го письма искал, не нашел). «*Анализ*

взглядов Белого Вольфингом уподобляется сыску». А между тем — ничего подобного.

Вот выдержки из моего ответа (*ответ* появится в ближайшем № «*Перевала*»: он набирается, и оттого я его не могу привести сполна.

Во-первых, я начинаю поклоном Вам:

«*В статье „Борис Бугаев против музыки“ г. Вольфинг подвергает меня неумолимому преследованию. Со свойственной ему проницательностью этот единственный в своем роде критик преследует меня в утаенных мною мотивах появления „Заметки против музыки“. Это заставляет меня сообразно выбранному г. Вольфингом пути нападения на мои взгляды дать ответ в одной плоскости с нападением.*

Спешу заявить, что я с благодарностью поднимаю перчатку, когда она брошена критиком, статьи которого глубоко ценю; музыкальные взгляды г. Вольфинга дороже и ближе мне взглядов всех прочих музыкальных критиков [и в особенности критиков модерн*]».

Похоже ли это начало на то, чем желает представить мою статью Рябушинский?

А вот самые сомнительные места из всего ответа, которые *подлые люди* могли бы и по-подлому истолковать, но все же вывода о *сыске* нельзя сделать, ибо это уже клевета, за которую преследует закон.

«И хотя г. Вольфинг дифирамбист здоровой музыки, а я больной писатель, я говорю г. Вольфингу о том, что мы знаем оба: нечего утаивать, становиться в полуоборот к буржуазной публике с официальными тостами за искусство (где нужно, все мы провозглашаем эти тосты). Ну вот: я подхожу к последнему. Я спрашиваю г. Вольфинга через голову окружающих (среди них, вероятно, найдутся люди, которые повеселятся нашей полемикой: я готов им доставить это веселье** и унижаться до заботы о писательском «*престиже*» не стану) — я спрашиваю моего тонкого

* Эти слова в рукописи зачеркнуты, т. е. слова о критиках «модерн». (*Примеч. Белого*).

** Это в сторону модернизованных «*кентавров*», хохочущих надо всем, что я пишу, начиная <с> Манифеста (*Примеч. Белого*).

судебного следователя, знает ли он, для чего искусство? И если он мне ответит каскадом определений и слов (во время тостов проливается пена шампанского), тогда уже ***я***[*] *превращаю нашу полемику в сыск, обращаясь к нему* ***тихим*** *часом Заратустры*: „Ты это знаешь, но ты этого не говоришь“»[29]. Итак, кто же сыщик? ***Я***[**] сыщик, а не Вы. И сыскное отделение мое — «*Тихий Час*» Заратустры. Эмилий Карлович, за что меня оклеветали? Судите, кто больше имеет прав на обиду? Моя вина нервность тона, *не на* Вас (*поймите же*) направленная и вызванная афористическим тоном (отвели только «*3*» печ<атных> страницы «*Руна*»), быстротой письма, всей громадной усталостью, и рядом параллельных тяжелых условий (ссора, окончившаяся вызовом на дуэль, оскорбление, истерика и пр.). Но *клянусь*, это единственные места, которые подлец мог бы использовать. Везде я Вас называю «культуртрэгером», своим «*добросовестным оппонентом*» (не в насмешку же, Бог мой). А полемическая живость прочих мест *не превышает* Вашей полемической живости — да в ней ли дело, когда пущена в ход *между нами* клевета и провокация.

Я предлагаю такой выход: пришлите в «*Столичное Утро*» письмо (хотите, я перешлю? нужно лучше прислать мне: я знаком с редактором; в случае затруднения пущу в ход Соколова (он дружит с Явинским — редактор[30])), где на основании напечатанного в «*Перевале*» ответа моего Вам («*Перевал*» скоро выйдет) или на *основании доверия Вашего ко мне* (веры в то, что я не стану нагло лгать Вам в письме) укажите, что Вы не считаете моего *ответа* укором в сыске (письмо в Редакцию, возможно, должно быть короче, и приложите в «*postscriptum'e*» прилагаемое официальное письмо мое к Вам[***]). Подадим друг другу дружески руку в *печати* через голову клеветников. Я думаю, что это — единственный способ изгладить и мою, и Вашу боль, которую я, быть может, неосторожно (но в совершенном неведении) причинил Вам. И простите меня, Христа ради, за причиненное огорчение: верьте, я *очень страдаю*: гораздо больше, чем могу это выразить в словах, потому что мне Вас лишиться *невозможно*, *ужасно*; наша

---

[*] *Подчеркнуто четырьмя чертами.*

[**] *Подчеркнуто тремя чертами.*

[***] Оно на отдельном листке. (*Примеч. Белого*).

дружба не должна поддаваться провокации, и, верю, провокация рассеется.

Люблю Вас, обнимаю и остаюсь Вашим верным, преданным другом всегда, всегда, как бы Вы на меня ни смотрели.

Б. Бугаев.*

Глубокоуважаемый и неизменно мне близкий г. Вольфинг!

Мне приписали заведомо ложное мнение по поводу Вашей блестящей статьи против меня, помещенной в № 5 «*Золотого Руна*». Я прислал Вам ответ в Редакцию «Золотого Руна». Г. Рябушинский печатно заявил, что в этом ответе я называю Ваш серизный разбор моих взглядов о музыке «*сыском*»**. Я Вам привел точные выдержки из моего «*Письма в Редакцию Золотого Руна*»; предоставляю Вас сказать заключительное слово. Я прошу предать гласности и это письмо к Вам, как знак того, что заведомая неправда не может нарушить наших дружеских отношений.

Примите уверение в моем глубоком уважении к Вашему критическому дарованию.

Остаюсь неизменно преданный

Андрей Белый.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 54. Помета красным карандашом: «LI». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 295–297. Обоснование датировки см. в примеч. 7.

Ответ на п. 141.

1 С. М. Соловьев, Эллис, А. С. Петровский.

2 Имеется в виду статья «Художник оскорбителям» (см. примеч. 2 к п. 136).

3 Л. Д. Зиновьева-Аннибал.

4 Подразумевается сказка Ханса Кристиана Андерсена «Новое платье короля».

5 Речь идет о полемических установках, которых придерживались к этому времени «Весы» в своем противостоянии «мистическому анархизму» и другим попыткам обновления символизма, которые исходили главным образом от литераторов-петербуржцев, из окружения Вяч. Иванова.

6 В письме к Белому от 15–17 августа 1907 г. Блок признавался: «Да, я разделяю Ваши опасения относит<ельно> „зари мистич<еского> хулиганства". Да, я признаю себя виновным в „потакательстве". <...> Потому, сочту

---

* *Последующий текст — на отдельном листе.*

** *Далее зачеркнуто*: Если бы это было сознательно сказано, я счел бы такой поступок *клеветой*.

своим долгом сказать *нет* этим теориям в письме в ред<акцию> „Весов“» (*Белый — Блок.* С. 327). В письме в редакцию «Весов» (26 августа 1907 г.) Блок заявил: «...я никогда не имел и не имею ничего общего с „мистическим анархизмом“, о чем свидетельствуют мои стихи и проза» (Весы. 1907. № 8. С. 81; *Блок.* Т. 7. С. 210).

[7] 22 августа 1907 г. Блок писал Белому из Шахматова: «Приеду, м<ожет> б<ыть>, 24-ого вечером, зайду к Вам <...>» (*Белый — Блок.* С. 334). Блок приехал в Москву в назначенный день. На основании этих сведений датируется настоящее письмо.

[8] Источник этого сообщения не установлен. В августе 1907 г. Вяч. Иванов вместе с семьей проживал в Загорье Могилевской губернии.

[9] С лекцией «Будущее искусство» Белый выступал в Москве в Политехническом музее дважды — 17 и 30 апреля 1907 г.

[10] «Весы» были начаты изданием в январе 1904 г. как «научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник»; с января 1905 г. выходили с подзаголовком: «Ежемесячник искусств и литературы». «С 1906 г. в „Весах“, — как сообщалось в редакционном объявлении, — печатаются, кроме критических и философских статей, стихотворения, романы, повести, рассказы, драмы и все другие произведения творческой литературы» (Весы. 1905. № 12. С. 94).

[11] Образ из стихотворения Белого «На горах» («Горы в брачных венцах...», 1903): «В небеса запустил // ананасом» (*СП — 1.* С. 130).

[12] Подразумевается издатель «Золотого Руна» Н. П. Рябушинский, представитель династии московских предпринимателей (торговый дом «П. и В. Рябушинские»).

[13] Видимо, имеется в виду лекция «Будущее искусство». Ее содержание отражено в одноименной статье (1907), впервые опубликованной в книге Белого «Символизм» (1910).

[14] № 5 «Золотого Руна» за май 1907 г., включающий статью Метнера «Борис Бугаев против музыки», вышел в свет с опозданием относительно календарных сроков, в июле 1907 г.

[15] Вероятно, именно об этом разговоре с Белым сообщает Г. Э. Тастевен в письме к Метнеру от 31 августа 1907 г., освещая обстоятельства конфликта: «...перед этим А. Белый заявлял намерение вернуться в „Руно“ и даже обещал статью „Об искусстве Будущего“» (РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 1).

[16] См. примеч. 5 к п. 138. Обстоятельства конфликта между А. А. Курсинским, сменившим С. А. Соколова в роли руководителя литературно-критическим отделом «Золотого Руна», и Рябушинским осветил Брюсов в письме к Ф. Сологубу от 31 августа 1907 г.: «Когда он <Рябушинский. — *Ред.*> увидел, что в лице Курсинского он тоже не имеет покорного исполнителя своих вздорных причуд, он постарался избавиться и от него <...> для этого он прибег к самому непристойному способу: намеренно оскорбительному

обращению с Курсинским. Так, *дважды* Рябушинский в обществе не подал руки Курсинскому, только кивнул ему головой, как это принято (к сожалению) по отношению к прислуге. <...> Курсинский после этого просил „Весы" организовать третейский суд между ним и Рябушинским. <...> Формально эти объяснения кончились тем, что Рябушинский перед Курсинским извинился. Но на этом совещании выяснилось окончательно, что отношения Рябушинского к своим сотрудникам и к писателям вообще таковы, что исключается возможность участия в его журнале для людей, себя уважающих <...> вот две фразы, которые он повторял несколько раз, с ударением: „Неужели я не могу *отказать* своей *кухарке*, без того, чтобы в это дело не вмешались «Весы»?" и: „Я вполне убедился, что писатели — то же, что проститутки: они отдаются тому, кто платит, и, если заплатить дороже, позволяют делать с собою что угодно". Я после этого разговора с Рябушинским не дал в „Руно" ни одной строки» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. С. 110).

[17] Об изменении идейно-эстетической программы журнала было оповещено в «Золотом Руне» в заметке «От редакции» (1907. № 6. С. 68), в которой, в частности, заявлялось, что «декадентство» «уже пережито современным сознанием» и что одной из задач журнала является «пересмотр теоретических и практических вопросов эстетического мировоззрения».

[18] Подразумеваются опубликованные в № 5 «Золотого Руна» за 1907 г.: полемическая заметка Эмпирика (псевдоним Г. Э. Тастевена) «О культурной критике: По поводу статей Антона Крайнего и Товарища Германа („Весы" № 5)» (С. 75), статья А. Блока «О реалистах» (С. 63–72), статья Вяч. Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» (С. 47–55).

[19] Именно таковыми оказались последствия инцидента между Белым и Рябушинским. 21 августа 1907 г. «Столичное Утро» опубликовало (№ 69. С. 4) Письмо в редакцию:

М. г., г. редактор!

Позвольте через вашу уважаемую газету довести до сведения наших читателей, что мы более не считаем возможным сотрудничать в «Золотом Руне» г. Н. Рябушинского и никакого участия в этом журнале более не принимаем.

Примите уверения в совершенном уважении.

Д. Мережковский, З. Гиппиус, Валерий Брюсов.

На следующий день в той же газете (№ 70. С. 4) было помещено аналогичное Письмо в редакцию:

М. г., г. редактор!

Вполне присоединяясь к напечатанному в вашей уважаемой газете письму Д. Мережковского, З. Гиппиус и В. Брюсова, мы также не считаем более возможным сотрудничать в «Золотом Руне» г. Н. Рябушинского и никакого участия в этом журнале более не принимаем.

Примите и пр.

Ю. Балтрушайтис. М. Кузмин. М. Ликиардопуло.

[20] Текст опубликованного Письма в редакцию Белого — в примеч. 4 к п. 141.

[21] Кто именно и какая ситуация здесь подразумеваются, неясно.

[22] Имеется в виду вызов на дуэль, последовавший от Блока 8 августа 1907 г. в ответ на письмо Белого от 5 или 6 августа. Инцидент был разрешен в ходе последовавшей переписки и пространных взаимных объяснений. См.: *Белый — Блок.* С. 310–334.

[23] Упоминание здесь Белым некоего стороннего лица, составившего за него письмо в редакцию, побудило Метнера заподозрить в выдвинутой версии обстоятельств, положивших начало инциденту, дополнительную интригу. В письме к матери из Веймара от 20 сентября (3 октября) 1907 г. он сообщал: «...тут кому-то понадобилось поссорить меня с Бугаевым. Рябушинский *не* виноват. Этот — неизвестный мне — человек покрупнее, нежели Рябушинский; последний просто защищал грубовато *свое* дело; Бугаев сумасшествовал, был вне себя, и этим пользовался „кто-то", диктуя Бугаеву глупые письма; а „сыск", о котором писал Рябушинский, просто недосмотр с его стороны, сыгравший в руку тем, кому важно разъединить меня с Бугаевым. <...> я вовсе не Рябушинскому верил, а письму, напечатанному в газете и подписанному Андреем Белым, где он, кем-то подстрекаемый, заявляет, что я написал свою статью на основании данных, почерпнутых из личного знакомства <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 36). Из позднейшего письма Метнера (см. п. 262) можно заключить, что «подстрекателем» он в данном случае считал С. А. Соколова (Кречетова), руководившего литературно-критическим отделом «Золотого Руна» в первой половине 1906 г. и скандально разорвавшего отношения с Рябушинским.

[24] Воспроизведен в примеч. 4 к п. 141.

[25] См. текст второго Письма в редакцию Белого (примеч. 13 к п. 141).

[26] Текст второго Письма в редакцию Рябушинского (Столичное Утро. 1907. № 66, 17 августа. С. 4):

М. г., г. редактор!

Не откажите поместить нижеследующее разъяснение по поводу письма А. Белого в № 62 вашей уважаемой газеты:

Письмо А. Белого не есть ответ по существу, а лишь выходка против меня, как редактора. Не будучи в состоянии придать хотя бы тень вероятия возведенному им против редакции «Золотого Руна» обвинению в нарушении литературной этики, А. Белый предпочел перенести спор на совершенно иную плоскость, затрагивая лиц, к делу не причастных. Извращая смысл моего ответа (в № 60), Андрей Белый жалуется на непонимание его идейной физиономии и цитирует в подтверждение этого длинный ряд своих статей. Этот новый прием может лишь вызвать улыбку сожаления: ведь А. Белый не мог не понять, что, цитируя и при том на память (за неимением его статьи) отдельные места его возражения Вольфингу, я вовсе не задавался целью оценивать его взгляды по существу, а лишь хотел указать на резкость тона по отношению к г. Вольфингу, взгляды которого редакция уважает, а также и на то, что затронутые вопросы

выходили из пределов статьи Вольфинга. В моем письме было указано, что причиной отклонения статьи была резкость тона, выразившаяся, между прочим, в употреблении выражений «провокация» и «сыск»; об идеях же В. Иванова, в защите совершенно не нуждающихся, не было сказано ни слова. Старание же втянуть имя этого писателя в полемику, к нему не относящуюся, является литературной *некорректностью*.

Несмотря на стремление А. Белого придать путем цитат из своей статьи иной смысл употребленному им выражению «провокация», это ему не удалось. Приведенные А. Белым из разных мест его статьи цитаты лишь подтверждают заключение редакции о резкости тона в возражении г. Вольфингу, резкости особенно неуместной в письме в редакцию журнала, с которым А. Белый, по его же словам, не имеет ничего общего. Таким образом, необоснованность обвинения, возведенного против редакции «Золотого Руна», вполне очевидна. То обстоятельство, что А. Белый, сначала говоривший о нарушении литературной этики, не опровергнув ни одного из приведенных редакцией разъяснений, перешел к жалобам на непонимание его литературной физиономии, ясно указывает на отсутствие у него серьезных аргументов и делает продолжение полемики бесцельным.

Что же касается до выступления «Весов» в роли литературного стража, которым грозит А. Белый, то это может вызвать лишь самый искренний смех.

Примите и пр.

Редактор-издатель «Золотого Руна»
Николай Рябушинский.

[27] См. примеч. 16 к п. 141.

[28] См. выше, примеч. 22. Подразумеваемый здесь «поступок» — опубликованная в «Золотом Руне» статья Блока «О реалистах», названная Белым в письме к нему (5 или 6 августа 1907 г.) «Прошением» (*Белый — Блок.* С. 311).

[29] Цитата из гл. «Тихий час» части 2-й поэмы «Так говорил Заратустра» в переводе Д. Борзаковского. См.: *Ницше Фридрих.* Собр. соч. Т. I. Так говорил Заратустра. С. 158.

[30] Редактором газеты «Столичное Утро» значился В. Павлов, издателем — С. Л. Кугульский.

144. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

29–31 августа (11–13 сентября) 1907 г. Мюнхен

München 11/IX 907.

Дорогой друг! Я Вас так люблю, что мне в конце концов наплевать на все формы, приличья, реномэ, литературные point d'honneur'ы* своих и не своих псевдонимов и проч. и проч. *Главное*

* Вопросы чести (*фр.*).

это то, что по существу Вы остались со мною. — Это было первым и последним чувством, когда я пробежал Ваше письмо, переправленное мне сюда Анютой из Веймара[1]. Зная мое отношение к Вам, Анюта от себя отправила уже Вам телеграмму, чтобы Вы остановили печатание моих возражений[2]. Конечно, бóльшая часть их не может быть напечатана, да и тон не тот. — Ваше письмо пришло как раз перед *Валькирией*[3], и я его только бегло пробежал. *Прочел* же только сегодня. Мне хотелось бы многое Вам написать по поводу Ваших сообщений о литературных делах и скандалах с моим участием и без оного, еще более мне хотелось бы сказать Вам много-много милых слов и угомонить Вас, — но тогда пришлось бы или сидеть сегодня ночь, что я разучился в Германии, или же явиться завтра на *Зигфрида*[4] неподготовленным ни литературно, ни музыкально, не говоря уже о том, что мне необходимо дать *отзыв** о фестшпилях, так как *Руно* затратило на мою поездку и на билеты около *240* марок[5]. С последнего обстоятельства я и начинаю свое *деловое* письмо. Немедленный разрыв и выход из *Руна* невозможен для меня; я могу оставить сотрудничество в *Руне*, если это оказалось бы необходимым, не раньше, как по исполнении принятого на себя обязательства, закрепленного моим *словом* и редакционным *расходом*. Пока я занят спектаклями и потом писанием статьи, я всегда могу отвечать на запросы Редакции по поводу конфликта: «мне сейчас пока заниматься этим некогда и не следует». Повторяю, я дал *слово* написать о фестшпилях, и если бы не оно, я достал бы где-нибудь 240 марок и уплатил бы за сделанные расходы, чтобы чистым выйти из *Руна*. — В то же время *полное* молчание Вольфинга немыслимо: вокруг этого имени гудит скандал; Вольфинг является каким-то застрельщиком *Руна*, после его статьи (так это со стороны, для газетных обывателей) Вотан Мережковский, Фрикка Гиппиус, Логе Брюсов, Доннер Балтрушайтис, одним словом, dii majores et minores** покидают золоторунную Валгаллу[6]. Итак, я не могу ни говорить, ни молчать, а потому иду спать. Спокойной ночи. —

* А для *отзыва* надо настроение и сосредоточение; наш конфликт и так уже повредил этому. (*Примеч. Метнера*).

** Боги старшие и младшие (*лат.*).

12/IX. Я не могу говорить потому, что, если я, как Вы этого желаете, произнесу сейчас «заключительное слово», то, конечно, выйдет скандал с *Руном*, которое *перед лицом публики* вправе будет обвинить меня в легкомысленной поспешности моих заключений (ведь нельзя же *публике* передать все то, чтó Вы писали мне теперь): ***строго же говоря***, математически, я мог бы только указать на ошибочное приписывание Рябушинским слова *сыск* к моей статье; все остальное из «заключительного слова» было бы голословно и дало бы *Руну* оружие против меня. — *Я* (или, точнее, *Вольфинг*) не могу молчать, так как не только «*сыск*», но и «заглядывания в душу», «выводы на основании данных, почерпнутых *исключительно* из личного знакомства» представляются очень тяжелыми обвинениями. Поймите, я готов не только простить, но и извинить, счесть Вас невиновным, *зная* Ваш характер и все смягчающие обстоятельства, но со стороны-то глядеть: ведь Вы подписались под обвинением Вольфинга в литературном паразитизме; чужим трудно предположить такую степень неосторожности и такую степень растерянности писателя с именем Андрея Белого; письмо составляли не Вы, Вы подписывали его вне себя — все это нельзя же выносить на улицу. *Вольфинг или должен выступить и смыть обвинения, или исчезнуть с литературной арены.* Я не подпишу ни одной статьи (и о фестшпилях также), пока Вольфинг не будет реабилитирован. Я страшно спешу и оттого болтаю без толку. Ведь вот Вы пишете уже в своем письме, что моя статья «*намекает* на многое, о чем мы лично говорили, говорит о *кризисе*, касается эстетической личности». Неужели Вы думаете, что если бы я захотел использовать, даже *осторожно* использовать, наши беседы и переписку, то ограничился бы сказанным; я все время, когда писал о Вас и против Вас, держался данных вплоть до терминологии (см. Вашу *Теургию*[7]) опубликованного Вами; и нет у меня ни одного *намека*, все выражено с решительностью «*формулы*», хотя и смягчено гипотетичностью. Надо быть полным идиотом, чтобы не видеть в Ваших последних работах «кризиса», для этого вовсе не понадобилось мне быть Вашим знакомым и, напр<имер>, знать, что Вы пережили одну из жизненных трагедий *как раз за последний год*; под *кризисом* я разумел только философско-литературный и не намекал ни на какие интимные причины кризиса; почему не вставлено было в письме

эстетическая личность? для того, чтобы создать мнимое «формальное право». — Получилось то, чего я боялся: и я и Вы, оба превратились в орудия двух враждующих литературных фирм. Все участие в этом деле Брюсова, его советы мне *крайне антипатично*; тут чувствуется такой эгоизм, такое равнодушие к интересам лиц и близких и далеких, ему надо похерить *Руно*, и он пользуется всем для этого; он страшно умен и с большой выдержкой человек; он пользуется этим не для добрых советов своим сотрудникам, а для сохранения среди них своего господствующего положения; под предлогом свободы печатает в *Весах* Ваши «истерики», как Вы их сами называете, и массу кривляний ломаний других скорпионщиков, а сам, помещая свои фундаментальные вещи, смотрит на все другие страницы *Весов* с улыбкою превосходства, говоря про себя: катитесь, голубчики, вниз, создавайте мне выгодную раму из ваших писаний для моего Огненного ангела…[8] Дай Бог, чтобы я был не прав, думая так о Брюсове! Чем-то слишком литераторским веет ото всей «идейной» борьбы; и сколько во всем этом замешано «личного»; Вы ушли из-за Курсинского, а я слышал (*не* от сотрудников Руна), что Курсинский — человек, поступки которого квалифицируются статьями Уголовного Уложения. Я не знаю до конца Рябушинского; конечно, он дуропляс и самодур; но… будьте же справедливы: такие господа необходимы, они презренны, как презренный металл; я не думаю, чтобы он сознательно совершил передержку с *сыском*; Вы отхлестали его страшно жестоко (во *втором* письме[9], перешли границу литературности), но… почему Вы не опротестовали тут же его передержки с *сыском*, но, наоборот, еще неосторожно подтвердили ее туманным словом «интимность». Вы могли бы это сделать *голословно* с обещанием доказать статьей, имеющей появиться в *Перевале*. Дорогой Борис Николаевич! Возьмите себя в руки! Я не удивляюсь, что Вас вызывают на дуэль! Неужели пример Пушкина и Лермонтова не страшит Вас? И неужели Вы не знаете, что в обоих случаях поэты были не совсем невиноваты, немножко по-литераторски озорничали. Если бы Рябушинский вызвал Вас на дуэль за Ваше *второе* письмо, я бы не удивился; Рябушинский совершил передержку, он *неосторожно* оклеветал Вас, приписав Вам слово «сыск»; но Вы совершили *диффамацию*, издеваясь над Рябушинским во втором письме; диффамация же

отличается от клеветы тем только, что диффамация — правда, а не ложь, но правда оскорбительная и опубликованная с ясною целью обиды; Вы в письме сообщаете о личной беседе с Рябушинским, в которой Вы ему с глазу на глаз высказали свое мнение об его редакторской и литературной негодности и смехотворности. Одним словом, Вы разнервничались, потеряли голову, попали в сети Брюсова и других таинственных незнакомцев и были, как в своих статьях, рефлекторно оказавших какую-то там пользу, так и в полемике, *орудием* посторонних Вам целей и вожделений. — Однако я так никогда не кончу. Чтобы сдержать себя, представлю себе, что я Андрей Белый, а Вы — Вольфинг. Вот — что́ бы я сделал тогда. — (***NB***. Я беру, конечно, *настоящий* фазис этой истории; конечно, я бы с самого начала поступил иначе, но не об этом речь). — Нисколько не втягивая в полемику Вольфинга, живущего за границей и вовсе не посвященного ни в мистерии соборной педерастии, ни в дворцовые тайны держав *Золотого Руна* и *Скорпиона*, я бы поместил в *Столичном Утре* письмо приблизительно следующего содержания: «Г. Вольфинг предпочел, раньше, нежели принять участие в полемике, возникшей из-за его статьи*, списаться со мною лично. Эта переписка выяснила мне, что г. Вольфинг, вопреки моим первоначальным подозрениям, *всюду в своей статье опирался на опубликованные мною работы* и не намеревался лично задевать меня. Считаю необходимым сообщить об этом также и потому, что выражения моего письма вроде „заглядывания в душу“ не могли не получить неприятного и враждебного отпечатка благодаря тому, что г. Рябушинский, не поняв и исказив смысл моего не принятого им и плохо, очевидно, прочитанного возражения, в своем письме утверждал, будто я называю метод исследования г. Вольфинга „сыском“».

- -

Вот какое письмо я бы написал, прибавив к нему, конечно, несколько милых слов вроде тех, что́ Вы написали в своем «официальном» письме мне[11]. — Я же сейчас не могу поместить письма в *Столичном Утре*, не становясь в ту или иную позицию по отношению к *Руну*.

---

* NB выждать напечатания моего возражения, не принятого *Золотым Руном*, которое появится в *Перевале* в № ?[10] А пока списаться со мною лично. (*Примеч. Метнера*).

На всякий случай переписываю Вам дословно Ваше официальное письмо ко мне, которым Вы, может быть, отчасти воспользуетесь. «Глубокоуважаемый и неизменно мне близкий г. Вольфинг! Мне приписали ложное мнение по поводу Вашей блестящей статьи против меня, помещенной в № 5 *Золотого Руна*. Я прислал Вам ответ в Редакцию *Золотого Руна*. Г. Рябушинский печатно заявил, что в этом ответе я называю Ваш серьезный разбор моих взглядов о музыке „*сыском*". *Я* Вам привел точные выдержки из моего „Письма в Редакцию *Золотого Руна*"; [предоставляю Вам сказать заключительное слово.] Я прошу предать гласности и это письмо к Вам, как знак того, что неправда не может нарушить наших дружеских отношений. Примите уверение в моем глубоком уважении к Вашему критическому дарованию. Остаюсь неизменно преданный Андрей Белый». —

13/IX. Никак не могу дописать письма. — Итак, дорогой Борис Николаевич, вот Вам мой *ультиматум*: одно из *трех*: *или* Вольфинг прекращает литературную деятельность, Э. К. Метнер будет заниматься переводами с немецкого и года через два выступит под другим псевдонимом; *или*, во-вторых, Вы помещаете в *Столичном Утре* письмо указанного приблизительно содержания, снимающее с меня обвинение в том, что я называю «паразитизмом», и объясняющее недоразумение с «сыском» передержкой Рябушинского, ***или*** же Вы *соглашаетесь** на то, чтобы напечатаны были мое письмо в *Столичное Утро* и заметка в *Руно,* и относите обе рукописи, как я Вас об этом просил, *моему отцу*. Одно из *трех* решений *Вами* должно быть принято немедленно, и прошу Вас сейчас же меня об этом известить в Weimar Lisztstrasse 23[12]. — *Кроме того*: если Вы примете *второе* решение, то наша полемика (которую, конечно, даже в самом идеальном тоне, особенно растягивать не следует) примет спокойное течение, и я предлагаю Вам облегчить ее *мне* тем, что разрешить напечатать в *Руне* мою статью — письмо о *Теургии*[13], да и Вам удобнее будет ссылаться на мои воззрения, которые ведь до сих пор почти не были опубликованы; разумеется, я тщательно исключу из письма все «интимное» и оставлю только суть дела. — Печатание

* Разумеется с тем, чтобы потом в *Перевале* выяснить недоразумение и ответить мне. (*Примеч. Метнера*).

моего отчета о фестшпилях, письма о *Теургии* и ответов на Ваши статьи продлится достаточно долго и в это время установится, быть может, какой-нибудь modus vivendi* в *Руне* и произойдет его реорганизация. Прошу и о помещении письма о Теургии ответить *немедленно*. Будьте здоровы! Радуюсь, что не лишился Вас; это было бы *ужасно*... — Привет Вашей маме и нашим друзьям. Горячо любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 8. Ответ на п. 143.

[1] А. М. Метнер.

[2] Речь идет о корреспонденциях, отправленных Метнером в «Столичное Утро» и «Золотое Руно» (см. п. 142, примеч. 3).

[3] Опера Р. Вагнера (1870), исполнявшаяся в Мюнхене в рамках программы Вагнеровских фестшпилей.

[4] Опера Р. Вагнера (1876).

[5] См. примеч. 2 к п. 141.

[6] Иронические параллели между актуальной литературной ситуацией (см. примеч. 19 к п. 143) и образами из «Кольца нибелунга» Вагнера: Вотан — верховный бог; Фрикка — богиня, его жена; Логе — бог огня; Доннер — бог-громовержец; Валгалла — сказочный замок, обиталище богов.

[7] См. примеч. 30 к п. 37.

[8] См. п. 137, примеч. 17.

[9] См. примеч. 13 к п. 141.

[10] См. примеч. 16 к п. 141.

[11] Подразумевается текст (обращенный к «г. Вольфингу»), приложенный к п. 143; приводится ниже с небольшими неточностями.

[12] Веймарский адрес Метнеров.

[13] См. п. 47.

145. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Между 24 и 30 августа (между 6 и 12 сентября) 1907 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

я удивляюсь только одному: как можете Вы и в статье в «*Руно*», и в письме в Редакцию «*Столичного Утра*» строить свой ответ мне

---

* Способ существования (*лат.*).

на «*сыске*»*, не потрудившись осведомиться у меня, правда или нет то, что приписывает мне Рябушинский**. Вы разве не знаете, что Рябушинский 1) когда писал в газетах о характере моего ответа, то писал, руководствуясь исключительно впечатлением от прочитанного, а не имел письма под руками. 2) Он вообще никогда ничего не читает, так что все дело очевидно *подстроил* Тастевен, который держит себя откровенным хамом. 3) Слова о «*сыске*» поняты в обратном смысле, ибо они относятся *ко мне, а не к Вам*: ***я****** превращаю полемику с Вами в «сыск». Рукопись свою сохраню, дабы не думали, что я занимаюсь *подлогами*, а письмо появится *очень скоро в «Перевале»*[2].

Получаю Ваше письмо. Недоумеваю. Да, действительно, если бы *я немедленно* отправил письмо в Редакцию газеты «*Стол<ичное> Утро*», отношения наши, вероятно, испортились бы: Вы уже, вероятно, получили мое письмо с подробным объяснением на 12 страницах крупного формата[3]. Телеграфируйте немедленно, что мне делать с полученными письмами. Задерживаю их исключительно из-за наших отношений, которыми дорожу, вероятно, больше, чем Вы. Когда впервые прочел в газетах о том, что писал Рябушинский, я даже не понял *гадости*: почувствовал, что *воняет*. Но *вонь* била в меня: о Вас я даже не подозревал, что Вы затенены. Думал, письмо в «*Перевале*» откроет глаза Вам.

Еще раз удивляюсь Вам, Эмилий Карлович. Я, кажется, не заслужил того, чтобы мое отношение к Вам и Ваше ко мне зависело от лганья несознательного дурака, инспирированного «*подлецом*» (я не ручаюсь за инспирацию, но достаточно присмотрелся к Тастевену). Отчего Вы не подождали ответа на Ваше письмо мне? Вы теперь вдвое запутали инцидент обидным для меня доверием к лганью Рябушинского. Ответом на это лганье является выход многих имен. Итак на одной стороне Рябушинский, на другой — я, Брюсов, Мер<ежковский>, Гиппиус, Кузмин и др. (Соловьев выходит тоже[4]). И Вы верите Рябушинскому.

---

* *Приписка Метнера между строк*: Это неправда, не на сыске, а на «заглядывании».

** То, что я игнорировал его письмо в Редакцию, есть только знак презрения, подкрепленный коллективным выходом из «*Руна*» писателей[1]. (*Примеч. Белого*).

*** *Подчеркнуто пятью чертами.*

Мне это грустно.

Остаюсь искренне уважающий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Завтра отправлю телеграмму Вам. Жду ответа.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 55. Помета красным карандашом: «LII». Датируется по соотнесению с п. 143 и 146 (Приложение).

Ответ на п. 142.

[1] См. примеч. 19 к п. 143.

[2] См. примеч. 16 к п. 141.

[3] Имеется в виду п. 143.

[4] С. М. Соловьев, однако, не присоединился к демаршу сотрудников «Весов» по отношению к «Золотому Руну». Свою позицию он аргументировал в письме к Брюсову от 21 сентября 1907 г.: «Что касается выхода моего из „Золотого Руна“, то при свидании я подробно изложу Вам причины моего нейтрального положения в литературных столкновениях последнего времени. Пока ограничусь двумя только замечаниями: 1) Главная причина выхода сотрудников из „Золотого Руна“ — обида, нанесенная Н. П. Рябушинским Андрею Белому. Но я много беседовал об этом с А. Белым, в результате чего он вполне понял и оправдал мое пребывание в „Золотом Руне“. 2) Сейчас момент для выхода из „Золотого Руна“ особенно неблагоприятен ввиду несочувственной о мне рецензии, появившейся на страницах „Золотого Руна“. Теперь мой выход был бы принят как следствие личной оскорбленности» (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Подразумевается отзыв о книге Соловьева «Цветы и ладан» в статье А. Блока «О лирике», опубликованной в № 6 «Золотого Руна» за 1907 г.; см.: *Блок*. Т. 7. С. 75–79).

146. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

2 (15) сентября 1907 г. Мюнхен

München 15/IX 907.

Дорогой Борис Николаевич! В дополнение к моему письму[1] прошу Вас в случае, если Вы еще не поместили реабилитирующего письма в *Столичном Утре*, упомянуть о том, что я *живу* за границей, и поэтому Ваше объяснение как результат нашей переписки появляется так поздно. —

Что же касается двух присланных Вам рукописей[2], то, в случае помещения Вами реабилитирующего письма, они, разумеется, не могут быть помещены, и я Вас прошу их отнести моему отцу. Не забудьте при этом сделать приписку: *прошу возвратить*

Э<милию> К<арлович>у, ибо в противном случае отец отошлет рукописи в редакцию *Руна*. Если, паче чаяния, Вы в самом деле решили лучше видеть эти рукописи напечатанными, нежели самому писать оправдательное письмо, то во избежание недоразумения, припишите: *прошу отправить в Руно*. Во всяком случае жду ответа, хотя бы открытки. Weimar Lisztstrasse 23[3]. До свиданья. Привет Вашей маме. Ваш Вольфинг.

ПРИЛОЖЕНИЕ. МЕТНЕР — ЭЛЛИСУ

3 (16) сентября 1907 г. Мюнхен

München 16/IX 907.

Бесконечно дорогой Лев Львович! За что Вы и Бугаев на меня сердитесь? Сейчас мне из Веймара переслали Ваше письмо и письмо Бугаева, которые опять причинили мне боль[4]. Надеюсь, что Бор<ис> Ник<олаевич> получил уже и Анютину телеграмму[5], и мое письмо в ответ на его большое письмо и мою открытку[6]. Сейчас буду писать Вам: как Бор<ис> Ник<олаевич>, вероятно, показывал Вам (или цитировал) мои письма, так и Вы можете это письмо показать Бор<ису> Н<иколаевич>у. — Если бы я поверил «сыску», то *начал* бы с тех писем (в *Столичное Утро* и в *Руно*), которые я направил к Бор<ису> Н<иколаевич>у на просмотр и усмотрение[7]; между тем я *сначала* написал письмо Бугаеву; через два дня сообразил, что *в случае, если совершилось невероятное*, то необходимо скорее опровергнуть; ***поэтому**, не дожидаясь ответа от Бугаева,* составил две отповеди; если бы я *вдруг* поверил, я не отослал бы их Бугаеву, а *прямо* в *Руно*; если бы я поверил «сыску»[8], я написал бы эти отповеди гораздо резче и больше распространился бы о «сыске», тогда как я о «сыске» упомянул в них между прочим и притом так, чтобы Бугаев мог зачеркнуть удобно эти пункты. Главное, на что я возражаю, не «сыск», а «заглядывания в душу, носящие чисто личный характер», «выводы на основании данных, почерпнутых исключительно из личного знакомства»[9], «интимность»[10]; все же это написано не Рябушинским, а Бугаевым; главная вина падает не на глупого Рябушинского, а на неизвестного мне Нибелунга[11], дававшего советы потерявшему голову Бугаеву и продиктовавшего ему вышеприведенные неудачные и обидные

для меня выражения; в самом деле: представьте себе, что их не было бы; кроме улыбки, сообщение Рябушинского о «сыске» ничего не могло бы вызвать; я спокойно подождал бы статьи Бугаева; но эти выражения, которыми я обвиняюсь в литературном паразитизме sui generis*, пока я не знал, что они попали в письмо благодаря невменяемому состоянию автора письма, эти выражения разве не являлись ступенью к «сыску»? Станьте на мое место и Вы увидите, что *моментами* меня не могло не охватывать сомнение, не прав ли Рябушинский? *Невероятное* благодаря документальному, несколько приближающемуся к нему, становилось моментами *вероятным*. — Теперь, представьте себе наоборот: Рябушинский ничего не говорил о «сыске» и вообще в своих письмах не квалифицировал возражения Бугаева по моему адресу; я все равно был бы глубоко огорчен письмом Бугаева, которое начинается с обвинения меня в злоупотреблении его дружескою откровенностью; к этой горечи слово «сыск» только кое-что прибавило, да и то, повторяю, прибавляло только моментами, когда я сомневался. — И вот, несмотря на то, что Бугаев странным образом не ответил Рябушинскому печатно на «сыск» и не пытался как-нибудь сгладить резкость одиозных выражений своего первого письма в *Столичное Утро*, я все-таки начал с частного письма Бугаеву, весь тон которого обнаруживает, что я не хочу верить даже очевидности. Затем, как уже упоминал, я отправил *на всякий случай* два своих возражения «для цензуры» Бугаеву; затем пришел его ответ[12], мне переслали его сюда в Мюнхен; затем на другой же день его телеграмма с запросом о моих рукописях[13]; Анюта немедленно ответила о приостановке опубликования их, *даже не списываясь со мною*, ибо она-то знает, *как* я отношусь к Бугаеву и *как* я был огорчен; затем я ответил подробно на его письмо, где формулировал ультиматум, который Вы можете прочесть[14]; *три* выхода, *четвертого* я не знаю; быть может, *Вы* знаете? Наконец вчера я отправил чисто деловую открытку Бугаеву о том, чтобы он упомянул, что я живу за границей, и о том, как поступить с рукописями. — Вот все документы. Предоставляю Вам судить. Одобрить поведения Бугаева за это последнее время — нельзя; я, по крайней мере, с годами делаюсь все *строже* к выдающимся людям и все *снисходительнее*

---

* Особого рода (*лат.*).

к будничным. Рябушинский мне раньше всего антипатичен и как *тип*, и как *индивидуум*; дальше он глуп и груб; но я не думаю, чтобы он сознательно написал о «сыске»; далее, если быть справедливым и судить *только* по опубликованным письмам (как это имело место *здесь* в Мюнхене, где мои русские знакомые не знают лично ни Рябушинского, ни Бугаева и *не знали*, что ***я — Вольфинг***), *то* ***видимость*** правоты скорее на стороне Рябушинского; а это — отчаянно досадно; зачем Борис Николаевич в своем втором письме так «интимно» отделал Рябушинского и почему вообще Вы, Сергей Михайлович, Алексей Сергеевич[15] не руководили им, раз видели, что он совсем расстроен и вне себя. Он и теперь в своем последнем письме не хочет понять, что *ради меня* нельзя было молчать на письмо Рябушинского, где он говорит о «сыске», и надо было воспользоваться этим «сыском», чтобы исправить свою неосторожность, выразившуюся в обвинении в «заглядываниях» и проч.

Чтó мне в коллективном выходе из *Руна* писателей?[16] Если бы я мог выйти вместе с ними, то и тогда это не реабилитировало бы меня. Здесь живет (в Мюнхене) один русский, очень образованный, милый, справедливый человек, он читает все «новые» журналы; когда он познакомился с этой полемикой по письмам, то вынес неприятное впечатление ото всех троих: и от Вольфинга, и от Бугаева, и от Рябушинского, но наименее *не*выгодное от Рябушинского, с которого взятки — гладки. Я должен был открыть свой псевдоним, чтобы защитить Вольфинга, и сказал ему, чтобы он прочел мою статью (он читал только Бугаева *Против Музыки*); тогда он совершенно остолбенел, услышав, что я не хочу помещать возражения даже на «заглядывания» без предварительной частной переписки с Бугаевым. Понадобилось все мое красноречие, чтобы объяснить ему (не входя в интимные подробности), что Бугаев не виноват. Вот Вам голос из публики, и притом избранной хорошей и сравнительно понимающей публики. — А те, что не читали ни моей статьи, ни бугаевской *Против Музыки*, просто сочтут меня за паразита, Бугаева за буяна, а Рябушинского за торгаша, чем он и является; обидность невелика для него, но тяжела для Бугаева, еще тяжелее для меня. — Дорогой Лев Львович! Прошу Вас вникнуть в положение дел и помочь Бугаеву, если он еще ни на что не решился. Я прислал ему проект письма, которое могло бы спасти Вольфинга. Я твердо решил, что Вольфинг перестанет

существовать или будет оправдан. Пусть Бугаев докажет, где то слово, то место, то мнение, тот вывод, что́ почерпнут «исключительно» из личного знакомства. Если он сумеет доказать это, то я печатно извинюсь перед ним и, выразив свой взгляд на фактор личного знакомства критика с критикуемым, заявлю, что отныне не буду о Бугаеве ничего писать ни положительного, ни отрицательного. Я так мало ценю свое литераторство, что готов принести его в жертву (это не фраза) моей дружбе с Бугаевым и просто, если Бугаев не оправдает меня, сойду со сцены, т. е. не я, а Вольфинг; я же буду заниматься для заработка переводами, а для собственного удовлетворения каким-нибудь бесконечным исследованием, никому не нужным и не подлежащим напечатанию. — Если же Вольфинг продолжает существовать, то пока он не может выйти из *Руна* по многим причинам. Я писал об этом Бугаеву. Но *кроме того*: *Руно* — единственное место, где я могу полемизировать с Бугаевым и прийти вообще к какому-нибудь с ним соглашению; ведь *Весы* не примут; они отказали даже Бугаеву, чего я от Брюсова никак не мог ждать; ведь я и писал свое возражение против *Против Музыки* только в уверенности, что Бугаев будет отвечать из *Весов*; *Перевал* тоже не примет, к тому же я считаю неудобным навязываться в *Перевал*, который не пригласил меня в число сотрудников; значит, я должен или молчать, или отвечать Бугаеву в *Руне*; я думаю, что все писатели, ушедшие из *Руна*, поймут *физическую* невозможность для меня немедленного выхода из *Руна*, зная, что, помимо личности остались невыясненным между мною и Бугаевым и принципиальная сторона наших статей, и что нелегко найти место, где можно сложить полемические грузы. — Борису Николаевичу (на его последнее письмо) мне хочется возразить еще вот что. Он напрасно пишет, что я строю свой ответ (в письме в *Столичное Утро* и в заметке для *Руна*) на «сыске»: если Вы, Лев Львович, читали эти рукописи, то увидите, что о «сыске» между прочим и так, чтобы Бор<ис> Н<иколаевич> мог удобно зачеркнуть; главное — относительно «интимности», «личного знакомства», «заглядывания в душу»; а это *пока* остается правомерным, ибо это цитата из письма Бугаева в *Столичное Утро*. — Кроме того, посылая ему обе рукописи, я доказал достаточно, как дорожу его отношением, и я не понимаю, *чем* я «запутал инцидент»: рукописи у него в руках, и он властен ими распорядиться; «лганью»

конечно, пострадали многие ни в чем не повинные граждане, случайно или из любопытства очутившиеся вблизи забастовщиков; так был зверски убит Александр Карлович Гейнце, аптекарь, молодой человек лет 26, очень любимый в здешних кружках <…> погибло и изувечено гораздо больше, нежели показано. Полиция и казаки <…> пассивно смотрели на избиение <…> я испытываю глубокую нравственную гадливость к шайке мерзавцев, в среду которой забросила меня моя странная судьба; просто неприлично служить такому правительству; положение до такой степени унизительное в моральном отношении, что только мое состояние больного и нищего человека может отчасти оправдывать меня в том, что я не швыряю немедленно заявление об отставке в бесстыжие очи петербургских оберподлецов» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 36).

[7] Конфликт Метнера с генерал-губернатором Нижнего Новгорода П. Ф. Унтербергером (см. примеч. 12 к п. 24) обозначился еще до погромной акции; 2 июля 1905 г. Метнер писал Н. Метнеру: «На днях я говорил с губернатором (по поводу нового циркуляра), и он, между прочим, в разговоре дошел до такого бесстыдства, что обвинял печать (а, следовательно, и меня) в событиях, вызванных его же башибузукскими приемами. Неужели он наивен до того, что думает, что я не знаю (или не верю), кто виноват во всем?» (ГЦММК. Ф. 132. № 4303).

[8] Описанная сценка «иллюстрирует» эпизоды из части 2-й «Симфонии (2-й, драматической)»: «У печной трубы дрались два кота, черный и белый: оба прыгали, гремя по железу, усердно били друг друга по щекам и визжали что есть мочи. <…> Человечество, затаив дыхание, следило за поединком»; «…серый кот побил черного и белого <…>» (*Симфонии.* С. 84, 85).

[9] Имеется в виду п. 110.

[10] М. К. Морозова.

[11] А. М. Братенши и А. М. Метнер.

[12] Диалог Платона «Пир» в переводе на немецкий.

[13] Произведения на тему легенды о Вечном жиде Белый в зрелые годы не написал; эта тема волновала его с юношеских лет, о чем он сообщает в автобиографическом письме к Р. В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: «…я отдался странной, дикой, туманной, космической эпопее в прозе; в небесах этой поэмы постоянно проносится „*облачко крыл херувимов, несущих некий престол*“, а под небесами от времени до времени открываются панорамы жизни некоего „*вечного жида*“, бывшего ребенком в раю, потом ставшим царем мира и наконец палимым молниями небесной ярости и т. д. Над формой этой поэмы я работал в „*поте лица*“ с зимы до осени 1899 года; потом „*поэма*“ несколько лет лежала у меня; потом я ее уничтожил» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 488). Черновой текст этого произведения (так наз. «Предсимфония») сохранился (см.: *Симфонии.* С. 344–364).

на Бугаева, к<ото>рого я считаю абсолютно благородным и идеально-корректным, истинным джентльменом в той же степени, как и вас. <...> Ваша статья о Бугаеве скорее лестна, чем обидна для него!»

[5] Текст телеграммы, отправленной А. М. Метнер, не сохранился.

[6] Имеются в виду п. 144 (ответ на п. 143), п. 146.

[7] См. п. 142.

[8] Слово, употребленное в первом Письме в редакцию «Столичного Утра» за подписью Рябушинского (см. примеч. 4 к п. 141).

[9] Цитаты из первого Письма в редакцию «Столичного Утра» за подписью Белого (см. примеч. 4 к п. 141).

[10] Об «интимности тона» говорится во втором Письме в редакцию «Столичного Утра» (см. примеч. 13 к п. 141).

[11] Под «Нибелунгом» здесь подразумевается не названное Белым лицо, составившее якобы по его просьбе текст первого Письма в редакцию (см. п. 143).

[12] Имеется в виду п. 145.

[13] Текст этой телеграммы неизвестен. Под «рукописями» здесь подразумеваются корреспонденции Метнера, предназначавшиеся для публикации в «Столичном Утре» и «Золотом Руне».

[14] См. п. 144.

[15] С. М. Соловьев, А. С. Петровский.

[16] См. примеч. 19 к п. 143.

[17] Образы из стихотворения Михалевича, персонажа романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (гл. XXV): «И я сжег всё, чему поклонялся, // Поклонился всему, что сжигал». См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 6. С. 75.

147. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Между 3 и 7 сентября (между 16 и 20 сентября) 1907 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович!

Я получил Ваше письмо. Я, конечно, выбираю второй путь и печатаю письмо в «Столичное Утро». Вырезку Вам тотчас же пошлю. Поступайте с Вашим письмом о «Теургии» как хотите: если где-нибудь будет возможно, я Вам буду отвечать. Если письмо мое в «Столичное Утро» Вас не удовлетворит, не знаю, что и делать. Тогда я снесу Ваши письма Карлу Петровичу[1]. Повторяю, мне бесконечно горько все, что произошло: но если бы Вы знали всю низменную подкладку со стороны «*Руна*», которое, быть

может, по таким-то и таким-то §§ юридически право (а я виноват в *диффамации)*, Вы во многом бы со мной согласились. Ну да на расстоянии всего не расскажешь. А что я хулиган, так это — правда: в *позорном своем поведении особого благородства ищу*. Может быть, последние мои произведения — *не литература*: и не надо. Какой я литератор: я устал от фальши. Мне хотелось бы только закрыть глаза и умереть. Я так устал жить, так устал, что на все происходящее смотрю из бесконечных далей.

Если Вы сочтете себя неудовлетворенным характером моего письма в «Столичное Утро», значит *надо*, чтобы Вы напечатали присланные письма. Они очень хорошо написаны, особенно то, которое адресовано в «Золотое Руно». В них нет ничего, на что бы я мог обидеться. И однако: *тогда внешние обстоятельства так сложатся, что мы должны будем разойтись.*

Это грустно, горько, но что *не грустно и не горько* под солнцем?

Я на все смотрю из-под гробовой фаты спокойным, остановившимся взглядом, пока на поверхности жизни корчится *паяц* Андрей Белый.

Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анне Михайловне[2]. Письма ее получил. Не отвечаю, потому что эту неделю бесконечное количество дел, а сил… так мало!

РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 10.

Ответ на п. 144. Не было отправлено адресату.

[1] К. П. Метнер; предполагается, что он в таком случае доставит объяснительные письма Метнера в редакции «Столичного Утра» и «Золотого Руна».

[2] А. М. Метнер.

148. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

8 или 9 (21 или 22) сентября 1907 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

письмо напечатано: посылаю вырезку[1]. Не мог поместить в «Столичном Утре» (там в редакции революция: борются с издателем, ужасная суматоха; письмо пролежало бы несколько дней).

Поместил в «*Часе*» (газета распространенная; бывший «*Новый Путь*», потом «*Парус*»[2]). Не знаю, останетесь ли довольны. Напишите. Дорогой, глубоколюбимый Эмилий Карлович, как все это грустно! Пишу только несколько слов, потому что спешу: дела.

Остаюсь глубоколюбящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Перевал № 10 вышел. Вы ведь его получаете, кажется? Если нет, пришлю гранки[3].

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 56. Помета синим карандашом: «LIII».

[1] К письму приложена вырезка из газеты «Час» (1907. № 23, 8 сентября):

М. г., г. редактор!

Не откажите напечатать в вашей уважаемой газете нижеследующее заявление.

В обмене писем между мной и г. Рябушинским, напечатанных в «Столичном Утре», с обеих сторон было упомянуто имя г. Вольфинга, музыкальные взгляды которого я глубоко ценю и уважаю за их широту и обоснованность. Адресую это письмо по просьбе г. Вольфинга к тем, кто, на основании нашей полемики, могли превратно понять мое отношение к г. Вольфингу. Уважаемый критик прежде, нежели принять участие в полемике, возникшей по поводу его статьи, предпочел выждать напечатания моего возражения, не принятого «Золотым Руном», и пока списался со мной лично. Эта переписка выяснила мне, что действительно г. Вольфинг в разборе моих взглядов на музыку опирался исключительно на мои статьи. Между тем, г. Рябушинский благодаря необъяснимому извращению смысла цитат, определил мое отношение к приемам г. Вольфинга, как к «*сыску*». Я приглашаю г. Вольфинга и читателей ознакомиться с действительным характером моего ответа («Перевал», № 10) и решить, как могло письмо в редакцию «*Золотого Руна*», полное корректности относительно высокоценимого критика, *так ужасно* преломиться в представлении г. Рябушинского. Я хочу объяснить это совершенно не допустимой халатностью редактора «Золотого Руна», чтобы не объяснять хуже. Я считаю нужным напечатать это заявление, чтобы снять тень с себя и с высокоценимого критика, тем более, что наши личные отношения не могут допустить того тона в полемике, какой желал ей придать г. Рябушинский.

Примите и пр.

Борис Бугаев (А. Белый).

[2] Ежедневная политическая, общественная и литературная газета «Час» выходила в Москве с 12 августа 1907 г., газета «Парус» — с 11 февраля 1907 г., газета «Новый Путь» — с 15 августа по 3 ноября 1906 г.

[3] Подразумеваются гранки опубликованного в «Перевале» Письма в редакцию, ответного на статью Метнера (Вольфинга) «Борис Бугаев против музыки».

149. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

12 (25) сентября 1907 г. Веймар

25/IX. Weimar 1907.

Дорогой Борис Николаевич. Поздравляю Андрея Белого и Вольфинга с благополучным разрешением… конфликта, к которому ни Бугаев, ни Метнер не были причастны[1]. Страшно занят фестшпилями[2] и потому ничего не пишу. Будьте здоровы! Если бы Вы знали, как *здесь* хорошо!.. — Любящий М. —

Здесь он жил и скончался: с веранды смотрел на закат[3].

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Открытка; на обороте фотоснимок: «Weimar. Nietzsche-Archiv».

Ответ на п. 148.

[1] В письме к матери от 20 сентября (3 октября) 1907 г. Метнер упоминал о Белом и завершившемся инциденте: «Слава Богу! Все это разбилось о нашу дружбу. <…> теперь он сам себя опроверг в газете и снял с меня нелепое обвинение» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 36).

[2] Речь идет о работе над обзорной статьей «Вагнеровские фестшпили 1907 г. в Мюнхене» (см. примеч. 2 к п. 141).

[3] Подразумевается здание, изображенное на открытке, в котором Ницше жил с весны 1897 г. и скончался 25 августа 1900 г.

150. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

27 сентября (10 октября) 1907 г. Веймар

Веймар 10/X 907.

Дорогой Борис Николаевич!

Вследствие болезни Анюты (которая теперь поправилась) мы все еще в Веймаре, и мне только теперь переслали всю направленную в Дрезден корреспонденцию[1]. Получил и письмо Эллиса (***очень*** меня порадовавшее)[2] и Ваш ответ в *Перевале*[3]; Вы страшно милы и гениальны. Но Вы уже сейчас опять на новой плоскости, и за Вами не угоняешься. Постараюсь ответить Вам кратко ясно и так, чтобы Вам не нужно было теперь же продолжать эту полемику. Анюта получила открытку Вашей мамы и очень благодарит ее за память; она ей уже ответила (или, кажется, открытки скрестились). Коля написал песню на Ваши слова *Золотому блеску*

верил; разрешаете ли Вы ее печатать?[4] Крепко обнимаю Вас. Ваш Э. Метнер. Сердечный привет Вашей маме.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Открытка с групповой фотографией: А. М., Н. К. и Э. К. Метнеры.

[1] Переезд А. М., Н. К. и Э. К. Метнеров в Дрезден планировался на первые дни октября (н. ст.) 1907 г., но выехал только Н. К. Метнер, сообщавший матери из Дрездена 20 сентября (3 октября): «Миля с Анютой остались в Веймаре, и пока еще не решено, приедут ли они сюда <…>» (*Метнер*. С. 112).

[2] В этом недатированном письме Эллис вновь касался обстоятельств конфликта: «Считаю инцидент с „З<олотым> Руном" исчерпанным. Бугаев согласен, конечно, на ваш ультиматум, в чем я его усиленно и поддерживаю. В общем дело не стоит выеденного яйца, и в сущности никто не понял, кто за что и кого, но *все* на стороне Белого (а после его последнего письма <в редакцию «Столичного Утра». — *Ред.*> и на стороне Вас) против хама Рябушинского, над которым вся Москва потешается вот уже 3-й год. Коллективный уход писателей окончательно подорвал его шансы.

Ваше предположение о роли Брюсова — совершенно ошибочно; Брюсов вышел одним из последних, ибо не желал скандала с Рябушинским. Он держал себя абсолютным джентльмэном в инциденте Ряб<ушинско>го с Борей, так же как и в прошлом году, защищая Курсинского против хама Ряб<ушинско>го. Последний в присутствии Брюсова выражал мнения, что писатели — наемный люд, что он смотрит на них, как на лакеев. <…> Результат лишь тот, что все стали читать вашу превосходную и убедительную статью и хвалить Вольфинга. <…> В частности, ваша статья очень понравилась Брюсову» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 9).

[3] См. п. 148, примеч. 3.

[4] См. примеч. 1 к п. 138. Касаясь подготовленного им opus'а 13, Н. К. Метнер сообщал в письме к музыкальному издателю Б. П. Юргенсону от 17 (30) сентября 1907 г.:

«Вот состав этого opus'а:
Op. 13 *a* № 1 „Зимний вечер" — Пушкина,
№ 2 „Золотому блеску верил" — Анд<рея> Белого,
Op. 13 *b* № 1 „Ein Fichtenbaum steht einsam" (Heine),
№ 2 „Lieb Liebchen" (Heine)» (*Метнер*. С. 110).

151. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

9–11 (22–24) октября 1907 г. Веймар

Weimar 22/X 907.

Дорогой Борис Николаевич! Получили ли Вы мои открытки[1] и, между прочим, ту, где я Вас спрашиваю о разрешении издать Ваше стихотворение *Золотому блеску верил*, на которое Коля

написал романс[2]. — Я не знаю, быть может, Вы продали это стихотворение с тем, что оно может быть перепечатано только в Вашем сборнике, и *Золотое Руно* устроит Вам неприятность, когда выйдет Колин романс? — Ответьте! А теперь к Вашему ответу в *Перевале*[3]. *Куда* Вы несетесь! И куда Вы *несетесь*? Разве можно отвечать Вам; скорее задохнешься! — Вы знаете; я раз десять принимался за ответную статью; ничего не выходит! Вместо того, чтобы хоть несколько демонстрировать мысли, выраженные в статье *Против музыки*, объяснить как-нибудь, смягчить резкость своего выпада против целого искусства, Вы ограничиваетесь ссылкою на то, что Вы напали не на «красоту форм», а на «ценность»[4], а затем, опустив все недоумения (вроде брани, которою Вы угостили Вагнера и т. п.), Вы припираете своего противника к стене вопросом «для чего искусство», на который, как Вы знаете, я не отвечу «каскадом определений»[5] и не могу ответить центрально и за литературною слабостью (неумением говорить *символами*), и вследствие нежелания формулировать преждевременно то, что зреет (я плохой подмастерье словесного ремесла, но я не романтик, не романтик по тенденции, хотя, быть может, романтик по эпохе, в которой живу, по среде, по темам, которыми поневоле интересуюсь, и т. д.); ведь спрашивать, для чего искусство, то же самое, что спрашивать, для чего культура, для чего жизнь, во *что* вы веруете и т. д. Дорогой мой друг! Чтó Вы хотите, чтобы «через голову окружающих»[6] я крикнул Вам слова проклятия на все неудачничество европейской (и русской в том числе) жизни? Или, чтобы я при всей честной публике заговорил с Вами о неудачничестве не только человеческой *породы*, но и человеческой и иной *природы*? Да, наконец, я просто не могу выскакивать с такими формулами «современное искусство настоящего и прошлого только о смерти»[7]; если бы я даже был уверен в том, что все обман, «диаволов водевиль»[8], то я бы ради высших соображений о победе над диаволом, ради святой тактики, гигиены, сказал бы: нет, не водевиль, а музыкальная драма, мистерия; и не диаволов, а человеческая, человечная, человекобожеская. Потом Вы меня не поняли или не хотели понять: я нахожу, что Вы дедуцируете «музыку вообще» из смутного понимания той или другой «реальной музыки»; это «смутное понимание» вовсе не зависит от Вашего незнания теоретического

и неумения технического, а от различности *Ваших* тенденций и тенденций *той* музыки, которая исторически оказалась *пока* первенствующей, т. е. германской. — Если бы Вы попытались построить понятие о музыке совершенно независимо от эмпирической музыкальной реальности (ens realissimum* вроде Бетховена или Вагнера), если бы Вы тогда a priori пришли бы к выводу, что «музыка — вершина искусств», то не случилось бы и никакого недоразумения, т<ак> к<ак> против теоретического гипотетичного построения не станет же воевать сам творец его; он возьмет и перестроит, внесет поправки, вплетет те ценности, какие считает необходимым для «вершины искусств». Если бы Вы, наоборот, вывели свою «музыку вообще» из эмпирической музыки, но не смутно понятой, а с бóльшею приближенностью, то Вы *никогда* не повторили бы ошибки Шопенгауэра, которая ему простительна ввиду «медового месяца» музыкальной эстетики, когда курносый нос супруги кажется античнее, нежели нос Венеры; кроме того, Вы поняли бы, что «самоценность» музыки не есть «купэ первого класса», не «самогипноз», не «жалкая увертка»[9], а просто полемическое кристаллизированное выражение; его назначение раз навсегда запереть в искусство вход внехудожественным критериям; эти критерии почти больше не вторгаются в поэзию и в изобразительное искусство, и *потому* нечего там говорить о «самоценности», необходимо предшествующей просто «ценности» в Вашем и Риккертовом смысле[10]; в музыке, ввиду программной, вообще прикладной, церковной, танцевальной, народно-патриотической и других музык, одним словом, ввиду разнообразного «сентиментального» (в шиллеровском смысле)[11] отношения к музыке, все еще надо говорить о самоценности, т. е. о специфически-художественной артистичной технической ценности; ведь, говоря о самоценности и самоцели культуры, говоря о «бесцельной целесообразности» в смысле Кантовой Kritik der Urteilskraft[12], всегда имеешь в виду именно предпосылку внутренней специфической ценности, фундамент, на котором *стóит* строить высшую ценность; в чем видеть последнюю, в прекрасной смерти, в преодолении смерти, в нас возвышающем обмане[13], в «бесцельном» самосовершенствовании, в теургии, это другой

* Реальнейшее сущее (*лат.*).

вопрос, но всякая такая *высшая ценность* только тогда и мыслима в связи с искусством, в связи с культурою, если *раньше* выполнено условие самоценности, если в самый *генезис* творчества не затесался микроб относительной сентиментально-тенденциозной ценности. — О, насколько мне легче писать Вам письмо, как это, бывало, я делал из Нижнего! Вот почему я так люблю мое большое неотосланное и только прочтенное Вам письмо, — которое мне так хотелось бы увидеть напечатанным[14]. — То, что *Вы* пишете об аполлинизме и дионисизме, — Ваша фантазия, а не термин Ницше[15]. — Но довольно об этом; приехал сюда брат мой Карл и рассказывал о Вас, как Вы были огорчены «инцидентом»; слушая об этом, я видел Вас, и страшно захотелось мне Вас обнять: это вздор, что «magis amica veritas»[*, 16]; это надо для других; на самом деле *ничего* нет ценнее самого человека; я Вам вот что скажу: наши умственные пути, очевидно, во многом начинают расходиться; быть может, мы опять, как в начале нашей дружбы, совпадем когда-нибудь, но *ничто* не изменит моей веры в Ваш *гений* и ничто не поколеблет моей любви к Вашей *личности*. Об одном прошу Вас: не распускайтесь; пишите, чтó хотите, только «здóрово» хотя бы и *больное*. — Спросите у Эллиса мое последнее письмо[17] и почитайте, как я побывал у Ферстер-Ницше. Эти неожиданные «успехи» у отдельных личностей, которых я люблю и уважаю, — единственное утешение мое в моем убожестве[18]; но, конечно, я делюсь с Вами и с близкими этими впечатлениями *строго келейно*, т<ак> к<ак> вовсе не хочу *слыть* среди москвичей каким-то посвященным в рыцари ницшеанства. К сказанному в письме Льву Львовичу добавлю, что сестра Ницше очень моложава; ей можно дать лет 45–50, тогда как ей уже 60; маленького роста; очень изящна; в молодости, вероятно, была очаровательна, много сходства с братом, в особенности в глазах; так же близорука, при этом несколько косит; говорит на необыкновенно чистом в смысле стиля и произношения языке, чтó большая редкость среди немцев, т<ак> к<ак> все они влюблены в свой диалект; сам Ницше тоже говорил совсем чисто. —

24/X. Вчера был в первый раз у *Peter Gast'a*, ближайшего друга и ученика Ницше, одного из редакторов полного собрания

---

* «Истина — большой друг» (*лат.*).

сочинений Ницше[19]; как Вам известно, он музыкант и естественник, его композиции не признаны, ибо, во-первых, он *антимодернист*, во-вторых, *антирекламист*; мы с Колей никак и нигде не могли достать их; Ницше *очень* высоко ставил талант Гаста; когда мы вернемся после концертов в Веймар, то возьмем у него его сочинения и просмотрим. Гаст живет очень скромно и безалаберно не по-немецки, принял меня очень любезно, усадил, и мы начали говорить до сипоты, как с Вами или с Петровским или Кобылинским, одним словом, по-русски (хотя и на немецком языке). Говорили часа три. На прощание он подарил мне оттиск своего введения в *Menschliches Allzumenschliches*[20]. — Помните симпатичного тапера у Кати Кобус? С печатью непризнанного гения на челе? Так вот Гаст похож на него, но, конечно, черты лица благообразнее и значительные. — Ницше он очень любит, считает его одним из гениальнейших смертных, но не слеп к его недостаткам. До свиданья. Обнимаю Вас крепко. Привет Вашей маме.

Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3.

[1] Имеются в виду п. 149, 150.

[2] См. примеч. 1 к п. 138, примеч. 4 к п. 150.

[3] См. п. 148, примеч. 3.

[4] Подразумевается следующий фрагмент из «Письма в редакцию», ответного на статью Метнера «Борис Бугаев против музыки»: «Музыка — центр падающих на все искусство вопросов <...>. Потому-то я и напал на ценность музыки (не на красоту ее форм и не на нормативное ее совершенство). Я напал независимо от своей приверженности к музыке, вопреки ей, во имя последней правды и честности» (Перевал. 1907. № 10. С. 60).

[5] Отклик на заключительный пассаж «Письма в редакцию»: «...я спрашиваю моего тонкого *судебного следователя*, знает ли он, для чего искусство? И если он мне ответит каскадом определений и слов <...>, тогда уже я превращаю нашу полемику в сыск, обращаясь к нему *тихим часом* Заратустры: „Ты это знаешь, но ты этого не говоришь“ (Ницше)» (Там же). Ср. примеч. 28 к п. 143.

[6] В заключительном фрагменте «Письма в редакцию» Белый говорит: «Я спрашиваю г. Вольфинга через голову окружающих (среди них, вероятно, найдутся люди, которые повеселятся нашей полемикой: я готов им доставить это веселье и унижаться до заботы о писательском „*престиже*“ не стану) <...>» (Там же).

[7] Цитата из «Письма в редакцию» (Там же).

[8] Слова Кириллова, персонажа романа Достоевского «Бесы» (ч. 3, гл. 6, II): «...самые законы планеты ложь и диаволов водевиль» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 471).

[9] Апелляция к фрагментам из «Письма в редакцию»: «Осознать элементы вырождения культуры в музыке — первый шаг к преодолению безусловного любования искусством вообще; это значит: открыть эстетическое купэ первого класса и дать доступ свободному ветру полей <...>»; «И мы можем строить взгляды о самоценности искусства (в частности, музыки), но это — жалкая увертка, самогипноз, не более» (Перевал. 1907. № 10. С. 60).

[10] Согласно Г. Риккерту, философия представляет собой науку о ценностях, образующих самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта, мир трансцендентного смысла. Наряду с бытием Риккерт вычленяет шесть сфер (логика, эстетика, мистика, этика, эротика, религия) и соответствующие им типы ценностей (истина, красота, надличностная святость, нравственность, счастье, личная святость).

[11] Имеется в виду эстетическая концепция, развитая Ф. Шиллером в статье «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795): двум эпохам цивилизации, древней и новой, соответствуют два типа искусства — «наивное» и «сентиментальное»; для первого характерно гармоническое единство, для второго гармония предстает лишь в идее.

[12] Сочинение И. Канта по эстетике — «Критика способности суждения» (1790).

[13] «Тьмы низких истин мне дороже // Нас возвышающий обман» — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Герой» (1830).

[14] Имеется в виду п. 47.

[15] Подразумевается следующий фрагмент из «Письма в редакцию»: «Музыка зовет, но к чему? В ней отсутствуют объекты реализации, как и во всей дионисической сущности искусства; и потому-то дионисиазм в искусстве есть, конечно, „*винная монополия*“. Аполлинизм же дробит объект реализации на бесконечность атомов (формы). Потому-то он — временный паллиатив, но не средство излечения. Соединение того и другого начала (немного того, немного другого) — только компромисс» (Перевал. 1907. № 10. С. 60).

[16] Текст «Письма в редакцию» начинается латинской крылатой фразой: «Amicus Plato, <sed> magis amica veritas» («Платон мне друг, но истина еще больший друг»; восходит к словам Сократа в диалоге Платона «Федон», 91 с).

[17] Имеется в виду письмо к Эллису из Веймара от 7–9 (20–22) октября 1907 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 10).

[18] В письме к Эллису Метнер, в частности, сообщил: «...г-жа Фёрстер находит, что не только то, *что* я говорю, но и то, *как* я говорю о Ницше, попадает в точку (trifft den Nagel auf den Kopf, выразилась она)».

[19] См. примеч. 21 к п. 31.

[20] «Человеческое, слишком человеческое» (1878–1879), в двух томах (*Nietzsche Friedrich*. Werke. Bd. II, III. Leipzig: Verlag von C. G. Naumann, 1899).

152. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

24 декабря 1907 г. Москва

24/XII 907.

Дорогой Борис Николаевич.

Я и брат[1] несколько простудились и потому не делаем визитов. Передайте, пожалуйста, наши сердечные поздравления Вашей маме[2]. Надеюсь, что мы скоро увидимся.

Оба раза мы не имели возможности говорить с глазу на глаз[3].

Помимо того, что Вы посетите нас с Вашей мамой, приходите когда будет охота и один к обеду к 2 ч. или к ужину к 8.

Обнимаю Вас.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3.

[1] Н. К. Метнер.

[2] Поздравления с Рождеством.

[3] Подразумеваются две встречи с Белым, состоявшиеся после возвращения Э. К., Н. К. и А. М. Метнеров из Веймара в Москву в середине декабря ст. ст. 1907 г.

1908

153. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

29 апреля 1908 г. Москва

Дорогой Борис Николаевич! Завтра в среду 30<-го> с<его> м<есяца> у меня вечером будет Шпет. Если Вы не заняты и это Вас интересует, приходите в 8 ч.

29/IV.

Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3.

154. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

10 мая 1908 г. Москва

Дорогой Борис Николаевич! Елена Михайловна Метнер просит Вас быть у нее завтра в *воскресенье* 11<-го> с<его> м<есяца> в 4 ч. дня к чаю. Если хотите, можете предварительно зайти ко мне. — Будет Петровский, Эллис, Шпет.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 4. Открытка; почтовый штемпель: Москва. 10. 5. 08.

155. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

24 июня 1908 г. Изумрудный Поселок

Изумрудный Поселок[1] 24/VI 908.

Дорогой Борис Николаевич! Вдруг решил писать Вам; но Коля[2] сейчас садится в пролетку ехать на станцию, поэтому только два

слова. — За все это время лил почти не переставая проливной дождь; за две слишком недели — два-три раза солнце на пять минут. Соответственно этому было и мое настроение; что-то *ужасное*! Оттого и не писал. —

К нам Вы можете приехать на несколько дней; место для ночевки найдется[3].

Привет Вашим.

Горячо любящий Э. Метнер.

Приезжайте.

Пребывание у Вас было очень центрально важно[4]; мое настроение испортилось по причинам, совершенно в стороне находящимся от этого пребывания.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 4.

[1] Дачное место под Москвой (Брянская жел. дор., станция Очаковская). Метнер жил там летом 1908 и 1909 гг.

[2] Н. К. Метнер.

[3] Летом 1908 г. Белый приезжал в Изумрудный Поселок дважды на короткое время (Метнер писал оттуда 6 июля М. К. Морозовой: «...приехал вторично на два дня Бугаев <...>» // РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а).

[4] Метнер вместе с Белым выехал во второй половине мая 1908 г. в имение Бугаевых Серебряный Колодезь, где прожил до 6–7 июня. 2 июня 1908 г. Метнер писал оттуда М. К. Морозовой: «У нас с Бугаевым — полная гармония; часто мы сходимся в пустяках и шалостях <...>» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а). «Последние дни у Бугаева, — записал Метнер в дневнике 25 июня 1908 г., — у нас с ним были очень важные беседы. <...> Удивительно! Все между нами стало так ясно; то, что нас сливало воедино, и то, в чем мы расходились» (РГБ. Ф. 167. Карт. 22. Ед. хр. 12. Л. 31 об. Оригинал по-немецки).

156. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

26 декабря 1908 г. (8 января 1909 г.). Берлин

Берлин[1] 8/I 909.

Дорогой Борис Николаевич! Ограничиваюсь поздравлением с новым годом. Передайте мой привет и пожелания всего лучшего Вашей маме. Не пишу ничего *принципиально*. Предпочитаю в свободное время болтать глупости на нем<ецком> языке. — Анюта,

конечно, сообщает Вам важнейшее из моей жизни[2]. До скорого свидания! Любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Открытка.

[1] В октябре 1908 г. Метнер отправился в Берлин с намерением изучать философию и немецкую филологию и слушать курсы лекций в Берлинском университете. 11 (24) ноября он писал из Берлина М. К. Морозовой: «4/XI я был имматрикулирован после некоторых затруднений <...> сегодня 24/XI я окончательно установил (после месячного усердного путешествия из аудитории в аудиторию), что́ именно буду слушать, и заплатил <...> за право слушания» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а).

[2] А. М. Метнер жила в это время в Москве; Метнер регулярно сообщал о своем берлинском пребывании в письмах к семье.

1909

157. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Январь 1909 г. Москва

Вместо письма.

Старинный друг, моя судьбина —
Сгореть на медленном огне…
На стогнах шумного Берлина
Ты вспомни, вспомни обо мне.
Любимый друг, прости молчанье —
Мне нечего писать; одно
В душе моей воспоминанье
(Волнует и пьянит оно) —
Тяжелое воспоминанье…
Не спрашивай меня… Молчанье!..
О, если б…

…Помню наши встречи
Я ясным, красным вечерком,
И нескончаемые речи
О несказанно дорогом.
Бывало, церковь золотится
В окне над старою Москвой,
И первая в окне ложится,
Кружась над мерзлой мостовой,

Снежинок кружевная стая…
Уединенный кабинет,
И Гёте на стене портрет…
О, где ты, юность золотая![1]

Над цепью газовых огней
Пурга уныло песнь заводит…
К нам Алексей Сергеич[2] входит,
Лукаво глядя из пенснэ,
И улыбается закату…
Твой брат C-mol'ную сонату[3]
Наигрывает за стеной;
Последние аккорды *коды*
Прольются, оборвутся вдруг…

О, если б нам в былые годы
Перенестись, старинный друг!

Еще немного помелькает
Пред нами жизнь: и отлетит —
Не сокрушайся: воскресает
Все то, что память сохранит.
Дорога от невзгод к невзгодам
Начертана судьбой самой…

Год минул девятьсот восьмой: —
Ну, с девятьсот девятым годом!

09 год.
Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 1. Помета синим карандашом: «LV».

Список — в письме Метнера к М. К. Морозовой из Малаховки от 19 марта 1909 г., с пояснением: «Переписываю Вам письмо Бугаева, отправленное мне в Берлин в январе нынешнего года» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

Опубликовано: *Андрей Белый.* Урна. Стихотворения. М.: Гриф, 1909. С. 128–129 (под заглавием: «Э. К. Метнеру (Письмо)»; с дополнительной строкой между ст. 27 и 28: «Будя в душе напев родной,»; помета под текстом: «1909. Москва»). В той же редакции вошло в макет Собрания стихотворений (1914) Белого, в раздел «1909 год»; помета под текстом:

«1909. Январь. Москва» (*Андрей Белый.* Собрание стихотворений 1914 / Изд. подгот. А. В. Лавров. М.: Наука, 1997. С. 282–283 («Литературные памятники»)). См.: *СП — 1.* С. 355–356.

[1] Ср. мемуарные свидетельства Белого: «Сближение с Метнером происходило всю осень 902 года; запомнилися беседы в его кабинетике: под музыку Метнера, сочиняющего сонату свою. <...> Моя память о наших беседах, тогдашнего времени, напоминает мне пиршества; и отразилась она в стихотворении, посвященном мной Метнеру»; далее следует цитата из настоящего стихотворения (*Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 417–418; «...тему метели, как тему зари, во мне поднял он <Э. Метнер. — *Ред.*> — в 902 году: брат за стеной сочинял первый опус, свои „Stimmungsbilder“; в нем звуки метели даны; за окном — купол церкви; зеленая мебель. А Гёте глядит со стены <...>» (*НВ.* С. 98).

[2] А. С. Петровский.

[3] Имеется в виду соната для фортепиано f-moll op. 5 Н. К. Метнера.

158. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

25 января (7 февраля) 1909 г. Берлин

Берлин 7/II 909.

Дорогой мой Борис Николаевич; мой милый старинный друг! Что это с Вами? Отчего Вы так падаете духом? Право, у Вас к тому меньше причин, нежели у меня. Приехав в Берлин[1] совершенно здоровым, я внезапно (и, клянусь безо всякой явной для меня причины...) стал худеть, хиреть, слабеть ежечасно; и притом никакой тоски, никаких лишений; ел, спал хорошо (теперь сплю скверно); вселилось какое-то холодное отчаяние с оттенком задора: «пусть еще хуже, пусть». Сразу почувствовал все расстояние между моими силами, моим возрастом и тою массою науки, которая должна была бы стать моим инструментом, если бы я обратился к ней 16 лет тому назад. Чувство бессилия, бесконечной вдруг нагрянувшей усталости и беспомощности охватило меня, и я никогда не был так близок к самоубийству. Один, умышленно избегая общества, по целым неделям не произнося почти ни слова, я самоуглублялся и старался в одной только своей душе (независимо от всех внешних стимулов к жизни) найти жизнерадостные элементы, говорящие «да»; я решил, что, если их не найду, то вправе буду пустить себе пулю в лоб; т<ак> к<ак>

цепляние за жизнь, мысль о горе близких и другие соображения недостаточны, чтобы нести дальше бремя жизни, раз это бремя признано не только тяжким, но и унизительным; да, я испытывал ни с чем не сравнимое унижение, что я трусливо продолжаю жить; пусть это самопревознесение, но я чувствовал, что судьба моя и моя личность так же не подходят друг к другу, как лохмотья — принцу; но в сказке лохмотья могут обратиться в порфиру, а в действительности их надо сбросить, прежде чем броситься с моста жизни в объятия волн смерти. Дорогой друг, два месяца тянулась ожесточенная борьба; я старался, махнув на все рукой, опьянять себя трудовым бездельем, мнимою занятостью, слушал массу лекций, ходил в концерты, на заседания научных обществ, но светского общества избегал, т<ак> к<ак> решительно не был бы способен вести беседу и притворяться уравновешенным. Сначала я было решил уехать из ненавистного Берлина, бывшего мне всегда антипатичным; но потом сказал себе, что это слабость, уступка духу немощи, что ужь если сражаться, то нечего выбирать уютных мест… и я остался… Я боюсь сказать, что уже победил, но думаю, что позиция моя укреплена; сражение продолжается, но я имею уже возможность и радость иногда снимать оружие и отдыхать с мирными, ведущими т<ак> н<азываемую> борьбу за существование гражданами и гражданками, им в этом деле помогающими или мешающими; когда после удачной стычки с своим «врагом» (вот уж где можно сказать «внутренним врагом») я беседовал, отдыхая, с каким-н<ибудь> умником или с какою-н<ибудь> красавицею, то с полным правом рассматривал их, как свои игрушки… Да, я, кажется, нашел в своей душе какие-то зачатки жизнеутверждения, несмотря ни на что. Поэтому я хочу и буду жить и притом долго, потому что я — медленный, и мне в сущности не 36, а 26 лет и, м<ожет> б<ыть>, меньше. Да и Вы — великий *юноша* земли русской! Совсем не «еще немного помелькает перед нами жизнь»… понимаете: было бы неэкономно, если бы Вы вдруг родились (*сколько* надо было, чтобы родился Андрей Белый) и, почти еще ничего не сделав, ушли в другой мир. Нет, мой милый! Мы оба будем старенькие, а с нами и Коля и Анюта и Петровский и Марго[2] и кое-кто еще. Я вижу, что нам, быть может, с Вами предстоит еще и еще раз разлучаться; будут даже очень продолжительные разлуки, но и встречи опять, тем

значительнее, знаменательнее, еще глубже и теснее нас связывающие… Мы будем как два закаленных борца, закаленных самою страшною, самою жуткою, самою отчаянною борьбою, именно со стихиями своего существа… Я не спрашиваю Вас, что за *одно… тяжелое… воспоминанье.* Я знаю…[3] Но я говорю Вам, как человек, невыразимо страдавший, полюбите себя самого, полюбите себя нежною любовью, смешанною с почитанием себя, как кого-то другого. Из этого чувства к самому себе родится у Вас заботливость о себе, о своем здоровье, о своем телесном и душевном самочувствии, Вы найдете свою гигиену; это займет Вас, и Вы поймете, когда *так* полюбите себя, что в Вашем волнующем и пьянящем воспоминании смешиваются элементы важные вечные с случайными и Вас недостойными, что это вечное нерушимо и давно стремится назад к Вам в душу, а Вы его оставляете в том vehiculum'e*, чтó был необходим тогда в свое время, чтобы выявить это вечное. Я понимаю рыцарей, идущих на смерть за своих дам, я понимаю даже сознательную отдачу себя в распоряжение женщины сфинкса, страсть к которой неминуема, гибельна, но смерть среди страсти, среди реального ощущения уничтожающего бесконечного удовлетворения сластолюбия, а не смерть от… воспоминания… пьянящего… но… впрочем, простите; и Гёте писал:

Ich besaß es doch einmal
Was so köstlich ist,
Daß man es zu seiner Qual
Nimmermehr vergißt[4].

Но все-таки: истинный муж не должен *гибнуть* от женщины, с которой *фактически* расстался; или идите, ищите ее и умрите в ее объятиях… Мне бы хотелось, чтобы Вы заимствовали у Скрябина его уверенности: этот очень замечательный, но не очень гениальный и не очень сильный человек думает, что может вызвать своим искусством «катаклизм». Никогда! Даже Коля и Вы этого не можете; да это и рано пока. — Приезжайте в Берлин на несколько времени, а затем отправляйтесь *solo* путешествовать по Франции, Италии; обяжитесь писать фельетоны с дороги «от руки» в какую-н<ибудь> газету. Если бы я умел так легко писать, как Вы умеете

* Воз (*лат.*).

теперь, я бы не побрезговал фельетонничать. Спасибо, дорогой, за *Пепел*[5] (не могу его здесь читать, *грустно*!) и за стих<отворение> вместо письма[6]. Я буду в Москве в первых числах русского марта[7], а пока обнимаю Вас и приветствую Вашу маму. Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 10. Ответ на п. 157.

1 См. примеч. 1 к п. 156.

2 Н. К. Метнер, А. М. Метнер, М. К. Морозова.

3 Намек на переживания Белого в 1906–1907 гг., вызванные его отношениями с Л. Д. Блок.

4 Неточная цитата из стихотворения Гёте «An den Mond» («Füllest wieder Busch und Tal…», 1789); в оригинале: «Ich besaß es doch einmal, // Was so köstlich ist! // Daß man doch zu seiner Qual // Nimmer es vergißt». В переводе В. А. Жуковского («К месяцу»): «Ах! то было и моим, // Чем так сладко жить, // То, чего, расставшись с ним, // Вечно не забыть».

5 Книга стихотворений Андрея Белого «Пепел» (СПб.: Шиповник, 1909). На форзаце экземпляра, высланного Метнеру, Белый сделал надпись:

«„*Пепел*“ — книга самосожжения и смерти, но сама смерть есть только завеса, закрывающая горизонты дальнего, чтобы найти их в ближнем. (Предисловие к „*Урне*“).

Пи-Рей с озолощенной урной
Над пологом ненастных туч
Не *пепел* изольет, а *луч*
Из бездны времени лазурной.

Свет, проходя сквозь *пепел* и пыль, образует зарю: нет зори без *пепла*; в ком есть *пепел* разуверений, тому открыта ласка зари:

…И Феникс восстает из *пепла*.

Земля, удобренная *пеплом*, приносит больше цветов.

Дорогому, неизменному и *старинному* другу, Эмилию Карловичу Метнеру от Андрея Белого».

(Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 100, 101 — факсимиле). В тексте надписи — цитата из «Вместо предисловия» (14 января 1909 г.) к книге Белого «Урна», вышедшей в свет в конце марта 1909 г., и впервые опубликованного в ней стихотворения «5» («„Наин“ — святой гиероглиф…»; см.: *СП — 1*. С. 297, 352).

6 17 (30) января 1909 г. Метнер писал А. М. Метнер из Берлина: получено «письмо-стихотворение Бугаева (его книга *Пепел*, на кот<орую> тоже надо откликнуться хотя бы благодарностью). <…> Поручаю Вам сказать Бугаеву, что я обнимаю его за *Пепел* и еще крепче за стихотворное письмо и скоро напишу ему»; 28 января (10 февраля) — ей же: «Теперь я написал и Бугаеву» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 38).

[7] Ср. сообщение в письме Метнера к М. К. Морозовой от 1 (14) февраля 1909 г.: «Через месяц я буду в Москве» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б). 24 февраля (9 марта) 1909 г. Метнер писал из Берлина А. М. Метнер: «Я бы хотел выехать <в> будущий вторник или среду, чтобы быть в Москве в четверг или в пятницу» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 38).

159. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

30 или 31 мая 1909 г. Дедово

Дорогой Эмилий Карлович!

Пишу Вам: что же решилось? черкните открытку[1]. Жду ответа. Почему-то кажется мне, что и с журналом, и с книгоиздательством ничего не выйдет: может быть, ошибаюсь. Объясните; до 2-го долго ждать. Были ли Вы у Маргариты Кирилловны?[2] Что было с рукописями? Как приняла письмо А. П.[3] она?

Пишу Вам неизвестно почему: до второго, чувствую, нужно, чтобы хотя бы два слова Вы мне написали: *так надо.*

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 2. Помета синим карандашом: «LVI». Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 31. 5. 09. Та же дата на штемпеле получения. Отправлено по адресу (рукой не Белого): Москва. Тверская. Малый Гнездниковский переулок, д. Пегова.

[1] Подразумевается результат переговоров Метнера, целью которых было учреждение будущего «Мусагета» — в виде журнала и (или) издательства.

[2] М. К. Морозова.

[3] Речь идет о письме А. П. Мельникова (за подписью: «А. Омовик-Змеевик») к Метнеру из Нижнего Новгорода от 19 мая 1909 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 28. Л. 20–22; начальный лист утрачен); Метнер упоминает о нем в письме к М. К. Морозовой от 5 (18) июля 1909 г. (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б). Касаясь различных конкретных тем (в том числе излагая завещательные распоряжения относительно своих бумаг), Мельников основную часть письма выстроил в метафорическом стиле, стремясь противодействовать постоянным метнеровским настроениям разуверения в себе: «Я стою на вершине горы, на холодной ледяной гордой вершине, я свил на ней свое орлиное гнездо и постиг радость жизни — жизни, ведущей в теплые материнские объятия благодатной смерти, которая есть истинная вечная жизнь, а Вы еще не дошли, путь Ваш еще не кончен, гордый путь Бранта. Смотрите, чтобы взрывы житейских страстей не вызвали бы страшной лавины, погубившей на пути к Богу

гордого Бранта. <...> Сбросьте с плеч этот последний груз и бодро идите на вершину горы. Не считайте себя неудачником, потому что и Христа в среде плотников его деревни считали неудачником и даже непутевым человеком, ненормальным, полоумным. Я понимаю Вас, что Вам надоело быть только музыкантом. Музыка — сфера духовной деятельности, но *только* музыка — оковы для духа, как всякое *только*» — и т. д. (упоминается Бранд — герой одноименной драматической поэмы Г. Ибсена, 1865). С письмом Мельникова Метнер ознакомил наиболее близких ему людей.

160. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

31 мая или 1 июня 1909 г. Изумрудный Поселок

Дорогой Борис Николаевич! Не зная точно адреса, пишу два слова, раз это — «так надо»! — М. К. хорошо смеялась, когда я читал письмо А. П–а[1]. — Наше предприятие скорее осуществится, нежели нет. Подробности у Эллиса. Жду к себе на дачу. Ваш Э. М.

Привет автору «Улыбки Прошлого» и «Ифигении в Тавриде»[2].

Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Открытка. Почтовый штемпель получения: Крюково. 2. 6. 09. Отправлено по адресу: Николаевской жел. дор. Станция Крюково, село Дедово, имение Коваленской. Отправитель Э. К. Метнер. Изумрудный Поселок Брянской ж. д. Очаковская платформа.

Ответ на п. 159.

[1] М. К. Морозова и А. П. Мельников.

[2] Имеется в виду С. М. Соловьев. Стихотворение «Улыбка прошлого» («Трое по лугам зеленым...») вошло в его вторую книгу стихов «Апрель» (1910), стихотворение «Ифигения в Тавриде» («Целый день в тоске бессменной...», с посвящением Э. К. Метнеру) — в третью книгу стихов «Цветник царевны» (1913). См.: *Соловьев Сергей.* Собрание стихотворений. М., 2007. С. 176, 414–415.

161. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

Не позднее 5 (18) июля 1909 г. Пильниц

Адрес: Pillnitz / Elbe (Sachsen). Villa 56[1]. — Дорогой Борис Николаевич! Биарриц расстроился[2]. Получил милое письмо от Марго[3]. Получили Вы открытку от Верочки?[4] Здесь две недели стоит такая духота, что ничего нельзя делать. — Пишу Вам только, чтобы приветствовать Вас... Мы живем здесь роскошно в большом

доме с башней, откуда вид на долину, где Эльба шумит…[5] Коля сочинил гениальные песни (Ницше и Гёте)[6]. В Пилльнице Вагнер концепировал Лоэнгрина[7]. — Нельзя ли Ваш № или № Эллиса (*Весов*) передавать отцу моему, чтобы он пересылал мне. Абонировывать не стоит. Обнимаю Вас. Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: München. 18. 7. 09. Отправлено в Москву «Борису Николаевичу Бугаеву по адресу Льва Львовича *Кобылинского*. Москва. Плющиха. Меблированные комнаты „Дон“».

[1] В письме из Пильница к М. К. Морозовой от 5 (18) июля 1909 г. Э. К. Метнер сообщал, что приехал туда неделю назад (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б). В свой дом в Пильнице-на-Эльбе (близ Дрездена) Метнеров пригласила Хедвиг (Ядвига) Фридрих, познакомившаяся с Н. К. и А. М. Метнерами еще в январе 1905 г. (см.: *Юнггрен Магнус*. Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. С. 33); Н. К. и А. М. Метнеры прибыли туда из Швеции в начале июля (н. ст.) 1909 г. (см.: *Метнер*. С. 123). 28 июня (12 июля) 1909 г. Э. Метнер писал С. А. Кусевицкому: «Вчера приехал к своим в Пильниц, где в нашем распоряжении большая вилла на высоком берегу Эльбы; мы гостим у близких знакомых; здесь раздолье и для работы и для отдыха» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 17).

[2] Видимо, планировалась поездка в Биарриц (французский курорт на Бискайском заливе).

[3] М. К. Морозова. Имеется в виду ее письмо от 22 июня (5 июля) 1909 г., с упоминанием Белого: «Что Борис Никол<аевич> — пишу и ему сегодня» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 44).

[4] Племянница Э. К. и Н. К. Метнеров Вера Карловна Метнер (в замужестве Тарасова).

[5] Обыгрывается строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» («По синим волнам океана…», 1840): «В равнине, где Эльба шумит».

[6] Имеются в виду произведения Н. К. Метнера для голоса и фортепиано — «Шесть стихотворений В. Гёте» op. 18 и «Три стихотворения Ф. Ницше» op. 19.

[7] Замысел оперы «Лоэнгрин» зародился у Р. Вагнера в 1845 г. в Гроссграуфене (близ Пильница), там же он написал музыку 3-го акта в следующем году.

162. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 10 (23) августа 1909 г. Москва

Милый, милый Эмилий Карлович!

Пишу Вам два слова. Больше не могу — нет слов: невралгия, зубы, бог знает что.

Вы слышали о Леве?[1] Это не воровство, но и не несчастная случайность: это — чудовищное хулиганство, за которое сечь мало; теперь это — всемосковский скандал[2].

(Мое мнение между нами).

Слышал два слова об издательстве не с К<усевицк>им[3]: но это было в дни таких ужасных потрясений, что скользнуло как-то мимо; мы теперь — уже не литераторы, а просто убоина какая-то; мы — вне черты законности, справедливости и пр.

Помню свет, помню, что наше трио (Вы, Ник<олай> Карл<ович>[4], я) должно существовать.

Леву исключаю из всего; сейчас недалеко от Нюренберга происходит нечто важное 1) для России, 2) для нас, если Вы помните наши разговоры перед отъездом[5].

Простите стиль письма: едва не кричу от невралгической боли, перо вываливается. Как только выздоравлю, будет все страшно интересно и об издательстве, и о *другом*.

Милый, дорогой, известите меня о том, где Вы и куда едете. Христос с Вами.

Борис Бугаев.

P. S. Н. К. и А. М.[6] мой привет.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 3. Помета синим карандашом: «LVII».

[1] Л. Л. Кобылинский (Эллис).

[2] Имеются в виду появившиеся 5 августа 1909 г. в ряде московских газет сообщения о том, что Эллис портил книги в библиотеке Румянцевского музея: «Этот посетитель из выдаваемых ему книг для чтения вырезывал страницы текстов и брал себе. Проделка была замечена одним из служителей, который о замеченном сообщил по начальству, указав, что Л. Коб-ский приносил с собой всегда в читальную залу портфель, а при уходе из библиотеки оставлял его на хранение швейцару. При осмотре в портфеле в особой тетради найдены вырезанные страницы текстов из книг библиотеки. При объяснении Коб-ский сознался в порче книг и объяснил, что вырезывал из них страницы, не находя свободного времени для переписывания их. Администрация библиотеки решила не привлекать его к судебной ответственности, а лишить права посещения читальни музеев» (Русские Ведомости. 1909. № 179, 5 августа. С. 3). Подробно о печатной кампании, развернувшейся в связи с этим инцидентом, см.: *Глуховская Е. А.* Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: К истории одного (около) литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 137–148.

[3] Летом 1909 г. Метнер пытался договориться с С. А. Кусевицким, дирижером и нотоиздателем, о финансировании задуманного издательского предприятия — будущего «Мусагета». 5 (18) июля 1909 г. Метнер сообщал М. К. Морозовой из Пильница: «Приходилось мне несколько раз ездить из Изумрудного в Москву, чтобы видеться и говорить с Куссевицким <*так!*>, который пробыл в Москве недели две. В принципе решено (конфиденциально) издавать и журнал и книги, но все зависит от продажи какого-то имения <...>. Мы обсуждали даже подробности. Бугаев и Эллис в восторге (дай Бог, чтобы не преждевременном) и, беря во внимание, что Куссевицкий объединяет Колю, Скрябина, Рахманинова и Бугаева, Брюсова, вообще музыку и литературу, кричат: „Мы всё аннексируем! Эмил<ий> Карл<ович>, аннексируйте, скорее всё!“ — В самом деле, из всего этого могло бы что-нибудь выйти!.. Чтобы доказать реальность своего желания, Куссевицкий купил рукопись Эллиса за двести рублей, что́ явилось чуть ли не спасением для Эллиса, который голодает и не знает, как проживет лето» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б). 18 июня 1909 г. Метнер писал из Изумрудного Поселка Кусевицкому: «Мне показалось, что ток особого духовного „электричества“ в определенном отношении спаял нас в один круг. <...> Согласные относительно главной задачи нашего литературного предприятия (искание образа новой, свободной от политического и экономического давления, религиозно-философско-художественной культуры), мы (Бугаев, Эллис и я) расходимся между собою и с будущими нашими главными сотрудниками и наверное с Вами во многих частностях <...> Если окажется невозможным организовать теперь же большое дело, и в особенности журнал, то я бы все-таки не советовал Вам вовсе отказываться от издательства. Можно начать очень скромно, издав в течение 1909–10 гг. книг пять, шесть на сумму три-четыре тысячи. Сборник статей Бугаева наверное скоро окупится. Ведь ему давно предлагали издать, но ставили невозможное условие (определенного подбора статей)...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 17). В письме из Пильница от 29 июня (12 июля) Метнер пытался дополнительно заинтересовать Кусевицкого издательским проектом, сообщив ему о возможности появления в Москве нового конкурирующего журнала: «Перед самым отъездом я виделся с Эллисом, который сообщил мне конфиденциально, что Брюсов, предчувствуя неминуемое падение *Весов* и свое от этого изолированное положение, хлопочет об учреждении нового журнала и, подавляя *пока* свой деспотизм, готов идти на уступки, лишь бы Эллис и Бугаев согласились работать *всецело* в его журнале. Важно и для нас (в особенности для Бугаева) и для всего культурно-эстетического течения русской литературы, чтобы *брюсовского* журнала не было, а действовал бы *наш* журнал, в котором, однако, поэзия Брюсова (а не его идеология, не его личная воля) была бы всегда желанной гостьей» (Там же).

Предварительные договоренности с Кусевицким вскоре расстроились. 16 (29) июля 1909 г. Кусевицкий обратился к Метнеру: «С грустью в душе я пишу Вам это письмо, все наши стара́ния устроить новые финансы, чтобы иметь возможность приступить, хотя бы к изданию книг, ни к чему

не привели, и мы принуждены по крайней мере на два года отказаться от мысли предпринять что бы то ни было (конечно, музыкальное издательство составляет исключение) <...> Не сердитесь на нас, дорогой Эмилий Карлович, за то, что мы Вас взбудоражили и ничего не осуществили» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 17).

4 Н. К. Метнер.

5 Подразумеваются некие мистические предначертания, о которых узнал Белый при общении с А. Р. Минцловой в июне 1909 г. В Нюрнберг она прибыла 28 августа (10 сентября). См.: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 76–77.

6 А. М. Метнер.

163. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

18 (31) августа 1909 г. Пильниц

Пилльниц 31/VIII 909.

Дорогой Борис Николаевич! Надеюсь, что Эллис прочел уже Вам письма относительно книгоиздательства и журнала[1]. Считаю, что первое уже начало функционировать вчера в Пилльнице, где более полустолетия назад у Вагнера зародилась мысль о Лоэнгрине[2]. Мы начинаем из Германии стрелять в Россию голубыми стрелами *из серебряного лука*. — Источник средств — самый чистый. — Хотя и не столь богатый, как контрабасист[3]. — Деньги высланы. Ступайте к моему папе и возьмите под расписку. Напишите мне, что́ Вы намереваетесь делать; кланяйтесь Сереже[4]. Любящий Вас Э. Метнер.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. МЕТНЕР — ЭЛЛИСУ

5 (18) августа 1909 г. Пильниц

Пилльниц 18/VIII 909.

Дорогой Лев Львович! Я аннексировал одно лицо для книгоиздательства (непременно) и для журнала (может быть)[5]. Книгоиздательство может начать функционировать через две-три недели. Напишите об этом Бугаеву. Это лицо мне более симпатично, нежели К<усевиц>кий, даже несравненно более, но его средства

не столь велики, так что журнал должен через два года или прекратить существование, или *не* приносить убытка. Сообщите мне, возможно ли, без опасения быть предупрежденным и создать себе конкурентов, отложить журнал до 1911 г.? Ибо *в крайнем случае* я могу настоять на издании журнала уже с 1910 г. — Мне хочется открыть имя издателя лишь в момент начала действия. Спасибо Вам за милое письмо. Боюсь, что Вы преувеличиваете чересчур мое значение. Обнимаю Вас. Э. М.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. МЕТНЕР — ЭЛЛИСУ

13–15 (26–28) августа 1909 г. Пильниц

Пилльниц 26/VIII 909.

Дорогой Лев Львович! Оба Ваши письма от 7/VIII и 10/VIII получил. Последнее Ваше письмо определило мое решение настоять на журнале[6]. *Журнал будет* и теперь, кажется, «безвозвратно»[7]. — Но имейте в виду, что жертва в данном случае большая; лицо, дающее деньги, далеко не столь богато, как Куссевицкий. Имени этого лица я пока не назову; *необходима строжайшая тайна, ибо иначе все распадется*; почему — расскажу при свидании; мне лично несравненно приятнее иметь дело с этим лицом; кроме того, мы свободно можем начать поход против юдаизма, против чего и кого угодно, т<ак> к<ак> это лицо *во всем* со мною согласно и по основным чертам своего мировоззрения — дитя вагнерианской культуры. Я сейчас устал и потому пишу коекак. Направление журнала (по желанию издателя) должно быть германофильское (в широком неполитическом нефанатическом культурном смысле слова) и отнюдь не враждебное Вагнеру; вот и все; в остальном мы свободны, свободны в бóльшей степени, нежели с Куссевицким; так, мы не обязаны сразу давать ⅕ места музык<альному> отделу[8], чтó было бы вначале затруднительным, т<ак> к<ак> надо еще образовать и воспитать кадры музык<альных> сотрудников. — [Сообщите Бугаеву, но не рассказывайте пока всем о журнале]. Разузнайте в Комитете по делам печати подробнее (у секретаря) о формальностях и о том, требуется ли залог от издателя. Мне придется выступить

официально не только редактором, но и издателем. Надеюсь, что *Весы* будут прикончены[9]. Это необходимо, чтобы наследовать их подписчиков. Необходимо поставить журнал солидно, но безо всякой роскоши. Вообще надо быть экономнее, чтобы журнал не стоил дороже *Весов*, а был бы все-таки полнее и шире по содержанию. — Один год мало, необходимо выдержать по крайней мере два года. — Если бы Вы знали, как мне *не* хочется возвращаться в Москву, как мне невыгодно оставить «себя», ту линию, на кот<орую> я попал; я опять запутался и потому умственно совсем серый и выдохшийся; мне надо остаться у «себя» еще с год. Но я готов ради дела, ради Вас и Бугаева приехать и работать, как смогу. Обещайте мне только не устраивать из редакции «говорильного помещения»; иначе я замотаюсь и разнервничаюсь; должен быть строжайший порядок и деловитость; я ни с кем ни в какие долгие разговоры пускаться не намерен и буду сух и лаконичен. Поменьше обещаний и программности и побольше устойчивости, внутреннего тайного знания, куда надо вести, неуклонности, бесстрашия, поменьше честного собачьего лая и побольше неслышной кошачьей неуловимости, и все-таки неожиданной определенности… —

28/VIII. Два дня был не в духе и потому не писал. Казалось, что надо отказаться от журнала, т<ак> к<ак> я ни на что не годен; а на журнал дают деньги под непременным условием моего фактического и юридического редакторства… — Вчера ночью виделся и беседовал во сне с Кантом; ничего… старичок одобрил меня относительно культуры; вполне согласился с моим мировоззрением, только ворчал на неточность выражений; ворчал, лаская меня при этом своим голубым взглядом; был он без парика в бархатном халате и угостил меня очень вкусным и обильным обедом. Помню до мельчайших подробностей его квартиру; отдельная комнатка (где я мыл руки), с ванной и тут же шкаф со стеклянными дверцами, а в шкафу его платья, очень красивые. Штанов по крайней мере 8 пар. Этот сон очень приблизил меня к личности (к неуловимому) Канта и успокоил меня, будто я в самом деле у него был… Пишу Вам дальше то, что приходит в голову относительно дела. 1) Надо заказать кому-нибудь из художников (Владимирову, т<ак> к<ак> он умеет гравировать, или кому-н<ибудь> еще)

марку издательства (она же может быть и маркой-гербом журнала). Если окончательно решено книгоиздательство, — *Символ*, журнал *Музагет*, то маркой могла бы быть камея Аполлона-Музагета, т. е. Аполлона в венке и в одеянии; надо привлечь к этому делу и Соловьева, чтобы он указал, где достать репродукции, кот<орые> должны служить образцом для художника. Можно так: ; понимаете? — или без надписи; или с надписью только для журнала. Поговорите об этом с Бугаевым и с Соловьевым. 2) В конце текущей недели на имя моего отца будет выслана сумма, достаточная для начала издательства; пусть Бугаев зайдет к отцу в контору (предварительно протелефонировав) и возьмет 300 р. (часть гонорара за *Арабески*[10]) и 300 р. (на предварительные расходы по печатанию); а Вы возьмите 200 руб. на расходы по печатанию Бодлэра *Поэмы в прозе*[11]; если Вы или Бугаев вместо этих книг хотите печатать сначала что-н<ибудь> другое, то все равно; надо только отцу моему дать расписку в получении таких-то сумм на такой-то предмет; прошу быть здесь очень педантичным; если Вы очень нуждаетесь, то возьмите себе 100 р. (например, как часть гонорара за *Ист<орию> рус<ского> симв<олизма>*[12]). — 3) Прошу Вас и Бугаева (начать можете Вы, т<ак> к<ак> Вы ходите в Музей читать) внимательно прочесть все мои статьи в Золотом Руне, начиная с I года издания (подписанные Вольфинг; те, чтó подписаны *В.*, — незначительны), и, читая, отмечать на особом листе все недостатки стиля, неясности, анаколуфы, недоразвитости, голословности etc. III-ей книгой пойдет Вольфинг, если Вы и Бугаев одобрите[13]. — 4) Надо скрывать источник средств на издания; пусть хоть думают, что это идет от розенкрейцеров[14]; еще не решен даже вопрос о том, смею ли я сказать об этом Вам и Бугаеву. Но необходимо уже теперь говорить о новом журнале, чтобы устранить попытки Брюсова и других. Бугаев может пригласить Мережковских и Вячеслава Иванова; Вы можете пригласить Брюсова, Садовского; Соловьев само собою разумеется; пусть Бугаев напишет также Бенуа, если он знаком с ним. Вообще надо, чтобы в литер<атурных> кружках знали про журнал и знали, что Вы и Бугаев *всецело* будете работать в нем и что литературные тузы не отказываются сотрудничать. — Мне

хочется поскорее отослать Вам это письмо, поэтому я не стану ломать голову, чтобы предусмотреть все. — Начинайте действовать и пишите мне, если что Вам придет в голову относительно названия журнала или каких-то других подробностей. — Штейнера я слушал в Берлине зимой. Он мне очень очень не понравился, и гетеанство его хотя и «страстное», но поверхностное и еретическое[15]. Человек он сильный, но философски наивный с уклоном в популярный некритический монизм. Это какой-то теософский пастор, выкрикивающий «глубокие» пошлости. Гёте наверное не захотел бы знакомиться с ним, раз он в зрелые годы свои отвернулся от Лафатера. — Я не получаю здесь ни *Весов*, ни *Руна*. Не читал и статьи Бугаева обо мне (в исправленном виде)[16]. — Мы остаемся еще minimum две недели в Пилльнице. Затем я еду в Веймар. Очень прошу Вас устроить так, чтобы мне не надо было слишком рано возвращаться в Москву. Вы сообща с Бугаевым можете предпринимать уже шаги к осуществлению журнала: ведь мы обо многом уже сговорились. Конечно, Шестова или Городецкого (вообще жидов) не приглашайте. От участия в петербургских журналах можете не отказываться, но от *Шиповника* необходимо отказаться, т<ак> к<ак> это наш главный враг[17]. Простите безалаберность письма.

Жму Вашу руку. Ваш Э. М.[18]

Резюме этого письма.

1) Принцип *издателя*: не жертвовать книгоиздательством для журнала. 10 тысяч на книги; 10 тысяч (на первый год 12 тысяч) на журнал и дальше никакого риска на себя; если невозможно, то отказаться от журнала и увеличить книгоиздательство. —

2) Принцип *редактора*: работать только для себя и на себя, не сообразуясь ни с какими специфически-литераторскими цеховыми тенденциями, интригами, страхами, подвохами и т. п. Под «собою» разумеются: Вы, Эллис, я (на первом плане) и затем близкие нам и действительно высокоталантливые и нуждающиеся молодые писатели.

3) Спешить некуда; первый номер можно выпустить из Вашей или нашей квартиры, вовсе еще не устраиваясь в редакционном помещении.

4) Если лучшим признаете отказаться от журнала, то попросите лиц, потративших на хлопоты время и деньги, представить счет, по которому отец уплатит.

5) Если условия приемлемы (все равно, берет ли дальнейший риск кто-нибудь на себя или журнал превращается в скромный журнальчик), то действуйте, берите деньги, но каждую *сделку* представляйте отцу моему на утверждение.

6) Надежду на увеличение журнального бюджета я не имею никакой <*так!*>, хотя и переговорю с издателем.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Открытка.
Приложение 1 (открытка) и Приложение 2 — там же.

[1] Эти письма Метнера к Эллису (первое — на открытке) приводятся приложениями к настоящему письму; хранятся под тем же архивным шифром (копия второго письма: РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 13).

[2] См. п. 161, примеч. 7. Подразумевается договоренность, достигнутая с Хедвиг Фридрих, о субсидировании ею новообразуемого московского издательства под руководством Метнера.

[3] Подразумевается С. А. Кусевицкий (см. примеч. 3 к п. 162).

[4] С. М. Соловьев.

[5] Речь идет о Хедвиг Фридрих. См.: *Юнггрен Магнус.* Русский Мефистофель. С. 41.

[6] В указанном недатированном письме (приводя дату «10/VIII», Метнер, определенно, указывает день отправления по московскому почтовому штемпелю), ответном на предыдущее письмо, Эллис откликается на вопрос Метнера: «Издательство существенно, но всего существеннее начать журнал после „Весов". <...> Пусть журнал погибнет хотя бы через 1 год. Время будет выиграно сейчас <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 11).

[7] Наладить издание журнала Метнеру в 1909 г. не удалось.

[8] Видимо, здесь указывается условие, при котором С. А. Кусевицкий в ходе переговоров с Метнером был готов финансировать задуманный журнал.

[9] После преодоления в конце 1908 г. внутриредакционного кризиса «Весов» было принято решение продолжать издание журнала еще один год (см.: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 302–307). В недатированном письме к Метнеру (относящемся, видимо, к июлю 1909 г.) Эллис заявлял: «В сентябре мы все должны знать наверное о будущем журнале, ибо тогда только возможно быстрое и решительное потопление „Весов", этого судна, уже лишенного части пушек, парусов <...> если „Весы" потонут к январю, а организовано „новое" не будет, то мы все сразу

окажемся в лапах у Лурье» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 14. С. В. Лурье в это время занимал решающие позиции в журнале «Русская Мысль», в котором предполагал активно участвовать Брюсов).

[10] Книга статей Андрея Белого, намеченная к опубликованию в учреждаемом издательстве; видимо, к тому времени еще не была сформирована. Возможно также, что под этим заглавием подразумевалась книга статей Андрея Белого «Символизм»; над ее подготовкой к печати Белый работал в 1909 г.

[11] Имеется в виду кн.: *Бодлэр*. Стихотворения в прозе / Пер. Эллиса. М.: Мусагет, 1910. Вышла в свет 7 сентября 1910 г. (согласно указанию Н. П. Киселева: «Бодлэр вышел 7 сентября 1910, во вторник» // РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 7).

[12] Имеется в виду законченная летом 1909 г. книга Эллиса «Русские символисты: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый» (М.: Мусагет, 1910; вышла в свет в июле 1910 г.).

[13] Статьи Метнера на музыкальные темы, опубликованные в «Золотом Руне» в 1906–1909 гг., составили основу книги: *Вольфинг*. Модернизм и музыка: Статьи критические и полемические (1907–1910). Приложения (1911). М.: Мусагет, 1912. Книга вышла в свет в июне 1912 г.

[14] На свои связи с тайным мистическим сообществом розенкрейцеров Метнеру и Белому указывала и намекала А. Р. Минцлова. См.: *Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 592–593.

[15] Видимо, имеется в виду публичный доклад Р. Штейнера «Загадка „Фауста“ Гёте», прочитанный в Берлине (Architektenhaus) 11 и 12 марта (н. ст.) 1909 г. См.: *Lindenberg Christoph*. Rudolf Steiner. Eine Chronik. 1861 — 1925. Stuttgart, 1988. S. 279.

[16] Подразумевается статья Белого «На перевале. XIV. Штемпелеванная культура» (Весы. 1909. № 9. С. 72–80. Подпись: Борис Бугаев), к тому времени еще не вышедшая в свет; в ней развиваются положения, сформулированные Метнером (Вольфингом) в статье «Эстрада» (Золотое Руно. 1908. № 11/12; 1909. № 2/3, 5), направленной против «музыкального юдаизма» в современной европейской культуре. С первоначальным вариантом текста статьи Белого Метнер ознакомился, вероятно, до отъезда в Германию в конце июня (ст. ст.) 1909 г.

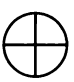
[17] «Шиповник» — петербургское издательство, основанное в 1906 г. З. И. Гржебиным и С. Ю. Копельманом; в пользовавшихся широкой популярностью литературно-художественных альманахах (26 сборников, 1907–1916) печатало писателей как традиционного реалистического направления, так и символистско-модернистского.

[18] Последующий текст — на отдельном листе (видимо, предназначавшемся для Белого).

164. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

21 августа (3 сентября) 1909 г. Пильниц

Pillnitz 3/IX 909.

Дорогой Борис Николаевич!

Что же это! Мой милый, милый друг? Вы — больны, обессилены. Эллис набедокурил. Он писал мне недавно: вскользь упомянул о своей неосторожности, вызвавшей неприятность[1], и сообщил, что Вы здоровы и работаете с подъемом. Он писал также о необходимости начать журнал уже с 1910 г.[2], и вот я, переговорив с Лоэнгрином[3], устроил и журнал, о чем уведомил Эллиса большим письмом, где ставлю ему (и Вам, конечно) целый ряд вопросов и прошу выполнить несколько необходимых первых действий[4]. Вам же я написал о журнале кратко на открытке[5]. Получили?.. Кстати, я Вам отправил из Пилльница всего три открытки: одну по адресу Эллиса[6], другую по адресу Соловьева[7], третью по Вашему адресу. — Не писал писем, т<ак> к<ак> не знал наверное, где Вы; да и вообще я переписывался с Эллисом по деловым поводам, зная, что он в Москве, и рассчитывая, что он немедля все важное Вам сообщит. — Чтó именно сделал Эллис, я не знаю, т<ак> к<ак> никаких газет не читаю. Убежден, что *нечестно* он поступить не может, а остальное простительно декадентскому пролетарию. Я считаю Эллиса крайне нужным и ценным человеком; я видел, что он за последнее время начинал остепеняться; Эллис все-таки сила, которую надо уметь только направлять; кроме того мы с ним спелись и я его полюбил; дать ему погибнуть было бы непростительною жестокостью, а он погибнет непременно, если увидит, что друзья его покинули. Надо, чтобы он реабилитировал себя обязательно. Без него трудно будет начать журнал. Мы вдвоем не справимся, а я никаких английских греков или русских французов в секретари не хочу[8]. Сережа занят в университете[9]. Рачинский меня уморит в одну неделю. Петровский — ...скептик. М<ожет> б<ыть>, отложить журнал на 1 год?? Напишите скорее, как поступить! Ведь для меня *лично* — все равно; мне даже приятнее было бы начать журнал с 1911 г. Я хлопочу о Вас, об Эллисе, наконец о *нашей* идее. Если

Весы и *Руно* будут издаваться в 1910 г., то стоит ли издавать наш журнал? Возьмите мое письмо у Эллиса и прочтите его и ответьте мне всё толком, если Эллис не в состоянии.

Я во всяком случае возвращусь в Москву как можно позднее: если будет журнал (а это теперь зависит от Вас, от Эллиса, от обстоятельств московских, а не германских), то в ноябре, а если не будет журнала, то только в марте, и тогда я уеду в Париж. Наш издатель — Лоэнгрин в двух отношениях: 1) по чистоте и голубизне природы и 2) потому, что говорит nie sollst du mich befragen*; его нельзя спрашивать, кто он и откуда, иначе все погибнет. Если Вы почему-либо догадываетесь, то смотрите не проговоритесь *никому*... Хорошо бы пустить в ход какую-нибудь таинственную легенду об источнике наших материальных средств; пусть это будут средства... ну... например: розенкрейцеров (мой Лоэнгрин бессознательно — розенкрейцер). — Я провел эти два месяца очень тихо[10]; но работой своей недоволен. Тут ужасный климат; или холодно и дожди, или невыносимая духота; страдал долго бессонницей и вовсе не мог писать. Читал порядочно, хотя страшно медленно. Между прочим, впервые Готтфрида Келлера, кот<орого> так любил Ницше и Вагнер. Тонкий поэт вроде Тютчева и прямо гениальный повествователь; его *Ромео и Юлия из деревни*[11] может быть поставлена рядом с *Кармен* Меримэ, *Annerl und Kasperl* Брентано[12]; даже, пожалуй, совершеннее. При этом сочетание: гоголевского схематического юмора в описании, вообще русского беспощадного реализма с античной мерою и совершенством формы. В натуре есть общее с Бёклином. — Оперный сезон в Дрездене уже начался. Мы были три раза: *Валькирия*, *Лоэнгрин* и *Мейстерзингеры*[13]. Полюбили Вагнера еще более... Одна мысль, что он мог бы с голоду умереть до *Лоэнгрина* и т. д., приводит меня в трепет[14]. В этом человеке (после Гёте) более, нежели чем в ком-либо (***гораздо*** более, ***чем в Ницше***) сосредоточились все возможности человеческих страданий и исканий; его темы прямо невыносимы по точности передачи того, что за ними крылось в его душе... Коля и Анюта[15] кланяются Вам. Привет Вашей маме. Пишите сюда скорей. Обнимаю Вас... Спасите Эллиса!! Ваш Э. Метнер.

---

* Никогда меня не спрашивай (*нем.*).

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 11.

[1] См. примеч. 2 к п. 162. В недатированном письме к Метнеру (середина августа ст. ст. 1909 г.) Эллис признавался: «Я погибаю, не внешне, а внутренне. Скандал с музеем, конфликт в издательстве — внешнее, но внутренне я никогда не переживал ничего подобного» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 12).

[2] См. примеч. 6 к п. 163.

[3] Иносказательное обозначение Хедвиг Фридрих (Лоэнгрин в одноименной опере Р. Вагнера — сын царя Парсифаля, хранителя священного Грааля; неведомый рыцарь, обязанный скрывать свое имя и происхождение).

[4] См. Приложение 2 к п. 163.

[5] Имеется в виду п. 163.

[6] См. п. 161.

[7] Эта открытка, видимо, не сохранилась или не дошла по адресу.

[8] Намек на секретарей «Весов» и «Золотого Руна» — соответственно Михаила Федоровича Ликиардопуло (один из псевдонимов — М. Ричардс; переводчик на русский произведений О. Уайльда) и Генриха (Анри-Мари-Эдмунда) Эдмундовича Тастевена.

[9] С. М. Соловьев в это время учился на классическом отделении историко-филологического факультета Московского университета, которое окончил в 1911 г.

[10] Подразумевается время пребывания в Пильнице (июль — август 1909 г.).

[11] «Сельские Ромео и Юлия» — новелла из 1-й части новеллистического сборника Готфрида Келлера «Люди из Зельдвилы» («Die Leute von Seldwyla», 1856).

[12] Новеллы «Кармен» (1845) Проспера Мериме и «Повесть о славном Касперле и пригожей Аннерль» («Geschichte von braven Kasperl und dem schönen Annerl», 1818) Клеменса Брентано.

[13] Оперы Рихарда Вагнера «Валькирия» (1870), «Лоэнгрин» (1850), «Нюрнбергские мейстерзингеры» (1868).

[14] Подразумеваются материальные лишения, которые испытывал Вагнер в 1830-е гг. после неудачи с постановками первых опер (в частности, заключение осенью 1840 г. в долговую тюрьму).

[15] Н. К. Метнер и А. М. Метнер.

165. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Конец августа ст. ст. (первая половина сентября) 1909 г. Москва

Дорогой, милый Эмилий Карлович!

Слышал о Журнале?[1] Будь так недавно еще, то-то была бы радость!..

А теперь?

Левин инцидент стал мне ясен. Лева абсолютно не виноват; обнаружена злая интрига[2].

Но столько было пережито за эти дни, что... — в результате: я — как труп; мы ославлены на всю Россию, как шарлатаны, как воры; нужен по крайней мере ряд судебных процессов, чтобы реабилитация была; нужен по крайней мере год, чтоб оправиться[3].

А тут — но это между нами: меня посетило громадное, душу мутящее горе: я потерял самого близкого человека: Сережу[4]. Христа ради, ни слова никому — даже Николаю Карловичу, даже Анне Михайловне[5], ни тем более Леве; все останется между нами двоими — Сережей и мной: но все провалилось — навсегда. Внешне мы останемся для всех друзей в тех же отношениях, внутренно — никогда. Христа ради об этом никому, никогда, ни более всего Сереже; сердце обливается кровью; хочется пожаловаться, и это — сейчас, после Левы.

А!..

В довершение обязан дни и ночи *писать «Голубя»* до середины октября...[6]

Ну какой там журнал! Закрыть бы глаза, да умереть...

Если через год, то... А книгоиздательство нужно: родной, как Вас благодарить, что Вы думаете о нас; издательство можно.

Ради Бога, дайте адрес Ваш веймарский[7].

Мой адрес — Москва. Арбат. Никольский пер., д<ом> Новикова. Кв. 5 (мы переехали этажом ниже).

Остаюсь нежно любящий Вас

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 10. Письмо не было отправлено адресату.

[1] Подразумевается замысел журнала под руководством Метнера, который предполагалось выпускать на базе новообразованного издательства (см. п. 163, Приложения).

[2] См. п. 162, примеч. 2. О действительном положении дел, давшем повод для печатной кампании против Эллиса, рассказал сам Эллис в письме к Брюсову от 20 августа 1909 г.: «Я писал в Музее свою „Историю символизма“ <...> Все рукописи, книги (я пользовался льготой иметь до 15 своих собственных книг, употребляемых мною для вырезок) я хранил в Музее же, передавая их дежурному чиновнику, г. Кваскову. <...> Случалось, что у меня под руками находились дубликаты книг, одна книга музейская <...> другая моя. Дело в том, что, вклеивая вырезку ради стр. 100, я гублю при

вклейке и стр. 101. Поэтому у меня очутились два экземпляра симфоний А. Белого. Я по ошибке вырезал и вклеил открыто музейским клеем при чиновниках и солдатах две цитаты из музейского экземпляра. Однажды, придя в Музей, я не нашел своей папки с рукописями. Она была у Кваскова, к<ото>рый вежливо указал мне на мою ошибку. Я сейчас же съездил в „Скорпион“ и вернул свежие экземпляры книг. <…> Все остальное — анонимный донос одного из чиновников. <…> В настоящее время специальная следственная Комиссия при Музее после 3-кратного допроса меня, ревизии всех бывших в моем пользовании за целый год книг и всех рукописей и вырезок пришла к выводу, что ущерб, нанесенный мною Музею, = 90 коп. за переплеты двух „симфоний“. И — всё. По требованию контроля дело передано прокурору, к<ото>рый, конечно, его прекратит, ибо corpus delicti <состав преступления. — *лат.*> = 0» (Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 323). Свои объяснения случившегося Эллис дал в Письме в редакцию, опубликованном в «Русских Ведомостях» (1909. № 183, 11 августа. С. 5) и, более развернутые, во втором Письме в редакцию, написанном после судебного разбирательства инцидента, состоявшегося 28 сентября (Русские Ведомости. 1909. № 223, 30 сентября. С. 5). Письма приводятся в статье Е. А. Глуховской «Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около) литературного скандала» (Русская литература. 2012. № 1. С. 141, 143–144).

На выступления в печати, искаженно и гипертрофированно преподносившие обстоятельства инцидента, Эллис реагировал исключительно экспансивно, расценивая их как повод для нападок на представителей «нового» искусства вообще, о чем свидетельствует, например, его недатированное письмо к Белому: «Конечно, впредь до формальной реабилитации я выхожу из „Весов“ вовсе, ибо честь „Весов“ абсолютно важнее даже моей жизни. <…> Кроме того, я привлек некоторые газеты за клевету и вызываю на дуэль всякого, кто *не анонимно* бросит мне обвинения, обидные для чести. Мои секунданты Крахт и Шик. Крахт дал слово драться на дуэли на самых строгих условиях со всяким, кто меня убьет, и со всяким, кто выставит против меня обвинения чести… Честь *символизма* выше жизни нас всех. <…> Я верю, что *Крест* и *Роза меня* и нас спасут…» (РГБ. Ф. 25. Карт. 25. Ед. хр. 31). В другом недатированном письме к Белому Эллис заявил, что не считает себя вправе до «реабилитации» участвовать в издательском предприятии под эгидой Метнера: «Формально подчиняясь всем резолюциям всех Комитетов, какие будут иметь место, я до приезда Э. К. фактически устраняюсь от всякой работы, как в издательстве, так и в журнале» (Там же). См. также упомянутую выше статью Е. А. Глуховской (С. 143–145).

[3] Ср. сообщение о скандале с Эллисом в письме М. Ф. Ликиардопуло к Брюсову от 23 августа (5 сентября) 1909 г. в Париж: «…дело страшно раздули. <…> положение дел в течение 2–3 недель было ужасно. Каждого почти открыто называли вором <…>» (РГБ. Ф. 386. Карт. 92. Ед. хр. 23). О том же писал А. С. Петровский Метнеру 28 августа (10 сентября) 1909 г.:

«Каким-то образом весь инцидент стал известен газетам, и поднялась травля, жестокая и хамская. Переполошилось министерство и потребовало, чтобы Эллис был предан суду по обвинению в порче книг, что и сделано. Дело, думается, будет прекращено прокурором или следователем. Если же нет, то Эллис, конечно, будет оправдан. Защиту хотят взять Ходасевич и Зак — видные адвокаты» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

[4] О своих отношениях с С. Соловьевым во время совместного проживания в Дедове летом 1909 г. Белый пишет в воспоминаниях, не раскрывая существа конфликта: «Мы — замолчали начавшимся расхождением; точно меж нами был спущен шлахтбаум; от 95 года до 909 года ничего не лежало; и — вот: теперь что-то легло; постояли мы месяца два друг перед другом, живя в одном доме, в двух комнатках, смежных; и — разошлись: он — одною дорогой пошел; я — другой» (*Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 597). Как явствует из письма С. Соловьева к Белому, относящегося к концу августа 1909 г., основной причиной для расхождения стал роман «Серебряный голубь», над которым Белый работал в это время: «Что-то между нами стало тяжелое и душное. Все это можно назвать одним словом „Серебряный голубь“. После последних страниц, которые ты мне читал, я окончательно не могу, не изменяя делу всей моей жизни, *быть внутренно с тобою*» (РГБ. Ф. 25. Карт. 26. Ед. хр. 8).

[5] Н. К. Метнер, А. М. Метнер.

[6] Роман Андрея Белого «Серебряный голубь. Повесть в семи главах» был начат печатанием в № 3 «Весов» за 1909 г., продолжен в № 4, 6, 7, 10/11, завершен в № 12.

[7] Метнер предполагал возвращаться в Россию через Веймар, куда прибыл в конце сентября н. ст. 1909 г.

166. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 31 августа (13 сентября) 1909 г. Москва

Бесценно дорогой, милый, милый Эмилий Карлович, бесценное навеки спасибо за все, все, все: за журнал[1], за память, за самопожертвование. Письма Ваши застали меня совершенно разбитым: 1) Левин скандал[2], 2) истощение от работы над «Голубем»[3], 3)* разочарование в одном лице (когда увидимся, скажу, в ком)[4]. Я был болен, истомлен и прочее. Мне казалось, что если Вы остаетесь до ноября за границей, если Лева словлен историей, а я связан «*Голубем*», то... двое калек и один отсут-

* *В автографе описка*: 2).

ствующий не составят Журнала. Да и все еще я не представлял себе, что Левин инцидент так ничтожен; судя по газетной травле, я полагал Бог знает что. Теперь: 1) Левин инцидент весь — есть гнусная клевета, в которую не верят даже газетчики; ревизия Музея показала, что вырезаны лишь две страницы, а прочее он вырезывал из своих книг. 2) Нашлись добрые люди, берущиеся горячо за совместные хлопоты о журнале. 3) «*Весы*» кончаются, «*Руно*» кончается, в Петербурге усиливается «*Аполлон*»[5], так что если мы год просрочим, будет поздно.

Спасибо, спасибо, милый: журнал — да будет. Уже не отступайте, Эмилий Карлович. В несколько дней мы уже многое сделали.

Докладываю, к чему привело дело (пишу сухо, отчетно, формально).

Вчера было деловое совещание (главным образом технического характера); безусловно выяснено вот что: важно определенно знать сумму, на которую можем рассчитывать в течение года; «*Весы*» можно вести на 15–16 тысяч в год, не считая подписчиков; подписчики растут в течение первого полугодия; человек на 800 мы можем рассчитывать в течение первого полугодия; к концу года наверное перевалим за тысячу (это взгляд пессимиста, а не оптимиста); поэтому указывают на то, что первый № (январский) должен выйти в декабре (время подписки), как пробный №; во-вторых, часть экземпляров нужно пустить в розничную продажу; можно печатать 3000 тысячи <*так!*> экземпляров*.

1) Завтра Мих<аил> Анатолиевич Мамонтов (типография) по знакомству приготовит смету на журнал с бюджетом в 15 тысяч в год с размером 160 страниц (минимум); все же очень, очень прошу, чтобы точно знать сумму, на которую согласен издатель (15 тысяч в случае в 1000 подписчиков сведется к 10 000 тысячам <*так!*> дефицита, а может быть, к 9000, к 8000). В совещании с Мамонтовым я устранен, как мало понимающий; вместо меня будет А. С. Петровский (с удивительной трогательностью и деловитостью хлопочущий о нашем деле) с Кожебаткиным, который прекрасно знает подробности бюджета «*Весов*».

---

* *Заключительная часть фразы (от: «поэтому указывают...») отчеркнута Метнером на полях, помета*: да

Итак первое, что надо знать: точность суммы, в случае неточности суммы (предположим, и Вы не знаете), может ли сумма определиться путем сравнения с «*Весами*» и путем нашего приспособления к этой сумме, принимая во внимание, что желательно количество страниц 160–175 (т. е., чтобы журнал, выгадывая на бумаге, рисунках, расширил объем? В случае существования журнала (он уже существует) то обстоятельство, что Книгоиздательство и журнал могут быть в одном помещении, сократит нам расходы на помещение редакции. Итак, жду немедленного ответа по этому пункту.

2) Как только выяснится смета, завтра вечером у меня состоится техническое совещание о шрифте и бумаге; у нас есть три специалиста по этому вопросу, горячо взявшихся за дело: Киселев (шрифт и бумага), Кожебаткин (дело о заказе и наблюдения за исполнением заказа), Ахрамович (типография и прочая техника), у меня будут завтра по этому делу вечером: Петровский, Киселев, Кожебаткин, Ахрамович и только (это как бы наша техническая секция + Мамонтов, в типографии которого желательно печатание, ибо это — хороший наш знакомый, могущий отнестись не формально, а с усердием); образцы имеющихся шрифтов мы отошлем к Вам на утверждение; Киселев и Кожебаткин говорят, что следует отлить специальный шрифт (очень недоро<го> стоит), взяв за образец шрифты двадцатых, тридцатых годов[6]; это было бы большим изяществом журнала, в общем очень простого, — иметь свой шрифт*.

3) По вопросу о выработке скромной, но изящной внешности взял на себя Крахт (выбрать художника для марки, обложки); Крахт *эзотерически* наш (наиболее, быть может, близкий, даже почти ⊕)[7].

4) Самое последнее дело хлопоты о разрешении (в несколько дней явочным порядком).

5) А. С. Петровский берется в издательстве и журнале, буде понадобится сверка переводов, справки, сличения с подлинниками; словом, наблюдение за книгоиздательством.

---

* *Заключительные строки фразы (от «Киселев и Кожебаткин...») подчеркнуты Метнером, помета*: Это — вопрос.

6) Эллис наш секретарь (не так ли?); но А. С. указывает, что ведение хозяйства вряд ли Эллис сумеет; итак, по вопросам хозяйственным ждем либо указаний немедленных; или «*carte blanche*»: медлить нельзя («*быстрота и натиск*»). Видите ли, что в три дня дело уже налаживается; комиссия «хозяйственно-техническая» самая деятельная: слов мало, дела много.

Теперь предложения иного сорта: 1) требуется выработка эксотерической программы; эсотерически мы ее (трое — Вы, Эллис, я) знаем. Для этого несколько человек обсуждали мои кроки, как иные тезисы будущей программы (импрессионистические наброски); вот они на Ваше усмотрение:

1) Не старое и новое, а высокое и низкое
2) Этика и эстетика
3) Переоценка символизма (связь с прошлым)
  a) Примат творчества над познанием
  b) Символизм — формирующее начало истории и культуры
  c) Символизм, как творчество ценностей
  d) Границы символизма:
    α) символизм и реализм
    β) символизм и философия
    γ) символизм и сокровенное начало бытия (оккультизм, религия)
4) Культура и раса

(*Критикуйте эти наброски*)

Быстро (по возможности через 6 дней) требуется от Вас подобного же наброска для выработки программы экзотерической, для соединения материалов; на дружеском совещании все выдвигали, что *символизм* надо зарыть и покрыть словом *культура*. Меня просили очень для ориентиров и меня просят к воскресенью составить один из проектов программы; политика такова, что Вы — полновластный редактор-издатель, если хотите нас спасти от тысячей давлений со стороны (Шпетт, Рачинский, без которого нельзя было обойтись, ибо он нужен как родственник Мамонтова[8]), накладывайте «*veto*»; а посему скорей высылайте директивы для составления программы, для оформливания ее. Пока знают о существовании журнала Эллис, Соловьев, Шпетт,

Рачинский (пока нужен в технике), Киселев, Петровский, Ахрамович, Крахт, Кожебаткин, Борис Садовской (очень полезен для доставления материала), Ходасевич (для распоряжений и хлопот). За Рачинского не беспокойтесь; завтра он уезжает и не будет мешать (до октября), а между тем он оказал реальную услугу привлечением Мамонтова.

2) *В портфеле редакции уже имеются*: 1) 2 ненапечатанных стихотворения Тютчева, 2) 4 ненапечат<анных> стихотворений Вл. Соловьева, 3) выбор из орфических гимнов[9], 4) прозой переведенные образцы провансальских поэтов с комментариями (Киселев пишет работу о провансальской поэзии)[10], 5) «Повесть о Графе Ригеле» (на 2 № журнала) Сергея Соловьева[11], 6) повесть в византийском стиле (à la «*Подвиги Александра*») его же (на один №)[12], 7) «Петербургская ворожея (эпизод из жизни Пушкина)» Б. Садовского[13], 8) ненапечатанные письма Фета к Страхову (где есть отзывы о поэтах, писателях) (обещается дать Черногубов — первый знаток Фета и всяческий коллекционер редкостей), 9) Киселев обещает свое близкое сотрудничество (у него есть работы; какие, еще не знаю), 10) имеются в готовом виде статьи Садовского: a) о Денисе Давыдове (исследование), b) Державин, Пушкин, Брюсов (готовая статья)[14], 11) у Ходасевича есть работа (статья) о поэтессе Ростопчиной[15]. Почти наверное можно рассчитывать: 12) Розанов (Магические страницы в произведениях Гоголя (статья лежит в «*Весах*», но за размером не будет напечатана))[16]. 13) Соловьев наверное обещает к концу года статью о Жуковском. 14) Я наверное обещаю: a) статья о Баратынском[17], b) теоретическая статья. 15) Если понадобится журналу, я могу отдать 2-ую часть «Трилогии Голубь»[18]. 16) Ваша большая статья, конечно, будет — да?

3) *Желательны*: 1) Мережковский работает о *Тургеневе* (буду умолять его дать нам)[19]. 2) Пр<офессор> Зелинский — статья (большая). 3) Вяч. Иванов (статья). 4) Брюсов работает над Тютчевым (может дать статью)[20] (он — за границей до октября)[21]. 5) Флоренский (не как богослов, а как специалист) «*Эмпедокл в связи с фольклором*». 6) Шик о «Стефан Георге» (может написать). 6) <*так!*> *В. Иванов* непременно даст (до октября не в Петербурге)[22]. 7) Петер Гаст или вообще кто-либо из «*Ницше архива*», из «*Гёте Gesellschaft*»[23] (это — Ваша работа по привлечению: мы

рассчитываем, что Вы уже абсолютно возьметесь за организацию «*Немецкой культуры*»: мы тут — пас. Слышите ли, Эмилий Карлович? *Желателен Дессуар* (пригласите!)[24].

Вот что набралось в несколько дней — да: Эллис обещает использовать следующие темы: 1) Жерар де-Нерваль. 2) Эстетика Католицизма. 3) Бодлеристы. 4) Лермонтов и романтизм.

Желательны: I *циклы стихов* 1) Брюсов, 2) Иванов, 3) Блок, 4) Гиппиус, 5) Белый, 6) Эллис, 7) Соловьев, 8) Сологуб, 9) Кузмин и стихи ряда поэтов. II Рассказы Садовского, Кузмина, Кондратьева, Гиппиус, Брюсова (у него имеется драма (еще не написана) «*Женщина с бичом*»[25]), Ауслендера, Сологуба: порнография не допускается.

Теперь Ваш черед: на материал предложенный накладывайте «*veto*», критикуйте, вносите предложения, et cetera — ждем, ждем, ждем!

Случайно набросанный список сотрудников (ждем Вашего списка).

Сотрудник	Цель приглашения	Место для Ваших набросков. Критических набросков
Ученые		
Ф. Е. Корш	(Народный эпос, античная элегия и пр.)	
Зелинский	(Греция, мифология, Ницше)	
Дессуар	(Эстетика, психология)	
Пр<офессор> Шамбинаго	(Древнерусская литература)	
В. Джонстон и ее муж	(Литература Упанишад, Востока, восточной поэзии)	
Пр<офессор> Ольденбург[26]	(Литература Востока)	
Пр<офессор> Новосадский	(Мистерии)	
Каллаш	(Историко-библиогр<афические> заметки)	
Лернер	(Пушкин и история литературы)	
Пр<офессор> Лосский	(философия культуры; знание, как «*интуитивизм*»)	
Шпетт	(Фихте, польская литература, культура)	
Степпун (*он сейчас в Москве*)	(Философия, культура, Риккерт)	
Боричевский	(Эстетика, Риккерт (рецензии))	
Топорков (?)	(Рецензии, отчеты о течениях Германии по философии культуры)	

А. Смирнов	(История литературы, специалист по кельтической литер<атуре>)
А. Марков	(былины)
Вышеславцев	(Фихте, Риккерт, культура)
Самсонов	(Липс, Эстетика)
С. Л. Кобылинский	(Шопенгауэр, Лотце, философия)
Флоренский	(Платон, Гераклит, Эмпед<окл> — «*Греция*»)
Иванов Вяч.	(Греция)
А. Ф. Лютер	(нем<ецкая> литература)

Публицисты
(полемика)

Метнер	
А. Крайний[27]	
Философов	
Эттингер	
Чуковский (???)	
Волынский?	(занят «Аполлоном»)[28]
Эттингер <*так!*>	

Писатели

Мережковский	
Метнер	
Иванов	
Гиппиус	
Розанов	
Брюсов	
Белый	
Волошин	(Для выхождения из рамок партийной программы
Зайцев	один рассказ, одно стихотворение не помешают)
Бунин	Для того же
Кузмин	}
Сологуб	} без порнографии
Ауслендер	}
Веселовская	(по привлечению французов и бельгийцев)
Эллис	
Франк	(без жидизма, струвизма,
Лурье	для объективности)

Гершензон	(не жид, а еврей[29], знаток эпохи 30-х годов, честный, часто интересный, благородный — *очень полезен*)
Ремизов	
Форш	(интересное лицо: рассказы — мистика)
Унковская	(теософия — эстетика)
Балтрушайтис Поляков	} (неловко не пригласить — все равно писать не будут)
Ликиардопуло	(справка по Уайлду, Суинбёрну, театральной технике)
С. Соловьев	
Театр	
Мейерхольд	(режиссер) пишут
Евреинов	(режиссер)

Не знаю, кого дальше.

Ин<остранные> писатели

Все вами приглашенные (ради Бога, действуйте в этом направлении)

Р. Штейнер	(легко пригласить)
Гаст Ферстер-Ницше Фогелер	} Ваше дело
Malieu Мокель Жилкэн Реми де-Гурмон	} через Веселовскую
Верхарн	пишет статьи
Гамсун	(Киселев, кажется, мог бы, а — Вы?)
барон д'Альгейм	

Поэты, рецензенты,
справочное бюро, нужные люди

Ходасевич	Стихи, разборы, полемика, статьи
Эртель	(знание языков, восток)
Рубанович	

Ариэлли (Виноградов)[30], кажется, пишет 1-го сорта роман
Герцык
Герцык[31]

Мешков
Кондратьев
Печковский
Гумилев
В. Гофман
Шик
Киселев } библиография, мистицизм,
Сизов } культура
Диэсперов
Ахрамович
Черногубов
Кожебаткин
А. С. Петровский
Рачинский
Мар Иолен[32]
Н. Я. Брюсова
Блок
Одинокий[33]

Худ<ожественный> отдел
Бенуа
Грабарь
Крахт
Рэрих
Муратов (интересен)
Н. Г. Тарасов (история живописи)
Рачинский
Владимиров
Музыкальный отдел
Диктуйте!
Н<иколай> Карлович[34]
Говорили про
1) Струве (?) *важно установить*
2) Эйгес (?) *таксу гонорара*
3) Померанцев (?)[35]

Всегда и везде Николай Карлович.

Опыт показал, что эзотерически близок Крахт и очень горят усердием Петровский, Киселев, Кожебаткин, Садовской, Ахрамович.

Дальше Рачинский.

Далек Шпетт.

Видите: вот уже целая серия дел — Вам 1) выяснение финансовой стороны. 2) Выяснение Вашей индивидуальной программы. 3) Критика наших дел. 4) Критика предлагаемого списка сотрудников. 5) Организация связи с Западом (Дессуар, Гаст и пр.). 6) Свои списки. 7) Пишите на листах ход мыслей о журнале и всё присылайте. 8) Не стесняйтесь с «*veto*»: интимная связь *трех*[36] да не будет перенесена в Редакцию, где Вы неограниченный, суровый, жестокий Редактор-Издатель, Эллис Вам подчиненный секретарь, а я — очень активный сотрудник, не причастный вн<утренним> делам Редакции.

Перехожу к отношению журнала к книгоиздательству; неоднократно спрашивали: есть ли 1) *книгоиздательство* при журнале, 2) *журнал* при издательстве, 3) или параллельны журнал и книгоиздательство. В связи с этим ряд технических соображений; мне думается, лучше формальной связи между журналом и книгоиздательством не учреждать. Ответьте на это точно.

Перехожу к названию: не советуют «*Мусагет*» 1) потому, что «*Аполлон*»[37], 2) потому что скажут: «*Одним декадентским журналом больше*». 3) Желательно, чтобы состав сотрудников был бы значительно (с «Вес<ами>» и «Руном») видоизменен; а в *декадентский* журнал профессора не пойдут. Далее: «*декадентские сотрудники*» (петербуржцы), если поймут, что «*я*» и «*Эллис*» с самого начала в центре, устроют чего доброго бойкот[38], и мы останемся без многих; мы должны сначала несколько хитрить: быть едиными внутри и двуликими извне. Стараться собрать сперва мед, а потом уже его сортировать.

Значит, остаются названия: «Мусагет», предлагались и забракованы Гермес, Урна, Амфора, Орфей, Эмблема; есть еще: «*Плеяда*», «Галатея», «*Мнемозина*», «Полигимния» («*Мнемозина*» уже была прежде (связь с прошлым)).

Предлагались еще «*Москвитянин*» (????), «*Московский Вестник*» (??), предлагались «*Вопросы культуры*», «*Искусство*

и культура». На днях будут многие названия еще. Желательны Ваше «*veto*», предположение и прочее по этому вопросу.

До установления точных названий «*журнала*» и «*Издательства*» нельзя заказывать 1) клише, 2) конверты, 3) обложку, 4) штемпель.

Скорей ответьте.

Последнее: Невозможно обсуждать детали на расстоянии, в противном случае выступит Ваша деятельность рядом «*veto*», или рядом «*cartes blanches*»*. И то, и другое во многом ненужно тормозит ход дела; ради Бога, приезжайте уже в октябре (15-го); мы даем слово, что Вас освобождаем в случае надобности вскоре по выходе пробной книжки; техника ведения журнала известна; техника организации в 10 раз сложнее; в вопросе о средствах почти невозможно переписываться.

Я поеду а Петербург в сентябре, когда 1) соберутся писатели, 2) когда техника будет налажена[39].

Пишу кратко и формально, завтра пишу еще. Бесконечно любящий Вас Б. Бугаев.

Случайный проект внешности и распорядка для критики.

Обложка

Число страниц

2 стр.	Лист с девизом журнала
2 стр.	Заглавный лист и содержание № (на обратной стороне могут быть редакционные примечания
2–3 стр.	I. Редакционная дирижерская палочка (без подписи) (образец: Стефан Георге о Жан-Поле)[40]
В общем на стихи не более 8 страниц	II. *Стихи* а) Цикл одного поэта (5–6 стих<отворений>) или 2 раза по 3 стих<отворения> (перед и после прозы, если 2-х авторов), или 3 раза по 2 в начале между прозой и в конце (3-х авторов).

Итого:
2 + 2 + 3 + 8 = 13[41]

---

* Чистый лист (*фр.*) — т. е. свобода действий.

	III. Проза 20, 30, 40 страниц
13 + 30 (среднее) = 43.	
	IV. 2, 3 страницы — кроки, афоризмы, притчи, спорады, летучие мысли
3.	(одного или 2-х авторов)
2.	Теорет<ический> отдел (белый лист с*
43 + 5 = 48–50 стр.	
Остается 110 страниц.	
30	V. 30 стр. статья (или 2 по 15).
15 стр.	VI. Полемика, внутренняя полемика, На перевале, обзор журналов
На всё 20	VII. Статья о книге, специальный разбор, материалы, извещения (сюда бы материалы о Ницше, об Ницше-Архиве (для примера) [сюда бы письма Фета к Страхову])
25–30 стр.	Музыка
10	VIII. Живопись (интер<есная> теор<етическая> статья)

Итого:
50 + 30 + 15 + 20 + 30 + 10 = 155 страниц.

А если можно журнал на 165–170 стр., то: остающиеся страницы специально отдел для *статьи иностранца, или на перевод* классически интересной статьи о писателе, книге, явлении, культуре с немецкого, фр<анцузского> и др<угих> языков.

Теоретический отдел: Если условная норма в год 6 статей по 30 стр., и 12 по 15-ти стр., то нужны 18 статей.

Конспект плана. а) Желательны статьи в 30 страниц, 1) Мережковский о Тургеневе (скажем), 2) Розанов о Гоголе (почти есть), 3) Метнер (должен дать), 4) Эллис (должен дать), 5) Иванов (должен дать), 6) Брюсов (скажем, о Тютчеве), 7) я (дам), 8) Зелинский (жел<ательно>), 9) Дессуар или Гаст (желательны), 10) Соловьев (о Жуковском) даст, 11) Садовской (о Денисе Давыдове — есть). Итого на выбор 11; если 5 не дадут, то все же 6 есть; из них 4 уже имеются (Вы, Эллис, я, Соловьев) и того искомые «*2*». Если же дадут кроме нас еще «*6*», то *выбор*.

b) В статьях по 15 страниц тоже предположения 1) проф<ессор> Ольденбург, 2) Лосский, 3) Метнер (2), 4) Эллис (2),

* *Строка не дописана.*

5) Белый (2), 6) Шпетт?, 7) Рачинский, 8) Топорков, 9) Флоренский, 10) Мер<ежковский>, 11) Гиппиус, 12) Философов, 13) Волошин, 14) Франк, 15) Гершенсон, 16) Унковская, 17) Штейнер, 18) Мокель, 19) Гурмон, 20) Ход<асевич>, 21) Степпун. Итого 24; если 12 не дадут, то все же полный год; если вы сможете дать 2 статьи, я — две, Эллис — две; итого — 6. Остальные шесть — будут, конечно.

Организация Теор<етического> отдела.

Не старое и новое, а высокое и низкое — (культура).

Темы: 1) Культура и общество (государство) 1
2) Культура и раса (1)
3) Культура востока (1)
4) Культура Греции (1)
5) Культура и раса <*так!*> (1)
6) Германия. Культура и Гёте
Вагнер
Ницше
Дейссен
Бургхарт.
Нем<ецкие> поэты (Жан Поль, Платен, Брентано, Георге, Гельдерлин, Романтики).
7) Культура России. Поэты
Общество

1) Культура и общество (Что есть культура: проект: Мережковский, Розанов, или класс<ическая> переводная статья с нашими ответами в соответствующем отделе. № 1 журнала. 1 статья.

2) Культура и раса (ради Бога, обдумайте это Вы). 1.

3) *Культура востока* (*Дейссен или статья о нем*; статьи Ольденбурга, Штейнера, В. Джонстон; нет ли немца, могущего написать?). 2 статьи.

4) Культура Греции: 2 *статьи* Зелинский, Иванов, Флоренский («Эмпедокл и фольклор»); вспомогательны: Топорков, Соловьев, Новосадский; не знаете ли кого?

5) Культура Германии, желательны статьи 4.

Темы (первые попавшиеся) 1) *Гёте* и культура — (кто? Вы?), 2) Вагнер (Вы?), Ницше (Зелинский, Вы, Гаст, Овербек — кто? *постарайтесь*) и *одна статья о поэтах*: *Жан Поль*, Романтики, Гельдерлин, Платен, Брентано, Георге (Шик?) — это по Вашей части.

6) *Россия* — желательно 4, 5 статьи. Тургенев (Мер<ежковский>), Гоголь (Розанов), Барат<ынский> (я), Жук<овский> (Соловьев), Тютчев (Брюсов), имеются Лермонтов (Эллис)[42], Ростопчина (Ходасевич), Ден<ис> Давыдов (Садовского), Державин, Пушкин, Брюсов (Садовской). Отдел набит.

Этика и эстетика. Темы: Смысл искусства, долг в искусстве, самоценность творчества, как нравствен<ный> догмат служения (авторы Дессуар, Эллис, Гиппиус, Философов). 1 статья.

Культура, искусство, философия; связь между ними (авторы: Лосский, Дессуар, Степпун, Лосский, Франк, я?, Боричевский, Топорков). 2 статьи.

Сокровенное культуры, искусства. 2 статьи (авторы: Иванов, Мережковский, Дессуар, Вы, Розанов, Штейнер — кто?).

Итого уже готовых тем на 20 статей.

Понимаете Вы, дорогой, мою мысль?

Фантазия на № журнала.

№ 1. Посвящен: Что есть культура, что есть искусство.

1) Статья о культуре (15 стр.). 2) Статья о культуре искусства (15); авторы a) Мережковский или Иванов, Вы, немец? Дессуар? — c?) b) (могу я). В отделах. I* — редакционный манифест, IV Афоризмы о культуре, VI отдел — маленькая статья (4 стр.) «Культура и современ<ное> русское искусство», в отделе VI разбор книг о культуре. VII Материалы по истории культуры. VIII Культура и живопись (А. Бенуа).

№ 2-ой. 1) Культура Германии (Гёте и культура) — Вы? или гётист? (15 стр.). 2) Пушкин, Державин, Брюсов (Борис Садовской). Статья по живописи: старые русские мастера XVIII в. (Грабарь).

№ 3-ий. Статья большая о Гоголе (Розанова).

№ 4-ый. Культура Греции (Иванов, Зелинский) (15 стран<иц>). Брюсов о Тютчеве; в стихотворном отделе два ненапечатанных стих<отворения> Тютчева. (Сюда орфические гимны).

№ 5. Статья большая о Ницше и культуре (Вы, Гаст, Овербек, Зелинский ?); материалы о Ницше, библиография, важно бы ненапечатанные документы (Бёклин, Штук, Клингер — Владимиров (это по живописи).

№ 6-ой. Теория символизма (я).

---

* Смотри распорядок журнала. (*Примеч. Белого*).

№ 7-ой. Мережковский о Тургеневе, Эллис о Лермонтове.

№ 8. По востоку (15) (о Дейссене, — Ольденбург, Штейнер, Джонстон). «Эмпедокл и фольклор».

№ 9. О Вагнере — Вы (30 стр.).

№ 10. К теории символизма. Эллис (30 <стр.>).

№ 11. О Баратынском (15 стр.), о Жуковском Соловьев.

№ 12. Культура и раса (15 стр.). Этика и эстетика (Гиппиус).

Соответственно можно организовать дирижерские манифесты редакции, отделы рецензий, печатать материалы и т. д.; в № «Культура востока» возможна по живописи статья Рериха (живопись востока, восточный орнамент); в № с *Вагнером* (в музыкальном отделе исполнение Вагнера) и т<ак> далее (тут же пристегнуть «*Культуру и расу*»); то же и к Ницше. В № «Культура Греции» статья по живописи о греческом искусстве (скажем, исторически занимавшемся живописью и скульптурой Тарасовым).

Видите: составить можно.

Ну, за дело!

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 4. Помета синим карандашом: «LVIII». Ответ на п. 163 и Приложения к нему.

[1] См. примеч. 1 к п. 165.

[2] См. п. 162, примеч. 2; п. 165, примеч. 2.

[3] См. примеч. 6 к п. 165.

[4] Подразумевается С. М. Соловьев (см. п. 165, примеч. 4).

[5] Ежемесячный литературно-художественный журнал «Аполлон» был начат изданием в Петербурге с октября 1909 г.; сообщения об учреждаемом журнале появились в печати летом 1909 г. (см., например: Новый День. 1909. № 2, 27 июля. С. 4). Ср. сообщение в недатированном письме Эллиса к Метнеру (видимо, август — сентябрь 1909 г.): «Достоверно дознано, что „Весы“ умрут к 1910 г., „З<олотое> Руно“ умрет через 1, 2 месяца (это сам Рябушинский говорит открыто), что в Петербурге возникнут „Аполлон“, „Остров“, „Велес“, „Шиповник“ — 4 новых жур<на>ла» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 16). Журналов «Велес» и «Шиповник» не возникло (позднее появился «Велес». 1-й альманах. СПб.: Велес, 1912–1913), журнал стихов «Остров» был начат изданием и прекращен в 1909 г. (отпечатаны два номера — в мае и в августе; см.: Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 317–351).

[6] Подразумеваются шрифты, использованные в изданиях 1820–1830-х гг., — пушкинской эпохи.

[7] Знак розенкрейцерского эзотерического посвящения и братства. Ср. пояснения в письме Белого к М. К. Морозовой (около 28 августа (10 сентября)

1912 г.): «К кресту † присоединяется *Rosa.* <...> *Rosa* есть мир и просветленная земля до Афродиты Небесной, т. е. Святое Человечество, Св. Плоть, Церковь. Символ Розы — полнота, совершенство, т. е. круг: O; итак, символ Розенкрейцерства ⊕<...>» (*«Ваш рыцарь»*. С. 199–200).

[8] Жена Г. А. Рачинского Татьяна Анатольевна Рачинская, урожденная Мамонтова, — старшая сестра М. А. Мамонтова, племянника крупного предпринимателя и мецената С. И. Мамонтова.

[9] В печатных объявлениях издательства «Мусагет» значилось как готовящееся к печати издание «Гимны Орфея. Перевод Владимира Нилендера», которое осталось неосуществленным.

[10] В тех же объявлениях — неосуществленное издание: «Провансальские лирики XII и XIII веков. Перевод Н. П. Киселева. Т. I. Переводы. Т. II. Комментарии. (Готовится)».

[11] «Повесть о нещастном графе Ригеле» Сергея Соловьева была опубликована в «Весах» (1909. № 10/11. С. 82–112).

[12] Имеются в виду «История Исминия. Византийская повесть» Сергея Соловьева, позднее опубликованная в «Аполлоне» (1910. № 10. С. 21–54), и повесть М. Кузмина «Подвиги Великого Александра», опубликованная в «Весах» (1909. № 1. С. 19–41; № 2. С. 17–34) и вошедшая во «Вторую книгу рассказов» Кузмина (М.: Скорпион, 1910).

[13] Рассказ впервые опубликован в «Русской Мысли» (1910. № 3. Отд. I. С. 176–190), вошел в сборник Бориса Садовского «Узор чугунный» (М.: Альциона, 1911).

[14] Статьи Бориса Садовского «Г. Р. Державин» и «Д. В. Давыдов» впервые опубликованы в его книге «Русская Камена: Статьи» (М.: Мусагет, 1910).

[15] Статья В. Ф. Ходасевича «Графиня Е. П. Ростопчина. Ее жизнь и лирика» была впервые опубликована в «Русской Мысли» в 1916 г. (№ 11. Отд. II. С. 35–53), вошла в книгу Ходасевича «Статьи о русской поэзии» (Пб.: Эпоха, 1922).

[16] Статья В. В. Розанова «Магическая страница у Гоголя» была опубликована в «Весах» (1909. № 8. С. 25–44; № 9. С. 44–67).

[17] Этот замысел, возможно, отчасти отразился в позднейшей статье Андрея Белого «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» (Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1916, 26 июля), вошедшей в его книгу «Поэзия слова» (Пб.: Эпоха, 1922).

[18] Возможно, впервые сформулированная здесь идея трилогии, начатой романом «Серебряный голубь», нашла свое развитие в романе «Петербург», по первоначальному замыслу Белого предполагавшегося как непосредственное продолжение первой книги трилогии, с развитием той же линии сюжета.

[19] Статья Д. С. Мережковского «Тургенев» вошла в его сборник «Больная Россия» (СПб.: Общественная польза, 1910. С. 183–198).

[20] Статья В. Брюсова «Ф. И. Тютчев. Критико-биографический очерк» была опубликована в Полном собрании сочинений Ф. И. Тютчева (Изд. 6-е, испр. и доп. Ред. П. В. Быков. СПб.: А. Ф. Маркс, <1911>. С. VII–XLVII).

[21] Брюсов возвратился в Москву из продолжительного заграничного путешествия (Берлин, Прага, Швейцария, Франция, Бельгия) в середине октября ст. ст. 1909 г.

[22] Неверное сообщение. Во время отсылки письма Вяч. Иванов находился в Петербурге.

[23] Архив Ницше (Nietzsche-Archiv) был основан в феврале 1894 г., с 1896 г. располагался в Веймаре по адресу последнего проживания Ницше. Goethe-Gesellschaft — литературно-исследовательское общество по изучению Гёте, основанное в Веймаре в 1885 г.

[24] Метнер слушал лекции Макса Дессуара во время своего пребывания в Берлине в конце 1908 — начале 1909 г.

[25] Возможно, этот замысел нашел воплощение в незавершенной драме Брюсова «Бертрада» (черновая рукопись: РГБ. Ф. 386. Карт. 34. Ед. хр. 14); в завязке ее действия, происходящего в Италии в XII в., молодую супругу владетельного графа по его повелению наказывают пятнадцатью ударами плетей. См.: *Литвин Э. С.* «Бертрада» — неопубликованная историческая драма В. Я. Брюсова // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 140–156.

[26] Ошибочное указание. Жена С. Ф. Ольденбурга Александра Павловна Ольденбург скончалась в 1891 г., вторично Ольденбург женился лишь в 1923 г. См.: *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Пб., 2006. С. 27, 101.

[27] Антон Крайний — псевдоним З. Н. Гиппиус, которым она подписывала литературно-критические и публицистические статьи.

[28] На раннем этапе подготовки к изданию «Аполлона» предполагалось активное участие А. Л. Волынского в журнале (в частности, его руководство отделом критики), но в августе 1909 г. он, не найдя взаимопонимания с другими ближайшими сотрудниками нового издания, устранился от участия в нем. См.: *Лавров А. В.* А. Волынский и журнал «Аполлон» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 395–406.

[29] Это противопоставление — свидетельство того, что оскорбительное слово («жид») и производные от него означали в лексиконе Белого не столько национальную принадлежность, сколько иные, преимущественно социально-психологические смыслы, отражающие негативные, с точки зрения писателя, стороны современной цивилизации.

[30] Публикации А. К. Виноградова под указанным псевдонимом нам неизвестны.

[31] Подразумеваются сестры Герцык — Аделаида Казимировна и Евгения Казимировна.

[32] Один из псевдонимов начинающего поэта Сергея Павловича Боброва (см.: *Постоутенко Кирилл.* Об одном псевдониме С. П. Боброва (Мар Иолэн) // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана (Stanford Slavic Studies. Vol. 8). Stanford, 1994. С. 276–282). Им были подписаны два стихотворения, представленные в «Весы»

(публикация не состоялась). В письме к Белому от 29 августа 1909 г. Бобров спрашивал: «Приняты ли мои стихи в „Весах“? Эллис мне обещал наверно, что они будут в сентябрьском, т. е. в следующем №. <...> Мне как-то даже дико подумать — что вот выйдет сентябрьский № <...> и там в „содержании“ будет напечатано: *Мар Иолэн.* Два стихотворения!» (Письма С. П. Боброва к Андрею Белому 1909–1912 / Вступ. ст., публ. и коммент. К. Ю. Постоутенко // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 135).

33 Псевдоним поэта Александра Ивановича Тинякова (1886–1934).

34 Н. К. Метнер.

35 Композиторы Николай Густавович Струве (?–1920), Константин Романович Эйгес (1875–1950), Юрий Николаевич Померанцев (1878–1934).

36 Изначально будущий «Мусагет» (и планируемый несостоявшийся в 1910 г. журнал) мыслился как издательское предприятие, руководимое Андреем Белым, Э. Метнером и Эллисом.

37 Т. е. начатый изданием в октябре 1909 г. журнал «Аполлон». Один из эпитетов олимпийского бога Аполлона — Мусагет, водитель муз, покровитель певцов и музыкантов.

38 Это предположение объясняется тем, что Белый и Эллис в 1906–1907 гг. выступали на страницах «Весов» с резкими полемическими статьями, направленными в основном против петербургских модернистов.

39 Поездка Белого в Петербург в сентябре 1909 г. не состоялась.

40 Имеется в виду том сочинений Жан-Поля, подготовленный Стефаном Георге и опубликованный с его предисловием: Deutsche Dichtung / Herausgegeben und eingeleitet von Stefan George und Karl Wolfskehl. Bd. 1. Jean Paul. Ein Stundenbuch für seine Verehrer. Berlin: Bondi, 1900; 2 Ausgabe: 1910.

41 Правильный итог подсчета: 15.

42 Статья Эллиса о Лермонтове не была опубликована.

167. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 1 (14) сентября 1909 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

Представляю три приблизительных сметы, расчисленных нами для 2000 экземпляров журнала. Исчислено приблизительно, но в реальном масштабе сообща Петровским, Киселевым, Кожебаткиным, Ахрамовичем и мной, принимая во внимание, что расход по печатанию, бумаге (своей заказной, так выгоднее) на № журнала в 200 стр. при количестве 2000 экземпляров 550 рублей, т. е. 550 × 12 = 6600 рублей в год (эти данные

выяснились из разговора с Мамонтовым, который представил приблизительный пока счет).

Вот несколько смет, и несколько гонораров на № в 200 стр., в 175, в 160.

№ 200 стр.

1) *Такса за стихи*: 50 коп. строка } на № 100 рублей: 100 × 12 = 1200 р. 2) Такса за худож<ественную> прозу: 60 рублей лист, 60 стран<иц> — 250. 250 × 12 = 3000 рублей. 3) Такса за прочее: 50 рублей лист; 122 стр. номера = 400 рублей: 400 × 12 = 4800.

Итого каждый № гонорара = 750 рублей + 550 (типография) = 1300 рублей. 1300 × 12 = *15 600 рублей*. К этому присоедините a) *реклама* (извещения в газетах после выхода каждого №, как это обычно делается, печатание анонсов, программы и прочее) 1000 рублей. b) *Секретарская работа* (счета, переписка, хозяйство, рукописи, сношение с типографией, принятие подписки, сношения с магазинами — неужели Эллис, думаете Вы, справится со всем этим?) 100 рублей в месяц жалованья, или 2 человека по 50 рублей при разделении труда; итого 1200 рублей. c) Помещение (редакция + склад журнала и книгоиздательства), омеблировка и прочее. 1000 рублей. d) Служащий при редакции (25 рублей в месяц, 25 × 12) = 300 рублей. e) Обложка, штемпель, конверты, блок-ноты, письменная принадлежность и прочее — 400 рублей. f) Жалованье редактору 200 рублей в месяц (это — Ваше дело с издателем: мы прикидываем только для круглого счета); итого — 2400.

Итого 15 600 + 1000 + 1200 + 1000 + 300 + 400 + 2400 = 21 900 рублей.

Если тысяча подписчиков при цене журнала в 7 рублей = 7000
Если 1500 " " " " " " " = 10 500

В первом случае
21 900 – 7000 =
= *14 900 дефицит*

Во втором случае 21 900 – 10 500 =
= *11 400 дефицит*

NB: Так как везде принимался «*maximum*» расхода, то «*minimum*» будет таков: стихи можно таксировать 30 коп. за строчку, хотя это и очень дешево; итого стихи могут стоить 48 рублей за №, 48 × 12 = 576 рублей; можно сэкономить, помещая в отделе прозы переводные рассказы; если в каждом № по рассказу в 10 страниц (оставляя 50 стр. на оригинальное), то 7½ печатных листов в год вместо 60 рублей будут стоить 30 рублей; итого 3000 – 210 =

2790 рублей художественная проза; плата за рецензии может быть меньше; принимая в № 15 страниц рецензий = 180 страниц в год по 40 рублей за печ<атный> лист, т. е. статьи будут стоить дешевле на 110 рублей; 4800 - 110 = 4790 р.

Принимая во внимание, что при рассчете печатных листов (40 000 букв) брались круглые суммы и можно с № скинуть по 30 рублей: 12 × 30, т. е. на 360 рублей меньше.

Итого цена на типографию, печатание, бумагу и гонорар: 576 + 2790 + 4790 = 8156 - 300 = 7856 рублей + 6600 (типография, бумага, печатание) = 14 456 рублей, т. е. можно сэкономить в год *1144 рубля.*

Далее: если на рекламу положить не 1000, а *800 рублей* (очень мало); если «*я*», «*Вы*» будем вести часть письменных сношений, корректур и прочее, то можно сэкономить секретарски<х> 80 рублей, т. е. 960 рублей в год; если помещение с меблировкой (помещение 60 рублей в месяц = 720; меблировка 200 рублей) *920 рублей.* Почтовые расходы и прочее если 300 рублей в год, а служителю платить 20 рублей в месяц, т. е. 240 рублей в год; если редактору 150 р. в месяц (это для круглоты цифры), т. е. 1800 в год, то 14 456 + 800 + 960 + 920 + 300 + 240 + 1800 = *19 476* общая смета затрат.

При 1000 подписчиках 19 476 - 7000 = *12 476 дефицит.*

При 1500 ——— *10 976 дефицит.*

Мало вероятия на 2-ой исход, но можно №№ пустить в розничную продажу; тогда предположим дефицит *11 500 рублей.*

При журнале в 175 страниц (minimum)

Стихи 576 рублей в год; проза (40 стр. на №) — 1800 рублей; если 5 переводных рассказов в 10 страниц, то 1800 - 105 рублей = 1695 рублей; 119 страниц, т. е. 7½ печ<атных> листов по 50 рублей (за лист) 375 × 12 = 4500; принимая в № 15 страниц рецензий, разборов и пр., то 4500 - 110 = 4390.

Бумага, печатание, типография 438 × 12 = 5256.

Итого 5256 + 576 + 1695 + 4390 = *11 887.*

Все прочее 800 + 960 + 920 + 300 + 240 + 1800 = 5020.

11 887 + 5020 = *16 907* общая смета расходов.

Цена 7 рублей (1000 подп<исчиков>) — 7000: 16 907
7000

9907 дефицит

Принимая во внимание розничную продажу, 9000 дефицит.

При журнале 160 страниц и цене в 6 рублей (7 рублей дорого).

Стихи (30 коп. строка) 6 стихотворений = 28 р. 80 к. №. Общая сумма: 345 рублей; проза 40 страниц с переводными — 1695; статьи 108 стр. — 4056 рублей в год; рецензии 10 страниц 70 рублей; 4056 - 70 = 3986.

Итого: 345 + 1695 + 3986 = 3986
1695
345
———
6026 общий расход.

Типография (бумага и пр.) 440 × 12 = 5280.

6026
5280
———
11 306 рублей; Все прочее 5020 } 11 306
5020
———
16 326 рублей.

1000 × 6 (цена) = 6000

16 326 - 6000 = 10 326 рублей.

Розничная продажа 9500 рублей.

Видите: удобнее всего, пожалуй, 175 страниц при цене в 7 рублей; 160 страниц *7 рублей дорого*, 6 р. 50 к. как-то странно.

Повторяю, смета очень приблизительна, но 1) может ли издатель идти на a) 15 000 дефицита, b) на 10 000 дефицита, в первом случае имели бы сериозный, прекрасный журнал, который через два года наверное бы побил все журналы основательностью; во втором случае журнал был бы лучше «*Весов*» (конечно), но мы были бы ужас как стеснены; конечно, пойти на это было бы можно нам. Повторяю: «*Весы*» кончаются, «*Руно*» кончается; «*Аполлон*» нам враждебен, и… «*прощай наша линия*»…

Уверен, что на второй год журнала первого типа (дефицит 15 000), на второй год был бы дефицит только 10 000 тысяч <*так!*>: может ли издатель пожертвовать 25 000 дефицита на два года? Во втором случае (оба года дефицит 10 000) — может ли издатель пожертвовать 20 000 тысяч <*так!*> дефицита? *Еще повторяю: смета приблизительна*; она может быть *немного* менее,

немного более; думаю, что колебания в 1000 рублей вверх или вниз — не более.

Считаю нужным заметить, при расценке мы руководились форматом «*Путей и Перепутий*»[1], бумаги (белая глянцевитая) «*верже*», и *шрифтом*, кажется, «*альзевир*»[2]. Из шрифтов остановились между «*альзевиром*» и «*антиквой*»; была речь о «*елизаветинском*» шрифте, мысль оставлена.

Немедленно снеситесь 1) с издателем, 2) с нами; в последнем случае: дайте нам «*carte blanche*» на техническую организацию; дел столько, каждое состоит из мелочей, что сноситься с Вами о каждой мелочи это значит ежедневно писать рапорты по 10 страниц: ведь невозможно; или приезжайте сами.

Но прежде всего: нужно *Ваше и издателя* официальное «*да*» на журнал; в случае «*да*» немедленный кредит; уже через две, три недели нужно заказать бумагу на год, а для этого задаток в размере 300–400 рублей; канцелярскую часть расходов можно будет вести вполне отчетливо; не знаю, как с Львом Львовичем[3]; секретарем в журнале, технически обставленном, он быть может, но участвовать в технике организации ему нельзя; вчера 5 часов шла речь только о шрифтах, форматах и смете; пока что 3 человека разъезжают по типографиям; может быть, если журнал будет, можно бы выбрать одно лицо, ведающее счеты, проверку и контроль; ни «*я*», ни Эллис этим лицом (Вы сами знаете) быть не можем; если так, может быть, ему можно было бы дать хотя небольшое вознаграждение; если журнал проблематичен, сейчас же телеграфируйте, а то мы действуем вовсю; пройдет полторы недели и могут обнаружиться уже и невольные затраты (хотя бы одни каталоги типографий стоят денег). Пока что, я еще не был у Карла Петровича[4] (его не было в Москве). Теперь же я болен, третий день не выхожу; но уже четыре дня с утра до вечера занят *всячески* журналом. *Смета*, *техника*, программа, сотрудники; Лев Львович много говорит, но реально от него мало помощи; если бы не Петровский, Киселев и Кожебаткин, то ничего бы не вышло; они действуют сериозно и быстро.

Для рекламы журнала можно бы использовать книгоиздательство; если появятся книги в этом полугодии, то при них можно приложить объявления о журнале, платформу и список сотрудников; у Кожебаткина небольшое, нам дружественное

издательство[5]; мы могли бы печатать там объявления о наших книгах и журнале в обмен за то, что печатали бы о его книгах: подумайте!

Еще *важный пункт*: если издательство связано с журналом, то выпуск книг *до журнала* как бы программен: «*Арабески*» (они почти готовы)[6] были бы *отчасти* программны; Ваши статьи — тоже[7]; но перевод Бодлера (?!) — причем? Уже имеются без Эллиса ***два*** перевода «*Petites poèmes*» (один очень недурен); Эллис выйдет 1) с третьим уже по счету переводом![8] 2) с «*Бодлером*»! Ведь Бодлера печатают всякие «Саблины», «*Скирмунты*»[9]: ведь Бодлер — товар, а не программа; новое, идейное издательство «*начинает*» с уже дважды печатавшегося на русском языке Бодлера!!! Все это выставляют на вид: ведь мы можем осрамиться! Между тем: имеется проверенный и прекрасный перевод *Рюисбрёка* (ни разу не переведенного, глубокого мыслителя, тонкого); как бы было изящно начать с Рюисбрёка[10]: это — культура; начать с Бодлера — не культура. Вчера долго мы говорили об этом. Выход из этого: a) Отложить перевод (ведь гонорар за него Эллис уже получил!)[11]. b) Печатать (принимая во внимание положение Эллиса), но без марки издательства. Вообще, если издательство и журнал близки, первые книги издательства ведь уже для общества программа журнала: сериозно подумайте об этом. Вообще Ваше отсутствие — невыносимо; столько стоит вопросов организационных, идейных и др., что сноситься ужасно трудно.

Вчера полдня составлял письмо к Вам, а ведь делового высказал 1/10; сегодня уже полдня расчисляю смету; ведь придется каждый день писать деловые письма; далее программа на мне; «*Голубь*» на мне (писать надо бы с утра до вечера)[12]; злюсь на Соловьева — хоть бы палец о палец! Злюсь на Эллиса: он все только произносит речи да тосты — мне, Рачинскому, Петровскому о журнале; Шпетт пока что упражнялся в диалектике, критикуя программу, черт с ним!

Милый, дорогой, простите сухость тона: времени нет. Бесконечно чувствую нашу связь. Б. Бугаев.

P. S. Николаю Карловичу, Анне Мих<айловне> привет[13].

P. S. Письма сохраните; вдруг что-нибудь понадобится.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 5. Помета синим карандашом: «LIX». Продолжение п. 166.

[1] Имеется в виду издание: *Брюсов Валерий*. Пути и перепутья: Собрание стихотворений. В трех томах. Т. I–III. М.: Скорпион, 1908–1909.

[2] Подразумевается рисунок шрифта «эльзевир» — по имени Эльзевиров, голландских типографов и издателей; их фирма существовала с 1581 по 1712 г.

[3] Эллис.

[4] К. П. Метнер (на его имя были переведены средства, предназначавшиеся для организационно-издательской деятельности).

[5] А. М. Кожебаткин возглавлял издательство «Альциона», выпускавшее книги с 1910 г., совмещая эту работу с секретарскими обязанностями в «Мусагете». Инициатором его привлечения к деятельности «Мусагета» был Эллис, писавший Метнеру в сентябре 1909 г.: «Среди новых сотрудников выделяются и заслуживают огромного сочувствия, благодарности и дальнейшей поддержки и привлечения к интимным сторонам всего дела *Кожебаткин* в деловом и чисто техническом смысле и скульптор *Крахт* в живописном (специально) и общеидейном» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 17). Доверенность Метнера «нижегородскому купеческому сыну» А. М. Кожебаткину на управление и заведывание всеми делами книгоиздательства «Мусагета» датирована 29 апреля 1910 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 22). См. также: *Азадовский К. М.* Письмо Марины Цветаевой к А. М. Кожебаткину // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 62–63.

[6] См. п. 163, примеч. 10.

[7] См. п. 163, примеч. 13.

[8] См. п. 163, примеч. 11. К тому времени были изданы три русских перевода книги Бодлера: Маленькие поэмы в прозе / Пер. и вступ. статья «Поэзия Бодлера» А. Александровича. <М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902>; Маленькие поэмы в прозе (Les petits poèmes en prose) / Пер. с фр. М. Волкова. СПб.: Акц. об-во «Герольд», <1909>; Стихотворения в прозе / Пер. с фр. под ред. Л. Гуревич и С. Парнок. Со вступ. ст. Л. Гуревич. СПб.: Посев, 1909.

[9] Имеются в виду московские издательства — В. М. Саблина, основанное в 1901 г., выпускавшее преимущественно сочинения новейших западноевропейских писателей; С. А. Скирмунта, основанное в 1899 г., специализировавшееся на социально-политической и художественной литературе (см.: *Кваше Е. В.* Издательская и книготорговая деятельность С. А. Скирмунта // Книга: Исследования и материалы. Вып. 38. М., 1979. С. 118–132).

[10] Эта книга была издана летом 1910 г. (в конце июня — начале июля): *Рэйсбрук Удивительный*. Одеяние духовного брака / Вступ. ст. Мориса Мэтерлинка. Пер. Михаила Сизова. М.: Мусагет, 1910 (Орфей. Кн. 1).

[11] Гонорар за перевод «Стихотворений в прозе» Бодлера был выплачен Эллису С. А. Кусевицким (см. примеч. 3 к п. 162).

[12] См. примеч. 6 к п. 165.

[13] Н. К. Метнер, А. М. Метнер.

168. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

4 (17) сентября 1909 г. Пильниц

Пилльниц 17/IX 909.

Дорогой Борис Николаевич.

Получили ли Вы мое письмо и письмо к Эллису, пересланное им Вам?[1]

Необходимо узнать в Моск<овском> Комитете по делам печати официальности (форма прошения, залог и т. д.). Необходимо узнать, сколько времени будет длиться дело разрешения на издание журнала?

Я все равно сам бы не отправился в Комитет, т<ак> к<ак> мне неудобно и неприятно войти в учреждение, где я когда-то служил, где меня уважали и где теперь нет ни малейшего… ну да Вы понимаете! Неужели Вы или Эллис или Сережа[2] не можете разузнать обо всех формальностях у секретаря! Пишите мне в Пилльниц; я уезжаю на днях в Веймар, но письма перешлют.

Затем надо узнать у Мережковского, Розанова и других (*Вячеслава Иванова **NB***), будут ли они писать. Все это можно сделать без меня.

Действуйте!

Странно: ***сию секунду*** мне подали Ваше письмо[3]. — Читаю!

Отвечаю пока на наиглавнейшее: дают 10 тысяч на издательство, 10 тысяч на журнал. Можно взять из суммы, предназначенной для книг на нужды журнальные. В крайнем случае можно рассчитывать на 2–3 тысячи сверх 20 тысяч, но только на *первый* год. Поблагодарите Петровского и Рачинского и всем привет. Э. Метнер. (*Обнимаю Вас*).

Спешу отправить это письмо и сажусь писать другое!

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 12.

[1] Имеются в виду п. 164 и Приложение 2 к п. 163.

[2] С. М. Соловьев.

[3] Имеется в виду п. 166.

169. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

4 (17) сентября 1909 г. Пильниц

Пилльниц 17/IX 909.

Дорогой мой! Ваше большущее и весьма странное письмо получил и сейчас же приписал Вам в уже раньше написанном послании краткий ответ на вопрос о средствах (денежных)[1]. Надеюсь, что «смета в 15 тысяч в год» есть проект, а не условие (sine qua non)*, которое ставит Мамонтов. Так как и это письмо первоначальное, а не окончательное, то я пишу наугад и без плана свои реагирования на Ваши тезисы.

1) Ревизором и заведующим денежными делами является мой отец (он — «профессор коммерции», и без его совета и наблюдения я не начал бы ни одного денежного дела); если смета написана, то покажите ему ее (или пусть это сделает Кожебаткин или Петровский).

2) Кстати: лицо, знающее технику типографского дела, желательно, но надо остановиться на одном (Кожебаткин или Охрамович??). Вообще не надо «приручать» к нашему учреждению много хотя бы и милых и дельных лиц. Будут интриги.

3) Лицо, дающее деньги, делает это *для меня лично* в еще гораздо большей степени, нежели Куссевицкий, кот<орый> все-таки главным образом имел или заявлял об интересе объективном. Этим я (*между нами*) хочу сказать, что как бы я (совсем искренно) ни скромничал в качестве литератора, скромность эта очень скоромная в отношении к вопросу материальному; я не могу жить в Москве очень дешево (как я живу за границей и жил бы в провинции); далее, моя работоспособность невелика, и я скоро утомляюсь; я даже боюсь, что редакторство помешает моей и без того небольшой продуктивности; уступить же редакторство другому лицу я нравственно не имею права; итак, возникающему журналу придется иметь очень дорогого, мало работающего и часто отсутствующего редактора. Вам я могу это сказать, т<ак> к<ак> Вы, конечно, не обвините меня в желании создать себе синекуру; но как поступить в отношении к составляющему смету Мамонтову, Рачинскому и т. д. и т. д.??? Я обязан отчетностью перед лицом,

* Без чего нет (*лат.*); совершенно непременное.

дающим деньги, и только это лицо одно должно знать, сколько я получаю за редакторство. Вообще надо устроить так, чтобы не вмешивались в денежные дела. Maximum — 12 тысяч на журнал (остальное придется доплачивать из капитала книгоиздательства), считая редакторское жалованье *по смете Мамонтова.* —

4) Выход январского № в декабре очень одобряю.

5) Книгоиздательство *при* журнале и в *одном помещении.* — Помещение редакции не следует брать до приезда (через 8 дней) Анюты, которая примет участие в этом «искании»[2].

6) Особый шрифт (20-х, 30-х годов XIX века) было бы очень хорошо иметь; разницу между пользованием имеющимся шрифтом и своим, если ее можно высчитать, сообщите мне. Сообщите также, сколько лет держится шрифт, сколько стоит он и за сколько приблизительно его можно будет продать через два года в случае банкрота.

7) Эллис — секретарь; но так как он ничего не смыслит в хозяйственности, то надо кого-н<ибудь> еще; мне этот пункт неясен; не обременительно ли будет иметь двух секретарей: литературного и технического? Во всяком случае *пока* примите советы Кожебаткина и других, кого Вы хорошо знаете и уважаете. Я не протестую. Только ничего не обещайте (что касается штата редакционных служащих).

8) Вы говорите, что «важно установить таксу гонорара»; но ведь это не только важно, но, полагаю, уже установлено Вами, раз Вы говорите уже о мамонтовской смете! Таксу установить я не могу, т<ак> к<ак> это в связи с общей сметой; сначала надо установить все расходы (помещение, жалованье, бумага и т. д.), а затем уже гонорар; конечно, он не должен быть ниже, чем у других; может ли он быть выше — покажет смета. Важны, по-моему, принципы: I) хорошо, если бы можно было платить *построчно*, а не за лист; II) четыре рода: a) за стихотворную строку; b) за строку худож<ественной> прозы; c) за строку философской и критической статьи; d) за строку фактических известий и мелких рецензий. III) Все работают на равных условиях. За эти три принципа я стою, но, конечно, готов уступить, если мне дельно возразят.

9) Никакого абсолютизма (ни в чем) я не признаю; я — консул, а не диктатор; но сенат — Вы и Эллис; будь я сейчас — известный литератор почтенных лет, я, пожалуй, согласился бы

на диктатуру (временно на 1 год); но теперь — ни за что; наоборот: ***все*** должны знать, что Вы и Эллис очень даже «причастны внутренним делам редакции»; тогда в случае, если кто обидится за ненапечатание статьи (хотя бы это и произошло только вследствие моего «veto» или Вашего отсоветования), — пусть обижается на «Редакцию» и ломает голову, кто из нас троих был за, кто — против статьи. Все равно я ничего не напечатаю без Вашего совета и без выслушания мнения Эллиса. Если же Вы почему-либо настаиваете на диктатуре (и Эллис тоже), то я согласен, но в такой формулировке, которая официально должна быть известна главным сотрудникам: Э. К. Метнер — неограниченный редактор-издатель, но считающий своею нравственною обязанностью в *каждом* данном случае советоваться о напечатании той или другой статьи с соответственным *специалистом*, имя которого он во избежание нареканий *всегда* сохраняет в тайне. Вот Вам альтернатива относительно будущей моей власти. —

10) Относительно названия, я сам (как Вы помните) колебался: *Мусагет* и *Символ*, мною предложенные уже года два тому назад[3], пожалуй устарели… Идея, связанная с *Мусагетом* (протест против царящего ныне одностороннего (псевдо) дионисизма и утверждение единства искусств и наук, обособленное упражнение которых ведет к различного рода варварству), эта идея (основная во мне) едва ли может быть символизирована более точно, нежели наименованием *Мусагет.* Для меня *Мусагет* не звучит декадентно, а скорее ужь филологично и академично… Но… мне все равно. Если ничего не придумают, то придется книгоиздательство назвать *Искусство и Мировоззрение*, а журнал — *Культура*, и считать, что ни журнал при к<нигоиздательс>тве, ни к<нигоиздательс>тво при журнале, а и то и другое работают сообща параллельно; одно может обанкротиться, другое продолжать существование. Назвать и к<нигоиздательс>тво и журнал *Культурой* — нельзя, т<ак> к<ак> существует к<нигоиздательс>тво в Москве (см. справочную книжку), кот<орое> называется *Культурой*[4]. *Москвитянин* — ерунда, тогда скорее (я шучу) *Арбатский Вестник.* — *Искусство и культура* — отчасти тавтология.

11) Я приеду в середине русского октября, если это будет необходимо.

12) «Мы должны сначала несколько хитрить», пишете Вы. Но неужели Вы думаете, что мы проведем продувных «шиповников»[5] или заматерелых старомодных журналистов, чуящих «декадента» за 10 верст, или пронырливых Лурье и т. п.?? Нечего хитрить! Все равно: с одной стороны, мгновенно поймут, кто в центре дела, с другой же стороны, по прошествии некоторого времени наступит ряд недоумений, недоразумений и разочарований: так как никто, кроме Вас (и отчасти Эллиса), даже не подозревает, к чему мы ведем… Впрочем, если у Вас есть план, как «хитрить», и уверенность, что это удастся, то «хитрите»… —

13) Что «символизм надо зарыть и покрыть словом *культура*», с этим никто более меня не согласен! Но я иду дальше: я сомневаюсь вообще в необходимости (и даже в возможности) формулировать от редакции (без подписи), так сказать, платформу издания. — Кроки[6], импрессионистические наброски, афоризмы могут быть помещаемы как за подписью отдельного лица, так и за псевдонимом (за которым может скрываться несколько лиц). — Если мы сейчас же станем формулировать, что́ мы разумеем под культурой и куда мы хотим ее видеть направленной, то получится или общее место, или туманность. И кто может это сделать? Я — недостаточно ярок и малоталантлив, а Вы слишком ярки и многоцветны. Эллис еще не до конца понимает нашу мысль (он слишком во всех отношениях католичен). Но допустим, что нам удалось бы удовлетворительно в сжатой форме изложить нашу программу; неужели Вы думаете, что мы этим не оттолкнем от себя и большинство, и сплоченное декадентское меньшинство?.. Мало того: мы сразу же примемся за утопление нового Schlagwort'а*, нового жупела, нового идола, сменившего старый — «символизм»; слово «культура» станет через три месяца вызывать тошноту, а глубокий смысл его затемнится и для нас самих; придется искать опять нового Попанца…[7] Что такое культура? Материально культура заключает и объединяет в себе искусство и мировоззрение**; формально культура есть *власть* гениального художественного и религиозного творчества над жизнью народа. Если мы называем наш журнал

* Заглавное слово (*нем.*).

** В состав мировоззрения входит и религия. (*Примеч. Метнера*).

Культура, а связанное с ним книгоиздательство — *Искусство и Мировоззрение* (*или еще лучше:* ***Творчество и Мировоззрение***), то мы этим уже внешне отграничиваем область, над которой станем работать: *знание*, как таковое, и все то, что́, в отличие от *культуры*, называется *цивилизацией*, нас прямо не касается (как не касается нас вовсе всяческая *политика*, в том числе и *церковная*); но косвенно мы будем (исходя из постулатов культуры) касаться и знания и общественности и государства. — Объяснять же: власть *какого именно* творчества (какого типа, какого устремления — — —) мы желаем для жизни вообще и для жизни русской в частности — этого сразу объяснять и невозможно, да и было бы непедагогично... Если это все надо еще объяснять, если самое название (раз Вы и Эллис с ним согласны) *Культура* и *Творчество и Мировоззрение* недостаточно *на первых порах* говорят ленивому уму русского читателя, то это можно сделать, но не в тексте (где само собою придется не раз говорить об этом), а перед текстом. Правда, если даже среди наших сотрудников находятся лица, предлагающие название *Культура и Искусство*, то понятие о культуре довольно смутно даже для избранных; *Культура и Искусство* то же самое, что — *Музыка и Опера* или *Фортепиано и Музыка*. — Внутренно моя линия: это медленное и упорное искание и проповедование *арийского* мировоззрения и беспощадное безжалостное, но осмотрительное удаление и вытравливание из моей, из Вашей, из нашей общей души всего *чужого*, что так или иначе в виде пережитка, вследствие мыслительной лености, косности, нелепой сентиментальности, суеверия и т. п. — застряло и срослось с этой душой; под чужим я разумею юдаизм, как нечто вполне самодовлеющее и отчетливое, и, чуть ли еще не больше, ту туманность, пошлость космополитическую, с которой одинаково связано и христианство и антихристианство; всяческий фетишизм (liberalismus vulgaris, социалистический хилиазм и ползание на брюхе перед последним словом науки = гвоздям и костям, сохраняемым в кремлевских соборах, — помните мое мефистофелевское сопровождение Вас по соборам —; = иным воплям Мережковского = Самодержавию и Православию и т. д. и т. д. ad infinitum*); так вот этот фетишизм

* До бесконечности (*лат.*).

надо с корнем вон!! Но начать это надо исподволь и осторожно (по-кошачьи, а не по-собачьи, как я писал, помните, в прошлом письме[8])... Пусть Рачинский — безнадежен, но его можно заставить перевести с немецкого то, чтó нам нужно; Эллис будет незаметно для себя очищаться, работая; от Мережковского воплей не принимать; а вот если он напишет статью о Шестове, где этого путаника и обезьяну (не говорите об этом Шпету) изничтожит, то я с восторгом напечатаю; если Розанов даст тенденциозную статью за юдаизм, я ее не приму[9], если он будет писать против системы современного обучения или об эпохе Возрождения, которое есть не *воз*рождение, а просто Рождение (помню его прекрасную статью на эту тему и в этом смысле)[10], то я ее приму... Печатать же что-н<ибудь> только потому, что это Розанов или Мережковский, я не стану... Но я отвлекся; я хотел только показать Вам, что мы не должны давать программу нашего *вкуса*, а только указать, если уж это необходимо, на нашу *область*.

14) Ваш список сотрудников, а отчасти и статей, произвел на меня вот какое впечатление. Я нащупываю три мотива: 1) тактический; 2) меркантильный и 3) традиционно-партийный. Вы хотите «хитрить», привлечь и профессоров и предупредить петербуржцев и не дать повода к нападкам печати; для этого соединяете Лурье с Брюсовым. Вы приглашаете Ликиардопуло, Полякова (тогда уж и Милиоти[11] и Тастевена и Рябушинского) и вообще проводите связь с прошлым, с *Весами*; хотите перенести декадентскую штаб-квартиру из одной редакции в другую и «переоцениваете символизм»... Наконец Вы мобилизируете целую разношерстную армию сотрудников, очевидно с намерением привлечь читателей. Все это хорошо, хотя и трудно контрапунктируемо. Но вот что сомнительно уже совсем: можно ли сочетать три упомянутых мотива с теми двумя, без которых мне просто неинтересно и нечего делать в журнале; именно: все дело затевается по двум основаниям: 1) хочется сделать попытку провести в жизнь наше заветное; 2) хочется дать возможность нам троим (и *только* нам троим), Вам, Эллису и мне, улучшить наше материальное положение; Сережа Соловьев и Алеша Петровский (кстати, как мы их соединим!) — не нуждаются; а об остальных нам нечего заботиться; остальных мы должны рассматривать как орудие; из этого конечно не следует, чтобы

только печатались стих Эллиса или бледные статьи Вольфинга, но во всяком случае надлежит *с самого начала* дать понять всем Ходасевичам, Ахрамовичам, Кожебаткиным и вообще тем, которые «горят очень усердием» и «усердие» коих, вполне искреннее, базируется, однако, на расчете пристроиться к редакции, — что «своих» людей, т<ак> н<азываемой> «редакционной семьи» (члены которой непрестанно таскают друг друга за волосы), в новом журнале не будет; будет редакция, состоящая из трех лиц, и затем более или менее уважаемые более или менее желательные сотрудники... Всякая платформа есть компромисс; партийная платформа есть определение (definitio) того, с чем все *приблизительно* согласны, следовательно, *приблизительно не*согласны; omnis definitio periculosa est*, definitio есть конец развития, а не начало; определение есть уничтожение индивидуальности; на компромисс стоило бы идти, если бы *была уже* сильная культурная партия; тогда члены ее поступились бы своими личными вкусами и оттенками своего мировоззрения, дабы прийти к соглашению во имя борьбы; но партии не существует, т. е. нет партии культуры, членом которой я бы сознавал себя, а есть обломки партии декадентски-весовских преторианцев, к которым я никогда себя не причислял и связь с которыми принесла *Вам лично* столько труднопоправимого вреда; эту партию культуры надо еще образовать и дисциплинировать, а тогда уже объявлять и формулировать платформу... Итак, или весь Ваш огромный список надо еще увеличить (чтобы не обидеть еще какого-нибудь Петра Ивановича Добчинского[12]), или же его надо сократить до десятка наиболее выдающихся имен, к которым присоединить имена нас троих и наших приятелей Соловьева, Петровского, Рачинского. — Топорков — очень хаотичен. А. Смирнов писал невероятные глупости о музыке в *Мире Искусства*[13] и, кроме того, старается поставить кельтов выше других (я так слышал, не помню от кого). Самсонов — просто неинтересен. Лютер — также. — Чуковский????? — Волынский??? — Ауслендер??? Франк и Лурье невозможно, так далеко идти в оппортунизме я не могу. Теософских дам совершенно не нужно. Если Полякова и Ликиардопуло, то и Тастевена и Милиоти. — Если пригласите Штейнера,

---

* Всякое определение рискованно (*лат.*).

то не рады будете; навяжете себе болтуна вроде Ренэ Гиля, только теософского; Штейнер, конечно, будет писать (ему нужны деньги и ему нужно вербовать теософскую армию), будет писать грубо-популярно скучно крикливо и на манер деревенского протестантского пастора без следа *дэндизма.* — То же самое может произойти, если пригласить Д'Альгейма: он, конечно, будет писать, а это прямо *невыносимо.* — Подобными приглашениями мы лишь равнодушных превратим во врагов или же вынуждены будем из-за деликатности и тактических соображений печатать ненужное. Хорошо Ваше сопоставление: справочное бюро и... Эртель; кто же будет проверять справки Эртеля???? — Что такое Герцыки и к чему они (оне)??? — Струве слишком дилетантичен и бесцветен (это — адвокат?); вообще музыкантов пока не надо приглашать. Итак, или список нас ни к чему не обязывает, тогда его можно увеличить еще и еще; или он обязывает и определяет нашу позицию, тогда он чересчур эклектичен и беспринципен; мы не отыщем среди одиноких и нам неизвестных культурных людей, согласных с нами, если устроим такую гурьевскую кашу. — Очень многие из списка мне совсем неизвестны даже по имени. Прибавить кого-нибудь еще к списку я затрудняюсь. — То, что Вы называете «экзотерической программой» (не старое и новое, а высокое и низкое; этика и эстетика и т. д.) в общих чертах, конечно, вполне согласуется с моими взглядами; но ведь это оглавление огромной книги, а не программа журнала. Сомневаюсь, чтобы можно было понятным языком, языком партийных платформ вкратце изложить все пункты Вашего проекта. — Да и явится ли она привлекательной для большинства? Не лучше ли еще экзотеричнее. —

Итак, дорогой мой друг, резюмирую сказанное:

1) Во всех денежных делах и по поводу всех сделок и обязательств надлежит обращаться к моему отцу; ему же и показать мамонтовскую смету. Покажите ему также образцы бумаги; он знает толк в этом деле. —

2) Надо действовать так, чтобы не создалось учреждение, которое стало бы над нами и которое с самого начала впитало бы в себя чуждый или просто чужой дух. Основателями являемся только мы трое. — Мы же и эксплоататоры. —

3) Читая мое письмо, подчеркивайте синим карандашом то, что Вы считаете в нем *директивами*, письмо можете дать прочесть Эллису, да и Петровскому тоже… если находите нужным. Кажется, Эллис не может обидеться на то, что я там говорю где-то об его католичестве и очищении… Я получил сейчас письмо Эллиса. Отвечать не буду сейчас. Он просит еще 100 рублей на Бодлэра[14]; но разве все деньги взяты у отца? Если нет, то пусть он отправится к отцу и возьмет 100 рублей. Если же денег больше нет, то напишите; я вышлю еще.

4) То, чтó я писал о Шестове вчера, сегодня подтверждается письмом Эллиса, указывающим на триаду *Шестов — Лурье — Шпет*[15]; теперь понимаю до конца мое подозрительное отношение к Шпету. —

5) Отдельные места этого письма можете прочесть, если надо, и другим, извинившись за небрежность и спешность стиля. Вынужден прекратить писание, чтобы письмо отправить немедленно (а то поздно) заказным. Обнимаю Вас, Эллиса, Петровского, Соловьева. До свиданья, мой милый.

Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 12. Ответ на п. 166.

1 См. п. 168.

2 А. М. Метнер. Помещение для редакции было снято и обустроено по адресу: Пречистенский бульвар, д. 31, кв. 9. Б. А. Садовской сообщает: «Редакция помещалась на Пречистенском бульваре близ памятника Гоголю. Это была очень уютная квартирка из трех комнат с кухней и ванной. На стенах портреты Гёте, Шиллера, Канта, Гегеля, Толстого, Соловьева и прочих русских и иностранных мыслителей» (*Садовской Борис.* Записки (1881–1916) / Публ. С. В. Шумихина // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. I. М., 1991. С. 181). Ср. описание редакции («справа, если идти от Арбатской площади, <…> барский особнячок в глубине двора, снятый издательством „Мусагет“») в кн.: *Шагинян Мариэтта.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 413.

3 Идею будущего журнала под названием «Мусагет» Метнер подробно развивал еще в письме к Эллису от 14 (27) января 1907 г. из Мюнхена: «У меня в голове одно, правда, несколько претенциозное название журнала; именно: Мусагет. Этим 1) объединяются не только чисто эстетические темы и произведения, но и научные, т<ак> к<ак> среди муз были покровительницы астрономии, истории; Эллин всё понимал артистически,

и только такое понимание — культуропроизводительно. 2) Мусагетом был не Дионис (чрезмерно в настоящее время чествуемый из-за модного обезьянничанья), а Аполлон; этот бог нам в настоящее время гораздо необходимее, нам, человекам вообще и „рассейским" в особенности; 3) есть дивная статуя Аполлона-Мусагета в длинном, торжественном одеянии; мюнхенский памятник Гёте — похож на Мусагета; так вот изображение этой статуи могло бы стать нашим шифром, печатью; могло бы занять левое поле обложки» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 1. Впоследствии изображение описанной статуи стало маркой издательства «Мусагет»).

[4] Имеется в виду книготорговое товарищество «Культура» (зарегистрировано 24 апреля 1906 г.) с главным представительством, несколькими магазинами и складами в Петербурге и отделениями в 16 городах России — главное представительство в России «Библиографического института» Г. Э. Мейера (Лейпциг) и книгоиздательского товарищества «Просвещение» Н. С. Цетлина (см.: *Гринченко Н. А.* Книжная торговля в столицах // Книга в России, 1895–1917 / Под общ. ред. И. И. Фроловой. СПб., 2008. С. 345–346).

[5] Руководители издательства «Шиповник».

[6] Croquis (*фр.*) — набросок.

[7] Der Popanz (*нем.*) — чучело, пугало.

[8] См. Приложение 2 к п. 163.

[9] Намек на книгу В. В. Розанова «Юдаизм», опубликованную в его авторской рубрике «В своем углу» в «Новом Пути» (1903. № 7–12).

[10] Подразумеваются книга Розанова «Сумерки просвещения: Сборник статей по вопросам образования» (СПб.: Изд. П. П. Перцова, 1899) и, вероятно, рассуждения в цикле статей «Пестрые темы» (Русское Слово. 1908. № 118, 22 мая; подпись: В. Варварин) о «двух великих возрождениях» (XV–XVI вв. и эпоха романтизма) в связи с идеей «национального славянского пробуждения»: «В обоих „возрождениях" интересно и значаще было не то, что они „возрождали" и, конечно, не смогли возродить, а они *сами*, эти люди, совершенно новые и непохожие ни на эллинов или римлян, ни на средневековых католиков, а только *на самих себя*, на итальянцев XV и германцев XIX века. <...> Прямых результатов *никакое* „возрождение" никогда не имеет. <...> Иное с пробуждением. <...> Культурное „пробуждение" славянства зиждется на предположении, что славянский мир потенциально содержит в себе не меньшие сокровища, чем какие в веке VIII — IX — X — XIII содержал в себе германский и кельтический мир <...>. Может быть, равное родится из нас. Будем усиливаться родить; будем *помогать* славянству родить» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: В нашей смуте: Статьи 1908 г. Письма к Э. Ф. Голлербаху М., 2004. С. 122, 123).

[11] Имеется в виду Василий Дмитриевич Милиоти, заведовавший художественным отделом «Золотого Руна».

[12] Скорее всего, в данном случае подразумевается «двойник» этого персонажа «Ревизора» Гоголя — Петр Иванович Бобчинский, просящий Хлестакова доложить государю и «всем там вельможам разным», что «в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский» (действие 4-е, явление VII).

[13] Подразумевается статья А. А. Смирнова «Вечера современной музыки» (см. примеч. 1 к п. 73).

[14] В этом недатированном письме (около 1 (14) сентября 1909 г.) Эллис запрашивал: «Если возможно, переведи<те> еще 100 р. на издание прозы Бодлэра» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 18).

[15] В том же письме Эллис сообщал об отношении в московских кругах к новому издательскому начинанию: «Сочувствие огромное и живое отовсюду, где его ждали, кроме Шпетта... Вообще, —

Шестов — Лурье — Шпетт.

Мотайте на ус!..»

170. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

6 (19) сентября 1909 г. Пильниц

Пильниц 19/IX.

Дорогой Борис Николаевич! Только что отправил Вам огромное письмо[1], как получил Ваше второе об издательстве. Я нахожу, что и за 175 страниц дорого 7 рублей. — Кроме того, делаю общее замечание: можно ли рассчитывать на 1000 подписчиков как на достоверность; больше чем на 12 тысяч + три тысячи, которые в крайнем случае можно перенести из капитала книжного, т. е. больше чем на 15 тысяч рассчитывать нельзя, и я не желаю оказаться несостоятельным должником. — Я не имею возможности *сейчас* говорить с издателем; поэтому не могу Вам сейчас же и дать ответа решительного на вопрос о журнале. Но думаю, что издатель ни за что не согласится на то, чтобы все 20–22 тысячи ушли на журнал, а к этому идет дело, т<ак> к<ак> на подписку особенно рассчитывать нельзя и всякая смета всегда оказывается слишком узко взятой. — Я начал отвечать Вам по мере чтения письма; теперь я дочитал его до конца и говорю Вам: затевается нечто совсем другое, чем то, что мы хотели. Вместо скромного журнала и книгоиздательства, не желающих ни с кем конкурировать и преследующих (как я писал в прошлом письме) две

интимных цели (осторожная проповедь нашего мировоззрения, как цель идеальная, и благосостояние трех лиц, как цель житейски-материальная), незаметно для Вас Ходасевич, Мамонтов, Кожебаткин затевают «общее дело» с риском (падающим всецело на меня) в 20 тысяч. Когда я говорил с Вами до отъезда, Вы сказали, что журнал можно вести на 10 тысяч в год, т<ак> к<ак> книжка обходится 600–700 в год (считая все расходы): 700 × 12 = 8400; оказывается, что надо иметь minimum 1000 подписчиков, чтобы в лучшем случае потерять на журнале около 10.000 р., если издавать на скромных началах, и 15.000 р., если издавать так, чтобы «побить в два года *все* (!!?) журналы основательностью…» Итак, расходы вместо 10.000 minimum 20.000; будем ли мы иметь подписчиков и сколько, я не знаю и не имею права уверять издателя, что мы будем иметь 1000 подписчиков; выйдет так, что в середине года уже обнаружится, что издатель (пока: в ожидании проблематичных подписчиков) должен выдать на журнал сумму minimum 15 тысяч или же придется брать из сумм книжных, чтó нежелательно и на что издатель тоже не согласится: я сказал издателю, что истраченное на книги возвратится через два-три года, когда издание будет понемногу раскуплено; истраченное же на журнал — невозвратимо; следовательно, я не имею права выдавать на журнал из сумм книжных; ну, две-три тысячи в крайнем случае на первый год можно еще взять из книжных сумм в расчете на доход от какой-либо удачной книги, но больше уже нельзя. И то, это *только на первый год*. Считаю нужным заметить, что издатель ни за что не согласится на то, чтобы еще кто-нибудь участвовал в предприятии *денежно*; или годовая сумма в 22 тысячи (10.000 на книги; 12.000 на журнал) должно хватить (при *всяких* самых *несчастных* обстоятельствах), или журнал не может существовать; если Мамонтов берет на себя дальнейший риск и делает это по уговору с Вами и для Вас, то это ни до меня, ни до издателя не должно касаться. Я этого риска ни на себя, ни на издателя переложить не смею; но этот риск я стану рассматривать как чисто коммерческую хватку хозяина типографии, который уверен, что журнал пойдет и находит возможным (чтобы дать работу типографии) несколько рисковать; но всякое вмешательство (идейное) в дела журнала со стороны хозяина типографии я не допускаю и не стану слушать речей вроде: «я хотел рисковать, полагая, что

Вы поведете журнал в таком-то направлении, а не в таком и т. п.». Итак, Вы сами можете теперь ответить на вопрос, существует ли журнал. Когда же я буду иметь возможность *говорить с издателем*, я сообщу ему положение дел, но *не надеюсь* на то, чтобы он взял на себя риск в 20.000 для одного только журнала. Ведь *риском до конца* (особенно в таком деле, как журнал) является вся сумма необходимых расходов, без надежды на какой-либо доход… —

Пока (если при указанных мною условиях (внешних, денежных) журнал вестись может) имею сказать следующее.

1) Не слишком ли много будет печатать 2000 экземпляров; не достаточно ли на первый год 1200–1500.

2) Непременно покажите «приблизительный пока счет» Мамонтова — моему отцу.

3) Не слишком ли много Вы уделяете художественной прозе? Я бы взял меньше для нее. Журнал должен быть отчасти художественным, отчасти философским, а не беллетристическим. Я лично считаю, что подлинно художественная проза (в отличие от беллетристики) не легче, если не труднее стихов; трафаретных ауслендеровских стилизаций я терпеть не могу и считаю это дешевым жидовским товаром, развращающим вкус, — не более!

4) За построчную плату не стою, если это неудобно. Но как быть с мелкими рецензиями и фактическими известиями. Они окажутся или слишком выгодным делом, или слишком невыгодным.

5) Необходимо два секретаря; Эллис для внутренних дел и кто-нибудь другой для внешних.

6) Переводные рассказы очень желательны (Рачинский). — И притом не 1/6, а 1/3 может быть переводной. —

7) Вы забыли при смете выписку иностранных книг и журналов.

8) Я нахожу совершенно излишним приезжать сейчас: тем более, что мне, вероятно, придется еще и еще раз говорить с издателем; переписываться с ним было бы более затруднительным, нежели с Вами. — Огромных рапортов мне писать вовсе не надо. Вы знаете, что я контрасигную все, на что Вы сами решитесь относительно шрифта, бумаги (которую предварительно надо показать моему отцу) и прочих деталей; далее, если Вы находите выгодным иметь вторым секретарем Кожебаткина, знающего

технику дела, я и на это согласен; возьмите пока у отца 100 рублей на мелкие расходы (каталоги, извозчики, я не знаю что).

9) Не слишком ли дорогую бумагу Вы берете и действительно ли выгодно иметь свою собственную по особому заказу (по этому поводу переговорите с моим отцом).

10) За немедленным кредитом дело не станет, но «да», о кот<ором> Вы пишете, следует ждать не вам от нас, а нам от вас, т<ак> к<ак>, повторяю, больше 12 тысяч на журнал не будет выдано (*брать из книжных сумм мне бы очень не хотелось, т<ак> к<ак> согласия от издателя я на это не получу, а надежда возместить этот ущерб бойкой продажей ходкой книги — невелика*).

11) Напишите, брали ли Вы деньги у отца и сколько. — Бодлэра Эллиса необходимо издать, я дал слово ему... Вообще на этом деле я уже вижу, что нас начинают давить какие-то страхи перед толками конкурентов, какие-то унаследованные от *Весов* цели и тактические соображения. Я о Рюисбреке, например, ничего не знаю (кажется, оптимист-мистик, может быть вру...), почему этот Рюисбрек — культура, я не знаю, хотя и верю Вам; для чего начинать с него, уже совсем не понимаю; если начинать с переводного, то я найду что-нибудь, что́ более (наверное более) покажет нашу программу; кто переводил Рюисбрека и как это переведено? И зачем мы сразу дадим нажить не близким, а чужим! Отложить перевод Бодлэра можно, но он должен быть напечатан, и притом в книгоиздательстве. Нам не должно быть никакого дела до других и до толков. Мы имеем возможность несколько лет вести *наше* маленькое дело, в высокой степени плюя на внешний успех. Не мы должны идти к этому внешнему успеху, а он к нам. А если не придет, то черт с ним. Надо печатать Вас, еще раз Вас и еще еще раз Вас, потом Эллиса, Эллиса, Вольфинга, потом опять Вас, пока Вы не выскажетесь до конца... и вдруг Рюисбрэк; да у меня есть малоизвестные писатели (например, Георг Христоф Лихтенберг, гениальный физик, юморист, эстетик, астроном и дэнди XVIII века, или Гердер *Идеи*[2], или Гаманн), которых я знаю немного и ценю, которых переводить можно поручить Рачинскому; это будет наверное поценнее Рюисбрека. —

Простите, дорогой мой, и мою сухость тона! Но, право, я очень рад, что меня нет в Москве, иначе эта сухость превратилась бы

в озлобленность: совершенно очевидно нас желают эксплуатировать; если журнал будет (а это зависит от Вас!), то он будет *наш* и только наш, хотя бы у нас не было на первый год ни одного подписчика; я совершенно спокоен; в крайнем случае можно начать небольшой журнал (только *стихи, теоретические статьи* и *рецензии*) в 100–125 страниц. Обнимаю Вас. Ваш М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 13. Ответ на п. 167.

[1] Имеется в виду п. 169.

[2] Труд Иоганна Готфрида Гердера «Идеи к философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», Bd. 1–4, 1784–1791).

171. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 7 (20) сентября 1909 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович!

Милый, грустно, что мне приходится писать, но необходимо; Вы знаете, как я люблю Эллиса, но… есть границы моей терпимости; я вижу, что на него нужна просто грубая узда, или с места в карьер он посадит в лужу.

Помните первое мое письмо, где я Вам пишу о том, что нравственная интимность с Эллисом у меня *лично* прервана из-за музейской истории, хотя лично все так же его люблю[1].

Верьте, что это неспроста; конечно, история в Музее есть извращенное, «*мерзостное*» толкование факта рассеянности и хулиганства, но…. в связи с Музеем, в связи с *ложью* его и спутанностью аргументов, в связи с рядом мною обнаруженных мелочей (ради его я просто на время стал «*суд<ебным> следователем*») я понял: у него неряшество, граничащее с преступностью, неряшество, корни которого уже не только в забитости, а в нравствен<ной> расшатанности: и вместе с тем мне совершенно ясно: у него инстинктивная, бессознательная, чисто звериная хитрость, жадность, могущие выразиться вплоть до… интриганства.

Что и обнаружилось немедленно в нашем деле. С первых дней он буквально, сев верхом на журнале и книгоиздательстве[2],

не зная средств еще, не считаясь с «*общей пользой*», с «*общей идеей*», стал зажаривать «*Эллиса*», испугав за участь и того и другого меня, А<лексея> С<ергееви>ча[3] и Киселева, который ради «*нас*» покинул многолетнюю свою замкнутость и, будучи обременен «*госуд<арственным> экзаменом*»[4], взялся нам помогать. Я просил обоих помочь мне в деле обуздания Эллиса, так что инициатор инцидента — я: (считаю, что поступал правильно, не желая подвести Вас под «*сюрпризы*» и помня «*неизвестного издателя*», благородно пожертвовавшего нам на журнал).

С первых дней Эллис всем объявлял, что мы (?) печатаем полное собр<ание> сочинений его Бодлера, его «Сад Великана» (пьеса для детей!)[5], еще какую-то книгу; *все эти дни он палец о палец не двинул*, зная, что я, Киселев, Кожебаткин и Петровский по 5 *часов* в день занимаемся очень скучными мелочами; если я горячо отношусь к делу техники, то только потому, что у нас нашлись «***бескорыстные***» помощники, вовсе не мечтающие писать, сотрудничать, а вызвавшиеся помочь в трудном деле организации.

Кроме того, Эллис написал уже «*Манифест*»[6], тон которого меня ужасает, с самого начала дела чего-то забеспокоился и стал прямо чуть не требовать моментального печатания Бодлера в первую очередь[7]. Взял у Карла Петровича[8] не «200 рубл<ей>», как значится, а «*триста*», просит еще (а гонорар Кусевицкого[9] — ?). *Ведь он же на нас лежит.*

Но самое главное; *зная переводы Эллиса*, я испугался и просил «*Петровского + Киселева*» проредактировать. (Ведь если нужно поощрить Эллиса, то все же не резон *садиться в лужу* и угощать публику с «*места в карьер*» плохим переводом и третьим по счету, не ознакомившись детально). Обнаружилось, что это не перевод, а «*Бог знает что*» (сейчас перевод у меня в столе). Для образца характерно, что заглавие предисловия переведено: «Арсению (?!) Гуссэ» (вместо *Арсену*), а первая фраза предисловия носит оборот: «шлю небольшое произведение, о к<ото>ром было бы несправедливо говорить, что оно без хвоста и головы (?), ибо напротив все ***в нем попеременно и взаимно и хвост и голова*** (??!!)»[10] Бог знает что! И далее…

Очевидно, перевод надо проредактировать от строки до строки: я просил А. С. взять право, как редактору перевода, самому подписать к печати листы, ибо в прошлых переводах он изменял

«*редактор<ские> поправки*» в корректурах. Взамен этого он начал осыпать Киселева и Петровского (заочно) оскорблениями, называет их мне «*Ликиардопулами*», говорит, что никто не имеет права указывать ему на знание Бодлера (*французского языка он не знает*), что он отказывается от редактирования и, ссылаясь на Ваше *право* самодержавия, хочет *нахрапом* печатать даже грамматически неверный перевод во имя того, что Вы пишете: «*Печатайте*»; вместе с тем присылает мне оскорбительные для «*Кис<елева> и Петровского*» замечания; присылает вот какую заметку[11]. Это — бесстыдство.

Вы просили просмотреть Ваши статьи, указать на недоразвитости[12] (хотя Ваши статьи в десять, в сто миллионов выше перевода Эллиса); я при печатании «*Арабесок*»[13] считался с указаниями «*друзей*», ибо в выборе статей не доверял всецело себе; Эллис считает свой «*черт знает какой перевод*» за совершенство и вдается в амбицию, вносит формализм и интриганство туда, где только все — желание помочь; до Вашего приезда *я не могу* действовать от себя, а советуюсь во всем, но Эллис, опираясь на Ваше отсутствие, прямо скажу.... «*спекулирует*» нашим трио, не для нашего интимного, а для себя.

Грубо и цинично, что он оскорбляет Петровского, который столько делал для него в «*Музее*», которого вчера он не знал, как благодарить, и о котором сегодня мне пишет: «*После этого*», т. е. моего желания, чтобы А. С. редактировал перевод, «*для меня все наше дело идейно = 0*»; «*я считаю себя свободным от всех обязательств их, строго резюмируя* ***монархизм*** *Метнера*». Это — цинично.

Знайте, Эм<илий> Карлович, что я, не желая компрометировать Вас, помня издателя, не желая еще и марать «*дела*», решил безжалостно: «Не печатать перевода без редактирования». Эллис имеет право *тем не менее* печатать, но если он это сделает, это — цинизм, и я уже окончательно рву с ним: пока что я отношу инцидент к истерике.

Но извещаю Вас: *до Вашей резолюции я лично буду не давать санкции моральной на печатание явной безграмотности*, и если он тем не менее отдаст в типографию (запретить это я не могу, не нарушая Ваших прав), то я пойму, что его дружба ко мне — не дружба, а собачья жадность, хитрость, т. е. нечто звериное;

потому что, *право*, я начинаю думать, что ему наплевать на все, кроме себя самого.

Я не придаю значения инциденту; знаю, истерика слетит; собачий нюх заставит его понять; все остается по-прежнему, но... я *убедился*: с ним невозможно равноправно иметь дела; его надо *обуздывать*.

Говорю это на основании опыта.

Милый, милый Эмилий Карлович!

Все это формальные письма; сколько хотелось бы Вам сказать еще «*интимного*»; нет времени.

Только что получил Ваше длинное письмо[14]; все будет принято к сведению; ответ на него могу написать только через три дня.

Остаюсь искренне любящий Вас и преданный всегда

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 7. Датировка (рукой Метнера?): «23/IX [10]» (исправлена рукой Н. П. Киселева: «1909»), видимо, сделана на основании неверно прочитанной датировки почтового штемпеля (на конверте: Москва. 23. 8. 10).

В п. 189 (27 сентября (10 октября) 1910 г.) Белый пояснил, что по ошибке отослал Метнеру настоящее прошлогоднее письмо, в свое время по забывчивости оставшееся неотправленным.

К письму прилагается архивоведческая записка Н. П. Киселева (на бланке объявления о подписке на журнал «Труды и Дни» на 1912 год). См. п. 189.

Датируется по связи с п. 169 и 171.

[1] Имеется в виду п. 162; под вторым письмом подразумевается п. 166.

[2] См. развитие тех же тем в п. 166, 167.

[3] А. С. Петровский.

[4] Как сообщает Н. П. Киселев в автобиографии, в 1909 г. он «получил дополнительно зачет девятого и десятого семестров в Московском университете. Государственного экзамена не держал» (Приведено в предисловии А. И. Серкова в кн.: *Киселев Н. П.* Из истории русского розенкрейцерства / Сост., подгот. текста и коммент. М. В. Рейзина, А. И. Серкова. СПб., 2005. С. 16).

[5] Это произведение Эллиса не было напечатано, текст его нам неизвестен.

[6] Содержание этого текста, видимо, нашло отражение в декларации Эллиса «О задачах книгоиздательства „Мусагет“»; см.: *Лавров А. В.* Андрей Белый и Эллис о задачах «Мусагета» // Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 493–497.

[7] См. п. 163, примеч. 11.

[8] К. П. Метнер.

[9] См. примеч. 3 к п. 162.

[10] В исправленном варианте приведенный текст авторского «Посвящения» Арсену Гуссе: «...посылаю Вам небольшое произведение, о котором было бы несправедливо сказать, что оно без начала и без конца, ибо напротив, всякая часть в нем может попеременно служить для других и началом, и концом» (*Бодлер Шарль*. Цветы Зла и Стихотворения в прозе в переводе Эллиса. Томск, 1993. С. 295).

[11] «Заметка» Эллиса к письму не прилагается.

[12] См. п. 163, Приложение 2, примеч. 13.

[13] Под «печатанием» в данном случае подразумевается, скорее всего, составление и макетирование книги. См. п. 163, примеч. 10.

[14] Имеется в виду п. 169.

172. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 10 (23) сентября 1909 г. Москва

Дорогой бесценный Эмилий Карлович,

Ждем немедленного ответа о журнале; журнал после двухнедельного размышления, балансируя между «*декадентством*» и солидностью, мы пока что назвали «*Плеяды*»[1]: Ваше слово? Ваше «veto»? Ждем: почему остановились на «*Плеядах*», излагаю ниже; предполагается на желтой, костяного цвета (пергаментного) обложке изображен сверху орел со змеей (архаически): <*рисунок*> это проект Крахта; к следующему воскресенью он представит этот проект в разработанном виде; весь вид обложки имеет в себе что-то архаическое (чуть готическое); марка в проекте Крахта: <*рисунок*> (в венке орел с обвившейся змеей); обложка, по-моему, к «Плеядам» подходит; высказались так, что книгоиздательство могло бы быть тоже «Плеяды»; издание Кожебаткина, который ставит себя в подчиненное положение к нам, названо «*Гальциона*» (звезда в «*Плеядах*»)[2]. На днях приступаю к изданию «*Арабесок*»[3]. Книгу Ваших статей нужно бы выпустить до января[4]. Ввиду спешности действия: мы пока что выделили *комиссию* с распределением функций. В нее вошли 1) Эллис, 2) Петровский, 3) Киселев, 4) Кожебаткин. Последние три *незаменимы*; Эллис же

все только путает; он будет великолепен в самом журнале; в ведении же дел организационных на него нужна узда; я обуздать его не могу; после совещания решили: Кожебаткин соглашается его сдерживать, Петровский тоже (вообще Петровский и руками, и ногами, и носом в пенснэ с нами — голубчик: вышло так, что с Эллисом *я не могу* иметь ни малейших деловых отношений; он — путаник; я воззвал к помощи[5]). Теперь о переводе Бодлера[6]; Петровский взялся от строки до строки вновь пересмотреть перевод, сверить с текстом; я не знаю, правы ли мы, но я просил А. С. быть диктаторски точным в сверке перевода и чтобы Эллис слушался в поправках, чтобы издательство с *второй* книгой не село в *лужу* (в сущности у нас имеется великолепный Рюисбрёк[7]; и им бы следовало дебютировать, а мы дебютируем пока что, *3-ьим* в России уже переводом «Petites poèmes»... Надо, чтобы перевод был хорош. Если что не так, то приезжайте сами; но реальное дело уже показало: только при строгом контроле Эллис хорош. А контроль я не могу взять на себя; технику печатания обеих книг («Араб<ески>» и Бодлера) берет на себя Кожебаткин, который педантично как бы делает мне доклады.

Если журнал будет, то нужно помещение «*Редакции*». Сейчас свободно помещение «*Руна*»; знаете ли, что оно баснословно дешево (60 р. в месяц), а оно — целый особняк; 60 × 12 = 720 рублей в год; если поселить туда (в одну из комнат Эллиса, он хочет) и заставить его платить 20 рублей в месяц (вместо 30, которые он плотит), то 20 × 12 = 240; 720 - 240 = 480 рублей (за 480 рублей мы обладаем особняком, т. е. 3 комнатами (четвертая комната Эллису) — выгодно? Если бы не упустить помещения «*Руна*». Если секретарские деньги — 100 рублей, то 100 р. берутся делить между собой Кожебаткин с Эллисом (по уговору): у нас два человека: один *практик*, друг Эллиса, могущий вести счетную часть; пока что все секретарские дела ведет Кожебаткин; Эллис же только говорит; говорили мы и об технике устройства К<нигоиздатель>ства: вот какой намечается проект; Вы в журнале и в К<нигоиздатель>стве — полновластный ред<актор->издатель: для облегчения Вашего у Вас комитет по разделению труда; Петровский, Эллис, я, Киселев, Рачинский (?), Кожебаткин; вот в чем дело: Вы вольны что угодно печатать, кассировать, изменять, но Рачинский, Петровский брались бы сверять переводы; Вы, я и Эллис, мы выбираем

книги; у Киселева огромная эрудиция по текущим книгам; мы могли бы его просить быть «*au courant*»*, Петровского — тоже; Кожебаткин (человек с опытностью и вкусом) мог бы быть незаменимым участником по вопросам, связанным с внешностью книги (и Киселев), а главное по печатанию. Как в журнале, так и в К<нигоиздатель>стве, *мы трое* нерв; извне Вы — диктатор; но если мы не приблизим полезных людей и не дадим им *внешних* функций теперь, мы остаемся без тела; в любую минуту Вы все можете изменить; без Вас же я один не справлюсь со всем; а у нас уже *на деле* выяснился прекрасный исполнительный орган; очень полезным другом по историко-литер<атурным> и делам русской культуры оказался Борис Садовской; он привлек к нам Черногубова (специалиста по архивам ценностей культуры).

Теперь и группировка сотрудников в связи с предлагаемой программой журнала (см. ниже).

Если нужны в первый год 2 статьи по общим вопросам культуры; 2 статьи по культуре Греции; 2 ст<атьи> по культуре востока; 4 по германской культуре (Гёте, Ницше, Вагнер, и еще); 2 по культурно-религиозным вопросам; 2 теория эстет<ики>; 2 этика и эстетика, то группы сотрудников *нужных* — вот.

Общая культура: (немцы — не знаете ли?) Дессуар, Риккерт, Зиммель, Метнер, Лосский, Пресняков (петер<бургский> профессор — очень живой, пишет хорошо: привлечь — легко), Шпетт, Степун, Топорков, Франк, Гершенсон**.

Культура Греции: Пресняков (занимался), В. Иванов, Зелинский, Соловьев, Флоренский, (Штейнер?), Новосадский, нет ли у Вас кого? Подумайте, кто бы мог написать о Роде?

Восток: Розанов, Джонстон, Тураев?, Ольденбург (нет ли у Вас кого?), Киселев (обещал написать вместо Эллиса о Жераре де-Нерваль, имеющем соприкосновение с востоком[8]). Кому бы поручить статью о Дейссене?

Германская культура. Кто? Используйте Ваше пребывание в Веймаре. Предполагаемые темы: *Ницше* (Метнер, Гаст, Ф<ёрстер->Ницше, кто?). *Вагнер:* Метнер, кто?, А. Иванов (помните 2 статьи о Вагнере в «*Мире Искусства*» — интересные)[9];

* На высоте требований (*фр.*).

** *Последние два имени вычеркнуты Метнером.*

Аргамаков (вагнерианец, может хорошо писать, рекомендует Крахт).

Теория эстетики: Метнер, А. Белый, Лосский, Самсонов?, Шпет?, Эллис, Брюсов, Иванов, Ильин («ich'и» <?>), Топорков, Рачинский, Садовской?, Реми де Гурмон (берется Эллис через Веселовскую и Крахт), Elis Faure (лично знает Крахт, выдающийся французский теоретик), Жилкэн.

Этика, эстетика, религия: Гиппиус, Философов, Мережковский, А. Белый, Розанов, Бердяев, Франк*, кто?

История литературы и культуры (русской): Брюсов, Соловьев, Садовской, Эллис, Гершенсон, Корш, Лернер, А. Смирнов, А. Крайний, Мережковский, Ходасевич, А. Белый, и пр. (легко); (немецкой): Метнер, Киселев, Шик, В. Гофман, А. Лютер, Рачинский (?); (французской): Мокель, Жилкэн, Мальё, Гурмон, Elis Faure.

Если интересная статья по философии общего характера — можно.

Прочие сотрудники для укомплектования, рецензий, прозы, стихов, публицистики и прочее. Не приглашаем, ожидая Ваших писем.

Теперь вместо делового изложения передаю резюме разговора с Гершенсоном (представитель группы «Вех»[10]). *Я.* Вы бы не отказались сотрудничать в журнале, посвященном вопросам культуры и искусства, где Метнер редактор, я же при<ни>маю участие близкое. *Гершенсон.* Очень бы согласился, поговорив с Метнером; мы недовольны Лурье, «Р<усской> Мыслью», все лето искали денег на журнал, посв<ященный> культуре. *Я.* Нам нужен Зелинский, может быть Бердяев, Франк. *Г<ершенсон>.* Если журнал «*Мусагет*», все примут за продолжение «*Руна*»; профессора никто не пойдет; мы же сначала посмотрим первые книжки. *Я* (думая про себя). Если профессора и «*идеалисты*»[11] откажутся дать вначале подписи, декадентская братия устроит «*бойкот*», увидев имена из «*Весов*»; если дадут, всецело с нами Иванов и Мережковский. *Гершенсон.* Послушайте: дайте нам в журнале постоянный отдел, — т. е. мне, Франку, Струве, Бердяеву; Зелинский наш друг; мы привлечем Вам профессоров; так же сотрудничать мы будем остерегаться: сначала посмотрим; лично к Вам у меня

* *Имя вычеркнуто Метнером.*

великолепное отношение, но, например, в «*Весах*», в «*Руне*» мы не стали бы писать. *Я.* Позвольте прочесть мою краткую статью «Проблемы культуры» (я написал на этих днях такую, излагая свой взгляд на журнал)[12]. *Г<ершенсон>.* Пожалуйста. *Я* (читаю). *Гершенсон:* Согласен с Вашим тезисом вполне; по темам Ваша идея — наша идея, т. е. моя, Франка, Струве, Бердяева, Булгакова; мы могли бы сотрудничать, привлечь Вам кого нужно, но: дайте 1) нам отдел страниц в 40–50 в месяц (если журнал 200 стр.); Вы и Ваши будете тоже здесь писать, но организацию поручите нам.

Итак, «*идеалисты*» предлагают *блок* с нами, гарантируя нам то, на что мы сейчас спорно рассчитываем; взамен просят отдел. Гершенсон утверждает, что 1) при согласии на дефицит около 15 тысяч (200 страниц) можно и должно положить: за прозу (минимум) 100 рублей лист; за статьи 80 рублей лист.

После этого разговора мы говорим с Петровским.

Я. Идеалисты предлагают обоюдовыгодную сделку, но с ними придется идти на компромисс, опасно их впустить; но при редакции Э. К. всегда их можно впоследствии выжать. *Петровский:* И они уйдут с «*письмом в редакцию, уводя за собой профессоров*»; кроме того: они, как клетчатка, имеют свойство разбухать и все заполнять: вспомните «*Новый Путь*»; и потом, разрастание клетчатки производит «раковые болезни»: опасное соседство, но с другой стороны, как ни хитри, а если рассчитываешь на видоизмененный сравнительно с типично «*декадентскими*» журналами журнал, без них не обойтись. *Я.* Для реальной политики литературной они нужны; они — маска, за которой мы пока можем спрятаться; из-за идеалистического камня можно впоследствии сделать наш прыжок на русское общество. *Петровский.* Да, но опасно, опасно: впрочем, журнал, посв<ященный> культуре, без идеалистов, а с профессорами (Зелинский, Ольденбург, Лосский и др.) и декадентами в России сейчас осуществился бы, если бы мы имели бы *втрое более средств*; пока же «*идеалисты*» могут быть посредниками; пишите Э. К., это — обоюдоострый шаг. (Таков смысл нашего долгого разговора).

Подумайте теперь Вы: вообще Ваше присутствие необходимо; Вы бы могли уехать потом; *все мы* нужнее пока здесь; ведь каждый день приносит «*реальные*» неожиданности; невозможно сноситься.

Пока *Гершенсон* осведомлен, интересуется, ждет Вас.

Еще надо сказать 1) Крахт обещает три теоретические статьи по живописи в связи с культурой; 1) Об ассирийской и египетской скульптуре, 2) Импрессионизм и скульптура, 3) Россо (чрезвычайно интересный, мало известный художник); если еще в год 3–4 статьи Бенуа, 2 Грабаря, то 3 + 4 + 2 = 9 статей. Крахт рекомендует одного русского из Парижа знатока «*Салонов*»[13]; мог бы в год 1, 2 статьи по вопросам соврем<енного> парижского искусства (теоретическая в связи с выставками).

Еще раз, Эмилий Карлович: приезжайте. Ведь это — 1/10 того, что нужно писать; но не могу, рука отваливается; пишу Вам уже 3 часа (часы драгоценны: ведь я весь в делах по журналу, по изданию «*Арабесок*», и кроме того: пишу «*Голубя*»).

Эллис же Вам пишет ли так подробно?

Залог, кажется, вносить не нужно (наверное). *Гершенсон* советует: юридически оформить акт с издателем; далее он говорит, что известная сумма денег на Ваше имя (предпол<ожительная> стоимость журнала) должна быть положена в банк.

В случае, если издатель *среди года* вдруг откажется издавать, скандал перед подписчиками: скажут, Эллис режет книги; Метнер и Белый обманывают подписчиков.

П*ишу это, не зная издателя.*

Родной, спасибо Вам — да хранит Вас Свет.

Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 6. Помета синим карандашом: «LX».

[1] Ср. сообщение в недатированном письме Эллиса к Метнеру (сентябрь 1909 г.): «Название и изда<тельс>тва и журнала мы придумали. Оно — „Плейяды“. Последнее ставит их в *далекую* связь с „Весами“, звучит красиво, изысканно, но не кричаще, соответствует общему настроению и ничего не предрешает» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 17). В последующей практической деятельности издательства «Мусагет» предложенное название осталось неиспользованным, однако получило некоторую огласку в литературной среде; так, З. Н. Гиппиус писала Белому 1 декабря 1909 г. из Петербурга: «...были слухи, что и вы оттуда <из „Весов“. — *Ред.*> уходите, основывая свой журнал „Плеяды“» (РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6).

[2] Речь идет об издательстве «Альциона» (см. примеч. 5 к п. 167); оно располагалось по тому же адресу, что и «Мусагет» (см. примеч. 2 к п. 169).

[3] См. п. 171, примеч. 13.

[4] См. примеч. 13 к п. 163.

[5] Здесь Белый, видимо, подразумевает свое письмо к Метнеру (п. 171), насыщенное претензиями по адресу Эллиса, которое было отправлено адресату по оплошности автора лишь год спустя.

[6] См. п. 163, примеч. 11.

[7] См. примеч. 10 к п. 167.

[8] Жерар де Нерваль в 1843 г. совершил путешествие в Египет, Ливан и западные районы Турции, результатом чего стала книга путевых очерков «Сцены восточной жизни» («Scènes de la vie orientale», vol. 1–2, 1850. 3-е издание под названием «Путешествие на Восток» — «Voyage en Orient», 1851). См. новейший русский перевод М. Е. Таймановой: *Нерваль Жерар де.* Путешествие на Восток. М., 1986.

[9] А. П. Иванову принадлежит только одна статья на вагнеровскую тему, опубликованная в «Мире Искусства», — «Логэ и Зигфрид» (1904. Т. XII. № 6. С. 128–146).

[10] М. О. Гершензон был инициатором издания «сборника статей о русской интеллигенции» «Вехи», вышедшего в свет в московском издательстве В. М. Саблина в середине марта 1909 г. и к сентябрю 1909 г. переизданного дважды.

[11] Это определение приобрело специфический смысл в отношении прежде всего участников сборника статей под редакцией П. И. Новгородцева «Проблемы идеализма» (М., 1902): С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. А. Аскольдов, С. Н. Трубецкой и др.

[12] Статья «Проблема культуры» впервые опубликована в книге Андрея Белого «Символизм» (М.: Мусагет, 1910).

[13] Подразумеваются парижские художественные общества и устраиваемые ими регулярные выставки (Весенний салон, Осенний салон).

173. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

14 (27) сентября 1909 г. Веймар

Веймар 27/IX 909.

Вы называете меня «бесценным», милый Борис Николаевич! «Бесценны» — Вы, Вы и притом не только для меня и в моих глазах, но *вообще*. Спасибо, спасибо за хлопоты и донесения. Только напрасно Вы затрудняете себя подробностями и тратите время. Впрочем, утешаю Вас: если бы я был в Москве, мы истратили бы еще больше времени. Я бы раздражался. Вообще все, чтó происходит в Москве, должно иметь место, но я чую, что необходимо мое отсутствие из Москвы и присутствие в Веймаре (на днях буду говорить с Ферстер, Гастом и другими). — Из письма Вашего,

пересланного мне сюда из Пилльница, усматриваю, что Вы моих писем еще не получили, я разумею двух огромных[1] в ответ на Ваши два огромных; но Вы не пишете, получили ли Вы мое маленькое письмо[2]. Впрочем, это — не важно. Важно в особенности мое второе письмо из больших, где я, между прочим, указываю на недоразумение с цифрою оборотного капитала журнала и заявляю, что издатель дает на журнал *12 тысяч* на первый год и по 10 тысяч на следующие, ото всякого остального риска, могущего произойти от недостаточной подписки, отказывается. За раз внести всю сумму нельзя, никаких *формально-юридических* обязательств я даже и не подумаю предлагать ему брать на себя; это было бы оскорблением: журнал просуществует 1 год во всяком случае, parole d'honneur* и крышка; я никогда не вхожу ни в какие отношения с не-джентльмэнами. — Блок с идеалистами на предлагаемых ими условиях немыслим; это даже комично звучит: «Вы и ваши будете тоже писать, но организацию поручите нам». Франк, Струвэ, Бердяев, Булгаков мне просто до глубины души противны. Если все будет продолжаться в том же духе, то я вовсе не приеду в Москву и *никакого* журнала не будет. — Если моя идея — идея Франка и Бердяева, то я сейчас же выброшу эту «идею» в окно и найду себе другую. — Простите, что я сержусь; мне лично ничего не надо: я одинокий особый тихий и несчастный человек; в крайнем случае, я готов уехать на земскую службу в провинцию или вести скромнейшую жизнь в Веймаре, пописывая и переводя; но раз Вы меня вытаскиваете за волосы на общественно-литературную арену, то Вы должны... иметь дело и считаться не только с моими Вами мне приписываемыми достоинствами, но и с угловатостями, недостатками, инстинктами, предубеждениями, ни на чем не основанными, но очень резкими... — Я готов для Вас для того, чтобы Вы (и Эллис) могли жить и высказываться, попытаться склонить издателя к журналу несмотря на то, что редактором буду не я, а Вы сами или Рачинский (как примирительный путаник нераспутанных клубков «наших», «ваших», «ихних», «декадентских», вульгарно-либерально-идеалистических, пономарско-кантианских и других «идей»); но *редактировать* журнал, организованный глубоко

* Честное слово (*фр.*).

чуждыми мне людьми, устраивать государство в государстве, нечто вроде католической церкви или иезуитского ордена, стремящихся поглотить и ослабить политическое тело, в кот<ором> они поселились, — на такие компромиссы я просто неспособен; и все это из-за каких-нибудь двух-трех профессорских статей! К черту профессоров, если они, болваны этакие, не понимают, что Бугаев стоит больше, нежели все армии идеалистических просвирен, хаотических просветителей и мистических гримасников. Я не думаю, что издатель согласится, чтобы редактором был не я, но я-то, конечно, согласился бы, если Вы и другие находят, что блок с идеалистами на предлагаемых ими несколько унизительных для нас условиях — неизбежен. Я всего этого не вижу и не понимаю. Журнал может быть небольшой. Помещать можно и хорошее переводное, согласное с нашими (подлинно — нашими) идеями. Писать будут Вы, еще раз Вы, Эллис, я; далее большой музыкальный отдел, где будут помещаться и Колины[3] афоризмы, и статьи Конюса, Катуара; далее художники Бенуа, Крахт, Владимиров, Макс Волошин; далее иностранцы; далее философы Шпетт, Степпун, Адемар Гелб (ученик Штирнера); далее Брюсов, Соловьев, Киселев, Нилендер и другие москвичи из Весов; далее Вячеслав Иванов, Мережковский, Гиппиус… чего же больше. Пусть нас называют как хотят. Лучше попытаться пробиться, сохраняя свою индивидуальность. Не пойдет — не надо. Но, впрочем, я уступаю (ибо не осведомлен ни в чем: *вчера только* узнал, что открыли северный полюс и что канцлер Бюлов пал[4]). Пусть Анюта[5] посмотрит помещение *Руна*; я ничего не имею против. Комитетом я признаю только *Вас*, *Эллиса* и *Петровского*. Я буду советоваться и с Рачинским, и с Кожебаткиным, и с Брюсовым, и со Шпеттом, но для комитета достаточно *троих*. За название *Мусагет* я не стою, хотя и не понимаю, чем *Плеяды* лучше; но почему же не *Культура? Против* «Плеяд» — ничего не имею, если Вам и Эллису они более по вкусу, чем мои названия. *Кто выдумал Плеяды*??? NB?? — Против «орла со змеей» *решительно* протестую как ***редактор***; но как ближайший сотрудник — молчу… в знак… уступки… ***Клянусь небом!*** Сегодня ночью видел белую змею, у которой брюхо было раздуто: это *змея* съела *орла*! Просыпаюсь, передо мною почталион с Вашим письмом; вскрываю и вижу марку! Сон в руку!! Обнимаю Вас. Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 14. Ответ на п. 172.

[1] Имеются в виду п. 169 и 170.

[2] Имеется в виду п. 168.

[3] Н. К. Метнер.

[4] Американский исследователь Арктики Роберт Эдвин Пири с четырьмя спутниками достиг Северного полюса 6 апреля 1909 г. Отставка германского рейхсканцлера князя Бернхарда фон Бюлова была принята 14 июля 1909 г.

[5] А. М. Метнер.

174. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

22 сентября (5 октября) 1909 г. Веймар

⊕ Weimar 5/X 909.

Надеюсь, дорогой мой Борис Николаевич, что Вы отвечаете мне на письмо мое от 27-го сент<ября> нов. ст.? Ибо это письмо я считаю окончательным решительным бесповоротным и исчерпывающим вопрос. Говорю *исчерпывающим* потому, что в сущности это одно и то же, издавать ли маленький журнал или несколько альманахов: одно и то же — в смысле денежном (если иметь в виду, как это делает издатель, только расходы; доходы же считать подарком судьбы, на котором строить какие-либо расчеты «негоже»). Эллис написал мне письмо, где доказывает, что журнал, хотя бы малюсенький, необходим. *Я не знаю*; не берусь судить, т<ак> к<ак> далеко стою от литераторской биржи. Эллис полагает, что Вы, Андрей Белый, первый, который через два месяца возопиет о невозможности немедленно отзываться на вопросы дня. Эллис сравнивает журнал с кавалерией, сборники с пехотой и книги с артиллерией и говорит, что необходимы все три рода оружия[1]. Я лично имею только одно возразить против отказа от журнала; именно: если *Аполлон* или *Шиповник* укрепятся за 1910 г., то нам уже не придется издавать журнала вплоть до нового кризиса[2]. Если Вы *этого* не боитесь, то я вполне согласен на выпуски сборников. Ведь Вы же наверное помните, что я постоянно (не имея в виду *одновременного* падения *обоих* журналов нового направления) твердил, что надо начинать не с журнала, а с книг и альманахов.

Итак, вопрос исчерпан... На Ваше рассуждение о работе «во имя свое» и для «света» отвечу, что оба мы (и издатель, и я) имеем в виду «свет», но я должен был в своих письмах подчеркнуть цель нашего материального благосостояния (необходимого для плодотворной «службы в деле Света»), должен был подчеркнуть оттого, что ясно видел, как Вы поддаетесь напору литературной артели, ищущей работы, а не «света». Я посетил здесь моих знакомых. Старушка Ницше смеялась, когда я приглашал ее, и сказала мне, что сделала все, что нужно было, и больше вообще писать не будет. Петер Гаст опять (к сожалению) бросился на музыку и переинструментовывает свою плохую оперу[3], которую (увы!) хвалил Ницше и ставил в противовес Вагнеру. Печально. Гаста ждет жестокое разочарование. Ницше погубил его своими похвалами. Гаст отказывался писать, говоря, что теперь он опять музыкант; впрочем, сказал, что подумает. Hegeler, у которого я вчера ужинал, обещал почти наверное статью о Гоголе... В Веймаре есть пастор Шмидт (той церкви, где проповедовал *Гердер*), который *с церковной кафедры* назвал Ницше — предтечей второго Христа. Каково!!! Положим, дух этой церкви всегда был антиортодоксален; Гердер тоже говорил в ней об Uebermensch'e*. Я приеду к первому русского октября непременно; раньше было бы очень трудно: я немного расхворался; мне надо дня два-три отдохнуть, а затем придется пробыть в Берлине дня два. Если мое присутствие необходимо сию секунду, то телеграфируйте. Нельзя ли Эллиса куда-нибудь отправить в деревню к Сереже или к сестре Рачинского??[4] На один месяц. Не говорите Анюте[5], что я нездоров. Неврастенический припадок в связи с легкой простудой. Я ничего не могу делать, но на ногах и даже выхожу, т<ак> к<ак> тепло. Обнимаю Вас. Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 15.

[1] В недатированном письме к Метнеру (середина сентября н. ст. 1909 г.) Эллис утверждал: «По вопросу о журнале я категорически заявляю, что интимный (100 стр.) журнал необходим. *Причины*:

1) Нужны все роды оружия:
   1) артиллерия — изд<ательст>во,
   2) кавалерия — журнал,
   3) пехота — сборники теории и прозы. <...>

---

* Сверхчеловек (*нем.*).

5) Интимный журнал в аккорде с изд<ательс>твом и сборниками совсем другое дело, чем просто один голый журнал» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 20).

[2] Метнер исходит из предположения, что издательство «Шиповник» начнет с 1910 г. выпуск журнала. Под «кризисом» понимается положение дел в литературной жизни, сложившееся в связи с прекращением в 1909 г. издания двух крупнейших модернистских ежемесячников — «Весов» и «Золотого Руна».

[3] Имеется в виду комическая опера в трех актах Петера Гаста «Венецианский лев» («Der Löwe von Venedig»), впервые поставленная в Данциге в 1891 г. под названием «Тайный брак» («Die heimliche Ehe»); последующие ее постановки состоялись лишь в 1930 г.

[4] С. М. Соловьев и Анна Алексеевна Рачинская (1855–1916), владелица имения в Бобровке Тверской губ. (ст. Оленино Виндавской жел. дор.). Ранее Белый жил там в феврале — марте 1909 г.

[5] А. М. Метнер.

175. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Конец сентября ст. ст. (первая половина октября)? 1909 г. Москва

Милый, милый, милый Эмилий Карлович,

сию минуту получил Ваше письмо; спешу ответить; за эти дни накопилось чрезвычайно много событий, в корне остановивших наши планы до снесения с Вами.

1) Мнения раскололись, часть стоит за журнал, у меня же идея иного рода; и вот какая:

2) На 12 тысяч можно *вполне* издавать журнал сериозный (маленький), но без беллетристики; если так, то — почему издавать журнал. *Слушайте мою идею*: однажды совершенно случайно «*Шиповник*» издал книгу о театре, сгруппировав вокруг одной темы ряд статей[1]; группировали жиды — случайно, небрежно, но только потому, что получилась *книга о театре* (плохая, хорошая ли — это другой вопрос), она отмечена в «летописях» литературы: спрос на нее был большой, потому что она хотела подвести итог и направить внимание. Теперь: если у нас есть десять тысяч на книгоиздательство, то мы можем истратить на книги тысяч 6–7; прочие же 3 или 4 тысячи + 3 или 4 тысячи из денег на журнал (7, 8 тысяч) употребить на ряд сериозных выпусков по культуре и истории культуры, расположив в порядке эти выпуски;

например: I выпуск «*Культура и искусство*». II выпуск — Культура Греции. III — Греция и современность (Ницше, Роде и т. д.). IV — Культура и миф (Вагнер, Парсифаль, R + K[2]). Я имею тысячу веских соображений против журнала (до 1911 года) и за выпуски; изложить всё можно лишь при личном свидании: ждем, ждем, ждем ⊕[3]

Будь *журнал* или *выпуски, то* и *другое* требует многочисленной подготовки; без Вас *нельзя*; все стало оттого, что вопрос о журнале, или выпусков, ждет Вас. Интимные и официальные доводы за *выпуски* я не могу изложить в письме; а есть веские доводы, что, приступи мы к серии выпусков, мы возьмем дирижерскую палочку культуртрегерства в России в свои руки; ученые, нам нужные, все будут писать в выпусках, а в журнале — нет. Далее: этими выпусками мы ставим точку на предшествующей эпохе *модернизма*; с 1911 года мы начинаем уже абсолютно новую линию.

Лучшие силы Университета благосклонно и доверчиво уже относятся к идее выпусков (я уже щупал почву): так возможен блок лучших символистов с лучшими профессорами; мы можем, пользуясь ученым материалом, в своих статьях рядом давать *наш курс*.

В Москву перевели профессора Новосадского[4]; это второй подлинный специалист и наш по затаенным взглядам профессор филологии (знаток орфизма и мистерий); он не только обещал свое фактическое участие и совместную работу, но и обещал привлечь Тураева (известного и за границей египтолога), далее обещал, если понадобится, снестись с немецкими учеными; первое, что он сказал, узнав, что есть план выпусков: «*Культура и мировоззрение*»: — «*Надо бы, чтобы была статья, посвященная Эдвину Роде*». Но ведь это же наш план; далее, молодые моск<овские> философы все бы писали у нас; наконец: сор, т. е. рецензии, обзор журналов при этом — отпадает; все 175 стр. (до 200) отдельного выпуска посвящены сериозным статьям; лично я готов для каждого выпуска писать, где могу, сериозную статью, т. е. мы можем расправить крылья; несомненно, что к 1911 году у нас будет уже определенный круг читателей; *тогда* перейти на журнал можно; сейчас же на 12 тысяч по смете можно вести без риска журнал в 108 страниц, где 8 стр. — стихи, 40 стр. — проза, 30 стр. — музыка, 20 — рецензии, обзоры, живопись; итого — 98 страниц. Остается

10 страниц на сериозные статьи; причем для того, чтобы журнал вышел интересным, бремя рецензий и мелких заметок, хлопоты по технике берем мы. А ответственность перед читателями?

С идеей выпусков обстоит иначе: выпускаем лишь столько, сколько хватит 1) материала, 2) средств и в разные сроки: от 5 до 8 выпусков. Сумма страниц 175 × 8 = 1340 страниц в год сериозного материала: есть где расправить крылья за сериозным, не публицистическим трудом.

Теперь; с выпусками не нужно сложного хозяйства журнала, книг, обмена и пр. Мы выгадываем на всем этом несомненно тысячи 2000 <*так!*> минимум; если выпуск по 1000 рублей, то 8 вып<усков> — 8000 тысяч + 7000 тысяч на книги; у нас остается тысячи 3000 рублей (от двадцати тысяч) + к концу года вернувшиеся деньги за проданные книги (скажем, 7000 тысяч); итого у нас к концу года 10 000 тысяч; эти деньги мы часть кладем в фонд книгоиздательства (5000), часть прикладываем к журналу: 10 000 + 5000 = 15 000; имеем возможность в 1911 году начать журнал уже с наверное 1000 подписчиками, с штатом сотрудников по выпускам и с 15 000 тысячами средств. Поняли мою идею?

За это время у нас есть возможность подвести итог прошломy и уже начать открыто вовсе новую линию.

Милый, милый Эмилий Карлович: у меня есть план провести нашу тонкую интимность в сериозной по виду и ответственной серии выпусков: труд предстоит громадный: продумать эту серию; для этого нужно не только извне продумать, но и стать твердою ногой на «общий остров» *общения*: имею Вам передать ряд фактов громадной важности, не учтя которых нельзя приступать к делу: дело важно и нужно: *выпуски* требуют еще большей разработки, чем журнал.

Далее: трио *Вы*, *Эллис*, *я* ныне предстает мне* в такой странной вуали, что я не могу, не поговорив с Вами *сериозно*, мечтать о начале дела без Вас.

Неспроста я, провожая Вас[5], чего-то боялся: многое за это время нарушилось; кое-что прибавилось утешительного; еще более обстала сериозность и грозность событий: инцидент с Эллисом

* Предстает мне *надписано над незачеркнутым*: обстоит

имеет грозную внутреннюю подоплеку[6]; «„*ils*“ *nous observent déja*»*. Многое в конструкции дела должно лечь на основании обсужденного с глазу на глаз и при закрытых дверях; без этого я отказываюсь начать действовать; о, если бы Вы прочли под этими словами предостерегающее обращенье: работать, — так всерьез и «*не во имя свое*», а если так, то что церемониться: Вы нужны *делу* здесь. Если *дело* — подспорье «*нам*», то «*мы*» принимаем эту помощь при условии, что «*наше*» — «*не только наше*»; если Вы скажете, что главное, чтобы «*мы*» имели возможность здесь и зарабатывать, я отвечу: «*мне*» лично нужен заработок для того, чтобы мое другое «*я*» могло сослужить службу в деле «*Света*».

Если Вы смотрите так, Вы скоро приедете.

Всё здесь «*сериознее*», чем кажется издали. Помните? Уже Вы, Ник<олай> Карл<ович>[7] и я — *есть*: пока между мной и *Н. К.* не появитесь Вы, до тех пор это «*есть*» еще потенциально: а уже времена близятся.

«*Главное*» (Δ), конечно, не идея нашего литературного предприятия, но от установления отношений между лицами, имеющими касание к ⊕ , зависит приток энергии *и в деле нашем*. На наше дело хочу смотреть, как на «*святое дело*»; не хотелось бы начинать, не «*благословясь*». А пока Ваше отсутствие плодит ряд химер вследствие Вам из заграницы «*не видных*» причин.

Об Эллисе у меня с Вами, у Вас с Ник<олаем> Карл<овичем>, у меня с Ник<олаем> Карловичем и у меня с «*x*» лицом[8] должны быть сепаратные сериозные разговоры: оставить его сейчас, и он погибнет.

Между прочим вам надо приглядеться к одному лицу, горячо взявшемуся за идею нашего предприятия; он тоже <?> — ⊕[9]. Не Петровский, конечно. Из Германии ныне едут «*они*»… …рыцари с опущенным забралом.

Поймите: в это время Москва центр (октябрь — ноябрь). Ваше отсутствие невозможно.

В случае постановки «*дела*» Вам уже в декабре можно ехать, куда хотите; важно быть не после, а теперь.

I. S. S. R.[10]

---

* «„Они“ уже наблюдают за нами» (*фр.*).

P. S. Пишите откровенно: если Вам обременительно все это чересчур, мы ликвидируем идею выпусков, но тогда... и журнала; я журнал без Вас на свою ответственность не беру: и имею веские основания...

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 8. Помета синим карандашом: «LXI».
Ответ на п. 173.

[1] Имеется в виду «Театр. Книга о новом театре» (СПб.: Шиповник, 1908). В сборнике опубликована статья Андрея Белого «Театр и современная драма» (С. 261–289), вошедшая в его книгу «Арабески» (1911).

[2] «Парсифаль» — «торжественная сценическая мистерия» Р. Вагнера (1882). «R + К» означает: «Rose + Kreuz» (*нем.*) — «Роза + Крест», эмблема розенкрейцерства; от имени этого тайного братства перед Белым тогда выступала А. Р. Минцлова (см.: *Глухова Е. В.* Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4, ч. 2. М., 2007. С. 215–240). Сведения о розенкрейцерстве, почерпнутые от Минцловой, Белый изложил в мемуарах (см.: *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 592).

[3] Символ Братства розенкрейцеров. Отказаться от начала издательской деятельности с выпуска журнала (а также и задуманных Белым сборников) было решено по возвращении Метнера в Москву в октябре 1909 г.

[4] Н. И. Новосадский, бывший в 1888–1906 гг. профессором кафедры греческой словесности Варшавского университета, в 1907 г. стал профессором кафедры эпиграфики Московского археологического института, в 1909 г. — профессором Московского университета.

[5] Подразумевается отъезд Метнера в Германию в конце июня ст. ст. 1909 г.

[6] См. п. 162, примеч. 2, п. 165, примеч. 2, 3.

[7] Н. К. Метнер.

[8] Подразумевается неизвестное тогда Белому по имени лицо, субсидировавшее организуемое издательское предприятие, — Хедвиг Фридрих.

[9] Скорее всего, подразумевается М. И. Сизов.

[10] Формула проясняется в письме А. Р. Минцловой к Белому от 17 июня 1909 г.:

«Передаю Вам, сейчас, священные Слова, основание и знак Ваш:

Ex Deo Nascimur
In Christo morimur
In *Spiritu Sancto* Renascimur.
E. D. N. / I. C. M. / I. S. S. R.»

(Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4, ч. 2. С. 247. Публикация Е. В. Глуховой). Этот латинский текст восходит к девизу розенкрейцеров: «Ex Deo nascimur. In Jesu morimur. Per Spirtum Sanctum reviviscimus» («От Бога рождаемся. Во Христе умираем. Воскресаем в Духе Святом»). Подробнее см. в указанной работе Е. В. Глуховой (Там же. С. 229).

176. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Октябрь — ноябрь 1909 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович!

Очень прошу Вас приехать в *среду* в Москву[1].

Есть безусловно важное сообщение о технике ведения всего нашего дела[2].

Ваш приезд и разговор с Брюсовым необходим. Иначе мы рискуем запутаться совершенно и остаться без денег до окончания года. Мой разговор с Брюсовым о технике ведения дела меня потряс. Если не приедете в среду, то позвольте мне приехать во вторник. Жду разговора по телефону с Вами.

Любящий Вас

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 9. Помета синим карандашом: «LXII».

[1] Метнер находился в это время в Изумрудном Поселке под Москвой. Указываемый день недели не установлен по причине приблизительности датировки письма (после приезда Метнера в Москву в начале октября ст. ст. 1909 г. и до отъезда Белого в Бобровку в конце ноября).

[2] Подразумеваются организационные дела, связанные с учреждением издательства.

177. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

Октябрь — ноябрь 1909 г. Изумрудный Поселок

Дорогой Борис Николаевич. Т<ак> к<ак> разговор по телефону затруднителен, а Вы все равно собирались к нам, то приезжайте во вторник к нам. Я предпочитаю в среду остаться здесь и приехать только в субботу. Это письмо передаст Вам Николай Иванович Сизов. Решительно недоумеваю относительно Вашего сообщения о разговоре с Брюсовым. Все это недоразумение или интрига. Конечно, первый год мы издадим меньше, нежели предполагали, но это ни до кого не касается. Если техническая постановка, организованная главным образом Кожебаткиным[1], окажется слишком невыгодной, мы к 1911 году ее изменим: вот и всё. И откуда Брюсов знает о постановке и о средствах нашего

издательства? Я ему об этом ничего не сообщал. Главное зло Москвы это излишние хаотические разговоры. Телефонируйте или попросите протелефонировать мою маму, к какому поезду Вам высылать лошадей, 12.30 или 4.50? Обнимаю Вас и жажду рассеять Ваши сомнения.

Ваш Э. Метнер.

P. S. Привезите, если можете, мои статьи с Вашими примечаниями[2].

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 8.

Ответ на п. 176.

[1] А. М. Кожебаткин с осени 1909 г. принял на себя секретарские обязанности в новом издательстве.

[2] Статьи Метнера на музыкальные темы, опубликованные в «Золотом Руне» и готовившиеся к изданию отдельной книгой (см. п. 163, Приложение 2, примеч. 13).

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ЭМИЛИЙ МЕТНЕР
ПЕРЕПИСКА
1902–1915
ТОМ 1
1902–1909

Редакторы
А. Лавров, Т. Павлова
Корректор
С. Крючкова
Дизайнер
Е. Поликашин
Компьютерная верстка
Д. Макаровский

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953 000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
„НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ“»
Адрес издательства:
123104,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495)229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 46,5. Тираж: 1000. Заказ № 7509.
Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Э. К. Метнер в мундире чиновника Министерства внутренних дел. Начало 1900-х гг.

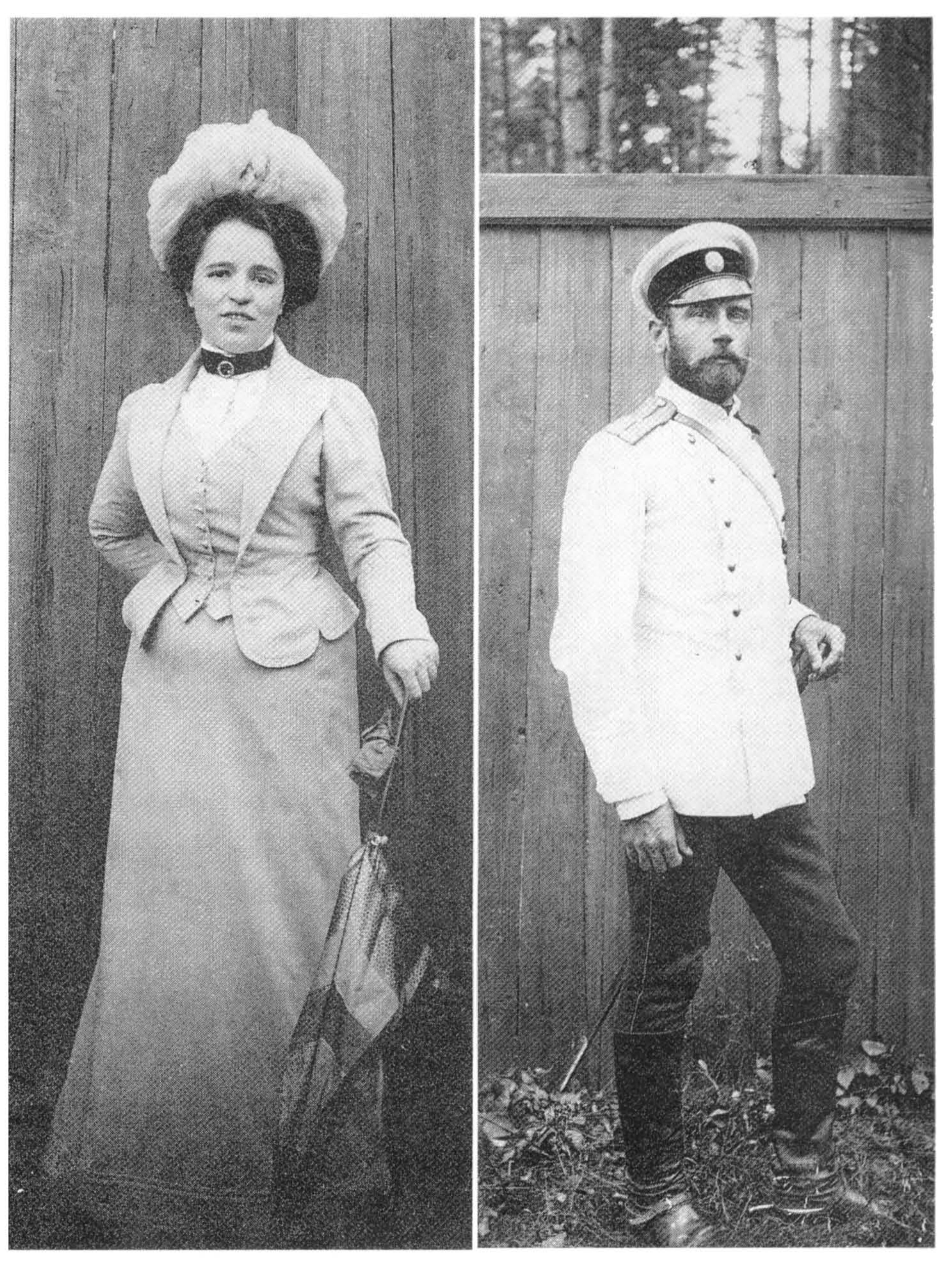
Анна Михайловна Метнер (урожд. Братенши). Начало 1910-х гг.

Э. К. Метнер. Начало 1910-х гг.

Э. К. Метнер. 1900-е гг.

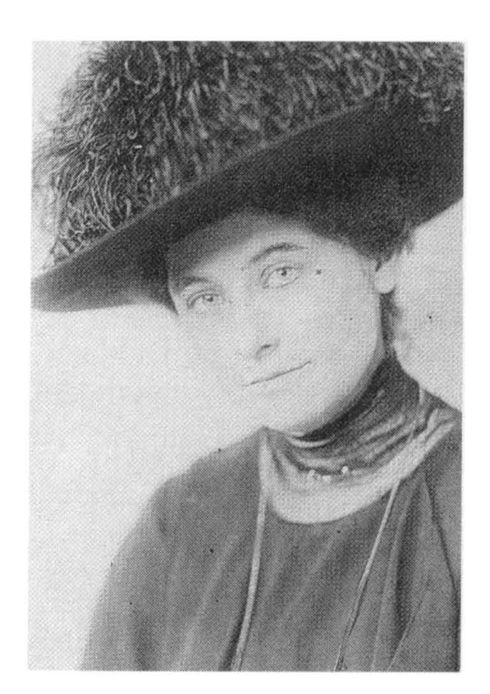

А. М. Метнер. Около 1900 г.

Э. К. Метнер. Около 1900 г.

Н. К. Метнер, А. М. Метнер, Э. К. Метнер. Около 1904 г.

Хедвиг Фридрих

Э. К. Метнер, Андрей Белый, А. М. Метнер. Изумрудный Поселок, 1908 г.
Отдел рукописей РГБ

Э. К. Метнер. 1910-е гг.

Э. К. Метнер. Около 1912 г.

Слева направо: Э. К. Метнер, Н. К. Метнер, А. М. Метнер, Андрей Белый, пианист Н. В. Штембер. Изумрудный Поселок, 1908 г.

Э. К. Метнер. Около 1915 г.

Переписка Андрея Белого (1880–1934) с философом, музыковедом и культурологом Эмилием Карловичем Метнером (1872–1936) принадлежит к числу наиболее значимых эпистолярных памятников, характеризующих историю русского символизма в период его расцвета. В письмах обоих корреспондентов со всей полнотой и яркостью раскрывается своеобразие их творческих индивидуальностей, в них прослеживаются магистральные философско-эстетические идеи, определяющие сущность этого культурного явления. В переписке затрагиваются многие значимые факты, дающие представление о повседневной жизни русских литераторов начала XX века. Важнейшая тема переписки – история создания и функционирования крупнейшего московского символистского издательства «Мусагет», позволяющая в подробностях восстановить хронику его внутренней жизни. Лишь отдельные письма корреспондентов ранее публиковались. В полном объеме переписка, сопровождаемая подробным комментарием, предлагается читателю впервые.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ISBN 978-5-444-80685-2

9 785444 806852